This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Digitized by Google

~~Slav. 25 E. 10~~
Confined to Library

PG3334.L28.A1.1858
(7-8)

Digitized by Google

302577280W

R

Digitized by Google

Digitized by Google

СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

И.И. ЛАЖЕЧНИКОВА.

ТОМЪ VII.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЯКОВА ТРЕЯ.

1858.

Digitized by Google

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.
Санктпетербургъ, 12 сентября 1857 года.

Цензоръ *В. Бекетовъ*.

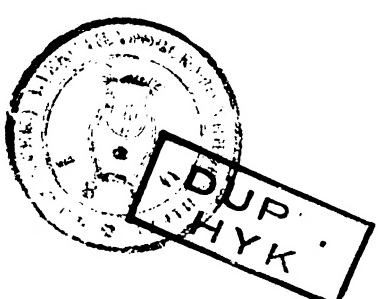
ИЗДАНІЕ КНИГОПРОДАВЦА П. И. КРАШЕНИННИКОВА.

Digitized by Google

БѢЛЕНЬКІЕ, ЧОРНЕНЬКІЕ

И

СѢРЕНЬКІЕ.



Digitized by Google

Digitized by Google

БѢЛЕНЬКІЕ, ЧОРНЕНЬКІЕ

И

СѢРЕНЬКІЕ.

Подъ этимъ заглавіемъ выдаю исторію одного семейства и портреты нѣкоторыхъ его современниковъ. Семейство это зналъ я съ первыхъ годовъ моей юности. Послѣдній представитель его, Иванъ Максимовичъ Пшеницынъ (вымышленная фамилія, какъ и всѣ прочія, упоминаемыя въ этомъ временникѣ), умеръ въ концѣ прошедшаго года, назначивъ меня своимъ душеприкащикомъ. Разбирая его бумаги, я нашолъ въ нихъ нѣсколько рукописныхъ тетрадей, хранившихся вмѣстѣ подъ

Digitized by Google

одной обложкой, на которой была затѣйливая надпись: «*Бѣленькіе, Чорненькіе и Сѣренькіе — списаны на поученіе и удовольствіе моихъ потомковъ.*» Каждая тетрадь носитъ свое собственное заглавіе и имѣетъ свое содержаніе. Такъ въ первой идетъ разсказъ о жизни семейства Пшеницыныхъ въ *Старомъ домѣ;* во второй помѣщены портреты *Замѣчательныхъ городскихъ личностей;* третья, подъ заглавіемъ: *Соляной Приставъ;* въ четвертой опять описаніе жизни семейства Пшеницыныхъ въ *Новомъ домѣ;* за тѣмъ описаніе ихъ жизни въ *деревнѣ,* со включеніемъ портретовъ *Замѣчательныхъ деревенскихъ личностей,* и такъ далѣе. Всѣ тетради составлены изъ разныхъ лоскутковъ, беспорядочно сшитыхъ.

Списаны на поученіе и удовольствіе потомковъ? думалъ я: слѣдственно авторъ желалъ, чтобы, по смерти его, рукопись была издана. Воля покойника священна для душеприкащика его. Исполняю эту волю, какъ полагаю, лучше.

Кажется, сочинитель временника желалъ, но, вѣроятно, не успѣлъ или полѣнился соединить свой разсказъ въ болѣе стройное цѣлое. Это замѣтно изъ того, что онъ далъ всѣмъ тетрадямъ одно общее заглавіе; сверхъ того, въ описаніяхъ

Digitized by Google

современниковъ его нерѣдко упоминается о томъ или другомъ изъ членовъ семейства Пшеницыныхъ, имѣвшихъ съ самими оригиналами портретовъ сношенія и связи. Въ подлинной рукописи оказывались пробѣлы, возбуждавшіе нѣкоторые занимательные вопросы о характерѣ и жизни Пшеницыныхъ. Для разрѣшенія этихъ вопросовъ я обращался къ собственнымъ своимъ воспоминаніямъ, такъ какъ многія событія, касающіяся этого семейства, проходили передъ моими глазами. Все это, гдѣ нужно и возможно было, связалъ я и дополнилъ собственными замѣтками и дорисовкой, какъ живописецъ склеиваетъ и подправляетъ старыя картины, въ разныхъ мѣстахъ прорванныя. Такимъ образомъ составилъ я нѣчто цѣлое, сколько позволила мнѣ форма, въ которую авторъ облекъ свои произведенія. При сочиненіи оставилъ я названіе, данное ему самимъ завѣщателемъ, по пословицѣ: «всякій баронъ имѣетъ свою фантазію». Объ Иванѣ Максимовичѣ говорю въ третьемъ лицѣ, какъ и онъ говорилъ о себѣ. Можетъ быть, въ трудѣ моемъ и видны бѣлыя нитки: чтожъ дѣлать? я выполнилъ его по разумѣнію моему и по возможности.

Представляю этотъ сборникъ суду читателей, какъ издатель и отчасти авторъ его. Прошу пом-

Digitized by Google

нить, это не романъ, требующій болѣе единства и связи въ изображеніи событій и лицъ, а временникъ, не подчиняющійся строгимъ законамъ художественныхъ произведеній.

Необходимо еще оговорить, что онъ начинается съ послѣднихъ годовъ XVIII столѣтія и доходитъ до двадцатыхъ годовъ XIX-го. Какъ видите,

Дѣла давно минувшихъ лѣтъ!

Digitized by Google

ТЕТРАДЬ I.

ВЪ СТАРОМЪ ДОМѢ.

Иванъ Максимовичъ Пшеницынъ родился въ уѣздномъ городкѣ Холодиѣ. Вы не найдете этого города на картѣ. Однакожъ, для удобности разсказа, я помѣстилъ его верстахъ во ста отъ Москвы. Хоть эта уловка похожа на хитрость, кажется, страуса, который, чтобъ укрыть себя отъ преслѣдованій охотниковъ, прячетъ свою голову и туловище въ дупло, а оставляетъ хвостъ наружу; но, не смотря на то, что въ вымышленномъ названіи мѣсторожденія Пшеницына видѣнъ хвостъ, я все-таки, по нѣкоторымъ уважительнымъ причинамъ, прячу лицо въ это дупло.

Иванъ Максимовичъ помнилъ изъ первыхъ годовъ своего дѣтства жизнь въ этомъ городкѣ, на Запрудьѣ, въ каменномъ одноэтажномъ домикѣ, съ деревянною ветхою крышей, изъ трещинъ кото-

Digitized by Google

рой, на зло общему разрушенію, пробиваются кое-гдѣ молодыя березы. Она испещрена наросшимъ на нее мохомъ разныхъ цвѣтовъ. Верхи стѣнъ окаймлены зеленью плѣсени въ видѣ неровной бахромы. Въ окнахъ желѣзныя рѣшотки. Когда мальчикъ впослѣдствіи перешолъ на новое жилище, ему долго еще чудились жалобные стоны отъ желѣзныхъ ставней, которыя такъ часто, на яву въ темные вечера и сквозь сонъ, заставляли жутко биться его дѣтское сердце. Памятенъ ему былъ даже сиплый лай старой цѣпной собаки и домикъ ея у воротъ, такой же ветхій, какъ и господскій. Увидавъ мальчика, она съ визгомъ бросалась къ ногамъ его и лизала ему ручонки, забывая сытную подачку, которую онъ приносилъ ей отъ своего стола. Въ комнатахъ темно, пахнетъ затхлымъ, мебель старая, неуклюжая, обитая чорною кожею; всѣ принадлежности къ дому разрушаются, заборы кругомъ если не совсѣмъ прилегли къ землѣ, такъ потому, что подперты во многихъ мѣстахъ толстыми кольями. Домъ стоитъ на огромномъ пустырѣ. Сзади, на нѣсколько десятковъ саженъ, ямы и рытвины, изъ которыхъ, вѣроятно, много лѣтъ добывалась глина. За то далѣе какой чудный видъ изъ двухъ калитокъ, обращонныхъ на западъ и поддень! На возвышеніи

Digitized by Google

кругомъ въ два ряда высятся къ небу столѣтнія липы: онѣ съ воемъ ведутъ иногда споръ съ бурями и, не смотря на свою старость, еще не сломили головы своей. — Это стонетъ змѣй Горынычъ, который провалился тутъ сквозь землю — говорила няня, употребляя орудія страха, въ числѣ прочихъ своихъ убѣжденій, чтобы неугомонное дитятко перестало возиться и заснуло. Отецъ же сказывалъ, что тутъ былъ просто на просто прудъ, давно высохшій и давшій цѣлому кварталу города названіе Запрудья.

Далѣе видно поле. Въ иную пору года подернуто оно зеленымъ бархатомъ, въ другую появляется на немъ роскошная жатва въ ростъ человѣческій. Малютка любуется, какъ вѣтеръ по ней то бѣжитъ длинною струею, то, играя, вьетъ завитки, то гонитъ волны перекатныя или облако цвѣтной пыли, обдающей его какою-то благоуханною свѣжестью. О! какъ весело мальчику броситься и утонуть въ густой ржи! какъ онъ нѣжится въ этомъ лѣсу колосьевъ! Но вотъ зардѣлась вечерняя заря. Будто на небѣ гдѣ-то распахнулись настежъ ворота и понесло черезъ нихъ холодкомъ; роса пала на землю, жаворонки замолкли; за то закудахтали перепела, загорѣлся неугомонный крикъ дергачей. Таинственно выходили

Digitized by Google

изъ калитки дядька Ларивонъ и барченокъ, какъ онъ называлъ своего питомца, хотя Ваня только сынокъ купеческій. Будто крадутся они отъ людей для какого-нибудь худаго дѣла, ныряя въ глиняныхъ ямахъ и рытвинахъ, помимо протоптанныхъ дорожекъ. Вотъ показалась темная полоса и надъ нею переливается золотистая поверхность; еще далѣе, и для Вани закрылся румяный горизонтъ — онъ ничего не видитъ, кромѣ стѣны высокой жатвы. Дядька даетъ ему знакъ, чтобы онъ присѣлъ, а самъ заботливо устраиваетъ западню. Ваня садится на корточки, притаивъ дыханіе. Засвистала дудочка тихо, нѣжно, будто замираетъ голосъ птички. Крикъ перепела встрепенулся гдѣ-то вдали, потомъ бьетъ ближе, живѣе; дудочка ему отвѣчаетъ, и вотъ повели они промежъ себя любовный разговоръ. Еще минута, и какой-то клубочекъ упалъ въ рожь, что-то стукнуло.... Попалъ! — кричитъ дядька, и мальчикъ опрометью бѣжитъ на этотъ крикъ, путается и падаетъ во ржи. Наконецъ пойманная птичка въ его рукахъ. Какъ будто въ ладъ бьется сердце у ней и у того, кто ее держитъ. Онъ цалуетъ ее, называетъ ее самыми нѣжными именами, утѣшаетъ, говоритъ, что ей будетъ хорошо жить у него. Восторгамъ малютки нѣтъ конца.

Digitized by Google

Подлѣ полуденной садовой калитки, у наружной стѣны забора, лицомъ къ городу, Ваня, съ помощью дядьки, устроилъ себѣ скамеечку. Тутъ онъ, иногда съ матерью, иногда на колѣняхъ пригожей сосѣдки, купеческой дочери, которая очень ласкаетъ его, и даже одинъ, засиживается по цѣлымъ часамъ. Отъ ножекъ скамейки начинается зеленый скатъ къ рѣкѣ Холодянкѣ. Вотъ спѣшитъ и все спѣшитъ она унести свои воды въ рѣку, которая издали будто манитъ ее къ себѣ. На пустынной Холодянкѣ ни одного челнока, берега тѣсно сжимаютъ ее; а тамъ какое раздолье! Полногрудая красавица кокетливо выказываетъ только край своей голубой ферязи, только мелькаютъ разноцвѣтныя ленты, развѣвающіяся на безчисленныхъ мачтахъ ея каравановъ. И вотъ почему рѣчка такъ суетливо торопится все впередъ и впередъ! Казалось бы, немного добѣжать и броситься въ широкое раздолье, а тутъ, на зло ей, загородила дорогу колдунья-мельница. Брюзжитъ старушка, и стучитъ костылями, и поднимаетъ пыль столбомъ. Смирныя до сихъ поръ воды, сердито бросаются на нее; начинается схватка — вопль, тревога на всю окрестность.... Но вотъ вырвались онѣ изъ плѣна. Вспѣненныя, весело, игриво, какъ бы радуясь своей свободѣ, онѣ бросаются въ широкія

Digitized by Google

объятія М—ы рѣки, которая сама спѣшитъ отнести свою добычу ожидающей ее неподалеку О—ѣ. Влѣво, между мельницей и кожевеннымъ заводомъ, стоящимъ въ Запрудьѣ, видѣнъ вдали Ба—евъ монастырь. Туда Ваня ѣздитъ иногда на богомолье съ своею матерью. Тамъ ликъ Спасителя такъ привѣтливо на него смотритъ, а добрый старецъ-архимандритъ, благословляя его и давая ему свою ручку поцаловать, всегда жалуетъ его просвирой. За монастыремъ тянется мрачный лѣсъ, которому конца не видно. Вправо, противъ мельницы, на отвѣсной вышинѣ, одиноко стоитъ полуразвалившаяся башня, которая, какъ старый, изувѣченный инвалидъ, не хочетъ еще сойдти съ своего сторожеваго поста. Кругомъ все развалины. Въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ нея начинается гряда камней, все идетъ возвышаясь, сливается потомъ въ сплошную стѣну и наконецъ замыкается высокою угловою башнею. Это отрывокъ кремля, построеннаго въ давнія времена отъ нашествія татаръ. Широкая стѣна, которая поворачиваетъ влѣво отъ этого угла, болѣе уцѣлѣла, не смотря на то, что она безпрестанно расхищалась на разныя постройки, казенныя и изъ-за нихъ частныя.

Со скамеечки Ваня видитъ почти всю панораму

Digitized by Google

города съ золотою главой стариннаго собора и многими церквами. Насупротивъ стелются по берегу Холодянки густые сады. Весною они заткапы цвѣтомъ черемухи и яблонь. Въ эту пору года, въ вечерній часъ, когда садится солнце, мѣщанскія дѣвушки водятъ хороводы. Тамъ и тутъ оглашается воздухъ ихъ голосистыми пѣснями. Ваня заслушивается этихъ пѣсней, засматривается на румяное солнышко, которое будто киваетъ ему на прощаніе, колеблясь упасть за темную черту земли; засматривается на развалины крѣпости, облитыя будто заревомъ пожара, на крестъ Господень, сіяющій высоко надъ домами, окутанными уже вечернею тѣнью. Только нѣжный голосъ матери сквозь калитку или приказаніе дядьки могутъ оторвать его отъ этого зрѣлища. Странный былъ мальчикъ!

Ларивонъ часто водитъ его въ ближайшую березовую рощу, раскинутую по двумъ скатамъ оврага. Будто для Вани расчищена она, будто для него устроены въ ней концерты разноголосныхъ птичекъ, для него по дну зеленаго оврага проведена цѣлая дорожка незабудокъ и вездѣ разсыпано столько разнородныхъ цвѣтовъ, красивыхъ, пахучихъ. И куда только пѣстунъ не водилъ своего питомца по окрестностямъ, по какимъ рощамъ они

Digitized by Google

не бродили! Но «умыселъ другой тутъ былъ.» Ларивонъ былъ страстный соловьиный охотникъ. Онъ ловилъ, покупалъ, бралъ въ ученіе и продавалъ соловьевъ. Не только что въ комнатѣ его всѣ стѣны обвѣшаны клѣтками едва не до полу, но и въ залѣ, въ гостиной, висятъ ихъ по двѣ, по три. Какъ скоро Ларивону было свободно (онъ въ домѣ исполнялъ должности дядьки, слуги, иногда и приканщика), сейчасъ принимался онъ за свои лекціи. Начинались онѣ тѣмъ, что профессоръ бралъ вилку и ножикъ, и шурканьемъ одной на другомъ поднималъ пернатыхъ къ пѣнію. Потомъ высвистывалъ колѣна на разный ладъ, такъ что вы не могли разобрать? губы ли его пѣли, или соловей. Это былъ настоящій органъ. Иногда, забывшись на самыхъ нѣжныхъ или горячихъ переливахъ, онъ закрывалъ глаза, какъ настоящій соловей, когда восходитъ до пафоса своего пѣнія, — и съ замирающимъ свистомъ, изнеможенный, опускался на стулъ. Не подумайте, чтобы одна корысть питала въ немъ эти занятія; нѣтъ, это была истинная страсть — онъ былъ охотникъ. И вотъ ради какихъ побужденій таскалъ онъ своего питомца по всѣмъ кустарникамъ и рощамъ, которые были въ окрестностяхъ. Случалось имъ увлечься такъ далеко, что малютка приходилъ домой безъ ногъ,

Digitized by Google

или пѣстунъ на рукахъ своихъ приносилъ его спящаго, иногда въ лѣнкѣ изъ ландышей, перевитыхъ кукушкиными слезками и васильками. Поэтому-то Ваня рано сталъ любить *природу*, рано сталъ сочувствовать красотамъ ея. Никогда не отговаривался онъ отъ этихъ прогулокъ, какъ бы ни утомительны онѣ были для него.

Въ домѣ всѣ любили и уважали Ларивона, не выключая и самихъ родителей Вани, котораго отдали, казалось, на безотчетное его попеченіе. Надо сказать, что и дядька не употреблялъ во зло довѣрія своихъ господъ—какъ называлъ и почиталъ ихъ, потому что былъ приписанъ къ заводу, принадлежащему Пшеницынымъ. Воспитанникъ не видалъ отъ него сердитаго толчка, не только розги (которая, правда, ни отъ кого никогда не была на малюткѣ); никогда бранное слово не вырывалось изъ устъ воспитателя, а если нужно было сдѣлать выговоръ, такъ это дѣлалось во имя *стыда*. — Эхъ! какъ вамъ не стыдно, Иванъ Максимовичъ — говаривалъ онъ въ минуты крайней необходимости, когда видѣлъ непростительную шалость своего питомца:—этого и бурлакъ не сдѣлаетъ. — За рѣзвость и не думали взыскивать; дядька находилъ ее приличною мальчику. — Любо смотрѣть—говаривалъ тотъ же природный настав-

Digitized by Google

никъ: — любо смотрѣтъ на молодаго коня, когда его выпустятъ погулять. Шея его словно лебединая, грива встала крыломъ, ноздри огнемъ горятъ, изъ-подъ ногъ мечетъ онъ искры и землю — вольный конь летитъ съ вольнымъ вѣтромъ въ запуски. А свинья только-что роется въ своей поганой лужѣ, да спитъ въ ней, зарывшись въ грязи; за то свиньею и прозвали.—Слово: *стыдно*, такъ запечатлѣлось на душѣ малютки, что онъ и во всѣхъ возрастахъ, во всѣхъ случаяхъ жизни чтилъ его свято, какъ одну изъ заповѣдей Господнихъ. Первому лепету молитвы няня выучила ребенка, но молиться съ благоговѣніемъ—Создателю Господу Богу—внушалъ ему дядька, который самъ всегда такъ молился, иногда со слезами на глазахъ. Ларивонъ любилъ очень странниковъ-богомольцевъ, и слушалъ съ упоеніемъ простосердечной души бесѣды ихъ о житіи святыхъ и мучениковъ.

Все, что любилъ Ларивонъ, любилъ онъ горячо; за господъ своихъ готовъ былъ *положить животъ*. Въ честности его были такъ увѣрены, что не разъ поручали ему большія суммы. Усердію его, нѣжной заботливости о нихъ не было границъ. Когда они бывали по дорогамъ, онъ первый усматривалъ опасный косогоръ, мигомъ сѣталъ съ козелъ и, какъ новый Атласъ, прини-

Digitized by Google

малъ на себя всю тяжесть склонявшагося экипажа. Въ топкихъ мѣстахъ, а ихъ было тогда много и по большимъ дорогамъ, онъ первый возился съ коломъ, чтобы вырвать изъ грязи захваченное ею колесо. Ларивонъ не разсуждалъ, надорвется ли отъ этого усилія или изломаетъ свои кости—онъ думалъ только о безопасности своихъ господъ. Заботливый до бесконечности, онъ просыпался въ три часа, если ему велѣно было встать въ четыре. Не полагайте, чтобы это былъ старикъ: ему считали съ небольшимъ тридцать лѣтъ. Сложенный какъ богатырь, онъ имѣлъ и силу исполинскую. Лицо у него было очень мало по росту и дѣтски добродушно. Говорятъ, что въ физіономіи каждаго человѣка есть какой-то отпечатокъ звѣринаго или птичьяго первообраза; можно сказать, что въ его физіономіи было что-то соловьиное.

Нянька Домна, имѣвшая въ это время ключи отъ всѣхъ кладовыхъ и анбаровъ, была тоже рѣдкій человѣческій экземпляръ. Вся жизнь ея прошла въ нянченьи и хозяйствѣ; въ этихъ только занятіяхъ сосредоточены были всѣ ея помыслы и чувства. Она выняньчила мать Вани и успѣла выдать ее замужъ; выняньчила Ваню и сдала его дядькѣ, румянаго, разумнаго. Сколько безсонныхъ ночей

Digitized by Google

напролетъ провела она надъ кроватями своихъ питомцевъ, когда они бывали больны! Сколько гнула она спину—и почаще деревенскихъ жницъ—чтобы выучить ихъ ходить! За то сама ходила крюкомъ. А чего стоили ей заботы и опасенія, не сглазили бы ребенка, не выучили бы его сосѣдніе ребятишки худымъ словамъ! Взглядъ его, движеніе, намекъ, тревожное слово или улыбка во снѣ—все это умѣла она перевести на свой сердечный языкъ. Бывало, удастся ей двумя изсохшими руками поймать Ваню, вертляваго, какъ вьюнъ, за кудрявую головку, и цалуетъ, цалуетъ ее,—вотъ единственное наслажденіе, которое вознаграждало старушку за тяжкіе труды многихъ лѣтъ!

Въ числѣ прислуги была еще старая кухарка Акулина, мать Ларивона. Ее считали первою особой въ домашнемъ штатѣ. Чрезвычайно дородная, съ зобомъ въ три этажа, смотрѣвшая на всѣхъ съ высоты, она походила на важную купчиху. Никого не удостоивала она низкимъ поклономъ, даже господъ своихъ, а только едва замѣтнымъ киваніемъ головы. Если нужно было господамъ о чомъ посовѣтоваться, приглашали Акулину, какъ женщину старшую въ домѣ, бывалую и разумную. На этомъ совѣтѣ обыкновенно рѣшалъ ея голосъ, которому покорялась и сама Прасковья Михайловна

Digitized by Google

(такъ звали Ванину мать). Акулина превосходно готовила кулебяки, всякія похлебки, холодныя и жаркія, квасы, меды, мочила отличнымъ образомъ яблоки и умѣла сохранять свѣжія до новыхъ. Она же съ такимъ складомъ и прибаутками разсказывала сказки, что ея не только Ваня, но и большіе заслушивались. Даръ этотъ перешолъ и къ сыну ея Ларивону.

Да еще въ домѣ былъ кривой кучеръ Кузьма, горькій пьяница, который на старой сивой лошади возилъ и воду и воеводу.

Въ домѣ не очень любили его: хозяйка за то, что былъ грубъ и запрягалъ лошадь по два часа; Ваня за то, что бранилъ и бивалъ больно желѣзную лошадку, какъ называлъ онъ ее по цвѣту масти; ключница за то, что воровалъ овесъ, и краденыя деньги пропивалъ; Ларивонъ вообще за безпорядочную жизнь; кухарка за то, что былъ нечистоплотенъ и даже подлѣ *Божьяго милосердія* нюхалъ проклятое зелье. Подъ носомъ у него всегда оставалось гнѣздышко табаку. Сѣрые, налитые кровью глаза его смотрѣли недоброжелательно. Онъ самъ не любилъ никакой твари. Еслибъ не Ваня и Ларивонъ, старый песъ, оберегавшій домъ, давно померъ бы съ голоду. А чего не доставалось отъ Кузьмы его жертвѣ, сивой ло-

Digitized by Google

шадкѣ? Кузьму терпѣли, потому что не кѣмъ было замѣнить его.

— Что вы лаетесь: кривой, да кривой? — говаривалъ онъ, отдѣлываясь отъ брани дворовыхъ. — Не своею охотой, Божья воля! Былъ хмѣленъ, да наткнулся на какой-то сукъ. Ослѣпнуть бы вамъ всѣмъ!

Вздумалось однажды этому грубіяну отплатить своей госпожѣ за какой-то сердитый выговоръ. — Купчиха! больно спѣсива! — говорилъ онъ вслухъ самъ съ собою, запрягая лошадь и колѣнкой посылая ей въ бокъ ударъ за ударомъ.—Вишь какая знать! Давай мнѣ денегъ, и я буду купцомъ не хуже васъ. Были мы прежде генеральскіе—не такихъ возили.

И вотъ ѣдетъ Прасковья Михайловна куда-то въ гости, въ четвероугольной линеечкѣ, съ порыжѣлыми кожанными фартуками. Вдругъ лошадь останавливается противъ *красныхъ рядовъ*, на самомъ бойкомъ мѣстѣ въ городѣ. Возничій опускаетъ возжи, преспокойно достаетъ тавлинку изъ-за голенища сапога, запускаетъ въ нее концы своихъ пальцевъ и готовится вложить зарядъ въ свою широкую ноздрю.... Послышался смѣхъ лавочниковъ; но вслѣдъ за тѣмъ мелькнула бѣлая ручка въ шолковыхъ перчаткахъ, что-то горячее

Digitized by Google

стегнуло Кузьму по щекѣ; щепоть табаку и тавлинка, вмѣстѣ съ кусками перламутроваго вѣера и играющими на немъ амурами, далеко полетѣли въ сторону. — Пошолъ! я научу, какъ со мною шутить! — раздался тонкій, но повелительный голосъ Прасковьи Михайловны. Возничій, невольно повинуясь этому голосу, взялся за возжи. Линеечка тронулась, провожаемая одобрительными возгласами лавочниковъ, ставшихъ, по обыкновенію людскому, тотчасъ на сторонѣ побѣдителя. Никогда еще сивка такъ прытко не бѣжала, какъ будто изъ благодарности, что отплатили за многія ея страданія. Съ той поры Кузьма держалъ месть за пазухой.

Ванѣ въ то время, съ котораго начинается нашъ разсказъ, едва минуло семь лѣтъ. Матери его Прасковьѣ Михайловнѣ было только двадцать четыре года. Максимъ Ильичъ взялъ ее изъ купеческаго дома, который хотя былъ прежде очень богатъ, но разстроился вслѣдствіе разныхъ торговыхъ неудачъ. Она слыла первою красавицей въ городѣ, и хорошо это знала. Отецъ и мать баловали ее, единственное свое дитя, какъ ненагляднное сокровище. Всякая прихоть, капризъ ея, исполнялись какъ законъ. Съ дѣтскаго возраста она привыкла повелѣвать. Вырваться изъ смиреннаго кру-

Digitized by Google

га, въ который обстоятельства ее бросили, и стать на высшую, блестящую ступень, было однимъ изъ самыхъ горячихъ ея мечтаній. Властолюбивая дома, гдѣ все ходило по ея ниточкѣ, она хотѣла и судьбу поставить на свою ногу. Дѣвочка твердила, что выйдетъ за генерала. Увезъ же сосѣдку, красивую попову дочку, помѣщикъ, у котораго тысяча душъ, и женился на ней. Но генераловъ въ кругу ея не оказывалось, да и не было ни передъ ней, ни за ней богатой придачи, за которою превосходительные женихи гонятся болѣе, чѣмъ за умомъ и красотою. Купеческихъ претендентовъ на ея руку, которыхъ предлагали ей родители, иногда на колѣняхъ, было множество. — Вспомни, Парашенька—говорили они:—вѣдь тебѣ шестнадцать лѣтъ. Твои погодки ужъ два года за мужемъ, да и дѣтей породили. Сраму, сраму-то не оберешься, какъ засидишься въ дѣвкахъ.—Прасковья Михайловна, утомленная этими мольбами, а еще болѣе, убѣжденная доводами няни своей, которая вывѣдывала для нея всѣ качества и недостатки жениховъ, рѣшилась осчастливить купеческаго сына, Максима Ильича Пшеницына. Неужели его домикъ, смиренный, ветхій, могъ прельстить гордую красавицу? Нѣтъ, она видѣла далѣе, она шла за богатыя, блестящія на-

Digitized by Google

дежды.... Этотъ бѣдный домикъ долженъ былъ, рано или поздно, превратиться въ роскошныя палаты.

Грамотѣ Прасковья Михайловна плохо знала; она едва разбирала по складамъ пѣсенники и ужасными каракульками подписывала свое имя: однакожъ цифры знала до ста тысячъ. Она слыхала, что одна барыня, также безграмотная, имѣвшая дѣла съ отцомъ ея, проводила за носъ самыхъ крючковатыхъ законниковъ, могла разсказать, какъ лучшій адвокатъ, содержаніе каждой дѣловой бумаги, и отъ небольшаго наслѣдственнаго состоянія оставила своимъ дѣтямъ нѣсколько тысячъ душъ, да построила десятокъ каменныхъ церквей. И у нашей купеческой дочки грамота была въ головѣ, или она, по крайней мѣрѣ, такъ думала. Мужъ ея, страстно влюбленный въ нее, смотрѣлъ ей въ глаза; свекоръ ласкалъ ее и называлъ своею любимою невѣсткой. Къ тому жъ всегда живя въ Москвѣ, онъ не мѣшалъ ея домашнему владычеству. Перешагнувъ изъ жилища отца своего въ жилище мужа, она только расширяла свое господство.

Максиму Ильичу было не болѣе двадцати двухъ лѣтъ, когда онъ на ней женился. Онъ имѣлъ пріятную наружность, сердце доброе, свѣтлый

Digitized by Google

умъ и стремленіе къ дворянской жизни, чему способствовали немало связи его отца, Богъ знаетъ какъ и когда сдѣланныя, со многими знатными лицами того времени. При выборѣ его Прасковьей Михайловной склонило также вѣсы на его сторону и то, что онъ и весь родъ его, со времени Петра Великаго, ходили въ нѣмецкомъ платьѣ, что Пшеницыны ѣли серебряными, а не деревянными ложками, каждый съ своего оловяннаго прибора, а не изъ общей семейной деревянной чаши, что они имѣли прислугу и кое-какой экипажъ. Говорили, что этотъ родъ шолъ отъ новгородскихъ именитыхъ людей, которые, избѣжавъ казней во времена Іоанна Грознаго, переселены имъ были въ Холодню. Поэтому въ фамиліи Пшеницыныхъ сохранилась какая-то наслѣдственная, кровная гордость, которой не замѣчали въ прочихъ смиренныхъ обитателяхъ Холодни. Во всѣхъ городскихъ собраніяхъ видали ихъ всегда передовыми.

Надо прибавить, что Максимъ Ильичъ имѣлъ врожденное стремленіе къ образованію себя. Случай развилъ еще болѣе эту склонность. Въ одну изъ частыхъ поѣздокъ своихъ въ разные предѣлы Россіи, которыя онъ всякій годъ совершалъ по торговымъ дѣламъ, познакомился онъ гдѣ-то съ

Digitized by Google

каким-то господином Новиковым *). Новиков полюбил молодого человека, беседовал с ним часто о благах, доставляемых просвещением, и снабдил его списком всех книг и журналов, какие только были изданы на русском языке. Максим Ильич не замедлил купить эти книги и читал их с жадностию. К сожалению, в число их попалась и нравственная контрабанда, которую умел искусно навязать ему книгопродавец: это был «Фоблаз» и несколько других подобных сочинений.

Когда красавица Пшеницына ехала в своей колесницѣ — покуда скромной, четвероугольной линеечкѣ, наподобіе ящика, съ норыжѣлыми кожаными фартуками, — на сивой старой лошадкѣ, съ кривымъ кучеромъ, и подлѣ нея сидѣлъ ея миловидный сынокъ, прохожіе, мѣщане, купцы и

*) Въ *Семейной Хроникѣ* Аксакова упомянуто, что переписка Новикова съ Софьей Николаевной имѣла большое вліяніе на ея образованіе. Мудрено ли, что молодой Пшеницынъ, живя ближе къ Москвѣ, имѣлъ случай столкнуться съ этимъ замѣчательнымъ человѣкомъ, который своими бесѣдами внушилъ ему любовь къ просвѣщенію? Нашлась бы, конечно, не одна сотня подобныхъ фактовъ, если бы ихъ вовремя собирать. Мы увидѣли бы тогда, какъ онъ обильно сѣялъ Божіе сѣмя на русскую ниву. Почему въ подлинномъ разсказѣ Ивана Максимовича Пшеницына названъ Новиковъ *каким-то господином*, мнѣ неизвѣстно.

Digitized by Google

даже городскія власти низко кланялись ей. Привѣтливо, но съ высока отвѣчала она на ихъ поклоны. Въ приходской церкви ей отведено было почотное мѣсто; священникъ подавалъ ей первой просвиру; всѣ съ уваженіемъ сторонились, когда она выходила изъ храма.

Опять спросимъ, отчего жъ такой смиренный, ветхій домикъ, мрачно глядѣвшій на пустырѣ, такой бѣдный экипажъ и прислуга, и вмѣстѣ такое общее уваженіе жителей Холодни къ Пшеницынымъ? Загадка была легка; ее давно разгадала Прасковья Михайловна: отецъ мужа ея былъ — милліонеръ. Милліонеръ того времени!... Максимъ Ильичъ имѣлъ еще брата, который жилъ въ Москвѣ. Старикъ-богачъ здравствовалъ. Онъ давалъ сыновьямъ на содержаніе только то, что ему вздумается, да и въ томъ требовалъ отчота. И такъ жители кланялись богатымъ надеждамъ.

Ванинъ дѣдушка, Илья Максимовичъ, широко торговалъ хлѣбомъ, производилъ значительныя поставки въ казну, которыя едва ли не сначала XVIII столѣтія удерживались въ родѣ Пшеницыныхъ, имѣлъ сѣрный заводъ въ N губерніи, фабрики парчовыя и штофныя въ Холодни, нѣсколько лавокъ для отдачи въ наймы въ этомъ городѣ, и дома въ немъ и въ Москвѣ. Дѣла свои велъ онъ

Digitized by Google

дѣятельно, съ точностію и честно; слову его вѣрили болѣе чѣмъ акту. Лѣтъ черезъ двадцать послѣ того, какъ начинается нашъ разсказъ, случилось Ивану Максимовичу въ одномъ обществѣ быть представленнымъ сенатору и чрезвычайно богатому человѣку, князю Д* (умершему едва ли не столѣтнимъ старикомъ). — Очень радъ, очень радъ съ *вами* познакомиться, молодой человѣкъ— сказалъ сенаторъ, положивъ руку на плечо Пшеницына. — Мы съ *твоимъ* дѣдушкой были большіе пріятели, дѣлали и дѣла не малыя. Времена были не тѣ, что нынѣ. Теперь дашь деньги и на актецъ, глядишь пропадаютъ, или получишь ихъ съ великими хлопотами, да съ помощью подъячихъ. Высосутъ у тебя мошенники не только деньги, но и кровь. Съ дѣдушкой твоимъ вели мы дѣла иначе. Бывало, понадобится тысячъ десятокъ, двадцать и шлешь къ нему цыдулку: пришли–де, пріятель, на такой–то срокъ. Или ему понадобится. Давали другъ другу безъ росписки, на слово, и день въ день получали обратно свои денежки. Все это стоило только одного спасибо.—Да, да,— прибавилъ князь, вздыхая—нынѣ времена другія.

Смутно помнилъ Иванъ Максимовичъ, какъ пришла въ Холодню вѣсть, что скончалась «матушка Екатерина Алексѣевна», какъ отецъ его поблѣд-

Digitized by Google

нѣмъ и прослезился при этой вѣсти, какъ въ городѣ всѣ ходили, повѣся носъ. Сначала думалъ Ваня, что умерла родная мать отца его. Но Максимъ Ильичъ сказалъ, что той давно ужъ нѣтъ на свѣтѣ, а скончалась государыня, благодѣтельница русскаго народа. — Люби и уважай память ея во всю жизнь свою, да и дѣтей своихъ, коли будутъ, учи тому жъ — сказалъ онъ, и поставилъ Ваню предъ иконой Спасителя и велѣлъ положить три земныхъ поклона, со крестомъ, да приговаривать: «Спаси, Господи, и упокой душу рабы твоей императрицы Екатерины.»

Между тѣмъ мечты Прасковьи Михайловны начинали осуществляться. Свекоръ писалъ ей, что онъ очень хвораетъ, не встаетъ съ постели, и просилъ навѣстить его, такъ какъ мужъ ея въ дальней отлучкѣ. Хотя наступилъ февраль, на дворѣ были сильные морозы; наскоро собралась она и поѣхала съ сынкомъ. Тогдашніе холоденскіе ямщики дѣлывали въ зимній путь сто верстъ, не кормя, въ девять часовъ. Для скорости, чтобы поспѣть въ Москву въ семь часовъ, она перемѣнила лошадей на половинѣ дороги, въ Б...ахъ. Въ первомъ селѣ отсюда осадили кибитку рои дѣвочекъ съ крикомъ: «булавочку, барыня, пригожая!» и едва ли не съ версту бѣжали, запыхав-

Digitized by Google

нись, за булавочкой. Въ Острощахъ дали лошадямъ перехватить по ковшу воды. Пока ямщикъ занимался этимъ дѣломъ, кибитку обступила толпа, большею частію женщинъ и ребятишекъ. Въ числѣ молодыхъ бабъ много было пригожихъ. Золотыя кички крѣпко, какъ въ тискахъ, стягивали ихъ лбы, а сзади шеи, почти до плечъ, упадала блестящая стеклярусная сѣтка. У всѣхъ въ ушахъ пестрѣли стеклярусныя подвѣски и на шеѣ такія же ожерелья; зачерствѣлые отъ работъ пальцы унизаны были мѣдными перстнями и кольцами. Поступь ихъ была важная и даже граціозная. Станъ держался прямо, но юбочка, *понева*, изъ шерстяной клѣтчатой матеріи, похожей на шотландку, и подвязанная очень низко, съ каждымъ шагомъ колебалась изъ стороны въ сторону. Замѣчено, что на этотъ шагъ изъ крестьянскихъ кокетокъ есть особенныя мастерицы. Много безобразила ихъ обувь. Шерстяные толстые чулки въ бесчисленныхъ сборахъ спускались къ котамъ, а у бѣднѣйшихъ къ лаптямъ. Сапоги по колѣно означали особенное вниманіе къ нимъ мужей. Спустя съ плеча лѣвый рукавъ овчиннаго полушубка, обшитаго у иныхъ плотикомъ, молодыя бабы, большею частію, опирались на плечо своихъ подругъ и лукаво пускали на проѣзжихъ

Digitized by Google

стрѣлы своихъ карихъ или сѣрыхъ глазъ. Похвалы ихъ или критическія замѣтки сопровождались разсыпнымъ хохотомъ, иныя мурлыкали про себя отрывки пѣсенъ. Дѣти, не смотря на морозъ, были въ одной рубашонкѣ (замѣтить надо, очень чистой). Издали многія изъ нихъ казались ходячею огромною шапкой, клочкомъ рубашки и двумя огромными сапогами. По сторонамъ каждаго изъ этихъ движущихся чучелокъ моталисъ рукава рубашки, потому что руки у всѣхъ спрятаны были подъ пазухой. Прасковья Михайловна замѣтила, что въ толпѣ женщинъ двѣ молодки держали передъ собою по одному мальчику въ рубашонкѣ, защищая ихъ отъ холоду полами своихъ шубъ.

— Что, это ваши братишки?— спросила Прасковья Михайловна.

При этомъ вопросѣ въ толпѣ послышался смѣхъ.

— Такъ неужели дѣтки?

Тутъ ужъ разразился заливной хохотъ.

— Это мужья ихъ! — закричало нѣсколько голосовъ.

— Да сколько же имъ лѣтъ?

— Мужьямъ-то?

— Да.

Digitized by Google

— Съ Николы вешняго пошолъ четырнадцатый.

— А молодицамъ?

— А молодицамъ-то?

— Да.

— Одной безъ годика два десятка, а другой ровнехонько два.

Надо замѣтить, что этихъ молодыхъ бабенокъ очень баловали свекры, налегая всею тяжестію чорныхъ работъ на старыхъ женъ своихъ, которыя также имѣли нѣкогда свое счастливое время. Молодой невѣсткѣ пряникъ, или калачикъ изъ города, и кусочекъ зеркала, купленный у гуляки дворовaго человѣка, и, что считалось большою драгоцѣнностью — кусочекъ бѣлаго мыла. Старушкамъ былъ почотъ только для вида при народѣ на улицахъ, а дома ставили ихъ ни во что. Эта безнравственная очередь смѣнялась тогда съ каждымъ новымъ поколѣніемъ, пока не вышло благодѣтельное постановленіе, чтобы не вѣнчать мужчинъ прежде восемнадцати, а женщинъ прежде шестнадцати.

По случаю счота годовъ молодымъ бабамъ, начались у нихъ споры, потомъ причитанія разныхъ достопамятныхъ эпохъ, ознаменовавшихъ исторію деревни. Тогда-то былъ пожаръ, Аксюшка родила

Digitized by Google

уродца съ собачьей головой, Сидорка ошпарился въ банѣ, Емелька напился до того, что вороны клевали у него глаза, волки ходили по улицѣ середи бѣлаго дня. Пошли упреки, брань, къ молодицамъ присоединились старушки, къ старушкамъ мужики. Война разгоралась.... Но ямщикъ тронулъ лошадей.... Колокольчикъ зазвенѣлъ, полозья засипѣли, оставляя за собою два пушистые, блестящіе искрами, хвоста.... Замелькали верстовые столбы, напудренныя рощи, поля, покрытыя саваномъ снѣговъ, длинныя деревни, бабы, достающія воду изъ колодцевъ, наподобіе журавлей на одной ногѣ, мохнатыя лошаденки и полинялыя коровенки, утоляющія жажду изъ оледенѣлыхъ колодъ, опять и опять ходячія чучелки въ огромныхъ шапкахъ съ заломомъ и въ сапогахъ по брюхо или въ лаптенкахъ. Но все это скоро затушевалось. Завечерѣло на дворѣ; всѣ предметы начали рябить въ глазахъ и наконецъ потонули во мракѣ. Верстахъ въ десяти отъ Москвы полный мѣсяцъ затеплился на матовомъ небѣ и вскрылъ прежнюю панораму, только при ночномъ освѣщеніи. Немного погодя, разноцвѣтная дуга обогнула мѣсяцъ. — «Къ добру!»—сказалъ Ларивонъ.—«Къ морозу!»—прибавилъ ямщикъ, и захлопалъ рукавичками. Прасковья Михайловна

Digitized by Google

и Ваня не спали; мать потѣшала сына, указывая ему на живыя картины зимы. То блеснетъ передъ ними верста подъ хрусталемъ ледяной коры, то засверкаетъ поле милліонами дрожащихъ искръ, то сучья въ рощѣ, покрытые густымъ инеемъ, протянутъ надъ путешественниками или страусовое перо, или пушистое марабу, или оснѣжонное гроздье; иногда, словно шаловливый лѣшій, осыплетъ кибитку горстями снѣгу. Среди глубокой тишины распѣваетъ одинъ колокольчикъ, да развѣ ямщикъ, для отдыха лошадей — а можетъ статься, непонятное ему чувство попросилось у него изъ груди наружу — затянетъ свою грустную, замирающую пѣснь, которая такъ тѣшитъ и щемитъ душу. Бьетъ колокольчикъ рѣже; кажется, все слушаетъ: и поля, и рощи, и самый мѣсяцъ на небѣ. Но вотъ разсыпался крикъ и гамъ ребятишекъ по деревнѣ, ямщикъ молодецки окликнулъ своихъ коней–сударіковъ, мелькнулъ рядъ моргающихъ въ окнахъ огоньковъ, и опять среди глубокой тишины распѣваетъ одинъ колокольчикъ. Забѣлѣли двѣ пирамиды, поперегъ ихъ легъ шлагбаумъ. Кибитка остановилась. Ларивонъ побѣжалъ въ караульню, ямщикъ слѣзъ, чтобы подвязать болтливый языкъ у колокольчика; лошади отряхнулись, поднявъ отъ себя блестящую снѣж-

Digitized by Google

ную пыль, фыркнули, причомъ ямщикъ каждый разъ приговаривалъ: — будь здоровъ! — и стали чистить морды, запушонныя снѣгомъ, то объ оглобли, то о тулупъ своего хозяина.

Тогда на заставахъ было очень строго. Прасковья Михайловна забыла запастись видомъ, котораго въ прежнія ея поѣздки въ Москву никогда отъ нея не требовали, и ей приходилось поворотить оглобли назадъ или ночевать въ съѣзжемъ домѣ. Но цѣлковый все уладилъ. — «Подвысь!» — закричалъ цѣлковый въ видѣ засаленнаго сюртука съ клюковнымъ носомъ. — «Подвысь!» — повторилъ бравый *ундеръ* архаровскаго полка, и Пшеницына съ трепетомъ сердечнымъ въѣхала въ Москву, сотворивъ широкое крестное знаменіе. Подвязанный колокольчикъ молчалъ; ямщикъ, озираясь робко, возвышалъ голосъ на лошадей; на улицахъ было пусто и жутко. Будто ѣхали по вымершему городу. Только изрѣдка будочникъ постукивалъ въ окна, чтобы гасили огни, хотя былъ только девятый часъ. На этотъ стукъ отзывался со дворовъ басистый лай собаки, и протяжно гремѣла ея тяжолая цѣпь.

Кибитка остановилась въ Таганкѣ, у каменнаго двухэтажнаго дома, бѣлѣвшаго среди длинныхъ заборовъ. Нигдѣ въ немъ не видать огонька. До-

Digitized by Google

ступъ въ старинные купеческіе дома, особенно ночью, не менѣе труденъ, какъ въ древніе баронскіе замки, хотя нѣтъ около нихъ ни рвовъ, ни мостовъ подъемныхъ, ни рогатинъ. Ларивонъ нырнулъ въ облакѣ пара, валившаго отъ лошадей, и исчезъ. Тихо, сквозь желѣзную рѣшотку, застучалъ онъ въ окно флигеля; тихо, сквозь форточку, опросилъ его голосъ. Вскорѣ безъ шума отворились ворота; будто изъ земли выступилъ маленькій человѣчекъ, остриженный въ кружокъ, въ крашенинномъ халатѣ, и впился въ ручку Прасковьи Михайловны. Осторожно въѣхала тройка на дворъ. Тутъ пошли опять постукиванья и переговоры на заднемъ крыльцѣ. Наконецъ отворились двери въ сѣни. Чернобровая дѣвка съ длинною косою до пятъ, съ помощью фонаря осмотрѣвъ сонными глазами пріѣзжихъ въ лицо, повела ихъ вверхъ по каменной, изрытой лѣстницѣ. И на лѣстницѣ и въ сѣняхъ чистота необыкновенная, какой и нынѣ съ задняго хода не бываетъ во многихъ купеческихъ и даже дворянскихъ домахъ. Посмотришь съ улицы — палаты; съ парадnаго входа все, какъ и быть должно, по регламенту палатъ; комнаты великолѣпно убранныя; мебель, обитая бархатомъ, стоитъ чинно, по ранжиру; полы блестятъ, хоть глядись въ

Digitized by Google

нихъ. Зайдите-ка съ задняго крыльца — вамъ бросятся въ глаза кучи сора, въ которыхъ и завитки огуречной кожи, и разбитая посуда, и пучки волосъ; тутъ же обледенѣлые потоки помоевъ, клочки рогожекъ на дверяхъ и художническіе эскизы мѣломъ національной школы живописи; васъ обдастъ удушливый запахъ, который пропитаетъ въ одинъ мигъ вашу одежду. Зоркій глазъ Ильи Максимовича, казалось, проникалъ и въ самые потаенные углы; домъ содержался въ величайшемъ порядкѣ и опрятности, какъ и всѣ дѣла его. Въ верхнихъ сѣняхъ встрѣтили пріѣзжихъ: малый лѣтъ двадцати съ небольшимъ и мальчикъ лѣтъ шестнадцати, прилично одѣтые, и немолодая женщина въ платкѣ на головѣ, котораго одно крыло было на отлетѣ, какъ у птицы, когда она отъ сна только что выправляется изъ гнѣзда. Всѣ приложились къ ручкамъ Прасковьи Михайловны и Вани, а женщина, сверхъ того, осыпала ихъ разными олимпійскими эпитетами. Въ одной изъ прохожихъ комнатъ стояла кровать съ двумя или тремя перинами подъ ситцевымъ балдахиномъ. Она была пуста. Тутъ же отъ лежанки, за нѣсколько шаговъ, пышалъ африканскій жаръ, и на ней возлежала на заячьей шубкѣ какая-то великолѣпная особа. Тяжело волновалась бѣлая, пыш-

Digitized by Google

ная грудь, торчали двѣ огромныя ноги въ синихъ шерстяныхъ чулкахъ съ красными стрѣлками. Это было лицо безъ названія должности. Въ наше время назвали бы ее фавориткой. Она проснулась, но не удостоила пріѣзжихъ словомъ. Сама Прасковья Михайловна прошла около нея на цыпочкахъ, съ подобающимъ уваженіемъ, зная, что такія именно особы обладаютъ волшебнымъ жезломъ покровительства.

Не хотѣли тревожить Илью Максимовича, но чуткое ухо его слышало прибытіе гостей. Накрывшись малиновымъ штофнымъ одѣяломъ, онъ велѣлъ позвать къ себѣ Прасковью Михайловну. Это былъ старикъ лѣтъ семидесяти пяти, мощно построенный. Только недавно сталъ онъ поддаваться немочамъ, и вдругъ свалился въ постель. Какъ дитя, обрадовался онъ пріѣзду любимой невѣстки, не далъ ей руки своей, къ которой она хотѣла было приложиться, нѣжно обнялъ ее и осыпалъ ласками мать и сына.

Прасковья Михайловна помѣстилась въ ближайшей отъ него комнатѣ, сдѣлалась постоянною сидѣлкою у постели его, вставала по ночамъ, чтобы дать ему пить — лекарства онъ не хотѣлъ принимать—утѣшала его своими разсказами и ласками. Ваня помогалъ матери развеселить старика. Фа-

Digitized by Google

вориткѣ сдѣлано было отъ Пшеницыной два, три пріятные ей подарка и пріобрѣтено ея любезное вниманіе.

Разъ, когда старикъ былъ въ особенно пріятномъ расположеніи духа и тѣла, онъ подозвалъ къ себѣ Прасковью Михайловну. Время было вечернее; нѣсколько серебряныхъ лампадъ теплились передъ иконами въ золотыхъ ризахъ, украшенныхъ жемчугомъ и драгоцѣнными камнями.

— Поди сюда, Параша—сказалъ онъ и, когда та подошла къ нему, ласково потрепалъ ее по розовой щочкѣ. — Спасибо тебѣ, что старика не обездолила. Но спасибомъ сытъ не будешь.... Вотъ ключъ—отопри-ка и выдвинь верхній ящикъ.

Тутъ вынулъ онъ изъ-подъ подушки ключъ, передалъ его невѣсткѣ и указалъ на комодъ, стоявшій у кровати.

Прасковья Михайловна дрожа спѣшила исполнить это приказаніе. И чтожъ она увидѣла? Одна сторона ящика была набита кипами ассигнацій, синенькихъ, красненькихъ и бѣленькихъ, перевязанныхъ тонкими бичовками, а на другой сторонѣ лежали холстинные пузастые мѣшочки; сквозь рѣдину ихъ и дырочки кое-гдѣ вспыхивалъ жаръ золота. Молодая женщина никогда не видала такого

Digitized by Google

наличнаго богатства; она то краснѣла, то блѣднѣла, и растеряла глаза свои.

Улыбка самодовольствія пробѣжала по губамъ старика; онъ радовался смущенію невѣстки, которую, какъ дитя, взманилъ дорогою игрушкой.

— Все мое, Параша! — сказалъ онъ торжественнымъ голосомъ, и привсталъ съ постели. Огромная тѣнь отъ него покрыла молодую женщину и легла на стѣну. Старикъ былъ высокаго роста, но ей показалось, что онъ еще выросъ въ эту минуту и занялъ собою всю комнату. Свѣтъ отъ лампадъ засіялъ на головъ черепѣ его, окаймленномъ вѣнцомъ серебряныхъ волосъ. — Все мое! — повторилъ онъ — да еще столько же въ верхнемъ и нижнемъ ящикахъ. А мѣди въ кладовой едваль не до потолка. Все это будетъ *ваше*... (тутъ онъ остановился немного и перекрестился), когда Богу угодно будетъ позвать меня въ другую сторону. Тамъ ничего этого не нужно: Честно, трудами нажито, благодареніе Богу! Не съ неба, какъ у иныхъ, упало на меня богатство: отецъ и дѣдъ наживали, я пріумножилъ. Не изъ Гуслицкихъ лѣсовъ пришли ко мнѣ капиталы; не тонилъ я пустыхъ барокъ — будто съ казенною кладью, не удерживалъ у рабочихъ трудовыхъ денегъ, не шильничалъ.... но и не моталъ. И вамъ завѣщаю

Digitized by Google

тоже. Ты знаешь, въ чести ли я у своей братьи; знаешь, что и господа знатные водятъ со мною хлѣбъ-соль и жалуютъ меня своимъ пріятствомъ. А?...

— Знаю, батюшка.

— Думаешь, это мнѣ такъ кланяются, мнѣ такъ усердствуютъ? Нѣтъ, вотъ этимъ бумажкамъ, вотъ этому серебру и золоту, что въ мѣшечкахъ дрянныхъ лежатъ. Сберегите это безъ жадности.... Почему жъ человѣку и не потѣшиться Божьими дарами безъ вреда себѣ и людямъ? На то и дарами Божіими называются. Но, говорю вамъ, не мотайте. Сберегите мое наслѣдство съ добрымъ смысломъ, съ умнымъ хозяйствомъ, собственнымъ глазомъ, и вамъ отъ малыхъ и большихъ будетъ также почотъ. Не послушаетесь меня, вамъ же будетъ худо. Расточите добро, такъ всѣ ваши други и лизоблюды побѣгутъ отъ васъ, да надъ вами же будутъ насмѣхаться. Кругомъ васъ останется мерзость запустѣнія. Слышишь, Прасковья Михайловна?

— Слышу, батюшка.

— Ванюшку учите добру, порядку и хозяйству; пожалуй, учите и наукамъ, да только такимъ, какія пригодны купцу. По мнѣ, довольно бы грамотѣ русской и ариѳметикѣ, да не моя воля!... А воля-

Digitized by Google

то, словно Божія, нагрянула на меня отъ матушки Екатерины Алексѣевны. Премудрая была, дай ей Господи царствіе небесное! Она это дѣло знала лучше меня. Сама изъ устъ своихъ приказала.

— Развѣ вы съ государыней говорили?—спросила Прасковья Михайловна.

— Осчастливленъ былъ таки, сударыня моя.

Старикъ сдѣлалъ особенное удареніе на этихъ словахъ и продолжалъ: — Вотъ какъ было дѣло. Въ запрошломъ лѣтѣ ѣздилъ я съ депутаціей нашей братьи купцовъ въ Питеръ. Позваны были во дворецъ и допущены къ ручкѣ императрицы. Сначала струсилъ было я, да какъ повела она на насъ своими ласковыми очами, такъ откуда взялась рѣчь, помолодѣлъ десятками двумя годовъ и сталъ съ ней говорить, будто съ матерью родной. Завела она съ нами рѣчь о разныхъ торговыхъ дѣлахъ, со мною особь о парчевой и штофной фабрикѣ, о сѣрномъ заводѣ. Такая доточная, все знала, будто сама при всякомъ дѣлѣ была. Потомъ изволила спросить меня: — Есть у тебя дѣти, Пшеницынъ?—(Тутъ старикъ опять сдѣлалъ удареніе на своей фамиліи). — Есть, говорю я, два сынка, матушка ваше императорское величество. — А училъ ты ихъ? — изволила опять спросить. — Грамотѣ-де русской знаютъ, да счоты бойко,

Digitized by Google

а меньшій больно любитъ книги: не мѣшаю.—Хорошо, а внучки есть?—И внучками двумя благословилъ Господь; еще малыя. — Такъ ихъ учи. Ученіе свѣтъ, а неученіе тьма, а свѣтъ, знаешь самъ, всему міру на добро. Не все иностраннымъ купцамъ ѣздить къ намъ за нашимъ же товаромъ на своихъ корабляхъ. Пора и намъ въ широкое море, на русскихъ суденышкахъ; пора и намъ стать съ ними по плечо не только силою оружія, да и разумомъ, да и наукой. Учи своихъ внуковъ, старикъ; этимъ докажешь, что вы истинные дѣти мои и не даромъ называете меня своею матерью. — Вотъ что говорила мнѣ матушка-царица. И я скажу тебѣ по завѣту ея: учите Ванюшку, да только чтобъ было впрокъ, не на вѣтеръ.... Пускай учится кораблики строить, пожалуй и самъ корабликъ свой снарядитъ, да назоветъ его: *дѣдушка Пшеницынъ*, хе, хе, хе! Пускай гуляетъ наше имя по широкимъ морямъ и чужимъ берегамъ!... (Глаза у старика загорѣлись необычайнымъ блескомъ; онъ протянулъ передъ собою руку, на которой выпукло изваяны были мускулы, и раздвинутыми пальцами широкой руки тянулся будто схватить сокровища въ невѣдомыхъ моряхъ). Но смотрите.... не вздумайте его въ офицеры. Чтобы онъ у меня оставался купцомъ!

Digitized by Google

Слышишь, купцомъ! Я этого хочу — довершилъ старикъ грознымъ, властительнымъ голосомъ, и огромная тѣнь его заколебалась на стѣнѣ.

— Слушаю, батюшка — отвѣчала Прасковья Михайловна дрожащимъ голосомъ, стоя все у открытаго комода, и робко потупила глаза.

Старикъ, какъ бы утомленный, прилегъ на подушку, но вскорѣ спросилъ тихо и ласково: — А хоромины чай у васъ плохи, Параша?

— Стареньки, батюшка, въ большой дождикъ сквозь потолокъ течетъ.

— Нечего скважины затыкать. Вотъ хоть мою старую хламиду какъ ни чини, а все развалится скоро. Вы съ мужемъ люди молодые, вамъ и житье надо новое. Отодвинь-ка еще ящичекъ.... Впереди не тронь. Не смотри, что смазливы цвѣтомъ, все ребятишки, дрянь, хе, хе, хе!... Запусти-ка ручку подальше, въ темный уголокъ.... тамъ все сотенные бояре!... Даромъ что старички, можно около нихъ погрѣться.... Возьми стопочки двѣ. Да, знаешь, чтобы не дразнить дорогой недобраго человѣка, зашей подъ поясомъ. Бери же, дурочка.

Дрожащими руками взяла молодая женщина двѣ кипы ассигнацій тамъ, гдѣ указывалъ свекоръ; на ерлыкахъ каждой написано было: десять тысячъ.

Digitized by Google

Она взглянула на надписи и, показавъ ихъ Ильѣ Максимовичу, примолвила: — Не много ли, батюшка.

— Что взято, то свято — сказалъ старикъ, ухмыляясь: — слушай, какъ пріѣдешь домой, пошли отъ мужа Ларьку къ хозяевамъ пустыря, что на Московской большой улицѣ, противъ Іоанна Богослова.... дескать, твой мужъ накидываетъ за мѣста съ старою рухлядью сто рублевъ противъ того, что я давалъ. Люди въ нуждѣ, обижать не надо. Максимъ пріѣдетъ, купчую совершите. Простору много — цѣлый кварталъ; стройте, что вздумается, да чтобъ было все каменное, вѣковое. Знай, что дома Пшеницыныхъ!... А какъ заложите хоромы, такъ я новорожденному пришлю на зубокъ еще стопочки три сѣденькихъ старичковъ.... чтобы росъ скорѣе.

Невѣстка хотѣла поцаловать руку у свекра, но тотъ не далъ руки, а поцаловалъ ее въ малиновыя губки, какъ самъ ихъ называлъ.

— Да куда Ванюшка запропастился? Позовите его ко мнѣ.

Позвали Ваню, котораго также очень любилъ старикъ. Онъ указалъ ему на выдвинутый ящикъ комода.—Помнишь, поросенокъ—сказалъ онъ:— считалъ ты со мною все шиши, да шиши? (Ваня

Digitized by Google

въ первые годы своего дѣтства называлъ такъ тысячи, которыя перебиралъ съ дѣдомъ на счотахъ). Возьми что полюбится; вѣдь ты также ухаживалъ за старикомъ.

Ваня заглянулъ въ ящикъ и съ неудовольствіемъ сказалъ: — Вишь какой дѣда, бумажками подчуетъ; мнѣ давай золотыхъ арабчиковъ.

— Нечего дѣлать съ дурачкомъ; развяжи, Параша, первый мѣшочекъ-то налѣво, съ краю.... *все супротивни* *). Пускай хватаетъ горсткой и сыплетъ себѣ въ карманы, что наберется. Слышь, на эти деньги ему особую горенку, да чтобъ штофомъ вся была обита — не покупать стать, съ своей фабрики.

Прасковья Михайловна развязала мѣшочекъ, указанный свекромъ; изъ него полился блестящій потокъ имперіаловъ. Ваня захватилъ горстью, что могло въ ней набраться, и сказалъ: — Довольно.

— Не жаденъ будетъ — замѣтилъ старикъ.

Мать сочла деньги, прибавивъ: — Чтобъ не растерялъ! — Это дѣйствіе видимо понравилось

*) Такъ звали имперіалы временъ Елисаветы и Екатерины, которыхъ грудныя изображенія чеканились на монетахъ съ правой и съ лѣвой стороны, какъ бы одно противъ другаго.

Digitized by Google

старику. Онъ сказалъ ей спасибо, да кстати приказалъ ей заштопать дырочки, оказавшіяся въ мѣшочкахъ.

Долго не могла заснуть молодая женщина, строя въ мечтахъ своихъ палаты на пустырѣ. Въ Холоднѣ было много каменныхъ двухэтажныхъ домовъ, но она хотѣла поставить домъ на удивленіе всѣмъ. И во снѣ снились ей волшебные замки изъ литаго золота, съ такими причудливыми затѣями, какія только разсказываются въ сказкахъ, или изъ воска выливаются на святочныхъ вечерахъ; снился ей также какой-то сказочный царевичъ у ногъ ея.

Прасковья Михайловна прожила слишкомъ три недѣли у свекра, въ томъ числѣ и масляницу, и стала скучать. Она горѣла нетерпѣніемъ отвезть домой начатки своего богатства; казалось ей, въ домѣ свекра они еще не принадлежали ей. Между тѣмъ Илья Максимовичъ старался сдѣлать какъ можно пріятнѣе ея пребываніе у него: даваяъ ей своихъ рысаковъ для катанія къ ледянымъ горамъ и къ бѣгу, которые тогда на Москвѣ-рѣкѣ кипѣли народомъ; заставлялъ молодаго слугу и мальчика играть камедь — чьего сочиненія, неизвѣстно. Старшее лицо представляло мельника-колдуна, обсыпаннаго мукой, въ сѣдомъ парикѣ и съ боро-

Digitized by Google

дой изъ конскихъ волосъ; младшее исполняло роль дурачка–угольщика. Въ этомъ игрищѣ было много народнаго юмора, пересыпаннаго однакожъ такими непристойными остротами, что Прасковья Михайловна просила скорѣе прекратить эту мужицкую забаву, какъ она назвала ее. Это очень удивило всю дворню, и не мудрено. Въ то время, и даже до десятыхъ годовъ XIX столѣтія, въ Москвѣ безъ «мельника и угольщика» не обходилась почти ни одна богатая купеческая свадьба или пирушка. Наштукатуренныя и чернозубыя купчихи, подгулявши (замѣтьте, онѣ считали за величайшій стыдъ и порокъ пить вино при мужчинахъ, но удалялись въ особенную потаенную горенку вкушать его подъ именемъ меда), заливали остроты скомороховъ простодушнымъ хохотомъ, а иногда, за перегородкой, награждали ловкаго колдуна и тайнымъ поцалуемъ. За комедіей выступалъ обыкновенно доморощенный трубадуръ съ бандурой, съ пѣснями и пляской. Дивныя штуки выдѣлывалъ онъ ногами, да и каждая косточка въ немъ говорила. А какъ подскочитъ подъ самый носъ пригожей купчихи, поведетъ плечомъ, на которое вскинетъ клѣтчатый платокъ, и обдастъ ее, какъ кипяткомъ, молодецкимъ спросомъ: «аль не любишь?» такъ восторгу не было конца. Но

Digitized by Google

вѣнцомъ его искусства былъ какой-то *сальто-мортале:* на всемъ скаку раздвинетъ ноги впередъ и назадъ и упадетъ на нихъ такъ страшно, что, казалось, долженъ былъ бы разодраться пополамъ, а онъ, понемногу, какъ стрѣла, станетъ опять на ноги. За то, когда артисты, окончивъ представленіе, обходили зрителей съ тарелкой въ рукахъ, со всѣхъ сторонъ сыпались на нее щедрые дары мелкою и крупною серебряною монетой, между которою попадалась иногда и золотая.

Любилъ Илья Максимовичъ тѣшить себя и честолюбивую невѣстку разсказами о связяхъ своихъ съ тогдашними знатными господами, о томъ, какъ они живутъ, да какъ убраны у нихъ палаты, какъ онъ обращался съ ними уважительно, да и себя не ронялъ, а тѣхъ, которые вышли изъ подъячихъ, да зазнались, дразнилъ игрою своего милліончика или намекомъ на нечистое дѣльце. Гордился онъ очень знакомствомъ своимъ съ графомъ Алексѣемъ Григорьевичемъ Орловымъ. — Вотъ русскій бояринъ! алмазъ-бояринъ!—говаривалъ онъ. — Посыпьте передъ нимъ дорожку золотомъ, да по грязи, не захочетъ замарать рукъ своихъ, чтобы подбирать ихъ. Не то что какой-нибудь шематонъ, изроетъ цѣлую навозную кучу, чтобъ достать червончикъ, да еще поду-

Digitized by Google

маетъ, нельзя ли изъ навозу сдѣлать золота. И осанкою, и мощью, и духомъ, всѣмъ взялъ! Стоитъ на кулачномъ бою промежъ чорнаго народа, а тотчасъ видно, что бояринъ! Кажись, ласковъ и съ малымъ ребенкомъ, а глазами поведетъ, такъ поневолѣ хватаешься за шапку.

— А знаешь ли, Прасковья Михайловна!—прибавилъ Илья Максимовичъ: — въ прошедшемъ лѣтѣ не погнушался въ гости къ моему Гаврюшкѣ. (Тутъ указалъ онъ на Ларивонова старшаго брата, остриженнаго въ кружокъ, въ чуйкѣ изъ зеленаго порыжѣлаго бархата съ цвѣточными дорожками, въ галстукѣ, затянутомъ на подобіе ошейника). Провѣдалъ какъ-то графъ, что у него диковинный голубь—турманъ что ли, песъ ихъ знаетъ—да и пріѣхалъ съ пріятелями посмотрѣть. — Я, говоритъ, не къ Ильѣ Максимовичу, а къ Гаврилѣ его. — Ужъ и потѣшилъ Гаврюшка мой важнаго гостя! Понесся голубь воронкой все выше и выше, забилъ крылышками, словно двумя серебряными листиками, потомъ сталъ въ небѣ пятнышкомъ не болѣе гроша, да и пропалъ.... Навели трубу, и въ нее не видать! Думалъ я, ужъ не ястребъ ли скушалъ. А голубь вдругъ замелькалъ въ высотѣ поднебесной, и сталъ, словно клубочекъ, разматываться, разматываться, да какъ падетъ сверху

Digitized by Google

кувыркомъ, примѣромъ сажень пятьдесятъ, и брякъ оземь, прямо къ ногамъ его сіятельства. Всѣ диву дались и захлопали въ ладоши. Графъ вынулъ изъ кошелька штукъ пять золотыхъ, отдалъ ихъ этому дураку, да погладилъ его по головѣ.— Да вотъ и возгордился Гаврюшка—прибавилъ Илья Максимовичъ — надѣлъ нынѣ бархатную чуйку. Подарилъ вѣдь съ плечъ своихъ. Кажись, будни.

— Для Прасковьи Михайловны, батюшка, Илья Максимовичъ — сказалъ человѣкъ, остриженный въ кружокъ.

— Чай, своя! Смотри, братъ, не заламывайся; знаешь, не люблю мотовства. У меня, Параша, вотъ какой обычай. Припадетъ кому изъ нихъ охота до чего — возьми у меня, сколько угодно, на разводъ; да только чтобъ въ прокъ шло, и назадъ долгъ отдай. Гаврюшка къ голубямъ пристрастился: на, купи, братъ, голубей, да чтобъ не были дрянь, отборныхъ. Вотъ и купилъ, и богатъ сталъ отъ голубей, и долгъ отдалъ. Такъ и мельнику-бандуристу далъ на струментъ и дурацкую одежу: въ прокъ пошло молчу и по головкѣ поглаживаю. А зашалитъ, да замотаетъ, такъ у меня разомъ полетитъ на заводъ нюхать сѣру. А кстати, Гаврюшка, изъ какой заморской стороны добываютъ много сѣры?

Digitized by Google

— Цыцыла — отвѣчалъ Гаврила.

— Ха, ха, ха, Цецилія, говорилъ я тебѣ; Цецилія, дуракъ! Вѣдь я самъ, Параша, учился, неравно спросятъ по сѣрному заводу матушка императрица.

И Прасковья Михайловна, чтобы угодить на случай старику, твердила про себя имя заморской страны Цецилія, откуда добываютъ много сѣры.

На концѣ первой недѣли великаго поста Илья Максимовичъ, чувствуя себя гораздо лучше, такъ что могъ бродить по комнатамъ, и замѣтивъ по лицу Прасковьи Михайловны, что въ гостяхъ хорошо, а дома лучше, благословилъ ее на возвратный путь. Собрались ужъ послѣ обѣда.—Смотри, душа моя, ночуй въ Люберцахъ — говорилъ онъ, провожая невѣстку— а то въ Волчьихъ-Воротахъ шалятъ.

Кто ѣзжалъ по холоденской дорогѣ, тотъ не могъ не замѣтить на возвышенной равнинѣ, за двадцать верстъ съ небольшимъ отъ Москвы, нѣсколько вправо отъ дороги, одинокую сосну, вѣроятно, пережившую цѣлый вѣкъ. Такъ какъ окрестные жители искони хранятъ къ этому дереву особенное благоговѣніе и не запахиваютъ корней его, то оно свободно раздвинуло кругомъ на нѣсколько сажень свои жилистые сучья, изъ кото-

Digitized by Google

рыхъ образовалась мохнатая шапка. Въ тѣни ея могутъ укрыться нѣсколько десятковъ человѣкъ. Видно, она стала тяжела старому богатырю, и онъ къ верху нѣсколько согнулъ подъ нею свой станъ. Это дерево подало Мерзлякову мысль написать извѣстную пѣснь:

Среди долины ровныя, на гладкой высотѣ,
Стоитъ, ростетъ высокій дубъ въ могучей красотѣ.

Она была во времена—оны въ такомъ же ходу на всей Руси, какъ «Чорная шаль» Пушкина. Только, по самоуправству поэтическому, сосна превращена въ дубъ.

Когда съ сосной поравнялась кибитка, въ которой ѣхала Прасковья Михайловна съ двумя сокровищами — сыномъ и богатымъ подаркомъ свекра, ужъ начинало темнѣть. Предметы стали сливаться; только одинокое дерево въ своей чорной, мохнатой шапкѣ господствовало надъ снѣжною равниной. Вѣтеръ наигрывалъ въ его сучьяхъ какую-то заунывную мелодію и взметалъ около него снѣжный кругъ. Показалась деревня *Теряевка*. Вся она изъ четырехъ, пяти дворовъ, безъ улицы. Избы на подобіе свиныхъ клѣтуховъ, солома на крышахъ, взъерошенная какъ волосы у

Digitized by Google

пьянаго мужика, кругомъ поваленные и прорванные плетни, дворы безъ покрышки—все это худо говорило о довольствѣ и нравственности жителей. Сквозь маленькія окна, заткнутыя кое-гдѣ грязными тряпицами, заморгали подслѣповатые огоньки. Вѣтеръ колотилъ по крышамъ не утвержденныя на нихъ жерди. Одно имя Теряевки звучитъ недобрымъ смысломъ, и не даромъ: сюда переселены были изъ какихъ-то дальнихъ помѣстій избранные негодяи; въ виду деревни Волчьи-Ворота, гдѣ не одинъ прохожій и проѣзжій потерялъ свое добро и свою голову. Сдѣлалась темь, только что чертямъ за волосы драться. У крайней избы, вросшей въ землю, послышался какой-то зловѣщій свистъ. Этому свисту отвѣчали далеко впереди. Сердце дрогнуло и сильнѣе забилось у ямщика, Ларивона и молодой купчихи. Ямщикъ толкнулъ слугу и сталъ съ нимъ перешептываться, слуга взглянулъ на госпожу свою. Ваня спалъ крѣпкимъ сномъ возлѣ матери. Тутъ вспомнила Прасковья Михайловна слова свекра и поздно раскаялась, что не послушалась его совѣта ночевать въ Люберцахъ. Лишиться такой важной суммы, какую она везла, можетъ быть, видѣть, какъ зарѣжутъ сына ея, и умереть самой во цвѣтѣ лѣтъ, съ такими блестящими надеждами, подъ ножомъ

Digitized by Google

разбойника.... подумала она, и вся кровь ея прилила къ сердцу.

— Голубчикъ, Ларивонъ, худо? — спросила она: — не воротиться ли назадъ?

— Что назадъ!—перехватилъ ямщикъ. — До Островцовъ рукой подать, а назадъ до первой деревни добрыхъ пять верстъ. Не ночевать же въ разбойничьей Теряевкѣ!

— Сотворите крестное знаменіе, барыня—сказалъ Ларивонъ:—Богъ милостивъ. У меня мушкетонъ, а въ случаѣ нужды на подмогу топоръ.

— Дай мнѣ топоръ — сказала она.

— Пожалуй, да что вы съ нимъ сдѣлаете?

— Что смогу.

Она приняла тяжелое орудіе, но не могла сдержать его и положила возлѣ себя. Ларивонъ, осмотрѣвъ мушкетонъ, посыпалъ пороху на полку изъ патрона, который вынулъ изъ-за пазухи.

Ямщикъ поѣхалъ шагомъ.... Какъ будто въ ладъ общему настроенію, и колокольчикъ робко зазвенѣлъ.

— Пошолъ!—закричала молодая женщина: — ты ужъ съ ними не за одно ль? Первому тебѣ этотъ топоръ.

— Не мѣшай, барыня — отвѣчалъ сердито ямщикъ, выхватилъ изъ кибитки топоръ и поло-

Digitized by Google

жилъ его въ свое сидѣніе: — не твое дѣло. Разбуди-ка лучше дитя, чтобы не испужался.

Потомъ снялъ шапку, перекрестился и примолвилъ: — Съ крестомъ худыхъ дѣлъ не дѣлаютъ.

Мать, невольно повинуясь ямщику, разбудила ребенка.

— А что, пріѣхали? — спросилъ Ваня, встрепенувшись и протирая глаза.

— Нѣтъ еще, а близко.... услышишь, можетъ, крикъ.... не пугайся.... это ямщикъ хочетъ въ перегонку съ знакомымъ ямщикомъ.

— Гдѣ жъ, мама?

— Впереди, голубчикъ, тебѣ не видать за лошадьми.

Продолжали ѣхать шагомъ.... колокольчикъ нѣтъ-нѣтъ звякнетъ, да и застонетъ.... Ужъ чернѣлъ мостъ въ оврагѣ; на концѣ его что-то шевелилось.... За мостомъ горка, далѣе мрачный лѣсъ; въ него надо было въѣзжать черезъ какія-то ворота: ихъ образовали встрѣтившіяся съ двухъ сторонъ вѣтви нѣсколькихъ вѣковыхъ сосенъ. Мать лѣвою рукою прижала къ себѣ сына, правою сотворила опять крестное знаменіе. — Теперь держитесь крѣпко — сказалъ ямщикъ, и гаркнулъ изо всей мочи: — эй! соколики! выручайте, грабятъ....

Digitized by Google

Въ голосѣ его было что-то дикое, отчаянное; казалось, лѣсъ вздрогнулъ отъ этого крика и повторилъ его въ бесчисленныхъ перекатахъ. Лошади, и безъ принужденія привыкшія выносить въ гору такъ, что не было еще человѣка, который могъ бы удержать ихъ на подобныхъ выносахъ, рванулись и помчались, будто бѣшеныя. Что-то крякнуло на мосту, полетѣли куски жерди, которою онъ былъ загороженъ, кто-то застоналъ.... порвалась бранная рѣчь, перехваченная вѣтромъ. Всѣ эти звуки слѣдовали одинъ за другимъ по мгновеніямъ ока такъ, что чуткое ухо сидѣвшихъ въ кибиткѣ, ловившее малѣйшій признакъ опасности, могло смутно различить ихъ. Кибитка взлетѣла на горку и понеслась будто по воздуху. Между тѣмъ что-то ударило въ волчокъ кибитки и раздробило его верхушку, послышался ружейный выстрѣлъ.... Ваня закричалъ и прижался къ матери. Разъяренныхъ коней не могли удержать ближе Островцовъ.

Въ деревнѣ отрадно забѣгали со всѣхъ сторонъ огоньки въ фонаряхъ и обступили кибитку; послышались ласковые голоса, приглашавшіе проѣзжихъ переночевать и обольщавшіе ямщика и дешовымъ кормомъ, и крупитчатыми папушниками съ липовымъ медомъ. Онъ угрюмо молчалъ и въѣ-

Digitized by Google

халъ въ знакомый постоялый дворъ. Паръ отъ лошадей застлалъ дворъ.

Кибитка подъѣхала къ чистому крылечку, устланному соломой. На немъ старушка съ добродушнымъ лицомъ встрѣтила пріѣзжихъ и освѣтила имъ дорогу фонаремъ. Горенка, въ которую они вошли, напитанная смолянымъ запахомъ отъ стѣнъ, только перелѣтавшихъ, была чистая и теплая; свѣтъ отъ лампады, теплившейся передъ иконами, обдалъ ихъ какимъ-то благодатнымъ чувствомъ. Первымъ дѣломъ Прасковьи Михайловны было броситься на колѣни и со слезами благодарить Господа за спасеніе ея съ сыномъ; Ваня сдѣлалъ тоже по ея приказанію. Она была блѣдна, но скоро оправилась, и за самоваромъ почти забыла только-что минувшую бѣду.

Вошолъ ямщикъ, сердитый, угрюмый, почесалъ голову и съ досадой бросилъ свою шапку на залавокъ. — Ну, барыня — сказалъ онъ — крѣпко обидѣла ты меня.... поусумнилась во мнѣ....

— Прости мнѣ, голубчикъ мой — перебила Прасковья Михайловна: — не въ своемъ разумѣ была.... самъ посуди, возлѣ меня дитя.... одинъ только и есть.... вѣдь и у тебя чай дѣти.

И слезы помутили глаза молодой женщины.

— Кабы не этотъ мальчуганъ, не безсудь —

Digitized by Google

закаялся бы во вѣки вѣковъ возить тебя по дорогамъ. Ну, да ты добрая барыня (тутъ ямщикъ махнулъ рукой); на тебя и зла нѣтъ!... А все-таки лошадокъ полечить надо, да и мнѣ не худо отвесть душу.

Прасковья Михайловна вынула изъ кошелька, висѣвшаго у ней на груди, два имперіала изъ Ваниныхъ денегъ и отдала ихъ ямщику. Мальчикъ зналъ, что эти деньги ему подарены, и весело смотрѣлъ, какъ отдавали ихъ.

— А что лошадки, не больно ли ушиблись?— спросила она.

— Благо разбойничья жердь пришла въ упоръ хомутамъ.... царапины есть на всѣхъ, одна похрамываетъ... да Богъ не безъ милости!... А коли зачахнутъ, знаю, не обидишь меня. Пшеницыны по Холоднѣ первые люди, а ты краля холодненская.

— Вотъ тебѣ Господь свидѣтель (и она указала на образъ), если случится бѣда какая, приходи ко мнѣ прямо.... я поставлю тебѣ тройку такихъ же лихихъ лошадей. А для чего вырвалъ ты у меня топоръ? — прибавила Прасковья Михайловна.

— Неравно померещилась бы тебѣ невѣсть какая напасть.... у страха глаза велики, бѣсъ

Digitized by Google

лукавъ.... да пришла бы тебѣ блажь хватить меня топоромъ. Убить бы не убила... гдѣ тебѣ!... а шкуру бы попортила. Вотъ тутъ ужъ разбойнички сдѣлали бы свое дѣло.

Расхохоталась молодая женщина, и миръ былъ заключенъ.

Въ Островцахъ она давала какъ-то въ долгъ богатому мужику на свадьбу двадцать пять рублей. Обѣщался отдать черезъ недѣлю; божился всѣми угодниками, клялся и дѣтьми и утробой своей. Прошло мѣсяца два. Теперь былъ случай получить деньги. Но много труда и ходьбы взадъ и впередъ стоило Ларивону, чтобы вытянуть эти деньги. Да и тутъ должникъ, отдавая ихъ Прасковьѣ Михайловнѣ, вмѣсто благодарности, почесалъ себѣ голову и примолвилъ: — А чтожъ, барыня? надо бы на водку.

Пріѣхали въ Холодню, въ старый, бѣдный домикъ. Казалось, послѣ поѣздки въ Москву, онъ сдѣлался еще древнѣе и сумрачнѣе, еще болѣе наросло на него моху, который выступилъ изъ-подъ снѣга, уже много сбѣжавшаго. Но вскорѣ возвратился изъ своихъ странствованій Максимъ Ильичъ. Свиданіе молодыхъ супруговъ было самое нѣжное. Прасковья Михайловна разсказала мужу, съ какимъ успѣхомъ съѣздила она въ Москву и

Digitized by Google

какому страху подвергалась на возвратномъ пути въ Волчьихъ-Воротахъ. Въ свою очередь мужъ разсказалъ ей, какъ за нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ плаваніе его съ караваномъ судовъ по Волгѣ, въ Кос — ой губерніи, напала на него шайка разбойниковъ, а атаманомъ у нихъ былъ князь К — ій. Этотъ князь имѣлъ домъ, въ видѣ замка съ башнями, на берегу рѣки, и занимался своею дворнею грабежомъ проходящихъ судовъ. Молодой Пшеницынъ отдѣлался отъ него страхомъ и нѣсколькими сотнями рублей *).

Мѣсто подъ новый домъ тотчасъ было куплено, спѣшно началась заготовка подъ него матеріаловъ. Оно занимало почти цѣлый кварталъ и выходило на три улицы. Было гдѣ разгуляться капиталамъ Ильи Максимовича! Закипѣла работа и въ мартѣ. Потянулись къ пустырю цѣлые обозы съ лѣсомъ, камнемъ и кирпичомъ; застучали сотни топоровъ, ломы начали шевелить остовъ одряхлѣвшаго, давно необитаемаго дома; съ пискомъ и крикомъ высыпали изъ него стаи встревоженныхъ нетопырей и галокъ. Эта постройка составила важную эпоху въ городѣ, едва ли не равную съ построеніемъ

*) Самъ внукъ князя К — аго, молодой человѣкъ, очень образованный, подтвердилъ мнѣ все это въ 1836 году.

Digitized by Google

кремля. Толпы народа ходили глазѣть на нее, какъ на необыкновенное зрѣлище. Каждый толковалъ о ней по своему; домостроительнымъ фантазіямъ этихъ прожектеровъ не было конца. Иной возводилъ зданіе едва ли не съ Ивана Великаго, другой вытягивалъ его сплошь на всѣ три улицы. Съ этого времени жители еще ниже кланялись семейству Пшеницыныхъ. Но добрый Максимъ Ильичъ не перемѣнился къ своимъ согражданамъ: былъ такъ же ласковъ и общителенъ съ ними, какъ и прежде всегда. Только, не знаю почему, сталъ на *ты* съ властями, которыя съ нимъ были на *ты*, хотя и прежде не унижался передъ ними, но не выходилъ изъ церемоніальнаго *вы*. Странно, и власти не обижались этой перемѣной, водворявшею равенство между дворяниномъ и купцомъ.

Между тѣмъ родители Вани вспомнили, что пора ему приняться за ученіе. Приходскій священникъ взялся за это дѣло, и вскорѣ обрадовалъ отца и мать, что ученикъ прошолъ безъ наказанія букварь въ одинъ мѣсяцъ, когда онъ самъ въ дѣтствѣ употреблялъ на это цѣлый годъ съ неоднократными побужденіями лозы.

Въ Холодиѣ, кромѣ тревожной постройки дома Пшеницыныхъ, ничто не измѣняло мертвой тишины города. По прежнему нарушалась эта тишина

Digitized by Google

мѣрными ударами валька по мокрому бѣлью и готаніемъ гусей на рѣчкѣ; по прежнему били на бойняхъ тысячи длиннорогихъ воловъ, солили мясо, топили сало, выдѣлывали кожи, и отправляли все это въ Англію; по прежнему, въ базарные дни, среди атмосферы, пропитанной сильнымъ запахомъ дегтя, скрипѣли на рынкахъ сотни возовъ съ сельскими продуктами и издѣліями, и межъ ними сновали, обнимались и дрались пьяные мужики. По воскреснымъ днямъ толпы отчаливали къ городскому кладбищу, чтобы полюбоваться на землѣ покойниковъ очень живыми кулачными боями. Пузатые купцы, какъ и прежде, послѣ чаепитія, упражнялись въ своихъ торговыхъ дѣлахъ, въ полдень ѣли рѣдьку, хлебали деревянными или оловянными ложками щи, на которыхъ плавало по вершку сала, и уписывали гречневую кашу пополамъ съ масломъ. Послѣ обѣда, вмѣсто кейфа, бесѣдовали немного съ высшими силами, то есть пускали къ небу изъ воронки рта струи воздуха, потомъ погружались въ сонъ праведныхъ. Выбравшись изъ-подъ тулупа и съ лона трехэтажныхъ перинъ, а иногда съ войлока на огненной лежанкѣ, будто изъ баннаго пара, въ нѣсколько пріемовъ осушали по жбану пива, только что принесеннаго со льду; опять кейфовали, немного

Digitized by Google

погодя принимались за самоваръ въ бочонокъ, потомъ за ужинъ съ рѣдькой, щами и кашей, и опять утопали въ лонѣ трехэтажныхъ перинъ. Какъ видите, жизнь патріархальная! Немногіе избранники отступали отъ нея. Книжки въ домѣ ни одной, развѣ какой-нибудь отщепенецъ-сынокъ, отъ котораго родители не ожидали проку, тайкомъ отъ нихъ, гдѣ-нибудь на сѣнникѣ, теребилъ по складамъ замасленный пѣсенникъ, или сказки про «Илью Муромца» и «Бову Королевича». Нынѣ ужъ не то: мотишка-сынокъ, тайкомъ отъ отца, читаетъ «Вѣчнаго Жида», куритъ дорогія сигары и пьетъ напропалую шампанское.

Прекрасный полъ въ Холоднѣ имѣлъ тоже свои умилительныя забавы. Купчихи ѣзжали другъ къ другу въ гости. Посѣщенія эти начинались киваніемъ головы, какъ у глиняныхъ кошечекъ, когда ихъ раскачаютъ, и прикладываніемъ устъ къ устамъ. За тѣмъ усаживались чинно, словно нѣмые гости на нашихъ театральныхъ подмосткахъ; слѣдовали угощенія на двадцати очередныхъ тарелкахъ съ вареньями, пастилою и орѣхами разныхъ породъ. При этомъ неминуемо соблюдалась китайская церемонія бесчисленныхъ отказовъ и неотступнаго потчиванія съ поклонами и просьбою *понудиться*. Кукольная бесѣда нарушалась

Digitized by Google

только пощолкиваніемъ орѣшковъ и оканчивалась такими же китайскими церемоніями, съ прошеніемъ впредь жаловать и не *безсудить* на угощеніи. И возвращались гостьи домой, довольныя, что видѣли новыя лица, подышали на улицѣ свѣжимъ воздухомъ и свободой!

Надо оговорить, къ чести гражданъ, что чистота нравовъ, не смотря на грубую оболочку, крѣпко соблюдалась между ними. Хлѣбосольствомъ искони славился городъ. Когда стояли въ немъ полки, мундиры у солдатъ, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, дѣлались узки, и считалось обидой для зажиточнаго хозяина, если постоялецъ его офицеръ держалъ свой чай и свой столъ.

Въ городѣ ни одного трактира. Они появились только незадолго до двѣнадцатаго года. Да и то купеческіе дѣтки, даже сначала мѣщанскіе, ходили въ нихъ тайкомъ, перелѣзая черезъ заборы и пробираясь задними лѣстницами, подъ страхомъ тѣлеснаго наказанія или проклятія отцовскаго. Съ того времени ни одна отрасль промышлености не сдѣлала у насъ такого шибкаго успѣха, и вы теперь не только въ Холоднѣ, но и по дорогѣ къ ней отъ Москвы, почти въ каждой деревнѣ, найдете домъ подъ вывѣскою елки, трактиръ и харчевню.

Digitized by Google

Случались однакожъ въ городѣ важныя происшествія, возмущавшія спокойствіе цѣлаго населенія. То появлялся оборотень, который по ночамъ бѣгалъ въ видѣ огромной свиньи, ранилъ и обдиралъ клыками прохожихъ; то судья, въ нетрезвомъ видѣ, въѣзжалъ верхомъ на лошади и безъ приключеній съѣзжалъ по лѣсамъ строившагося двухэтажнаго дома; то зарѣзывался казначей, обворовавшій казначейство. Полицейскія личности въ городѣ были то смирныя, то сердитыя; большею частію, ихъ отличали не по уму и честности, а по степени огня въ крови, но во всякомъ случаѣ они приходились по городу, какъ домовой, по народному повѣрію, всегда любъ во всякомъ жильѣ, хотябъ и проказничалъ надъ своими жильцами. Администрація и судъ творились въ духѣ патріархальномъ, безъ большаго поощренія бумажной фабрикаціи. Дѣла, по обыкновенію, дѣлались черезъ секретарей. Подъячіе довольствовались малымъ и брали больше за исполненіе, нежели за обѣщанія, жили умѣренно, экипажей и лошадей не знавали, женъ и любимицъ своихъ не одѣвали, какъ богатыхъ барынь, и не прикасались устами къ струямъ шипучей ипокрены, хотя и можно было дешево черпать изъ нея на Арбатѣ, подъ вывѣскою: *здѣсь дѣлаютъ самое лучшее шампан-*

Digitized by Google

ское. Въ Холоднѣ не сказали бы того, что я слышалъ лѣтъ десять тому назадъ въ одномъ уѣздномъ городѣ отъ продавца винъ, у котораго спрашивалъ шампанскаго:—А что, батюшка, будемъ мы дѣлать, когда вдова Клико помретъ? — Пили правда, много, очень много, но съ патріотизмомъ — все свое доморощенное: цѣлебныя настойки подъ именами великихъ Россіянъ, обезсмертившихъ себя сочиненіемъ этихъ питій наравнѣ съ изобрѣтателями желѣзныхъ дорогъ и электрическихъ телеграфовъ, и наливки разныхъ цвѣтовъ по тѣнямъ ягодъ, начиная отъ янтарнаго до темнофіолетоваго.

Были однакожъ замѣчательныя личности въ городѣ, и мы обязаны посвятить имъ особенную тетрадь.

Весна дохнула на землю своимъ тепломъ и благоуханіемъ, накинула зеленую сѣтку на рощи, ковры на луга, заговорила лепетомъ своихъ ручьевъ и шумною рѣчью своихъ водопадовъ, запѣла пѣснями любви и свободы своихъ крылатыхъ гостей. Пришло и лѣто. Ваня, въ сопровожденіи Ларивона, посѣтилъ прежнія любимыя мѣста свои; по прежнему отзывалось въ его сердцѣ сердечное біеніе природы. Но не такъ часто ужъ гулялъ онъ: Ваня полюбилъ *книгу*.

Digitized by Google

Между тѣмъ домъ Пшеницына росъ не по днямъ, а по часамъ. Изъ ветхаго каменнаго зданія между тѣмъ сколотили домикъ, на который надстроили деревянный этажъ. Верхній долженъ былъ служить для временнаго житья самихъ владѣльцевъ, нижній назначался для службъ. Флигель этотъ съ выведеннымъ уже вчернѣ большимъ каменнымъ двухэтажнымъ домомъ соединили галлереею на аркѣ. Въ нижнемъ этажѣ этого дома устроили съ одной стороны двѣ огромныя кладовыя, а съ другой двѣ большія комнаты, одну для залы, а другую для Вани. Пшеницыны хотѣли переѣзжать на новое жилище, когда получили съ нарочнымъ извѣстіе, что Илья Максимовичъ умираетъ.

Застали еще старика при послѣднихъ минутахъ. Онъ успѣлъ только благословить сыновей своихъ, невѣстокъ и внучекъ. Похороны были великолѣпныя; два дня таскали изъ кладовой мѣшки съ мѣдною монетою, которую раздавали нищимъ, запрудившимъ улицу. Раздѣлъ между сыновьями совершился полюбовно, какъ сдѣлали бы его промежъ себя Орестъ и Пиладъ. Что хотѣлось одному, того не желалъ другой. Женщину, бывшую при старикѣ и не носившую названія своей должности, выпроводили со двора безъ уваженія, но и безъ обиды, со всѣмъ ея скарбомъ.

Digitized by Google

Потянулся въ Холодню обозъ съ сундуками, изъ которыхъ нѣсколько было съ «Божіимъ милосердіемъ», какъ называетъ русскій человѣкъ иконы—самое дорогое свое достояніе; другіе—съ разнымъ движимымъ имуществомъ. Все это едва могло умѣститься въ двухъ кладовыхъ. И сами владѣльцы этого богатства, тотчасъ по пріѣздѣ въ Холодню, переселились на новое жилище.

Digitized by Google

ТЕТРАДЬ II.

ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЯ ГОРОДСКІЯ ЛИЧНОСТИ.

Характеристику лицъ, современныхъ Пшеницынымъ, Максиму Ильичу и его сыну, начнемъ съ генераціи городничихъ. Не знаю почему, ихъ типы скорѣе схватываются.

Ее открываетъ Язонъ, или, какъ его называли въ городѣ, Насонъ Моисѣевичъ Моисѣенко, поручикъ къ отставкѣ. Ему близъ шестидесяти. Маленькій, худенькій, съ лицомъ на подобіе высушеннаго яблока, съ острымъ носикомъ, въ рыжемъ паричкѣ, завитомъ, какъ руно крымскаго барашка. Букли и коса, все это маленькое, дорисовываютъ его портретъ. Голосъ тоненькій, пискливый. Съ характеромъ уступчивымъ, робкимъ, онъ боялся гражданъ, а не граждане его боялись. Принесутъ ему сахару полголовки, чайку четвертку, нанки на исподнее, полотеньчико съ крестьянскими кружe-

Digitized by Google

вами, сапожную щотку — ничѣмъ не гнушается, все принимаетъ съ благодарностію. Самъ ни на что не напрашивается. Развѣ придетъ въ лавку, да полюбуется иною вещицей, повертитъ ее не разъ въ рукахъ своихъ и скажетъ: Хорошая вещица!... Чай, дорога.... (А вещь стоитъ всего два гривенника). — Для васъ, Насонъ Моисѣичъ (его ужъ и не величали благородіемъ), для васъ плевое дѣло. Позвольте завернуть и уложить на ваши дрожки (такъ граждане для приличія называли *войлочки*, родъ роспусковъ, съ войлокомъ на нихъ) *).—И принимаетъ онъ эти приношенія и подобныя, разсыпаясь въ благодареніяхъ и оговоркахъ:—Да зачѣмъ это? да къ чему это?... я и на грошъ вамъ не заслужилъ. Неравно узнаетъ начальство.... лишусь мѣста.... отдадутъ подъ судъ.

Иногда, въ крайности, очертя голову, отважится на сильнѣйшій кушъ. Была не была! А послѣ и труситъ. Ночь не спитъ, мучительно ворочается на постели, отмахивается отъ ужасной мысли, какъ будто отъ неотвязчивыхъ мухъ, да не разъ

---

*) Такіе *войлочки* были въ употребленіи у московскихъ извощиковъ, если не ошибаюсь, до 12 года. Ихъ замѣнили *калиберныя* дрожки.

Digitized by Google

спрашиваетъ кухарку, не слыхать ли ревизорскаго колокольчика, словно у ревизора колокольчикъ съ особеннымъ звономъ. Готовъ съ передачею отдать, что получилъ. Не дождется утренняго солнышка. Вотъ и солнце заглянуло къ нему въ окно. Посылаетъ разсыльнаго за такимъ-то, дескать крайняя нужда. Приходитъ такой-то, и умоляетъ онъ его взять назадъ. — Батюшка, будь благодѣтель, ради Бога, развяжи душу. Всю ночь не спалъ.—И возьметъ приноситель, посмѣется, да плюнетъ въ сѣняхъ, и отнесетъ кушъ письмоводителю. А потомъ, видитъ Насонъ Моисѣичъ, ревизоръ не ѣдетъ, и жалко ему станетъ приношенія. Чего бы, думаетъ, не сдѣлалъ на него? Кушъ былъ экстренный — не дождешься скоро такого.

И крѣпко призадумается Насонъ Моисѣичъ, и грустно ему станетъ, что не взялъ хорошаго куша.

По части порядка и чистоты въ городѣ, не требуетъ, не грозитъ, а умоляетъ. Посреди улицы валяется по нѣскольку дней лошадиная падаль и заражаетъ цѣлый кварталъ, пока воронья плотоядныя не истребятъ ее и вѣтры буйные не изсушатъ. Грязь на торгу по колѣна, дѣти-нищіе тонутъ въ ней (говорятъ, были двѣ жертвы). Придутъ благодатные лѣтніе деньки съ припекомъ солнечнымъ,

Digitized by Google

когда изжаренная трава хруститъ подъ ногами и на торгу сухохонько. — Вотъ видите — умиленно говоритъ онъ лавочникамъ, самъ Богъ высушилъ, инда пыль глаза ѣстъ! — Простой, богобоязливый человѣкъ! отзывались объ немъ граждане, и вѣрно соорудили бы ему памятникъ, если бъ на памятникъ не потребовалось денегъ, а можно было бы соорудить его изъ грязи и костей лошадиныхъ.

Судъ творилъ онъ коротко и ясно. — Ты, братенько, правъ — говорилъ онъ одному — потому что тебя обидѣли, а ты правъ — говорилъ онъ другому—потому что онъ тебя выбранилъ. Слѣдственно вы оба не правы. Помиритесь-ка лучше, да поцалуйтесь. Помирятся, поцалуются тяжущіеся, да выйдутъ за ворота на широту поднебесную, выбранятъ городничаго, на чомъ свѣтъ стоитъ, затѣютъ опять ссору, вцѣпятся другъ другъ въ волоса; клочка два-три полетятъ у каждаго: кто кого сможетъ, тотъ и правъ останется. А иногда и въ самомъ дѣлѣ помирятся, да и запьютъ миръ добрымъ крючкомъ пѣннаго подъ вѣткою оливы въ видѣ ельника, прославляя городничаго.

Случалось иногда, что Насонъ Моисѣичъ не на шутку расходится, только не самъ собою: на подвиги раскачивалъ его письмоводитель. Разъ

Digitized by Google

какъ-то ссора двухъ гражданъ оканчивалась подобною мировою сдѣлкой. Но вотъ письмоводитель по секрету зоветъ Насона Моисѣича въ ближнюю комнату.—Что это вы, ваше благородіе, дѣлаете? Вы, ваше благородіе, настоящая мокрая курица. И такъ вами въ городѣ словно тряпицей потираютъ. Этакъ съ вами и служить нельзя.—И вотъ Насонъ Моисѣичъ, пришпоренный такою рѣчью, встаетъ на дыбы, входитъ въ азартъ и, сдернувъ на одно ухо свой рыжій паричокъ въ завиткахъ, бросаетъ громъ и молнію въ камерѣ судилища. Прикажетъ отвѣтчика наказать за то, что виноватъ, а праваго, чтобы впередъ не ходилъ жаловаться. — У меня въ городѣ все тихо, и муха не смѣетъ ворчать. Ни гу-гу! Настоящее благословеніе Божіе!—говорилъ онъ, гнѣвно ходя вокругъ стола.—А тутъ какой-нибудь вольнодумецъ, безпардонный, вздумаетъ мутить, да ябедничать, да въ доносы ходить! Пожалуй себѣ, и правъ, и очень правъ, да зачѣмъ нарушать спокойствіе гражданъ? Не тобою городъ начало имѣетъ, не тобою и стоитъ. Пускай стоитъ, какъ стоялъ! — Письмоводитель, съ упоеніемъ сердечнымъ подслушивая у дверей, ждетъ своего сыра. Позоветъ къ себѣ тяжущихся и накажетъ только того, который не смогъ заплатить выкупныя. Вслѣдствіе такого пре-

Digitized by Google

мудраго суда, и дѣлъ за нумерами въ полиціи очень мало оказывалось: все дѣлалось больше на словахъ и на палкахъ. Къ чести Насона Моисѣича надо оговорить, что послѣднее дѣлопроизводство онъ употреблялъ очень рѣдко, и то когда письмоводитель раскачаетъ жолчь со дна этого чистаго сосуда.

Наконецъ пріѣхалъ въ городъ, десять лѣтъ съ такимъ страхомъ ожидаемый, начальникъ–ревизоръ. Ужасные дни! они отняли у городничаго нѣсколько лѣтъ жизни. Ревизоръ былъ человѣкъ добрый, пріятный; въ бумагахъ много не рылся, за очисткою нумеровъ не гонялся. Узналъ, что городничій человѣкъ непритязательный, съ живаго и мертваго не дралъ, жалобъ на него не имѣлось, и остался всѣмъ доволенъ и благодарилъ. А все–таки, пока его особа пребывала въ городѣ, Насонъ Моисѣичъ чувствовалъ себя неловко, какъ будто и чужой мундиръ надѣлъ, и рыжій паричокъ скоблитъ его черепъ. То словно его крапивой посѣкутъ, то въ ледяную ванну опустятъ. Надо было видѣть, съ какою дипломатическою тонкостью ѣхалъ онъ съ начальникомъ на дрожкахъ, которыя выпросилъ у предводителя! Балансеръ, да и только!... Угораздило его сидѣть на корточкахъ, въ такомъ видѣ, какъ громовая

Digitized by Google

стрѣла изображается на картинкахъ, зигзагомъ. Одною рукою держится за ободокъ козелъ, другую, какъ заяцъ подстрѣленную лапку, покачиваетъ на воздухѣ, а носками сапоговъ упирается въ подножки, не смѣя ни одною частью своей персоны прикоснуться къ подушкѣ. Еще бы! на этой подушкѣ возсѣдитъ важная особа, которой одно маніе бровей, какъ у громовержца Юпитера, можетъ смять его въ прахъ и оставить безъ куска хлѣба. — Видно, Господь умудрилъ его сидѣть на дрожкахъ не сидя, за его добрую душу! — говорилъ голова, ѣхавшій за ними въ своей линеечкѣ.

Все, казалось, шло хорошо. Но ревизоръ пожелалъ видѣть временную арестантскую при полиціи. Вотъ ведетъ Насонъ Моисѣичъ, немного окураженный, великую персону къ сѣнцамъ и останавливается у дверей. — Извольте головку наклонить — говоритъ онъ — не стукнуться бы лобикомъ о косякъ. — Преддверіе тюрьмы не представляетъ ничего страшнаго. Вмѣсто орудій казни въ глаза бросаются одни любезные, идиллическіе предметы: ненакрытое ведро съ водою и плавающій на ней ковшикъ съ изумрудными букашками, стопочки двѣ–три дровъ, небрежно развалившіяся, онучки сторожа, растянутыя для про-

Digitized by Google

сушки противъ сквознаго вѣтра, жиденькая метла, которую, какъ видно, очень обижали, вытаскивая изъ нея прутья для чистки платья или на другое употребленіе. Ключъ къ мѣсту заключенія у самого Насона Моисѣича; онъ держитъ его въ мундирѣ, у сердца своего, какъ и подобаетъ. Вотъ прикладывается ключомъ къ огромному замку, но еще разъ умильно оборачивается на своего начальника и предостерегаетъ его, чтобъ онъ былъ невзыскателенъ, арестанты-де грубый и невоспитанный народъ. — Сколько у васъ здѣсь арестантовъ? — спрашиваетъ ревизоръ.—«Только три человѣка, ваше (и прочее) — отвѣчаетъ градоначальникъ: — здѣсь не только злодѣянія, и моральные проступки очень рѣдки. Мораль между жителями примѣрная!» — Надо замѣтить, что на французскихъ словечкахъ онъ очень упиралъ: дескать, знай нашихъ.

Входятъ въ арестантскую. Это большая изба; половину ея занимаетъ русская печь, сколоченная изъ глины. Ревизора обдаетъ атмосфера, отъ которой онъ напрасно старается освободиться, то отдуваясь, то отплевываясь, то зажимая носъ. Въ избѣ никого не видно. Насонъ Моисѣичъ со страхомъ осматриваетъ все кругомъ и тоненькимъ, пискливымъ голосомъ окликаетъ арестантовъ:—

Digitized by Google

«арестанты! арестанты! гдѣ вы?»—Нѣтъ отвѣта. Онъ ищетъ глазами, носомъ, всѣмъ своимъ существомъ, заглядываетъ во всѣ углы, подъ нарами, на печкѣ, въ подпечьи, въ печуркахъ; взываетъ опять жалобнымъ, отчаяннымъ голосомъ, какъ будто зоветъ свою Эвридику: — «арестанты! гдѣ вы?» — Нѣтъ арестантовъ. Ревизоръ помираетъ со смѣху. Въ это время является письмоводитель, чтобы развязать узелъ этой ужасной драмы. На носу его, толстомъ и красномъ, торчатъ нахально два стеклышка въ мѣдной заржавленной оправѣ; голова его, прилично наклоненная, дрожитъ, руки также трясутся, но не отъ страха.... Нѣтъ, это чувство еще никогда не колебало такой души, привыкшей къ ежедневнымъ подвигамъ. Съ приходомъ его вносится густая струя воздуха, напитаннаго виномъ и лукомъ. Отрывистымъ, но твердымъ голосомъ, какъ человѣкъ самостоятельный, знающій свое дѣло, онъ объявляетъ, что еще рано поутру выпустилъ арестантовъ, потому что на дѣлѣ они оказывались невинными. Какъ сдѣлалъ этотъ фокусъ ловкій письмоводитель, когда ключи были у городничаго, это осталось покрыто густою завѣсой тайны. Снисходительный къ слабостямъ человѣческимъ, ревизоръ и не взялъ на себя труда ее изслѣдовать. Кончилась вся исторія однимъ

Digitized by Google

смѣхомъ главной персоны. Но на городничаго она такъ подѣйствовала, что онъ, по отъѣздѣ ревизора, слегъ въ постель и не вставалъ съ нея болѣе.

Во время болѣзни все бредилъ арестантами и взывалъ жалобнымъ голосомъ: «арестанты! гдѣ вы?» Передъ смертью пришолъ въ разсудокъ, исполнилъ свои христіанскія обязанности, попросилъ у всѣхъ прощенія, въ чомъ кого обидѣлъ, не намекнулъ даже письмоводителю, что умираетъ отъ его руки, и завѣщалъ похоронить его въ рыжемъ паричкѣ, чтобы въ гробу ему не было стыдно.

За гробомъ шло много народу. За нимъ слѣдовалъ письмоводитель, держа шпагу въ рукахъ, печальный, понуря голову, какъ бывало въ рыцарскія времена вѣрный конь, носившій своего господина въ бояхъ и на турнирахъ, слѣдовалъ за носилками его, чтобы положить свои кости въ одной съ нимъ могилѣ. Купечество сдѣлало богатыя поминки, стоившія большихъ денегъ; ѣли и пили много въ память своего бывшаго благодѣтеля. Но когда (по приглашенію Максима Ильича) приступлено было къ подпискѣ на уплату его долговъ, которыхъ оказалось рублей на шестьдесятъ по счотамъ (можетъ и съ нѣкоторою до-

Digitized by Google

бросовѣстной приписочкой на умершаго), всѣ отозвались, что и такъ много потратились на вина и прочее угощеніе для покойника. Вслѣдствіе чего Пшеницынъ одинъ взялся уплатить долги и содержать старушку кухарку, крѣпостную его женщину, оставшуюся безъ крова и куска хлѣба. Кухарка, какъ увидимъ, надѣлала много хлопотъ своему благодѣтелю.

Сдѣлали вѣрную опись оказавшемуся послѣ покойника имѣнію; присяжные цѣновщики оцѣнили его въ 36 рублей 27 и ¾ копѣекъ. Но какъ наслѣдниковъ на лицо не оказалось, то и приступили къ вызову посредствомъ публикаціи, не означая цѣны имѣнію. Между тѣмъ нанята коморка для храненія вещей и отдана лошадь въ полицію, чтобы содержать ее по положенію. Войлочки взялъ себѣ на память письмоводитель. Черезъ годъ наслѣдники отыскались. Но когда они потребовали имѣніе, или деньги по выручкѣ за него съ аукціоннаго торга, то оказалось, что съ нихъ слѣдуетъ довзыскать, сверхъ вырученной суммы, еще рублей двадцать пять и столько-то копѣекъ съ дробями за наемъ комнаты для храненія вещей и за содержаніе лошади. Дѣло объ этомъ тянулось лѣтъ десять и на него изведено бумаги на сумму, которая превышала самое взысканіе. Ку-

Digitized by Google

харку, попавшую тоже въ опись, за старостію лѣтъ никто не согласился взять.

На безыменной земляной насыпи, подъ которою навсегда почилъ Насонъ Моисѣичъ, поставленъ деревянный крестъ усердіемъ кухарки, и ею же творились по немъ поминки. Но и тѣ скоро замолкли. Только неизмѣнные съ вѣками солнышко и мѣсяцъ попеременно, да звѣзды разсыпныя, приходятъ и понынѣ голубить своими лучами могилку его, какъ и прочихъ братьевъ, почіющихъ на общей усыпальнѣ; только вѣтры непогодные прилетаютъ на нее съ своими заунывными пѣснями и гулятъ покойниковъ въ ихъ смертной колыбели. Еще чадолюбивая церковь не перестаетъ ежегодно поминать всѣхъ ихъ въ общей своей молитвѣ. Богъ знаетъ, и могилка-то Насона Моисѣича *его* ли нынче?... Можетъ быть, два-три новые вѣчные жильца пришли занять ее и потѣснить въ ней кости бывшаго начальника цѣлаго города.

Не знаю, какой дурной человѣкъ выучилъ Ваню разыгрывать роль городничаго, отыскивающаго своихъ арестантовъ. Всѣ помирали со смѣху, когда мальчикъ, щуря глаза и ныряя по сторонамъ, взывалъ тоненькимъ, писклявымъ голосомъ: «арестанты! арестанты! гдѣ вы?» Но Ларивонъ

Digitized by Google

скоро прекратилъ эту комедію, сказавъ Ванѣ, что стыдно и грѣшно передразнивать покойника.

Послѣ Насона Моисѣича принялъ бразды правленія какой-то коллежскій секретарь. Онъ былъ изъ числа тѣхъ господъ, которые носятъ романическое имя и половину фамиліи своего отца. Назовемъ его просто Модестомъ Эразмовичемъ. Это былъ человѣкъ порядочно образованный по тогдашнему, писалъ отличнымъ почеркомъ по-французски и даже сочинялъ русскіе стихи. Презентабельная наружность говорила въ его пользу. Онъ всегда былъ одѣтъ щегольски. Такъ и сіяло отъ него перстнями, золотомъ массивныхъ цѣпей съ разными побрякушками и дорогими булавками въ видѣ пылающаго сердца, колчана съ стрѣлами и голубя, несущаго во рту письмо. Особенно имѣлъ онъ искусство, даруемое только нѣкоторымъ избранникамъ, поражать взоры ослѣпительнымъ блескомъ солитера на указательномъ пальцѣ.

Разница въ управленіи городомъ между двумя начальниками была неизмѣримая. Предшественникъ никогда ни на шагъ не отлучался изъ города, подъ опасеніемъ, что его разстрѣляютъ, если онъ нарушитъ это правило; а преемникъ почти никогда не бывалъ въ городѣ. Первый трясся на войлочкахъ, окутавъ ноги тряпицей, а второй

Digitized by Google

спокойно ѣзжалъ на дрожкахъ, ни чѣмъ не покрывая глянцовитыхъ своихъ сапогъ. Одинъ имѣлъ письмоводителемъ низенькаго старичка, съ носомъ въ видѣ кровяной колбасы, на которомъ нахально торчали два стеклышка въ родѣ очковъ, а другой привезъ своего письмоводителя, высокаго, среднихъ лѣтъ, съ орлинымъ носомъ, у котораго кончикъ былъ очень бѣлъ, какъ бы отмороженный, но замѣтьте — съ носомъ, нетерпящимъ никакого ига. У одного письмоводитель пилъ горькую и закусывалъ лукомъ, у другаго пилъ сладкую и замаривалъ водочный запахъ гвоздикой и амбре. Секретарь Насона Моисѣевича дѣлалъ только *свои* дѣла, а секретарь Модеста Эразмовича—домашнія и служебныя дѣла свои и своего начальника съ неутомимымъ рвеніемъ и преданностію, отчего расходы просителей и вообще гражданъ получили быстрое развитіе и преуспѣяніе. Сначала жители ощутили эту разницу, немного втайнѣ пороптали, но, едва прошло нѣсколько недѣль, попривыкли къ новому ходу дѣлъ, какъ привыкаетъ ко всему человѣкъ, съумѣвшій ужиться и между льдами полярными и подъ зноемъ тропиковъ. Впрочемъ, какъ скоро новый письмоводитель ознакомился съ жителями, а еще болѣе вникъ глубоко въ статистику ихъ состояній, онъ очень уравнительно, но

Digitized by Google

правилу товарищества, *обложилъ* каждаго, не обходя и сумы нищаго, а купцы *наложили* маленькіе проценты на товары и съѣстные припасы. Вскорѣ граждане обучились считать городничаго и его штатъ какою-то законною повинностью. Новаго письмоводителя начали также провозглашать благодѣтелемъ человѣчества и говорили при этомъ: —Вотъ и Насонъ Моисѣичъ, дай Богъ ему царствіе небесное! ужъ не добрая ли была душа.... а все-таки бывало гнетъ на законъ. Все упрашиваетъ, чтобы купцы не скупали ничего за заставами. — Это, говоритъ, какое-то маніоболіе! Видно, по-малороссійски или по-чухонски, прости Господи! Не равно, говоритъ, пріѣдетъ ревизоръ, меня и васъ всѣхъ упечетъ подъ судъ. Толку что въ немъ, что честный — ни себѣ ни людямъ! А этотъ — молодецъ, никого не боится, любитъ взять, да и нашему брату любитъ дать поживу.

Новый благовоспитанный городничій былъ очень далекъ отъ всѣхъ этихъ продѣлокъ. Попробуй принести, турнетъ, что и своихъ не узнаешь. Онъ сердито на словахъ гналъ взяточничество и даже написалъ оду на лихоимство, гдѣ представилъ его во образѣ какого-то ужаснаго чудовища, пожирающаго собственныхъ дѣтей. А вздумай кто жа-

Digitized by Google

ловаться на письмоводителя, пугнетъ такъ, что ступеньки всѣ на лѣстницѣ его пересчитаешь. Не пожалѣетъ и солитера!

Такъ жители забыли добрѣйшаго Насона Моисѣича и обращались къ Модесту Эразмовичу только съ высокоторжественными поздравленіями, въ томъ числѣ и въ день его ангела.

Какъ выше сказано, новый городничій большую часть дня, иногда и ночи, проводилъ внѣ города. Почти каждый день ѣзжалъ онъ къ какой-то графинѣ, жившей врозь съ мужемъ, въ богатомъ помѣстьѣ, за нѣсколько верстъ отъ Холодни. Ея протекціи обязанъ онъ былъ своимъ новымъ мѣстомъ, и за то въ благодарность исполнялъ при ней должность домашняго секретаря. А такъ какъ графиня занималась сочиненіемъ французскихъ романовъ, довольно многотомныхъ, которыхъ рукописи любила имѣть въ нѣсколькихъ экземплярахъ, то и записывался онъ до изнеможенія силъ. Въ нынѣшнее время графиня взяла бы въ секретари француза, но тогда въ Россіи иностранцы были рѣдки, особенно трудно было ихъ найдти для должности домашняго секретаря. Все были старые роялисты!... Собираясь къ графинѣ, чтобы явиться къ ней въ пріятномъ видѣ, онъ часа два тщательно занимался туалетомъ своимъ: чистилъ

Digitized by Google

себѣ ногти, артистически обдѣлывалъ свои букли, помадилъ губы, пудрилъ лицо, надѣвъ свой солитеръ, долго любовался имъ и т. п.

Сверхъ того Модестъ Эразмовичъ страстно любилъ охоту съ ружьемъ. Стрѣлялъ онъ такъ мѣтко, что попадалъ въ серебряный пятачокъ. Письмоводитель, котораго онъ опредѣлилъ въ эту должность за то, что нѣсколько лѣтъ таскался съ нимъ по болотамъ и носилъ застрѣленную дичь, хотя и славился тоже мастерской стрѣльбой, попадалъ только въ мѣдный пятакъ. Можетъ быть, какъ политичное лицо, онъ немного кривилъ ружьемъ и душой, чтобы не помрачить славы своего начальника. Новый городничій посвящалъ также нѣсколько часовъ сочиненію стиховъ. Стихи эти, большею частію эротическіе или любовные, какъ ихъ называли, ходили между властями по городу и даже губерніи. Немудрено, что многія изъ его пѣсенъ дошли до насъ въ пѣсенникахъ того времени и тѣ, которыя считаются лучшими въ этихъ сборникахъ, принадлежатъ, конечно, тогдашнему городничему. Съ дамами могъ бы, но боялся быть очень любезнымъ, потому что люди, при немъ въ услуженіи находившіеся, принадлежали графинѣ.

Такъ какъ онъ обрѣтался болѣе въ уѣздѣ, чѣмъ

Digitized by Google

въ городѣ, то и прозвали его уѣзднымъ городничимъ. Въ этомъ названіи, какъ и во многихъ другихъ, довольно мѣткихъ, былъ виновенъ добрѣйшій Максимъ Ильичъ Пшеницынъ, который, не смотря на свой кроткій, миротворный характеръ, любилъ почесать язычокъ на счотъ другихъ. Это была врожденная слабость, за которую онъ не разъ дорого платился и однажды едва не подпалъ большой бѣдѣ.

Уѣздный городничій ласкалъ Ваню и имѣлъ отчасти вліяніе на его воспитаніе. Модестъ Эразмовичъ научилъ его первымъ правиламъ стихотворства и декламаціи. Ваня съ одушевленіемъ и вѣрно читалъ его стихи передъ многочисленной публикой и даже разъ произнесъ русскій акростихъ, заранѣе переведенный на французскій языкъ, передъ поэтической графиней, которой городничій представилъ его, какъ ранній талантъ. Ваня декламировалъ стихи «съ толкомъ, съ чувствомъ, съ разстановкой», и графиня наградила ранній талантъ поцалуемъ и французскимъ молитвенникомъ въ роскошномъ переплетѣ. — «*Будь добродѣтель, имѣй правъ чистъ и благочесть* *)» — сказала Ванѣ рус-

*) Въ десятыхъ годахъ знавалъ я одну русскую графиню, которая такъ худо по-русски говорила, что даже и другія аристократки надъ нею смѣялись.

Digitized by Google

ская графиня и дала городничему поцаловать свою ручку въ знакъ благодарности, что привезъ такого милаго цитатора стиховъ. Надо сказать, что эта высоконравственная женщина, покинувшая своего мужа за его беспутную жизнь, когда ей было гораздо за сорокъ лѣтъ, одѣвалась иногда въ подражаніе островитянкамъ Тихаго океана — въ какомъ-то легкомъ, полувоздушномъ пеньюарѣ, обрисовывавшемъ очень хорошо ея роскошныя формы.

Разъ зашла въ откуда-то въ Холодную цыганка-гадальщица и предсказала, что городничіе тамошніе не будутъ долго сидѣть на мѣстѣ. Какъ сказала, такъ и сдѣлалось. Черезъ два, три года Модестъ Эразмовичъ очень захирѣлъ, вышелъ въ отставку и отправился съ графиней поправлять свое здоровье на какія-то воды, изумительно возстановлявшія силы.

Преемникомъ его былъ титулярный совѣтникъ Герасимъ Сазонычъ Поскребкинъ, собою молодецъ, и ростомъ и дородствомъ взялъ. Грудь широкая, выя хоть сейчасъ подъ ярмо, глаза, какъ у рыси, спокойствіе и твердость невозмутимыя во всѣхъ трудныхъ обстоятельствахъ жизни. Онъ былъ женатъ на пріемышѣ какой-то знатной особы, подъ покровительствомъ которой и состоялъ.

Digitized by Google

О! этотъ далеко обогналъ своихъ предшественниковъ. Надо сказать, что онъ, сколько извѣстно было, служилъ прежде какимъ–то полицейскимъ чиновникомъ по пожарной части и потерялъ это мѣсто за неблаговидныя дѣла, потомъ проходилъ служеніе въ какомъ–то мѣстѣ въ родѣ экзекуторскаго.

Здѣсь обнаружилъ онъ широкія способности къ экономіи. Такъ, отпуская на канцелярію свѣчи, сберегалъ изъ нихъ нѣкоторое количество, не только для своего домашняго обихода, на что начальство посмотрѣло бы сквозь пальцы, но и для дешеваго распространенія сальнаго свѣта по городу. Это бы еще ничего. Слабость къ сальнымъ свѣчамъ!... Вотъ, напримѣръ, что можетъ быть гаже зеленаго фонарнаго масла? Чтожъ дѣлать, я имѣю слабость къ зеленому фонарному маслу. Зеленое масло, особенно когда оно горитъ à petit jour, производитъ на меня какое–то магическое дѣйствіе. Вы не повѣрите? Право, не шучу. Впрочемъ не я одинъ съ такимъ страннымъ вкусомъ: въ каждомъ порядочномъ городѣ вы найдете мнѣ товарища гебра, поклонника фонарнаго огня, горящаго отъ зеленаго масла. Затѣмъ Поскребкинъ имѣлъ слабость къ бумагѣ. Отпуская бумагу канцелярскимъ служителямъ, удерживалъ

Digitized by Google

онъ утончённымъ хозяйственнымъ образомъ изъ каждой дести по нѣскольку листовъ, а изъ каждой стопы по нѣскольку дестей. Такимъ образомъ, въ извѣстный періодъ времени, накапливалось достаточное количество стопъ, которыя, за вѣдомокраденыя, покупали у него мелкіе торговцы. Для избѣжанія чего начальство вынуждено было накладывать на бумагу штемпель того мѣста, которому принадлежала бумага. Съ дровами опять экономія! Изъ каждыхъ двухъ покупаемыхъ саженей выводилъ онъ три, а когда недоставало дровъ, рубилъ на отопленіе и заборы.

Поскребкинъ былъ человѣкъ ловкій, умѣлъ угодить. То на паперти выхватитъ ковершикъ изъ рукъ выѣзднаго за женою своего начальника. Она въ церкви, а ужъ подъ ноги ея Герасимъ Сазонычъ стелетъ ковершикъ, и награжденъ улыбкой. То при выходѣ ея изъ театра онъ первый прокричитъ: карета ваша подана! Тутъ привѣтливое киваніе, а онъ успѣетъ хоть подолъ салопа ея посадить въ карету, да еще дружески раскланяться съ выѣзднымъ, котораго когда-то употчивалъ въ трактирѣ. Какой прекрасный, услужливый человѣкъ этотъ Поскребкинъ!—говорила жена начальника своему мужу. И швейцаръ первой особы въ городѣ жметъ «съ своимъ почтеніемъ» щедрую

Digitized by Google

руку ловкаго человѣчка. Случится ли пожаръ, онъ тутъ, хотя и не его дѣло, и первый въ глазахъ начальника зажметъ мощною рукою то мѣсто пожарной кишки, которое прорвалось. На другой день начальникъ видитъ его съ обожженнымъ ухомъ, или съ подвязанною рукой. Онъ хвастался, что, когда былъ на службѣ въ какой-то глухой губерніи, никто лучше его не умѣлъ управлять кишкою пожарной трубы. Особенно мастеръ былъ на это дѣло въ угожденіе какого-то главнаго начальника, который, катаясь съ ледяныхъ горъ, приказывалъ опрыскивать изъ трубы каждаго, кто осмѣливался смотрѣть на его забавы.

Но, увы! не смотря на всѣ эти угожденія, начальникъ, увидавъ, что хозяйственные таланты Поскребкина все болѣе и болѣе совершенствуются и принимаютъ ужасающіе размѣры, сначала говорилъ, что постыдно такъ воровать. Потомъ, видя, что эти утчивые намеки не помогаютъ, сказалъ ему наединѣ, въ кабинетѣ, что онъ плутъ, воръ, мошенникъ, и что нельзя съ нимъ служить. Поскребкинъ, съ благороднымъ достоинствомъ ударяя себя въ грудь, отвѣчалъ: — ваше!... (и прочее: надо замѣтить, что онъ своихъ начальниковъ величалъ всегда одною степенью выше, нежели какую они имѣли) изволите обижать меня пона-

Digitized by Google

прасну. Ей Богу, понапрасну! Я воромъ и мошенникомъ никогда не былъ. И на что мнѣ? Я самъ имѣю состояніе—деревушку въ Расторгуевой губерніи; довольствуюсь малымъ.—Начальникъ, высчитавъ всѣ хозяйственныя его продѣлки, очень вѣжливо опять повторялъ прежнія деликатныя имена и просилъ сдѣлать ему одолженіе избавить его отъ служенія съ нимъ. Тутъ Поскребкинъ, показывая на уголъ комнаты, восклицалъ яркимъ, басистымъ голосомъ, вылетавшимъ изъ широкой груди его:—Чтобъ мнѣ сальнымъ огаркомъ подавиться! Утроба моя разорвалась бы отъ одного листа бумаги! Дѣтей моихъ перебило бы полѣномъ дровъ! Вы изволили видѣть, жена моя беременна... чтобъ она родила бревно вмѣсто живаго ребенка, если я посягнулъ на разореніе хоть одного столба въ заборѣ!... А я еще уповалъ (тутъ онъ говорилъ болѣе жалостнымъ голосомъ, фистулой), что ваше (и прочее), какъ всегдашній мой благодѣтель и отецъ, удостоите быть у меня крестнымъ отцомъ! Помилуйте! Какимъ-нибудь кускомъ сала или ветошнымъ отребьемъ захочу ли марать свою честь!—Потомъ начиналъ кулакомъ утирать слезы, упрекалъ въ клеветѣ своихъ недоброжелателей, которые будто требовали отъ него *акциденціи*, да онъ, помня присягу и долгъ благороднаго чело-

Digitized by Google

вѣка и вѣрнаго сына отечества, не посягнулъ на такія гнусныя дѣла. — Чтобъ имъ такъ сладко было, какъ мнѣ теперь, передъ лицомъ великодушнѣйшаго и благороднѣйшаго изъ начальниковъ! Ежеденно молю Господа за здравіе ваше и вашей супруги.... Божественная женщина!... Чтобъ Господь даровалъ вамъ хоть одно дѣтище на порадованіе ваше! Помилосердуйте, ваше (и прочее). Жена, куча дѣтей, малъ-малымъ меньше.... пить, ѣсть надо.... Говоря это, Поскребкинъ думалъ, какъ искусный ораторъ, какую мимику употребить въ пособіе своему краснорѣчію. Поцаловать у начальника ручку? — неравно ткнетъ его въ глазъ огнемъ сигары. Броситься въ ноги?—оттолкнетъ, какъ гадину, концомъ своего сапога. И не рѣшился ни на то, ни на другое. А начальникъ думалъ: настоящій разбойникъ! какъ бы еще не задушилъ!... Однакожъ порѣшилъ это дѣло тѣмъ, на чомъ его началъ: Поскребкинъ долженъ былъ выйдти въ отставку.

Недолго, только полгодика, томился онъ въ ней. Жена бросилась къ своей покровительницѣ, расплакалась, жаловалась на несправедливость начальства, на коварство и недоброжелательство клеветниковъ и наушниковъ, и успѣла до того разжалобить сильную особу, что та обѣщала ей

Digitized by Google

свою протекцію и даже назвала бывшаго главнаго начальника Поскребкина человѣкомъ безъ сердца, злодѣемъ. Un homme sans foi, ni loi—прибавила она, обратясь къ сидѣвшему у ней генералу. Даже, говорятъ, попрекнула гонителя бездѣтностью.

И вотъ Поскребкинъ городничимъ въ Холоднѣ. Здѣсь представился широкій кругозоръ его наклонностямъ; начальства для него въ городѣ не было. Гуляй мой мечъ! сказалъ бы онъ, еслибъ зналъ стихи изъ новѣйшихъ трагедій. Тутъ начались у него — вѣдь голодалъ шесть мѣсяцевъ — ненасытные припадки какихъ-то аппетитовъ. То появятся аппетиты на сахаръ, осетрину, стерлядь, лиссабонское и прочіе съѣстные и питейные припасы; то на сукно или матерію для жены. Давай то и другое, пятое и десятое. Бѣда, коль не заморить этихъ прихотей. Берегись тогда первый купецъ, попавшійся ему на глаза; сейчасъ оборветъ, да еще хуже чтобъ не надѣлалъ. — Пожалуй, чего добраго, подлецъ и впрямь обесчститъ, наплюетъ въ глаза! — говоритъ торговецъ, который успѣлъ ему подвернуться. И несетъ съ низкимъ поклономъ отъ усердія своего. Наконецъ вкусы Поскребкина до того стали разнообразиться, что слюнки у него потекли на все, что жад-

Digitized by Google

нымъ глазамъ его только полюбится, даже на коровъ, на лошадей. Можетъ быть, современемъ пришолъ бы аппетитъ и на домикъ; но, какъ увидимъ далѣе, Максимъ Ильичъ умѣлъ разомъ пересѣчь припадки его бѣшенаго обжорства.

Ѣздилъ Поскребкинъ, развалясь въ крытыхъ дрожкахъ, на чубаромъ иноходцѣ съ такою же пристяжною, которая завивалась кольцомъ и ѣла землю. Вотъ увидалъ онъ у Максима Ильича кровнаго сѣраго рысака; спитъ и видитъ, достать рысака. Вихремъ прокатитъ на немъ хозяинъ; кажется, такъ и топчетъ имъ городничаго.

— Воля твоя — говоритъ Поскребкинъ Максиму Ильичу — уступи, братъ, сѣраго коня. И во снѣ меня мордой пихаетъ. Аппетитъ на него такой припалъ.... слышь (тутъ онъ взялъ руку своего собесѣдника и приложилъ ладонь къ желудку), такъ и ворчитъ: подай ры-са-ка! Не дашь, свалюсь въ постель, будешь Богу отвѣчать. Я ли тебѣ не слуга?

— Поворчитъ — отвѣчалъ Пшеницынъ—да и перестанетъ, а я тебѣ по этой части не лекарь. Сѣраго коня любитъ жена, не отдамъ ни за какія деньги.

— Ой ли?

— Сказалъ.

Digitized by Google

— Послѣднее слово?

— Рѣшительное.

— Ну, смотри, братъ Максимъ, доѣду.

— Доѣзжай, а я покуда поѣду на рысакѣ. Еще будь разъ навсегда сказано: бесчестныхъ и беззаконныхъ дѣлъ не дѣлаю, и не только тебя, *никого* не боюсь.

— Помни ты у меня эти слова! — сказалъ Поскребкинъ и погрозилъ своимъ пальцемъ, какъ жезломъ.

— Никогда не забываю; готовъ повторить и повыше кому.

Съ того времени городничій и рветъ и мечетъ и кипитъ гнѣвомъ на Пшеницыныхъ. Еще болѣе разожгли его слѣдующіе случаи. На другой день въ церкви у обѣдни Прасковья Михайловна стала впереди городничихи, а послѣ обѣда проѣхала мимо оконъ ея на лихомъ сѣромъ рысакѣ, въ новыхъ щегольскихъ дрожкахъ. Мелькнула молніей, и сердита и блистательна, да еще обдала городничиху, будто въ насмѣшку, облакомъ пыли.

— Купчиха лѣзетъ впередъ! Я все-таки начальница города — говорила жена городничаго. — Воля твоя, это афронтъ. Я этого не потерплю, я напишу къ моей благодѣтельницѣ. Какъ хочешь, Герасимъ Сазонычъ, ты у меня упеки ее

Digitized by Google

въ тюрьму, чтобы не хвалилась; не то разведусь съ тобой.

Выжидая случая подкосить Максима Ильича, какъ говорилъ Поскребкинъ, онъ продолжалъ безбоязненно свои подвиги. Такъ забываютъ этого рода люди свои прежнія невзгоды, иногда нужду, холодъ, голодъ, страданія цѣлаго семейства, лишь только на новомъ мѣстѣ удаются имъ новыя беззаконныя пріобрѣтенія. Такъ-то бываетъ.... Придетъ бѣда — люди охаютъ, стонутъ, обѣщаютъ исправиться, обновиться и просвѣтиться добромъ; пройдетъ невзгода — забываютъ все, и опять принимаются за старое, и опять погрязаютъ въ тинѣ невѣжества, въ нѣгѣ взяточничества.

Приведутъ въ полицію краденую лошадь съ воромъ — конокрада выпустятъ, а похищеніе рано или поздно дѣлается достояніемъ Пшеницына, словно онъ всеобщій наслѣдникъ. Является за лошадью хозяинъ крестьянинъ. Онъ обѣгалъ болѣе ста верстъ по разнымъ уѣздамъ, упустивъ дома важныя полевыя работы, отъ которыхъ живетъ цѣлый годъ, растрясъ на мошенниковъ и колдуновъ послѣднія свои деньжонки, чтобы указали ему только на слѣдъ *живота* его. Услужливо ему выводятъ лошадь изъ полицейской конюшни. Скотина его, по всѣмъ примѣтамъ, описаннымъ

Digitized by Google

въ явочномъ объявленіи! И масть та же, и конецъ уха также обрубленъ, и грива лежитъ на ту же сторону, какъ у пропавшей лошади. Его, да не его. Жена притащилась съ нимъ и дочерью выручать своего добраго воронка. И онѣ также признаютъ ее.—Вотъ—говоритъ старушка—и сама признала насъ; заржала кормилица, и мордочку къ намъ протянула, только насъ завидѣла. Въ какой сторонѣ была ты, моя голубушка? По какимъ мытарствамъ не водили тебя? Чай, не во время попоили, не въ сласть накормили, а, можетъ, и вовсе цѣлый денекъ была не ѣвши. Легче бъ намъ самимъ безъ хлѣбушка оставаться. — И начнетъ старушка причитать разныя нѣжности своему животу и выть надъ нимъ. Дочь подставляетъ руку свою подъ морду лошади, и та лижетъ руку, которая привыкла ее лакомить краюхами хлѣба, посыпаннаго солью.—Наша, да и только, матушка, говоритъ дѣвка, и отъ радости цалуетъ воронка. Дѣйствительно ихъ лошадь, а выходитъ не ихъ. У ихъ лошади на одной ногѣ бѣлое пятнышко, а у этой вся нога словно въ чорный чулокъ обута. Опытный глазъ увидѣлъ бы, что пятно закрашено чорною краской. Въ явочномъ объявленіи стоитъ бѣлое пятнышко на ногѣ.—Такъ ли, мужикъ?—спрашиваетъ беспристрастный письмоводитель.—

Digitized by Google

Такъ, батюшка, грѣшить нече — отвѣчаетъ горюнъ. Гдѣ жъ мужику признать косметическую поддѣлку?... Приходитъ отступиться. Почешетъ старикъ голову, почешетъ грудь, горько вздохнетъ, да поохаетъ съ старушкой, а дѣлать нечего — знать, лукавый подшутилъ надъ ними. Но дѣвкѣ не такъ легко разстаться съ воронкомъ; видно, натура молодая и неопытная! Обвила шею его своими мощными, загорѣлыми руками, и замерла на ней, не смотря на брань полицейскихъ служителей! Рыдая, говоритъ она — нашъ, свято слово, нашъ! Не разстанусь съ тобой, рòдный мой, кормилецъ ты нашъ!—И пуще прежняго сжимаетъ шею коня въ своихъ объятіяхъ. Позвали городничаго. Мигнулъ онъ двумъ бравымъ молодцамъ.... Разомъ оторвались отъ лошади двѣ дѣвичьи руки, какъ двѣ гибкія вѣтви молодой березы, дружно сплетшіяся; хотѣли было молодцы куда–то потащить дѣвку, да.... взглянули на городничаго. Тотъ махнулъ рукой, плюнулъ и скрылся, чтобъ, неравно, не случилось при немъ какого несчастія. Дѣвка лежала полумертвая на землѣ, пѣна клубомъ била у ней изо рта....

Такимъ образомъ и другими фокусами краденыя забѣглыя лошади поступали въ собственность Поскребкина. Также и краденые самовары, кострю-

Digitized by Google

ли, оловянная посуда, якори, рогожи, бичовки, все цѣнное и нецѣнное поглощалось ненасытною утробой его. Въ извѣстный, благопріятный періодъ времени, подъ укрывательствомъ волчьей ночи, всѣ эти вещи укладывались въ краденую телегу, въ которую запрягали лошадь неотысканнаго хозяина, и отправлялись съ вѣрнымъ служителемъ въ деревушку Герасима Сазоновича, родъ закутки, укрытой лѣсами и охраняемой болотами. Такъ по немногу изъ песчинокъ невидимо слѣпливаются дома и большія состоянія!

Случилось однажды богатому купцу, по невѣдѣнію ли законовъ, по намѣренности ли, сдѣлать какой-то проступокъ. Виноватъ, да и только. Приходило ему худо, и добрые люди присовѣтовали ему отнести сотнягу рублей Герасиму Сазонычу. Такъ и сдѣлалъ купецъ. Главный совѣтникъ его по этому дѣлу далъ знать Поскребкину о кушѣ, который ему готовится, и о часѣ, въ который сдѣлано будетъ приношеніе. Въ это время остановилось въ городѣ, по болѣзни или по домашнему дѣлу, значительное лицо. Вотъ приходитъ *по секрету* къ городничему виновный купецъ. Ласково принимаютъ его. Онъ осторожно затворяетъ за собою дверь и, объяснивъ, что у него есть такое и такое-то дѣльце, проситъ пощады; вмѣстѣ съ

Digitized by Google

этимъ осторожно, съ низкими поклонами, кладетъ на столъ кувертъ, немного отдувшійся. Для вящшаго эффекта положены въ него все синенькія. Надо было видѣть, какъ гнѣвно привсталъ Поскребкинъ во всю громадную высоту свою, какъ онъ вскинѣлъ гнѣвомъ, швырнулъ на полъ кувертъ такъ, что бумажки разлетѣлись, и закричалъ громовымъ голосомъ, потрясшимъ стѣны:—Что это?... Подкупать?... Меня?... Развѣ я взяточникъ?... Поклянешься ли, что я бралъ отъ тебя когда–нибудь?... Подъ колоколами спросятъ. Развѣ я не присягалъ служить, какъ подобаетъ вѣрнымъ подданнымъ?... Господа, прошу засвидѣтельствовать. — А тутъ какъ тутъ, выросли изъ земли три свидѣтеля. Впереди самъ стражъ законовъ, богобоязливый старичокъ, съ постнымъ лицомъ, выплываетъ мѣрно и, ныряя, головой, точно утка съ своими утенятами скользитъ по зеркалу пруда, гдѣ рыболовы закинули неводъ. Онъ смиренно дѣлаетъ какіе–то знаки рукой на груди, словно готовится на какое–нибудь благочестивое дѣло. За нимъ невозмутимо выступаетъ своимъ брюшкомъ купецъ, тоже должностное лицо. Онъ держитъ пальцы правой руки, налитые брагою, между петлями сюртука. Сзади, господствуя надъ всѣми взъерошенною головой, выказываетъ свой острый,

Digitized by Google

бекасиный носикъ надзиратель, испитой, длинный и прямой, какъ верстовой столбъ. Въ его глазахъ видны одно холодное безстрастіе и строгое исполненіе своего долга. Онъ знаетъ, что отъ сладкаго пирога ему достанутся только корки.

Улика на лицо. Купецъ помертвѣлъ и бросается въ ноги городничему. — Не погубите, ваше благородіе — вопіетъ онъ отчаяннымъ голосомъ. — Не самъ собою, помутили худые люди.—Нѣтъ пощады! Записать въ журналъ, да и только; отослать деньги въ пользу богоугоднаго заведенія!

Въ ту же минуту, съ быстротою электрическаго телеграфа, сказалъ бы я, если бъ электричество было тогда изобрѣтено, и потому скажу—съ быстротою стоустой молвы, честный, благородный, примѣрный поступокъ Герасима Сазоныча разносится по городу и доходитъ до ушей значительнаго человѣка, который, по болѣзни или по домашнимъ обстоятельствамъ остановился въ городѣ. Значительный человѣкъ въ неописанномъ восторгѣ отъ этого неслыханнаго подвига, желаетъ видѣть въ лицо городничаго, чтобы удержать благородныя черты его въ своей памяти, разсыпается въ похвалахъ ему, говоритъ, что разскажетъ объ этомъ по всему пути своему, въ Петербургѣ, когда туда пріѣдетъ, вездѣ, гдѣ живутъ люди.

Digitized by Google

Мало — надо непремѣнно въ газетахъ напечатать объ этомъ во всеобщее свѣдѣніе, на поученіе всѣмъ городничимъ и прочимъ правителямъ. Съ такими высокими мнѣніями о Поскребкинѣ и чувствами удивленія къ его душевнымъ качествамъ значительный человѣкъ уѣзжаетъ изъ Холодни. Чѣмъ же все это оканчивается? Чтобы замять и потушить дѣло, купецъ вноситъ уже, по секрету, не сто, а пятьсотъ рублей, да еще задаетъ на славу обѣдъ. Никакое богоугодное заведеніе не записывало у себя на приходъ ни одной копѣйки изъ этихъ денегъ. Надо прибавить къ чести Герасима Сазоныча, онъ на этотъ обѣдъ не явился, но уговаривалъ всѣхъ ѣхать, говоря, что купецъ человѣкъ прекрасный, только опростоволосился по наущенію недобрыхъ людей, желавшихъ его погубить.

Разъ какъ-то на дворъ къ Максиму Ильичу въѣхала лихая тройка одной масти. Подъ дугою гудѣлъ заливнымъ звономъ валдайскій колоколъ; бубенчики лепетали разными звуками, мастерски подобранными отъ самаго тоненькаго до самаго густаго. Въ звукахъ этихъ былъ какой-то музыкальный строй. Покромка краснаго сукна обвивала сбрую на лошадяхъ; мѣдь въ бляхахъ, звѣздахъ и полумѣсяцахъ, казалось, должна была сдавить ко-

Digitized by Google

ней. Пестрый, съ азіатскими узорами яркихъ цвѣтовъ, коверъ упадалъ съ кресель пошевень почти до земли. Всю ширину пошевень занимала огромная медвѣжья шуба и поверхъ ея торчала, похожая фигурой на башню съ куполомъ, высокая шапка изъ сѣрыхъ мерлушекъ съ бархатнымъ верхомъ зеленаго цвѣта. Кучеръ былъ въ нагольномъ тулупѣ, видавшемъ разные виды и непогоды на своемъ вѣку, и потому носившій какой-то неопредѣленный цвѣтъ, не то желтый, не то красный, не то буропѣгій. Рядомъ, свѣсивъ съ кучерскаго мѣста ноги въ холодныхъ сапожкахъ, которыми изрѣдка постукивалъ одинъ объ другой, сидѣлъ мальчикъ лѣтъ тринадцати, остриженный въ кружокъ. Онъ также былъ въ овчинномъ тулупчикѣ, только совершенно новенькомъ, что можно было не только видѣть по мучистой бѣлизнѣ его, но и слышать по запаху. Нарядомъ своимъ онъ очень занимался; это замѣтно было изъ движеній его рукавовъ, которые поднималъ поперемѣнно, смотря на нихъ съ особеннымъ удовольствіемъ. Казалось, онъ любовался въ нихъ самъ собою, какъ въ зеркалѣ. На головѣ у него нахлобучена была высокая шапка изъ порыжѣлыхъ мерлушекъ, безпрестанно наѣзжавшая ему на лобъ. Вѣроятно, ее сняли съ большой головы, взявши однакожъ

Digitized by Google

предосторожность удержать ее по возможности на мальчикѣ, о чомъ можно было также догадаться по нѣсколькимъ вѣткамъ сѣна, упорно выползавшимъ изъ-подъ шапки. Тройка лихо завернула къ крыльцу. Ваня игралъ въ это время на дворѣ въ снѣжки.

— Что дома тятенька? — спросила медвѣжья шуба.

Это былъ исправникъ Трехвостовъ.

— Дома — сказалъ Ваня, и побѣжалъ къ отцу повѣстить о пріѣзжемъ гостѣ. Послѣ того онъ ужъ не показывался въ гостиной, потому что всегда чувствовалъ какой-то страхъ къ Трехвостову.

И немудрено. Трехвостовъ былъ мужикъ рыжій, широкоплечій, но сутуловатый. Оспа такъ обезобразила его лицо, какъ будто первоученикъ портной вывелъ на немъ суровыми нитками грубые швы и рубцы, и выковырялъ толстою иглой брови и вѣки. Слеза всегда била у него изъ глазъ, какъ у старой оболонки. Голосъ его, казалось, выходилъ не изъ груди, а изъ желудка. Правда, онѣ считалъ этотъ органъ едва ли не лишнимъ. Вся бесѣда его обыкновенно происходила въ нѣсколькихъ словахъ, произношеніе которыхъ иногда сбивалось на сдержанное мычанье коровы. До смысла ихъ слушатели доходили съ трудомъ, да

Digitized by Google

и не гонялись за смысломъ, зная, что его не оказалось бы много, если бъ онъ изъяснялся и въ болѣе обширныхъ размѣрахъ. Въ уѣздѣ называли его прекраснымъ человѣкомъ, а онъ считалъ себя честнѣйшимъ, потому что не бралъ отъ дворянъ взятокъ деньгами, а развѣ некупленными съѣстными припасами для себя и лошадей. Пощечиться, гдѣ можно, отъ казны и купцовъ, дѣло другое. — Что имъ? богаты! — говорилъ онъ. Отъ крестьянъ любилъ только угощеніе. — «Добрѣйшая душа! — говорилъ въ одной деревнѣ староста, у котораго торчала одна половина бороды (русскій человѣкъ не злопамятенъ)—только больно сердцемъ горячъ».—Бывало, разъяренный заскрежещетъ зубами, казалось, съѣстъ тебя, дастъ волю кулакамъ, того и гляди убьетъ, а за клочкомъ бороды, какъ староста, ужъ и не гоняйся. За то сердце скоро и сбѣжитъ, словно съ гуся вода. Опомнится, сниметъ передъ битымъ шапку, да еще поцалуетъ его. — «Не взыщи, братъ — молвитъ онъ—больно горячъ! Такъ матушка родила». — Надо сказать, что у русскаго мужика голова вылита будто изъ чугуна. Лежитъ себѣ на печкѣ, а сѣрозеленая мгла угара стоитъ съ потолка по поясъ избы. Ему ничего, тогда какъ у васъ въ этой избѣ въ двѣ, три минуты затрещитъ

Digitized by Google

черепъ. Посмотришь на сельскихъ праздникахъ, пьяный мужикъ за угломъ клѣти замертво валяется въ ужасномъ видѣ; голова проломлена, кровь бьетъ изъ носу и ушей. Пьяный ли, падая, ударился объ уголъ клѣти или подвизался въ рукопашномъ бою? кто его знаетъ. Только и думаешь, послать было скорѣе за лекаремъ, да за попомъ. — «Э, батюшка, не тревожьтесь напрасно — говоритъ братъ или сынъ родной — бывалое дѣло!» — И подлинно, не для чего было тревожиться. Окатятъ холодной водой, а иногда дѣло и безъ того обойдется; сдѣлаетъ богатырскую высыпку на полсутки безъ движенія, потомъ встанетъ, какъ ни въ чомъ не бывало, да только попроситъ опохмѣлиться.

Любилъ-таки покушать Трехвостовъ. Ѣда для него была все равно, что жвачка для коровы. Чего, и въ какое время дня и ночи, не былъ онъ въ состояніи поглотить! Не разъ случалось, что онъ бывалъ на двухъ закускахъ и двухъ обѣдахъ, черезъ часъ на каждомъ. Онъ ѣлъ и пилъ за вторымъ обѣдомъ такъ же аппетитно, какъ и за первымъ. По окончаніи послѣдняго говорилъ иногда: —«Много ли надо человѣку, чтобы сыту быть!»— Послѣдствій отъ такихъ пресыщеній никогда не случалось, кромѣ двухъ, трехъ лишнихъ часоч-

Digitized by Google

ковъ сна — хоть на кочкѣ болотной или въ полдень на солнечномъ припекѣ. За то могъ, какъ верблюдъ, оставаться по цѣлымъ суткамъ безъ ѣды. Развѣ заморитъ червяка коркою хлѣба, посыпаннаго солью едва ли не въ толщину самой корки. Дѣлавшимъ ему въ этомъ случаѣ замѣчаніе, почему онъ своей провизіи никогда не возитъ, отвѣчалъ: — «А на чтожъ я и исправникъ!»—Но испытывать эту діэту случалось ему очень рѣдко, и то развѣ въ дремучихъ лѣсахъ, на ловлѣ разбойниковъ. Когда онъ пріѣзжалъ на слѣдствіе, головы, старосты и прикащики угощали его отборными сельскими яствами на убой и питіями до положенія.

Велѣлъ Пшеницынъ принять гостя.

Пыхтя ввалился онъ въ гостиную, молча обнялъ Максима Ильича, также молча подошолъ къ рукѣ Прасковьи Михайловны, которая только наклонилась къ щекѣ его, и, въ осторожномъ разстояніи, послала ей поцалуй.

— Не за дѣломъ ли? — спросилъ Пшеницынъ. (А случались у нихъ дѣла по караванамъ, проходившимъ въ уѣздѣ).

— Нѣтъ, братецъ.

Помолчали.

— А закусить.... будетъ?

Digitized by Google

Подали закуску: икры, пирогъ, ветчины окорокъ, холоднаго поросенка, холодной телятины, копчонаго гуся и графинъ ерофеичу. Будто голодный боа, глоталъ гость куски полнаго блюда въ ужасающихъ размѣрахъ; къ концу закуски графинъ былъ пустъ. Это упражненіе продолжалось съ полчаса: изрѣдка только кряхтѣлъ и пыхтѣлъ онъ, какъ иногда мужикъ, когда рубитъ очень твердое дерево, кряхтитъ, чтобы придать себѣ силы. Наконецъ Трехвостовъ всталъ, молча обнялъ Максима Ильича, опять съ тою же процедурой подошолъ къ ручкѣ Прасковьи Михайловны, взялъ свою шапку, въ видѣ башни, и вывалился въ переднюю. Влѣзъ было онъ въ своего медвѣдя, да вдругъ ударилъ себя широкою ладонью по лбу, сбросилъ медвѣдя и воротился.

— Забылъ.

— Что такое? — спросилъ Максимъ Ильичъ.

— Прошу.... завтра.... на свадьбу, Прасковью Михайловну.... посажоной матерью. Удостойте. Му!...

— Къ кому жъ? — спросила она.

— Вѣстимо ко мнѣ.... къ моей невѣстѣ, гмъ!

— По нашему обычаю, долженъ объ этомъ просить ближній родственникъ невѣсты.

Digitized by Google

— Какіе родственники!... (Тутъ онъ махнулъ рукой). Знаете Палашку?

Максимъ Ильичъ зналъ подъ этимъ именемъ у Трехвостова довольно красивую дѣвку или женщину среднихъ лѣтъ. Она являлась для прислуги передъ очами пріѣзжихъ гостей босикомъ, но въ черевикахъ, съ ситцевымъ платкомъ на головѣ и такой же матеріи шалью, которою крестъ-накрестъ покрывала грудь и опоясывала себя такъ, что назади торчалъ горбомъ огромный узелъ съ длинными концами. Иногда Пшеницынъ видалъ ее съ подбитымъ глазомъ и волосами, причесанными въ подозрительномъ безпорядкѣ. Вслѣдствіе этихъ соображеній, онъ видимо смутился и не зналъ, что отвѣчать. Но Трехвостовъ и не далъ ему этого труда и опять спросилъ: — Видалъ ребятишекъ? (тутъ указалъ онъ на переднюю). Одинъ здѣсь.... Накормили ли его?

— Накормили — сказалъ Ларивонъ, прибиравшій опорожненную послѣ закуски посуду.

— Ладно.

Максимъ Ильичъ опять не отвѣчалъ. Онъ также видалъ у Трехвостова двухъ дворовыхъ мальчиковъ, лѣтъ тринадцати и одиннадцати, которые за столомъ бойко подавали и принимали тарелки. Трехвостовъ опять не дождался отвѣта и продол-

Digitized by Google

жалъ. На этотъ разъ онъ разлился такимъ потокомъ словъ, какого Пшеницынъ не слыхивалъ съ перваго знакомства съ нимъ. — Проворные ребята!... Третій пищитъ еще въ люлькѣ. Три дѣвки.... двѣ ужъ славно шьютъ въ пяльцахъ. И баба служила мнѣ вѣрою и правдой. Сколько побоевъ отъ меня приняла! Признаюсь, братецъ, больно горячъ, такимъ матушка уродила!... жаль ихъ! Хочу все вѣнцомъ прикрыть. Неравно карачунъ.... отниметъ деревню мерзавецъ братъ, му!... останутся безъ куска хлѣба, да еще, чего добраго! въ крѣпость возьметъ....

— Доброе дѣло — сказала жалостливо Прасковья Михайловна, у которой навернулись слезы при этомъ разсказѣ. — А свадьба не ужели завтра.

— Завтра, спѣшу. Вотъ видите, шея коротка (тутъ онъ щолкнулъ себя по шеѣ пальцами); подчасъ бьетъ въ голову, будто молотомъ кто тебя ударитъ.... наклоненъ къ пострѣлу.

— Какъ же — спросила Прасковья Михайловна — чай и приданаго не успѣли приготовить?

— Есть праздничное тряпье.

— Какъ же это можно? Все-таки съѣдутся у васъ дворяне на свадьбу.... Жена исправника.... И въ церкви отъ прихожанъ будетъ стыдно. По-

Digitized by Google

звольте мнѣ самой снарядить невѣсту. У меня есть платья два, три, новехоньки.... надѣвала только по разу.... Кое-что изъ уборчиковъ еще привезу.

Трехвостовъ, вмѣсто благодарнаго отвѣта, молча, поцаловалъ у Прасковьи Михайловны руку, на которую упала слеза, какъ она всегда падала — изъ больныхъ глазъ его. И опять влѣзъ онъ въ своего медвѣдя, и опять занялъ имъ пошевни во всю ширину ихъ, и опять мальчикъ въ новомъ нагольномъ тулупчикѣ бойко вскочилъ на сидѣнье, рядомъ съ кучеромъ.

Проводивъ гостя, долго еще сидѣлъ Максимъ Ильичъ на одномъ мѣстѣ въ раздумьи о семействѣ Трехвостова и его свадьбѣ. Чтобы освободиться отъ гнета этихъ мыслей, онъ принялся читать «Жизнеописанія великихъ мужей Плутарха» (чьего перевода, теперь не припомню). Съ своей стороны, Прасковья Михайловна думала только о той роли, которую будетъ играть посажоною матерью, и о томъ, чтобы одѣть завтра невѣсту въ лучшіе свои наряды. Началась выборка ихъ изъ сундуковъ и раскладка по стульямъ, диванамъ и кроватямъ. Часто отрывала она Максима Ильича отъ чтенія разспросами, какого цвѣта волосы и глаза у невѣсты, какого роста, худа или дородна. Эти

Digitized by Google

занятія наполнили весь день и захватили половину ночи. Объ ѣдѣ она забыла; только перехватила кое-что на лету.

Мы было забыли сказать о томъ, что случилось съ Ванею въ то время, когда сидѣлъ гость у отца его. Онъ приходилъ въ переднюю посмотрѣть на мальчика въ новомъ тулупчикѣ. Мальчикъ былъ очень хорошенькій и съ такою заманчивою, грустною улыбкой смотрѣлъ на барченка, что тотъ поддался этой привлекательной наружности и посягнулъ было на приглашеніе играть съ нимъ въ снѣжки на дворѣ. Но Ларивонъ, вышедшій въ это время въ переднюю, пресѣкъ разомъ это желаніе, покачавъ очень серіозно головой. Ваня догадался, что ему неприлично связываться съ дворовымъ мальчишкой. Услыхавъ, что стучатъ въ гостиной тарелками, попросилъ онъ дядьку накормить маленькаго слугу. — Господа ѣдятъ, и слуга, чай, хочетъ тоже кушать—говорилъ онъ. Между тѣмъ, пользуясь новымъ отсутствіемъ своего ментора, сталъ любоваться чорнымъ пушистытъ волосомъ медвѣдя, ласкалъ его своею ручонкой и называлъ хорошенькимъ, добрымъ Мишей. Мальчикъ въ тулупчикѣ сдѣлался смѣлѣе, выворотилъ рукавъ шубы, накрылъ имъ лицо свое, и осторожно, на приличномъ разстояніи, подходилъ къ Ванѣ, при-

Digitized by Google

говаривая: — «У! у! медвѣдь — съѣстъ.» — Но, видя, что тотъ не боится медвѣдя, а только смѣется, схватилъ его съ недѣтскою силой въ охапку, посадилъ на скамейку и закуталъ въ огромную шубу такъ, что изъ нея было видно только горящее лицо малютки, окаймленное чорною, густою шерстью ужаснаго звѣря. Въ этихъ новыхъ забавахъ накрылъ ихъ опять Ларивонъ, но на этотъ разъ отвелъ своего питомца въ другую комнату, велѣлъ ему смирно сидѣть на стулѣ и сказалъ съ педагогическою важностью: — Въ этакую шубу зарылись! Богъ знаетъ, гдѣ валялась, да и грѣхомъ воняетъ....

Тутъ Ларивонъ, для вящшаго подкрѣпленія своихъ наставленій, не преминулъ плюнуть.

Отчего грѣхомъ воняетъ, разсказалъ послѣ дядька. Богатая эта шуба была подарена Трехвостову купцомъ, чтобы онъ показалъ, что у него потонула барка съ казеннымъ провіантомъ, а провіантъ былъ заранѣе проданъ въ сосѣднія прибрежныя деревни. Понятые, какъ водится, получили ведерка два вина, и прочее и прочее. — Грѣхъ великій! — говоритъ Ларивонъ: — не скоро отмолитъ его этому богопротивному человѣку.

Свадьба дѣйствительно состоялась на другой

Digitized by Google

день. Невѣста, по милости Прасковьи Михайловны, была разряжена впухъ и блаженствовала. Казалось, она помолодѣла десятью годами. И какъ не радоваться ей было? Она дѣлалась свободною, дворянкой; существованіе ея и семьи было навсегда обеспечено. За свадебнымъ обѣдомъ сидѣло человѣкъ двадцать дворянъ. Самъ предводитель Подсохинъ былъ приглашонъ, но не удостоилъ пріѣхать. Это обстоятельство нагнало легкую тучу на пирующихъ; задумался и Трехвостовъ. На другой день, когда подали ему медвѣжью шубу, онъ, неизвѣстно почему, оттолкнулъ было ее отъ себя, и надѣлъ съ сердцемъ. Нѣсколько дней медвѣдь тяготилъ его могучія плечи, какъ будто живой звѣрь сжималъ его въ своихъ лапахъ. Взглянулъ онъ на своихъ дѣтей, погладилъ одного и другую по головѣ, поцаловалъ малютку въ люлькѣ, сквозь слезы улыбнулся женѣ, махнулъ рукою, и снова медвѣдь сдѣлался для него легокъ, какъ и прежде. Съ того времени бывшая Палашка, нынѣ Палагея Софроновна, никогда не была бита.

По поводу ли медвѣжьей шубы, подъ которою скрывалось нечистое дѣло, не пріѣхалъ щекотливый въ дѣлѣ чести предводитель, или по другой причинѣ, неизвѣстно. Но какъ мы о немъ загово-

Digitized by Google

рили, то и остановимся нѣсколько на его замѣчательной личности.

Это былъ одинъ изъ достойно уважаемыхъ дворянъ того времени, человѣкъ бѣленкій, съ которыхъ сторонъ ни посмотрѣть на него. Рѣдко въ комъ можно было найдти соединеніе такой чистоты нравовъ съ такимъ прямодушіемъ, честностію и твердостію. Онъ всегда думалъ не только о томъ, что скажутъ о немъ при его жизни, но и послѣ смерти. Молодость провелъ онъ въ морской службѣ, дѣлалъ нѣсколько кампаній, былъ офицеръ ретивый и исполнительный, и также требовалъ строгаго исполненія своихъ обязанностей, какъ и самъ исполнялъ ихъ. Хозяйство, порученное ему на кораблѣ, шло какъ нельзя успѣшнѣе— не для него, но для всей команды. Онъ не имѣлъ привычки извлекать свои выгоды изъ общественныхъ или казенныхъ суммъ, и пріобрѣлъ для себя только имя прекраснаго *эконома* — разумѣется, въ хорошемъ смыслѣ. Обстоятельства потребовали, чтобъ онъ вышелъ въ отставку. Его призвали къ домашнему очагу мать, молодая жена, трое дѣтей и сестра, которыхъ обязанъ онъ былъ содержать отъ небольшихъ деревушекъ въ холоденскомъ уѣздѣ, а имѣніе это подъ слабымъ, можетъ быть, бестолковымъ, женскимъ управленіемъ,

Digitized by Google

начинало разстроиваться. Взявъ въ твердыя и искусныя руки руль хозяйства, онъ въ нѣсколько лѣтъ успѣлъ привесть свое и женино имѣнія въ цвѣтущее положеніе и удвоилъ доходы безъ отягощенія крестьянъ.

Вскорѣ дворянство уѣзда потребовало отъ него жертвы. Прежній судья не выполнилъ надеждъ своихъ избирателей и, какъ мы видѣли, взъѣзжалъ верхомъ на лошади по лѣсамъ строившагося, вмѣсто того, чтобы твердо сидѣть на своихъ курульскихъ креслахъ. Къ тому же, замѣчено было, высшимъ ли начальствомъ или дворянствомъ, что онъ очень *однообразенъ* въ пріисканіи и приложеніи законовъ къ судебнымъ опредѣленіямъ, между тѣмъ слишкомъ *разнообразенъ* въ рѣшеніяхъ своихъ помимо законовъ. Такъ въ уголовныхъ дѣлахъ ни одного опредѣленія не обходилось безъ того, чтобы онъ не включилъ слѣдующихъ реченій: «Лучше простить десять виновныхъ, нежели наказать одного невиннаго. Судья долженъ помнить, что онъ человѣкъ есть.» И эти рѣшенія выставлялъ даже тогда, когда опредѣлялись кнутъ или каторжная работа. Въ судъ поступило однажды дѣло *о зарѣзаніи на смерть* медвѣдемъ мужика. И тутъ судья не преминулъ поставить свой любимый текстъ:

Digitized by Google

«Лучше простить десять виновныхъ, чѣмъ одного невиннаго наказать»; виновнаго же въ опредѣленіи своемъ предоставилъ суду Божіему. За то какъ любилъ онъ разыгрываться въ рѣшеніяхъ своихъ! Когда подносили ему въ одно время два журнала по преступленіямъ, хотя совершонными двумя разными лицами и въ разныхъ мѣстахъ, но одинаковымъ по обстоятельствамъ и степени вины, даже по лѣтамъ преступниковъ, онъ опредѣлялъ одного наказать кнутомъ, а другаго плетьми. Если же секретарь замѣчалъ ему, что законы въ обоихъ журналахъ подведены одни и тѣ же, онъ съ неудовольствіемъ отвѣчалъ: — «Что ты, братецъ, толкуешь мнѣ о законахъ? Законы сами по себѣ; пусть и остаются на своемъ мѣстѣ. Заборъ стоитъ что ль, или ровъ вырытъ между ними и постановленіемъ? Или, по твоему, запряжены они вмѣстѣ, какъ парныя лошади въ дышло? Видишь, тутъ два человѣка разные. Одинъ изъ Перекусихиной — тамъ народъ все разбойничій, а другой изъ Белендряевки — когда проѣзжаешь, такъ всѣ міромъ встаютъ, будто единый человѣкъ, и всѣ въ поясъ, будто единое лицо. Одинъ убитъ въ густомъ лѣсу, а другой въ кустарникахъ. Понимаешь ли, умная голова? Въ лѣсу никто не видитъ, а въ кустахъ — самъ посуди — бываетъ

Digitized by Google

рѣдочь, тамъ этакъ вербочка или жиденькій олешникъ, ну какъ бы, напримѣръ, сказать, будто сквозь стеклянную бутыль видно, какая тамъ себѣ ягода плаваетъ. Слѣдственно, понимаешь, душегубство одного совершено въ отчаянномъ азартѣ, другаго осторожно, съ наклоненіемъ головы и прочее.... понимаешь? Да и *тамъ* у начальства, ты самъ, умная голова, тамъ увидятъ разнообразіе; оно и читать пріятнѣе. Видно, дескать, тонкій судья, даромъ что хмѣльнымъ зашибается! все по косточкамъ разобралъ. Эхъ! братецъ, нужна вездѣ политика, то есть букетъ. Поднеси только къ носу, узнаешь сейчасъ по одному духу, какого поля ягода, вишневка или смородиновка. Помни ты, крыса архивная, магазинъ ты этакой законовъ, вездѣ нуженъ букетъ!» — При этомъ судья дружески потрепалъ секретаря по плечу, а секретарь поклонился и крякнулъ. Вся канцелярія поняла, что въ этомъ звукѣ отзывалось больше смысла и значенія, нежели въ произнесенной рѣчи.

Хотя судья и самъ походилъ съ лица на букетъ разнородныхъ ягодъ по тѣнямъ наливокъ, какія онъ вкушалъ, однакожъ дворянство и судилище раскланялись съ нимъ навсегда. На новыхъ выборахъ Подсохинъ былъ единодушно избранъ въ

Digitized by Google

судьи. Знакомъ онъ былъ съ девятымъ валомъ грозной стихіи, какъ съ движеніемъ пуховика, когда онъ въ безсонницу переминалъ на немъ съ боку на бокъ свою тучную особу. Но его ожидалъ девятый валъ еще болѣе грозной стихіи—подъяческой. Здѣсь собственная его неопытность и геніяльная сноровка приказныхъ, передъ которою блѣднѣютъ величайшіе умы и таланты промышленнаго міра, готовили ему мели и скалы, гибельнѣе всѣхъ, какія только случалось ему встрѣтить на своемъ вѣку. — Однакожъ — подумалъ онъ — одарилъ же меня Господь кой-какимъ разсудкомъ, правилъ я успѣшно хозяйствомъ на кораблѣ, вынесъ и собственное хозяйство отъ крушенія, къ тому жъ, грѣхъ таить, *писать охотникъ*, да и отказываться отъ чести, мнѣ сдѣланной, *постыдно* — и рѣшился принять должность, на которую вызвалъ его голосъ дворянства цѣлаго уѣзда. Отслуживъ молебенъ въ своей сельской церкви, онъ поднялся со всѣмъ семействомъ, большими и малыми, и переѣхалъ на житье въ Холодню. Передъ входомъ въ судейскую, онъ, какъ простой работникъ, начинающій свой поденный трудъ, перекрестился на всѣ четыре стороны. Здѣсь первымъ его дѣломъ было изучить добросовѣстно свои новыя обязанности, и, изучивъ ихъ, онъ

Digitized by Google

принялся за исполненіе съ рѣдкимъ усердіемъ и твердостью.

Не очень уважаю я судью, у котораго секретарь, извѣстный каждому въ уѣздѣ и даже въ губерніи не только по фамиліи, но и по имени и отчеству, какъ-то: Семенъ Макарычъ, Антонъ Сидорычъ (охъ! ужъ эти Макарычи!), пріобрѣлъ себѣ громкую извѣстность великаго дѣльца, закрывающаго своею важною, иногда неприступною персоной, ничтожность президента и его товарищей. Секретарь у Подсохина ничего не значилъ, или значилъ то, чѣмъ ему велѣно быть законами. Просители, безъ всякихъ предварительныхъ сношеній, посредничества и остановокъ, обращались прямо къ судьѣ. Онъ заранѣе ничего не обѣщалъ, но, вникнувъ въ дѣло, обнявъ его хорошо со всѣхъ сторонъ, сообразивъ съ законами, говорилъ твердо, наотрѣзъ одному: «ваше дѣло право, другому — не могу для васъ ничего. Слова эти были неизмѣнны. Иногда удавалось ему помирить тяжущихся и безъ поощренія бумажной фабрикаціи.

И прошло его шестилѣтнее служеніе въ судейской камерѣ, какъ для трудолюбиваго пахаря дни лѣтней *страды*. Отеръ онъ честный потъ съ чела своего и отслужилъ въ той же сельской церкви

Digitized by Google

благодарственный молебенъ за то, что сподобилъ его Милосердый Отецъ исполнить свято долгъ свой. Съ той поры могъ онъ ежедневно засыпать съ невозмутимою совѣстью младенца и также спокойно готовъ былъ навсегда закрыть глаза на лонѣ своего Господа. Никогда не промышлялъ онъ ничего для себя изъ своей должности, никогда не продавалъ ни за какія выгоды чужихъ интересовъ. Трудился много и трудился особенно, когда предстояло въ судѣ рѣшеніе дѣла, въ которомъ замѣщано было благосостояніе беззащитныхъ сиротъ или женщины, несвѣдущей въ законахъ. Горячо, до изступленія, гналъ лихоимство, но закрывалъ глаза, когда благодарили его бѣдныхъ подчиненныхъ за усиленные труды по дѣлу, которое было ужъ рѣшено присутствующими. Уважалъ онъ высшія губернскія власти, но никогда не унижался передъ ними и никогда не былъ ихъ угодникомъ изъ надежды на награды или на милостивое *взысканіе:* не знаю почему, а можетъ быть, потому, что рѣзко говорилъ правду въ глаза, и губернскія власти заискивали въ немъ. То назовутъ дружочкомъ, то посадятъ за столъ рядомъ съ женою, то велятъ слугѣ, помимо болѣе значительныхъ лицъ, подать ему трубку табаку. Но онъ никогда не обольщался этими приманками и для нихъ не пе-

Digitized by Google

ремѣнялъ своихъ правилъ. Были даже случаи, когда онъ велъ съ дружочками борьбу упорную и часто выходилъ изъ нея побѣдителемъ. А если торжествовала иногда неправда сильнаго, утѣшался по крайней мѣрѣ мыслію, что исполнилъ долгъ свой. Скорѣе готовъ онъ былъ претерпѣть гоненіе, чѣмъ согласиться на несправедливую потачку богатству и сильнымъ связямъ.

Да это феноменъ! скажутъ многіе. И я то же скажу, да еще переведу это иноземное слово по-русски: чудакъ! диво-дивное! Иной, пожалуй, въ насмѣшку прибавитъ: уродъ!... И опять съ этимъ соглашусь. Что жъ дѣлать? выскакиваютъ во всѣ времена изъ толпы румяныхъ, пригожихъ человѣчковъ такіе уроды. Вотъ, напримѣръ, зналъ я въ одной губерніи подобнаго возвышеннаго урода; знаю и теперь въ той же губерніи такой же экземпляръ. Это молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати шести, кончившій свое образованіе въ московскомъ университетѣ. Дворянство убѣдило его принять должность судьи. Онъ принялъ ее и, принеся въ жертву долгу лучшіе годы своей жизни, любовь къ искусствамъ, свѣтскія удовольствія, которыми состояніе его дозволяло ему пользоваться въ столицахъ, постригся на служеніе правдѣ и добру въ скучномъ городѣ. Честь ему и мѣсту,

Digitized by Google

гдѣ онъ воспитывался! Не сомнѣваюсь, что и во многихъ губерніяхъ найдутся подобные прекрасныя личности, въ душѣ которыхъ неугасимо горитъ искра Божія. Поболѣе такихъ сыновъ отечеству, и я увѣренъ, что правда и милость утвердятся въ судахъ по слову помазанника Божія!

Подсохину не дали отдохнуть въ деревнѣ. Такъ ретиваго коня почаще и запрягаютъ. На этотъ разъ, къ чести холоденскаго дворянства, выбрали его въ предводители, не смотря на то, что этого мѣста домогались соперники несравненно его богаче, выше чинами и съ сильнѣйшими связями. Эта почотная должность была какъ бы наградою за его прошедшее трудное служеніе и польстила его благородному самолюбію. При этомъ тѣшила его еще одна затаенная мысль, о которой будемъ сейчасъ говорить. Здѣсь, въ кругѣ своихъ обязанностей, дѣйствовалъ онъ, какъ и прежде, обращая главныя свои попеченія на опеки. До него онѣ отдавались, какъ воеводства, въ древнія времена, на прокормленіе и поправку оборванныхъ судьбой или собственною виною бѣдняковъ. Кончались эти опеки тѣмъ, что ощипанныя до послѣдняго пера имѣнія продавались съ молотка. Наслѣдники вступали въ свои права, получая только право входить въ тяжбу съ опекунами. Подсохинъ проти-

Digitized by Google

вился подобнымъ назначеніямъ и наблюдалъ за имѣніями сиротъ и другихъ лицъ, подпавшихъ опекамъ, болѣе, нежели за своимъ собственнымъ.

Но, увы! и у него была ахиллесова пята, и онъ имѣлъ слабости. Кто же изъ адамовыхъ дѣтей не имѣетъ ихъ? Его слабость никому не вредила, а была только смѣшна. Подсохинъ любилъ—*писать*.

Еще въ морской службѣ посягалъ онъ въ офиціальныхъ бумагахъ на кудреватость и обиліе словъ. Хотя они не шли вовсе къ дѣлу, онъ думалъ однакожъ щегольнуть, блеснуть ими. Иногда и самъ, въ душѣ своей признаваясь, что они лишнія, долго колебался, выкинуть ли ихъ, или оставить; наконецъ рѣшался выкинуть. Но лишь только исполнитъ это, какъ набѣгало на душу его сожалѣніе, неотступное, грызущее, что этими перлами никто уже не полюбуется, и они останутся зарытыми въ его собственной персонѣ. И вотъ опять нанизываетъ ихъ въ своихъ *репортахъ*. Доставалось же ему за эти перлы отъ начальства, которое ихъ не понимало или не умѣло оцѣнить. Капитанъ говорилъ ему: — Сдѣлайте одолженіе, Владиміръ Петровичъ, избавьте меня отъ вашего краснорѣчія. Оно, можетъ, и хорошо въ другомъ мѣстѣ, но въ служебныхъ бумагахъ никуда не-

Digitized by Google

годно. Скажите мнѣ сущность дѣла въ нѣсколькихъ словахъ, хотя въ одномъ, если можно, да чтобъ я зналъ, въ чомъ дѣло. Дайте мнѣ ядро, сударь, а мнѣ вашей красивой скорлупы или шелухи не нужно. Въ другой разъ, извините, я выброшу ее за бортъ.—Не унялся было Подсохинъ, увлекаемый своимъ демономъ; но капитанъ не любилъ дважды повторять своихъ приказаній, даже въ видѣ поученій, и арестовалъ витію. Въ сердцахъ Подсохинъ мысленно назвалъ капитана человѣкомъ чорствымъ, не одареннымъ отъ природы чувствомъ высокаго и прекраснаго; но крѣпко сохраняя субординацію, пересталъ съ того времени писать служебныя бумаги пространно и кудревато. За то по секрету писалъ, ужъ по своему, дубликаты этихъ бумагъ, и услаждался чтеніемъ ихъ про себя по нѣскольку разъ. Иногда, на вопросъ своихъ сослуживцевъ: не написали ли вы чего новенькаго, Владиміръ Петровичъ? таинственно посвящалъ какого-нибудь неопытнаго юношу въ красоты своихъ созданій. Иногда товарищъ, плохо владѣющій перомъ, просилъ его сочинить письмецо къ родителямъ своимъ, или къ далекой красавицѣ, вздыхающей въ какомъ-нибудь русскомъ портѣ по юномъ мореходцѣ. Нельзя было сдѣлать ему лучшаго подарка.

Digitized by Google

Порывался было онъ на краснорѣчіе въ судейскихъ опредѣленіяхъ. Но тутъ являлся передъ нимъ, какъ тѣнь Гамлету, грозный образъ его капитана и стучали ему въ уши роковыя поученія. Казалось, ему, вотъ сейчасъ арестуетъ его капитанъ, всегда добрый для него, кромѣ одного случая, и даже разъ оказавшій ему кровную, братскую услугу. И опредѣленіе писалось Подсохинымъ, сколько возможно ему было преодолѣть натуру, простымъ, понятнымъ языкомъ, безъ авторскаго пошиба. Но какъ скоро попалъ онъ въ предводители, искуситель шепнулъ ему, что именно тутъ, на этомъ мѣстѣ, краснорѣчіе необходимо, въ адресахъ, воззваніяхъ и тому подобныхъ бумагахъ. Вздохнулъ онъ свободно, будто свалился камень съ груди и развязались руки. Съ того времени принялся, по поводу или безъ повода, писать и писать. Цвѣты краснорѣчія сыпались изъ его головы, какъ изъ рога изобилія, даже по случаю приглашенія къ обѣду или присылки ему индѣйскаго пѣтуха хорошей породы. Богъ мой! страшно сказать, какъ онъ писалъ!

Владиміръ Петровичъ не скрывалъ своей слабости, или, вѣрнѣе, таланта, ниспосланнаго ему свыше, считая грѣхомъ зарывать его въ землю. — *Люблю писать!* говорилъ онъ съ гордостью,

Digitized by Google

увѣренный, что каждое произведеніе его пера возбудитъ восторгъ въ его современникахъ. И находились дѣйствительно въ то время люди, которые приходили въ восторгъ отъ его твореній, хотя ихъ не понимали, и провозглашали его великимъ писателемъ. Списывали ихъ другъ для друга и заставляли дѣтей своихъ выучивать наизустъ.

— Каково пишетъ нашъ предводитель!—говорилъ сосѣдъ сосѣду почти со слезами на глазахъ.

— Откуда это у него берется?—говорилъ другой, растопыривъ руки и пожимая плечами въ видѣ фигуры недоумѣнія (замѣтьте, новая реторическая фигура)! — Изъ какого родника бьетъ такой талантъ? Вотъ, братецъ, попробовалъ и я было. Сядешь чинно, какъ и слѣдуетъ, за письменный столъ, возьмешь порядкомъ перо въ руки, подумаешь, какъ слѣдуетъ, а что–то не пишется. Поворочаешь перомъ, какъ будто прутомъ желѣзнымъ, даже поковыряешь имъ въ головѣ, еще разъ поковыряешь — не лѣзетъ ничего. Инда постучишься въ ней съ сердцемъ — что жъ ты, голова?... Настоящій выдолбленный арбузъ или тыква; пустотой какой–то и отдается. Плюнешь на бумагу, съ тѣмъ и отъѣдешь отъ нея.

— Видно, даръ ему такой отъ Бога! — говорилъ третій сосѣдъ. — По моему, братецъ, я ду-

Digitized by Google

маю, голова у него устроена, какъ бы органъ какой. Завелъ, и пошла, пошла писать музыка.... симфонія, лакосезъ, концерты.... Вотъ какъ рѣка бурная льется, или бьетъ бутылка съ пивомъ, когда ее раскупоришь.

— Сильно пишетъ!—молвитъ новый собесѣдникъ, вздыхая и возводя глаза къ небу. — Инда подчасъ волосъ дыбомъ поднимается. Иной разъ махнетъ такъ, что кровь въ голову ударитъ, зарябитъ въ глазахъ и свѣтъ Божій помутится.

— Сладко пишетъ — прибавилъ одинъ господинъ.—Захочетъ: за сердце схватитъ, такъ ужъ не пеняй, схватитъ, а слезы и кулакомъ не удержишь.

— Ужъ не бѣсъ ли пишетъ за него — вмѣшалась тутъ старушка, занятая въ своихъ креслахъ вязаньемъ чулка и слышавшая весь разговоръ.— (Она не любила предводителя за то, что когда былъ судьей, рѣшилъ ея неправое дѣло въ пользу противника). Тфу, пропасть! прости мнѣ, Господи, съ этимъ... вотъ и петлю распустила. А вы думаете, скажу, Парфенъ Михайловичъ—прибавила она, относясь къ собесѣднику, большому вольтеріанцу, который смотрѣлъ на нее съ ироническою улыбкой, какъ будто поймалъ ее въ преступленіи: — нѣтъ-таки, не скажу, опять, не скажу....

— Какой, матушка, бѣсъ — перебилъ ее оби-

Digitized by Google

женнымъ тономъ одинъ изъ панегиристовъ Подсохина.—Станутъ ли Владиміръ Петровичъ съ этимъ якшаться; они человѣкъ богобоязненный.

И долго еще собесѣдники разсуждали о томъ, откуда это у него берется, что онъ такъ хорошо и мудрено пишетъ.

Дѣйствительно, Подсохинъ писалъ такъ мудрено, что и самый борзый умъ не добрался бы въ десять лѣтъ до смысла его бумагъ. Никакой гидравлическій прессъ, никакая молотильная машина, если бы они были изобрѣтены для литературныхъ произведеній, не выдавили бы, не вымолотили бы этого смысла. Чего не было въ его сочиненіяхъ? И кочующіе номады, и высота бездны, и почіющая на крыльяхъ бури тишина, все это переплетенное, свитое въ какой-то пестрый, нескончаемый жгутъ, ударяющій по воздуху! Сожалѣю очень, что не сохранилъ самыхъ замѣчательныхъ его произведеній. Для примѣра даю здѣсь одинъ слабѣйшій изъ нихъ отрывокъ, уцѣлѣвшій въ бумагахъ Пшеницына. Это воззваніе къ дворянамъ уѣзда о пожертвованіи въ пользу пострадавшихъ отъ пожара или наводненія (не могу вѣрно сказать) жителей Петербурга.

«Малъ мыслію и способностію найдтися въ убѣжденіяхъ краснорѣчія, ибо холоденское бла-

Digitized by Google

городное общество превышаетъ всякое краснорѣчіе имѣющихъ даръ на оное. Вспомните, мм. гг., что мѣсто сіе (Петербургъ) дало намъ начало и науки и возвело насъ на степень, нынѣ при насъ имѣющуюся, и что дѣти и младые родственники наши послѣдуютъ подъ тотъ же покровъ нашего начала, или, такъ сказать, во вторую природу, и наконецъ обратимся духомъ къ слову Божію: «Блаженни милостивіи, яко тіи помилованы будутъ.» Съ истиннымъ почтеніемъ» и проч.

Когда Подсохинъ имѣлъ только малѣйшій поводъ писать, или чувствовалъ въ себѣ позывъ на вдохновеніе, онъ, какъ жрецъ, готовящійся служить своему божеству, уединялся въ особую комнату. Тихи, важны, размѣрены были его шаги въ это время, словно онъ боялся вытряхнуть изъ головы великія идеи, въ ней нагружонныя, какъ драгоцѣнный, но хрупкій фарфоръ; лицо его осѣнялось даже какою-то мрачною таинственностію. При этомъ случаѣ онъ самъ не отворялъ двери, чтобы не было какого потрясенія въ его персонѣ; капище открывалось передъ нимъ и закрывалось за нимъ любимымъ его слугой, который исполнялъ эту обязанность съ особенною важностію и глубокими поклонами. Въ особенной комнатѣ Подсохинъ облекался въ долгополый, испещренный

Digitized by Google

чернильными пятнами сюртукъ гороховаго цвѣта, прозванный имъ *писчимъ*, запирался крѣпко на-крѣпко, писалъ и переписывалъ до тѣхъ поръ, пока уже мурашки бѣгали у него въ глазахъ и онъ самъ не понималъ, что пишетъ. Слуга, лѣтъ сорока слишкомъ, низенькій, съ лысиной на головѣ (хотя и не терялъ названія *мальчика*), облеченъ былъ въ высокую должность хранителя писчихъ снарядовъ и въ особенности писчаго сюртука. Когда невидимо производилась великая работа въ кабинетѣ, онъ сидѣлъ у дверей его на стулѣ, не двигаясь и затаивъ дыханіе. Боже сохрани кашлянуть! Онъ скорѣе лопнулъ бы отъ натуги, чѣмъ рѣшился бы посягнуть на нарушеніе узаконенной тишины. Если какой-нибудь отчаянный сорванецъ проходилъ мимо, хотя и не спѣшными шагами, слуга махалъ рукой, чтобы ходилъ еще осторожнѣе, еще тише, если бъ можно — пролеталъ. Такое высокое понятіе имѣлъ онъ о занятіяхъ своего барина, полагая, что въ кабинетѣ творится что-то чудесное, въ родѣ литья золота или дѣланія алмазовъ! Въ это время и вся многочисленная семья Подсохина ходила на цыпочкахъ, даже и въ отдаленныхъ комнатахъ, боясь малѣйшимъ шумомъ прервать нить краснорѣчія.

И вдругъ, въ глубокую, бездонную тишину ка-

Digitized by Google

нулъ какой–то звукъ. Чуткое, приложенное къ двери ухо хранителя писчаго сюртука послышало въ кабинетѣ движеніе креселъ; затѣмъ великій писатель крякнулъ. Это былъ знакъ, что работа кончена. Капище отворялось. Тогда скидался писчій сюртукъ, принимаемый слугой съ подобострастіемъ, доходившимъ едва ли не до благоговѣнія, и укладывался въ комодъ. Баринъ облекался въ обыкновенный сюртукъ. И вотъ онъ съ исписаннымъ листомъ бумаги въ рукѣ, съ лицомъ, сіяющимъ важнымъ спокойствіемъ и самодовольствомъ, вступаетъ въ комнату, гдѣ ожидаетъ его семья. Она первая должна выслушать произведеніе, родившееся въ этотъ часъ, хотя и не можетъ постигать его высокое значеніе. Чтожъ дѣлать? На первый разъ нѣтъ болѣе достойныхъ слушателей, а новорожденнаго необходимо заявить свѣту, какъ принца крови, родившагося въ хижинѣ, должно показать хоть крестьянамъ. Послѣ процесса чтенія дитя передается протоколисту, который принимаетъ его съ достодолжнымъ уваженіемъ. Наконецъ твореніе переписывается въ нѣсколько рукъ возможно лучшимъ почеркомъ и развозится по уѣзду въ сотняхъ экземпляровъ, если это циркулярное воззваніе къ дворянству или тому подобное.

Digitized by Google

Надо было видѣть величавую и самодовольную фигуру охотника писать, когда онъ вступалъ въ среду своего семейства для предъявленія ему великаго творенія. Старушка мать слушала, по временамъ творила про себя молитву и возводила глаза къ небу, какъ будто благодарила Господа, что даровалъ ей такого умнаго сынка. Жена, добрая, любящая женщина, жившая въ мужѣ, въ дѣтяхъ и хозяйствѣ, не находила нужнымъ вмѣшиваться въ литературныя дѣла своего мужа и даже простодушно утвердилась на томъ, что она глупенькая, потому что ничего не понимаетъ изъ его сочиненій. Она слушала, а, можетъ быть, и не слушала, потому что молчала во время и послѣ чтенія. Какъ понимали произведенія отца двѣ дочери, довольно взрослыя, и сынъ лѣтъ пятнадцати, это неизвѣстно. Только и они попривыкли владѣть своею физіономіей, зная по опыту, что малѣйшая улыбка или знакъ разсѣянія навлечотъ на нихъ родительское негодованіе. А сынъ помнилъ, что ему выдрали уши за то, что задремалъ въ одинъ изъ подобныхъ литературныхъ сеансовъ. Случалось, что и дѣти послѣ чтенія изъявляли свой восторгъ.... У Владиміра Петровича была сестра, дѣвица немолодыхъ лѣтъ, которую онъ называлъ обыкновенно esprit-fort,

Digitized by Google

хотя всѣ знали ее за женщину богобоязненную. Имя это заслужила она своимъ здравымъ умомъ и прямодушіемъ. Выслушивая новое твореніе брата, рѣшалась она иногда, призвавъ на помощь всѣ небесныя силы, именемъ ихъ умолять его писать *проще* и *понятнѣе*.

Что за улыбка, что за взглядъ бывали отвѣтомъ на смиренныя мольбы ея! Словъ тутъ никогда не употреблялось. Но въ этомъ безмолвномъ отвѣтѣ было болѣе краснорѣчія, нежели во всѣхъ сочиненіяхъ Подсохина. Въ немъ заключались и высокое сознаніе собственнаго достоинства, и жалость къ слабой женщинѣ, не умѣющей понимать литературныхъ красотъ, и великодушіе могущества, которое можетъ задавить червяка, но шагаетъ черезъ него. Самъ Юпитеръ не улыбнулся бы другою улыбкой, не взглянулъ бы другимъ взглядомъ, смотря съ высоты своего Олимпа на ребяческую суету человѣческаго муравейника, который копышется подъ громовыми тучами. На эту улыбку и взглядъ можно бы ходить, какъ на представленіе великаго артиста. Если бы Барнумъ жилъ въ то время, онъ откупилъ бы ихъ.

Какъ морякъ, Подсохинъ любилъ разсказывать о корабельныхъ снастяхъ и эволюціяхъ тѣмъ, которые этого не понимали. Побывалъ онъ нѣкогда

Digitized by Google

въ Лондонѣ, и потому, когда ему случалось играть въ бостонъ, при объявленіи пришедшей игры, иначе не произносилъ ее, какъ англійскимъ выговоромъ: *бостонъ*. Если жъ другіе, не бывшіе въ Лондонѣ, подражали ему въ интонаціи и въ произношеніи этого слова, то взглядъ и улыбка его были *отчасти* такія, какими онъ награждалъ сестру свою за простодушныя замѣчанія ея при слушаніи его сочиненій.

Можно сказать, что въ Подсохинѣ были два человѣка; одинъ—хорошій отецъ семейства, домовитый хозяинъ, исправный офицеръ, примѣрный судья; другой—чудакъ, въ арлекинскомъ, писчемъ сюртукѣ, воображающій его цицероновскою тогой, всегда на ходуляхъ, самолюбивый до безразсудства. Когда онъ въ обществѣ разсуждалъ о чомъ-нибудь, онъ говорилъ просто, ясно и умно, шутилъ, не оскорбляя никого, умнѣйшему собесѣднику всегда уступалъ первенство. Какъ онъ писалъ, мы ужъ видѣли.

Подсохинъ любилъ Максима Ильича. Зная, что тотъ имѣлъ хорошую русскую библіотеку, и потому, полагаясь на вкусъ обладателя ея, не обошолъ его чтеніемъ своихъ произведеній. Дѣйствительно, Максимъ Ильичъ, одаренный отъ природы чувствомъ добра и красоты, изощривъ

Digitized by Google

его бесѣдами съ Новиковымъ и чтеніемъ книгъ, могъ понимать, что такое сочиненіе Подсохина. Но, уважая въ охотникѣ писать высокія душевныя качества и столь же прекрасную жизнь, служебную и частную, не желалъ нарушать его самодовольства, такъ пріятнаго для него и ни для кого не обиднаго. Онъ зналъ по опыту, что Подсохинъ не станетъ мстить, если бъ сдѣлали ему непріятныя замѣчанія — добрая душа предводителя была выше мщенія — но желалъ лучше пожертвовать часомъ скуки, нежели огорчить его этими замѣчаніями. И потому, искренно преданный человѣку, хвалилъ творенія писателя. Надо сказать еще, что въ отношеніяхъ къ людямъ, которыхъ Максимъ Ильичъ любилъ, онъ былъ особенно мягокъ и податливъ.

Имѣлъ еще друга предводитель, холоденскаго соляного пристава. Этотъ былъ философъ, какъ и прозвали его, и напрямикъ сказалъ Подсохину, что по книжной части не далекъ, а до письменной и подавно не охотникъ. Такая разница вкусовъ не мѣшала имъ однакожъ быть задушевными пріятелями. Соляной приставъ и его дочка стоятъ, чтобы имъ посвятить особенную тетрадь.

Digitized by Google

ТЕТРАДЬ III.

СОЛЯНОЙ ПРИСТАВЪ И ЕГО ДОЧЬ.

I.

На самомъ высокомъ мѣстѣ берега Холодянки, тамъ, гдѣ она уходитъ въ М — у–рѣку, въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ одинокой, полуразвалившейся башни, стоялъ деревянный домикъ. Три окна, глядѣвшія на клочокъ улицы, упиравшейся въ берегъ плетеною изгородью, четыре — на другую улицу, которая вела къ соборной площади, и вышка въ одно окно, называемая нынѣ мезониномъ, предупреждали, что и внутри этого смиреннаго зданія не найдти большаго простора. Въ самомъ дѣлѣ, въ нижнемъ этажѣ были только три комнатки, да въ верхнемъ одна свѣтелка. Избушка на курьихъ ножкахъ для кухни, прибавьте навѣсъ для дровъ, вотъ все строеніе, ко-

Digitized by Google

торое увидали бы на дворѣ. Даже не было собачьей конуры, неминуемой при каждомъ домѣ въ Холодиѣ. Хозяинъ не любилъ звука цѣпей и сиплаго, иногда бестолковаго лая, и потому держалъ на волѣ собачонку, исполнявшую за то свои обязанности получше цѣпнаго сторожа. Домикъ былъ однакожъ внутри и снаружи опрятенъ. Не видать въ немъ было, какъ это случается въ жилищѣ бѣднаго чиновника, разбитыхъ стеколъ, замѣняемыхъ бумагой, на которой прохожіе могутъ читать многозначащіе глаголы Ѳемиды: репортъ, вслѣдствіе просимости, учинить слѣдующее, объ утонутіи крестьянина, городничій и коваленъ и т. п. Можно даже сказать, что домикъ глядѣлъ весело. Пѣтушась на самомъ высокомъ мѣстѣ города, онъ будто говорилъ: «видите, куда взлетѣлъ! малъ да удалъ!» Къ тому жъ мысль, что тутъ живутъ добрые, бѣленькіе люди, придавала ему и ту привлекательность, которой онъ самъ по себѣ не имѣлъ. Замѣтьте, сколько бы дурной человѣкъ ни украшалъ своего жилища, оно все-таки пасмурно смотритъ. Въ немъ часы подъ богатою бронзой бьютъ какъ-то уныло, фарфоровые пастухи и пастушки не весело смѣются, мраморъ давитъ; кажется, изъ-за шолковыхъ занавѣсокъ выглядываютъ рожки злаго генія дома.

Digitized by Google

Ко двору примыкаетъ садикъ. У входа въ него можно сосчитать число его яблонь, кусты сирени, піоновъ и жолтаго шиповника. Бесѣдка изъ акацій единственное его украшеніе. Но стоитъ только подойдти къ скамейкѣ на берегу рѣки, и вамъ трудно оторваться отъ картины, которая съ этого мѣста передъ вами развертывается. Прямо изъ луговъ выбѣгаетъ широкая рѣка, идетъ распахнувшись на городъ и вдругъ, остановленная берегомъ, на которомъ держится старый кремль, поворачиваетъ угломъ подъ пловучій мостъ, черезъ нее перекинутый. Какъ эти воды иногда оживлены! Огромный караванъ судовъ гусемъ тянется по нимъ, пустивъ по вѣтру разноцвѣтныя ленты своихъ мачтъ. Берега осыпаны роями лошадей, ползущихъ на высоты или сбиваемыхъ съ высотъ натянутою, какъ струна, бичевой. Слышны повелительный голосъ рулеваго, посвистъ коноводовъ, всплескъ бичевы, отрясающей съ себя зеленыя пряди скошенной ею водяной травы, торопливые крики испуганныхъ куликовъ. Вдали, на темной глади рѣки, мелькаетъ бѣлое, едва замѣтное пятнышко; вотъ ужъ словно лебедь широкою грудью разрѣзываетъ струи, сцѣпляется съ другимъ товарищемъ, опрокинутымъ въ водѣ, поднимаетъ крылья... Нѣтъ, это летитъ, надувшись, парусъ—

Digitized by Google

все ближе и ближе; упалъ, и передъ вами является бѣдный остовъ рыбачьей лодки; на кривой мачтѣ ея мотается кусокъ полотна съ заплатами. Лодка причалила къ берегу; перекинутая съ нея доска установила между ними сообщеніе. Вотъ взбирается осторожно по этому мостику дородная горожанка въ блестящемъ кокошникѣ и въ малиновой штофной душегрѣйкѣ, съ кулечкомъ въ рукахъ. Рыбакъ сѣточкой вытащилъ изъ садка рыбу, будто груду серебра. Избранъ въ жертву огромный, пестрый налимъ. Захваченный мощными руками, онъ открылъ пасть свою и, какъ змѣй, вьется въ нихъ. Между тѣмъ жена рыбака достала изъ-подъ кормы спеленатаго ребенка и, присѣвъ на первую доску, стала кормить его своею грудью, на которую изъ-подъ клочка паруса упалъ солнечный лучъ. Цѣлая идиллія!... Живой мостъ гремитъ и катитъ клубы пыли. За лугами къ сосновому лѣсу прижалась бѣлая ограда монастыря и среди нея высится разноцвѣтная купа церквей; золотыя звѣздочки крестовъ искрятся на темномъ фонѣ лѣса. Кое-гдѣ по сторонамъ выползаетъ изъ-за горки деревушка или цѣпляется по берегу оврага. Дорого бы далъ богатый человѣкъ, чтобы перенести въ свой паркъ великолѣпныя руины башни, которыми владѣлецъ домика пользовался

Digitized by Google

даромъ. Камни этихъ развалинъ, упавшіе на межу садика, служатъ его хозяину скамейками; время покрыло ихъ густымъ, разноцвѣтнымъ мохомъ, какъ барсовою кожей. Внизу подъ башней шумитъ мельница. Ее-то Ваня видѣлъ изъ дома на Запрудьѣ и воображалъ жилищемъ сердитой колдуньи, которая беспрестанно стучитъ своими костылями и ведетъ схватку съ любимою его Холодянкой. Рѣчка нѣсколькими каскадами бросается на колеса, упадаетъ въ омутъ, закипаетъ бѣлою кипѣнью и потомъ бесчисленными нитями убѣгаетъ въ изгибъ М—ы рѣки, какъ будто испуганная стая рыбокъ бросается въ одну сторону, сверкая серебромъ и золотомъ своей чешуи. Мимо башни влѣво спускается широкая дорога къ низменному берегу Холодянки и провожаетъ ее до самаго моста, переброшеннаго черезъ рѣчку. Здѣсь идетъ почтовый губернскій трактъ, со всѣми живыми и мертвыми сценами, происходящими на подобныхъ дорогахъ, въ уѣздномъ городкѣ. Черезъ рѣку, еще лѣвѣе, видны, какъ на блюдечкѣ, Запрудье, деревни и тѣ живописные поля, рощи, овраги, которые Ваня любилъ посѣщать съ своимъ дядькой. И ночью какъ хороша картина съ межи садика! На М—ѣ рѣкѣ тихо, будто она отдыхаетъ послѣ дневной работы подъ грузомъ судовъ. По

Digitized by Google

ней скользятъ двойники рыбачьихъ лодокъ, иные съ огненнымъ лучомъ, отражающимся въ водѣ; на берегахъ пылаютъ костры, ярко освѣщая группы, тѣснящіяся около нихъ въ разныхъ положеніяхъ. Мѣсяцъ заглянулъ въ амбразуру башни и даетъ живописный свѣтъ и тѣнь развалинамъ. То едва слышенъ однозвучный, какъ маятникъ, плескъ волны, бьющейся о берегъ, то сдержанная мельница лѣниво шумитъ, будто въ просоньи. И вотъ, гдѣ-то въ саду или клѣткѣ, зажурчалъ соловей, застоналъ, замеръ въ нѣгѣ своей пѣсни, и вдругъ обдалъ окрестность огненною трелью, отъ которой встрепенется ваша душа.

Кто жъ былъ хозяинъ этого уголка? Подайте намъ его имя, отечество, фамилію, должность или званіе! скажете вы. Признаюсь, я всегда запутываюсь въ этихъ названіяхъ. Одна русская школьная память, которая затверживаетъ тридцать страницъ, безъ пропуска единаго слова, изъ вступленія во Всеобщую Исторію Шрекка, въ состояніи удержать въ своемъ мозговомъ хранилищѣ имена и отчества цѣлой фаланги лицъ, о которыхъ вамъ въ жизни приходилось слышать и съ которыми случалось вамъ говорить или переписываться. Что жъ дѣлать? Пусть будетъ, какъ принято обы-

Digitized by Google

чаемъ, а то, пожалуй, назовутъ меня отщепенцемъ отъ всего роднаго.

И потому скажу, что хозяинъ домика и сада былъ соляной приставъ Александръ Ивановичъ Горлицынъ. Отецъ его, маіоръ временъ Екатерины, при ней началъ, при ней и кончилъ службу вмѣстѣ съ своимъ земнымъ поприщемъ. Александръ Ивановичъ едва помнилъ добродушный, привѣтливый образъ матери, которую потерялъ, имѣя пять лѣтъ, но глубоко врѣзались въ его памяти и сердцѣ предсмертный поцалуй ея ледяныхъ губъ и ея послѣднее благословеніе. Суровъ съ вида былъ отецъ, но и на пасмурномъ его лицѣ мальчикъ угадывалъ иногда грусть нѣжной, любящей натуры; среди рѣдкихъ его ласкъ замѣчалъ на глазахъ его невольную слезу, которую старый воинъ тотчасъ старался скрыть отъ сына. Отпуская Сашку, какъ называлъ его, въ кадетскій корпусъ, отецъ сказалъ мальчику: «Будь честенъ, чтобы съ тобою ни случилось, какую бы ты службу ни несъ. Честь все равно, что дѣвичья слава: не возвратишь, потерявъ ее однажды. Помни, мать смотритъ за тобою съ того свѣта. Забудешь мое приказаніе, не будетъ тебѣ моего благословенія ни въ здѣшней, ни въ будущей жизни.» Узнавъ впослѣдствіи, что кадетъ унесъ у своего товарища

Digitized by Google

какую–то малоцѣнную вещицу, выпросилъ его къ себѣ на домъ и наказалъ такъ, что мальчикъ слегъ въ постель. Когда ему попеняли за слишкомъ жестокое взысканіе, онъ отвѣчалъ: лучше хочу видѣть сына мертвымъ, чѣмъ негодяемъ. Старикъ умеръ, успѣвъ однакожъ обнять своего сына офицеромъ. Доброе имя, домикъ въ Холоднѣ, пять сотъ рублей и семья людей, состоящая изъ жены и мужа среднихъ лѣтъ съ двумя малолѣтными дѣтьми, мальчикомъ и дѣвочкой — вотъ все наслѣдство, которое осталось послѣ отца. Александръ Ивановичъ былъ исправный офицеръ, дѣлалъ нѣсколько походовъ и уже въ штабсъ–капитанскомъ чинѣ, въ турецкую войну, получилъ въ ногу рану, отъ которой сталъ прихрамывать и вынужденъ былъ выйдти въ отставку.

Оставленнымъ наслѣдствомъ нечѣмъ было жить, тѣмъ болѣе что онъ, во время квартированія его роты въ Нѣжинѣ, женился на дочери одного тамошняго Грека, за которою приданаго было только красота и доброе сердце. Она полюбила въ немъ привлекательную наружность, открытый характеръ и любовь его. Плодомъ этого брака была одна дочь. Не смотря на различныя лишенія и недостатки, Горлицынъ прожилъ двѣнадцать лѣтъ съ женою, какъ одинъ счастливый день. Катѣ было

Digitized by Google

десять лѣтъ, когда она потеряла мать; но одаренная отъ природы нѣжною и привязчивою натурой, не смотря на свой дѣтскій возрастъ, сохранила въ душѣ своей грустныя впечатлѣнія этой потери, оставившей на долго слѣды на задумчивомъ ея лицѣ. Горлицынъ былъ убитъ потерею жены и мыслью, что онъ, часто затрудняясь въ пріисканіи себѣ насущнаго пропитанія, не можетъ ничего для довольства и воспитанія дочери, которая одѣлалась для него еще дороже послѣ ужасной его утраты. Испытавъ напрасно разныя хожденія по лѣстницамъ сильныхъ особъ, онъ вспомнилъ, что одинъ изъ его корпусныхъ товарищей, съ которымъ былъ въ дружбѣ до того, что помѣнялись крестами, имѣлъ родственныя связи съ людьми знатными и сильными и шолъ быстро въ чинахъ по гвардіи. Мысль, что черезъ него пріютитъ дочь въ институтъ подъ покровъ самой императрицы и, можетъ быть, добудетъ себѣ мѣстечко съ порядочнымъ жалованьемъ, заставила Горлицына обратиться къ прежнему своему товарищу. Отвѣтъ былъ въ четырехъ словахъ: пріѣзжай поскорѣе, мой другъ!—Вотъ и направилъ онъ съ дочерью свой путь въ Петербургъ. Нельзя сказать, что онъ совершилъ это путешествіе на долгихъ, потому только, что ѣхалъ на одной лошадкѣ, которою

Digitized by Google

управлялъ слуга, готовый, какъ и всякій русскій человѣкъ, на всѣ должности и мастерства. Нынѣ онъ точитъ сапоги, завтра играетъ на скрипкѣ, или списываетъ Брюлова картину. Надежды не обманули Горлицына. Крестовый братъ, не смотря на то, что стоялъ уже высоко, принялъ его съ открытыми объятіями, но не остановился, какъ часто бываетъ, на однихъ изъясненіяхъ дружбы, а спѣшилъ доказать ее на дѣлѣ. Дочь вскорѣ была принята въ казенное воспитательное заведеніе, а отецъ получилъ гдѣ-то мѣсто смотрителя значительной больницы, весьма выгодное по понятіямъ благодѣтеля. Человѣкъ въ такой нуждѣ, какъ Горлицынъ,—думалъ онъ,—поневолѣ воспользуется благовидными доходами, которые обѣщаетъ это мѣсто. Ничуть не бывало. Этотъ честный чудакъ пользовался только своимъ жалованьемъ и квартирой съ отопленіемъ и освѣщеніемъ, и думалъ единственно о томъ, какъ лучше успокоить и призрѣть страждущихъ, ввѣренныхъ правительствомъ его заботамъ. Онъ почиталъ страшнымъ преступленіемъ урѣзать что-нибудь отъ содержанія больныхъ или дать имъ худую пищу. Но этотъ странный образъ управленія больницей сначала изумилъ нѣкоторыя лица, потомъ возродилъ въ нихъ намѣреніе столкнуть глупца съ мѣста, которое

Digitized by Google

было не по немъ. У нихъ былъ отнятъ кусокъ хлѣба, а этотъ кусокъ доходилъ у нѣкоторыхъ до хорошаго золотаго пріиска. Такого рода люди удивительно ловки, даже геніяльны въ искусствѣ подшибать людей, которые не по нихъ. Горлицынъ черезъ два, три года потерялъ свое мѣсто—какимъ образомъ, было бы грустно разсказывать. И вотъ рѣшился онъ, скрѣпя сердце и ни на кого не жалуясь, прибѣгнуть опять къ своему другу и благодѣтелю; и опять этотъ другъ, пожуривъ его за аркадскую простоту (онъ хотѣлъ сказать, глупую честность, но языкъ не новоротился на это выраженіе), выхлопоталъ ему мѣсто солянаго пристава въ Холоднѣ. Чего жъ лучше для Горлицына? Здѣсь была его родина, здѣсь онъ имѣлъ и собственный домикъ. Пріѣхавъ на мѣсто, онъ принялся за исполненіе своихъ скромныхъ обязанностей, при скромномъ жалованьѣ, такъ же усердно и честно, какъ онъ дѣлалъ и прежде. Предмѣстникъ его, прослуживъ на этомъ мѣстѣ десять лѣтъ, свилъ своимъ птенцамъ теплое гнѣздышко. И не мудрено: въ Холоднѣ, какъ я уже сказалъ, солили большое количество мяса на Англію. На это намекали не разъ Горлицыну люди, желавшіе ему добра, навязывали ему *благодарность;* но намеки и благодарность скоро перестали его беспокоить, когда

Digitized by Google

увидѣли, съ кѣмъ имѣютъ дѣло. Въ маленькихъ городахъ, въ которыхъ, кажется, и сами дома насквозь видны, гдѣ узнаютъ, что у васъ каждый день готовится въ горшкѣ или кострюлѣ, также скоро узнается и нравственность человѣка. Спросите, пріѣхавъ въ любой изъ этихъ городковъ, перваго лавочника, перваго трактирнаго слугу, каковъ такой-то, и если вы не ревизоръ, противъ котораго заранѣе подведены всѣ подступы и приготовлены всѣ камуфлеты, лавочникъ и трактирный слуга вѣрно опишутъ вамъ человѣка съ ногъ до головы. Вскорѣ граждане прозвали Горлицына честнымъ и, что для нихъ значило одно и то же, простымъ человѣкомъ.

Но сыскались и недоброжелатели, хотя Горлицынъ никого не оскорбилъ, ни о комъ дурно не отзывался, ни въ какія дрязги и сплетни не входилъ. Пуще всѣхъ закопышился приказный людъ. Пошли толкованія о томъ, какъ это и зачѣмъ такой странный человѣкъ появился въ ихъ городѣ. Кто говорилъ, что онъ съ придурью, другіе, что по виду не замутитъ воды, а исподтишка готовъ всякаго укусить, что имѣетъ замыслы не только на свою родную сторону, но и на весь родъ человѣческій: хочетъ дескать перевернуть весь шаръ земной. Находили его улыбку подозрительною:

Digitized by Google

іезуитъ, надо быть, или фискалъ. Были даже люди, которые сомнѣвались, подлинно ли онъ русскій: такіе-де чудаки у насъ и не родятся. Должно-быть, какой-нибудь самозванецъ подъ фамиліей Горлицына.

— Русскій-то онъ русскій, порѣшилъ стряпчій съ бѣльмомъ на глазу: — дѣйствительно онъ родомъ изъ Холодни. Мы съ Сашкой и въ бабки игрывали. Такой азартный былъ! того и гляди, норовитъ гнѣздо стащить.

— Чтожъ онъ такое? спрашивали его.

— А вотъ изволите видѣть, волтеріянецъ, философъ, прости мнѣ Господи! (Тутъ рѣшитель уѣздныхъ судебъ сдѣлалъ рукою какіе-то таинственные знаки на груди). Нахваталъ фармазонской науки, да и пустился въ вольнодумство.

На томъ и кончилось по приговору стряпчаго, что Горлицынъ философъ, хотя многіе и не понимали этого слова: съ того времени и пошолъ онъ слыть въ городѣ подъ этимъ названіемъ.

По пріѣздѣ Александра Иваныча въ Холодню явился къ нему Пшеницынъ. Такъ какъ соляная поставка на всю губернію производилась чрезъ Максима Ильича съ товарищемъ, то онъ, вѣрный установленному порядку, почелъ долгомъ принести новому приставу свою *акциденцію*.

Digitized by Google

— За что даете мнѣ эти деньги? — спросилъ Горлицынъ.—Не смѣю думать, чтобы вы, сударь мой, хотѣли меня подкупить на бесчестныя сдѣлки: вы не таковы—я слышалъ объ васъ отъ предводителя дворянства. За исполненіе моихъ обязанностей? Мнѣ за нихъ государь даетъ жалованье. Служба не торговля. По крайнему моему разумѣнію, я понимаю ее такъ: не знаю, какъ понимаютъ другіе.

— Это такъ водится—отвѣчалъ, краснѣя, Пшеницынъ, смущонный неожиданными сужденіями философа.

— Не обижаюсь вашимъ приношеніемъ, если оно было сдѣлано по заведенному порядку. Но, сударь мой, вы меня извините, я не бралъ до сихъ поръ взятокъ и не хочу теперь начинать, даже подъ самыми благовидными предлогами. Можетъ быть, оно и глупо, но чтожъ дѣлать? это въ моей натурѣ. Бываютъ разныя странности. Вотъ я слышалъ, ваша супруга.... Прасковья Михайловна — кажется такъ имѣю честь ее называть?

— Точно такъ. Вы хотите сказать, она боится птицъ, когда летаютъ по комнатѣ. Кажется, медвѣдя въ лѣсу не болѣе бы испугалась. Что ни дѣ-

Digitized by Google

лалъ, ничѣмъ нельзя было отучить ее отъ этой странной боязни.

— Вотъ видите, кажись, птичка маленькое, хорошенькое Божье созданіе, можетъ статься, и пѣвунья, утѣшала въ клѣткѣ вашу супругу.... Говорятъ, бойкая, безстрашная барынька, а изволите видѣть, пташки боится. Еще доложу вамъ, у меня малый — принималъ сейчасъ съ васъ шубу — повѣрите ли, не можетъ ѣсть садовыхъ ягодъ. Думалъ сначала, блажь на себя напустилъ для проказъ, да и накорми его смородиной. Что жъ, сударь ты мой, сдѣлался нездоровъ, инда я самъ испужался. Понимаете меня, Максимъ Ильичъ?... Теперь объ этомъ на вѣки вѣковъ ни словечка, я ни гу-гу, вы тоже.... Обнимемся, да будемъ вѣшать съ вами соль, какъ стрѣлка на вѣсахъ и на совѣсти указываетъ, ни на мою, ни на вашу сторону, и останемся навсегда друзьями.

Пшеницынъ горячо обнялъ солянаго пристава, даже съ уваженіемъ поцаловалъ его въ плечо и вышелъ отъ него, какъ ошеломленный. Съ того времени согласіе между ними не нарушалось.

Дѣйствительно, Горлицынъ былъ философъ, мудрецъ въ своемъ родѣ. На одномъ жалованьи, которое получалъ, не могъ онъ жить въ доволь-

Digitized by Google

ствѣ. Да о довольствѣ Александръ Иванычъ и не думалъ, лишь бы къ истеченію года концы съ концами свесть, да ложась спать, благодарить Бога, что услышалъ молитву его: «хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь» «и не введи насъ во искушеніе.» И доходилъ онъ до исполненія своихъ умѣренныхъ желаній, сжимаясь, тѣснясь, отказывая себѣ во многомъ, что другимъ было обыденною потребностью, а для него роскошью. Занимая верхній этажъ, какъ онъ называлъ свѣтелку съ перегородкой на вышкѣ, онъ отдавалъ въ наймы за небольшую плату нижній этажъ одной барынѣ—правда, скрѣпя сердце, потому что она была большая сутяжница, имѣвшая у себя притонъ подъячихъ. Впрочемъ эти деньги откладывалъ для Кати въ особенный секретный ящикъ. Одного изъ членовъ семейства, доставшагося ему по наслѣдству, малаго лѣтъ двадцати, отдалъ онъ въ услуженіе кому-то за очень скромную плату. Дѣвушка изъ этого семейства находилась въ ученіи у портнихи. Оставались при немъ старикъ и старуха, которыхъ называлъ онъ Филемономъ и Бавкидой. Женская половина исполняла должность кухарки и прачки, а мужская, какъ я уже сказалъ, всѣ должности. Изъ любви къ своему барину, Филемонъ сдѣлался портнымъ и сапожни-

Digitized by Google

конь, чтобы не отдавать на сторону шить платье и сапоги, а когда Александръ Иванычъ намекнулъ ему, что не худо бы къ пріѣзду барышни выучиться и дамскіе башмаки шить, выучился препорядочно и этому мастерству. Платье Горлицынъ носилъ изъ толстаго сукна, да и то, приходя домой, снималъ, а на мѣсто его облекался въ какой-то инвалидный ситцевый халатъ, давно отслуживший свой законный срокъ. Правда, была у него пара изъ щегольскаго англійскаго сукна, которою не безъ труда и уловокъ подарилъ ему бывшій корпусный товарищъ, но ее надѣвалъ онъ только въ двунадесятые праздники. Онъ берегъ это платье какъ драгоцѣнность, чтобы показаться въ немъ во всемъ блескѣ передъ дочерью. Крѣпко наказывалъ онъ своему слугѣ почаще перебирать его, чтобы не забралась въ него моль, приговаривая:—Вѣдь институтка, сударь ты мой, ричардъ ты мой возлюбленный, петербургская барышня, не то что здѣшнія уѣздныя дѣвицы какія-нибудь, орѣшки себѣ грызутъ. Надо при ней и поприличнѣе себя показать, не удариться въ грязь лицомъ. Красавица она у меня: разумница, ангелочекъ!— При этомъ отъ восторга, что имѣлъ такое сокровище, пощелкивалъ пальцами, трепалъ своего стараго слугу по щекѣ, потомъ охорашивался,

Digitized by Google

смотрясь въ зеркало, и подпиралъ руку въ бокъ. Какъ будто молодецъ собирался на любовное свиданіе! А вѣрный ричардъ хотя и улыбался на радостныя выходки своего господина, однакожъ думалъ про себя: — Чѣмъ-то, голубчикъ, будешь содержать петербургскую барышню? Чай нѣженка, не по нутру ей будутъ наши щи да каша.—Дѣйствительно, Александръ Иванычъ не былъ прихотливъ на кушанье: ѣлъ то, что ѣли его люди; только дозволялъ себѣ чай вмѣсто лакомства. Могъ бы онъ обойдтись и безъ своего стола, потому что его беспрестанно приглашали то предводитель Подсохинъ, то Пшеницынъ откушать у нихъ хлѣба-соли. Первый жилъ отъ него въ нѣсколькихъ саженяхъ, нерѣдко захаживалъ за нимъ и, провозглашая ему, что наступилъ адмиральскій часъ, почти силою увлекалъ его къ себѣ. И на этотъ счотъ Александръ Иванычъ былъ очень деликатенъ, если не гордъ; хаживалъ обѣдать къ тому и другому, но чаще къ предводителю, съ которымъ не имѣлъ служебныхъ отношеній, а иногда рѣшительно отказывался отъ трапезы того или другаго за дѣлами или нездоровьемъ.—Развѣ нѣтъ у меня своего куска хлѣба? — говорилъ онъ Филемону: — не въ нахлѣбники же идти! Хоть щей горшокъ, да самъ большой.—Провизію Гор-

Digitized by Google

лицынъ ходилъ самъ покупать. За то съ этого простаго, совѣстливаго господина лавочники, въ уваженіе этихъ достоинствъ, брали, безъ зазрѣнія совѣсти, лишняго по копѣйкѣ съ фунта. Видали иногда, какъ онъ, прихрамывая, плетется по утру съ кулечкомъ въ рукахъ, изъ котораго выглядывала то нога баранья, то рыбій хвостъ, или огородная зелень. Если въ это время встрѣчалась съ нимъ знакомая дама, онъ останавливался и, закинувъ лѣвою рукою кулечекъ за спину, подходилъ къ ручкѣ прекрасной особы. Пожелаетъ ей добраго здоровья, тутъ же успѣетъ сказать нѣсколько привѣтствій на счотъ ея красоты и любезности. Кулечекъ съ мясомъ или рыбой не очень нравился нѣкоторымъ прихотливымъ особамъ, которыя однакожъ дома не стыдились бѣлыми ручками таскать своихъ дѣвокъ за волосы, напомаженные коровьимъ масломъ; но потомъ попривыкли онѣ къ кулечку, въ уваженіе того, что Александръ Иванычъ все-таки превѣжливый и пріятный кавалеръ.

Покончивъ свои служебныя обязанности, онъ уходилъ въ свой садикъ, сажалъ плодовитыя деревья, цвѣтущіе кусты, самъ ухаживалъ за ними въ потѣ лица, какъ исправный садовникъ. — «Вотъ — говорилъ онъ самъ съ собою — пріѣдетъ Катя,

Digitized by Google

сорветъ румяное яблочко съ дерева, скушаетъ его и подумаетъ: вѣдь папаша приготовилъ ей эти яблочки. И цвѣточками полюбуется, да приколетъ къ груди или въ черные свои волосы — какъ хороша будетъ голубушка въ этомъ нарядѣ!» — Выпроситъ иногда книжечку у Пшеницына, только съ уговоромъ, чтобъ не сказывалъ охотнику писать, да почитаетъ иное хорошенькое сочиненіе, разъ и два, а какъ пріѣдетъ къ нему Подсохинъ, поспѣшитъ спрятать подъ подушку, будто запрещонный товаръ. — «Очень понравилась мнѣ эта книжечка — скажетъ Пшеницыну: — какъ пріѣдетъ Катя, попрошу у васъ опять». — Подчасъ заглянетъ въ секретную шкатулку и сосчитаетъ въ ней крупную и мелкую монету. Вотъ ужъ накопилось въ Катинъ банкъ пятьдесятъ рублей; авось, къ пріѣзду ея накопится еще столько жъ. И радуется онъ, какъ дитя, этому богатству дочери. А получатъ ей письма, перечитывать ихъ по нѣсколько разъ, перебирать нѣжность и силу каждаго словечка, будто разные лады музыкальнаго инструмента, было для него высочайшимъ наслажденіемъ. Для этого занятія запирался онъ на ключъ, чтобы кто-нибудь не помѣшалъ его восторгамъ. Онъ цаловалъ эти письма втайнѣ, какъ нѣжный любовникъ, клалъ ихъ, засыпая, подъ подушку,

Digitized by Google

здесь приснится ему Катя. Радовался онъ, что милое дитя его здорово, дѣлаетъ успѣхи въ ученіи и переходитъ все въ высшіе классы. Вотъ, думалъ онъ, осталось ей годикъ побыть въ институтѣ; вотъ ужъ и нѣсколько мѣсяцевъ. Ждетъ и не дождется времени, когда обрадуетъ его своимъ пріѣздомъ. Въ этихъ сладкихъ надеждахъ онъ забывалъ, что этотъ прекрасный цвѣтокъ можетъ поникнуть головкой подъ непогодами тяжолыхъ нуждъ, которыя онъ, привыкшій къ нимъ, такъ безропотно переноситъ. Всегда довольный, всегда улыбающійся, Горлинынъ, кажется, и горестей никакихъ не зналъ. Разъѣ сядетъ себѣ одинъ-одинехонекъ, подъ сводомъ ночнаго неба, на садовую скамейку и раздумается о своей помойницѣ. Глядитъ на небо и ищетъ между звѣздочками, въ которой-то изъ нихъ живетъ душа ея. Кажется, ждетъ онъ, не взглянетъ ли оттуда она, не подастъ ли голоса или хоть знака. Вспомнитъ про нѣжную ея любовь; цѣлая, прекрасная жизнь съ нею пройдетъ передъ нимъ; остановится на нѣкоторыхъ драгоцѣнныхъ часахъ и даже минутахъ. Грустно и сладко ему станетъ, и горячія слезы потекутъ изъ глазъ его. Послѣ того легче ему бываетъ возвращаться домой, какъ будто онъ въ самомъ дѣлѣ видѣлъ свою бывшую подругу, будто

Digitized by Google

бесѣдовалъ съ ней, и съ веселымъ лицомъ встрѣтитъ своихъ домочадцевъ.

Такъ прошли три, четыре года его пребыванія въ Холодиѣ. Здѣсь никто изъ его недоброжелателей не смѣлъ посягнуть на его мѣсто, потому что самъ губернаторъ, наслышавшись объ его бескорыстной службѣ, приказалъ своему чиновнику, ѣхавшему въ Холодню, поклониться соляному приставу. Воздаяніе чести только одному честному сильно дѣйствуетъ на нравственность должностнаго общества. И потому этотъ необыкновенный знакъ вниманія такой высокой особы къ такому мелкому чиновнику заставилъ прикусить языки, изощренныя противъ Горлицына, и забилъ тревогу въ нечистыхъ душахъ. Многіе изъ прежнихъ его противниковъ стали заискивать его добраго расположенія.

Былъ день лѣтній. Александръ Иванычъ работалъ въ своемъ саду, когда Филемонъ принесъ ему письмо съ почты. Слуга къ этому прибавилъ: —отъ Катерины Александровны.—Онъ не зналъ грамоты, но такъ ужъ привыкъ къ почерку своей барышни, что могъ его сейчасъ угадать. — Отъ Кати! — сказалъ радостно Горлицынъ, бросилъ свою лейку, обливъ себя порядкомъ водой, и, какъ дѣлалъ обыкновенно въ важныхъ случаяхъ,

Digitized by Google

перекрестился. Дрожащими руками развертываетъ онъ письмо, сердце его необыкновенно бьется; читая, онъ нѣсколько разъ переводитъ духъ. Катя пишетъ, что здорова, что кончила курсъ своего воспитанія. Государыня при выпускѣ сдѣлала ей денежный подарокъ, и, что для нея дороже всего, наградила ее такими привѣтливыми словами, которыя на всю жизнь залягутъ въ ея сердцѣ. Выпущенная изъ золотой клѣтки, птичка прилетитъ черезъ три недѣли на родное холоденское гнѣздышко и припадетъ къ груди отца. Она будетъ ѣхать до Москвы съ подругой и матерью ея, а въ Москву надо ужъ будетъ послать *своихъ* лошадей и прислугу, именно въ такой-то день....» Александръ Иванычъ, внѣ себя отъ радости, велитъ позвать Матрену-Бавкиду, читаетъ своимъ домочадцамъ письмо во всеуслышаніе, толкуя имъ силу каждаго выраженія. Немного запнулся было на словахъ: *своихъ* лошадей; легкая тѣнь набѣжала на его лицо и сейчасъ исчезла. Онъ махнулъ рукой, примолвилъ: — не бѣда, наймемъ славную тройку!—При этомъ случаѣ Филемонъ спросилъ барина: — Гдѣ жъ, по пріѣздѣ, изволитъ проживать Катерина Александровна: не въ одной же комнатѣ съ нимъ. — «Отказать Чечоткиной, сейчасъ отказать!» — закричалъ Горлицынъ, такъ

Digitized by Google

что едва ли не слышала эти слова барыня, нанимавшая у него покои. Слуга покачалъ головой и скорчилъ жалкую мину въ знакъ того, что этотъ подвигъ не скоро можно будетъ совершить. И въ самомъ дѣлѣ не легко было выкурить со двора барыню-сутяжницу.

Перезрѣлая дѣва, маіорская дочь Чечоткина была сама по себѣ на подъемъ тяжела. Тучная, обремененная нѣсколькими уродливыми выступами, она не иначе вставала съ своего сидѣнья, какъ съ помощью двухъ дюжихъ дѣвокъ. Ноги ея отекали, и потому, чтобы не стѣснять ихъ, носила башмаки съ приплюснутыми задками. Когда же маіорская дочка покоилась на своемъ сѣдалищѣ, при ней находилась неотлучно на полу живая машинка, лѣтъ десяти дѣвочка, беспрерывнымъ треніемъ возбуждавшая въ нихъ обращеніе крови. Если жъ машинка отъ усталости останавливалась, госпожа, съ своей стороны, возбуждала въ ней движеніе добрымъ пинкомъ ноги, а иногда пугала ее, что татарамъ продастъ. Калмыцкій обликъ, совиный взглядъ, чорные съ просѣдью усы, которые щетинились, потому что нерѣдко подвергались острію ножницъ, голосъ рѣзкій, ударявшій въ уши, какъ свистъ паровика, возбуждали въ созерцателѣ этихъ красотъ не очень пріятное чувство.

Digitized by Google

Пріемная комната ея походила на канцелярію; въ ней вѣчное сонмище подъячихъ, вѣчное совѣщаніе объ искахъ, пропажахъ, проторахъ и убыткахъ, безпрестанный шелестъ отъ переворачиванія листовъ и неумолкаемый скрипъ перьевъ. То оттягивала она нѣсколько сотъ душъ за крестьянина, который отъ предковъ ея, во времена Петра I, бѣжалъ къ одному помѣщику; то требовала полъуѣзда, на основаніи малѣйшаго сходства названій пустошей или угодій, которыми владѣла ея пра-прабабушка; то заложитъ въ двое рукъ землю свою и старается отдѣлаться отъ кредиторовъ, будто за несоблюденіе законныхъ формъ. Во всѣхъ актахъ, которые она совершала, оставляла всегда лазейку для процесса. Придетъ къ ней родственникъ или знакомый, для того только, чтобы при будущей встрѣчѣ съ ней, отдѣлаться напередъ отъ какого-нибудь дерзскаго привѣтствія, и начнетъ она душить посѣтителя своими дѣлами. —Вообрази, батюшка — говоритъ — какой кладъ послалъ мнѣ Господь на дняхъ. Ѣду я изъ своей подгородной деревни. Вотъ, видишь, переѣзжаю рѣчку Перекусиху, что за деревнею Бабій-носъ. А тутъ, видишь, въ горку ужасенные сыпучіе пески. Вѣчно умаешь на нихъ лошадокъ.... какъ пріѣдешь домой, ужъ все велишь липняй гарничекъ

Digitized by Google

засыпать, а овесъ, знаешь самъ, въ прошломъ лѣтѣ не уродился у меня. Скажешь, Божья воля, батюшка? Что за Божья воля? Мошенникъ староста Сидорка поморилъ господскихъ коровенокъ, земли истощали. Ужъ и проучила его порядкомъ — съ новотела корову подъ красную шапку; тфу ты пропасть! корову.... сынка его подъ красную шапку, а корову таки привели за рога на господскій дворъ. Вору впередъ наука!... Скотина славная — не мудрено, господскимъ добромъ разбойникъ откормилъ — по ведру молока даетъ.... За то велю каждый разъ при мошенникѣ Сидоркѣ доить ее....

— Чтожъ, матушка, кладъ-то вашъ? — перебилъ ее посѣтитель, боясь, чтобы она въ увлеченіи своего разсказа не довела его до колыбельныхъ пеленокъ своихъ.

— Такъ вотъ, батюшка, ѣдемъ по пустошѣ Семенихинѣ. А тутъ, знаешь самъ, наколесилъ нечистый дорожекъ промежъ кочекъ, словно гнѣздо змѣиное расползлось, куда попало. Проклятое мѣсто! Въ недобрый часъ лѣсовикъ закружитъ тутъ прохожаго или проѣзжаго, такъ что столбнякъ нападетъ.... Вотъ ѣдемъ мы. Стала меня дрема томить — отъ жару, что ли, аль блинами

Digitized by Google

нагрузилась. Хочу, хочу перемочь себя, а глаза такъ и липнутъ, будто медомъ кто ихъ намазалъ. Осунулась, да и окунись въ мертвый сонъ. И вижу во снѣ, вотъ словно тебя, батюшка, стоитъ передо мною старецъ, сѣденькій, худенькій, немудреный такой, шапка облизанная, да и говоритъ мнѣ: Сестра Олимпіада, слышь, сестра Олимпіада, возстань съ одра. Много лѣтъ ищешь ты урочища «стыдно назвать», что отнялъ у твоего прадѣдушки незаконными путями сенатскій курьеръ Лизоблюдкинъ много денегъ потратила межевымъ, а все по-пусту. Жаль мнѣ тебя стало, бѣдную, сизую голубицу; хлопочешь, многострадалица, за грѣхи отцовъ твоихъ, и въ дѣвичествѣ изъ того пребываешь. Вотъ и привелъ я тебя къ урочищу «стыдно сказать», кладъ у тебя подъ ногами, а ты спишь, неразумная?—Испужалась я и обрадовалась; хочу, хочу встать, не могу, словно меня веревками связали по рукамъ и ногамъ. Разсердился старикъ, да и толкни меня посошкомъ въ зубы. Встрепенулась я. Смотрю, оводъ такъ и снуетъ передъ глазами, а губу всю раздуло въ грецкій орѣхъ. Кучеръ-мошенникъ спитъ, подлецъ-холопъ спитъ, вотъ этотъ пострѣленокъ спитъ (тутъ указала Чечоткина на живую машинку, у ногъ своихъ), лошади стоятъ у какой-то ямы,

Digitized by Google

понуря голову, и спитъ. Мѣста незнаемыя, на вѣку моемъ видомъ невиданныя! Грѣхъ таить, пощипала я таки порядкомъ дѣвчонку, зачѣмъ спала, да пуще всего, зачѣмъ не доложила барынѣ, что кучеръ спитъ, а кучера своею владычною рукой потузила по загорбинѣ. Сама люблю, батюшка, управляться — дѣло хозяйское! Уходила на немъ сердце, протерла себѣ глаза, знать отъ сна заплыли, и вижу у ямы прижался къ межевому столбу мужичокъ — сѣденькій, худенькій, шапка общипанная. А за столбомъ цѣлая палестина съ рожью — частая, густая, словно кудель, а колосъ-то, колосъ-то, повѣришь ли, батюшка? съ добрую четверть, инда матушкѣ бѣдной тяжело головкой покачивать. Меня дрожь такъ и проняла. Говорю мужичку: скажи-ка, добрый человѣкъ, куда это мы заѣхали? А онъ и брякни мнѣ съ сердцемъ: урочище «стыдно сказать». Я такъ и обомлѣла. — Правду ли говоришь, добрый человѣкъ? спросила я его. А то, можетъ статься, и нагрубить хотѣлъ нехорошею рѣчью. Баю тебѣ, такъ и зовутъ, сказалъ онъ, махнулъ рукой и поплелся по межѣ. Вотъ, батюшка, десять лѣтъ искала, искала, сколько въ межевыхъ книгахъ порылись, а тутъ, благодать какая, за мою добрую душу и сиротство.... (Чечоткина хотѣла было

Digitized by Google

ткнуть ногой живую машинку, да воздержалась). Старичокъ пожаловалъ мнѣ справочку, ужъ подлинно сонъ въ руку.... Землица-то, батюшка, десятковъ тысячъ стоитъ, да и деревеньку, что на ней поселена, оттягаемъ. За то и не дремлю, не таковская голова! Ужъ и межевщика наняла, и поколѣнную роспись написали. Пріятель мой, что былъ секретарь уѣзднаго суда, знаешь Сопелкинъ, клянется и божится, что не миновать моихъ рукъ....» И начала Чечоткина описывать посѣтителю права свои на пустошь «стыдно сказать», и какъ сутяга, сенатскій курьеръ, оттягалъ ее неправедными путями у дѣдушки ея. Посѣтитель осовѣлъ, начали чертики плясать передъ его глазами, а въ ушахъ будто били въ набатъ. Отуманенный, оглушенный, онъ извинился недосугомъ по служебнымъ дѣламъ (хоть на службѣ нигдѣ не состоялъ), и утекъ отъ маіорской дочери, давъ себѣ клятву впредь къ ней не заглядывать.

Чечоткина, получивъ въ наслѣдство, отъ отца и брата, въ разныхъ губерніяхъ прекрасныя имѣнія, изъ трехъ сотъ душъ состоявшія, въ томъ числѣ холоденскую подгородную, довела эти имѣнія до совершеннаго разстройства безпорядочнымъ управленіемъ и разорила себя въ конецъ сутяжничествомъ. Лѣсъ рубила на продажу, какъ попало,

Digitized by Google

хлѣбъ продавала на корню. Въ одной оброчной деревнѣ крестьяне были такъ истощены и, вслѣдствіе того такъ излѣнились, такъ нравственно испортились, что продали большую часть своего скота и оставляли истощенныя поля свои незасѣянными. Съ іюня отправлялись они цѣлымъ обозомъ, будто цыганскій таборъ, въ одну изъ степныхъ губерній для сбора на годовое прокормленіе свое. Изъ такихъ періодическихъ путешествій они сдѣлали даже родъ промышленности. Надѣвали опаленные кафтаны, намазывали себѣ лицо сажей, и съ женами и малолѣтными оборванными дѣтьми бродили въ разсыпную по деревнямъ, возбуждая жалость хлѣбныхъ степныхъ мужичковъ исторіею своихъ пожаровъ. Обильныя подаянія сыпались въ ихъ телеги. Въ одной изъ деревень, или въ лѣсахъ, имѣли они свой притонъ, гдѣ дѣлили, безъ обиды одинъ другому, плоды своего промысла. А на возвратномъ пути собирали въ городахъ и денежное подаяніе. Въ такихъ случаяхъ останавливались днемъ за городомъ и проѣзжали его ночью. Прибывъ же въ свои дома съ возами, нагруженными всякимъ хлѣбомъ, и съ туго набитыми кошелями, пропитывались до будущаго подобнаго путешествія, а изъ денежнаго подаянія уплачивали кое-какъ оброкъ

Digitized by Google

и пропивали остальное въ кабакахъ. Маіорская дочь знала все это очень хорошо, но смотрѣла сквозь пальцы на бродяжничество своихъ крестьянъ. Въ подгородной деревнѣ состояніе мужичковъ, довольно работящихъ, держалось еще, какъ подгнившее дерево, которое скрипитъ отъ малѣйшаго вѣтра, но еще даетъ зелень и плоды. Однакожъ и тамъ собственное хозяйство Чечоткиной было запущено. Скота приходилось у ней на три десятины по одной штукѣ, да и тотъ былъ замореный. Въ поляхъ она никогда сама не бывала. Луга ея травили чужіе крестьяне, между тѣмъ любила, чтобы ея скотъ пользовался кормомъ на сосѣднихъ паствахъ, а иногда и въ чужомъ хлѣбѣ. Домъ былъ у ней каменный, двухэтажный, но обгорѣлый. Слышно было, что его подожгли въ ея отсутствіе пьяные дворовые люди. Сама она проживала въ банѣ. За то уцѣлѣло отъ огня деревянное зданіе, сколоченное изъ досокъ, въ видѣ башни, въ которомъ собирала Чечоткина помадныя банки, пузырьки, бутылки, обломки желѣза, половинки изразцовъ, заржавленные гвозди и всякую подобную рухлядь. Тяжолый замокъ оберегалъ это сокровище отъ хищенія, да при зданіи этомъ, денно и ночно, неотлучно находился перемѣнный сторожъ. Жестокая кара пала бы на этого стража, еслибъ

Digitized by Google

онъ въ урочное время не постучалъ въ чугунную доску, висѣвшую у башни. Обо всемъ, что дѣлалось въ ея отсутствіе, знала Чечоткина отъ своихъ шпіоновъ въ юпкѣ, которыя, по пріѣздѣ ея въ имѣніе, тотчасъ рапортавали ей со всею подробностью. Разумѣется, ей докладывали объ однѣхъ мелочахъ, а важныя хищенія и злоупотребленія начальствующихъ лицъ, бывшихъ въ кумовствѣ, сватовствѣ и хлѣбосольствѣ съ этими женскими соглядатаями, закрывались очень осторожно. Птичница украла нѣсколько яицъ и прибила почти до смерти любимаго барышнина индюка; дворовая дѣвка выдрала за волосы такъ называемаго крестника маіорши, а, можетъ быть, и болѣе близкаго ея родственника; пьяный мужикъ выбранилъ барыню мотовкой и колотыркой: таковы были, большею частію, доносы преданныхъ ей лицъ. Особенно любила Чечоткина слушать скандальныя исторіи сосѣдей и даже дворовыхъ людей и крестьянъ. Наконецъ Чечоткина дошла до того, что все имѣніе ея было заложено и перезаложено. Отъ кредиторовъ бѣгала она изъ одной деревни въ другую или въ Холодню. Когда она жила въ деревнѣ, ее писали въ такой-то губерніи; когда пребывала въ такой-то губерніи, объявляли, что обрѣтается въ Холоднѣ. Даже разъ отозвались, что уѣхала въ

Digitized by Google

Томскъ. Все состояніе ея висѣло на ниточкѣ, которую порвать могъ первый аукціонъ. Между тѣмъ Чечоткина отысканвала земель съ полъ-уѣзда и деньгами сотни тысячъ.

Вотъ эту-то особу нужно было Горлицыну выжить изъ своего дома. Не легка была задача.

— Беспокоить меня, дочь заслуженнаго маіора, для какой-нибудь дѣвчонки, дочери солянаго пристава — кричала она въ окно, когда мимо ея по двору проходилъ хозяинъ дома: — это ни на что не похоже; это одна безстыжая харя можетъ сдѣлать. Да я не позволю надъ собой насмѣхаться. Я поѣду къ самому губернатору. Онъ троюродный братъ моей двоюродной тетки. Какой ни есть хромой Иванычъ, долженъ бы, изъ уваженія ко мнѣ, загодя, хоть за нѣсколько мѣсяцевъ, объявить. Нѣтъ, батюшка, со мной шутить нельзя, не таковская досталась тебѣ. Заплатишь мнѣ за протори и убытки.

Горлицынъ не разслышалъ и половины этой филиппики, потому что въ самомъ приступѣ заткнулъ себѣ уши. Такъ и послѣ дѣлалъ, проходя мимо оконъ Чечоткиной.

Созвала маіорская дочка на совѣщаніе синклитъ подъячихъ и начала было диктовать прошеніе въ

городническое правленіе съ жалобой на Александра Иваныча. Но только что приказный дописывалъ: «А о чомъ мое прошеніе, тому слѣдуютъ пункты», какъ явился къ самой Чечоткиной самъ предводитель дворянства. Онъ убѣждалъ ее оставить хоть этотъ процессъ, грозя, въ противномъ случаѣ, присоединить нѣкоторыя новыя нечистыя дѣла ея, дошедшія до его слуха, къ тѣмъ, которыя были уже въ ходу. Надо было видѣть, какъ засверкали ея совиные глаза, какъ зашевелились ея усы и разразился крикъ ея паровика. Подсохинъ не вынесъ и бѣжалъ изъ дому. Но вслѣдъ за нимъ дѣвица Чечоткина, зная свои грѣшки, одумалась и, убѣжденная однимъ изъ задушевныхъ вождей ея процессовъ, переѣхала на другой же день на новую квартиру, поближе къ присутственнымъ мѣстамъ. Только оставила Горлицыну письмо. Въ немъ вывела по пунктамъ, что, вслѣдствіе варварскихъ и неслыханныхъ гоненій ея со двора, лишенія ея нѣсколько дней пищи и нѣсколько ночей сна, не взирая ни на полъ, ни на дѣвическое, сиротское состояніе и высокое званіе ея, и вслѣдствіе неминуемыхъ чрезъ то расходовъ на переѣздъ, въ томъ числѣ и за гербовую бумагу на прошеніе, которое собиралась писать, она, нижеименованная Чечоткина, отказывается платить

Digitized by Google

хозяину деньги за двадцать два дня, пять часовъ и тридцать двѣ минуты.

Александръ Иванычъ вздохнулъ свободно, когда потерялъ ее изъ виду со всѣмъ скарбомъ ея и челядинцами. Однакожъ озадачило его одно обстоятельство. Въ ящикѣ стола и на полу найдены были какія-то бумаги, иные съ гербовымъ штемпелемъ. Опасаясь, чтобы Чечоткина не затѣяла процесса о похищеніи этихъ бумагъ во время переѣзда, онъ позвалъ къ себѣ полицейскаго чиновника и просилъ его, освидѣтельствовавъ ихъ и опечатавъ, передать маіорской дочери.

— Уфъ! точно гора съ плечъ свалилась—сказалъ Горлицынъ, отирая потъ съ лица, и приказалъ комнаты хорошенько вымыть, прибрать и выкурить можжевельникомъ, чтобы духу маіорскаго не пахло. Послѣ того вытребовалъ свою дворовую дѣвку изъ ученія и принялся нанимать ямщиковъ для посылки за Катей. Уговоръ былъ, чтобы лошади были смирныя и добрыя, чтобы кибитка была покойна, съ просторнымъ волчкомъ и двойнымъ рогожнымъ навѣсомъ. Тройка была нанята исправная съ желаннымъ экипажемъ и дешево. Мудрено ль? Максимъ Ильичъ заплатилъ ямщику болѣе половины денегъ, за которыя былъ

Digitized by Google

этотъ подряженъ, но умѣлъ такъ искусно скрыть свою услугу, что Горлицынъ и не подозрѣвалъ обмана. Горничная засѣла въ кибиткѣ на почетномъ мѣстѣ, въ праздничномъ своемъ нарядѣ, какъ нава на гнѣздѣ, боясь пошевелиться. Филемонъ, взобравшись на облучокъ, гордо глядѣлъ съ высоты на всю холоденскую мелочь, какъ будто ѣхалъ за принцессой крови. Сколько наказовъ было, чтобы берегли барышню, какъ зеницу ока, съ горъ потише спускались, по ночамъ не ѣздили, на надежныхъ дворахъ останавливались! Наконецъ кибитка тронулась со двора. Долго провожалъ ее глазами Александръ Иванычъ, крестя вслѣдъ ей. Затѣмъ онъ, вмѣстѣ съ молодымъ слугой, котораго также вытребовалъ ради торжественнаго случая, принялся холить садикъ, проводить по немъ новыя дорожки, усыпать ихъ пескомъ, обрѣзывать и подвязывать кусты и давать всему, сколько возможно, лучшій видъ. То зайдетъ съ одной стороны, то съ другой, какъ бы все это сдѣлать пріятнѣе для глазъ. Портретъ жены его, исполненный художническою кистью и очень схожій, былъ поставленъ въ комнату, назначенную для Катиной спальни. Этотъ портретъ писалъ живописецъ грекъ, не изъ денегъ, а изъ любви къ искусству. Въ проѣздъ свой черезъ Нѣ-

Digitized by Google

жинъ, увидавъ жену Горлицына вскорѣ послѣ ихъ свадьбы, онъ былъ поражонъ ея типическою южною красотой до того, что пожелалъ сохранить ея черты на полотнѣ, и написалъ два портрета, одинъ для мужа, а другой для себя. Къ встрѣчѣ Кати придумано даже было, вмѣстѣ съ Максимомъ Ильичомъ, чтобы Ваня сказалъ пріѣзжей стихи, которые недавно читалъ тахъ хорошо графинѣ и которые общимъ совѣщаніемъ найдены приличными для произнесенія на этотъ торжественный случай. Подсохинъ, узнавъ объ этомъ, порывался было написать своего рода привѣтствіе, но отдѣлались отъ этого сочиненія по той причинѣ, что мальчикъ не любитъ учить на память прозы.

Съ трепетомъ сердечнымъ сталъ Горлицынъ дожидаться прибытія молодой хозяйки, какъ онъ называлъ свою Катю. То выбѣгалъ по нѣскольку разъ въ день на высокій берегъ Холодянки и смотрѣлъ, не видать ли на мосту кибитки съ извѣстною тройкой и людьми. То доходилъ до самаго моста и караулилъ тутъ проѣзжихъ. Вездѣ являлся онъ щоголемъ, въ нарядной парѣ изъ англійскаго сукна, да и малому своему строго наказывалъ, чтобы одѣвался какъ можно опрятнѣе и поменьше сопѣлъ, этого-де барышня не любитъ. Даже

Digitized by Google

по ночамъ вставалъ съ постели и, отворивъ окно, прислушивался, не усиливается ли звукъ колокольчика, по временамъ едва отзывавшійся вдали.

Между тѣмъ, вотъ что происходило съ Катей, ожидаемой такъ нетерпѣливо въ Холоднѣ. Во первыхъ, надо сказать, что отецъ ея не преувеличилъ ни мало, назвавъ ее красавицей. Передъ ней становились подруги на колѣни съ знаками обожанія. Посѣтители института, не смѣя вслухъ восторгаться ея наружностью, нерѣдко останавливались передъ ней, какъ будто изумленные собраніемъ столькихъ наружныхъ совершенствъ въ одномъ лицѣ. Даже самыя женщины, увидавъ ее, невольно говорили: какъ она хороша!—«А что моя красавица?» спрашивала о ней нерѣдко государыня.

Тонкія правильныя черты, возвышенный лобъ, густые, чорные волосы, очертаніе губъ, едва оттѣненныхъ нѣжнымъ пухомъ, станъ, ростъ, формы, все въ ней было изящно, роскошно. Развѣ прибавимъ, что въ чорныхъ глазахъ ея, осѣненныхъ длинными рѣсницами, подъ чорными дугами бровей, почти сходившихся вмѣстѣ и придававшихъ ей нѣсколько гнѣвный видъ, не было игриваго блеска, не было нѣги. Въ нихъ, какъ бы сказать сравни-

Digitized by Google

тельно, отражался зной лѣтняго дня съ его грозовыми тучами. Взглядъ ихъ, глубокій, вдумчивый, чарующій, налегалъ на васъ тяжело, томительно, могъ возбуждать только страсть въ страстной душѣ, а не привлекать къ себѣ легкія натуры. Смуглый отливъ ея кожи, съ весьма слабымъ румянцемъ на щекахъ, напоминалъ въ ней кровную расу южной страны. Смотря на портретъ ея матери, гречанки, которую художникъ съ такою любовью передалъ полотну, можно бы подумать, что онъ списалъ его съ дочери. И въ характерѣ Кати было что-то южное. Со всѣми подругами своими она была хороша; но, избравъ разъ одну изъ нихъ въ друзья себѣ, предавалась ей совершенно и ни съ кѣмъ ужъ болѣе не дѣлила своихъ задушевныхъ мыслей и чувствъ, какія могутъ быть только у институтки. Для нея готова она была на всякія жертвы. Сколько разъ Катя принимала на себя вину своего друга! Ученію предавалась она горячо. Внѣ классовъ, когда она не занималась уроками, видали ее занятою горячею бесѣдой съ ея другомъ, или одну, погружонную въ глубокую, не по лѣтамъ, задумчивость. Если жъ и разыгрывалась Катя, что случалось очень рѣдко, то это была мгновенная, бурная вспышка, которая въ нѣсколько минутъ пробѣгала электриче-

Digitized by Google

скимъ токомъ по всей веренице ея подругъ и разстроивала чинный порядокъ заведенія. Она была такъ добра, что готова была отдать лучшую свою вещь той, которой эта вещица понравилась. За то глубоко принимала обиду и не скоро прощала ее. Когда она вышла изъ института, ей было восемнадцать лѣтъ.

Въ самый Петровъ день Катя пріѣхала въ Москву. Она застала ужъ тамъ посланныхъ отцомъ ея. Катя очень имъ обрадовалась, поцаловала стараго слугу и свою новую горничную, разспрашивала ихъ долго объ отцѣ, объ его житьѣ-бытьѣ, о Холодиѣ. Посланные со всею дипломатическою тонкостью старались представить все холоденское въ благопріятномъ видѣ. Не смотря на убѣжденія своей подруги и матери ея, Катя, простившись съ ними не безъ слезъ и обѣщавъ другу своему переписываться съ нею до гроба, отправилась въ путь съ первымъ просвѣтомъ зари.

Дорогой все ее восхищало: и живописныя мѣста, увѣнчанныя Мячковскимъ курганомъ, и крики дѣвочекъ, просившихъ булавочки, и длинные ряды косцовъ, въ красныхъ рубашкахъ, разсыпанныхъ по широкимъ, привольнымъ москворѣцкимъ лугамъ, и пестрыя вереницы крестьянокъ,

Digitized by Google

раскидывавшихъ для просушки скошенную за два дня траву. Она рукою навѣвала на себя воздухъ, напитанный ароматическимъ запахомъ травъ, и съ наслажденіемъ дышала имъ.

Наканунѣ лилъ цѣлыя сутки дождикъ, и ямщикъ, боясь вязкаго пути въ крутую гору у Мячковскаго кургана и за нею по глинистой дорогѣ, по которой надо было плестись шагомъ до самыхъ Б—цъ, рѣшился ѣхать окольною луговою дорогой. Здѣсь (немного пониже того мѣста, гдѣ нынѣ устроенъ пловучій судовой мостъ на шоссейной дорогѣ) былъ переѣздъ въ бродъ черезъ Москву рѣку. Ямщикъ ручался головой, что перевезетъ барышню безъ опасни: «сто разъ переѣзжалъ»,— говорилъ онъ. Къ тому жъ люди Горянцына только за два дня ѣхали тутъ же безъ приключеній. Поколебался однакожъ старый слуга, снялъ въ раздумьи разъ и другой фуражку и опять надѣлъ, не преминувъ почесать голову. Но въ тоже время зазвенѣлъ чужой колокольчикъ. Какой-то баринъ, въ щегольской бричкѣ, на тройкѣ прекрасныхъ лошадей, догналъ кибитку и смѣло поворотилъ съ большой дороги на луговую. Тутъ слугѣ Горянцына нечего было раздумывать. Онъ приказалъ ямщику слѣдовать за бричкой и не отставать отъ нея. Подъѣхали оба экипажа къ берегу рѣки. Ши-

Digitized by Google

роко разстилались по немъ песчаныя, голыя отмели, на которыхъ волны оставили свои слѣды грядами; слышенъ былъ грустный, однообразный плескъ рѣчнаго прибоя; по рѣкѣ не ходили валы, но какъ-то порывисто, страшно бѣжали густые, какъ массы растопленнаго стекла, воды, мутныя отъ вчерашняго дождя, и, казалось, готовы были захлебнуть все, что преграждало имъ ходъ. Видъ этотъ немного смутилъ молодую дѣвушку. Передовой экипажъ, на которомъ откинутъ былъ верхъ, чтобы онъ не парусилъ, спустился въ рѣку. Надо было искусно пробираться извилинами по гребню, образовавшемуся на днѣ рѣки, чтобы не попасть въ глубокіе омуты, находившіеся близъ самаго гребня. Правившій лошадьми долженъ былъ, какъ опытный кормчій, знать здѣсь всѣ удобныя и опасныя мѣста. Черезъ нѣсколько саженей господскій кучеръ сталъ забирать влѣво, но ямщикъ не послѣдовалъ за нимъ и взялъ крутымъ поворотомъ вправо, сказавъ только: «Щоголь! неладно ѣдетъ; не потонуть бы имъ.» — Такъ закричи же имъ—сказала испуганная Катя.—Только что успѣла она это выговорить, а ямщикъ закричалъ: «бери вправо, олухъ; дуракъ ты этакой, оселъ вислоухій, утопишь ни за что барина!» какъ вся господская тройка разомъ погрузилась въ воду,

Digitized by Google

такъ что стали видны только головы лошадей. Бричку начало покачивать и вскорѣ заливать. Господинъ и слуга, сидѣвшій подлѣ него, поджали подъ себя ноги; ноги у кучера и сидѣвшаго съ нимъ рядомъ другаго слуги болтались въ водѣ. Казалось, эти люди плыли на какихъ-то обломкахъ экипажа. Лошади боролись съ сильнымъ потокомъ, увлекавшимъ ихъ внизъ по теченію рѣки, навострили уши и храпѣли, поднявъ свои морды. Видно было, что онѣ потеряли подъ собою землю и начали плыть. Кучеръ, доселѣ молодцоватый и самонадѣянный, растерялся; то ухватится одною рукой за желѣзный ободокъ козелъ, чтобы не свалиться съ нихъ, то дернетъ безъ толку лошадей. Голосъ его замеръ. Колокольчики уныло переговаривали по водамъ.—«Господи, спаси ихъ! Милосердый Боже, спаси!» — закричала внѣ себя Катя, высунувшись изъ кибитки и поднявъ руки. Баринъ, сидѣвшій до того въ какомъ-то угрюмомъ спокойствіи, слышалъ эти слова. Онъ взглянулъ на ту, которая ихъ произнесла, привсталъ разомъ съ своего мѣста, не смотря на то, что долженъ былъ погрузить ноги въ воду, наполнявшую уже экипажъ, вырвалъ у кучера вожжи и съ окликомъ, огласившимъ оба берега, круто и сильно повернулъ лошадей въ правую сторону. Жи-

Digitized by Google

вотныя, возбужденныя этимъ повелительнымъ голосомъ, казалось, получили новыя силы, рванулись куда были направлены и грудью пошли противъ напора стремнины, валившей на нихъ. Борьба была отчаянная, на жизнь и смерть! Вскорѣ однакожъ лошади ухватились передними ногами за гребень, по которому ѣхала кибитка. Сначала вынырнула изъ воды холка ихъ, потомъ показалась и спина; наконецъ приподнялся и экипажъ. Тутъ ужъ не было болѣе опасности. Лицо Кати просіяло; она перекрестилась. Въ это время бричка начинала сближаться съ кибиткой. Господинъ, не сдѣлавъ никакого замѣчанія кучеру, спокойно передалъ ему вожжи. Садясь на свое мѣсто, онъ скинулъ картузъ и глубоко поклонился Катѣ. Онъ слышалъ, какъ молилась спутница его, посланная въ эти роковыя минуты самымъ Провидѣніемъ для его спасенія, успѣлъ только мелькомъ увидать ея лицо, испуганное, но прекрасное, чорные и выразительные глаза, обращенные къ небу; потомъ, когда онъ выбрался изъ опасности, видѣлъ, какъ было радостно ея лицо, какъ она крестилась — и глубоко сохранилъ въ душѣ своей эти мимолетныя видѣнія. Не могла также не оставить сильнаго впечатлѣнія въ душѣ Кати ужасная картина, которой она было зрительницей. На-

Digitized by Google

всегда врѣзались въ ея памяти и сердцѣ бѣгущія мутныя воды, готовыя разомъ поглотить четырехъ человѣкъ, и вставшій изъ среды ихъ статный мужчина, который, какъ бы могучій кормчій, схватилъ руль погибавшаго въ волнахъ судна и разомъ вынесъ его изъ опасности. Какъ хорошъ, величавъ былъ незнакомецъ, съ распущенными по вѣтру волосами, среди грозной стихіи, надъ которою, казалось, господствовалъ! Этотъ видъ долженъ былъ сильно поразить дѣвушку, воспитанную въ стѣнахъ института-монастыря, гдѣ все такъ тихо и правильно, гдѣ всѣ дни такъ похожи одинъ на другой. Подобное зрѣлище могла она видѣть развѣ на гравюрѣ, изображающей Петра Великаго на ладьѣ, съ изломанною мачтою, во время морской бури. Оба экипажа благополучно переѣхали на другой берегъ, но съ этого времени щегольская бричка слѣдовала ужъ за смиренною кибиткой.

Пріѣхали въ Б—цы. Тогда тамъ не было гостинницы. Лучшій постоялый дворъ находился на главной улицѣ. Въ него въѣхали, одна за другою, кибитка и бричка. Изъ кибитки выползла сначала горничная; за нею только-что успѣла Катя ступить на подножку, ее принялъ не одинъ старый слуга, а еще незнакомое лицо. Это былъ снут-

Digitized by Google

никъ ея, въ которомъ она принимала такое живое участіе. Лицо его было выразительно и привлекательно. Ему могло быть лѣтъ тридцать съ небольшимъ, но серебряныя нити изрѣдка пробирались уже въ густыхъ каштановыхъ волосахъ. Катя могла это замѣтить, потому что незнакомецъ скинулъ свой картузъ. Катя безъ жеманства подала ему руку свою и, сходя съ подножки, принуждена была опереться на его руку.

— Благодарю васъ — сказалъ онъ съ чувствомъ — вамъ обязанъ я спасеніемъ своей жизни, и этого никогда не забуду.

— Помилуйте, что жъ я могла сдѣлать?—отвѣчала Катя краснѣя: — это мой ямщикъ.... А какъ я перепугалась за васъ!

— Съ этихъ поръ могу дорожить жизнью — сказалъ незнакомецъ, но, увидѣвъ, что спутница его еще болѣе краснѣла отъ его словъ, примолвилъ: — позвольте васъ спросить, кому обязанъ я такъ много?

Катя сказала свою фамилію, прибавила, что ѣдетъ изъ института въ Холодню къ отцу своему, тамошнему соляному приставу, поклонилась привѣтливо незнакомцу и быстро поднялась на лѣстницу. Нѣсколько минутъ простоялъ онъ на одномъ мѣстѣ, изумленный красотой своей спутницы,

Digitized by Google

простотой ея манеръ и рѣчи, и смотрѣлъ ей долго вслѣдъ, хотя она ужъ исчезла.

Онъ остановился въ комнатѣ рядомъ съ тою, которую заняла Катя, и имѣвшею особенный входъ. Чувствуя ознобъ отъ сырости, такъ долго державшейся въ его обуви, онъ желалъ бы напиться чего-нибудь горячаго; но не велѣлъ людямъ своимъ требовать самоваръ, единственный на постояломъ дворѣ, пока не напьется сосѣдка. Какъ же удивился онъ, когда старый слуга ея принесъ къ нему самоваръ. — Барышня велѣла отнести къ вамъ — сказалъ Филемонъ — вамъ нужнѣе; небось, порядкомъ намокли. Извольте-ка поскорѣе горяченькаго испить: это больно пользительно. — Разумѣется, сосѣдъ, тронутый такимъ вниманіемъ хорошенькой сосѣдки, разсыпался въ благодарностяхъ. Она слышала ихъ за перегородкой.

Филемонъ былъ любопытенъ. Онъ скоро узналъ отъ людей этого господина, что его зовутъ Иванъ Сергѣевичъ Волгинъ, что онъ очень богатъ, имѣетъ помѣстья въ разныхъ губерніяхъ и ѣдетъ въ Холодно хлопотать о вводѣ его во владѣніе прекраснымъ имѣніемъ, которое недавно досталось ему въ Холоденскомъ уѣздѣ. Ему было только тридцать четыре года, да рано сѣдина въ головѣ

Digitized by Google

засѣла, и не мудрено — много горя въ жизни видѣлъ: женился очень молодъ, а съ женою радостей не зналъ. Была больно зла, отъ того вскорѣ послѣ брака и съ ума рехнулась, съ тѣмъ года два тому назадъ и въ землю вошла. Дѣтей у нихъ не было. Баринъ же душа предобрая; житье у него такое, что и на волю не захочешь. Только часто одолѣваетъ его тоска, видно подъ часъ жалко на него смотрѣть.

— Славный женишокъ былъ бы для барышни, даромъ что сѣдина въ волосахъ пробиваетъ—подумалъ Филемонъ, но не сказалъ вслѣдствіе дипломатической осторожности. Это разсужденіе про себя заключилъ вѣрный ричардъ глубокимъ вздохомъ, который можно бы перевесть слѣдующимъ образомъ: да гдѣ жъ нашей бѣдной холоденской пташкѣ залетать въ такія высокія хоромы!

Камердинеръ Волгина спросилъ Филемона, не знаетъ ли онъ хорошенькой квартиры для его барина. — Цѣну дадимъ хорошую — примолвилъ онъ. — Какъ не знать! Словно нарочно къ этой оказіи, напротивъ дома Горлицына отдавались четыре комнаты въ домѣ безсемейнаго купца, который хотя и въ нуждѣ, а ищетъ смирнаго, хорошаго постояльца. Не хотѣлъ отдать барынѣ Че-

Digitized by Google

чоткиной отъ того, что большая сутяжница и дѣвокъ больно бьетъ. Снимете съ себя башмачище, въ пору доброму мужику, да и начнетъ шлепать по щекамъ; а каковъ часъ, и оплухой отвалятъ. Чего жъ лучше этой квартиры для Волгина! На обоюдныхъ любезностяхъ слуги сосѣда и сосѣдки выпили нѣсколько паръ чайку съ пожеланіями оставаться сосѣдями и въ Холоднѣ.

Черезъ нѣсколько часовъ лошади нашихъ путешественниковъ были выкормлены и отдохнули. Кибитку подали къ крыльцу, но бричка стояла на дворѣ незапряженная. Катя, прежде чѣмъ сѣсть въ свой бѣдный экипажъ, осмотрѣлась, какъ будто искала и надѣялась встрѣтить своего временнаго сосѣда. Ее началъ сильно занимать незнакомецъ. Ужъ и она стала думать, не само ли Провидѣніе назначило имъ первое роковое свиданіе на переправѣ. Не проѣзжай она во-время съ надежнымъ ямщикомъ въ бродъ, не мудрено, что незнакомецъ могъ бы потонуть. То представлялся онъ ей сидящимъ спокойно, во время опасности, то видѣла, какъ онъ, будто по слову ея, разомъ вышелъ изъ своей апатіи и энергически вывелъ экипажъ изъ омута, который готовъ былъ поглотить его. Не укрылись отъ взгляда Кати и раннія его сѣдины, и грусть, оттѣнявшая его блѣдное лицо.

Digitized by Google

Мудрено ль, что интересъ происшествія, вмѣстѣ съ чувствами удивленія къ его отвагѣ, и состраданіе къ нему сильно зашевелили ея пылкое воображеніе и доброе сердце. Невольно вспомнила она слова его: «съ этихъ поръ могу дорожить жизнью.»—Не простое, приличное только къ случаю, привѣтствіе заключалось въ нихъ: слышалось въ голосѣ его глубокое, задушевное чувство.

Волгинъ не вышелъ въ сѣни проводить Горлицыну, чтобы изъ этого не сдѣлали какого-нибудь заключенія дворовые ихъ люди и хозяева постоялаго двора, охотники, какъ и вся братья ихъ, выводить изъ всякой бездѣлицы догадки своего рода. Для этой же причины онъ не хотѣлъ ѣхать вслѣдъ за нею. Между тѣмъ сильно затронула и его сердце интересная Катя Горлицына со всею романическою обстановкой настоящаго дня.

Наконецъ Катя въ Холодиѣ. Отецъ въ парадномъ платьѣ сторожилъ на берегу Холодянки. Она выпрыгнула изъ кибитки и упала въ его объятія. Ласкамъ съ обѣихъ сторонъ не было конца. Александръ Иванычъ не насмотрится на нее, не налюбуется ею. Любовь его къ дочери была какая-то благоговѣйная, какъ будто не къ земному существу. Такъ дивно хороша она ему кажется, такъ напоминаетъ мать свою! Пошли въ гору.

Digitized by Google

Горницынъ задыхался отъ усталости и радости. Катя хотѣла вести его подъ руку; онъ долго спорилъ, наконецъ побѣда осталась за нею. Въ нѣсколько минутъ осмотрѣла она свое новое жилище, находила его слишкомъ обширнымъ, просила отца обмѣняться комнатами: на этотъ разъ онъ восторжествовалъ. Увидавъ портретъ матери въ своей спальнѣ, она со слезами пала передъ нимъ на колѣни. Ей казалось, мать улыбалась ей, посылала ей свой привѣтъ и благословеніе. Не знала Катя, какъ благодарить отца за то, что помѣстилъ съ нею въ спальнѣ такую дорогую подругу. Отнынѣ будетъ она ежедневно отдавать ей отчетъ въ каждомъ тайномъ помыслѣ, въ каждомъ необыкновенномъ движеніи души. Птичкой облетѣла она садъ; налюбовалась цвѣтами, надышала ихъ запахомъ, приколола розы къ груди, въ волосы, и съ межи садика успѣла налюбоваться живописными видами.

— Боже мой! какъ это хорошо! да это рай земной! — твердила она.

— Это все твое, душа моя — говорилъ Александръ Иванычъ.

— Все мое!—восклицала она и цаловала руки у отца, какъ будто принимала отъ него въ даръ домъ, садъ, окрестность, все, что глазами могла только окинуть.

Digitized by Google

Съ этого времени онъ называлъ ее молодою хозяйкой.

На третій день Горлицынъ, счастливый, гордый, выпросивъ экипажъ у Пшеницына, повезъ свою молодую хозяйку съ визитами по городу. Вездѣ, куда пріѣзжалъ, казалось, говорилъ: — смотрите, какова моя Катя! полюбуйтесь ею! — И какъ было ему не гордиться такимъ сокровищемъ? Вездѣ показала она себя скромною, любезною, привѣтливою; нигдѣ не выставляла превосходства своего воспитанія и ума надъ дѣвицами, мало образованными, съ которыми познакомилась; со всѣми изъ нихъ охотно дѣлилась новостями о покроѣхъ платья и разныхъ петербургскихъ нарядахъ, которые составляютъ важный предметъ любопытства даже не однѣхъ провинціялокъ. Всѣ хвалили ее, нѣкоторыя съ завистью, большая часть отъ искренняго сердца. Во всѣхъ домахъ, гдѣ она была съ отцомъ, говорили: «Ну ужъ дочка у солянаго пристава! Нечего сказать, красавица таки, и разумница, и уважительна къ старушкамъ. Вѣдь сама государыня жаловала ее въ институтѣ. Не худо бы, дочки, и вамъ перенимать ея деликатность и придворное обращеніе. Уродилась, видно, подъ счастливой планидой. Только врядъ ли скоро женишка найдетъ: безприданница! Отецъ голъ,

Digitized by Google

какъ соколъ, а красота не одѣваетъ и не кормитъ. За бѣднаго идти самой не приходится, изъ куля да въ рогожу. » — Но маіорская дочь Чечоткина, не видавши Кати въ лицо, съ особенною злобой отзывалась, что однѣ холодовскія неотесанныя дуры могутъ найдти въ ней что-нибудь хорошое; амбиціи вовсе не имѣютъ, унижаются передъ дочерью соляного пристава. Даже готова была затѣять процессъ о томъ, что пріѣзжая и не такъ красива и не такъ воспитана, какъ объ ней говорятъ.

Ваня Пшеницынъ мило прочолъ Катѣ стихи. Мальчикъ ей очень понравился. Она цаловала его въ дутыя, румяныя щочки, въ глаза, исполненные живости и наблюдательности, убирала его шолковыя кудри, падавшія по плечамъ. Объявила также, что онъ отнынѣ будетъ ея пажемъ. Когда жъ узнала, что его зовутъ Ваней, еще болѣе осыпала его своими ласками. Замѣтивъ книжный выговоръ его, когда онъ произносилъ стихи, вѣроятно, по примѣру своего наставника—семинариста, вызвалась, отъ нечего дѣлать, давать мальчику уроки въ томъ, что сама знала. Александръ Иванычъ боялся, что это будетъ ей трудно. Пшеницыны обрадовались предложенію, но совѣстились принять его, хотя втайнѣ и имѣли намѣреніе сыскать

Digitized by Google

случай попривличѣе отблагодарить дочь Горлицына. Катя настояла на своемъ. Восьмилѣтній мальчикъ очень любилъ ласки дѣвицъ и дамъ, только хорошенькихъ, любилъ цаловать ихъ бѣлыя, нѣжныя ручки и засматриваться на ихъ глазки. Онъ прыгалъ отъ радости, что его учителемъ будетъ хорошенькая Катя вмѣсто долгополаго семинариста, у котораго голова съ овинъ, вѣчно въ пуху, голосъ гнусливый, какъ будто ему прищемили чѣмъ-нибудь носъ; къ тому жъ говорилъ не такъ, какъ другіе люди, всегда на *о* и на *аго*, свысока, иной разъ и не разберешь, что толкуетъ.

Катя была въ восторгѣ отъ всего, что нашла въ Холоднѣ и особенно отъ своего домика и садика. Но по временамъ закрадывалось въ ея сердце воспоминаніе о переправѣ черезъ рѣку и образъ интереснаго дорожнаго спутника. Не могла она дать себѣ отчота, къ чему, на какой конецъ всѣ эти думы, эти впечатлѣнія. Вѣдь она дочь незначительнаго соляного пристава, а Волгинъ, очень богатый человѣкъ, вѣроятно, ужъ и забылъ странную встрѣчу, которая только для нея, простодушной институтки, была занимательна. Онъ и не думаетъ о ней: это легко понять изъ того, что давно пріѣхалъ въ городъ, а въ домъ ихъ не показывается.

Digitized by Google

Она разсказала отцу все, что съ нею случилось въ дорогѣ, утаивъ, разумѣется, впечатлѣніе, произведенное на нее Волгинымъ. Александръ Иванычъ крестился и благодарилъ Бога, что дочери послалъ счастливый случай спасти отъ такой бѣды четырехъ человѣкъ, а пуще всего, что сама избавилась отъ бѣды. Не скрыла однакожъ Катя отъ отца своего, что слышала о Волгинѣ отъ стараго слуги.

— Кабы видѣли папаша, какой онъ, бѣдненькій, грустный — говорила она. — Если придетъ, приласкайте его хорошенько.

— Какъ же, какъ же, душечка — отвѣчалъ Горлицынъ.—Жаль, человѣкъ не старый, а сколько горя претерпѣлъ. Только нейдетъ что–то, а видѣли его въ судѣ дня съ три.

Эти слова заставили Катю сказать про себя съ досадой: «Какой же онъ негодный!»

Дѣйствительно, Волгинъ дня съ четыре былъ въ Холоднѣ; но, противясь, неизвѣстно по какой причинѣ, собственному желанію увидать Катю и переѣхать на квартиру противъ Горлицына, о которой ужъ многіе ему говорили, искалъ себѣ, съ необыкновеннымъ упрямствомъ, по разнымъ частямъ города другаго помѣщенія. Однакожъ удобной квартиры нигдѣ не отыскалось, и онъ поне-

Digitized by Google

волѣ пошолъ смотрѣть ту, которую указывалъ Филемонъ его людямъ. Катя видѣла изъ своего садика, какъ Волгинъ пришолъ осматривать домъ сосѣда, какъ вышелъ изъ него, послѣ, на другой день, въ него переѣхалъ, выходилъ и выѣзжалъ со двора, но ни разу ему не показалась. А онъ—онъ желалъ увидать хотя край ея одежды. Странно! Ему стоило только сдѣлать нѣсколько шаговъ черезъ улицу, чтобы увидать ее самую. Наконецъ онъ не выдержалъ, и послалъ своего слугу къ Горлицыну просить позволенія представиться ему, приказавъ также сказать, что онъ тотъ самый, который обязанъ такъ много Катеринѣ Александровнѣ. Горлицынъ отвѣчалъ, что будетъ очень радъ дорогому гостю. Во время этихъ переговоровъ сердце Кати сильно замирало. Она желала и какъ будто боялась этой встрѣчи.

Гость былъ принятъ на парадной половинѣ Катерины Александровны. Молодая хозяйка не показывалась. Съ обѣихъ сторонъ обмѣнялись простыми, задушевными привѣтствіями. Волгинъ извинялся, что ранѣе не исполнилъ своей обязанности, за недосугами по дѣламъ въ судѣ. Катя все еще не приходила. Отецъ, отворивъ нѣсколько дверь въ другую комнату, сказалъ: «Чтожъ ты, Катя, нейдешь посмотрѣть на утопленника съ того

Digitized by Google

свѣта? А сама еще... » Онъ не договорилъ, потому что дочь лукаво погрозила ему пальцемъ.—« Сейчасъ » — былъ отвѣтъ изъ другой комнаты. Какъ ни старалась она, махая на себя вѣеромъ, освѣжить свое лицо, на которомъ румянецъ жарко разыгрался, не могла въ этомъ успѣть, и вынуждена была, съ разгорѣвшимся лицомъ, показаться гостю. Обворожительно хороша она была въ эту минуту. Красота ея, не обремененная дорожными принадлежностями одежды, въ которой видѣлъ ее Волгинъ, озаренная горячимъ душевнымъ колоритомъ, такъ смутила его, что онъ растерялся и видимо отыскивалъ слова, чтобы начать съ нею разговоръ. Въ эти минуты можно было принять его за новичка въ свѣтѣ, и даже не очень умнаго. Но, оправившись, онъ успѣлъ завязать съ Горлицынымъ интересный разговоръ, въ которомъ высказалъ умъ свой, знаніе людей и образованіе, довольно рѣдкое въ тогдашнее время. Старику онъ очень полюбился съ перваго раза. Потомъ обратился къ Катѣ, распрашивалъ о впечатлѣніи, сдѣланномъ на нее Холоднею, не позволяя себѣ ни малѣйшей насмѣшки на счотъ городскаго общества, какъ это обыкновенно дѣлаютъ пріѣзжіе изъ столицъ въ провинцію, и спросилъ, не скучаетъ ли она о Петербургѣ.

Digitized by Google

— Мнѣ здѣсь такъ хорошо, какъ нигдѣ не бывало — отвѣчала она. — Скромная жизнь здѣшняя мнѣ очень нравится. Тамъ я жила въ палатахъ; вспоминаю о нихъ съ благодарностью, съ любовью, потому что въ нихъ получила воспитаніе. Все-таки это была клѣтка, хоть и золотая.... Но здѣсь, по милости папаши, я хозяйка, вольная птичка. А посмотрите сюда (она указала Волгину изъ окошка на видъ за рѣкой): это все мои владѣнія. Никто не мѣшаетъ мнѣ наслаждаться ими.

— И ничто? — спросилъ Волгинъ.

— И покуда ничто — сказала Катя.

Вскорѣ Горлицына стали вызывать въ другую комнату по дѣламъ службы. Ему надо было идти, а между тѣмъ онъ совѣстился оставить гостя. Волгинъ замѣтилъ это и спѣшилъ сократить свое первое посѣщеніе. Но черезъ день пришолъ опять.

Молодая хозяйка повела своего гостя въ садъ и отсюда указала ему на лучшіе виды. Слова ея придавали каждому предмету тотъ художественный или поэтическій образъ, который только избранныя натуры могутъ угадывать и уловить въ созданіяхъ природы и искусства, въ наружности и душѣ человѣка. Волгинъ восхищался садомъ, восхищался мѣстностью, но болѣе увлекательною, живописною рѣчью своего прекраснаго чичероне.

Digitized by Google

— Если вы такъ любите природу — сказалъ онъ ей — чтожъ съ вами станется, когда всю эту прекрасную картину застелютъ снѣга?

— А люди? развѣ ихъ нѣтъ здѣсь? Со мною отецъ, который для меня все. Здѣсь я нашла добрыхъ и любезныхъ людей, въ семействѣ предводителя, еще кое-гдѣ. Вотъ, даже въ семействѣ купца Пшеницына.... Вы съ нимъ, конечно, не успѣли еще познакомиться?

— Купца? нѣтъ.... я еще.... не познакомился. Да чтожъ, особенно вамъ, съ вашимъ образованіемъ, можно найдти пріятнаго въ семействѣ холоденскаго купца?

— Познакомьтесь, и вы скажете совсѣмъ другое. У этого купца прекрасная русская библіотека. Такой, конечно, нѣтъ у всѣхъ дворянъ вмѣстѣ здѣшняго уѣзда. Этотъ купецъ живетъ съ большимъ приличіемъ. Не говорю вамъ объ его домѣ: въ немъ найдете, вмѣстѣ съ роскошью, вкусъ и любовь ко всему прекрасному. Скажу только, что онъ выписываетъ иностранца учителя для своего сына, премиленькаго мальчика, что онъ хочетъ дать ему отличное воспитаніе.

— Вы меня удивляете.

— Познакомьтесь, я вамъ совѣтую, и полю-

Digitized by Google

бите тамъ моего пажика Ваню. Видите, я ужъ набираю здѣсь свой холоденскій штатъ.

— И, вѣрно, успѣшно. Вамъ стоитъ только взглянуть, сказать слово, и преданные служители стекутся къ вамъ со всѣхъ сторонъ. А меня, старика.... приняли бы вы въ число ихъ, этихъ вѣрныхъ, преданныхъ служителей?

— Старика? (Катя засмѣялась при этомъ словѣ). Какой же вы старикъ!... Васъ я.... знаете ли, какую должность я бы вамъ дала?

— Желалъ бы очень знать, къ чему удостоите.

— Васъ сдѣлала бы я начальникомъ своего холоденскаго флота. Вы такъ отважны на водахъ....

— Могъ бы я сказать, не мудрено: я служилъ во флотѣ. Но, чтобъ не соглать, скажу: меня, въ опасныя минуты, на которыя вы намекаете, одушевляли вашъ взглядъ, слова, которыя вы произнесли, когда молились за насъ, и, скажу еще болѣе, желаніе жить, отъ когораго я было отвыкъ...

— Развѣ вамъ такъ рано наскучила жизнь?

— Наскучила было; я сдѣлался ипохондрикомъ. Но.... вы говорили, что поручили бы мнѣ свой холоденскій флотъ. Я почолъ бы за счастіе быть хоть рулевымъ на томъ кораблѣ, на которомъ вы сами поплывете. О! тогда не боялся бы ни бурь, ни подводныхъ скалъ.

Digitized by Google

— Благодарю васъ. Но, какъ вы скоры!... Я не успѣла еще заслужить такой горячей преданности. Мы видимся только въ третій разъ.

— А путешествіе по водамъ? Оно стоитъ годовъ знакомства. Не вамъ ли обязанъ....

— Это сдѣлалъ Богъ.

— Но вы были орудіемъ Его.

— Благодарю за это Бога и буду вѣчно въ молитвахъ своихъ благодарить.

— Поэтому вы будете помнить и спасеннаго вами.

— Ужъ конечно.

— Забудете.

— Никогда.

Это слово было такъ энергически сказано, какъ будто бы Катя давала священный обѣтъ въ роковую минуту жизни. Кажется, болѣе съ обѣихъ сторонъ нельзя было сказать: такъ скоро увлеклись они чувствомъ, которое старались оправдывать преопредѣленіемъ судьбы.

Въ одно изъ первыхъ затѣмъ посѣщеній Волгина, Катя, замѣтивъ, что сосѣдъ былъ очень грустенъ, сказала ему: — Знаете ли, я желала бы видѣть въ своемъ штатѣ людей веселыхъ, счастливыхъ. А вы.... (Катя не докончила).

— Говорите.

Digitized by Google

— Я только-что со школьной скамейки, и потому скажу вамъ съ простодушіемъ институтки и участіемъ доброй сосѣдки: на лицѣ вашемъ вижу часто грусть, которая какъ будто васъ преслѣдуетъ. Вотъ теперь... признайтесь.

— Слѣды меланхолическаго характера... Еще прибавлю — и я буду съ вами откровенен, какъ преданный вамъ человѣкъ—можетъ быть, оттого что я въ жизни своей не зналъ счастія, именно сердечнаго, душевнаго счастія. Лучше скажу, я былъ очень, очень несчастливъ. Но какъ же вы... замѣтили?

— Видно, у женщинъ есть для этого особенный инстинктъ. Какъ, отчего, я вамъ теперь не растолкую. Когда нибудь послѣ... съ лѣтами, съ опытами, хотѣла я сказать... я до этого дойду.

— А вашъ инстинктъ отгадаетъ ли, что у меня теперь на сердцѣ, кромѣ печальныхъ мыслей о прошедшемъ?

— Теперь?... Нѣтъ, моя премудрость отказывается отъ этой разгадки.

— Жаль, вы прочли бы въ этомъ сердцѣ надежды на лучшіе дни. Можетъ быть, безразсудныя надежды! но все-таки онѣ обольстительны. Не знаю, что сталось бы со мною безъ нихъ.

Подошолъ къ собесѣдникамъ Александръ Ива-

Digitized by Google

нять, который до этого обрѣзывалъ сухіе сучья на деревьяхъ, и разговоръ сдѣлался общимъ.

Съ этого времени Волгинъ и Катя видались чаще. Видѣться, говорить другъ съ другомъ сдѣлалось для нихъ потребностью жизни. Ужъ и отецъ ея полюбилъ своего добраго, умнаго сосѣда, который умѣлъ такъ хорошо разсказывать о морскихъ сраженіяхъ подъ начальствомъ Чесменскаго и Ушакова, о Греціи, родинѣ предковъ Горлицыной, гдѣ природа такъ хороша, женщины такъ похожи на портретъ, висѣвшій въ спальнѣ Кати. Случалось, Волгинъ не придетъ день, другой, и шлютъ къ нему посла: приказали-де сказать, соскучились по васъ сосѣди. А иной разъ Катя прибавитъ: адмиралъ велитъ своему капитану немедленно явиться къ нему по дѣламъ службы. Иной разъ Горлицынъ увидитъ, что сосѣдъ сидитъ пригорюнясь у своего окна, и махнетъ ему рукой, а дочка изъ-за него покажетъ свое хорошенькое личико: этого было довольно, чтобы сосѣдъ сейчасъ явился. Уженіе подлѣ мельницы, прогулки по рѣкѣ и въ рощѣ, путешествія на богомолье въ ближайшіе монастыри, по обѣтамъ, которые каждый держалъ про себя — всегда съ отцомъ, иногда съ семействами предводителя и Пшеницыныхъ, съ которыми пріѣзжій успѣлъ по-

Digitized by Google

знакомиться, сблизили еще болѣе Катю и Волгина. Вмѣстѣ наслаждались красотами природы, веселились однимъ удовольствіями, вмѣстѣ въ храмѣ молились и, можетъ быть, объ одномъ и томъ же. Улицы какъ будто между ними не существовало: казалось, они жили и засыпали подъ одною кровлей. Хотя между ними не было произнесено слово любви, оно было ужъ неоднократно высказано въ ихъ глазахъ, въ движеніяхъ, въ прерванной рѣчи, даже въ пожатіи руки. Катя любила первою и послѣднею своею любовью; порывы ея страстной души были сдерживаемы только чувствомъ стыдливости и приличія, и правилами, данными ей въ институтѣ. Не укрылись отъ отца взаимныя чувства дочери и Волгина; партія для нея была блестящая, какой и во снѣ ему не снилось. Сначала смотрѣлъ Горлицынъ на любовь ихъ съ удовольствіемъ, потомъ она стала пугать его.

Прошло три мѣсяца съ того времени, какъ Волгинъ жилъ въ Холоднѣ и между тѣмъ не дѣлалъ предложенія. Дѣло его по вводу во владѣніе имѣніемъ было кончено; однакожъ онъ не выѣзжалъ изъ города. Разъ какъ-то далъ онъ Горлицыну понять темными, таинственными намеками, что у него есть какія-то обстоятельства, которыя еще

Digitized by Google

мѣшаютъ ему яснѣе открыться... Что бы это такое было? Отецъ ломалъ себѣ голову надъ догадками, сердце дочери разрывалось отъ неизвѣстности. Родителей у Волгина нѣтъ; слѣдственно онъ воленъ располагать своею судьбою. Горлицынъ подумалъ, нѣтъ ли у него тайной связи, которую онъ желаетъ разорвать, можетъ быть дѣтей, которыхъ обязанъ обеспечить. Эта мысль очень тревожила старика, слыхавшаго нерѣдко, какъ человѣку, особенно честному и благородному, трудно бываетъ выпутаться изъ подобныхъ связей, въ которыя люди вступаютъ часто безъ участія сердечнаго. Еще болѣе встревожился Горлицынъ, когда стали доходить до него слухи, что въ городѣ кумушки, завистницы и сплетницы, начали чесать языкъ на счотъ короткаго знакомства сосѣда и сосѣдки. Богъ знаетъ, чего тутъ не прибрали! Всѣ эти обстоятельства заставили Александра Иваныча держать себя съ сосѣдомъ въ отношеніяхъ болѣе размѣренныхъ. Волгинъ уже не былъ приглашаемъ такъ дружески; Катю не оставляли съ нимъ одну, и даже замѣтили ей, чтобы она была осторожнѣе. Катя любила сильно, но вынуждена была признать основательность этихъ замѣчаній, и съ глубокою грустью, съ тайными слезами, исполнила волю отца.

Digitized by Google

Волгинъ не могъ не замѣтить этой перемѣны. Онъ разрывался отъ досады, проклиналъ свою судьбу и—молчалъ. За то погрузился въ какую-то ожесточенную дѣловую переписку, точно заразился страстью маіорской дочери Чечоткиной. Знали, что онъ никому не поручалъ тайнъ этой переписки и самъ занимался ею; знали, что онъ не отдавалъ своихъ писемъ и посылокъ на мѣстную почту, а посылалъ ее съ довѣреннымъ человѣкомъ въ другой ближайшій городокъ и оттуда получалъ всю корреспонденцію. Таинственность эта возбудила въ Холоднѣ еще болѣе толковъ на счотъ его и нанесла новое огорченіе Горлицыну, который съ каждымъ днемъ видѣлъ, что Катя его дѣлается все грустнѣе и грустнѣе. Осень обнажила ея садикъ, успѣхи ученика ея Вани не утѣшали ее болѣе, все кругомъ ея приняло мрачный видъ.

Что жъ могло останавливать влюбленнаго Волгина просить руки той, въ чувствахъ которой онъ самъ былъ увѣренъ? Вотъ что:

Все, что о несчастной жизни Волгина сказали его люди старому слугѣ Горлицына, было справедливо. Объ одномъ они только умолчали, что сумасшедшая жена еще была—жива.

Digitized by Google

II.

Лѣтъ за десять, съ небольшимъ, до происшествія на описанной нами переправѣ черезъ Москву рѣку, въ одномъ изъ подмосковныхъ губернскихъ городовъ, именно на святкахъ, появился блестящій метеоръ. Это былъ морской офицеръ Волгинъ. Двадцати трехъ лѣтъ, свободный обладатель богатаго имѣнія, оставленнаго ему отцомъ и матерью, привлекательной наружности, умѣнъ, ловокъ, онъ въ нѣсколько дней сосредоточилъ на себѣ все вниманіе избраннаго городскаго общества. Нынѣ прозвали бы его львомъ. Въ то время почли бы такое прозваніе слишкомъ низкимъ; мода, а за нею художники, писатели и весь, хотя нѣсколько образованный людъ, лѣзли, во что бы ни стало, на высоты недосягаемыя. За то сами обитатели Олимпа, по велѣнію этой моды, сходили на землю, даже въ губернскіе города Россіи, куда только проникалъ свѣтъ изъ очаговъ столицъ, роднились съ простыми смертными и давали имъ свои имена и качества. И потому богини-дѣвицы губернскаго города N съ душевнымъ замираніемъ ждали, не поднесетъ ли счастливѣйшей изъ нихъ Парисъ-Волгинъ золотаго яблока; не одна неутѣшная Калипсо молила небеса о сердцекрушеніи юнаго

Digitized by Google

мореходца у береговъ ея очаровательныхъ владѣній. Не одна маменька, скажу низкимъ слогомъ, старалась, какъ можно лучше, скрасить свой живой товаръ, чтобы сбыть его въ такія дорогія руки. У всѣхъ нихъ былъ одинъ напѣвъ мужьямъ, чтобы употребили всѣ возможныя и невозможныя средства привлечь въ свой домъ такого завиднаго женишка для ихъ единственной дщери или одной изъ бесчисленныхъ дочекъ. Во что бы ни стало подай Волгина! За удовольствіе имѣть его у себя на обѣдѣ, вечерѣ, фантахъ и другихъ святочныхъ увеселеніяхъ тогдашняго времени, спорили, какъ нынѣ спорятъ за честь и удовольствіе имѣть у себя въ домѣ севастопольскихъ героевъ.

Закружился было Волгинъ въ этихъ увеселеніяхъ. Въ танцахъ ему не давали отдыха. Въ менуэтѣ à la reine это былъ настоящій Аполлонъ по отзыву прекраснаго пола. Никто такъ граціозно не велъ своей дамы въ полькахъ, не дѣлалъ въ контрдансахъ такихъ мудреныхъ антраша и шассе battu. А казачокъ? Хотя Волгинъ, по тогдашнему обычаю, исполнялъ его въ башмакахъ съ стразовыми пряжками и шолковыхъ чулкахъ, старики отзывались, что родовитый казакъ лучше его не пропляшетъ своего національнаго танца. То пригласитъ его мать сдѣлать честь пройдтись съ ея

Digitized by Google

дочерью, не имѣвшею еще случая танцовать съ такимъ ловкимъ кавалеромъ и выказать свои таланты, развитые въ столицѣ. То очаровательная дѣвица мимоходомъ броситъ на него молнію своихъ глазъ, которая могла бы поднять и мертваго — а въ Волгинѣ, казалось, было двѣ жизни — и понесется онъ въ слѣдующемъ танцѣ съ своею очаровательницей. Никого такъ часто не поднимали со стула въ игру *сосѣда* и не требовалъ къ себѣ *оракулъ;* ни на кого такъ горячо не палъ жгутъ въ доказательство, что чѣмъ сильнѣе бьешь, тѣмъ сильнѣе любишь. За то ничьихъ фантовъ столько не было, какъ Волгина, а фанты въ то время, большею частію, выкупались бесчисленнымъ счотомъ поцалуевъ.

Пріѣзжая къ себѣ съ разсвѣтомъ дня, утомленный, разбитый, Волгинъ не чувствовалъ, какъ слуга раздѣвалъ его и укладывалъ въ постель. Только во снѣ все еще мерещились ему огненные и томные глазки, тоненькія и толстенькія губки, и отдавался въ ушахъ его звукъ сладкихъ рѣчей. На другой день встанетъ свѣжъ, здоровъ, веселъ, и опять за тѣ же упражненія. Мудрено ль? Онъ былъ такъ молодъ, не зналъ за собой горя и не видалъ его передъ собой.

Чаще другихъ посѣщалъ молодой морякъ домъ

Digitized by Google

Сизокрылова, очень значительнаго лица въ губернскомъ городѣ, и потому чаще, что у этого лица былъ сынъ, пріятель Волгина. Молодые люди вмѣстѣ поступили на службу, вмѣстѣ дѣлали одну морскую кампанію, вмѣстѣ кутили. Принявъ наслѣдство, Волгинъ поѣхалъ въ губернскій городъ познакомиться съ властями, съ которыми имѣлъ дѣла по своимъ имѣніямъ, повеселиться и повидаться съ своимъ бывшимъ товарищемъ, вышедшимъ уже въ отставку. Не испытавъ еще ни измѣны любви, ни измѣны дружбы, мало знакомый съ свѣтомъ, онъ видѣлъ во всѣхъ людяхъ одни добрыя, благородныя качества. За молодаго же Сизокрылова, умѣвшаго доказать ему свою дружбу многими послугами, готовъ былъ, какъ говорятъ, на ножи. Напротивъ того, этотъ другъ, хотя и немного постарше Волгина, но ловкій, пронырливый, перегорѣвшій уже въ опытахъ жизни, съ перваго раза, какъ увидалъ его въ своемъ семействѣ, схватился за счастливую мысль загнать эту дорогую птичку въ разставленныя сѣти. И вотъ на какую приманку.

У него были три сестры. Старшая, Гликерія, по календарю, и Лукерія, по народному произношенію, была красивѣе и бойчѣе другихъ. Она танцовала менуэтъ, какъ королева французская,

Digitized by Google

пѣла русскія пѣсни, какъ малиновка. Еслибъ заглянуть въ актъ ея крещенія, можно бы по немъ счесть ей двадцать пять лѣтъ. Но кто жъ пойдетъ справляться съ актами? Наружность и родители давали ей только двадцать лѣтъ. Въ свѣтѣ это была самая привлекательная изъ дѣвицъ губернскаго города N. Увы! мѣстные женихи знали, чѣмъ она была дома, и потому не посягали на счастіе или несчастіе назвать ее своею супругой. По этой-то причинѣ и засиживалась она въ дѣвическомъ состояніи. Младшимъ сестрамъ, хотя и не съ такими блистательными наружными качествами, но добрымъ и любезнымъ, представлялись достойныя партіи, и напрасно. Мать ихъ, женщина неразумная и бестолковая, страстно любившая старшую дочь, баловавшая ее съ малолѣтства, и слышать не хотѣла, чтобы, помимо ея идола, шли меньшія ея дочери къ брачному алтарю. Старшую дочь величала она Лукерьей Павловной, а меньшихъ не иначе называла, какъ дѣвчонками. Вы думаете, что баловень-дочка платила ей такою же любовью. Ни мало. Часто Лукерія Павловна хохотала надъ своею маменькой, когда та, за неимѣніемъ бровей, разрисовывала себѣ неправильно брови такъ, что одна уходила концомъ вверхъ, а другая угломъ загибалась на вѣки; часто прикри-

Digitized by Google

кивала на нее, говорила ей въ глаза, что она необразованія, степная барыня, а за глаза, при сестрахъ и домашней прислугѣ, честила ее даже и дурой. Мать приказывала, а дочка отмѣняла приказаніе, не для того, что считала свое распоряженіе лучшимъ, а для того, чтобы поставить на своемъ. Чего не терпѣли отъ нея двѣ Сандрильоны, ея меньшія сестры! Покупка и выборъ для нихъ матерій на платья, покрой этихъ платьевъ, причоска, выѣзды, даже рукодѣлья, все, что могло радовать и утѣшать эти бѣдныя жертвы, зависѣло отъ домашняго властелина, все получалось отъ каприза или великодушія его. Сестры не могли любить Лукерью Павловну, но боялись ее и льстили ей изъ надежды щедрыхъ ея милостей. За то мало уважали мать, которой несправедливое предпочтеніе любимой дочки возмущало ихъ душу. Властолюбивая, нетерпѣливая и вспыльчивая, Лукерія Павловна жестоко обращалась и съ своей прислугой. Сколько разъ ея ручка оставляла красное пятно на щекѣ ея горничной! Даже разъ удостоилась эта несчастная кроваваго возмездія булавкой за то, что, одѣвая свою барышню, слегка нечаянно уколола ее. Вотъ какое сокровище готовилъ молодой Сизокрыловъ своему другу! Виды были не глупые. Онъ хотѣлъ, во-первыхъ изба-

Digitized by Google

виться отъ домашняго тирана, подъ зависимостью котораго и самъ находился, хотя и въ меньшей степени, нежели другіе члены семейства; во-вторыхъ—занять мѣсто этого властелина и чрезъ то свободнѣе удовлетворять свои страстишки, до сихъ поръ стѣсняемыя контролемъ сестры. Надо сказать, что и сынокъ былъ маменькинъ баловень, но занималъ только второе мѣсто въ сердцѣ ея и въ домѣ. Пожалуй, удовлетвореніе этихъ видовъ могло принесть пользу меньшимъ сестрамъ, которымъ, вслѣдъ за старшею, открывался выходъ изъ нерадостнаго дома родительскаго. Тогда-то молодой Сизокрыловъ могъ бы распоряжаться своею маменькой, какъ хотѣлъ.

Отецъ, не мѣшавшійся ни въ какія домашнія распоряженія, озабоченный только дѣлами и черезъ нихъ пріобрѣтеніемъ денегъ, и ежедневно искавшій развлеченія отъ служебныхъ занятій въ карточной игрѣ, довольно сильной и счастливой, не зналъ и не хотѣлъ знать, что происходитъ въ его семействѣ. Онъ далъ, какое могъ, воспитаніе дѣтямъ; безотговорочно, по требованію жены, выдавалъ ей деньги на расходы, протягивалъ каждое утро и каждый вечеръ свою руку сыну и дочерямъ для обычнаго лобызанія, и увѣренъ былъ, что выполненіемъ этихъ обязанностей дѣлаетъ

Digitized by Google

все, что повелѣвалъ ему долгъ отца и главы дома.

Волгину нравилась Лукерія Павловна, пожалуй, немного болѣе другихъ дѣвицъ. Ни съ кѣмъ онъ такъ охотно не рисовался въ менуэтѣ, какъ съ нею; съ удовольствіемъ заслушивался ея соловьинаго голоска, наслаждался ея живою, умною болтовнею, говорилъ ей комплименты. Но особенной любви къ ней не чувствовалъ, тѣмъ менѣе думалъ искать руки ея, не смотря на всѣ старанія братца выставить ее въ самомъ привлекательномъ видѣ. Съ своей стороны Лукерія Павловна, искренно, безъ разсчетовъ на богатство Волгина, всѣми силами души пылкой, необузданной, полюбила друга своего брата. Не знавъ до двадцати пяти лѣтъ, что такое любовь къ кому-нибудь, лишь только извѣдала ее, она предалась ей безгранично, съ тѣмъ увлеченіемъ, съ какимъ предавалась своимъ худымъ наклонностямъ. Казалось, любовь преобразовала ее. Ласкаясь къ матери, угождая сестрамъ, особенно внимательная къ брату, добрая съ прислугой, она какъ бы хотѣла вознаградить всѣхъ ихъ за прошедшія несправедливости и оскорбленія. Всѣ въ домѣ были веселы, счастливы, прислуга крестилась.

Былъ званый вечеръ у Сизокрыловыхъ. Въ

Digitized by Google

этотъ день любовь придала голосу, рѣчи, всей наружности Лукеріи Павловны какое-то особенное очарованіе. Она дѣйствительно была хороша. Морякъ ею одною только и занимался.

Въ одномъ изъ антрактовъ между танцами онъ сталъ отыскивать ее въ залѣ, и не найдя, прошолъ анфиладу комнатъ, наконецъ пробрался въ какой-то отдаленный уголокъ дома. Здѣсь царица этого вечера сидѣла на диванѣ одна, въ глубокомъ раздумьи, опустивъ голову на грудь, скрестивъ руки. Восковой огарокъ слабо освѣщалъ комнату. Услышавъ чьи-то шаги, Лукерія Павловна вздрогнула и подняла голову. Печальный и вмѣстѣ знойный взглядъ ея упалъ прямо въ сердце молодаго человѣка. Волгинъ не могъ ему противиться и сѣлъ возлѣ нея. Нѣсколько словъ было имъ сказано съ восторгомъ о томъ впечатлѣніи, которое она сдѣлала въ этотъ вечеръ и особенно на него. Отвѣчали съ глубокимъ вздохомъ, что если она желала нравиться, такъ это одному только. Затѣмъ дрожащая ручка попала какъ-то въ его руку; онъ горячо поцаловалъ ее, еще разъ и еще. Какъ-то нечаянно набрелъ братъ на эти поцалуи. Онъ показалъ видъ, что ничего не замѣтилъ, отворилъ дверь въ сосѣднюю комнату и закричалъ: чаю мнѣ! потомъ присѣлъ къ смущон-

Digitized by Google

ной парочкѣ, будто для того, чтобы помѣшать повторенію слишкомъ нѣжныхъ сердечныхъ изъясненій. Разговоръ упалъ на очень обыкновенные предметы. Но вскорѣ смычокъ подалъ свой призывный голосъ, и всѣ трое отправились въ залъ, чтобы снова пуститься въ выдѣлываніе разныхъ затѣйливыхъ фигуръ и па, строго предписываемыхъ въ тогдашнее время законами моды.

Когда разъѣхались гости, молодой Сизокрыловъ зазвалъ къ себѣ въ свое холостое отдѣленіе Волгина вмѣстѣ съ близкимъ своимъ родственникомъ, тоже молодымъ человѣкомъ. Надо было ковать желѣзо, пока оно было горячо. Подали вина; хозяинъ не жалѣлъ его. Пошли горячія изъясненія дружбы. Волгинъ, отуманенный напитками и еще свѣжими сладкими воспоминаніями, провозгласилъ тостъ: «нынѣшняго вечера царицѣ и хорошенькой сестрицѣ!»

— Послушай, братъ—сказалъ Сизокрыловъ— мы съ тобою друзья; я это, кажется, доказывалъ тебѣ не разъ на дѣлѣ. Но есть шутки, которыхъ и дружба не терпитъ равнодушно.

— Я не шучу — отвѣчалъ съ горячностью Волгинъ.

— Надѣюсь, и поцалуями, на которыхъ я давича засталъ тебя. Запюлъ, братъ, далеконько!...

Digitized by Google

Добро бъ еще къ случаю, при многихъ, а то наединѣ, въ дальней комнатѣ... ты не зналъ, что это спальня Луши (онъ лгалъ); ты не зналъ, что подлѣ чайная комната и люди видѣли все изъ нея... Теперь при постороннемъ, хотя и моемъ родственникѣ, ты вздумалъ хвастаться тостомъ за здоровье *хорошенькой!*... Ваня, я этого не ожидалъ отъ тебя...

И Сизокрыловъ закрылъ себѣ глаза руками.

— О! когда такъ, зови сейчасъ сюда свою сестру. Я никогда не дѣлалъ неблагородныхъ дѣлъ и это докажу. Говорю тебѣ, проси сюда съ отцомъ и матерью... Я повторю при нихъ.

— Сюда?

— Воля твоя, у меня ноги подкашиваются, и я не въ силахъ взойдти на верхъ.

— Послушай, опомнись, не вино ли говоритъ въ тебѣ?

— Вино?.. Смотри, братъ, есть границы и для дружбы, ты самъ сказалъ.

— Когда такъ, видно на то воля Божія! Иду, но прежде, другъ и братъ, сюда къ сердцу, которое предаю тебѣ на жизнь и смерть.

Пріятели горячо обнялись, и Сизокрыловъ, боясь, чтобы слово, въ чаду опьянѣнія, не выдохлось скоро, отправился радостнымъ вѣстни-

Digitized by Google

комъ на половину своихъ родителей. Третье лицо, пировавшее съ ними, заключило также въ свои объятія будущаго своего родственника.

Упавшая съ неба манна или груда золота не могла бы такъ изумить и обрадовать стариковъ Сизокрыловыхъ и любимую дочку, какъ неожиданная вѣсть, принесенная имъ дипломатомъ—сыномъ. Не смотря на странность вызова по такому важному случаю, въ пять часовъ утра, въ отдѣленіе молодаго Сизокрылова, отецъ, мать и Лукерья Павловна, въ чомъ ихъ застала эта вѣсть, одинъ безъ парика и галстуха, другая съ остаткомъ брови, третья въ интересномъ безпорядкѣ, поспѣшили исполнить волю дорогаго жениха. При появленіи ихъ въ комнату, гдѣ недавно оргія была въ разгарѣ, гдѣ не успѣли еще прибрать бутылокъ и бокаловъ, предложеніе Волгина было повторено и запечатлѣно поцалуемъ жениха и невѣсты. Нашли еще нужнымъ, чтобы до настоящаго обрученія они помѣнялись кольцами, которыя случились у нихъ на рукахъ. Это дѣлалось будто въ силу какого-то древняго повѣрья, а скорѣе для того, чтобы Волгинъ не забылъ, проснувшись, что онъ женихъ. При пожеланіи счастья будущей четѣ, вспрыснули ихъ шампанскимъ. Требовалось подсластить вино, и Волгинъ въ восторгѣ цало-

Digitized by Google

валъ безъ счота свою нареченную, упоенную такие своимъ неожиданнымъ счастіемъ. Разстались всѣ довольны. Молодой Сизокрыловъ отвезъ своего пріятеля на его квартиру, уложилъ самъ въ постель, и щедро одарилъ людей его, не забывъ прибавить, что это дѣлается отъ имени невѣсты, Лукеріи Павловны.

Въ полдень проснулся Волгинъ, разбитый, съ отяжелѣвшею головой, сердитый, смутно помня роковое событіе утра, какъ будто видѣнное во снѣ. Но удостовѣрили его въ этомъ событіи поздравленія слугъ и незнакомое кольцо, сіявшее на его рукѣ.

Воротить прошедшаго было ужъ невозможно, и черезъ двѣ недѣли состоялась свадьба.

Хотя Волгинъ о приданомъ и не спрашивалъ, *молодая* принесла ему въ свадебной корзинѣ слишкомъ сто душъ, много серебра и всѣ другіе предметы роскоши, которые въ подобныхъ случаяхъ отпускаются съ дочкой богатыми и нѣжными родителями. Замѣчено однакожъ было, что въ число женской прислуги, вошедшей въ роспись приданаго, по собственному выбору Лукеріи Павловны, отпущены такія личности, которыя не награждены были отъ природы очень хорошенькимъ личикомъ.

Digitized by Google

Казалось, ангелъ-хранитель молодой четы уберегъ медовой мѣсяцъ ихъ отъ всякихъ непріятностей. Счастливой, влюбленной парочкѣ завидовали. Волгину не было причинъ раскаяваться въ бракѣ, такъ нечаянно, экспромптомъ состряпанной, и онъ не каялся. Онъ полюбилъ жену искренно. Но вскорѣ начали обнаруживаться въ ней вспышки ревности. Въ первые мѣсяцы нѣсколько сдержанныя новостью положенія и приличіемъ, онѣ въ послѣдующіе стали развиваться. Иногда, безъ всякаго повода, Лукерія Павловна умоляла мужа, чтобы онъ клялся ей въ вѣчной любви и вѣрности. Это сначала смѣшило его. Видя въ этихъ просьбахъ только порывы сильной къ нему привязанности, онъ исполнялъ ея желанія, но замѣчалъ притомъ женѣ, что если благородный, съ твердыми правилами человѣкъ разъ далъ клятву при алтарѣ Божьемъ, вѣрно любить свою жену, такъ новые обѣты совершенно лишни; вѣтренаго же мужчину и клятвы не удержатъ. Повтореніе этихъ просьбъ стало надоѣдать Волгину. Иногда супруга надуется на него, не говоритъ съ нимъ по нѣскольку часовъ. За что? за то, что онъ велъ нѣсколько живой разговоръ съ хорошенькою дамой или дѣвицей. Случалось даже, что Лукерія Павловна наговоритъ колкостей этой дамѣ или

Digitized by Google

дѣвицѣ. Терпѣть эти оскорбленія никто не находилъ нужнымъ. Замужнія женщины платили ей тою же монетою, за дѣвицъ заступались матери, и отъ этихъ ссоръ выходили неблаговидныя исторіи, падавшія всѣмъ бременемъ своимъ на голову бѣднаго Волгина. Домъ молодыхъ супруговъ сталъ понемногу пустѣть; вслѣдствіе того и выѣзды ихъ сдѣлались рѣже. Волгинъ любилъ танцовать. Ему посовѣтовали, а потомъ потребовали, чтобы онъ не танцовалъ болѣе, потому что мужчина, посвятивъ себя разъ избранной имъ женщинѣ, не долженъ находить удовольствіе ни въ чомъ съ другою. И это требованіе вынужденъ былъ исполнить, не по слабости характера, а для того только, чтобы избѣгнуть домашнихъ ссоръ или гласнаго оскорбленія, на которое жена, забывъ всякій стыдъ, не разъ покушалась. Даже сестры получали отъ нея обидные выговоры за то, что осмѣлились слишкомъ любезно говорить съ ея мужемъ. И сестры ограждали себя холодными отношеніями къ человѣку, котораго любили, какъ достойнаго всякаго уваженія родственника, и ограничивали бесѣду съ нимъ одними лаконическими отвѣтами: да–съ, нѣтъ–съ.

— Помилуй, сестра — говорилъ Лукеріи Павловнѣ братецъ–дипломатъ: — я устроилъ твое

Digitized by Google

счастіе, а ты, какъ безумная, ставишь его вверхъ дномъ. Мужъ тебя любитъ, но есть мѣра и терпѣнію. Ну, еслибъ и въ самомъ дѣлѣ маленькая невѣрность.... эка-бѣда!

— О! тогда я убью его — возражала Лукерія Павловна — или сама убьюсь.

Довольно было всѣхъ этихъ выходокъ, чтобы ожесточить мужа. Но, какъ вспышки, онѣ скоро проходили, уступая глубокому, искреннему раскаянію. Кто увидалъ бы въ это время несчастную, пожалѣлъ бы ее. Она падала передъ нимъ на колѣни, цаловала его руки, обливала ихъ слезами и умоляла простить ея безразсудство, клянясь, что исправится. Волгинъ, добрый до бесконечности, любя еще жену и стараясь самъ себѣ оправдать эти вспышки одною безмѣрною любовью къ нему, великодушно прощалъ. И миръ воцарялся между супругами хоть на нѣсколько недѣль. Тѣмъ болѣе Волгинъ считалъ долгомъ быть снисходительнѣе, что Лукерія Павловна была въ *интересномъ* положеніи. Какихъ странностей и капризовъ не приписываютъ этому положенію! И онъ любилъ относить къ нему жъ припадки ея ревности. За то сколько утѣшеній принесетъ обоимъ супругамъ первенецъ ихъ! Благоразуміе, миръ, счастіе, долженъ онъ былъ водворить въ семействѣ! Такими

Digitized by Google

надеждами лелѣялъ себя Волгинъ и окружилъ жену заботами и угожденіями, какъ нѣжный любовникъ.

Былъ лѣтній мѣсяцъ. Они поѣхали на нѣсколько недѣль въ деревню. На бѣду случилось, что въ это время пріѣхала къ нимъ замужняя дочь его родной тетки, женщина очень пріятная и любезная. Пріемъ ей сдѣланъ былъ радушный. И хозяева и гостья были веселы. Волгинъ повелъ кузину показать ей хорошенькій свой садъ, которымъ любилъ особенно заниматься. Жена, по нездоровью, осталась дома, но, подстрекаемая своимъ демономъ, не могла противиться его наущенію, и отправилась вслѣдъ за ними. Она не пошла по дорожкамъ, а стала пробираться кустами. Вдругъ видитъ, мужъ и кузина его идутъ руку подъ руку.... они смѣются.... потомъ какъ будто поцалуй.... Никакого поцалуя не было: ей все померещилось. Лукерія Павловна, не помня, въ какомъ она положеніи, бросается впередъ и падаетъ на пень.... Ушибъ былъ силенъ, страданія велики; но ни одного стона не вырвалось изъ груди ея. Чего не вытерпѣла она, одинъ Богъ знаетъ! Спрывшись за кустомъ, Лукерія Павловна дала пройдти мимо ея мужу и гостьѣ, и потомъ кое-какъ дотащилась до своей спальни, не сказавъ ни кому, что съ нею случилось. На другой день ро-

Digitized by Google

дился мертвый ребенокъ. Причина этого несчастнаго случая была скрыта и отъ мужа. Положеніе ея сдѣлалось опасно, но чрезъ два мѣсяца она оправилась съ помощью искуснаго врача и сладкой увѣренности, что мужъ ее любитъ, потому что во все время болѣзни почти неотлучно находился у ея постели, какъ самая усердная сидѣлка. Урокъ былъ ужасный!

Между тѣмъ отъ болѣзни и беспрестанныхъ душевныхъ тревогъ Лукерія Павловна начала худѣть и дурнѣть. Глаза ея впали, въ нихъ потухъ прежній блескъ и что-то дикое выражалось по временамъ, какъ у звѣря, который хочетъ, но боится броситься на свою жертву; кожа ея приняла шафранный цвѣтъ. Зеркало и демонъ ея каждый день наговаривали ей, что мужъ, который моложе ея и такъ хорошъ собой, долженъ скоро перестать ее любить. Ревность ея, которая съ каждымъ днемъ росла болѣе и болѣе, стала изобрѣтать для себя разныя видѣнія и избирать низкія средства, чтобы удовлетворить себя. Наконецъ въ два послѣдующіе года страсть эта приняла такіе ужасающіе размѣры, что сдѣлала для Волгина домъ его настоящимъ адомъ. Я забылъ сказать, что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ ихъ свадьбы онъ вышелъ въ отставку; а теперь, потерявъ всякое

Digitized by Google

терпѣніе, рѣшился бѣжать отъ жены и вступить вновь въ службу съ тою надеждою, что откроется морская кампанія или ученая экспедиція, которая отдѣлитъ его на нѣсколько тысячъ верстъ отъ домашняго тирана. Если бъ онъ уѣхалъ, жена преслѣдовала бы его на край свѣта: были ужъ и на это намеки.

Въ эти два года Волгинъ былъ истиннымъ мученикомъ. Лукерія Павловна, какъ стоокій аргусъ, слѣдила всѣ его поступки, всѣ его шаги. Подкупала людей, чтобы ей доносили, куда мужъ ѣздитъ, съ кѣмъ видается, что дѣлаетъ. Люди брали деньги, смѣясь же надъ нею, но не могли лгать на барина, и потому эти средства сдѣлались для нея недостаточны и невѣрны. Иногда, вечеромъ, надѣвъ салопъ своей горничной и безобразный капоръ, отправлялась къ дому, гдѣ находился ея мужъ, и вывѣдывала черезъ какого-нибудь подосланнаго постороннаго человѣка, кто изъ дамъ были въ домѣ. И если случалось, что ей назовутъ имя женщины, на которую падало ея подозрѣніе, то, по возвращеніи мужа, сыпались на него упреки, отъ которыхъ онъ убѣгалъ въ свой кабинетъ, гдѣ и запирался. Но и черезъ дверь слышалось еще долго ея бѣсованіе. Письма его, если были приносимы въ его отсутствіе, под-

Digitized by Google

вергались ея контролю, послѣ чего она ихъ вновь запечатывала, какъ могла. Всѣ шкатулки его были перерыты.... Волгинъ хотя и замѣчалъ эти продѣлки, но, не имѣя особенныхъ секретовъ отъ жены, пожималъ только плечами и молчалъ. Когда жъ письмо получалось при немъ, Лукерія Павловна была ужъ тутъ, въ его кабинетѣ, и изъ-за плеча его старалась прочесть, не скрывается ли какой-нибудь тайной связи въ посланіи. Мужъ преспокойно отдавалъ ей письмо и просилъ прочесть его въ слухъ, такъ какъ она всѣ руки хорошо разбираетъ, а почеркъ этого письма неразборчивъ. Казалось, нельзя было имѣть большаго терпѣнія и снисхожденія. Этими-то орудіями онъ хотѣлъ побѣдить ревность жены. Иногда покажется ей, что мужъ чѣмъ-то смущенъ; что, при внезапномъ появленіи ея, онъ чего-то испугался, и начнетъ требовать у него отчота въ такихъ чувствахъ, отъ которыхъ онъ былъ совершенно далекъ. — «Скажи мнѣ, другъ мой, милый мой — говорила она ему — если ты дѣйствительно любишь кого, такъ лучше признайся мнѣ.... Для тебя я пожертвую своею любовью: откройся мнѣ, ради Бога, я тебѣ все прощу.» — «Никого не люблю и лгать на себя не намѣренъ» — отвѣчалъ рѣзко Волгинъ на подобные вопросы, дѣлаемые

для того, чтобы вовлечь его въ ловушку. До такого простодушія и ослѣпленія доходила безумная страсть! Въ другой разъ представится ей, что изъ его комнаты вышла какая-то женщина, и ужъ ей слышится шелестъ женской одежды.... На всѣхъ хорошенькихъ женщинъ въ деревнѣ она злилась и всегда искала случая чѣмъ-нибудь оскорбить ихъ. Но горничнымъ ея доставалось болѣе всѣхъ: онѣ терпѣли настоящую пытку. То взглянула слишкомъ умильно на барина, то одѣлась пощеголеватѣе, чтобы понравиться барину. Одна изъ нихъ вздумала кокетливо убрать свою чудную, густую косу, и коса была острижена. Другая, по подозрѣнію, совершенно несправедливому, отдана замужъ за горбуна-крестьянина.

Часто эти бѣшеные припадки кончались тѣмъ, что она становилась на колѣни передъ мужемъ и умоляла прибить ее.

— За кого принимаешь меня, безумная?—говорилъ Волгинъ. Унизиться до того, чтобы наложить руку на жену?... Это можетъ сдѣлать только пьяный лакей или мужикъ. Довольно стыда и отъ твоихъ дѣлъ; не съ обѣихъ же сторонъ безумствовать и позориться передъ людьми и Богомъ.

Еще чаще кончались припадки ревности истерикой и ужасными страданіями. Какія чувства

Digitized by Google

могли оставить въ сердцѣ мужа всѣ эти сцены, кромѣ ожесточенія? Только изрѣдка сострадалъ онъ несчастной, какъ будто больной, одержимой неисцѣлимою болѣзнью.

На третій годъ своего замужства Лукерія Павловна сдѣлалась опять беременна. Радоваться будущему появленію въ свѣтъ сына или дочери не могъ уже Волгинъ по прежнему. Что ожидаетъ это дитя, когда оно осмыслится, когда пойметъ ужасный характеръ матери, несчастное положеніе отца и станетъ посредникомъ между ними? Можетъ статься, отецъ вынужденъ будетъ бѣжать отъ жены и ребенка своего; можетъ статься, этого ребенка выучатъ ненавидѣть имя отца. Въ Лукеріи Павловнѣ, не смотря на ея положеніе, не произошло никакой благопріятной перемѣны; казалось, ея ревность достигла высшей силы своего безумія. Сыскалась женщина, старушка, присланная ей матерью, какъ будто изъ ада, именно для того, чтобы слѣдить за поступками Волгина. Изъ угожденія барынѣ своей она старалась потворничать ея страсти. Между разными клеветами эта мегера передала однажды горяченькую вѣсть, что видѣли, какъ Иванъ Сергѣевичъ ласкалъ дочь своего садовника. Можетъ быть, и дѣйствительно Волгинъ сказалъ пятнадцатилѣтней дѣвочкѣ ласковое слово,

Digitized by Google

потрепалъ ее рукой по розовой щочкѣ—небольшое еще преступленіе, тѣмъ болѣе, что дѣвочкѣ былъ онъ крестнымъ отцомъ! Ее до сихъ поръ любила сама Лукерія Павловна, знавшая, что отецъ и мать воспитывали дочь въ строгихъ правилахъ. Но довольно искры, брошенной въ душу ревнивой женщины, чтобы произвесть пожаръ. Лукерія Павловна потребовала отъ мужа вопіющей несправедливости, выдать пятнадцатилѣтнюю дѣвочку замужъ, и за крестьянина. Волгинъ возразилъ, что дѣвочка слишкомъ молода, дочь любимаго имъ, заслужоннаго дворовaго человѣка, никакого преступленія не сдѣлала, что крестницѣ своей готовитъ онъ женихомъ сына своего прикащика изъ другой деревни. Отказъ этотъ возбудилъ новыя подозрѣнія. Лукерія Павловна стала горячо настаивать. Мужъ отказался наотрѣзъ. — «И такъ довольно несчастныхъ изъ угожденія твоей ревности — прибавилъ онъ: — глубоко раскаиваюсь и въ томъ, что былъ участникомъ въ этихъ гнусныхъ дѣлахъ».

— Такъ выбирай любое — сказала Лукерія Павловна — или дочь садовника завтра замужъ, или завтра меня не будетъ на свѣтѣ.

— Дѣлай что хочешь — отвѣчалъ съ твердостью Волгинъ: — а я не отступлю отъ сво-

Digitized by Google

его рѣшенія. Богъ и совѣсть мнѣ это приказываютъ.

Тогда произошла сцена ужасная. Когда я слушалъ разсказъ о ней, сердце мое обливалось кровью. Довольно, если я скажу, что эта женщина, превратившаяся въ дикаго звѣря, въ минуты изступленія стала бить себя въ грудь.... потомъ удары сыпались по чомъ попало.... Волгинъ, передъ этимъ только что выходившій изъ двери, тотчасъ возвратился, но не имѣлъ времени остановить ее. Лукерія Павловна на другой день родила сына, носившаго слишкомъ явные признаки ушибовъ и прожившаго только однѣ сутки. Молоко бросилось у ней въ голову, и она лишилась разсудка навсегда! Да, навсегда, не смотря на всѣ пособія искуснѣйшихъ врачей столицы, куда несчастный мужъ отвезъ ее, не смотря на всѣ попеченія и заботы, которымъ усердно посвятилъ себя. Было отчего и самому ему сойдти съ ума! Въ нѣсколько дней показались у него сѣдины на головѣ. Цѣлые полгода не отлучался объ отъ жены. Чтожъ? сыскались люди, которые съ голосу отца и матери Лукеріи Павловны осуждали Волгина, говорили, что причиной ея сумасшествія вѣтреный образъ его жизни и худое обращеніе съ женой. Но совѣсть его была чиста;

Digitized by Google

онъ ни въ чомъ себя упрекнуть не могъ. Лучшія лѣта его жизни принесены ей въ жертву; не вѣкъ же ему было оставаться зрителемъ и участникомъ невыносимыхъ страданій. Волгинъ уѣхалъ изъ дому своего, оставивъ Лукерію Павловну на попеченіе домоваго врача и избранной наемной прислуги, и вступилъ вновь въ службу.

Долго еще преслѣдовали его ужасныя видѣнія.... Во всѣхъ морскихъ сраженіяхъ, въ которыхъ случалось ему участвовать, онъ искалъ смерти и не нашолъ ея. Въ продолженіе пяти лѣтъ получались имъ одни и тѣ же извѣщенія, что жена его все въ томъ же состояніи. Одинъ врачъ не могъ вынести болѣе двухъ лѣтъ тяжкаго ухаживанья за сумасшедшею. Отецъ и мать взяли ее къ себѣ, и также долго не выдержали этого бремени. Принуждены были перевесть ее въ домъ умалишенныхъ. Черезъ нѣсколько времени Волгинъ получаетъ письмо изъ Петербурга отъ одного изъ двухъ братьевъ отца своего. Дядя описывалъ ему безнадежное состояніе Лукеріи Павловны и совѣтовалъ расторгнуть бракъ, столько лѣтъ существовавшій только по имени. — «Я старый вдовецъ—писалъ ему дядя—дѣтей не имѣю; братъ мой также; ты одинъ послѣ насъ остаешься изъ нашего рода. Неужели погаснуть ему? Тебѣ

Digitized by Google

только тридцать два года. За легкомысленный поступокъ молодости, за необдуманный шагъ, ты ужъ заплатилъ девятью годами страданій. Природа, законъ, справедливость и Богъ приказываютъ тебѣ выйдти изъ твоего настоящаго положенія. Выбери себѣ жену по сердцу, только, чтобъ была гораздо моложе тебя. Не смотри на богатство, на блестящее наружное воспитаніе; ты самъ богатъ, все наше съ братомъ достанется тебѣ же. Пускай выборъ твой падетъ на бѣдную, хоть самую бѣдную дворянку, но только съ добрымъ сердцемъ, скромную. Вѣрь моимъ предсказаніямъ, ты еще будешь счастливъ. Пріѣзжай въ Петербургъ; посмотри, какія у насъ милыя, образованныя, воспитанныя въ строгихъ религіозныхъ правилахъ дѣвицы выходятъ изъ института. — Съ стряпчими совѣтовался о твоемъ дѣлѣ; головой ручаются за успѣшный исходъ его. Препятствій нѣтъ и быть не можетъ. Еще скажу тебѣ, писалъ къ старику Сизокрылову. (Супруга его отошла на вѣчное житье; всему злу корень была. Еще бы сказалъ... да грѣхъ тревожить память покойниковъ недобрыми словами). Получилъ отъ него отвѣтъ благосклонный. Чего жъ ему? Возвратили все имѣніе дочери со всѣми доходами за нѣсколько прошедшихъ лѣтъ и все приданое ея до послѣд-

Digitized by Google

ней нитки. Теперь сталъ мягко стлать. Пишетъ, что христіянскій долгъ повелѣваетъ ему помочь тебѣ въ расторженіи брака. Тебя во всемъ оправдываетъ. Это письмо будетъ служить важнымъ документомъ, когда начнется дѣло. Видѣлъ я и ее, несчастную въ заведеніи.... Въ нѣсколько минутъ она мнѣ разсказала (и всякому разсказываетъ) ужасныя вещи, которыя только бѣснующаяся ревнивая женщина можетъ изобрѣсти. Я, старикъ, краснѣлъ, слушая ее.... Если бъ женщина въ полномъ разумѣ сказала бы вслухъ то, что эта несчастная говорила, она достойна была бы позорнаго столба. Какъ описать тебѣ ея наружность? Это пятидесятилѣтняя женщина, остовъ человѣка, готовый разрушиться. Доктора говорятъ, что она можетъ скоро умереть и можетъ еще нѣсколько лѣтъ протянуть».

При чтеніи этихъ строкъ Волгинъ облилъ ихъ слезами. Это была послѣдняя дань женщинѣ, которая такъ долго носила его имя. Но съ этого времени сердце его раскрылось для надеждъ лучшей жизни. Онъ сдѣлался неравнодушенъ къ совѣтамъ дяди, вышелъ въ отставку и началъ дѣло о разводѣ. Въ первой инстанціи духовнаго суда оно было рѣшено; въ высшей должно было скоро рѣшиться также благопріятно для него. Какъ пи-

Digitized by Google

салъ дядя, законныхъ препятствій наконецъ не оказалось. Но во время ожиданія этого окончательнаго рѣшенія умеръ другой дядя, оставившій племяннику въ наслѣдство имѣніе въ Холодинскомъ уѣздѣ. Встрѣча съ Катей на Москвѣ-рѣкѣ была роковая. Сама судьба указывала ему будущую подругу его жизни. Онъ видѣлъ въ ней благодѣтельнаго генія, пришедшаго избавить его отъ ужасныхъ оковъ, въ которыхъ до сихъ поръ находился. Первый взглядъ на нее, первыя слова, ею сказанныя, рѣшили его участь. Познакомившись съ Катей, онъ нашолъ въ ней ту избранную, которую назначалъ ему дядя въ письмѣ своемъ. Она воспитывалась въ Смольномъ монастырѣ, была скромна, добра, образована и любила его—въ этомъ онъ увѣрился. Волгинъ, пріѣхавъ въ Холодню, боялся сблизиться съ нею, какъ будто совѣсть запрещала ему вступать въ новыя сердечныя связи, которыя законы не могли еще освятить. Мы видѣли однакожъ, что противиться влеченію сердца онъ не былъ въ состояніи.

И прежде знакомства своего съ дочерью Горлицына отдано имъ было, разъ навсегда, его людямъ приказаніе сказывать вездѣ, гдѣ не знали его несчастной исторіи, что онъ вдовецъ. Такимъ

Digitized by Google

образомъ, думалъ онъ, избавляясь отъ тягостныхъ распросовъ и сожалѣній. Полюбивъ же Катю, радовался, что сдѣлалъ это распоряженіе, безъ котораго былъ бы ему загражденъ путь къ сердцу ея; но по временамъ не могъ не тревожиться за послѣдствія этой уловки, противной его благороднымъ правиламъ. Дѣло сдѣланное поправить было невозможно. Только увѣрившись во взаимныхъ чувствахъ къ нему Кати, Иванъ Сергѣевичъ открылъ все дядѣ своему и умолялъ его поспѣшить окончаніемъ дѣла. —«Высвободите меня,— писалъ онъ къ нему—изъ ужаснаго положенія, въ которое я себя вновь поставилъ, и откройте мнѣ доступъ къ моему благополучію.» Дядя въ отвѣтъ посылалъ ему свое благословеніе и обнадеживалъ, что рѣшеніе дѣла не замедлитъ. Сказать же Горлицыну, что бракъ еще не уничтоженъ, когда это обстоятельство было скрыто прежде, боялся, не рѣшался Волгинъ. Между тѣмъ новая гроза вставала надъ его головою.

Въ такомъ состояніи были дѣла его, когда мы въ Холоднѣ разстались съ ними и съ семействомъ Горлицына.

Вскорѣ послѣ того въ Холодную пришолъ пѣхотный полкъ. Военный блестящій строй, развѣвающіяся знамена, изувѣченныя въ славныхъ ека-

Digitized by Google

терпимскихъ битвахъ, статные офицеры, ловко выкидывающіе разные фигуры своими эспантонами, грохотъ барабановъ, торжественная музыка, все это было ново въ уѣздномъ городкѣ. Спавшее до сихъ поръ населеніе его проснулось и зашевелилось. Толпа дивилась треугольнымъ шляпамъ на офицерахъ и солдатахъ, пучкамъ ихъ и пуклямъ, краснымъ отворотамъ, и бѣгала за военными, какъ за пришельцами изъ чужой земли. Во время вечерней зари весь городъ стекался около гауптвахты. Это былъ настоящій праздникъ. И въ сердцахъ прекраснаго пола забилъ барабанъ тревогу. Въ полку было нѣсколько красивыхъ отважныхъ офицеровъ, готовыхъ идти смѣло на всякій приступъ.

Военные имѣютъ особенный даръ, тотчасъ по приходѣ на новыя квартиры, узнавать, гдѣ живутъ хорошенькія дамы и дѣвицы. Разумѣется, большая часть ихъ познакомилась съ Горлицынными и стали оспаривать другъ у друга счастіе понравиться Катѣ. Со всѣми была она свободна, привѣтлива, ровна, старалась, какъ молодая хозяйка, чтобы въ домѣ отца ея они не скучали, но никому не показывала предпочтенія. Какъ скоро же замѣчала, что за нею начинаютъ слишкомъ ревностно ухаживать, умѣла скоро дать знать

Digitized by Google

своему поклоннику, что это ей не нравится и успѣха его искательству не будетъ. Никогда самый храбрый изъ этихъ рыцарей не осмѣливался переступить границъ уваженія къ ней. Столько было скромности, приличія, достоинства въ дочери бѣднаго солянаго пристава! Въ это самое время вставала для этихъ рыцарей новая звѣзда, которая хотя давно блистала на холоденскомъ горизонтѣ, но не имѣла еще поклонниковъ. Это была Прасковья Михайловна Пшеницына. Гостепріимный домъ мужа ея былъ открытъ для всѣхъ, и офицеры хлынули туда вслѣдъ за своимъ генераломъ Эс—мъ, молодымъ, красивымъ. Оставался только геройски вѣренъ знамени Кати Горлицыной одинъ офицеръ, пріятной наружности и съ прекрасными душевными качествами. Онъ влюбился въ Катю. Поощряемый своимъ сердцемъ и опираясь на преимуществахъ хорошаго состоянія, онъ не могъ думать, чтобы дочь бѣднаго солянаго пристава не склонилась наконецъ на постоянство его почтительной, бескорыстной любви. Въ Волгинѣ же, у котораго была ужъ сѣдина въ головѣ, хотя пріятнаго и достойнаго всякаго уваженія человѣка, не видалъ опаснаго соперника. Этого молодаго человѣка звали Селезневымъ.

Катя не поощряла его никакими надеждами, но

Digitized by Google

и не отталкивала рѣзкими выходками и была съ нимъ равно любезна, тѣмъ болѣе, что отецъ полюбилъ Селезнева отъ души. Эта партія льстила Горлицыну, потому что онъ видѣлъ въ немъ достойнаго, благороднаго, пылкаго искателя руки его дочери, идущаго скорымъ шагомъ и прямымъ путемъ къ цѣли своей. — Вотъ этакъ по нашему! — говорилъ онъ самъ съ собою. Въ Волгинѣ же началъ нѣсколько сомнѣваться. Иванъ Сергѣевичъ казался ему какимъ-то рыцаремъ печальнаго образа, подъ непроницаемою броней таинственности, нерѣшительнымъ, колеблющимся. Все это не скрылось отъ глазъ Волгина и прибавило новыя страданія къ тѣмъ, которыя онъ терпѣлъ отъ невозможности сдѣлать предложеніе Катѣ.

Между тѣмъ нужды начинали сильно осаждать Горлицына. Съ пріѣздомъ его дочери бюджетъ его доходовъ и расходовъ совершенно измѣнился. Доходы уменьшились важною статьею — домъ ужъ ничего не приносилъ. Расходы значительно выросли. Для Кати нужно было держать получше столъ; приличіе требовало угощать посѣтителей чаемъ, закуской. Эти угощенія считались необходимыми, чтобы не показаться голыми бѣдняками и не пристыдить Кати. Посѣтителей нельзя же не принимать, чтобы Катѣ не было скучно, да и не-

Digitized by Google

ловко принимать одного Волгина. Любовь отца разсчитывала также на вѣрнаго женишка между ними. Прибавилось два человѣка прислуги; надо было ихъ одѣть и накормить. Хорошо еще, что Катя на деньги, полученныя ею при выпускѣ изъ института, составила себѣ порядочный гардеробъ. Но мало ли что нужно дѣвицѣ, выѣзжающей въ свѣтъ, хотя и холодевскій? Разныя вещицы для нея, которыя у зажиточныхъ людей считаются ничтожными бездѣлками, опустошали также кошелекъ Горлицына, и безъ того скудный. Катя, жившая на всемъ готовомъ въ институтѣ, не имѣла понятія о томъ, что надо издерживать на нее и что могъ отецъ ея издерживать. Должность солянаго пристава, конечно, очень скромная; отецъ ея небогатъ, потому что не имѣетъ каменнаго дома, экипажа, большой прислуги, это знала она; но не воображала, чтобы онъ могъ нуждаться въ необходимомъ. Настоящую же нужду, бѣдность, не иначе представляла себѣ, какъ въ лохмотьяхъ, протягивающую руку для подаянія. Маленькіе остатки отъ собственныхъ ея деньжонокъ почти всѣ, мало по малу, перешли къ такимъ бѣднякамъ. Впрочемъ, желая ознакомиться съ домашнимъ хозяйствомъ (не даромъ же называли ее молодою хозяйкой!) и облегчить отцу занятія

Digitized by Google

по этой части, она просила поручить ей эти занятія. Но Горлицынъ, упрямо, подъ разными предлогами, отказывался посвятить ее въ тайны домашняго очага. Онъ хотѣлъ оставить въ спокойномъ, счастливомъ невѣдѣніи его скудныхъ средствъ. Зачѣмъ ее, такую молодую, довольную своею судьбой, знакомить съ горькою существенностью! Радости, какъ пѣвунья птички, свили себѣ гнѣздо въ ея сердцѣ; спугнешь ихъ, не скоро загонишь назадъ. Людямъ строго наказано было скрывать отъ Кати все, что могло ее огорчить или потревожить.

Когда она еще не пріѣзжала изъ Петербурга, Александръ Иванычъ не стыдился ходить съ своимъ кулечкомъ въ лавки и на рынокъ. Что ему были мнѣнія холоденскихъ жителей! Но когда поселилась въ домѣ петербургская, воспитанная дѣвица, на которую обратилъ вниманіе богатый сосѣдъ, Горлицынъ сталъ стыдиться этого кулечка. Онъ передалъ его Филемону. Хозяйство отъ такого распоряженія не потерпѣло; напротивъ того, вѣрный слуга покупалъ все дешевле своего барина, да еще умѣлъ, за недостаткомъ денегъ, кредитоваться то у одного, то у другаго торговца. Но и кредитъ началъ мало по малу колебаться. — Больно горды вы съ бариномъ — говорили

Digitized by Google

Филемону лавочники. — То-то бы ломаться не надо. Что за честь, когда нечего ѣсть! — Такіе отзывы очень раздражали стараго слугу.

Грозно, настойчиво осаждали враги, называемые нуждами, домикъ холоденскаго солянаго пристава и съ каждымъ днемъ все тѣснѣе и тѣснѣе обступали его.

Даже въ присутствіи Кати крѣпко задумывался иногда Горлицынъ. Забывшись, онъ что-то бормоталъ про себя и перебиралъ пальцами, какъ будто дѣлалъ какія-то выкладки.

— Что это вы, папаша, нынѣ такъ скучны? — говорила Катя, ласкаясь къ отцу. — Все считаете по пальцамъ. Ужъ не безпокоятъ ли васъ какіе счоты?

— На службѣ не безъ заботъ, душа моя—отвѣчалъ Горлицынъ.—Однакожъ все пустяки! Показалось мнѣ, въ нѣсколькихъ кулякъ соли обчолся.

— Чтобы мнѣ поручить вашу счотную книгу? Вѣдь я знаю тройное правило, а это правило золотое, пригодно во всѣхъ случаяхъ жизни, говаривалъ мнѣ учитель. Хотите, я вамъ сочту, сколько у васъ зеренъ соли въ магазинѣ? Положимъ, въ фунтѣ столько-то зеренъ, въ пудѣ

Digitized by Google

столько-то фунтовъ, въ кулѣ пудовъ, въ магазинѣ—кулей. Проэкзаменуйте-ка меня.

Горлицынъ засмѣялся и сказалъ:—Кто жъ считаетъ зерна соли? Вѣдь это все равно, что сосчитать песчинки на берегу рѣки.

— Ну такъ я вамъ сочту приходъ и расходъ вашихъ денегъ съ моего пріѣзда, и выведу остатокъ. Положимъ, у васъ было такого-то числа 2157 рублей 63⅞ копѣйки....

— Полно ты, моя милая счотчица—перебилъ Катю отецъ, у котораго сердце сжалось еще сильнѣе, когда она произнесла гигантскую сумму его мнимаго богатства. — Вѣрю, что ты ариѳметику хорошо знаешь, да твоя мнѣ не годится.... Вотъ, какъ выйдешь за мужъ...

— Чтожъ вы меня такъ скоро гоните отъ себя?

— Гнать?... Можно ли, душа моя?... Ты мнѣ одна отрада на свѣтѣ. Да вѣдь когда-нибудь надо. Сыскался бы добрый человѣкъ, такъ я бы самъ къ вамъ перебрался.

— А напримѣръ, кого бы выбрали мнѣ?—спросила лукаво Катя.

— Напримѣръ, вотъ Селезнева.

— Селезнева?... и неудовольствіе изобразилось на лицѣ Кати.

Digitized by Google

— Молодой человѣкъ очень достойный. Онъ мнѣ ужъ дѣлалъ предложеніе....

— Чтожъ вы ему сказали?

— Просилъ подождать. Знаю, сосѣдъ былъ бы больше по сердцу, да.... чудакъ какой-то.... Вотъ ужъ слишкомъ три мѣсяца къ намъ ходитъ, ухаживаетъ за тобой, и только.... серіознаго ничего.... Гдѣ жъ? такой богатый человѣкъ, можетъ быть и знатная родня.... а мы живемъ въ хижинѣ, званіемъ невелички.... Ужъ не потѣшается ли, какъ игрушкой, отъ скуки!...

— Потѣшается?... Не можетъ быть, неправда! — сказала съ одушевленіемъ Катя, но понявъ, что слишкомъ рѣзко отвѣчала отцу и могла этимъ оскорбить его, стала къ нему ласкаться и примолвила: — Зачѣмъ же, папаша, обижать напрасно добраго, благороднаго человѣка?

Катя не могла ничего болѣе сказать, заплакала и упала на грудь отца. Александръ Иванычъ замѣтилъ, что любовь пустила слишкомъ глубокіе корни въ сердцѣ дочери, крѣпко смутился и проговорилъ: — Ну, виноватъ, душечка; такъ къ слову сказалось.... Прости мнѣ. Времени у тебя впереди много. Господу поручаю тебя и твою судьбу. Онъ лучше насъ все устроитъ.

Этотъ разговоръ оставилъ однакожъ тяжолое

Digitized by Google

впечатлѣніе на душѣ Кати и заставилъ ее придумывать, что бы могло остановить Волгина сдѣлать отцу предложеніе, Волгина, который, казалось, такъ ее любитъ. Обманывать ее онъ не можетъ, нѣтъ, и сто разъ нѣтъ!

Когда Катя вышла изъ комнаты отца, онъ грустно проводилъ ее глазами, покачалъ головой, и опять впалъ въ глубокое раздумье, и опять сталъ перебирать пальцами. — Жалованье взято впередъ за два мѣсяца: статья конченная. — Занять у Пшеницыныхъ? Неловко: по службѣ имѣетъ отношенія. За послугу надо быть благодарнымъ. Сколько знаетъ онъ людей, которые, задолжавъ усернымъ кредиторамъ, дѣлались ихъ ревностными слугами; какъ часто благодарность вводила въ нечистыя дѣла!... У предводителя? Просить, охъ, тяжело!... Дадутъ: чѣмъ отдать?... Предводитель же самъ не Богъ знаетъ какой богачъ; ждать долго не можетъ. Еще болѣе запутаешься.—Заложить серебряные часы, подарокъ жены на второй день брака? Развѣ прибавить къ нимъ обручальныя кольца?... Пожалуй, скрѣпя сердце, онъ послалъ бы ихъ съ Филемономъ къ какому-нибудь ростовщику. Но что дастъ за нихъ ростовщикъ? Безцѣлицу, а возьметъ жидовскіе проценты. — Заложить домъ? Но завтра жъ онъ

Digitized by Google

можетъ умереть, и какое наслѣдство оставитъ дочери?...

Приближался часъ, когда Горлицынъ могъ отчаянно сказать — не знаменитое, хотя пригодное на этотъ случай, изреченіе Франциска I-го послѣ пораженія подъ Павіей: все потеряно, кромѣ чести!—нѣтъ, роковыя слова чиновника-бѣдняка, у котораго есть дочь, нѣжно любимая — слова, много значащія, хотя и очень простыя: осьмушку чаю, фунтъ сахару на завтрашній день! годъ жизни за осьмушку чаю, за фунтъ сахару!

Правда, были еще у Горлицына два средства отдалить этотъ роковой часъ и взять передышку отъ бремени нуждъ, которыя на него налегали. Первое средство предложилъ ему усердный Филемонъ въ одно изъ совѣщаній, на которыя они сошлись тайно отъ всѣхъ; другое само собою представилось Александру Иванычу въ минуты отчаяннаго его положенія.

Филемону передалъ по секрету старый инвалидъ, приставленный къ соляному магазину, что въ этомъ магазинѣ есть нѣсколько десятковъ лишнихъ кулей, накопившихся съ годами, отъ того, что у Александра Иваныча не было или было очень мало утечки и усушки, положенныхъ даже закономъ. Неровенъ часъ, пріѣдетъ ревизоръ, да еще

Digitized by Google

взыщетъ за лишнюю соль; пойдутъ допросы, откуда взялась. Что скажешь! какъ отдѣлаешься отъ этихъ зубастыхъ допросовъ? Для безопасности должно, безъ грѣха можно, ее продать. Инвалидъ и старый слуга берутся это сдѣлать, такъ что никто не узнаетъ. А денежки можно выручить хорошія.

— Продать, изъ казеннаго мѣста, казенное добро въ свою пользу? Посягнуть на воровство первый разъ въ жизни? Сдѣлать дольщиками этого воровства слугу и сторожа? Да какъ ты осмѣлился мнѣ это предложить, сударь ты мой? Да я тебя упеку и съ твоимъ инвалидомъ, куда воронъ костей не заноситъ! Что мнѣ ревизоръ? Соль налицо; не бесчестно, не съ корыстными умыслами копилъ!... Я самъ донесу по начальству, и дѣлу конецъ.

Такою рѣзкою исповѣдью Александръ Иванычъ осыпалъ Филемона, словно картечью; но слуга не струсилъ. Раздосадованный, что его золотой совѣтъ, такъ хитро и съ такимъ усердіемъ придуманный, не удался, онъ нагрубилъ первый разъ въ жизни своему барину и покончилъ тѣмъ, что предсказывалъ ему суму, да и несчастной дочкѣ такую же участь. Горлицынъ въ сердцахъ вытолкалъ его изъ двери. Послѣ такой неудачи и оскор-

Digitized by Google

бленія старый слуга впервые въ жизни запилъ, и такъ запилъ, что не могъ идти на рынокъ. Эту обязанность исполнила Бавкида, не преминувъ сначала поколотить порядкомъ своего супруга. Новый ударъ принялъ бѣдный Горлицынъ въ сердце, будто истинное наказаніе Божье.

Другое средство избавиться отъ всѣхъ этихъ мірскихъ треволненій было прибѣгнуть къ секретной шкатулкѣ, въ которой хранилась экономическая сумма, накопленная во столько лѣтъ къ пріѣзду дочери. Въ шкатулкѣ уже близъ ста рублей. Но деньги эти назначены Катѣ; онѣ сдѣлались ея добромъ, ея собственностью. Чтожъ? онъ займетъ не у чужаго, у дочери. Придутъ болѣе счастливые дни, и деньги возвратятся на свое мѣсто. Рѣшено: секретная шкатулка единственный источникъ, изъ котораго можно почерпнуть безъ укора совѣсти. Не то завтра у Кати не будетъ чаю, завтра.... мало ли чего не будетъ!

Въ раздумьи ходилъ Александръ Иванычъ нѣсколько времени по своей комнатѣ взадъ и впередъ, тяжолыми шагами, которые отдавались въ потолокъ Катиной спальни. Вѣщее чувство сказало ей, что отецъ ея чѣмъ-нибудь необыкновенно озабоченъ. Грустный, пасмурный видъ, котораго она прежде въ немъ не замѣчала, какая-то скрыт-

Digitized by Google

ность въ поступкахъ, тяжолые шаги, никогда такъ сильно не раздававшіеся надъ ея головой, все это встревожило ее, и она рѣшилась идти къ отцу наверхъ.

Въ это время Александръ Иванычъ, доставъ завѣтный ящикъ, блѣдный, дрожащими руками отперъ его, будто собирался украсть чужія деньги. Только что успѣлъ онъ взглянуть на свое сокровище, какъ дверь тихо отворилась. Въ страхѣ онъ опустилъ руки, затрясся, хотѣлъ что-то сказать, но не могъ выговорить слова. Жалкій, умиленный видъ имѣлъ онъ, будто застигнутый воришка. Шкатулка была наполнена почти до верху крупною и мелкою серебряною монетой. Въ первыя минуты Катя не могла приписать смущеніе отца ничему другому, какъ испугу, что застала его надъ деньгами, которыя онъ старался скрыть отъ нея.... Она всплеснула руками и примолвила: — О го-го! папаша, сколько у васъ денегъ!...

— Немного, Катя, немного, и ста рублей нѣтъ —едва могъ выговорить Александръ Иванычъ:— для тебя было копилъ.... да понадобились.... крайняя нужда... Хотѣлъ у тебя въ долгъ взять... прости мнѣ.

И въ глазахъ его заблистали слезы.

Digitized by Google

Въ этихъ словахъ, въ слезахъ этихъ, было столько горькой истины, вылившейся изъ глубины души, что Катя сейчасъ поняла свою ошибку. Она схватила руку отца, нѣжно, крѣпко поцаловала ее и сказала: — О! каковый вы добрый!... А все-таки грѣхъ вамъ сомнѣваться во мнѣ, да еще просить у меня прощенія. Развѣ все мое не ваше, все ваше не мое?... Еще бы намъ дѣлиться!... Вѣдь только насъ двое и есть въ семьѣ.... Давайте, сочтемъ, сколько тутъ денегъ. Еще есть у меня петербургскихъ рублей десятокъ слишкомъ, положимъ вмѣстѣ.

И еще разъ поцаловавъ руку отца, подала ему стулъ, потомъ важно присѣла къ столу, на которомъ стояла шкатулка, высыпала изъ нея деньги и начала раскладывать ихъ кучками, пятачки къ пятачкамъ, гривенники къ гривенникамъ, и такъ далѣе. Тутъ же приговоривала: «вотъ я васъ за это накажу, погодите!...» Отъ сердца Александра Ивановича отлегло; онъ улыбнулся прежнею своею дѣтскою, прекрасною улыбкой и сталъ помогать дочери укладывать деньги. Сосчитавъ деньги, которыхъ дѣйствительно оказалось близъ ста рублей, она сыскала клочокъ бумаги, взяла перо и стала писать и произносить вслухъ написанное, припоминая себѣ форму заемнаго письма, которое

Digitized by Google

видѣла въ Петербургѣ у матери своей подруги: — Я нижеименованный отецъ такой-то дочери занялъ у единородной своей Кати 103 рубли 65 копѣекъ — понимаете, тутъ будутъ и петербургскія деньги — на безсрочное время; буде чего не заплачу, то вольна она, вышереченная Катя, требовать отъ меня сверхъ законныхъ поцалуевъ, выдаваемыхъ ей каждый день, столько, сколько она пожелаетъ. Теперь подписывайте. — И Александръ Иванычъ, усмѣхаясь, взялъ перо и подписалъ рукою, еще нетвердою, свое имя и фамилію.

— А теперь — сказала она, цалуя его — проценты впередъ. Вотъ вамъ, вотъ вамъ.... вѣдь я ростовщикъ!

Оживили Горлицына эти слова и ласки, и онъ, собирая деньги опять въ шкатулку, сказалъ: — Вѣдь я не шутя возьму у тебя деньги; онѣ мнѣ нужны.

— Сказано, сдѣлано, вотъ рука моя, а вотъ и ваше заемное письмо — отвѣчала Катя, скорчивъ серіозную мину, ударила отца въ ладонь его, молодецки пожала ее и, свернувъ клочокъ бумаги, спрятала у себя на груди.

Такъ пасмурно начался и такъ отрадно кончился этотъ день. Счастливый Александръ Иванычъ повеселѣлъ. По старой привычкѣ онъ велѣлъ по-

Digitized by Google

звать къ себѣ Филемона, да тотъ оказался опять въ несостоятельномъ положеніи. Опять поручили Бавкидѣ сдѣлать покупки, и на этотъ разъ болѣе важныя. И вслѣдъ за тѣмъ довольство полилось въ домѣ. Катя, узнавъ, что старый слуга боленъ, очень этимъ встревожилась, состряпала ему бузиннаго отвара въ чайникѣ и сама пошла къ одру больнаго, чтобы дать ему это лекарство. Филемонъ былъ въ жару, мутные его глаза едва узнали барышню, къ которой потянулся было цаловать руку.... Катя думала, что старикъ въ самомъ дѣлѣ боленъ, съ жалостью на него посмотрѣла и велѣла своей горничной давать ему бузины, да почаще ей сказывать, будетъ ли ему легче или хуже, неравно придется послать за лекаремъ. Такое вниманіе доброй барышни къ недостойному очень озадачило его и пробудило въ немъ совѣсть. На другой же день явился онъ къ Катеринѣ Александровнѣ, когда барина не было дома, и повалился ей въ ноги.

— Матушка, барышня, простите мнѣ — говорилъ онъ ей:—я васъ обманулъ, болѣнъ не былъ. Бѣсъ лукавый попуталъ: хмѣльнымъ зашибся. Отродясь не бывало со мною этакой оказіи. Божусь вамъ, въ первый и послѣдній разъ... Тятенька вѣдь всему причиной... больно ужъ совѣстливъ.

Digitized by Google

Этими словами подана была нить въ руки Катерины Александровны, и клубокъ сталъ разматываться. Тутъ Филемонъ разсказалъ причину своего нравственнаго паденія и кстати уже развернулъ свитокъ исторіи всѣхъ нуждъ, которыя одолѣвали Александра Ивановича едва ли не со смерти Катиной матери, какъ онъ терпѣлъ ихъ, не смѣя царскою копѣечкой поживиться, да какъ отказывалъ себѣ во всемъ, и прочее и прочее, что мы ужъ прежде разсказывали.

Чего не открыла Катѣ эта простая, но страшная для нея повѣсть! Какимъ новымъ свѣтомъ озарилась душа ея! Теперь только узнала она всю силу любви къ ней отца. Все ея прошедшее было только сновидѣніе, мечты, коварно ласкавшія ее. Она походила на дитя, которое тѣшится огоньками, бѣгающими по стѣнѣ около его колыбели, не зная, что черезъ часъ весь домъ отъ нихъ разрушится. Сколько опыта пріобрѣла Катя въ нѣсколько минутъ! Въ какомъ горнилѣ закалилась душа! Да, нѣсколько минутъ тому назадъ, она была дѣвочка; теперь стала женщиной, твердою, сильною, готовою вступить въ борьбу съ невзгодами жизни. За самоотверженную любовь надо заплатить такою же любовью, за великія жертвы— еще высшими, если можно.

Digitized by Google

Катя поблагодарила стараго слугу за все, что онъ ей открылъ, обѣщаясь никому не говорить о томъ, что слышала отъ него, наказывала не огорчать болѣе отца неумѣстными совѣтами и дурнымъ поведеніемъ. Отпустивъ его, она отправилась въ свою спальню, усердно со слезами молилась образу Спасителя, которымъ отецъ благословилъ ее, когда она поступила въ институтъ; долго стояла на колѣняхъ передъ портретомъ матери.... Плакала она горько эту ночь, плакала и другія ночи, но съ каждымъ утромъ, умывшись, была на видъ весела и необыкновенно нѣжна съ отцомъ. Цѣлую недѣлю каждый день ходила въ соборную церковь, которая была въ нѣсколькихъ шагахъ отъ ихъ дома, и тамъ усердно молилась. Молитвы ея были объ одномъ и томъ же, подать ей свыше силы принесть долгу свою жертву. Волгинъ, въ продолженіе этой недѣли, приходилъ раза три, былъ по прежнему грустенъ и по прежнему особенно внимателенъ къ Александру Иванычу. Въ каждомъ взглядѣ его, въ каждомъ словѣ, обращенномъ въ Катѣ, не могла она не замѣтить выраженій прежней любви. Сколько разъ, замѣчая, что отецъ сдѣлался къ нему холоднѣе, а дочь была особенно грустна, рѣшался онъ объяснить свое положеніе, но молчалъ, боясь безвремен-

Digitized by Google

ною откровенностью разрушить свое счастіе тогда, когда ожидалъ со дня на день окончанія дѣла о разводѣ.

Недѣля прошла, и Катя въ первый затѣмъ день объявила отцу, что идетъ за Селезнева. — Онъ добрый, достойный человѣкъ—говорила она отцу: я хочу, я буду его любить... Только прошу у васъ три дня сроку... Только три дня—повторила она съ твердостью:—а тамъ, не спрашивая меня, скажите ему, что я согласна.

Какъ ни желалъ Горлицынъ этого рѣшенія, онъ теперь испугался его. Согласіе было дано такъ неожиданно, безъ всякихъ приготовленій.—Я не неволю тебя, душа моя —говорилъ онъ Катѣ— тебѣ вѣдь жить съ мужемъ, такъ выбирай себѣ по сердцу.—Но Катя осталась на своемъ. Александръ Иванычъ пристально посмотрѣлъ на нее и сказалъ съ необыкновенною твердостью: «Подождемъ!..» Потомъ задумалъ онъ думу крѣпкую. Не получила ли ужъ она письма отъ Волгина, которое заставило ее принять такое скорое рѣшеніе? Не можетъ быть. Если бъ онъ осмѣлился къ ней написать, Катя не скрыла бы письма отъ отца. Не могъ же разсудокъ въ нѣсколько дней побѣдить склонность, которая такъ сильно выказалась въ послѣднемъ разговорѣ съ дочерью, склон-

Digitized by Google

ность, которая такъ быстро развилась и долго росла, поощряемая самимъ одобреніемъ отца! Волгинъ жилъ въ Холоднѣ безъ дѣла; не слыхать было, чтобъ онъ собирался куда, не смотря на то, что хозяйственныя дѣла требовали его въ новое имѣніе. Катя ходила каждый день въ церковь, чего прежде не дѣлала. У ней были на дняхъ глаза красны; сказано, что это отъ вѣтру... Нѣтъ, это не то, совсѣмъ не то!... Тутъ что-нибудь необыкновенное скрывается. Какъ бы узнать?

Передумалъ все это Александръ Иванычъ, и рѣшился идти къ Волгину отплатить, можетъ быть, послѣднимъ визитомъ за десятки, которые былъ ему долженъ, между тѣмъ намекнуть о предложеніи Селезнева и испытать, какое дѣйствіе произведетъ оно на сосѣда. Надо было развязать судьбу Кати, а другаго способа, какъ этотъ, не могъ отыскать Александръ Иванычъ въ простотѣ души своей.

Волгинъ былъ очень радъ посѣщенію гостя. Никогда сосѣдъ не видалъ его въ такомъ пріятномъ расположеніи духа; оно выражалось на лицѣ его, во всѣхъ его словахъ.—Вы, какъ нарочно, посѣтили меня—говорилъ онъ Горлицыну, когда я только-что получилъ изъ Петербурга радостное

Digitized by Google

извѣстіе. На дняхъ ожидаю другаго, рѣшительнаго; оно развяжетъ мою судьбу, отъ него зависитъ вся моя будущность.

Въ чемъ же состояло это извѣщеніе, Волгинъ не сказалъ, и сосѣдъ началъ неприличнымъ спрашивать. Загадка для Александра Иваныча все-таки отсталась загадкой. Онъ рѣшился приступить къ болѣе сильнымъ мѣрамъ и, какъ дѣлаютъ удачно нѣкоторые хитрецы, простодушною откровенностью вызвать на такую же.

— И у меня въ домѣ, сударь вы мой—сказалъ онъ—готовится нѣчто пріятное.

— А что такое?—спросилъ нетерпѣливо Волгинъ.

— Отъ васъ не скрою: я васъ уважаю, какъ друга. Вотъ видите, прекрасный, молодой человѣкъ Селезневъ... достойный во всѣхъ отношеніяхъ... вы его знаете... удостоилъ чести просить руки дочери моей...

Волгинъ поблѣднѣлъ какъ мертвецъ. — Чтожъ Катерина Александровна — спросилъ онъ задыхаясь.

— Сначала Катя не хотѣла и слышать. Да она у меня разумная такая... Романическія бредни еще съ удовольствіемъ прочтешь въ книгѣ, а въ жизни куда какъ не годятся!.. Все дымъ, сударь мой!..

Digitized by Google

Господь посылаетъ ей счастіе, грѣхъ пренебрегать... Проспла только три дня сроку...

Волгинъ вскочилъ съ дивана, схватилъ руку Александра Ивановича и, крѣпко сжимая ее, сказалъ: — Нѣтъ, этому не быть!... Скажите, что этому не быть... Не убейте меня... Простите, что я такъ смѣло говорю... Воля родительская; но я люблю ее такъ сильно, такъ глубоко, что готовъ за нее съ цѣлымъ міромъ поспорить. Я полюбилъ ее съ перваго раза, какъ увидѣлъ; самъ Господь указалъ мнѣ на нее... Мое счастіе, жизнь моя въ надеждѣ получить ея руку. Ради Бога, не отнимайте у меня этой надежды.

— Позвольте, для чегожъ вы до сихъ поръ не объяснились?...

— Винюсь передъ вами, я сдѣлалъ въ жизни своей только одно худое дѣло — скрылъ отъ васъ одно обстоятельство, и то изъ боязни потерять доброе расположеніе Катерины Александровны. Но нынѣ же... на словахъ не могу... открою вамъ все. Нынѣ вечеромъ вы получите отъ меня письмо. Прочтите его сначала одни, потомъ, если дозволите, пусть прочтетъ ваша дочь, и тогда рѣшите мою участь.

— Вы знаете — отвѣчалъ тронутый Горлицынъ — сколько я люблю и уважаю васъ. И я за

Digitized by Google

честь, за счастіе почолъ бы имѣть васъ своимъ зятемъ. Но... посудите сами... такія частыя посѣщенія, такъ долго... голова молодой дѣвушки могла закружиться; далеко ли до сердца?... злые языки въ городѣ...

— Вините судьбу мою, обстоятельства!... Намѣренія мои были всегда чисты; заслужить руку вашей дочери, но заслужить ее честно, благородно, было однимъ побужденіемъ моимъ во всѣхъ моихъ дѣйствіяхъ съ того времени, какъ ее знаю. Ради Бога, не осуждайте меня...

— Буду ждать вашего письма — сказалъ Горлицынъ, крѣпко обнялъ своего сосѣда и простился съ нимъ. Возвратившись домой, обремененный радостнымъ предчувствіемъ и страхомъ неизвѣстности, онъ сказалъ Филемону, сидѣвшему уже въ передней въ здоровомъ положеніи, такъ что могла слышать Катя изъ другой комнаты: — Если придетъ нынѣ Селезневъ, сказать, что насъ дома нѣтъ. Слышалъ ты, ричардъ мой возлюбленный?

— Слышалъ, батюшка, Александръ Иванычъ— отвѣчалъ дрожащимъ отъ радости голосомъ Филемонъ, ободренный шуточнымъ привѣтствіемъ, которое всегда такъ пріятно щекотало его сердце

Digitized by Google

и котораго онъ болѣе недѣли не слыхалъ отъ своего господина.

Вошедши же въ комнату дочери, Горлицынъ прибавилъ съ веселымъ видомъ:—Мы подождемъ, Катя, да, подождемъ... Утро вечера мудренѣе, говоритъ пословица, а у насъ вечеръ будетъ мудрѣе утра. Не знаю ничего, а знаю только, что сосѣдъ нашъ человѣкъ благородный, хоть и темный. Не спрашивай меня ни о чомъ, и будь повеселѣй.

И Катя, смущенная этими загадочными словами, не спрашивала ни о чомъ. Можно вообразить, что происходило въ душѣ ея. Она видѣла, какъ отецъ ходилъ къ сосѣду, замѣтила, что онъ возвратился домой веселѣй, нежели вышелъ изъ дому, ничего не понимала изъ путаницы словъ, сказанныхъ ей отцомъ, но слово: «подождемъ» было для нея такъ странно. Она посмотрѣла на портретъ матери и подумала, покачавъ головой: «не ты ли упросила тамъ за меня Господа?...» Довольно было для нея ужъ и того, что откладывалось исполненіе ужаснаго приговора, на который она себя осудила.

Передъ вечеромъ Горлицынъ получилъ отъ сосѣда огромный пакетъ и заперся у себя на ключъ, чтобы никто не мѣшалъ ему прочесть, что въ

Digitized by Google

немъ заключалось. Въ этомъ пакетѣ было письмо на его имя, тетрадь съ заглавіемъ: «моя исторія», нѣсколько документовъ и писемъ на имя Ивана Сергѣевича отъ дяди его.

Письмо, адресованное къ Горлицыну, было слѣдующаго содержанія:

«Милостивый государь,

«Александръ Ивановичъ!

«Посылаю вамъ исторію моей жизни со времени пріѣзда въ губернскій городъ N, вмѣстѣ съ приложеніями, которыя удостовѣрятъ васъ въ истинѣ моего разсказа. Богъ свидѣтель, что я не старался въ немъ представить себя въ лучшемъ видѣ, нежели каковъ я былъ, и обременить лишними нареканіями женщину, и безъ того слишкомъ наказанную. Да проститъ ей Судія Всевышній, какъ я простилъ ее на этой землѣ!

«Желалъ бы я скрыть отъ всѣхъ въ глубинѣ растерзаннаго сердца эту ужасную исторію; но долгъ мой, послѣ того, какъ я признался вамъ въ чувствахъ своихъ къ Катеринѣ Александровнѣ, обязываетъ меня быть съ вами откровеннымъ, какъ съ отцомъ моимъ. Прочтите все и осудите меня, если у васъ достанетъ силъ осуждать несчастіе, а не преступленіе.

«Жизнь моя безъ пятна, совѣсть чиста. Въ

Digitized by Google

одномъ могу только обвинять себя — въ томъ, что я не открылъ вамъ прежде моихъ обстоятельствъ; но и за этотъ невольный проступокъ ожидаю себѣ великодушнаго прощенія: любовь и тутъ была причиной обмана, безъ котораго я закрылъ бы себѣ, можетъ быть, навсегда доступъ къ сердцу вашей дочери.

« Любовь моя къ Катеринѣ Александровнѣ такъ сильна, что нѣтъ жертвы, которую бы я не принесъ ей, кромѣ самой любви. Я буду ждать вашего отвѣта цѣлыя сутки. Если не получу его въ этотъ срокъ, приговоръ мой будетъ мнѣ извѣстенъ. Ударъ этотъ, конечно, придетъ сердцу моему тяжелѣй всѣхъ, какіе я доселѣ испыталъ. Тогда останется мнѣ уѣхать изъ здѣшнихъ мѣстъ въ дальнюю мою деревню, можетъ быть въ чужіе края, пожелавъ Катеринѣ Александровнѣ всего счастія, котораго она такъ достойна, а вамъ наслаждаться зрѣлищемъ этого счастія. Объ одномъ попрошу васъ только, вспоминать иногда несчастливца, которому судьба, безъ вины его, назначила испить до послѣднихъ дней его горькую чашу страданій. Мнѣ же останется навсегда хоть утѣшеніемъ воспоминаніе о тѣхъ прекрасныхъ дняхъ, единственныхъ въ жизни моей, которые я провелъ въ вашемъ семействѣ. »

Digitized by Google

Читая это посланіе и всѣ приложенія къ нему, Горлицынъ нѣсколько разъ прекращалъ свое чтеніе, чтобы дать себѣ отдохнуть отъ бремени тѣхъ чувствъ, которыя оно возбуждало въ душѣ его; нѣсколько разъ слезы мутили его глаза и заставляли отрываться отъ печальныхъ строкъ. Пришедши къ дочери, онъ подалъ ей письма и бумаги, полученныя отъ Волгина, кромѣ копій съ разныхъ опредѣленій присутственныхъ мѣстъ, и сказалъ ей: — Ты не дитя, вооружись твердостью, прочти все и скажи мнѣ потомъ, что должно написать сосѣду. А я покуда пройдусь немного, подышу свѣжимъ воздухомъ.... Мочи нѣтъ, мнѣ тяжело!

Когда онъ возвратился, Катя съ заплаканными глазами сидѣла у стола и писала что-то на почтовомъ листочкѣ; написавши, отдала его отцу и прибавила: —Прочтите эту записку и пошлите ее къ Волгину. Знаю напередъ, что вы на нее согласны, потому что вамъ дорого счастіе вашей дочери.

Александръ Иванычъ прочолъ слѣдующее: «Отецъ мой предоставилъ мнѣ отдать руку мою тому, кого выберетъ мое сердце. Полюбила я васъ сначала — можетъ быть, и романически: мудрено ль? Тогда я только что сошла съ институтской скамьи. Потомъ, съ опытомъ жизни, разсудокъ и сердце увѣрили меня, что я ни съ кѣмъ

Digitized by Google

не могу быть счастлива, какъ съ вами. Теперь ни въ чомъ васъ не обвиняю. Уважаю васъ еще болѣе, прочтя ваши бумаги. Видно, Господь назначилъ мнѣ утѣшить васъ, сколько могу, за все ваше прошедшее — я исполню свято этотъ долгъ. Приходите къ намъ сейчасъ.

Ваша на вѣки

Катерина Горлицына».

Ничего не сказалъ отецъ, прочтя записку, поцаловалъ дочь, благословилъ ее и, запечатавъ посланіе, отослалъ съ Филемономъ къ сосѣду. Вѣрный ричардъ дожидался отвѣта. Радостный, какъ безумный, выбѣжалъ къ нему Волгинъ, поцаловалъ его въ лобъ, всунулъ ему въ руку пучокъ ассигнацій, сказалъ: — иду — но, видя, что тотъ, ошеломленный отъ такихъ невиданныхъ щедротъ, стоялъ все на одномъ мѣстѣ, почти вытолкнулъ его изъ двери. Черезъ нѣсколько минутъ Иванъ Сергѣевичъ былъ у ногъ Кати.... Дѣтская улыбка мелькала на губахъ Александра Иваныча и радостныя слезы катились изъ глазъ его.

Прошло нѣсколько дней нетерпѣливаго и тревожнаго ожиданія извѣстія изъ Петербурга. Оно пришло. Вотъ что писалъ Ивану Сергѣевичу дядя его:

«Твое дѣло окончательно рѣшено. Но Богъ рѣшилъ его, за нѣсколько дней до того, по-своему.

Digitized by Google

Пятаго ноября отошла твоя жена въ вѣчную жизнь. Передъ смертью пришла въ разсудокъ, узнала, гдѣ находится, потребовала къ себѣ священника, исполнила всѣ христіанскія обязанности, со слезами просила прощенія, особенно у тебя, у всѣхъ, кого когда-либо обидѣла, пожелала тебѣ счастія (это были ея послѣднія слова) и скончалась тихо, на рукахъ людей, совершенно ей чужихъ. Пускай будетъ ея жизнь примѣромъ для многихъ! Подай ей, Господи, въ селеніяхъ небесныхъ миръ, которымъ она здѣсь не наслаждалась!... Посылаю тебѣ законное свидѣтельство о ея смерти.»

Когда Волгинъ передалъ Катеринѣ Александровнѣ и отцу ея это извѣстіе и намѣреніе свое отслужить панихиду по усопшей, невѣста его вызвалась участвовать въ исполненіи этого священнаго и трогательнаго обряда.

Впослѣдствіи времени она этой обязанности не пропускала ни одного года до конца дней своихъ.

Помолвка и обрученіе были черезъ нѣсколько дней и изумили весь городъ. Семейство предводителя, Пшеницыны и многіе другіе отъ души радовались этому событію. Сыскались однакожъ люди, которые замѣтили, что дочери бѣднаго солянаго пристава выпало такое высокое счастіе не по рангу. Селезневъ съ отчаянія спѣшилъ уѣхать въ отпускъ.

Digitized by Google

Въ это время Катерина Александровна получила при своемъ женихѣ письмо — отъ кого бы вы думали? — отъ маіорской дочери Чечоткиной.

— Чтобы она могла ко мнѣ писать? — сказала Горлицына, взглянувъ на подпись: — ужъ не изъ-за васъ ли хочетъ начать со мною процессъ!

Маіорская дочка, расточивъ сначала изъясненія своего уваженія и сожалѣнія къ Катеринѣ Александровнѣ, принялась потомъ честить Волгина самыми лестными для него эпитетами. И злодѣй-то онъ, и безнравственный человѣкъ, и свелъ-то съ ума жену, образецъ всѣхъ женщинъ, которую держитъ въ своей деревнѣ, едва ли не на цѣпи. Вмѣстѣ съ этимъ Чечоткина предлагала начать съ нимъ процессъ, для такой оказіи рекомендовала отличнаго ходока-повѣреннаго, который заставитъ вѣроломнаго обманщика, посягающаго на честь и благополучіе такой прекрасной дѣвицы, какова Катерина Александровна, заплатить ей важную сумму.

Какъ узнала о семейныхъ дѣлахъ Волгиной охотница до процессовъ, никто изъ читавшихъ ея письмо не старался изслѣдовать. Довольно, что посмѣялись надъ этимъ посланіемъ, которое, однакожъ, если бъ получено было нѣсколько прежде, могло бы встревожить Горлицына и его дочь.

Digitized by Google

Когда невѣста собиралась къ вѣнцу, Ванѣ поручили надѣть на ея ножку башмачокъ. Говорятъ, что плутишка при этомъ случаѣ не преминулъ поцаловать ея ножку и заставилъ Катю очень покраснѣть. Послѣ свадьбы Горлицынъ вышелъ въ отставку, предоставивъ лишніе кули соли распоряженію своего преемника, и переѣхалъ къ дочери въ новую деревню ея мужа, гдѣ былъ и прекрасный домъ, и прекрасный садъ, и протекала та же М – рѣка, омывавшая берегъ, на которомъ стоялъ домикъ солянаго пристава въ Холоднѣ. До глубокой старости наслаждался онъ счастіемъ видѣть согласіе и любовь обоихъ супруговъ. И мнѣ разъ, въ юности моей, удалось провесть нѣсколько дней въ этой благословенной семьѣ и видѣть, какъ два маленькіе внука и крошка–внучка барахтались съ дѣдушкой на лугу. Та же дѣтская, прекрасная улыбка, одушевлявшая лицо старика, не оставляла его до тѣхъ поръ, пока не закрыла его послѣдняя, брошенная на него, горсть земли.

Въ виду того мѣста, гдѣ Катя и Волгинъ въ первый разъ познакомились близъ переправы черезъ Москву–рѣку, у подножія Мячковскаго кургана, поставили они скромный памятникъ. Не знаю, существуетъ ли онъ теперь.

Digitized by Google

НОВОБРАНЕЦЪ 1812 ГОДА.

(Изъ моихъ памятныхъ записокъ).

Digitized by Google

Digitized by Google

НОВОБРАНЕЦЪ 1812 ГОДА.

Въ роковыя двадцатыя числа роковаго 12-го года находился я въ Москвѣ. Выпедши только-что изъ-подъ опеки гувернеровъ, Messieurs Beaulieu и маркизовъ Жюльекуровъ, еще недавно архивный юноша, проглотившій съ двѣнадцатилѣтняго возраста не мало пыли при разборѣ полусгнившихъ столбцовъ, переведенъ потомъ въ канцелярію московскаго гражданскаго губернатора Обр., по приглашенію его, для узнанія службы, я, однакожъ, оставался въ Москвѣ не по служебнымъ обязанностямъ. Въ то время дана была каждому воля идти на всѣ четыре стороны. Паспортовъ не выдавалось, потому что всѣ дѣла канцеляріи были вывезены на владимірскую дорогу.

Digitized by Google

Въ Москвѣ же задерживило меня ожиданіе письма отъ моего отца, который жилъ въ деревнѣ, за восемьдесять верстъ отъ Москвы, къ сторонѣ Коломны. Я рвался въ ряды военные и ждалъ на это разрѣшенія. Сердце мое радостно билось при одной мысли, что я скоро опоясусь мечомъ, и крупно поговорю съ непріятелемъ за обиды моему отечеству. Въ войну 12-го года, истинно народную, патріотизмъ воспламенялъ и старцевъ и юношей. Порою рисовалось моему юношескому воображенію зарево биваковъ, опасное участіе въ ночномъ пикетѣ, къ которому вѣтерокъ доноситъ жуткій говоръ непріятеля, жаркая схватка, отважная выручка. Не скрою, что порой прельщали меня и красный ментикъ съ золотымъ украшеніемъ, и лихой конь, на которомъ буду гарцовать передъ окнами дѣвушки, любимой мною страстно... до первой новой любви. Но увы! мои надежды недолго тѣшили меня. Вмѣсто ожидаемаго разрѣшенія, получаю отъ отца приказъ немедленно къ нему явиться. Я плакалъ какъ ребенокъ, но скоро одумался. «Чего бъ ни стоило—сказалъ я самъ себѣ:—а буду военнымъ, хоть бы солдатомъ.» Мыслію уже ослушникъ волѣ родительской, я тотчасъ сдѣлался ослушникомъ и на дѣлѣ, и не очень спѣшилъ выѣхать изъ Москвы.

Digitized by Google

Уже дошла до насъ вѣсть о бородинской битвѣ: все, что дѣлалось въ арміи, было черезъ нѣсколько часовъ извѣстно въ Москвѣ; каждое біеніе пульса въ русскомъ войскѣ отзывалось въ сердцѣ ея. Многіе купцы содержали по пути къ мѣсту военныхъ дѣйствій конныхъ гонцовъ, которые безпрестанно сновали взадъ и впередъ. Два исполина дрались съ ожесточеніемъ: французъ шолъ, очертя голову, въ бѣлокаменную, и хвалился передъ міромъ побѣдой; русскій, истекая кровью, но готовый лучше умереть, чѣмъ покориться, сильный еще силою крестнаго знаменія, любви и преданности къ государю и отечеству, шолъ отстаивать святыя сорокъ сороковъ матушки бѣлокаменной, пока не положитъ въ виду ея костей своихъ: *мертвые бо срама не имутъ*.

Но — въ военномъ совѣтѣ Кутузова рѣшено было сдать Москву безъ боя. Настали дни скорбные и вмѣстѣ великіе. Москвичи, не помышляя болѣе о спасеніи своихъ домовъ, думали только честно покинуть ихъ. Кажется, въ одно время въ сердце народа и въ голову великаго полководца пала мысль, для блага Россіи, принесть на алтарь ея въ жертву первопрестольный городъ. Одинъ, для исполненія своихъ высшихъ плановъ, замышлялъ отдать Москву; другой замышлялъ сжечь ее,

Digitized by Google

въ случаѣ сдачи непріятелю, и тѣмъ очистить ее отъ поруганія нашествія. Такъ въ дни Божіи избранники его и народъ понимаютъ другъ друга и дѣйствуютъ согласно, не повѣряя другъ другу своихъ намѣреній. Въ эти дни я слышалъ нерѣдко отъ купцовъ, извощиковъ и моего дядьки, что, въ случаѣ сдачи Москвы, наши готовятся спалить ее до тла.—«Не доставайся жъ матушка непріятелямъ.» И потому, если мое свидѣтельство можетъ что-нибудь прибавить къ показаніямъ историковъ 12-го года, считаю долгомъ засвидѣтельствовать, что пожаръ московскій былъ просто слѣдствіемъ народнаго побужденія. Тогдашній градоначальникъ Растопчинъ, отгадавъ это побужденіе, не только не мѣшалъ, но даже содѣйствовалъ ему — вотъ что надобно еще прибавить. Кому принадлежитъ честь этого подвига, судите сами.

Высокое и трудное бремя несъ тогда Растопчинъ. Надо было въ одно время поддерживать пламенное усердіе къ дѣлу общему, ослаблять уныніе, возбуждаемое вѣстями о скоромъ нашествіи непріятеля, и усмирять народные порывы. Рѣдки, однакожъ, были случаи вмѣшательства черни. Видны были кое-гдѣ грязныя лица, которыя заглядывали въ повозки, отъѣзжавшія изъ

Digitized by Google

Москвы, и провожали удалявшихся именемъ *изменниковъ*... Въ тоже время остававшіеся въ столицѣ, большею частію отцы семействъ, старики, женщины и дѣти и торгующій классъ, покидали стѣны ея, хотя не безъ тревоги, однакожъ безопасно.

Для исполненія своихъ благоразумныхъ видовъ, градоначальникъ бросалъ каждый день въ пищу народу свои животрепещущія посланія, столько извѣстныя, и народъ, съ жадностью хватая ихъ, не только успокоивался, но и обращалъ свои помыслы къ благому — защитѣ города. Вскорѣ, однакожъ, представилась жертва сама собою. Безразсудный В*, сынъ купца, отмѣченный молвою какъ измѣнникъ, былъ обхваченъ буйствомъ толпы, и заплатилъ жизнью за свой поступокъ. Наканунѣ видѣлъ я В* въ кофейной на Никольской, тогдашнемъ фойе всѣхъ политическихъ и не политическихъ новостей. Можно вообразить, что я чувствовалъ, узнавъ на другой день объ его участи.

Между тѣмъ какъ дядька мой устроивалъ дорожные сборы, поѣхалъ я за городъ, къ Филямъ и на Поклонную гору, куда народъ стекался смотрѣть на плѣнныхъ французовъ, взятыхъ въ дѣлѣ бородинскомъ. Солнце ужъ западало, но далеко

Digitized by Google

не доходя до земной черты, скрывалось въ туманномъ горизонтѣ, который образовали жаръ и пыль, поднятые тревожною жизнью города и еще болѣе тревожною жизнью между городомъ и отступающимъ войскомъ. Въ Филяхъ нашолъ я дѣйствительно много плѣнныхъ разнородныхъ націй. Въ рѣчахъ и поступкахъ своихъ французы казались въ это время не плѣнниками нашими, а передовыми *великой арміи*, посланными занять для нея квартиры въ Москвѣ. На Поклонной горѣ особенное мое вниманіе привлекъ къ себѣ многочисленный кружокъ, составленный, большею частію, изъ купцовъ, мѣщанъ и крестьянъ. Въ срединѣ толпы стоялъ мужчина, довольно высокій, плечистый; лицо его казалось вдохновеннымъ, голосъ звучалъ знойно, энергически. За толпою, тѣсно окружившей его, я не могъ слышать его рѣчи, обращенной къ народу, но до меня долетали по временамъ слова его, глубоко западавшія въ грудь. Толпа, творя крестное знаменіе, повторяла съ жаромъ его послѣднія слова: «за батюшку царя и Русь православную, подъ покровомъ Царицы небесной!»—Я узналъ, что это былъ Сергѣй Николаевичъ Глинка, ревностный сподружникъ московскаго градоначальника въ тогдашнихъ его подвигахъ на служеніи отечеству. Съ какимъ благого-

Digitized by Google

вѣніемъ смотрѣлъ я на него! Онъ извѣстенъ мнѣ былъ заочно, какъ издатель «Русскаго Вѣстника», поощрившій мой первый литературный лепетъ: помѣстивъ въ своемъ журналѣ мою *военную пѣснь* и напечатавъ подъ нею мое имя, онъ сдѣлалъ меня на нѣсколько дней счастливымъ. Мое восторженное сердце поклонялось тогда всѣмъ современнымъ знаменитостямъ. Увидѣть Карамзина было однимъ изъ самыхъ пламенныхъ желаній: сколько разъ собирался я идти къ нему, чтобы положить передъ нимъ мой сердечный поклонъ! Разъ въ театрѣ мнѣ указали его; онъ былъ съ женой въ креслахъ. Во все представленіе я не видалъ ничего, кромѣ Карамзина; когда, во время антракта, онъ вставалъ, я устремлялъ на него такъ пристально глаза, что онъ разъ улыбнулся, и перешептываясь съ женой, указалъ ей осторожно на меня. Въ послѣдовавшую затѣмъ ночь я не спалъ отъ блаженства, что видѣлъ великаго человѣка и былъ имъ замѣченъ. Съ Сергѣемъ Николаевичемъ Глинкою знакомъ я былъ впослѣдствіи. Дивная была эта личность! Онъ содержалъ пансіонъ, въ которомъ воспитывались дѣти богатыхъ донцовъ, въ томъ числѣ и сынъ Платова. Золото обильно лилось въ его карманы, между тѣмъ не было у него часто копѣйки за душою.

Digitized by Google

Выходя изъ дому съ деньгами, или изъ книжной лавки, куда являлся для полученія денегъ на крайнія домашнія нужды, онъ возвращался бѣдный, какъ Иръ, и всегда довольный. Часто, когда нечего ему было дать просящему у него бѣдняку, онъ отдавалъ ему что попадалось подъ руки—носовой платокъ, шейный, жилетъ, пустой кошелекъ, книжку.... Онъ почти всегда ходилъ пѣшкомъ; если же бралъ извощика, то самаго худаго, котораго, вѣроятно, нанималъ для того, чтобы ему помочь. Замѣтенъ онъ очень былъ тѣмъ, что ходилъ въ самые жестокіе морозы въ сюртукѣ на ватѣ. Весь московскій людъ зналъ его; я видѣлъ часто, какъ извощики на биржахъ кланялись ему въ поясъ, а многіе проѣзжавшіе мимо снимали передъ нимъ шапки.

Когда я выѣхалъ изъ Филей, по смоленской дорогѣ показался въ клубахъ пыли обозъ, которому не видно было конца. Везли раненыхъ. Поѣздъ тянулся въ нѣсколько рядовъ, и затруднился у Драгомиловскаго моста. Сдѣлалась остановка. Надо было видѣть въ это время усердіе москвичей къ воинамъ, пролившимъ кровь свою за отечество. Калачи летѣли въ повозки, сыпались деньги пригоршнями, то и дѣло опорожнялись стаканы и кувшины съ квасомъ и медами;

Digitized by Google

продавцы распоряжались добромъ своихъ хозяевъ, какъ своею собственностью, не только не боясь взысканія, но еще увѣренные въ крѣпкомъ спасибо; восклицаніямъ сердечнаго участія, благословеніямъ, предложеніямъ услугъ не было конца. Облако пыли большею частію заслоняло это зрѣлище, и только изрѣдка, когда вѣтерокъ спахивалъ ее или густой лучъ прорѣзывалъ, видно было то добродушное лицо бородача, который подавалъ свою лепту, то лицо воина, истомленное, загорѣлое, покрытое пылью, то печальныя черты старушки, которая, облокатясь на телегу, распрашивала о своемъ сынѣ-служивомъ. Въ одинъ изъ этихъ просвѣтовъ палъ на меня болѣзненно-унылый взоръ раненаго офицера. Ему могло быть лѣтъ двадцать пять съ небольшимъ; смертная блѣдность покрывала прекрасное и благородное лицо его; одна рука была у него въ перевязи, другою опирался онъ на задокъ телеги, гдѣ лежало нѣсколько солдатъ. Невольное чувство увлекало меня къ нему.—Неуже ли не сыскалось для васъ повозки? — спросилъ я его.—«Была—отвѣчалъ онъ — но случились раненые тяжелѣе меня.... Слава Богу, я могу еще дойдти.» При этихъ словъ съ трудомъ приподнялся изъ телеги одинъ изъ солдатъ, лежавшихъ въ ней, и сказалъ со сле-

Digitized by Google

зами на глазахъ: Его благородіе нашъ ротный командиръ; намъ четверымъ раненымъ было тѣсно въ одной телегѣ.... онъ уступилъ намъ свою. — Тутъ онъ не могъ продолжать и опустился въ повозку.

Возвратившись домой, я сталъ собираться въ путь, къ отцу въ деревню. Квартира моя была на Стрѣтенскомъ бульварѣ (помнится, въ домѣ профессора Горюшкина), подлѣ узорочнаго дома съ садомъ, гдѣ хозяинъ, старый инвалидъ, причудливо устроилъ гауптвахту, поставилъ деревянную батарею и солдатъ, не смѣнявшихся со стражи. Онъ и на покоѣ, въ городѣ, не хотѣлъ разстаться съ военною жизнью. Старожилы, конечно, запомнятъ этотъ домъ, который ни одинъ проѣзжій не миновалъ, не полюбовавшись на игрушечный лагерь. Послѣ моего отъѣзда съ квартиры, гдѣ я жилъ, занялъ ее раненый офицеръ Франкъ съ рядовымъ Ишутинымъ. Выписываю страничку объ этихъ лицахъ изъ моихъ походныхъ записокъ: «По окончаніи бородинской битвы, когда смерть утомилась надъ бесчисленными жертвами своими, раненый рядовой 2-й роты своднаго гренадерскаго баталіона, Никифоръ Ишутинъ, присоединяясь къ ротѣ своей, шолъ отдаленно за нею съ поля сраженія. Вдругъ слышитъ онъ за собою слабые

Digitized by Google

стоны, которые, казалось ему, звали его на помощь. Пренебрегая страхомъ попасться въ плѣнъ къ непріятелю, разставлявшему въ виду его свои пикеты, онъ возвратился на то мѣсто, куда доносились звуки замирающаго голоса. Тамъ нашолъ онъ роты своей прапорщика Франка, плавающаго къ крови отъ полученной имъ тяжолой раны пулею въ ногу. — Богъ принесъ меня къ вашему благородію—сказалъ онъ—дамъ ли я непріятелю ругаться надъ вами?—Не смотря на собственную боль, онъ втащилъ офицера на плечи свои и готовился одинъ нести его изъ опаснаго мѣста, какъ другой солдатъ той же роты, видѣвшій издали его усилія, присоединился къ нему и помогъ ему донести драгоцѣнную ношу въ цѣпь, гдѣ перевязывали раненыхъ. Съ этого времени Ишутинъ не отходилъ отъ больнаго Франка; въ продолженіе отступленія досталъ ему повозку съ лошадью, перевязывалъ раны, и смотрѣлъ за нимъ, какъ нѣжный отецъ. При выходѣ русскихъ войскъ изъ Москвы онъ не разстался съ умирающимъ офицеромъ. Все, что они претерпѣли въ пребываніе непріятелей въ древней столицѣ нашей, не можетъ быть описано. Довольно сказать, что домъ, въ которомъ нашли они себѣ покойный уголокъ, преданъ былъ пламени. Вѣрный Ишутинъ вынесъ Франка

Digitized by Google

изъ огня на плечахъ своихъ, какъ новый Эней отца своего Анхиза.

Я простился съ Москвой, какъ прощаемся съ родною, которую опускаемъ въ землю. При выѣздѣ изъ заставы, я пріобрѣлъ себѣ дорожныхъ товарищей, шесть или семь дюжихъ мужичковъ. Они не преминули упрекнуть меня за оставленіе первопрестольной столицы, и еслибъ не быстрота лошадей въ моей повозкѣ, мнѣ пришлось бы плохо. Мой геройскій духъ снова былъ озадаченъ въ Волчьихъ воротахъ жалобными криками умирающаго..... На зарѣ, подъ Островцами, я сошолъ съ повозки и мимоходомъ взглянулъ въ часовню, которая стояла у большой дороги. Вообразите мой ужасъ: я увидѣлъ въ часовнѣ обнажонный трупъ убитаго человѣка.... Еще теперь, черезъ сорокъ лѣтъ, мерещится мнѣ бѣлый трупъ, блѣдное молодое лицо, кровавыя, широкія полосы на шеѣ, и надъ трупомъ Распятіе....

На берегу Москвы-рѣки, въ виду сельскаго крова, подъ которымъ провелъ я лучшія лѣта моего дѣтства, встрѣтили меня родные со слезами радости. Въ ожиданіи меня сколько страху испытали они: не попался ли я въ плѣнъ французамъ, не убили ли меня недобрые люди!

Digitized by Google

Черезъ нѣсколько дней узнали мы, что Москва занята непріятелями. Ожидали этого извѣстія, а между тѣмъ оно судорожно пронеслось по всѣмъ классамъ народа. Таковъ ужъ русскій народъ: онъ такъ увѣренъ въ своей силѣ, и всякій неуспѣхъ приписываетъ или фатализму, или измѣнѣ. Много нелѣпыхъ слуховъ распускали по святой Руси люди несвѣдующіе! А говорили это именно тогда, когда знали, что къ концу бородинской битвы капитаны командовали полками, когда каждый изъ нашихъ генераловъ творилъ въ ней чудеса храбрости и кровью платилъ любовь свою къ отечеству. Не даромъ бородинская битва названа битвой генераловъ.

Въ первый вечеръ, слѣдовавшій за печальной вѣстью, въ сѣверной сторонѣ отъ нашей деревни разостлалось по небу багровое зарево: то горѣлъ, за восемьдесятъ верстъ отъ насъ, первопрестольный городъ, и всѣмъ намъ казалось, что горитъ наше родное пепелище. Нѣсколько дней сряду, каждый вечеръ, Москва развертывала для насъ эту огненную хоругвь. При свѣтѣ ея сельскіе жители собирались толпою передъ господскимъ домомъ, или передъ церковью, молились и вздыхали о потерянномъ Сіонѣ. Тяжкимъ свинцомъ пало

Digitized by Google

уныніе на душу нашу; казалось, всѣ ждали послѣдняго часа. Поплакавъ нѣсколько дней надъ пепломъ Москвы, стали однакожъ думать о спасеніи своемъ. Никто не помышлялъ о покорности непріятелю, о томъ, чтобы оставаться въ своихъ домахъ, бить ему челомъ. Ожидали его только съ тѣмъ, чтобы въ виду его спалить свои жилища. Имущество поцѣннѣе хоронили въ погребахъ, подъ овинами и подклѣтями, въ лѣсахъ, но топоры и косы приберегали на случай подъ рукою. Стали къ намъ приближаться переселенцы съ тѣхъ мѣстъ, которыя занялъ уже непріятель. Толпы, большею частію дѣти, женщины, старики, переходили съ мѣста на мѣсто, нерѣдко по ночамъ освѣщаемое кострами, воздвигаемыми изъ собственныхъ домовъ. Гдѣ могло остановиться это переселеніе? Никто не вѣдалъ; знали голько, что къ восходу солнечному, къ Сибири, шолъ народъ. Въ эту тяжкую годину всѣ дѣлились между собою, какъ братья; каждый, кто бы онъ ни былъ, садился за чужой столъ, какъ семьянинъ; многіе богачи сравнялись съ бѣдняками, и часто бѣднякъ изъ сумы своей одолжалъ вчерашняго богача. Все это казалось, въ годину общаго бѣдствія, дѣломъ очень обыкновеннымъ.

Въ это время сталъ я проситься вновь у роди-

Digitized by Google

телей своихъ вступить въ ряды военные, и опять напрасно.

Казаки прискакали съ вѣстью, что французы скоро появятся. Въ казенномъ селеніи Новлянскомъ, на противоположномъ отъ насъ берегу Москвы-рѣки, ударилъ роковой набатъ: это былъ народный сигналъ зажигать свои домы. Къ счастію, тревога тотчасъ оказалась ложною, и селеніе уцѣлѣло. Но какъ непріятель дѣйствительно перешолъ уже Бронницы (въ 27-ми верстахъ отъ насъ), то мы и рѣшились по-добру по-здорову выбраться изъ своего гнѣзда. Меня повезли, какъ плѣнника; по крайней мѣрѣ, я считалъ себя такимъ. Я помышлялъ уже освободиться изъ этого плѣна, но покуда не видѣлъ къ тому возможности. Передъ Коломной присоединился къ намъ огромный караванъ помѣщиковъ съ ихъ домочадцами. Въ числѣ послѣднихъ была стая собакъ, съ которыми владѣлецъ ихъ, чудакъ и охотникъ страстный, не хотѣлъ разстаться.

Мы пріѣхали въ Коломну. Это моя родина. Горжусь ею, потому что въ ней родился одинъ изъ знаменитѣйшихъ духовныхъ сановниковъ и проповѣдниковъ нашего времени (Филаретъ, митрополитъ московскій и коломенскій). Сколько воспоминаній о моемъ дѣтствѣ толпилось въ го-

Digitized by Google

лові моей, когда мы въѣхали въ Запрудье! Предстали предо мною, какъ на чудной фантасмагорической сценѣ, и вечернія, росистыя зори, когда я загонялъ влюбленнаго перепела на обманчивый зовъ подруги, и лунныя ночи на обломкѣ башеннаго зубца, при шумѣ водъ смиренной Коломенки, лѣниво движущихъ мельничныя колеса—ночи, когда я воображалъ себя на мѣстѣ грустнаго изгнанника, переселеннаго Грознымъ изъ великаго Новгорода въ Коломну. Вспомнилъ я прогулку на козлѣ, и добраго француза гувернера съ длинною косою за плечами, которую вмѣстѣ съ головою своей вынесъ онъ изъ-подъ гильотины. Явились предо мною и ты, maitre corbeau, и вы, пламенныя страницы Руссо, которыми душа моя жадно упивалась, какъ дикій конь, выпущенный изъ загона на широкую степь, и вы, великіе мужи Плутарха!... Все это, и многое, многое, что глубоко бросило сѣмена въ сердцѣ моемъ, прошло теперь мимо меня во всѣхъ радужныхъ цвѣтахъ очарованія.—Кто идетъ?—закричалъ караульный громовымъ голосомъ у воротъ нашего дома, и очарованіе, спугнутое голосомъ часоваго, исчезло. Домъ этотъ славился нѣкогда роскошью своего убранства: вездѣ паркеты изъ краснаго, чернаго, пальмоваго дерева, мраморъ, штофъ... Въ немъ

Digitized by Google

отецъ мой угощалъ великолѣпныхъ сыновъ кончавшагося 18 вѣка

изъ стаи славной
Екатерининыхъ орловъ.

Теперь помѣщалась въ немъ артиллерійская рота (впослѣдствіи онъ былъ проданъ подъ трактиръ), и мы съ трудомъ, въ собственномъ нашемъ домѣ, могли найдти уголокъ, гдѣ бы преклонить на ночь нашу голову.

Съ разсвѣтомъ были мы ужъ на дорогѣ къ Рязани. Близъ первой почтовой станціи (не помню названія деревни) расположили мы свой таборъ, для полдничанія. Раскинутыя по лугу бесчисленныя палатки, табунъ коней, оглашающихъ воздухъ ржаніемъ своимъ, зажженные костры, многолюдство, пестрота возрастовъ и одежд, немолчное движеніе, — все это представляло зрѣлище прекрасное, но могло ли это зрѣлище восхищать насъ? Я пошелъ съ нѣсколькими помѣщиками и купцами прогуляться по деревнѣ. Когда мы подходили къ станціонному дому, возлѣ него остановилась колясочка; она была отпнута. Въ ней сидѣлъ—Барклай-де-Толли. Его сопровождалъ только одинъ адъютантъ. При этомъ имени почти все, что было въ деревнѣ, составило тѣсный и многочисленный кругъ и обступило эки-

Digitized by Google

нажъ. Смутный ропотъ пробѣжалъ по толпѣ... Не мудрено... отступленіе къ Москвѣ расположило еще болѣе умы противъ него; кромѣ государя и нѣкоторыхъ избранниковъ, никто не понималъ тогда великаго полководца, который съ начала войны — до бородинской отчаянной схватки сберегъ на плечахъ своихъ судьбу Россіи, охваченную со всѣхъ сторонъ еще неслыханною отъ вѣка силою военнаго генія и столь же громадною вещественною силой. Но ропотъ тотчасъ замолкъ: его мигомъ сдержалъ величавый, спокойный, холодный взоръ полководца. Ни малѣйшая тѣнь смущенія или опасенія не пробѣжала по лицу его. Въ этомъ взорѣ не было ни угрозы, ни гнѣва, ни укоризны, но въ немъ было то волшебное, неразгадываемое простыми смертными могущество, которымъ надѣляетъ Провидѣніе своего избранника и которому невольно покоряются толпы, будучи сами не въ состояніи дать отчота, чему они покоряются. Мнѣ случалось послѣ видѣть, какъ этотъ холодный, спокойный, самоувѣренный взглядъ водилъ войска къ побѣдѣ, какъ онъ одушевлялъ ихъ при отступленіи (изъ-подъ Бауцена и окрестностей Парижа, когда мы въ первый разъ подходили къ нему). Русскій солдатъ, всегда недовольный ретирадами, не ропталъ тогда, потому что, смотря на

Digitized by Google

своего предводителя, увѣренъ былъ, что онъ не побѣжденъ, а отступаетъ ради будущей побѣды.

День былъ ясный, коляска стояла подъ тѣнью липы, урвавшей на улицу нѣсколько густыхъ сучьевъ изъ-за плетня деревенскаго сада. Барклай-де-Толли скинулъ фуражку, и засіялъ голый, какъ ладонь, черепъ, обезсмертенный кистью Дова и перомъ Пушкина. При этомъ движеніи разнородная толпа обнажила свои головы. Вскорѣ лошади были готовы, и экипажъ исчезъ въ клубахъ пыли. Но долго еще стояла толпа на прежнемъ мѣстѣ, смущонная и огромленная видѣніемъ великаго человѣка.

Не знаю, куда ѣхалъ тогда Барклай-де-Толли, но знаю, что 25-го сентября былъ онъ въ Калугѣ. Оттуда писалъ онъ, именно этого числа, къ графу Остерману – Толстому (у котораго впослѣдствіи былъ я адъютантомъ) письмо, чрезвычайно замѣчательное по тогдашнему положенію бывшаго начальника арміи. Въ немъ изъяснялъ онъ грусть свою, что разстается съ русскимъ войскомъ, и пріятную увѣренность, что въ немъ остаются полководцы, которые поддержатъ честь русскаго имени.

Богатое село Дѣдново, въ которомъ мы остановились на два дня, расположено на берегу

Digitized by Google

Оки. Оно извѣстно сколько промышленостью престьянъ, столько и оригинальностью своего помѣщика Л. Д. Измайлова, осуществившаго въ себѣ типъ феодальнаго владѣльца среднихъ вѣковъ. Такого рода дворяне нынѣ уже въ Россіи не существуютъ. Особенно было оживлено Дѣдиново въ нашъ пріѣздъ, потому что въ немъ собиралось рязанское ополченіе, котораго начальникомъ былъ владѣлецъ этого имѣнія. Левъ Дмитріевичъ угостилъ насъ по-боярски.

Въ Рязани пробыли мы недолго. Здѣсь вскорѣ узнали, что французамъ не поздоровилось въ Москвѣ и что они, какъ журавли къ осени, начали потягивать на теплыя мѣста, и потому мы возвратились въ Коломну.

Здѣсь я сталъ вновь проситься у родителей моихъ позволить мнѣ идти въ военную службу, и получилъ опять тотъ же отказъ. Тогда я далъ себѣ клятву исполнить мое намѣреніе, во что бы ни стало, бѣжать изъ дому родительскаго, и какъ я не имѣлъ служебнаго свидѣтельства, идти хоть въ солдаты. Намѣренію моему нашолъ я скоро живое поощреніе. Въ городѣ остановился отставной (помнится, штабъ – офицеръ) кавалеристъ Бекленишевъ, посѣдѣлый въ бояхъ, который, записавъ сына въ гусары, собирался отправить его

Digitized by Google

въ армію. Съ этимъ молодымъ человѣкомъ ѣхалъ туда же гусарскій юнкеръ Ардал., сынъ богатаго армянина. Я открылъ имъ свое намѣреніе: старикъ благословилъ меня на святое дѣло, какъ онъ говорилъ, и обѣщался доставить въ главную квартиру рекомендательное письмо, а молодые люди дали мнѣ слово взять меня съ собою. За душой не было у меня ни копѣйки: коломенскій торговецъ-аферистъ купилъ у меня шубу, стоющую рублей 300, за 50 рублей, подозрѣвая, что я продаю ее тайно... Съ этимъ богатствомъ и дѣдовскою мѣховою курткой, покрытой зеленымъ рытымъ бархатомъ, шолъ я на службу боевую. Назначенъ былъ день отъѣзда. Всѣ приготовленія хранились въ глубочайшей тайнѣ. Роковой день наступалъ—сердце было у меня не на мѣстѣ. Въ одиннадцатомъ часу вечера простился я съ матерью, расточая ей самыя нѣжныя ласки; съ трудомъ удерживалъ я слезы, готовыя упасть на ея руку; я сказалъ ей, что хочу ранѣе лечь спать, потому что у меня очень разболѣлась голова. И она, будто по предчувствію, необыкновенно ласкала меня и раза два принималась меня благословлять. Въ своей спальнѣ я усердно молился, прося Господа простить мнѣ мой самовольный поступокъ и облегчить горесть и страхъ моихъ

Digitized by Google

родныхъ, когда они узнаютъ, что я ихъ ослушался и бѣжалъ отъ нихъ. Меньшому брату, который спалъ со мною въ одной комнатѣ, сказалъ я, что пойду прогуляться по саду, и чтобы онъ не беспокоился, если я долго не приду. Помолившись еще разъ, я вышелъ въ сѣни. Условный колокольчикъ зазвенѣлъ за воротами; я видѣлъ, какъ ямщикъ на лихой тройкѣ промчался мимо нихъ, давая мнѣ знать, что все готово къ отъѣзду. Еще нѣсколько шаговъ въ кремль, гдѣ жилъ Беклемишевъ, и я на свободѣ. Но въ сѣняхъ встрѣтилъ меня дядька мой Ларивонъ. «Худое, баринъ, затѣяли вы—сказалъ онъ мнѣ съ неудовольствіемъ — я знаю всѣ ваши продѣлки. Оставайтесь-ка дома, да ложитесь спать, не то я сейчасъ доложу папенькѣ, и вамъ будетъ нехорошо.» Точно громовымъ ударомъ ошибли меня эти слова. Я обидно сталъ упрекать дядьку, что онъ выдумываетъ на меня небылицу, завѣряя его, что я только хочу пройтиться по городу. Но Ларивонъ былъ неумолимъ. «Воля ваша — продолжалъ онъ—задніе сѣни въ садъ у меня заперты на замокъ; я стану на караулѣ въ нижнихъ сѣняхъ, что на дворъ, и не пропущу васъ, а если вздумаете бѣжать силою, такъ я тотчасъ подниму тревогу по всему дому. У воротъ поставилъ я

Digitized by Google

караульнаго, и онъ тоже сдѣлаетъ, въ случаѣ удачи вашей вырваться отъ меня.» Тутъ я перемѣнилъ упрекъ на моленія; я слезно просилъ его выпустить меня, и нѣжно цаловалъ его. Но дядька былъ неумолимъ. Дѣлать было нечего; надо было оставаться въ заключеніи. Отчаяніе мое было ужасно; можно сравнить это положеніе только съ состояніемъ узника, который подпиливъ свои цѣпи и рѣшотку у тюрьмы, готовъ былъ бѣжать, и воруг ъ пойманъ... Дядька мой преспокойно сошолъ внизъ. Проклиная его и судьбу свою, я зарыдалъ, какъ ребенокъ. Вся эта сцена происходила въ верхнемъ этажѣ очень высокаго дома. Изъ дверей сѣней видѣнъ былъ, сквозь проломъ древняго кремля, огонь въ квартирѣ стараго гусара, который собирался посвятить меня въ рыцари. Я вышелъ на балконъ, чтобы взглянуть въ послѣдній разъ на этотъ завѣтный огонекъ и проститься навсегда съ прекрасными мечтами, которыя такъ долго тѣшили меня. Вдругъ, съ правой стороны балкона, на столѣтней ели, ростущей подлѣ него, зашевелилась птица. Какая-то невѣдомая сила толкнула меня въ эту сторону. Вижу, довольно крѣпкій сукъ отъ ели будто предлагаетъ мнѣ руку спасенія. Не разсуждая объ опасности, перелѣзаю черезъ перила балкона, бро-

Digitized by Google

саюсь внизъ, цѣпляюсь проворно за сучокъ, вишу на немъ и упираюсь ногами на другой, болѣе твердый сучокъ. Тутъ, какъ векша, сползаю проворно съ дерева, обдираю себѣ до крови руки и колѣна, становлюсь на землѣ и пробѣгаю минуты въ три довольно обширный садъ, бывшій за домомъ, на углу двухъ переулковъ. Отъ переулка, ближайшаго къ моей цѣли, былъ заборъ саженъ въ полторы вышины: никакая преграда меня не останавливаетъ. Перелезаю черезъ него, какъ искусный волтижеръ. Если бы заставили меня это сдѣлать въ другое время, у меня не достало бы на это ни довольно искусства, ни довольно силы. Но таково могущество воли, что оно удесятеряетъ всѣ способности душевныя и тѣлесныя. Перебѣжать переулокъ и площадь, раздѣлявшую домъ нашъ отъ кремля, и влетѣть въ домъ, гдѣ ожидали меня, было тоже дѣломъ нѣсколькихъ минутъ. Я пробѣжалъ задыхаясь, готовый упасть на полъ; на головѣ у меня ничего не было, волосы отъ поту липли къ разгорѣвшимся щекамъ. Мои друзья уже давно ждали меня, сильно опасаясь, не случилось ли со мною какой невзгоды. Старый гусаръ благословилъ меня образомъ, передъ которымъ только что отслужили напутственный молебенъ; на меня нахлобучили первый по-

Digitized by Google

павшійся на глаза картузъ; мы сѣли въ повозки и промчались, какъ вихорь, черезъ городъ, берегомъ Коломенки и черезъ Запрудье. Кормили лошадей за 40 верстъ, потомъ въ Островцахъ. Нѣсколько разъ дорогою, казалось мнѣ, насъ догоняютъ; въ ушахъ отзывался топотъ лошадиный, насъ преслѣдующій; въ темнотѣ за мной гнались какія-то видѣнія. Сердце трепетало въ груди, какъ голубь. Въ Москву въѣхали мы поздно вечеромъ. Непріятель уже оставилъ городъ: у заставы на караулѣ были изюмскіе гусары; они грѣлись около зажженныхъ костровъ. Русскіе солдаты, русскій станъ были для насъ отрадными явленіями. Мы благоговѣйно перекрестились, въѣзжая въ заставу, и готовы были броситься цаловать караульныхъ, точно въ заутреню свѣтлаго Христова Воскресенія. И было чему радоваться, было съ чѣмъ братьямъ поздравить другъ друга: Россія была спасена!

Москва представляла совершенное разрушеніе: почти всѣ дома были обгорѣлые, безъ крышъ; нѣкоторые еще дымились; однѣ трубы безобразно высились надъ ними; оторванные желѣзные листы жалобно стонали; кое-гдѣ въ подвалахъ мелькали огоньки. Мы проѣхали весь городъ до калужской заставы, не встрѣтивъ ни одного живаго суще-

Digitized by Google

ства. Только видѣли два, три трупа французскихъ солдатъ, валявшихся на берегу Яузы. — Великолѣпная гробница! — сказалъ я, обратившись къ московскимъ развалинамъ: — въ тебѣ похоронены величіе и сила небывалаго отъ вѣка военнаго генія; но изъ тебя возстанетъ новая могущественная жизнь, тебя оградитъ новая нравственная твердыня, чрезъ которую ни одинъ врагъ не посмѣетъ отнынѣ перейдти; да увѣрится онъ, что для русскаго нѣтъ невозможной жертвы, когда ему нужно спасать честь и независимость родины.

Мы остановились въ селеніи Троицкомъ (имѣніи моего товарища Ардал.), помнится, верстахъ въ трехъ отъ Москвы. Въ домѣ нашли мы величайшій безпорядокъ; казалось, непріятель только что его оставилъ. Зеркала были разбиты, фортепьяно разломано, уцѣлѣвшее платье, въ томъ числѣ и мальтійскій мундиръ покойнаго помѣщика, которое не годилось въ дѣло, валялось по полу. Въ Троицкомъ прожили нѣсколько дней; здѣсь, казалось, укрывался я въ совершенной безопасности отъ поисковъ. Мы ѣздили разъ въ Москву, посмотрѣть, что тамъ дѣлается. Народъ съ каждымъ днемъ прибывалъ въ нее; строились противъ гостинаго двора и на разныхъ рынкахъ балаганы и досчатыя лавочки; торговля зашевелилась. Дымились на

Digitized by Google

улицахъ кучи навоза, зажженныя для огражденія отъ заразы мертвыхъ тѣлъ.

Намъ, съ товарищами, надо было еще объѣхать деревни Ардал., которыя находились въ Московской губерніи, въ ближайшихъ уѣздахъ, помнится, Звенигородскомъ и Дмитровскомъ, и собрать оброки, потому что молодой помѣщикъ, отправлявшійся въ армію, былъ совершенно безъ денегъ. Казалось, время для такого сбора, по случаю военной невзгоды, тяжело налегшей на эти края, было самое неблагопріятное. Напротивъ того, крестьяне этихъ уѣздовъ собрали богатую дань съ непріятелей, взявшихъ ее съ Москвы: почти у каждаго мужичка были деньги, серебряные или золотые часы, богатыя матеріи, сукна, головы сахару и пр. Крестьяне вездѣ встрѣчали своего молодаго господина съ хлѣбомъ и солью, и немедленно вносили ему оброкъ, даже часть впередъ. Только въ одной деревнѣ они немного заупрямились, но мы, трое юношей (и на меня надѣли гусарскій ментикъ, и меня опоясали саблею), на сходкѣ загремѣли саблями, и буйныя головы немедленно съ повинною преклонились передъ грозными воинами, у которыхъ еще усъ не пробивался. Морозы уже наступали; разъ, въ дорогѣ, желая согрѣться, я пошолъ пѣшкомъ, и,

Digitized by Google

отставши отъ товарищей, едва не замерзъ въ виду какой-то господской великолѣпной дачи, совершенно опустѣлой. Только что возвратились мы въ Троицкое, и собирались уже на другой день отправиться въ главную квартиру арміи (это было поздно вечеромъ), какъ вбѣжалъ ко мнѣ въ комнату хозяинъ и объявилъ, что пріѣхалъ мой отецъ. Не зная, что дѣлать, я спрятался въ *людскую*. Тутъ, подлѣ меня лежала на смертномъ одрѣ какая-то старушка: я слышалъ предсмертный колоколецъ; первый разъ въ жизни видѣлъ я, какъ человѣкъ умираетъ. Лихорадка трясла меня, но не отъ этого зрѣлища, а отъ страху, что отецъ узналъ мое убѣжище и пріѣхалъ исторгнуть меня изъ него, чтобы вновь тѣснѣе связать мою волю. Но вскорѣ я услышалъ его голосъ, нѣжный, выходящій изъ любящей души: — «Пускай покажется Ваня — говорилъ онъ — пускай придетъ; я его прощаю, я самъ благословлю его на службу». — Тутъ, не колеблясь ни минуты, бросился я въ его объятія, цаловалъ его руки, обливалъ ихъ слезами. Съ груди моей свалился камень. Это была одна изъ счастливѣйшихъ минутъ моей жизни.

На другой день отецъ повезъ меня въ Москву и представилъ бѣглеца московскому гражданскому

Digitized by Google

губернатору Обрѣз., который возвратился въ столицу съ должностными чинами. (Онъ стоялъ тогда въ Леонтьевскомъ переулкѣ). Губернаторъ, въ присутствіи многихъ лицъ, сдѣлалъ мнѣ строгій выговоръ, что я огорчилъ родителей своимъ побѣгомъ, но приказалъ однакожъ тотчасъ выдать мнѣ служебное свидѣтельство, и вручилъ мнѣ рекомендательное письмо къ главному начальнику московскаго ополченія. Вскорѣ пріѣхалъ я въ московское ополченіе офицеромъ, и черезъ нѣсколько дней былъ переведенъ въ московскій гренадерскій полкъ. Счастіе мнѣ улыбнулось: начальникъ 2-й гренадерской дивизіи, принцъ мекленбургскій Карлъ, взялъ меня къ себѣ въ адъютанты.

Вотъ какъ 12-й великій годъ завербовалъ меня въ свои новобранцы.

Digitized by Google

Digitized by Google

ЗНАКОМСТВО МОЕ СЪ ПУШКИНЫМЪ.

(Изъ моихъ памятныхъ записокъ).

Digitized by Google

Digitized by Google

ЗНАКОМСТВО МОЕ СЪ ПУШКИНЫМЪ.

Puis, moi, j'ai servi le grand homme?
Le Vieux Caporal.

Въ августѣ 1819 года пріѣхалъ я въ Петербургъ и остановился въ домѣ графа Остермана-Толстаго, при которомъ находился адъютантомъ. Домъ этотъ на Англійской набережной, недалеко отъ Сената. Въ то время былъ онъ замѣчателенъ своими цѣльными зеркальными стеклами, которыя еще считались тогда большою рѣдкостію, и своею бѣлою залой. Въ ней стояли, на одномъ концѣ, бюстъ Императора Александра Павловича и по обѣимъ сторонамъ его, мастерски изваянные изъ мрамора, два гренадера лейбъ-гвардіи Павловскаго полка. На другомъ концѣ залы возвышалась

Digitized by Google

на пьедесталѣ фарфоровая ваза, драгоцѣнная сколько по живописи и сюжету, на ней изображенному, столько и высокому значенію ея. Она была подарена графу Его Величествомъ, въ замѣнъ знаменитаго сосуда, который *благодарная* Богемія поднесла, *за спасеніе ея*, герою кульмской битвы, и который графъ съ такимъ смиреніемъ и благочестіемъ передалъ въ церковь Преображенскаго полка. Въ этомъ домѣ была тоже библіотека, о которой стоитъ упомянуть. Въ ней находились всѣ творенія о военномъ дѣлѣ, какія могли только собрать до настоящаго времени. Она составлялась по указаніямъ генерала Жомини. Украшеніемъ дома было также высокое созданіе Торвальдсена, изображавшее графиню Е. А. Остерманъ-Толстую въ полулежащемъ положеніи: мраморъ въ одеждѣ ея, казалось, сквозилъ, а въ формахъ дышалъ жизнью.

Мы (я и прапорщикъ сибирскаго гренадерскаго полка Д., нынѣ генералъ-лейтенантъ и командиръ дивизіи) ѣхали по Петербургу не главными улицами его. Къ тому жъ въ четвероместной нашей каретѣ стояла противъ насъ клѣтка съ орломъ, ради чего мы сочли за благо спустить сторы у оконъ. Въѣхали мы въ домъ со стороны Галерной, на которую выходилъ задній фасъ его. И потому

Digitized by Google

я не могъ сдѣлать заключеніе о городѣ, въ которомъ никогда не бывалъ.

Только что я успѣлъ выйдти изъ экипажа, графъ прислалъ за мною. Онъ стоялъ на балконѣ, выходящемъ на Неву. Помню, вечеръ былъ дивный. Солнце ушло уже одною половиною своею за край земли, другою золотило и румянило рои носившихся около него пушистыхъ облачковъ.— «Ты не бывалъ еще въ Петербургѣ—посмотри...» сказалъ мнѣ графъ съ какою-то гордостью, указывая *единственною* рукой своею на Неву. Казалось, онъ мановеніемъ этой руки раскрылъ для меня новый, прекрасный міръ.

Петербургъ тогда былъ далеко не тѣмъ, что онъ теперь, но и тогда видъ на голубоводную, широкую Неву, съ ея кораблями, набережными, академіей, биржей и адмиралтействомъ, привелъ меня въ восторгъ. Я бывалъ въ Берлинѣ, Лейпцигѣ, Кассельѣ, Кенигсбергѣ и Парижѣ, но ни одинъ изъ этихъ городовъ не сдѣлалъ на меня такого впечатлѣнія. Правда, когда я въ первый разъ увидалъ Парижъ, я ощутилъ невыразимо высокое чувство, но надо прибавить, что это было въ вечеръ 18 марта 1814 года, что я увидалъ городъ съ высотъ Монмартра, при утихавшемъ громѣ нашихъ орудій, при радостныхъ кликахъ:

Digitized by Google

ура! Въ эти минуты я вспомнилъ пожаръ Москвы, вспомнилъ, какъ я мѣсилъ снѣжные сугробы литовскіе, спотыкаясь о замершіе трупы, при жестокихъ морозахъ, захватывавшихъ дыханіе, въ походной шинели, сквозь которую вѣтеръ дулъ, какъ сквозь сѣтку рѣшета. Еще живо представлялась мнѣ великая и ужасная картина Березины, взломанной бѣгущею арміей. Какъ будто духъ Божій хотѣлъ показать на этомъ мѣстѣ всю силу своего гнѣва — взорвалъ рѣку съ основанія ея и, со всѣмъ, что на ней засталъ живаго, оледенилъ ее вдругъ своимъ дуновеніемъ. Среди обломковъ колесъ и осей, изорванной и окровавленной одежды, труповъ лошадей, руки, поднятыя изо льдинъ и какъ будто еще молящія о спасеніи или угрожающія, лики мертвецовъ, съ оледенѣвшими волосами, искривленные, съ бѣшенствомъ проклятія или съ улыбкою новой жизни на устахъ *), а кругомъ снѣжная, съ тощимъ кустарникомъ, степь, подернутая вечернимъ полусумракомъ. Ни одного звука на этомъ ледяномъ кладбищѣ, кромѣ стука отъ подковъ моей лошади, пугливо ступающей между мертвецами; ни одной живой души, кромѣ

*) Я проѣзжалъ Березину спустя немного дней послѣ переправы черезъ нее непріятеля.

Digitized by Google

меня, съ (бывшимъ) дядькой моимъ, который весь трясется и жутко озирается. Все это живо представилось мнѣ на монмартрскихъ высотахъ. Теперь я только что вышелъ изъ огня сраженія, изъ-подъ свиста пуль, цѣлъ, невредимъ — и передо мною, у ногъ моихъ, растилалась столица Франціи.... О ней могъ я только мечтать во снѣ, и вотъ, завтра же, вступаю въ нее съ побѣдоносною арміей.... О! это чувство было высокое, восторженное, но его произвело не зрѣлище красоть Парижа, а стеченіе обстоятельствъ, приведшихъ меня къ нему—обстановка этого зрѣлища. Чувство это было совсѣмъ не то, которое наполнило душу мою при взглядѣ на родной городъ, созданный геніемъ великаго Петра, возвеличенный и украшенный его преемниками. — Прекрасно! чудно! — могъ я только сказать графу.

Посвятивъ недѣли двѣ на осмотръ всего, что было замѣчательнаго въ Петербургѣ, я предался глубокому уединенію, какое только позволяла мнѣ служба. Въ это время готовилъ я къ печати свои «Походныя Записки», въ которыхъ столько юношеской восторженности и столько реторики. Признаюсь, писавши ихъ, я еще боялся отступить отъ кодексовъ Рижскаго и братіи его, столь твердо выученныхъ мнѣ профессоромъ Москов-

Digitized by Google

скаго Университета По*. — Счастливъ, кто забылъ свою реторику! — сказалъ кто-то весьма справедливо. — Увы! я еще не забылъ ее тогда.... Въ это же время графъ поручилъ мнѣ привесть свою военную библіотеку въ порядокъ и составить ей каталогъ.

Говоря о библіотекѣ, невольно вспоминаю посѣщеніе ея однимъ изъ замѣчательныхъ людей своего времени, который отличался сколько умомъ, столько и странностями. Это былъ генералъ отъ инфантеріи, князь В., командовавшій нѣкогда войсками, въ Оренбургскомъ краѣ расположенными; онъ народировалъ во многомъ Суворова; я зналъ его ужъ въ преклонныхъ лѣтахъ. Онъ ходилъ и ѣздилъ по Петербургу съ непокрытою головой въ самые жестокіе морозы, иногда съ морковью въ рукѣ. Графъ Остерманъ-Толстой видалъ его изрѣдка у себя. Помню, что въ одно изъ этихъ посѣщеній, вставши изъ-за стола, хозяинъ дома позвалъ князя и бывшаго тутъ же графа М. А. Милорадовича (тогдашняго генералъ-губернатора петербургскаго) въ свою библіотеку. Здѣсь старикъ-младенецъ, казалось, переродился, какъ будто взглядъ на военныя книги произвелъ въ немъ гальваническое потрясеніе. Онъ самъ сдѣлался живымъ военнымъ словаремъ. Многихъ и

Digitized by Google

многихъ извѣстныхъ писателей, отъ Ксенофонта до нашихъ дней, перебралъ онъ критически, съ цитатами изъ нихъ, называя подробно и точно лучшія ихъ изданія. Всѣ тутъ присутствовавшіе были удивлены его бойкими сужденіями и необыкновенною памятью. Еслибъ я закрылъ въ то время глаза, то не повѣрилъ бы, что слушаю того старика-младенца, котораго встрѣчалъ нерѣдко на улицахъ въ жестокіе морозы, съ непокрытою головой.

Оставивши князя В. въ нижнемъ этажѣ, хозяинъ повелъ графа Милорадовича въ верхній, чтобы показать ему дѣлаемыя тамъ великолѣпныя перестройки. — «Боже мой! какъ это хорошо! — сказалъ графъ Милорадовичъ, осматривая вновь отдѣланныя комнаты. — А знаете ли? — прибавилъ онъ смѣясь: — я отдѣлываю тоже и убираю, какъ можно лучше, комнаты въ домѣ — только въ казенномъ, гдѣ содержатся за долги. Тутъ много эгоизма съ моей стороны: неравно придется мнѣ самому сидѣть въ этомъ домѣ». — Дѣйствительно, этотъ *рыцарь безъ страха и упрека*, отличавшійся, подобно многимъ генераламъ того времени, своею оригинальностію, щедро *даривший* своимъ солдатамъ колонны непріятельскія, и также щедро разсыпавшій деньги (прибавить надо, мно-

Digitized by Google

го *на добро*), всегда былъ въ неоплатныхъ долгахъ, не смотря на щедроты, которыя часто изливались на него государемъ.

Какъ я сказалъ выше, жизнь моя въ Петербургѣ проходила въ глубокомъ уединеніи. Въ театръ ѣздилъ я рѣдко. Хотя имѣлъ годовой билетъ моего генерала, отданный въ полное мое владѣніе, я передавалъ его иногда Н. И. Г. — «Кого это пускаешь ты въ мои кресла?» — спросилъ меня однажды графъ Остерманъ-Толстой съ видимымъ неудовольствіемъ. Я объяснилъ ему, что уступаю ихъ извѣстному литератору и журналисту. — «А! если такъ — сказалъ графъ — можешь и впередъ отдавать ему мои кресла». — Говорю объ этомъ случаѣ для того только, чтобы показать, какъ вельможи тогдашніе уважали литераторовъ.

Со многити изъ писателей того времени, болѣе или менѣе извѣстныхъ, знакомъ я былъ до пріѣзда моего въ Петербургъ, съ иными сблизился въ интересныя эпохи десятыхъ годовъ. С. Н. Глинку узналъ я въ 1812 году, на Поклонной горѣ: восторженнымъ юношей слушалъ я, какъ онъ одушевлялъ народъ московскій къ защитѣ первопрестольнаго города. Съ братомъ его, Ѳедоромъ Николаевичемъ, познакомился я въ колоніи гернгутеровъ, въ Силезіи, во время перемирія 1813

Digitized by Google

года и скрѣпилъ пріязнь съ нимъ около костровъ нашихъ биваковъ въ Германіи и Франціи. Никогда не забуду уморительныхъ, исполненныхъ сарказма и остротъ, разсказовъ и пародій поэта-партизана Д. В. Давыдова. Хлеснетъ иногда въ кого арканомъ своей насмѣшки, и тотъ летитъ кувыркомъ съ коня своего. Этому также не надо было для бритья употреблять бритву, какъ говорили про другаго извѣстнаго остряка,—стоило ему только поводить языкомъ своимъ. Часто слышалъ я его въ городкѣ Нимтшѣ, въ Силезіи, въ садикѣ одного изъ тамошнихъ бюргеровъ, гдѣ собирался у дяди Дениса Васильевича и корпуснаго нашего командира, Н. Н. Раевскаго, близкій къ нему кружокъ. Съ азіатскимъ обликомъ, съ маленькими глазами, бросающими искры, съ чорною, какъ смоль, бородой, изъ-подъ которой видѣнъ побѣдоносецъ Георгій, съ брюшкомъ, легко затянутымъ ремнемъ,—будто и теперь его въ очи вижу и внимаю его остроумной бесѣдѣ. Хохочутъ генералы и прапорщики. Раевскій, въ глубокомъ раздумьи, можетъ быть занесенный своими мыслями на какое-нибудь поле сраженія, чертитъ хлыстикомъ какія-то фигуры по песку; но и тотъ, прислушиваясь къ разсказу, воспрянулъ: онъ смѣется, увлеченный общимъ смѣхомъ, и, какъ добрый отецъ, радостнымъ взо-

Digitized by Google

ромъ обводитъ военную семью свою *). Батюшкову пожалъ я въ первый и послѣдній разъ братски руку въ бѣдной избушкѣ подъ Бріенномъ. Въ эту самую минуту грянула вѣстовая пушка. Извѣстно военнымъ того времени, что генералъ Раевскій, при которомъ онъ тогда находился адъютантомъ, не любилъ опаздывать на такіе вызовы. Поскакалъ генералъ, и вслѣдъ за нимъ его адъютантъ, пославъ мнѣ съ коня своего прощальный поцалуй. И подлинно это былъ прощальный привѣтъ, и навсегда.... Съ тѣхъ поръ я ужъ не видалъ его. Съ А. Ѳ. Воейковымъ познакомился я въ зиму 1814—15 года, въ Дерптѣ, гдѣ квартировалъ штабъ нашего полка. Можно сказать, что онъ съ каѳедры своей читалъ въ пустынѣ: на лекціи его приходило два, три студента, да иногда человѣка два нашихъ офицеровъ или наши гене-

*) Братъ мой имѣлъ честь находиться при немъ на ординарцахъ во время мыршей по Германіи и въ лейпцигской битвѣ и много порасказалъ мнѣ о немъ. Николай Николаевичъ никогда не суетился въ своихъ распоряженіяхъ: въ самомъ пылу сраженія отдавалъ приказанія спокойно, толково, ясно, какъ будто былъ у себя дома; всегда разспрашивалъ исполнителя, такъ ли понято его приказаніе, и если находилъ, что оно недостаточно понято, повторялъ его безъ серица, называя всегда посылаемаго адъютанта или ординарца, голубчикомъ или другими ласковыми именами. Онъ имѣлъ особый даръ привязывать къ себѣ подчиненныхъ.

Digitized by Google

ралы Полуектовъ и Кнорринъ. У него узналъ я Жуковскаго, гостившаго тогда въ его семействѣ. Оба посѣщали меня иногда. Горжусь постоянно добрымъ расположеніемъ ко мнѣ Василія Андреевича. Съ княземъ П. А. Вяземскимъ имѣлъ я случай нерѣдко видѣться *замѣчательною* весною 1818 года, въ Варшавѣ. Здѣсь, за дворцовой трапезой, на которую приходила вся свита Государя Императора, между прочими графъ Каподистрія и другія знаменитости того времени, сидѣлъ я почти каждый день рядомъ съ А. И. Даниловскимъ – Михайловскимъ, вступившемъ уже тогда на поприще военнаго писателя. Здѣсь же учился я многому изъ литературныхъ бесѣдъ остроумнаго Жихарева, котораго интересные мемуары помѣщаются нынѣ въ «Отечественныхъ Запискахъ». Но я еще нигдѣ не успѣлъ видѣть молодаго Пушкина, издавшаго уже въ зиму 1819—20 года «Руслана и Людмилу», Пушкина, котораго мелкія стихотворенія, наскоро, на лоскуткахъ бумаги, карандашомъ переписанныя, разлетались въ нѣсколько часовъ огненными струями во всѣ концы Петербурга и въ нѣсколько дней Петербургомъ вытверживались наизусть, — Пушкина, котораго слава росла не по днямъ, а по часамъ. Между тѣмъ я былъ одинъ изъ востор-

Digitized by Google

жонныхъ его поклонниковъ. Слѣдующій необыкновенный случай доставилъ мнѣ его знакомство. Разсказъ объ этомъ случаѣ прибавитъ нѣсколько замѣчательныхъ строчекъ къ его біографіи. Долженъ я также засвидѣтельствовать, что всѣ лица, бывшія въ немъ главными дѣятелями (кромѣ историка, вашего покорнаго слуги), уже давно померли, и потому могу говорить о нихъ свободно.

Квартира моя въ домѣ графа Остермана-Толстаго выходила на Галерную. Я занималъ въ нижнемъ этажѣ двѣ комнаты, но первую отъ входа уступилъ пріѣхавшему за нѣсколько дней до того времени, которое описываю, маіору NN, служившему въ штабѣ одной изъ дивизій ...аго корпуса, которымъ командовалъ графъ. NN былъ малороссъ, учился, какъ говорятъ, на мѣдныя деньги и образованъ по вѣсу и цѣнѣ металла. Наружность его соотвѣтствовала внутреннимъ качествамъ: онъ былъ очень плѣшивъ и до крайности румянъ; послѣднимъ достоинствомъ онъ очень занимался и черезъ него считалъ себя неотразимымъ побѣдителемъ женскихъ сердецъ. Игрою густыхъ своихъ эполетъ онъ особенно щеголялъ, полагая, что отъ блеска ихъ, какъ отъ лучей солнечныхъ, разливается свѣтъ на все, его окружающее, и едва ли не на весь городъ. Мы прозва-

Digitized by Google

ли его дятломъ, на котораго онъ и наружно и привычками былъ похожъ, потому что безъ всякой надобности долбилъ своимъ подчиненнымъ десять разъ одно и тоже. Кругъ своей литературы ограничилъ онъ «Бѣдною Лизой» и «Островомъ Борнгольмомъ», изъ котораго особенно любилъ читать вслухъ: «Законы осуждаютъ предметъ моей любви», да нѣсколькими пѣснями изъ «Русалки». Къ театру былъ пристрастенъ, и болѣе всего любилъ воздушные пируэты въ балетахъ; но не имѣлъ много случаевъ быть въ столичныхъ театрахъ, потому что жизнь свою провелъ большею частію въ провинціяхъ. Любилъ онъ также покушать. Разсказываютъ, что во время отдыха на походахъ не иначе можно было разбудить его, какъ вложивши ему ложку въ ротъ. Вы могли толкать, тормошить его, сколько силъ есть—ничто не дѣйствовало, кромѣ ложки. Впрочемъ былъ *добрый малый*. Мое товарищество съ нимъ ограничивалось служебными обязанностями и невольнымъ сближеніемъ по квартирѣ.

Въ одно *прекрасное* (помнится, зимнее) утро—было ровно три четверти восьмаго — только что успѣвъ окончить свой военный туалетъ, я вошолъ въ сосѣднюю комнату, гдѣ обиталъ мой маіоръ,

Digitized by Google

чтобъ приказать подавать чай. NN не было въ это время дома; онъ уходилъ смотрѣть, все ли исправно на графской конюшнѣ. Только что я ступилъ въ комнату, изъ передней вошли въ нее три незнакомыя лица. Одинъ былъ очень молодой человѣкъ, худенькій, небольшаго роста, курчавый, съ *арабскимъ профилемъ*, во фракѣ. За нимъ выступали два молодца красавца, кавалерійскіе гвардейскіе офицеры, погремыхивая своими шпорами и саблями. Одинъ былъ адъютантъ; помнится, я видѣлъ его прежде въ обществѣ любителей просвѣщенія и благотворенія; другой — фронтовой офицеръ. Статскій подошолъ ко мнѣ и сказалъ мнѣ тихимъ, вкрадчивымъ голосомъ: «Позвольте васъ спросить, здѣсь живетъ NN?»— «Здѣсь—отвѣчалъ я—но онъ вышелъ куда-то, и я велю сейчасъ позвать его». Я только хотѣлъ это исполнить, какъ вошолъ самъ NN. При взглядѣ на воинственныхъ ассистентовъ статскаго посѣтителя онъ видимо смутился, но вскорѣ оправился и принялъ также марціальную осанку. «Что вамъ угодно?»—сказалъ онъ статскому довольно сухо. — «Вы это должны хорошо знать — отвѣчалъ статскій—вы назначили мнѣ быть у васъ въ восемь часовъ (тутъ онъ вынулъ часы); до восьми остается еще четверть часа. Мы имѣемъ время

Digitized by Google

выбрать оружіе и назначить мѣсто...» Все это было сказано тихимъ, спокойнымъ голосомъ, какъ будто дѣло шло о назначеніи пріятельской пирушки. NN мой покраснѣлъ какъ ракъ и, запутываясь въ словахъ, отвѣчалъ: «Я не за тѣмъ звалъ васъ къ себѣ... я хотѣлъ вамъ сказать, что молодому человѣку, какъ вы, нехорошо кричать въ театрѣ, мѣшать своимъ сосѣдямъ слушать піесу, что это неприлично...»—«Вы эти наставленія читали мнѣ вчера при многихъ слушателяхъ — сказалъ болѣе энергическимъ голосовъ статскій: —я ужъ не школьникъ, и пришолъ переговорить съ вами иначе. Для этого не нужно много словъ: вотъ мои два секунданта; этотъ господинъ военный (тутъ указалъ онъ на меня), онъ не откажется, конечно, быть вашимъ свидѣтелемъ. Если вамъ угодно...» NN не далъ ему договорить. «Я не могу съ вами драться—сказалъ онъ:—вы молодой человѣкъ, неизвѣстный, а я штабъ-офицеръ...» При этомъ оба офицера засмѣялись; я поблѣднѣлъ и затрясся отъ негодованія, видя глупое и унижонное положеніе, въ которое поставилъ себя мой товарищъ, хотя вся эта сцена была для меня загадкой. Статскій продолжалъ твердымъ голосомъ: «Я русскій дворянинъ, Пушкинъ: это заствидѣтельствуютъ мои спутники, и

Digitized by Google

потому вамъ не *стыдно* будетъ имѣть со мною дѣло.»

При имени *Пушкина* блеснула въ головѣ моей мысль, что передо мною стоитъ молодой поэтъ, таланту котораго ужъ самъ Жуковскій поклонялся, корифей всей образованной молодежи Петербурга, и я спѣшилъ спросить его: Не Александра ли Сергѣевича имѣю честь видѣть передъ собою?

— Меня такъ зовутъ — сказалъ онъ, улыбаясь.

— Пушкину — подумалъ я — Пушкину, автору «Руслана и Людмилы», автору столькихъ прекрасныхъ мелкихъ стихотвореній, которыя мы такъ восторженно затвердили, будущей надеждѣ Россіи, погибнуть отъ руки какого-нибудь NN, или убить какого-нибудь NN и жестоко пострадать... нѣтъ, этому не быть! Во что бъ ни стало, устрою мировую, хотя бъ и пришлось немного покривить душой.

— Въ такомъ случаѣ — сказалъ я по-французски, чтобы не понялъ нашего разговора NN, который не зналъ этого языка: — позвольте мнѣ принять живое участіе въ вашемъ дѣлѣ съ этимъ господиномъ, и потому прошу васъ объяснить мнѣ причину вашей ссоры.

Digitized by Google

Тутъ одинъ изъ ассистентовъ разсказалъ мнѣ, что Пушкинъ наканунѣ былъ въ театрѣ, гдѣ на бѣду судьба посадила его рядомъ съ NN. Играли пустую піесу, играли, можетъ быть, и дурно. Пушкинъ зѣвалъ, шикалъ, говорилъ громко: «несносно!» Сосѣду его піеса, по видимому, очень нравилась. Сначала онъ молчалъ, потомъ, выведенный изъ терпѣнія, сказалъ Пушкину, что онъ мѣшаетъ ему слушать піесу. Пушкинъ искоса взглянулъ на него и принялся шумѣть по прежнему. Тутъ NN объявилъ своему неугомонному сосѣду, что попроситъ полицію вывесть его изъ театра.

— Посмотримъ—отвѣчалъ хладнокровно Пушкинъ, и продолжалъ повѣсничать.

Спектакль кончился, зрители начали расходиться. Тѣмъ и должна была бы кончиться ссора нашихъ противниковъ. Но мой витязь не терялъ изъ виду своего незначительнаго сосѣда и остановилъ его въ корридорѣ.

— Молодой человѣкъ — сказалъ онъ, обращаясь къ Пушкину, и вмѣстѣ съ этимъ поднялъ свой указательный палецъ:—вы мѣшали мнѣ слушать піесу... это неприлично, это невѣжливо.

— Да я не старикъ—отвѣчалъ Пушкинъ:—но, господинъ штабъ–офицеръ, еще невѣжливѣе здѣсь

Digitized by Google

и съ такимъ жестомъ говорить мнѣ это. Гдѣ вы живете?

NN сказалъ свой адресъ и назначилъ пріѣхать къ нему въ восемь часовъ утра. Не былъ ли это настоящій вызовъ?...

— Буду — отвѣчалъ Пушкинъ. Офицеры разныхъ полковъ, услышавъ эти переговоры, обступили было противниковъ; сдѣлался шумъ въ коридорѣ, но, по слову Пушкина, все затихло и спорившіе разошлись безъ дальнѣйшихъ приключеній.

Вы видите, что ассистентъ Пушкина не скрылъ и его вины, объяснивъ мнѣ вину его противника. Вотъ этотъ-то узелъ предстояло мнѣ развязать, сберегая между тѣмъ голову и честь Пушкина.

— Позвольте переговорить съ этимъ господиномъ въ другой комнатѣ — сказалъ я военнымъ посѣтителямъ. Они кивнули мнѣ въ знакъ согласія. Когда я остался вдвоемъ съ NN, я спросилъ его, такъ ли было дѣло въ театрѣ, какъ разсказалъ мнѣ одинъ изъ офицеровъ. Онъ отвѣчалъ, что дѣло было такъ. Тогда я началъ доказывать ему всю необдуманность его поступковъ; представилъ ему, что онъ самъ былъ кругомъ виноватъ, затѣявъ вновь ссору съ молодымъ, неизвѣстнымъ ему человѣкомъ, при выходѣ изъ театра, когда

Digitized by Google

эта ссора кончилась ничѣмъ; говорилъ ему, какъ дерзка была его угроза пальцемъ и глупы его наставленія, и что, сдѣлавъ формальный вызовъ, чего онъ, конечно, не понялъ, надо было или драться, или извиниться. Я прибавилъ, что Пушкинъ сынъ знатнаго человѣка (что онъ извѣстный поэтъ, этому господину было бы ни почемъ). Всѣ убѣжденія мои сопровождалъ я описаніемъ ужасныхъ послѣдствій этой исторіи, если она разомъ не будетъ порѣшена. «Въ противномъ случаѣ — сказалъ я:—иду сейчасъ къ генералу нашему, тогда... ты знаешь его: онъ шутить не любитъ». Признаюсь, я потратилъ ораторскаго пороху довольно, и не даромъ. NN убѣдился, что онъ виноватъ, и согласился просить извиненія. Тутъ, не давъ опомниться маіору, я ввелъ его въ комнату, гдѣ дожидались насъ Пушкинъ и его ассистенты, и сказалъ ему: «Господинъ NN считаетъ себя виноватымъ передъ вами, Александръ Сергѣевичъ, и въ опрометчивомъ движеніи и въ необдуманныхъ словахъ при выходѣ изъ театра; онъ не имѣлъ намѣренія ими оскорбить васъ.

— Надѣюсь, это подтвердитъ самъ господинъ NN — сказалъ Пушкинъ. NN извинился... и протянулъ было Пушкину руку, но тотъ не подалъ ему своей, сказавъ только: «Извиняю», и

Digitized by Google

удалился съ своими спутниками, которые очень любезно простились со мною.

Скажу откровенно, подвигъ мой испортилъ мнѣ много крови въ этотъ день—по какимъ причинамъ, вы угадаете сами. Но теперь, когда прошло тому тридцать шесть лѣтъ, я доволенъ, я счастливъ, что на долю мою пришлось совершить его. Если бъ я не былъ такой жаркій поклонникъ поэта, уже и тогда предрекавшаго свое будущее величіе; если бъ на мѣстѣ моемъ былъ другой, не столь мягкосердый служитель музъ, а чорствый, бранолюбивый воинъ, который, вмѣсто того, чтобы потушить пламя раздора, старался бы еще болѣе раздуть его; если бъ я повелъ дѣло *иначе*, перешолъ только черезъ дворъ къ *одному* лицу, можетъ быть Пушкина не стало бъ еще въ концѣ 1819 года, и мы не имѣли бы тѣхъ великихъ произведеній, которыми онъ подарилъ насъ впослѣдствіи. Да, я доволенъ своимъ дѣломъ, хорошо или дурно оно было исполнено. И я нынѣ могу сказать, какъ старый капралъ Беранже:

Puis, moi, j'ai servi le grand homme!

Обязанъ прибавить, что до смерти Пушкина и NN, я ни разу не проронилъ слова объ этомъ происшествіи. Были маленькія непріятности у NN въ театрахъ съ военными, вѣроятно, послѣдствія

Digitized by Google

этой исторіи, но онѣ скоро кончились тѣмъ, что мой маіоръ (начинавшій было угрожать заочно Пушкину какими-то не очень рыцарскими угрозами), по моему убѣжденію, весьма сильному, ускакалъ скоро изъ Петербурга.

Черезъ нѣсколько дней увидалъ я Пушкина въ театрѣ: онъ первый подалъ мнѣ руку, улыбаясь. Тутъ я поздравилъ его съ успѣхомъ «Руслана и Людмилы», на что онъ отвѣчалъ мнѣ: «О! это первые грѣхи моей молодости!»

— Сдѣлайте одолженіе, вводите насъ почаще такими грѣхами въ искушеніе — отвѣчалъ я ему.

По выходѣ въ свѣтъ моего «Новика» и «Ледянаго Дома», когда Пушкинъ былъ въ апогеѣ своей славы, спѣшилъ я послать къ нему оба романа, въ знакъ моего уваженія къ его высокому таланту. Пріятель мой, которому я поручалъ передать ему «Новика», писалъ ко мнѣ по этому случаю 19-го сентября 1832 года: «Благодарю васъ за случай, который вы мнѣ доставили, увидѣть Пушкина. Онъ оставилъ самые пріятные слѣды въ моей памяти. Съ любопытствомъ смотрѣлъ я на эту небольшую, худенькую фигуру, и не вѣрилъ, какъ онъ могъ быть забіякой.... На лицѣ Пушкина написано, что у него тайнаго ничего нѣтъ. Разговаривая же съ нимъ, замѣчаешь, что у него есть

Digitized by Google

тайна—его прелестный умъ и знанія. Ни блестокъ, ни жеманства въ этомъ князѣ русскихъ поэтовъ. Поговоря съ нимъ, только скажешь: «онъ умный человѣкъ. Такая скромность ему прилична.» Совѣстно мнѣ повторить слова, которыми подарилъ меня Пушкинъ при этомъ случаѣ; но, перечитывая ихъ нынѣ, горжусь ими. Отчегожъ не погордиться похвалою Пушкина?...

Узнавъ, что онъ занимается исторіей Пугачовскаго бунта, я препроводилъ къ нему рѣдкій экземпляръ Рычкова. Вслѣдствіе этихъ посылокъ я получилъ отъ него письмо, которое здѣсь помѣщаю. Все лестное, сказанное мнѣ въ этомъ посланіи, принимаю за радушное привѣтствіе; но мнѣ всего пріятнѣе, что великій писатель почтилъ мое произведеніе своею критикой, а ею онъ не всякаго удостоивалъ, какъ замѣчено было недавно и въ одной изъ біографій его. Вотъ это письмо, которое храню, какъ драгоцѣнность, вмѣстѣ со спискомъ моего отвѣта:

«Милостивый государь,

Иванъ Ивановичъ!

«Во-первыхъ долженъ я просить у васъ прощеніе за мѣдленность *) и неисправность свою.

*) Такъ писалъ это слово Пушкинъ.

Digitized by Google

Портретъ Пугачова получилъ мѣсяцъ тому назадъ, и возвратясь изъ деревни узналъ я, что до сихъ поръ экземпляръ его исторіи вамъ не доставленъ. Возвращаю вамъ рукопись Рычкова, коей пользовался я по вашей благосклонности.

Позвольте, милостивый государь, благодарить васъ теперь за прекрасные романы, которые всѣ мы прочли съ такою жадностію и съ такимъ наслажденіемъ. Можетъ быть, въ художественномъ отношеніи, «Ледяной Домъ» и выше «Послѣдняго Новика», но истина историческая въ немъ не соблюдена, и это со временемъ, когда дѣло Волынскаго будетъ обнародовано, конечно, повредитъ вашему созданію; но поэзія останется всегда поэзіей, и многія страницы вашего романа будутъ жить, доколѣ не забудется русскій языкъ. За Василія Тредьяковскаго, признаюсь, я готовъ съ вами поспорить. Вы оскорбляете человѣка, достойнаго во многихъ отношеніяхъ уваженія и благодарности нашей. Въ дѣлѣ же Волынскаго играетъ онъ лицо мученика. Его донесеніе Академіи трогательно чрезвычайно. Нельзя его читать безъ негодованія на его мучителя. О Биронѣ можно бы также потолковать. Онъ имѣлъ несчастіе быть нѣмцемъ; на него свалили весь ужасъ...., которое было въ духѣ его времени и въ нравахъ на-

Digitized by Google

рода. Впрочемъ онъ имѣлъ великій умъ и великіе таланты.

«Позвольте сдѣлать вамъ филологическій вопросъ, коего разрѣшеніе для меня важно *): въ какомъ смыслѣ упомянули вы слово *хоботъ* въ послѣднемъ вашемъ твореніи и по какому нарѣчію?

«Препоручая себя вашей благосклонности, честь имѣю быть съ глубочайшимъ почтеніемъ,

Милостивый государь,

Вашимъ покорнѣйшимъ слугою

Александръ Пушкинъ.»

3-го ноября 1835 г.

С.-Петербургъ.

Отвѣтъ мой былъ на трехъ листахъ почтовой бумаги. Онъ не можетъ быть напечатанъ по многимъ причинамъ. Во-первыхъ, я крѣпко защищалъ въ немъ историческую истину, которую оспариваетъ Пушкинъ. Прежде чѣмъ писать мои романы, я долго изучалъ эпоху и людей того времени, особенно главныя историческія лица, которыя изображалъ. Напримѣръ, чего не перечиталъ я для своего «Новика» **)! Могу прибавить, я былъ

*) Замѣтьте, какъ Пушкинъ глубоко изучалъ русскій языкъ: ни одно народное слово, котораго онъ прежде не зналъ, не ускользало отъ его наблюденія и изслѣдованія.

**) Все, что сказано мною о Главѣ, воспитанницѣ его, Паткулѣ, даже Бирѣ и Розѣ, и многихъ другихъ лицахъ

Digitized by Google

столько счастливъ, что мнѣ попадались подъ руку весьма рѣдкіе источники. Самую мѣстность, нравы и обычаи страны списывалъ я во время моего двухмѣсячнаго путешествія, которое сдѣлалъ, проѣхавъ Лифляндію вдоль и поперекъ, большею частью по проселочнымъ дорогамъ. Также добросовѣстно изучилъ я главныя лица моего «Ледянаго Дома» на историческихъ данныхъ и достовѣрныхъ преданіяхъ.

Въ отвѣтѣ моемъ я горячо вступился за память моего героя, кабинетъ-министра Волынскаго, который, бывъ губернаторомъ въ Астрахани, оживилъ тамошній край, по назначенію Петра Великаго ѣздилъ посломъ въ Персію и исполнилъ свои обязанности, какъ желалъ царственный геній; въ Немировѣ велъ съ турками переговоры, полезные для Россіи и пр. и пр. На Волынскаго сильные

моего романа, взятъ мною изъ Вебера, Манштейна, жизни графа А. Остермана на нѣмецкомъ 1743 года, Essai critique sur la Livonie par le comte Bray, Бергмана Denkmäler aus der Vorzeit, старинныхъ нѣмецкихъ историческихъ словарей, открытыхъ мною въ библіотекѣ сенатора графа Ѳ. А. Остермана, драгоцѣнныхъ руконсей канцлера графа И. А. Остермана, которыми я имѣлъ случай пользоваться, и, наконецъ, изъ устныхъ преданій маріенбургскаго пастора Рюля и многихъ другихъ на самыхъ мѣстахъ, гдѣ происходили главныя дѣйствія моего романа.

Digitized by Google

враги свалили преступленія, о которыхъ онъ и не помышлялъ и въ которыхъ не имѣлъ средствъ оправдать себя. Пушкинъ указываетъ на дѣло, вѣроятно, слѣдственное. Беспристрастная исторія спроситъ, кѣмъ, при какихъ обстоятельствахъ и отношеніяхъ, оно было составлено, кто были слѣдователи? На него подавалъ жалобу Тредьяковскій—и кого не заставляли подавать на него жалобы! доносили и крѣпостные люди его, бѣлые и арабченки, купленные или страхомъ наказанія или денежною наградой. Впослѣдствіи одинъ сильный авторитетъ, передъ которымъ должны умолкнуть всѣ другіе, читавшій дѣло, на которое указываетъ Пушкинъ, авторитетъ, умѣвшій различать истину отъ клеветы, оправдалъ память умнаго и благороднаго кабинетъ-министра. Въ моемъ романѣ я представилъ его, какимъ онъ былъ—благороднымъ патріотомъ, и такимъ, какимъ были люди того времени, даже въ высшемъ кругу общества, волокитой, гулякой, буйнымъ, самоуправнымъ.

Что касается до защиты Пушкинымъ Тредьяковскаго, источникъ ея, конечно, проистекалъ изъ благороднаго чувства; но смѣю сказать, взглядъ его на тогдашнюю эпоху былъ одностороненъ.... Признаюсь, когда я писалъ «Ледяной Домъ», я

Digitized by Google

еще не зналъ умилительнаго донесенія Василія Кириловича академіи о *причиненныхъ* ему *бесчестіи* и *увѣчьи*. *По истинѣ* Волынской поступилъ съ нимъ жестоко, пожалуй, бесчеловѣчно — прибавить надо, если все то правда, что въ донесеніи написано. Но этотъ поступокъ мелочь передъ тѣми дѣлами, которыя тогда такъ широко и ужасно разыгрывались.... Чтожъ дѣлать? И я крайне скорблю о несчастіи бѣднаго стихотворца, еще болѣе члена академіи де-сіянсъ, которому, можетъ быть, мы обязаны нѣкоторою благодарностію; но отъ уваженія къ его личности да избавитъ меня Богъ! И я негодую на бесчеловѣчный поступокъ Волынскаго, но все-таки уважаю его за полезныя заслуги отечеству и возвышенныя чувства въ борьбѣ съ могучимъ временщикомъ... Увы! сожалѣніямъ и негодованіямъ не будетъ конца, если къ самоуправству надъ Тредьяковскимъ кабинетъ-министра присоединить всѣ оскорбленія, которыя сыпались на голову Василія Кириловича. Грубые нравы того времени, на которые указываетъ самъ Пушкинъ — хотя въ другихъ отношеніяхъ и несправедливо—и, прибавить надо, унизительная личность стихокропателя поставили его въ такое мученическое положеніе. Если тогда обращались такъ дурно съ людьми

Digitized by Google

учоными, образованными въ Парижѣ, писавшими даже французскіе стишки; если въ то время — вспомните, что это было слишкомъ за сто лѣтъ— князья не считали для себя унизительною должность оффиціальнаго шута, негодуйте, сколько угодно, на людей, поступавшихъ такъ жестоко и такъ унижавшихъ человѣчество; но вмѣстѣ съ тѣмъ вините и время *). Негодуйте, если хотите, и на самого писателя, что онъ былъ человѣкъ, какъ и вся раболѣпная толпа, его окружавшая, человѣкъ малодушный, не возвысившійся надъ нею ни на одинъ вершокъ. Но—на *нѣтъ* и суда нѣтъ! Зачѣмъ же дѣлать его благороднымъ, возвышеннымъ мученикомъ? Да и чьимъ, скажу опять, мученикомъ онъ не былъ?... Неохотно долженъ здѣсь привести разсказъ о томъ, какъ унижали бѣднаго Тредьяковскаго и другіе, кромѣ Волынскаго. Привожу здѣсь этотъ разсказъ, потому что отъ меня требуютъ доказательствъ.... Вотъ слова Ив. Вас. Ступишина (лица, весьма значительнаго въ свое время и весьма замѣчательнаго), умер-

*) Прочтите *Семейную Хронику* (Аксакова)—эту живую картину нравовъ послѣднихъ годовъ XVIII столѣтія — и особенно (что ближе къ настоящему предмету моему) стр. 99. Это стоитъ жосткаго обращенія съ Тредьяковскимъ. А время этого происшествія поближе къ намъ!

Digitized by Google

шаго девяносто-лѣтнимъ старцемъ, если не ошибаюсь, въ 1820 году: «Когда Тредьяковскій являлся съ своими одами...., то онъ всегда, по приказанію Бирона, ползъ на колѣняхъ изъ самыхъ сѣней черезъ всѣ комнаты, держа обѣими руками свои стихи на головѣ; такимъ образомъ, доползая до тѣхъ лицъ, передъ которыми долженъ былъ читать свои произведенія, дѣлалъ имъ земные поклоны. Биронъ всегда дурачилъ его и надсѣдался со смѣху.» Не смотря на увѣчья, отъ которыхъ Тредьяковскій ожидалъ себѣ кончины и которыя просилъ освидѣтельствовать, отказался ли онъ писать дурацкіе стихи на дурацкую свадьбу? Нѣтъ, онъ все-таки написалъ ихъ и даже прочолъ, вставъ съ одра смерти.

Свищи весна, свищи красна!

восклицаетъ онъ въ жару піитическаго восторга, и наконецъ повершаетъ свое *сказаніе* такими достопамятными виршами:

Здравствуйте жъ женившись, дуракъ и дурка,
Еще.... то-то и фигурка!

Посмотрите, какъ Тредьяковскій жалуется. «Размышляя—говоритъ онъ въ рапортѣ академіи—о моемъ *напрасномъ* бесчестіи и увѣчьи (за дѣло

Digitized by Google

ничего бы?), раздумалъ по утру, избравъ время, *пасть въ ноги* къ его высокогерцогской свѣтлости и пожаловаться на его превосходительство. Съ симъ намѣреніемъ пришолъ я въ покои къ его высокогерцогской свѣтлости по утру и ожидалъ времени *припасть къ его ногамъ....* » И въ доношеніи графу Разумовскому тоже: « *слезно припадаетъ къ ногамъ его* ».

Если Пушкинъ приписываетъ духу времени и нравамъ народа то, въ чомъ они совсѣмъ неповинны, что никогда не могло быть для нихъ потребностью, почему жъ не сложить ему было на духъ и нравы того времени жестокаго поступка Волынскаго съ кропателемъ стиховъ, который сдѣлался общимъ посмѣяніемъ? Развѣ это жестокое обращеніе, однажды совершонное, тяжелѣй (не говорю больнѣй) того униженія, въ которомъ влачилъ его беспрестанно другой мучитель его? Развѣ потому легче это униженіе, что оно подслащалось нѣкоторыми *эмульсіями* покровителя? Къ тому жъ, если винить одного, зачѣмъ оправдывать другаго, на тѣхъ же данныхъ, въ дѣлахъ, болѣе вопіющихъ?...

Вопросъ другой: долженъ ли я былъ помѣстить Тредьяковскаго въ своемъ историческомъ романѣ? — Долженъ былъ. Мое дѣло было нарисовать

Digitized by Google

вѣрно картину эпохи, которую я взялся изобразить. Тредьяковскій драгоцѣнная принадлежность ея: безъ Тредьяковскаго картина была бы неполна, въ группѣ фигуръ ея не доставало бы одного необходимаго лица. Онъ нуженъ былъ для нея, какъ нужны были шутъ Кульковскій, барская барыня, родины козы, дурацкая свадьба и пр. А если я долженъ былъ помѣстить, то слѣдовало его изобразить, какимъ онъ былъ. Мы привыкли вѣрить, что чорное черно, въ жизни ли оно человѣка, или въ его сочиненіяхъ, и не ухищрялись никогда дѣлать его бѣлымъ, не смотря ни на предковъ, ни на потомковъ. Мы привыкли смѣяться надъ топорными переводами и стишками собственной работы Василія Кириловича, какъ смѣялись надъ ними современники; намъ съ малолѣтства затвердили, что при дворѣ мудрой государыни давали читать ихъ въ наказаніе. Говорили мы спасибо Василію Кириловичу за то, что онъ училъ современниковъ слагать стихи и ввелъ гекзаметръ въ русскую просодію. Но и это доброе дѣло можно было легче сдѣлать, не терзая насъ тысячами стиховъ Телемахиды, счотомъ которыхъ онъ такъ гордился, не играя съ нами въ піитическія жмурки на островѣ Любви и не работая тридцать лѣтъ надъ переводомъ Барклаевой Аргениды.

Digitized by Google

Но и на добро наложена была, видно, тяжолая рука знаменитаго труженика: гексаметръ не пришолся по духу и крови русской, не смотря на великіе подвиги, совершонные въ немъ Гнѣдичемъ и Жуковскимъ. По крайней мѣрѣ, это мое убѣжденіе.

Упрекали меня, что я заставилъ говорить педанта въ своемъ романѣ, какъ педанта. Въ разговорѣ-де Василій Кириловичъ былъ не таковъ, какъ въ своихъ сочиненіяхъ — сказалъ нѣкогда одинъ критикъ, впрочемъ лицо, достойно уважаемое за его умъ и ученость, не смотря на парадоксы, которыми оно любитъ потѣшаться. Да кто жъ, спрашиваю, слышалъ его разговоры? Кто потрудился подбирать эти жемчужины, которыя, мимоходомъ, по пути своему, ронялъ этотъ великій человѣкъ, и сохранить ихъ для потомства? Дайте намъ ихъ во всевѣдѣніе!... Ба, ба, ба! а донесеніе академіи? Передъ нимъ-то вы, конечно, должны приклониться и умилиться. Извините, я и въ донесеніи академіи не вижу ничего, кромѣ рабской жалобы на причиненные побои. Помилуйте, такъ ли пишутъ люди оскорбленные, но благородные, не уронившіе своего человѣческаго достоинства?... Положимъ еще, что и у Василія Кириловича была счастливая обмолвка двумя стишками

Digitized by Google

и нѣсколькими строчками въ прозѣ: даютъ ли они дипломъ на талантъ, на уваженіе потомства? И дураку удается иногда въ жизни своей умненькое словечко. Такъ и Василію Кириловичу если и удалось разъ написать простенько, не надуваясь, языкомъ, какимъ говорили современники, неужели всѣ бесчисленные памятники его педантизма и бездарности должны уступить единственному клочку бумаги, по-человѣчески написанному?

Я распространился о Тредьяковскомъ, потому что съ появленія «Ледянаго Дома» онъ сдѣлался конькомъ, на которомъ поскакали кстати и некстати наши рецензенты. Поломано не мало копій для возстановленія памяти его. Даже, въ одной журнальной статьѣ, написанной въ концѣ великаго 1855 года, поставленъ этотъ подвигъ едва ли не въ самую важную заслугу нашей современной критикѣ. Какъ будто дѣло шло о возстановленіи обиженной памяти, положимъ, Державина, или Карамзина!... Эта критика махнула еще далѣе. Нарочно для Василія Кириловича изобрѣли новыхъ *историческихъ писателей*, въ сонмъ которыхъ его тотчасъ и помѣстили. Наконецъ, въ утѣшеніе тѣни великаго труженика, добавили, что черезъ сто лѣтъ, именно въ 1955 году, языкъ Гоголя будетъ не лучше того, какимъ для насъ

Digitized by Google

теперь языкъ Тредьяковскаго!... Изобрѣтатель этой чудной гипотезы подумалъ ли, что бесталанный Тредьяковскій писалъ на помѣси какого-то языка, ребяческаго, пожалуй ученическаго, а Гоголь, высоко даровитый писатель — на языкѣ, уже установившемся, въ полномъ своемъ развитіи и даже образованіи? Подумалъ ли, что нашъ современный языкъ, воспитанный Карамзинымъ, Жуковскимъ, Батюшковымъ, Пушкинымъ, Лермонтовымъ, вступилъ уже въ эпоху своей возмужалости, — имѣетъ *душу живу*, которая не умираетъ?...

Продолжайте, господа, ратоборствовать за непризнаннаго *историческаго писателя* — вамъ и книги его въ руки, хотя бы и въ новомъ, самомъ роскошномъ изданіи!... А я думаю, что игра не стоитъ свѣчъ, и что пора дать покой костямъ Василія Кириловича, и вживѣ непощаженнымъ. Есть у насъ о чомъ подѣльнѣе и поважнѣе толковать, хотя бъ и по литературѣ. Въ противномъ случаѣ попрошу полнаго *историческаго* и *эстетическаго* разбора всѣхъ сочиненій его...

Со всѣмъ уваженіемъ къ памяти Пушкина, скажу: оправданіе Бирона почитаю непостожимою для меня *обмолвкой* великаго поэта. Несчастіе

Digitized by Google

быть нѣмцемъ?... Напротивъ, для всѣхъ, кто со временъ царя Алексѣя Михайловича посвящалъ Россіи свою службу усердно, полезно и благородно, никогда иностранное происхожденіе не было несчастіемъ. Могли быть только временныя несправедливости противъ нихъ. Въ доказательство указываю на Лефорта, на барона, вноследствіи графа, Андрея Ивановича Остермана, Миниха, Манштейна, Брюса и многихъ другихъ. Поневолѣ долженъ высказать здѣсь доводъ, не разъ высказанный. Отечество наше, занятое столько вѣковъ борьбою съ дикими или неугомонными сосѣдями, для того, чтобы приготовить и упрочить свою будущую великую осѣдлость въ Европѣ, стоящее на грани Азіи — позднѣе другихъ западныхъ странъ озарилось свѣтомъ наукъ. И потому иноземцы, пришедшіе къ намъ поучить насъ всему полезному для Россіи, поступали ли они въ войска, на флотъ, въ академіи, въ совѣтъ царскій, всегда были у насъ приняты и обласканы, какъ желанные и почотные гости. Услуги ихъ, если онѣ были соединены съ истиннымъ добромъ для насъ, всегда награждались и доброю памятью о нихъ. Что жъ заслужилъ Бирон отъ народа? — Не за то, что онъ былъ нѣмецъ, назвали его время бироновщиною; а народы всегда справедливы въ

Digitized by Google

названіи эпохъ. Что касается до великаго ума и великихъ талантовъ его, мы ждемъ имъ доказательствъ отъ исторіи. До сихъ поръ мы ихъ не знаемъ.

Винюсь, я принялъ горячо къ сердцу *обмолвку* Пушкина, особенно на счотъ духа времени и нравовъ народа, требовавшихъ будто казней и угнетенія, и слова, которыя я употребилъ въ возраженіи на нее, были напитаны горечью. Одинъ изъ моихъ пріятелей, прочитавъ мой отвѣтъ, сказалъ, что я не поскупился въ немъ на рѣзкія выраженія, которыя можно и должно было написать — только не Пушкину. «Разсердился ли онъ за нихъ?» — спросилъ меня мой пріятель. — «Я самъ такъ думалъ, не получая отъ него долго никакого извѣстія» — отвѣчалъ я. Но Пушкинъ былъ не изъ тѣхъ себялюбивыхъ чадъ вѣка, которыя свое *я* ставятъ выше истины. Это была высокая, благородная натура. Онъ понялъ, что мое негодованіе излилось въ письмѣ къ нему изъ чистаго источника, что оно бѣжало несдержимо черезъ край души моей, и не только не разсердился за выраженія, которыми другой могъ бы оскорбиться: напротивъ, проѣзжая черезъ Тверь (помнится, въ 1836 году), прислалъ мнѣ съ почтовой станціи слѣдующую коротенькую записку. Какъ

Digitized by Google

увидите, она вызвана одною любезностію его и доброю памятью обо мнѣ.

«Я все еще надѣялся, почтенный и любезный Иванъ Ивановичъ, лично благодарить васъ за ваше ко мнѣ благорасположеніе, за два письма, за романы и пугачевщину, но неудача меня преслѣдуетъ.—Проѣзжаю черезъ Тверь на перекладныхъ, и въ такомъ видѣ, что никакъ не осмѣливаюсь къ вамъ явиться и возобновить старое, минутное знакомство.—Отлагаю до сентября, то есть, до возвратнаго пути; покамѣстъ поручаю себя вашей снисходительности и доброжелательству.

Сердечно васъ уважающій
Пушкинъ.»

Записка безъ числа и года. Подпись много порадовала меня: она выказывала добрую, благородную натуру Пушкина; она возстановляла хорошія отношенія его ко мнѣ, которыя, думалъ я, наша переписка разстроила.

Въ послѣднихъ числахъ января 1837 года пріѣхалъ я на нѣсколько дней изъ Твери въ Петербургъ. 24-го и 25-го былъ я у Пушкина, чтобы поклониться ему, но оба раза не засталъ его дома... Нельзя мнѣ было оставаться долѣе

Digitized by Google

въ Петербургѣ, и я выѣхалъ изъ него 26-го вечеромъ...

29-го Пушкина не стало...

Потухъ огонь на алтарѣ!

Digitized by Google

ГРИМАСА МОЕГО ДОКТОРА.

(Изъ походной записной книжки 1813 года).

Digitized by Google

Digitized by Google

ГРИМАСА МОЕГО ДОКТОРА.

Съ первымъ шагомъ за границу Польши, на насъ повѣяло новою, радостною жизнью. Не во снѣ ли видѣли мы пожаръ Москвы и пепелище ея? Не въ страшномъ ли кошемарѣ полки безобразныхъ мертвецовъ заступали намъ дорогу по снѣжнымъ пустынямъ и между лѣсовъ дремучихъ; живые совершали передъ нами трапезу лошадиною падалью; обозы съ сотнями замороженныхъ человѣковъ, увязанныхъ веревками, проходили мимо насъ на Вилейку для сожженія? Даже смутно помню — а давно ли это было? — въ Вильнѣ вошолъ я съ шефомъ своимъ въ родъ больницы, гдѣ оставлены были бѣжавшею армією раненые всякихъ націй. На полу сгнившая солома служила

Digitized by Google

имъ постелью; тутъ лежали живые, въ полной памяти, перемѣшанные съ мертвыми. Въ этой грудѣ, среди непріятелей, русскій генералъ отыскивалъ своихъ мекленбургскихъ соотечественниковъ. *Честный* жидъ, хозяинъ дома, представилъ ему вѣрный, самовѣрнѣйшій *сюжетъ*, что стоило содержаніе больныхъ!... Слава Богу, мы оставили за собою картины человѣчества на послѣдней ступени униженія, и нечистыя корчмы съ ихъ нечистыми жидами, и упаданье въ ноги, и «падамъ до ногъ!» Мы перешли въ Пруссію. Боже! какъ радуетъ насъ видъ образованной земли! Какъ легко, отрадно здѣсь сердцу! Взоръ и мысль нѣжатся на красивыхъ домикахъ, на поляхъ, прекрасно обработанныхъ и усаженныхъ плодовыми деревьями, на твореньи Божіемъ, которое чувствуетъ свое человѣческое достоинство и не влачитъ его по грязи. Удивляешься, какъ дерзкая рука прохожаго или проѣзжаго давно не поломала этихъ деревъ для своей минутной потребы, или просто для того, что хотѣлось поломать. Удивляешься, отчего мосты не пляшутъ подъ вами, отчего нѣтъ криковъ, ссоры и драки, когда разводятъ намъ квартиры, нѣтъ обвѣсковъ и обмѣру при выдачахъ... Отчего, вмѣсто бабы съ засученными и засаленными рукавами, босоногой, брюз-

Digitized by Google

глиной бабы, которая толкала васъ въ угарную избу и отдавала на съѣденіе своимъ бесцѣннымъ пенатамъ; отчего, вмѣсто этой мегеры, какая-нибудь миловидная Лотхенъ или Фрицхенъ, оторвавшись отъ своего Лафонтена или Плейеля, съ привѣтомъ вводитъ васъ въ чистую комнату, гдѣ находите чистую постель, вкусный обѣдъ и — нерѣдко при разставаніи — тайный поцалуй, который долго будетъ вамъ мерещиться во снѣ и на яву? И мало ли чему дивимся здѣсь! Отчего? отчего? Вопросы мудреные для рѣшенія! А чтобы отдѣлаться отъ нихъ, скажу просто, оттого, что мы перешли за черту Польши.

Въ Калишѣ сошолъ я съ сѣдла, и теперь качу на почтовыхъ въ Шверинъ вслѣдъ за отрядомъ Чернышева, который побѣдѣ не даетъ перевести духу. На почтовыхъ, въ коляскѣ или въ штульвагенѣ!... Ощущали ли это блаженство, вы, не дѣлавшіе никогда по пяти сотъ верстъ, зимою, на хребтѣ какого-нибудь россинанта!... Шефъ мой, принцъ мекленбургъ-шверинскій, получилъ отпускъ на родину, и я съ нѣсколькими товарищами ему сопутствую. Двадцати лѣтъ, беззаботный, ничего не выжидая, смѣясь равно надъ кислою

Digitized by Google

рожей и благосклонною улыбкою фортуны, засыпая такъ же сладко безъ копѣйки въ карманѣ, какъ и съ полнымъ золота кошелькомъ, я живу весело весельемъ ласточки, вылетѣвшей въ первый разъ изъ гнѣзда своего подъ лазурь безграничнаго неба. И на долю моего честолюбія — какъ бы вы думали! — пали крупицы съ высоты. Имя адъютанта des Prinzen von Meklenburg звучитъ довольно громко въ ушахъ почтарей, станціонныхъ смотрителей и бюргеровъ и нерѣдко отъ городскаго фонтана привлекаетъ къ станціонному дому рои пригожихъ нѣмочекъ. А имя русскаго? Оно звучитъ выше всѣхъ въ наше время; ему народы съ восторгомъ кричатъ: Hoch! Какъ принимаютъ насъ въ Пруссіи!... Становишься здѣсь выше нѣсколькими вершками и съ гордостью повторяешь: я русскій! Вездѣ привѣтъ намъ, какъ братьямъ; вездѣ благодарность, какъ избавителямъ своимъ. Цвѣты, огни, тріумфальныя ворота, серенады, ласки, благословенія, все это встрѣчаетъ и провожаетъ насъ по пути нашему. Дня будняго не знаемъ.

Дворъ мекленбургскій нашли мы въ Лудвигслустѣ. Природа здѣсь угрюмая, сердитая мачиха—

Digitized by Google

гладь, пески, тощіе лѣса, болота! Какъ это вздумалось герцогу Лудвигу избрать такія грустныя мѣста для своего увеселительнаго замка! Видно, они вторили его душѣ. За то люди, насъ окружающіе, какъ будто стараются вознаградить намъ скудость природы удовольствіями, какія можно только здѣсь придумать, и особенно милостивымъ радушіемъ. Всѣ члены высокой фамиліи, отъ стараго герцога, патріархальнаго старшины своего народа, и молодой наслѣдной принцессы *), ангела доброты, не говорю ужъ о дѣтяхъ *нашей* великой княгини Елены Павловны, осыпаютъ насъ своими ласками. Даже казаки принцевой свиты не забыты. Житье имъ здѣсь раздольное! Старый герцогъ любитъ, чтобы въ прогулкахъ его верхомъ по окрестностямъ провожалъ его казакъ, и въ каждую прогулку выучиваетъ у него по русскому *словцу*, за которое платитъ своему бородатому учителю по червонцу и которымъ любитъ послѣ щеголять передъ русскими офицерами. На дняхъ въ саду, въ елениномъ павильонѣ, давали донцамъ вечеръ; угощеніе было роскошное. Весь дворъ приходилъ любоваться казацкими танцами

*) Матери нынѣшней герцогини Орлеанской, родившейся въ январѣ 1814 г.

Digitized by Google

съ русскою присядкою. Балъ увѣнчался вальсомъ, къ которому миловидныя нѣмочки сами ангажировали питомцевъ Дона. При этомъ случаѣ были сцены уморительно смѣшныя.

По нѣкоторымъ отношеніямъ, для меня только драгоцѣннымъ, я одинъ изъ русскихъ помѣщонъ въ главномъ дворцѣ. Это сближеніе съ членами герцогскаго дома дало поводъ къ происшествію, исполненному глубокаго интереса для физіолога и всякаго любящаго сердца. Невольный двигатель этой драмы, я разскажу ее во всей ея печальной подробности и безъ малѣйшихъ сказочныхъ вымысловъ.

Мартъ былъ на дворѣ. Солнце согрѣло землю не на радость мою; болота, которыми окрестности изобилуютъ, начали испаряться, и я, надышавшись вдоволь гнилымъ воздухомъ, увидѣлъ скоро у изголовья своего непріятную гостью — лихорадку. Разумѣется, вслѣдъ за нею долженъ былъ явиться ко мнѣ врачъ, и онъ явился, не раздушонный, не въ перстняхъ и съ дорогими булавками, съ утончонною рѣчью и манерами придворнаго, какъ я ожидалъ, а во всей простотѣ и даже со всею наивностью нѣмецкаго гелертера,

Digitized by Google

который только что покинулъ свой сельскій очагъ. Не мудрено; ко мнѣ явился не придворный врачъ (онъ былъ болѣнъ), а окружный, впрочемъ пріобрѣтшій себѣ славу искуснѣйшаго не только въ Мекленбургѣ, но и въ Пруссіи. Мозелю — такъ звали моего доктора — было лѣтъ пятьдесятъ. Съ перваго взгляда на него, съ первыхъ его рѣчей, видно было, что это не рядовой въ бесчисленномъ легіонѣ бѣднаго человѣчества. Печать Бога рѣзко означалась на высокомъ челѣ, въ глазахъ горѣлъ свѣточъ ума и благородства; разговоръ его, по временамъ живой и одушевленный, словно нагорный потокъ, все быстро схватывалъ и увлекалъ, что ему ни попадалось — по временамъ, сказалъ я — потому что иногда отъ него нельзя было добиться слова. Меня особенно привлекала къ нему какая-то грусть, преобладавшая въ немъ надъ всѣми другими чувствами, грусть, которая не исчезала съ его лица даже и тогда, когда онъ улыбался. Скоро закабалилъ онъ мое сердце, несмотря на хину съ краснымъ виномъ и красное вино съ хиной, которыми онъ преусердно потчивалъ меня, не смотря на короткія размолвки наши и цѣлый коробъ зла, который мнѣ нанесли на него. «Вы судите по его наружности? — говорили мнѣ: — такъ знайте, подъ этими цвѣтами кроется

Digitized by Google

змѣя. Проникните только въ его семейство. Тамъ творятся ужасы... Тиранъ своей дочери! Отецъ бесчеловѣчный! Запираетъ ее въ четырехъ стѣнахъ за тридевятью замками... Если и тѣшитъ ее чѣмъ-нибудь, такъ это игрушками; и тутъ цѣль злодѣйская—ставить ее въ вѣчномъ дѣтствѣ! Старый опекунъ не ревнивѣе поступаетъ съ своею питомицею, на которую имѣетъ сердечные или корыстные виды. Бѣдняжка никого не видитъ, кромѣ отца своего, семейства одного бюргера, кормилицы своей, двухъ служанокъ и стараго садовника. Когда мастеровые приходятъ поправлять домъ, фрейлейнъ Мозель переводятъ во флигель; кто чиститъ дворъ и садъ и убираетъ ихъ, она не видитъ—а между тѣмъ это дѣлается будто-ей въ угожденіе: проснулась, и все представляется глазамъ ея въ свѣжемъ, обновленномъ видѣ, словно феи во всю ночь для нея хлопотали. Добро бы еще запирали ее, кабы она была дурна собою; а то—красавица, въ полномъ смыслѣ художественной красоты, красавица, которою гордился бы любой дворъ нѣмецкій. Но и маленькій мекленбургскій дворъ, къ которому она могла бы имѣть доступъ, какъ дочь врача, замѣняющаго иногда придворнаго, никогда не видалъ ея. Однимъ изъ главныхъ условій ревнивца, при поступленіи ею-

Digitized by Google

да; было, чтобъ оставили его дочь въ томъ обществѣ, какое онъ самъ ей выберетъ. Бѣдная Пери въ неволѣ у духа тьмы, восточное диво — подъ надзоромъ евнуха, и — наконецъ, даже... вторая Беатриче Ченчи!... » Чего не наговорятъ добрыя, чувствительныя сердца, когда ими движетъ любовь къ человѣчеству!... Уши вяли, кровь бунтовала отъ всѣхъ злыхъ вѣстей, которыми осыпали врача.

Какъ согласить эти рѣчи съ добротою, написанною на лицѣ его? Нельзя же носить такъ постоянно личину; когда-нибудь да увидѣлъ бы природныя черты. Нельзя же настроить такъ искусно свои бесѣды, свой голосъ, чтобы въ нихъ не отозвалась низкая, бесчестная натура. А я преслѣдовалъ постоянно его природу даже въ звукахъ рѣчи, не проговорятся ли хоть она ошибкою, и ничего не находилъ въ нихъ, кромѣ исповѣди души благородной. Надо сказать еще, что со мною, иностранцемъ, прибавьте и простодушнымъ, молодымъ человѣкомъ, онъ не имѣлъ причины такъ закрываться. Здѣсь таится что-нибудь *другое*, необыкновенное, думалъ я по врожденной склонности своей къ чудесному. Да и самъ докторъ, фантастическими бесѣдами со мною, утверждалъ меня болѣе и болѣе въ этомъ заключеніи.

Digitized by Google

Съ такою теплою вѣрой говорилъ онъ о предметахъ и явленіяхъ сверхестественныхъ, какъ будто посвященъ былъ въ ихъ тайны, какъ будто живалъ нѣкогда въ ихъ мірѣ, откуда принесъ воспоминанія о связяхъ тамошнихъ жильцовъ съ нашею бѣдною землею. Онъ былъ убѣжденъ въ сродствѣ и братствѣ душъ, въ наслѣдствѣ ихъ качествъ, и никакіе доводы не могли ослабить въ немъ этихъ убѣжденій. Часто замѣчалъ я, что въ концѣ его бесѣды было всегда что-то недоговоренное, и именно объ этомъ недосказанномъ очень грустилъ я, какъ о концѣ строфы великаго поэта, подъ которою поставлено было нѣсколько десятковъ точекъ. Долго еще послѣ того, какъ онъ уходилъ отъ меня, въ головѣ и сердцѣ моемъ роились видѣнія, сладостныя, но — неуловимыя. Навести въ другой разъ на окончаніе таинственной бесѣды, на разрѣшеніе промолвленной задачи, не было возможности. Импровизація не повторялась; сошедъ съ своего треножника, Мозель дѣлался самымъ обыкновеннымъ, иногда самымъ тупымъ собесѣдникомъ.

Но что болѣе всего разстроивало гармонію его бесѣды, такъ это малѣйшій намекъ на семейныя связи. Онъ всегда неискусно отклонялъ этотъ предметъ и спѣшилъ переходить на другой. При

Digitized by Google

этомъ случаѣ доброе, привлекательное его лицо дѣлало какую-то судорожно-болѣзненную гримасу, отъ которой мнѣ всегда становилось грустно и тяжело. И эти знаки, твердо вѣрилъ я, были еще легкимъ повтореніемъ тѣхъ движеній, которыя совершались въ его душѣ. Не смотря на все стараніе, какое употреблялъ онъ, чтобы выйдти изъ этого кризиса, не могъ ужъ онъ попасть въ свою тарелку и спѣшилъ уходить отъ меня.

Удивлялся я также, какъ онъ съ своимъ умомъ, съ своимъ искусствомъ и славою рѣшался пойдти окружнымъ лекаремъ въ ничтожный городокъ.

Тутъ кроется что-нибудь таинственное, чудесное, повторялъ я.

Однажды, въ минуты какого-то припадка злости, возбужденной нѣсколькими новыми вѣстями насчотъ Мозеля, я нарочно заговорилъ съ нимъ объ его дочери. Это было въ первый разъ. До сихъ поръ я заводилъ съ нимъ неуспѣшно, издалече, бесѣду о семейныхъ отношеніяхъ его.

— Ужъ вамъ сказали, что у меня дочь! Кто жъ тамъ говорилъ?—спросилъ онъ, измѣнившись въ лицѣ и голосомъ встревоженнымъ.

— Всѣ и всякій, кто васъ знаетъ. Что жъ тутъ удивительнаго, мой любезнѣйшій докторъ?

Digitized by Google

Это все равно, какъ бы сказали, что у меня сестра!

И желая углубить еще болѣе стрѣлу въ его сердце, продолжалъ: — Какъ скоро выздоровѣю, вы не откажете меня представить ей....

— Извините..., я долженъ отказать.... есть причины.... не могу.... если хотите, я далъ обѣтъ.... Я ужъ знаю, что вамъ, при этомъ случаѣ, наговорили обо мнѣ.... и ревнивецъ-то я, и злодѣй, и тиранъ своей дочери... Да, я таковъ... Думайте обо мнѣ, что вы хотите.... но я.... не могу.... вы не увидите моей дочери.

Когда жъ Мозель замѣтилъ, что на лицѣ моемъ изобразилось негодованіе, онъ прибавилъ, взявши меня дружески за руку:—Не упрекайте меня, молодой человѣкъ. Есть домашнія тайны, съ которыхъ завѣсу свѣтъ не долженъ приподнимать.... Тайна моя составляетъ мое счастіе.... не требуйте же, чтобы я нарушилъ ее. Вы, странникъ издалече, идете мимо насъ; вы у насъ минутный гость.... намъ только изъ любопытства хочется заглянуть въ мой домашній кругъ, за черту запов҃данную, нѣтъ ли чего интереснаго для васъ.... нѣтъ ли чего, что можно было бы послѣ разсказать у себя, какъ анекдотецъ.... Кто знаетъ, можетъ статься, на свое удовлетворенное любопыт-

Digitized by Google

ство куните себѣ горестное воспоминаніе на всю жизнь свою и прибавите чужому горю....

Потомъ на прощаньи, силясь улыбнуться, онъ обратился ко мнѣ съ своею любимой поговоркой:

— Въ небесахъ и на землѣ, Гораціо, есть тысячи вещей, которыхъ существованіе никогда и не грезилось вашимъ мудрецамъ....

Таинственный отвѣтъ, грустный, дружескій звукъ голоса, съ которымъ онъ былъ произнесенъ, искаженныя черты лица, невольно обезоружили меня. Съ этихъ поръ я ужъ никогда болѣе не упоминалъ Мозелю объ его дочери. Можетъ быть, глупенькая.... думалъ я: можетъ быть, какой-нибудь ужасный тѣлесный недостатокъ.... скрытое безобразіе.... кто знаетъ, преступленіе!... Вѣдь онъ лекарь, да еще домашній, да еще отецъ! Кому жъ лучше знать, какъ не ему!... Оставимъ его въ покоѣ съ его тайной, тѣмъ болѣе, что онъ ею счастливъ.

Но.... какими-то неисповѣдимыми судьбами, назначено мнѣ было преслѣдовать моего бѣднаго врача за порогъ его семейной жизни, которую укрывалъ онъ такъ ревниво отъ глазъ свѣта.

— Изъ Демица — сказалъ вошедшій ко мнѣ служитель, подавая мнѣ письмо. — Изъ Демица? отъ кого бы?—подумалъ я, распечатывая письмо.

Digitized by Google

Когда жъ увидѣлъ подпись, я обрадовался, какъ бы получилъ грамотку изъ Россіи, отъ своихъ. Лиденталь! милый мой Лиденталь! тотъ самый умный, добрый, несравненный ротмистръ гусарскій, съ которымъ мы познакомились въ великой суматохѣ передъ вступленіемъ непріятеля въ Москву и который былъ моимъ сватомъ при романическомъ обрученіи моемъ съ военной службой; Лиденталь, названный братъ мой, братъ по сердцу!... И что жъ? Онъ въ горѣ, боленъ отъ раны, полученной подъ Люнебургомъ, опять въ ту же роковую лѣвую руку, на которой Бородино врѣзало свой гербъ. Отосланный своимъ отрядомъ въ одинъ изъ прусскихъ госпиталей, онъ не могъ далѣе ѣхать и остался въ Демицѣ, одинъ посреди чужихъ, на съѣденіе какому-то мучителю—фельдшеру съ дипломомъ лекаря, который учился надъ его рукою, какъ будто ученикъ столяръ надъ изломаннымъ стуломъ. И пилитъ, и рѣжетъ, и клеитъ; ошибся, снова раскленвай и снова принимайся за работу!

Я еще держалъ письмо въ рукахъ, задумавшись надъ нимъ, когда вошолъ ко мнѣ наслѣдный принцъ. Онъ былъ такъ внимателенъ, что пришолъ навѣдаться о моемъ здоровьи и пожалѣть, что меня давно не видать при дворѣ. Замѣтивъ же

Digitized by Google

письмо въ рукахъ моихъ, спросилъ, не съ родины ли посланіе. Я объяснилъ ему, отъ кого было оно, наши связи съ Лиденталемъ и трудное его положеніе въ Демицѣ. Во время моего объясненія вошолъ докторъ, какъ будто нарочно подосланный судьбою.—Мы поможемъ ему, мы пристроимъ его здѣсь—сказалъ наслѣдный принцъ.—Раненый, русскій офицеръ? Да мы поставимъ себѣ за честь и особенное удовольствіе быть ему полезнымъ. Кстати.... гдѣ жъ лучше помѣстить его, какъ не у искуснаго врача. Напишите ему съ нарочнымъ о нашемъ распоряженіи, а мы немедленно позаботимся доставить его сюда, какъ можно покойнѣе. — Потомъ, обратясь къ доктору, онъ прибавилъ съ твердостью: — Любезный Мозель, я назначилъ къ вамъ постой — раненаго русскаго офицера. Завтра доставятъ его прямо къ вамъ въ домъ изъ Демица. Знаю васъ, и потому увѣренъ, что вы оставите свои маленькіе капризы теперь, когда дѣлаются пожертвованія и не такого роду для блага своего отечества.

— Воля вашей свѣтлости будетъ исполнена— едва могъ проговорить Мозель. Губы его и одну щоку подергивало, блѣдное лицо исказилось. Замѣтно было, что онъ не зналъ, куда ему дѣваться съ своею несчастною фигурой, такъ былъ онъ

Digitized by Google

поражонъ неожиданною вѣстью. Наслѣдный принцъ не замѣтилъ, или не хотѣлъ замѣтить его смущенія, пожалъ мнѣ руку и вышелъ изъ комнаты.

Нѣсколько страшныхъ движеній рукою, два, три бестолковыхъ вопроса и нѣсколько отвѣтовъ невпопадъ обличали въ Мозелѣ тревожное состояніе его души. Бѣдняжъ, самъ нуждался въ помощи лекаря! Грустно, очень грустно мнѣ было играть роль его преслѣдователя. Я спѣшилъ однакожъ помириться съ своею совѣстью, давъ себѣ слово предупредить Лиденталя обо всемъ, что зналъ, и увѣренъ былъ, что онъ постарается всячески успокоить ревнивца, или Богъ знаетъ, что такое онъ былъ.

Раненаго гусара вскорѣ доставили въ Лудвигслустъ, и онъ поселился на назначенной ему квартирѣ. Посѣтить его и осмотрѣть въ подробности его жилище я не замѣшкалъ. Надо замѣтить, что весь Лудвигслустъ состоитъ изъ двухъ улицъ, составляющихъ двѣ неравныя стороны угла: одной главной — смѣло размахнувшейся въ длину, и другой боковой — очень робко сжавшейся. Къ концу главной улицы примыкаютъ площадь съ дворцомъ и его принадлежностями; на концѣ боковой стоитъ домикъ окружнаго врача. За нимъ начинаются песчаные бугры, на которыхъ семьями

Digitized by Google

тѣснятся другъ къ другу тощія сосны, какъ будто для того, чтобы оградить себя отъ напору песчаныхъ волнъ, готовыхъ залить ихъ. Далѣе, болота и болота — настоящая ссылочная земля въ царствѣ природы!

Веселымъ оазисомъ казался деревянный домикъ врача на концѣ кирпичныхъ домовъ, нештукатуренныхъ, построенныхъ подъ одинъ казенный образецъ, и на грани песковъ — съ своею прихотливою, веселою, кокетливою архитектурой, съ двумя флигелями, его красиво и легко окрыляющими, и съ садомъ, гдѣ цвѣтовъ было болѣе нежели зелени, гдѣ каждое дерево просилось подъ кисть художника и каждый цвѣтокъ на грудь красавицы. А золотыя-то дорожки въ саду—бѣгали, рѣзвились и скрывались въ кустахъ, какъ своенравный ручей. Людей въ домѣ было очень мало, работники были приходящіе, какъ ужъ замѣтили мы; но животныя разнаго рода населяли его, словно Ноевъ ковчегъ. Въ клѣткахъ, птичникахъ и голубятняхъ птицы пѣли разнородными голосами, ворковали, свистали, говорили, или только красовались своими перьями; въ прудахъ купались лебеди, играли форели и золотыя рыбки; въ паркѣ рѣзвились олени, и всѣ они знали голосъ своей госпожи, почти всѣ получали пищу изъ рукъ ея.

Digitized by Google

Снаружи и внутри дома сохранялась чистота изумительная. Все въ немъ было словно съ иголочки. Всякій мѣсяцъ бѣлили, мыли, лощили; малѣйшее пятно считалось преступленіемъ; когда его замѣчали, весь домъ поднимался на ноги и до тѣхъ поръ не успокоивался, пока преступленіе не было смыто. Одежда на служителяхъ согласовалась съ чистотою дома; какой-нибудь щеголь не чище одѣвался. Я замѣтилъ, что на самомъ хозяинѣ и слугахъ были цвѣта все свѣтлые, веселые.

Ну—подумалъ я—какъ нарочно дали Мозелю постояльца такого же причудливаго, какъ и самъ онъ. Сочетало же ихъ Провидѣніе! Да, и мой Лиденталь простиралъ любовь къ опрятности до мелочнаго пуризма. Добро бы дома, на осѣдлой квартирѣ: нѣтъ, въ походѣ, на бивуакахъ, въ крестьянской избѣ, вездѣ былъ онъ вѣренъ своему кумиру. Гдѣ бы ни назначалась ему квартира, слуги его заранѣе осматривали всѣ углы, чистили, мыли, скоблили, и тогда только приглашали въ нее, когда она приведена была въ порядокъ, имъ узаконенный. Трубки онъ не курилъ, табаку не нюхалъ. Обыкновенно кроткій и терпѣливый, онъ переносилъ всякаго роду лишенія, голодъ, холодъ, слякоть, трудности марша; но пятно на

Digitized by Google

бѣльѣ, разсыпанная табачная зола, сало на подсвѣчникѣ, тараканъ, винный запахъ отъ деньщика, дотого раздражали его, что онъ на нѣсколько часовъ дѣлался грустнымъ и сварливымъ. Зато въ полку и прозвали его ротмистромъ-бѣлоручкой. Мелочный характеръ!—думалъ я сначала—и ошибался. Не зналъ я въ жизни человѣка болѣе готоваго на истинныя услуги, на жертвы всякаго рода для счастія, чести и спокойствія ближняго, на трудные, бескорыстные подвиги. Современемъ помирился я съ его прихотливой натурой. Самъ онъ говаривалъ, что не смотря на усилія побѣдить ее, не могъ онъ съ нею сладить. А воля была въ немъ сильная.

Все шло хорошо; миръ въ домѣ не нарушался; постоялецъ былъ доволенъ хозяиномъ, хозяинъ постояльцемъ. И могло ли быть иначе, когда одинъ лечилъ успѣшно другаго, а другой старался всячески угождать ему. Лиденталь, котораго я предупредилъ, что хозяинъ ревнивъ, взялъ тотчасъ строжайшія мѣры, чтобы не подать ему малѣйшаго повода къ неудовольствію. Изъ флигеля его была маленькая терасса въ садъ; онъ иногда выходилъ на нее пользоваться воздухомъ; но лишь только замѣчалъ женское платьеце между деревъ, не смотря на сильное желаніе подсмотрѣть,

Digitized by Google

по привычкѣ, какое личико ходило въ этомъ платьецѣ, тотчасъ исчезалъ съ террассы, и до тѣхъ поръ не возвращался на нее, пока не былъ твердо увѣренъ, что въ саду нѣтъ никого изъ женскаго полу. Строго запрещено было деньщикамъ встрѣчаться съ барышней и разспрашивать о ней у служителей. Самъ же Лиденталь, въ разговорахъ съ докторомъ, ни полслова о семействѣ его, какъ будто и не зналъ о существованіи дочери. Мозель былъ заочно благодаренъ своему жильцу за его вниманіе и отзывался объ немъ, какъ объ отличномъ, рѣдкомъ молодомъ человѣкѣ; но въ обращеніи съ нимъ показывалъ величайшую осторожность и даже холодность, какъ бы боясь съ нимъ сблизиться. Во всякомъ случаѣ, я, нейтральное лицо, оставался довольнымъ, что постоялецъ, котораго навязалъ моему доктору, не нарушалъ ничѣмъ его спокойствія.

Какой прекрасный молодой человѣкъ вашъ пріятель! — говорилъ мнѣ Мозель едва ли не въ третій разъ. Жаль только, что онъ любитъ опрятность до какой-то крайности.

— Удивляюсь—отвѣчалъ я ему:—вы вините его, въ чомъ сами грѣшите.

— Правда, правда—пробормоталъ онъ сквозь зубы, и обычная гримаса исказила его лицо.

Digitized by Google

— Странный, непонятный человѣкъ! — подумалъ я.

Въ концѣ апрѣля, между пасмурныхъ дней, напоминавшихъ намъ родной сѣверъ, удался одинъ вечеръ, ясный, теплый, душистый, настоящій праздникъ для всего, что жило въ Лудвигслустѣ. Въ этотъ вечеръ сидѣлъ Лиденталь на террассѣ, переходя въ своихъ думахъ изъ замковъ родной Лифляндіи на балы московскіе, на которыхъ, въ послѣднее зимнее посѣщеніе бѣло-каменной была такая блестящая выставка красавицъ, съ гигантской фигуры Наполеона на чуднаго своего хозяина. Мало ли куда западали его думы! Облокотясь на перила террассы, онъ не видалъ, что около него происходило.

Вдругъ слышитъ.... шорохъ отъ женскихъ платьевъ, для котораго ухо молодаго человѣка имѣетъ особенную чуткость.... и смѣхъ, разсыпчатый смѣхъ.... Тутъ оглянулся бы и старый флегматикъ. Это сдѣлалъ и Лиденталь, забывъ постановленіе ревниваго доктора и свой обѣтъ. Онъ увидѣлъ три женскія фигуры, которыя, сплетясь руками, проходили по дорожкѣ подъ его террассой... только что рукой подать... онъ могъ

Digitized by Google

различить, что двѣ крайнія фигуры смѣялись, но какія были у нихъ лица, не могъ замѣтить... Лиденталь ихъ не видалъ; а видѣлъ онъ одно лицо, по срединѣ... только одно, больше ничего. Лицо это вздрогнуло и покраснѣло: это онъ видѣлъ. И такъ, прекрасно, такъ обаятельно оно было въ своемъ смущеніи, что мой гусаръ не имѣлъ силъ встать и поклониться и сидѣлъ, какъ истуканъ.

Долго не могъ Лиденталь опомниться отъ своего изумленія; но когда образумился, клятва была произнесена въ сердцѣ его, во что бы ни стало увидѣть ее еще не одинъ разъ и узнать по-короче. Къ чорту всѣ предосторожности доктора, вся эта діэта сердечная, на которую осудилъ было молодаго, пылкаго гусара ревнивый отецъ!

Хохотуньи были дочери здѣшняго бюргера, пріятельницы Каролины. Какъ попали три дѣвушки подъ самую терассу Лиденталева жилища? Какъ ускользнули онѣ отъ ревниваго надзора врача и дерзко переступили заповѣданную грань? О! это сдѣлалось очень просто. Мозеля не было дома; дочери бюргера, услыхавъ отъ своей подруги, что у отца ея есть постоялецъ, хорошенькій, русскій офицеръ — даже хорошенькій, и этого дозналась пылкость дѣвичьей дипломатики—ктому жъ такой чудакъ, медвѣдь, только что завидитъ въ саду

Digitized by Google

женское платье, и бѣжитъ ужъ опрометью, не оглядываясь, въ свою комнату, и тамъ запирается. Вообразите, запирается! Боится, чтобы не вломилась къ нему женщина: статочное ли дѣло!... Какъ бы увидать этого звѣрька? Какую имѣетъ особенную физіономію, какой сѣверный типъ — можетъ быть и снѣжный? Какой носитъ мундиръ? и прочее и прочее? Держали совѣтъ, и недолго. Гостьи были очень милыя, умныя дѣвушки, но большія рѣзвушки; онѣ схватили свою подругу подъ руку, увлекли ее въ садъ, подстерегли дикаря, и шасть мимо его, задавъ ему своего роду серенаду. Явленіе ихъ было мимолетное; словно серны, исчезли онѣ въ кустахъ. Какъ ни преслѣдовалъ ихъ Лиденталь глазами, ихъ... *ее* ужъ не стало.

Шутка была забавная... очень забавная, какъ увидите!...

Въ этотъ день выѣхалъ я съ шефомъ своимъ изъ Лудвигслуста. Мы посѣтили Стрелицкій Дворъ и потомъ объѣхали почти все герцогство Мекленбургъ–Шверинское путемъ праздниковъ, иллюминацій, серенадъ и торжествъ разнаго роду. Особенно въ Шверинѣ былъ намъ пріемъ высокоторжественный. На встрѣчу принцу нѣсколько верстъ за городъ выѣхала депутація гражданъ; у заставы

Digitized by Google

ожидали его двѣнадцать, на выборъ личикомъ, въ бѣлыхъ платьяхъ, дѣвушекъ, изъ которыхъ двѣ, самыя хорошенькія, говорили ему рѣчь и стихи; намъ поднесли онѣ вѣнки и опутали насъ цвѣточными вязями... Вскорѣ пріѣхалъ въ Шверинъ и весь герцогскій домъ. Я веселился до головокруженія и упаду. Долго еще послѣ того, даже во снѣ, преслѣдовали меня виваты, звонъ перекрестныхъ мечей и мотивы бальной музыки. Такъ прошло двѣ недѣли.

Не спрашивайте меня, какія наблюденія сдѣлалъ я надъ краемъ. До нихъ ли было, какъ видите! Но чтобы вы не упрекнули меня въ совершенномъ недостаткѣ наблюдательности, скажу вамъ, что я замѣтилъ большое довольство въ народѣ, крестьянъ и NB. крестьяночекъ, чисто одѣтыхъ и обутыхъ, лошадей едва ли не съ верблюда, вѣковую упряжь, тучныхъ коровъ, которыхъ можно бы прямо на выставку, богатыя пажити, и не видалъ, чтобы хоть одинъ нищій протянулъ намъ руку. У въѣздовъ въ города прибита доска: не глаголетъ она о томъ, чего никто не имѣетъ нужды знать, потому что всякій въѣзжающій въ него знаетъ; не гласитъ она о числѣ обывателей, которое никто не хочетъ вѣдать. На ней просто четыре слова крупными буквами: «Здѣсь запре-

Digitized by Google

щается просить милостыню». И бѣдные не жалуются, и не слышно палочныхъ ударовъ по пятамъ! Чудный это народъ нѣмцы, до чего ухищряются!

Возвратясь въ Лудвигслустъ, нашолъ я въ домѣ врача большія перемѣны. Лиденталь видѣлъ Каролину не одинъ разъ, говорилъ съ нею не однажды и — при отцѣ. Даже при отцѣ! Разслушалъ ли я хорошо?... Не обманываетъ ли меня слухъ, можетъ быть немного попорченный громомъ народныхъ виватовъ?... Позвольте, нельзя ли еще повторить?—Даже при отцѣ!... Онъ, ревнивецъ, тиранъ, тотъ самый Мозель, который отъ одного только намека на знакомство съ его дочерью ужасно тревожился и приходилъ въ судорожное состояніе, смотрѣлъ, по видимому, спокойно на отношенія молодыхъ людей. Боже мой! какимъ чудомъ совершились эти превращенія? Не нашолъ ли ужъ мой гусаръ приворотнаго зелья или благодѣтельной волшебницы? Сколько я ни протиралъ очки своей проницательности, ничего не могъ понять, сообразить и согласить. Непостижимо, да и только! Не отъ кого было изъ домашнихъ узнать ни мнѣ, ни моему гусару о причинахъ ревности Мозеля, и почему онъ до сихъ поръ такъ жестоко держалъ дочь свою въ заключеніи. Мо-

Digitized by Google

жетъ статься, боялся, чтобы выборъ Каролины не палъ на недостойнаго; можетъ быть хотѣлъ утвердить ея характеръ въ уединеніи. Никто не могъ отвѣчать намъ на эти вопросы. Всѣ служители въ домѣ старались избѣгать всякой бесѣды съ нами, или на наши запросы отвѣчали совершеннымъ невѣдѣніемъ того, что было выше ихъ и внѣ ихъ круга.

Что до Лиденталя, онъ былъ влюбленъ на жизнь и на смерть. Этому я ни чуть не удивлялся; иначе и не могло быть. Увидавъ Каролину, узнавъ эту прекрасную, милую дѣвушку и зная характеръ моего друга, я угадывалъ, что тутъ затѣвается не шутка. Лиденталь имѣлъ богатое состояніе; лишившись давно отца и матери, былъ независимъ въ выборѣ себѣ подруги; прибавьте къ этому умъ, доброе сердце, благородство и твердость правилъ, и вы признаетесь, что такой женихъ былъ настоящій кладъ и не для дочери врача. Женившись, могъ онъ перевесть своего тестя въ Россію, чего жъ лучше, въ Дерптъ, подъ сѣнь тамошняго университета. Эти виды не могли, казалось, встрѣтить препятствія. Каролина, съ своей стороны, была очень неравнодушна къ моему пріятелю. Ясно говорили это и глаза и рѣчи и малѣйшія движенія, которыя такъ хорошо понимаетъ сердце

Digitized by Google

безъ переводчика. Этотъ прекрасный цвѣтокъ, прозябавшій до сихъ поръ въ тѣни, лишь только взглянуло на него солнышко, весь раскрылся, чтобы напиться разомъ лучей его. Натура нѣжная, глубокая, воспріимчивая, она нашла своего двойника, она вспомнила, какъ говорилъ мой докторъ, что душа ихъ сочеталась когда-то прежде и теперь бросилась, не съ застѣнчивостію невѣсты, а съ восторгомъ супруги и любовницы въ объятія того, съ которымъ такъ долго была въ разлукѣ. Испытайте вновь разлучить ихъ—попробуйте раздѣлить плющъ, сплетшійся уже нѣсколько десятковъ лѣтъ съ другимъ плющомъ, и вы только ихъ разорвете. Чего жъ лучше для счастія будущей четы, думалъ я: любовь, гармонія характеровъ, пожалуй, сочетаніе душъ, согласіе земныхъ видовъ и расчотовъ, безъ которыхъ нерѣдко самая пламенная любовь морщится! Дай-то Богъ другу моему насладиться всѣми благами, которыя онъ такъ заслуживаетъ! Но какъ-то, непонятно для меня, всегда при мысли объ его благополучіи являлась передо мною, будто нарочно для того, чтобы разстроить это благополучіе, несносная гримаса моего доктора.

Я замѣтилъ однакожъ, что влюбленную чету никогда не оставляли одну, безъ домашнихъ сви-

Digitized by Google

дѣтелей; при ней были всегда или отецъ, или старая кормилица, любившая Каролину, какъ дочь свою. Если бъ я сказалъ, что наседка не такъ зорко стережетъ птенцовъ своихъ отъ злаго коршуна, и сдѣлалъ бы неправильное заключеніе. Нѣтъ, не за поступками молодаго человѣка, казалось мнѣ, наблюдали неусыпные соглядатаи, а за рѣчами, за движеніями, даже за выраженіями глазъ Каролины слѣдили они. Упреждать ея малѣйшія движенія, исполнять даже ея капризы было какою-то строгою, святою обязанностью всѣхъ обитателей дома. Доказательства этому я видѣлъ каждый день, на каждомъ шагу. Влюбленный Лиденталь, разумѣется, не замѣчалъ всего. Однажды, какъ-то очень рано по утру, гулялъ я съ своимъ гусаромъ по саду; наша бесѣда, по обыкновенію, шла о красотѣ и душевныхъ достоинствахъ Каролины. Впродолженіе прогулки встрѣтили мы садовника, который тщательно подбиралъ всѣ чорные камышки, попадавшіе ему на дорожкахъ, ощипывалъ всѣ листочки на деревьяхъ, принявшіе чорный или ржавый цвѣтъ отъ непогоды и другихъ причинъ.—Зачѣмъ ты это дѣлаешь?—спросилъ я садовника. — Фрейлейнъ не любитъ чорныхъ листовъ и чорныхъ камешковъ — отвѣчалъ онъ—и когда я хотѣлъ распространиться насчотъ ея при-

Digitized by Google

чудливости, мы не могли ничего болѣе добиться отъ него какъ то, что она этого не любитъ. Я смѣялся надъ прихотями Каролины, называлъ ее даже своенравною, мелочною; Лиденталь защищалъ ее орудіями любви и согласія вкусовъ. Противъ такихъ рогатыхъ силлогизмовъ нельзя было идти.

Въ другой разъ сидѣли въ садовой бесѣдкѣ Каролина, отецъ ея, гусаръ и вашъ покорнѣйшій слуга. Разговоръ былъ оживленъ и веселъ, глаза дѣвушки нерѣдко останавливались съ любовію на моемъ пріятелѣ. Вдругъ лицо ея измѣнилось, прекрасные глаза, полные очарованія любви, сдѣлались мутными, она неподвижно остановила ихъ на песчаной площадкѣ, находившейся передъ нами; мнѣ показалось даже, что на губахъ Каролины мелькнула гримаса, которую я такъ не любилъ у доктора. — Какъ мучитъ меня этотъ камешекъ! Кто-нибудь нарочно положилъ его, чтобъ меня потерзать. Ради-Бога, примите его! — закричала она, но не успѣла еще докончить свое ребяческое требованіе, а ужъ старикъ, отецъ ея, какъ проворный мальчикъ, стремглавъ бросился подбирать какой-то чорный, гадкій камешекъ, и закинулъ его далеко въ кусты. Исполнивъ это, онъ смотрѣлъ то съ болѣзненнымъ участіемъ въ лицо своей дочери, то со страхомъ насъ озиралъ. На лицѣ Ка-

Digitized by Google

ролины уже сіяла божественная улыбка: она покраснѣла, взглянула съ нѣжностью на Лиденталя, схватила потомъ руку отца и прижала къ губамъ своимъ. Вмѣстѣ съ этимъ просіяло лицо моего доктора.—А га!—подумалъ я—листъ-то оборачивается: не отецъ, а дочка деспотъ въ домѣ.

Не стану описывать всѣхъ фазъ любви, нараставшихъ въ сердѣ Лиденталя и дочери Мозеля. Скажу только, любовь эта дошла до того, что соединить навсегда судьбу свою сдѣлалось для нихъ необходимостью. Онъ просилъ у ней позволенія говорить объ этомъ отцу; согласіе было дано и вмѣстѣ клятва принадлежать ему, или никому на свѣтѣ.

Кормилица слышала это рѣшеніе. Она всегда хорошо расположена была къ Лиденталю и старалась это выказать, гдѣ только могла. Было имъ даже замѣчено, что старушка не разъ какъ будто искала съ нимъ переговорить наединѣ, но, найдя этотъ случай, ни о чомъ не говорила, кромѣ какъ о вещахъ очень обыкновенныхъ. Когда жъ Лиденталь ее спрашивалъ, не имѣетъ ли чего довѣрить ему, кормилица всегда отзывалась, что ничего и не думала ему сообщать, что не имѣетъ никакой тайны или чего особенно замѣчательнаго ему передать. Нынѣ жъ, съ видомъ таинственнымъ, сама

Digitized by Google

подозвала его къ себѣ и, взявъ его дружески за руку, примолвила въ полголоса: — Не дѣлайте предложенія, добрый господинъ.... Изъ этого ничего не выйдетъ.... Отецъ не желаетъ.... вамъ откажутъ.... Моей бѣдной Каролинѣ суждено оставаться въ дѣвкахъ ... Послушайте меня, уѣзжайте поскорѣй, пока еще время....

— Мнѣ откажутъ? я не вижу причины.... Каролина меня любитъ, самъ отецъ ко мнѣ расположенъ.... Но скажи, ради Бога, почему ты, какъ вѣщій воронъ, пророчишь мнѣ такую невзгоду?

Кормилица не отвѣчала, пожала плечами, покачала головой, съ грустью взглянула на небо,— и удалилась. Ничего болѣе онъ не могъ добиться отъ нея. Ломая себѣ голову надъ этой загадкой, Лиденталь готовъ былъ разорваться. Тутъ и не съ такою пылкою душой пришолъ бы въ отчаяніе. — Не смотря на чорныя предсказанія, онъ рѣшился на другой же день утромъ просить руки Каролины. Терпѣть долѣе неизвѣстность своей судьбы было бы только жить въ нестерпимыхъ мученіяхъ.

Но докторъ предупредилъ его своимъ посѣщеніемъ.

Едва успѣлъ Лиденталь встать съ постели, какъ явился къ нему Мозель; немедленно принялся

Digitized by Google

осматривать его руку, объявилъ, что рана его совсѣмъ залечена и онъ можетъ ѣхать безъ опасенія, куда ему заблагоразсудится.

— Благодарю васъ, мой почтеннѣйшій докторъ — сказалъ Лиденталь; — но, къ удовольствію моему, я остаюсь здѣсь въ вашихъ краяхъ. Одинъ изъ адъютантовъ принца К. возвращается въ свой полкъ, и его свѣтлости угодно принять меня на его мѣсто. Я вашъ, какъ видите, и, признаюсь вамъ, хотѣлъ бы быть вашимъ навсегда.

При этихъ словахъ душевная тревога изобразилась на лицѣ Мозеля.

— Какъ это случилось?... говорилъ онъ: — я не подозрѣвалъ.... я всегда полагалъ, что вы у насъ не надолго.... что вамъ нужно въ армію.... кампанія не кончена....

— Не думалъ я, чтобы вы такъ скоро желали моего удаленія — отвѣчалъ Лиденталь, въ свою очередь очень смущенный: — кажется, я не подалъ вамъ никакой причины....

— Господи! неужели я это говорилъ?... Если вы такъ поняли, простите меня, я нынче отъ старости заговариваюсь. Ваши душевныя качества привлекаютъ къ вамъ всякаго, кто только имѣлъ честь васъ узнать. Нѣтъ причинъ васъ не любить и не желать оставаться съ вами долѣе.

Digitized by Google

— Думаю, по крайней мѣрѣ, что съ своей стороны я все дѣлалъ, чтобъ этихъ причинъ не существовало. И потому позвольте мнѣ, какъ человѣку военному, который не знаетъ другаго языка, кромѣ языка сердца, какъ человѣку, которому честь дороже всего, открыться вамъ безъ дальнихъ околичностей. Я люблю вашу дочь; это чувство не должно было скрыться отъ отца и я не думалъ скрывать его: съ этимъ чувствомъ соединяется и надежда составить счастіе Каролины. Безъ того я никогда не осмѣлился бы посягнуть на изъясненіе моихъ намѣреній не только вамъ, но и вашей дочери. Не скрою отъ васъ, что она меня любитъ, что она сама позволила мнѣ просить у васъ ея руки. Вчера только я получилъ это позволеніе; прошу теперь вашего согласія и съ нимъ моего благополучія, моей жизни. Вы имѣли время узнать меня. Я богатъ: мой другъ Л. и, если хотите, мой послужной списокъ васъ въ этомъ удостовѣрятъ. Вы переѣдете къ намъ въ Россію; домъ мой будетъ вашимъ домомъ. Угождать вамъ будетъ нашею святою обязанностью. Но если вамъ неугодно будетъ оставить свои ученыя занятія, дерптскій университетъ за честь себѣ почтетъ предложить вамъ кровъ свой. Получивъ ваше согласіе, я не отложу на долго своего сча-

Digitized by Google

стія. Бракъ нашъ долженъ быть совершонъ немедленно. Кампанія, по всѣмъ вѣроятіямъ, должна скоро кончиться, а если расчоты въ этомъ случаѣ меня обманываютъ, если Богу угодно будетъ, чтобы я палъ на полѣ битвы, вдовѣ русскаго офицера, умершаго съ честью, навсегда обеспеченной отъ житейскихъ нуждъ, нечѣмъ будетъ упрекнуть себя за перемѣну своего имени на новое, конечно, не менѣе благородное. Вотъ мои виды, мой почтеннѣйшій другъ и, если позволите, мой второй отецъ!

Казалось, на этотъ краснорѣчивый, убѣдительный вызовъ благороднѣйшаго сердца, какое только я зналъ, Мозель тотчасъ долженъ былъ бы ударить по рукамъ; радость составить такую выгодную партію для дочери обнаружилась бы немедленно на лицѣ, въ рѣчахъ его. Напротивъ, Мозель выслушалъ предложеніе моего друга, какъ бы читали ему смертный приговоръ. Блѣдный, дрожа всѣмъ тѣломъ, съ лицомъ, которое обыкновенная его гримаса необыкновенно страшно подергивала, онъ благодарилъ Лиденталя за честь, ему сдѣланную, говорилъ, что никогда и мыслить не могъ о выгоднѣйшей партіи для своей дочери, но что считалъ всегда постояльца своего, русскаго офицера, миролетнымъ у нихъ

Digitized by Google

гостемъ, проѣзжимъ странникомъ, съ которымъ такія связи и въ голову ему, Мозелю, не могли придти. Дѣло идетъ о судьбѣ его дочери; предложеніе для него такъ неожиданно, такъ незапно, прибавлялъ онъ, что ему нужно время образумиться, и потому просилъ дня два, три на размышленіе. До полученія же отвѣта Лиденталь обязанъ не видать его дочери.

По истеченіи двухъ дней, Лиденталь получилъ отъ доктора письмо съ увѣдомленіемъ, что отвѣтъ будетъ переданъ черезъ меня.

Черезъ меня?... Что бы это значило?... Это походило на отказъ! Можно вообразить, съ какими перемѣнными чувствами то страха, то надежды, Лиденталь ожидалъ рѣшенія своей судьбы. Сердце мое раздиралось при свиданіи съ нимъ, такъ жалко было его видѣть въ этомъ положеніи и такъ онъ наружно перемѣнился въ нѣсколько дней. Раза по три въ день приходилъ онъ навѣдываться ко мнѣ, былъ ли у меня врачъ и нѣтъ ли чего новаго. Въ такомъ состояніи видѣлъ я разъ солдата, котораго приговорили разстрѣлять и который все ожидалъ помилованія.

И наконецъ пришолъ ко мнѣ врачъ... О! зачѣмъ приходилъ онъ ко мнѣ! Легче бы, когда бъ эта чаша меня миновала! Зачѣмъ не избралъ и онъ

Digitized by Google

другаго посредника съ сердцемъ болѣе жосткимъ, болѣе очерствѣлымъ въ опытахъ этой бѣдной жизни? Я еще не знакомъ былъ съ насмѣшками судьбы.

Мозель пришолъ ко мнѣ. Никогда не видалъ я его такъ разстроеннымъ, въ такомъ жалкомъ состояніи. Онъ дрожалъ, словно въ лихорадкѣ. Все предвѣщало мнѣ что-то худое.

— Вы больны? — спросилъ я его.

— Болѣнъ душою и тѣломъ, другъ мой, но если бъ я умиралъ и вы не могли бы прійдти ко мнѣ, кажется, и тогда, собравъ послѣднія силы, дотащился бы до васъ. Можете ли удѣлить мнѣ часа два изъ вашего времени?

Я сказалъ, что свободенъ и готовъ его выслушать.

Мы сѣли; онъ началъ.

— Вы должны выслушать печальную, очень печальную повѣсть. Первые, хотя невольные виновники ея вторичной завязки, вы должны нести вдвойнѣ горькую обязанность перебрать звѣно по звѣну цѣпь чужихъ страданій и передать ее такимъ же образомъ вашему другу. Ни одно слово изъ моей исповѣди не должно быть потеряно; горячимъ свинцомъ, капля по каплѣ, упадутъ мои преступленія на ваше сердце. Да, молодой человѣкъ, вы говорите съ преступникомъ, вы вошли

Digitized by Google

въ его сообщество, чтобы погубить его. Но я не обвиняю васъ: вы только орудіе Того, Кому угодно было такъ распорядиться. Будь святая воля Его! Лобызаю руку, меня карающую. Теперь—къ самой повѣсти.

Въ 1794 году жилъ я въ Берлинѣ; у гробовой доски роковыя эти числа будутъ еще рѣзко носиться передъ моими глазами. Не смотря на мою молодость, мнѣ было тогда лѣтъ тридцать — правительство ввѣрило моимъ заботамъ и искусству тамошній домъ сумасшедшихъ. Заведеніе приняло вскорѣ лучшій видъ, больныхъ стало выздоравливать больше прежняго. Этому улучшенію содѣйствовали моя новая метода леченія, усердное служеніе страждущему человѣчеству и, если хотите, жажда славы, а потомъ другое, еще сильнѣйшее чувство. Труды мои были вознаграждены: я пріобрѣлъ вскорѣ имя, деньги, похвалы своихъ соотечественниковъ и вниманіе правительства. Успѣхи сдѣлали меня счастливымъ и гордымъ.

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя по принятіи моей новой должности, поступила въ число несчастныхъ, ввѣренныхъ моему попеченію, одна благородная дѣвушка, лѣтъ осьмнадцати. Ее звали Амаліей... Сюда была она перевезена изъ эльбинскаго дома сумасшедшихъ. Давно умеръ отецъ ея,

Digitized by Google

храбрый офицеръ, слышавшій себѣ не разъ на полѣ битвъ похвалу изъ устъ великаго Фрица. Съ добрымъ сердцемъ, онъ перенесъ изъ суровой жизни лагерей и походовъ грубость и жосткость обращенія въ свое семейство. Капитанъ строго командовалъ у себя въ домѣ, и хотѣлъ, чтобы всѣ въ немъ ходили въ одну ногу и по струнѣ, какъ ходятъ его солдаты. Хотя натуральная трость его и не прогулялась ни разу по спинѣ жены, дѣтей и даже слугъ, однакожъ она не однажды была снята со стѣны и грозила пасть на жертву его гнѣва. И потому, прежде чѣмъ ему скомандовали: маршъ, маршъ на вѣчныя квартиры, отъ него порядочно досталось его домашнему отряду. Амаліи со смертью его сдѣлалось не легче. Она осталась лѣтъ четырнадцати на рукахъ злой мачихи, имѣвшей еще нѣсколько собственныхъ дѣтей. Ей было хуже, чѣмъ сиротѣ. Эту хоть состраданіе чужихъ можетъ пріютить и приголубить, а тутъ она должна была жить между своими и оставаться въ неволѣ въ такомъ кругу, изъ котораго ее каждый день вытѣсняли.

Казалось, Господь богато вознаградилъ ее за семейныя печали красотою необыкновенной, живымъ умомъ и добрымъ сердцемъ; да, казалось, потому что вмѣстѣ съ этими качествами доста-

Digitized by Google

лась ей отъ природы необыкновенная слабость, родъ помѣшательства, которой источникомъ была тами добродѣтель — любовь къ опрятности. Еще съ малолѣтства Амалія простирала эту любовь до странности; она не могла видѣть пятна безъ отвращенія, со слезами умаливала уничтожить его, или сама выскабливала, вымывала, вырѣзывала, и до тѣхъ поръ тревожилась, не могла ѣсть, пить и заснуть, нока не успокоивала своей странной натуры. Нечистота наводила на нее какой-то ужасъ. Она вся дрожала, когда, вмѣсто наказанія за какіе-нибудь дѣтскіе проступки, или для исправленія порока ея, какъ называли въ домѣ, надѣвали на нее чорное бѣлье и, если продолжался этотъ опытъ, приходила въ такое болѣзненное положеніе, что съ нею дѣлались ужасныя судороги. Съ лѣтами развивалась ея красота, съ ними усиливалась ея несчастная слабость, которой помогали суровыя мѣры отца, чтобы переломить ее, и раздражали жестокіе поступки мачихи. Знаніе и усердіе врачей до сихъ поръ не помогали, можетъ и потому, что ихъ предписаніямъ не строго слѣдовали. Надо сказать, что кромѣ помѣшательства на одномъ предметѣ, которое домашнимъ могло по временамъ доставлять беспокойство и непріятность, не болѣе, она ничѣмъ ихъ не тяго-

Digitized by Google

тила. Проходили ли ея болѣзненные припадки, это было существо самое кроткое, самое любящее. Кончилось однакожъ тѣмъ, что мачиха выжила ее изъ отцовскаго дома и прямо въ домъ сумасшедшихъ. Здѣсь она поняла, гдѣ находится, взглянула безнадежнымъ окомъ въ бездну, въ которую ее бросили, и сердце ея замерло, голова закружилась. Помѣшательство ея приняло другой видъ, болѣе опасный; она стала ужъ часто видѣть чорныя пятна тамъ, гдѣ ихъ и не было. Слава моя побудила правительство перевести эту несчастную въ Берлинъ и ввѣрить ее моимъ знаніямъ и попеченіямъ.

Когда я увидѣлъ Амалію въ первый разъ, дивная красота ея поразила меня. Надъ чертами лица, тонкими, правильными, если хотите, античными, надъ стройными, роскошными формами ея тѣла, казалось, рѣзецъ высокаго художника истощилъ все свое искусство. Въ чорныхъ, огненныхъ глазахъ ея было цѣлое море блаженства: душа замирала, погружаясь въ ихъ глубину. Понимаете ли, какъ она была хороша, когда я, теперь пятидесятилѣтній старикъ, не могу говорить о ней безъ страстнаго ночитанія, не могу описывать ее, не занявъ выраженій у поэзіи юношеской, восторженной любви? Вы знаете мою дочь: это спи-

Digitized by Google

сокъ съ высокаго оригинала, какого я уже подобнаго не встрѣчалъ въ жизнь свою.

Прежде чѣмъ я вошолъ въ нумеръ Амаліи—это былъ, твердо помню, нумеръ двѣнадцатый — обо мнѣ доложила сидѣлка; такое вниманіе ужъ предупредило ее въ мою пользу. Бывало, мужчины входили къ ней прямо безъ доклада. Разумѣется, на этотъ разъ и въ будущія мои посѣщенія я старался всячески не оскорблять чувства, на которомъ она была помѣшана. Увидавъ меня, Амалія, хотя и предупредили ее обо мнѣ, сильно вздрогнула, но это былъ не трепетъ испуга, а какое-то пріятное изумленіе. — Знаете ли, господинъ докторъ — сказала она мнѣ голосомъ обворожительнымъ: — я васъ гдѣ-то видала... мы съ вами гдѣ-то встрѣчались.

И стараясь припомнить, гдѣ она меня видѣла, Амалія прижала бѣлую, чудесно изваянную руку ко лбу, какъ бы вытѣсняя оттуда прошедшее.— Нѣтъ, не припомню — повторяла она — а твердо увѣрена, что мы съ вами знакомы. Съ перваго раза душа моя встрѣтила васъ, какъ брата, съ которымъ долго была въ разлукѣ. Не правда ли, такое признаніе можетъ только сдѣлать сумасшедшая дѣвушка?

Я обратилъ ея слова въ шутку и старался дать

Digitized by Google

нашей бесѣдѣ тонъ обыкновенныхъ свѣтскихъ разговоровъ. Но, подивитесь моему безумію, не состраданіе къ этой несчастной, не дружба наполняли мою душу, когда я на нее глядѣлъ и говорилъ съ нею, а любовь овладѣла мною, любовь самая страстная, самая безумная, какая могла только существовать когда.

Я забылъ, гдѣ нахожусь, въ какомъ состояніи та, къ которой осмѣлился питать это чувство, я забылъ, что она сестра, дочь, дитя мое, которое поручила судьба моимъ отеческимъ попеченіямъ; я забылъ все, и сталъ искать взаимной любви этой дѣвушки, какъ будто она была въ полномъ разумѣ, не въ домѣ сумасшедшихъ. Я старался вылечить ее, употреблялъ для того всѣ свои познанія, всѣ свои заботы и усердіе, но—понимаете ли, молодой человѣкъ — не для нея, для меня самого!... Эгоизмъ, котораго весь ужасъ, всю низость понялъ я ужъ поздно! Признаться ли вамъ, я дѣлалъ опыты надъ другими больными; я усердно надъ ними работалъ, чтобы счастливѣйшіе изъ этихъ опытовъ употребить надъ Амаліей. Мои ближніе, мои страждущіе братья служили мнѣ грубой матеріей, пробными чурбанами, которые я тесалъ, рѣзалъ, рубилъ для того, чтобы воззоздать свой кумиръ. Видите ли, судьба ошиблась

Digitized by Google

въ моемъ назначеніи; не лекаремъ должно бы мнѣ быть....

Первымъ моимъ попеченіемъ было окружить мою паціентку всѣми возможными удобствами жизни, которыя могли бы заставить ее забыть, что она въ домѣ сумасшедшихъ. Изъ главнаго дома, гдѣ неистовые крики напоминали ей собственное ея положеніе, перевели мы ее въ бельэтажъ флигеля, въ которомъ я самъ жилъ, и помѣстили въ двухъ свѣтлыхъ, веселыхъ комнаткахъ, окнами на юго-востокъ и въ садъ, прекрасно меблированныхъ и со всѣмъ комфортомъ, который только позволяли мнѣ мои средства. Мои средства, сказалъ я, потому что я не довольствовался тѣми, которыя употребляло правительство, а прибавлялъ къ нимъ собственныя свои, урѣзывая отъ другихъ потребностей жизни. Здѣсь она была полная госпожа, малѣйшее ея желаніе исполнялось съ точностью и усердіемъ, заплаченными мною щедро заранѣе. Да и двѣ сидѣлки ея, находившіяся при ней подъ именемъ служанокъ, не только изъ корыстныхъ видовъ, но изъ состраданія, изъ особеннаго сердечнаго участія, старались всячески ей угождать. Самые капризы ея во время болѣзненныхъ припадковъ терпѣли онѣ отъ нея, какъ отъ человѣка, имъ близкаго, родствен-

Digitized by Google

него.—Цвѣты, картины, книги окружали ее; музыка, въ которой я нѣкогда былъ искусенъ, услаждала ея слухъ и не менѣе сердце. Но, признаюсь, въ выборѣ этихъ предметовъ все-таки преобладала любовь; я старался даже сюжеты картинъ и музыкальныхъ произведеній оцвѣтить, напитать этимъ чувствомъ. Признаюсь также въ своей ревности: никто, кромѣ меня, не игралъ для нея, никто изъ мужчинъ ее не посѣщалъ. Мудрено ли, что я достигъ своей цѣли? Сирота, одинокая въ мірѣ, брошенная родными въ домъ сумасшедшихъ, видя меня, молодаго человѣка пріятной наружности, каждый день, иногда раза по два, по три, окружонная моими нѣжными заботами, моимъ уваженіемъ и пламенною любовью, которую Амалія не могла не замѣтить, она сама съ нѣжною организаціей, съ добрымъ сердцемъ, съ душою пылкою, почувствовала ко мнѣ любовь. Ей дѣлалось скучно, грустно, когда она меня не видала; она подетерегала мой приходъ, и если я не приходилъ въ обыкновенные часы, начинались ея капризы, помѣшательство искало себѣ пищи, придиралось къ малѣйшей бездѣлицѣ. Находили ли облачка на небо, оно для нея все было въ чорныхъ пятнахъ, точки въ книгѣ расплывались въ пятна, собственные ея глаза въ зер-

Digitized by Google

какъ казались ей двумя мутными, несносными пятнами.

Вы видите однакожъ, что помѣшательство не проходило. Чтожъ сдѣлали мои заботы, мое искусство? Очень мало для нея. Припадки ея безумія, правда, становились рѣже, слабѣли; имъ нужна ужъ была причина, они раждались отъ сопротивленія и раздраженія. Прежде Амалія отыскивала вездѣ, во всемъ чорныя пятна и терзалась ими, теперь, только, найдя ихъ, безпокоилась, но скоро одумывалась, или видѣла ихъ, какъ я уже сказалъ, во время долгой разлуки со мною, въ грустные часы своего одиночества. А эта разлука продолжалась не болѣе нѣсколькихъ часовъ, это одиночество было лишь тогда, когда меня съ нею не было. Да, помѣшательство ея приняло надежный видъ, но все еще не проходило.

А я, я самъ, безумецъ, былъ счастливъ, упоенный ея любовью. Какъ она любила меня! Одно слово мое, одно мое появленіе прогоняло облако печали съ ея лица, исчезали капризы, разумъ дѣлался яснѣе. Когда мнѣ доносили, что безъ меня были съ нею припадки безумія, я даже не вѣрилъ этому, а видѣлъ въ словахъ сидѣлокъ только грубость, близорукость чувствъ, не постигающихъ тайнъ сердечныхъ: такъ любовь преобразовывала

Digitized by Google

ее при мнѣ. Со мною Амалія была существо разумно-любящее. Эта Галатея только мною, только въ моемъ присутствіи одушевлялась. Не думайте однакожъ, чтобы стыдливость не боролась въ ней съ любовью. Нерѣдко происходила эта борьба; нерѣдко, въ лучшія ея минуты, разсудокъ и даже сознаніе своего болѣзненнаго состоянія говорили ей, что она недостойна меня, что связать судьбу свою съ моею было бы сдѣлать меня несчастнымъ: — не даромъ же она находилась въ домѣ сумасшедшихъ! Но привязанность ко мнѣ все превозмогала и усиливалась день ото дня. Мудрено ли? Во мнѣ видѣла она своего покровителя, врача, друга, роднаго, все свое настоящее и будущее; во мнѣ одномъ заключала все благо своей жизни: отъ одной мысли потерять это все, сердце ея леденѣло. Такъ передавала она мнѣ впослѣдствіи, въ часы душевныхъ изліяній, свои отношенія ко мнѣ; слова подтверждались поступками. Какъ покорное дитя, Амалія вся ввѣрилась мнѣ. Иногда говорила она мнѣ такія задушевныя рѣчи, которыя и свѣтской разумницѣ не изобрѣсти; то забавляя меня, какъ рѣзвое дитя, то давала мнѣ поцаловать свою бѣлую ручку, то дарила меня чудными прогулками по саду, вдвоемъ, въ лѣтнія ночи, упитанныя благоуханіемъ цвѣтовъ,

Digitized by Google

растворенныя нѣгою теплоты и таинственнаго молчанія, когда вся природа, кажется, нарочно собравъ чары свои, навѣваетъ ихъ на все ваше существо, когда не остается уже въ этомъ существѣ мѣста для мысли, а переполнено оно однимъ чувствомъ.

И во мнѣ происходила иногда борьба съ самимъ собою.—Одумайся, кого ты любишь?—говорилъ мнѣ разсудокъ. — Увѣренъ ли, что несчастная дѣвушка совершенно вылечится! Какіе у тебя виды на нее? — Настоящіе успѣхи моего леченія — замѣтьте, моего леченія! ручаются за будущее—говорило сердце.—Она, можетъ быть, только здорова и счастлива при мнѣ, со мною; Провидѣніе ввѣрило мнѣ ее—мнѣ ли ее покинуть? Мнѣ ли обмануть довѣренность Провидѣнія?... Я не могу жить безъ нея, она безъ меня. А бракъ?... Развѣ не можетъ онъ соединить всѣ интересы нашей жизни?... Кому жъ лучше ухаживать за несчастною, какъ не мужу? Посвящу ей всѣ свои познанія, всю жизнь свою; а посвятить себя служенію несчастію, развѣ не добродѣтель? а возвратить міру разумное существо — развѣ не подвигъ?... Да, бракъ все покроетъ, и немилости къ ней судьбы, и несправедливость родныхъ, и соблазнъ нашей любви, и пересуды злыхъ людей!

Digitized by Google

Врачъ съ сумасшедшею?... А какія дѣти могутъ произойдти отъ этого союза?... Боже! я, врачъ, объ этомъ даже и не думалъ.

Видите ли, воротиться было поздно, сердцу— было невозможно.

Я упомянулъ вамъ о пересудахъ людскихъ. Да, въ домѣ, у сосѣдей, въ городѣ, говорили, что я влюбленъ въ сумасшедшую, что я забываю для нея своихъ больныхъ, ее одну вижу, ею одною занимаюсь; говорили даже, что она — моя любовница!... Сумасшедшіе — о! иногда и до нихъ доходятъ такія тайны, которыя и людямъ въ полномъ умѣ не скоро достаются — даже сумасшедшіе, вспоминая объ отсутствіи Амаліи изъ двѣнадцатаго нумера, который никто послѣ нея не занималъ, говорили, что докторская пташечка давно переведена въ другую клѣтку.

Кажется, по этому безразсудному пути далѣе нельзя было сдѣлать шагу....

Я сдѣлалъ этотъ шагъ!... Помню и теперь, адскій хохотъ сумасшедшихъ, какого я никогда не слыхивалъ, слившись въ одинъ ужасный хоръ, прилетѣлъ къ намъ, чтобы привѣтствовать мое преступленіе. Вижу негодованіе на вашемъ лицѣ. Да, молодой человѣкъ, вы не посягнули бы на такое злодѣяніе — я посягнулъ!... Не говорилъ

Digitized by Google

ли я вамъ, что судьба ошиблась въ моемъ назначеніи, что мнѣ не врачомъ должно бы быть, а разбойникомъ, грабителемъ на большихъ дорогахъ?... Вы содрогаетесь, вы плачете.... Не говорилъ ли я вамъ, что вы на свое любопытство купите себѣ горькое воспоминаніе на всю вашу жизнь? Теперь ваше любопытство удовлетворено; вы имѣете въ запасѣ интересный анекдотецъ; можете разсказать его въ своей Россіи.... Да повѣрятъ ли еще тамъ ему?...

Докторъ пересталъ. Не видно было на лицѣ его обычной гримасы; правда, я ничего не видѣлъ—я плакалъ, и только слышалъ, какъ возлѣ меня кто-то рыдалъ, какъ ребенокъ.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ снова началъ.

Теперь бракъ былъ неминуемъ. Но, чтобы приготовить къ нему другихъ, я не могъ не прибѣгнуть къ обману: донесъ начальству, что Амалія совершенно здорова и можетъ выйдти изъ своего заключенія; пасторъ, который долженъ былъ насъ вѣнчать, получилъ такое же свидѣтельство. Вскорѣ соединили мы навсегда судьбу нашу въ храмѣ Божіемъ. Во время священнаго обряда, какъ я боялся, чтобы моя невѣста не измѣнила мнѣ словомъ или знакомъ! Такъ и случилось. Едва получили благословеніе, Амалія поблѣднѣла, вскрик-

Digitized by Google

нула и бросилась на грудь мою. Пасторъ сказалъ мнѣ вполголоса, но грозно: — «Вы обманули меня.... Помните, вы хотѣли обмануть Бога».— Эти слова и теперь звучатъ въ ушахъ моихъ. Сдѣлалась суматоха въ церкви, всѣ спѣшили узнать причину этого крика; я съ трудомъ успокоилъ новобрачную и, съ помощью друзей своихъ, увлекъ ее въ карету. Здѣсь она пришла въ себя. Всю эту невзгоду произвелъ чорный пластырь на глазѣ у одного изъ зрителей церемоніи. Друзья выдумали для толпы другую причину, изъ которой въ нѣсколько дней выросло огромное романическое приключеніе. Между тѣмъ въ городѣ славили мое искусство; женщины приписывали излеченіе Амаліи могуществу любви; врачи и люди холодные, разсудительные, пожимали плечами, или бранили меня. Какъ бы то ни случилось, дѣвица изъ двѣнадцатаго нумера дома умалишонныхъ была моею женою.

Не стану разсказывать вамъ подробностей моей жизни съ Амаліей. Это была безпрерывная цѣпь высокихъ страданій и высокаго блаженства. Годъ прошолъ такимъ образомъ. По окончаніи его жена подарила меня дочерью. Боясь, чтобы съ молокомъ матери дитя не всосало въ себя ея помѣшательства, я приготовилъ кормилицу; но

Digitized by Google

Амалія непремѣнно хотѣла сама кормить дочь свою. Можете судить о моихъ мукахъ; сердце мое рвалось съ двухъ сторонъ на части. Какъ открыть матери, почему я не желаю, чтобы она кормила дитя свое? Какъ опять рѣшиться предать это бѣдное, невинное твореніе въ жертву ужасной болѣзни и погубить его на всю жизнь! Не могъ же я съ первыхъ дней отнять несчастное дитя отъ груди матери! Знаю, это убило бы Амалію. Черезъ нѣсколько дней однакожъ я объявилъ ей, что молоко ея, по такимъ и такимъ-то признакамъ, должно быть нездорово для малютки, въ которомъ я будто замѣтилъ ужъ болѣзненные припадки. Въ это время наша Каролина, румяная, свѣжая, какъ райское яблочко, лежала на рукахъ у матери и такъ сладко ей улыбалась! Послѣ такого свидѣтельства моимъ словамъ не повѣрили. Въ другой разъ, страшась за будущность малютки, я рѣшился дать ей тайкомъ лекарство.... средство, которое назовите, какъ вамъ угодно.... оно послужило моимъ видамъ.... дитя сдѣлалось нездорово, поблѣднѣло, начало стонать. Стоны эти раздирали душу Амаліи. Я напомнилъ ей о нездоровости ея молока; она испугалась за свою дочь и — для спасенія ея спѣшила пожертвовать своими лучшими радостями, своимъ счастіемъ.

Digitized by Google

Передавъ дитя кормилицѣ, она стаяа сильно задумываться.... Вскорѣ молоко бросилось ей въ голову. Поставьте себя на моемъ мѣстѣ: вообразите себѣ, если можете, что я тогда чувствовалъ. Черезъ нѣсколько сутокъ я уже орошалъ слезами могилу моей бѣдной Амаліи.

Дитя наше расло.... И чтожъ? всѣ мои предосторожности не помогли.... Вы видѣли мою Каролину.... но вы еще не знаете ея.... Такъ знайте же, такъ разскажите же вашему другу — она сумасшедшая!

— Ваша дочь?... Не можетъ быть! — перебилъ я доктора, вскочивъ со стула.—Ваша дочь, та самая, которую я видѣлъ нѣсколько разъ, съ которою я нѣсколько разъ бесѣдовалъ.... милая, умная, образованная?... Не можетъ быть! Неправда!

— О! если бы я могъ то же сказать, жизнью своею пожертвовалъ бы за это благо; готовъ бы купить его рабствомъ, бесчестьемъ, публичной поцочиной.... Довольно ли для васъ?... Хотите доказательствъ, испытаній?... Нѣтъ, нѣтъ, у васъ доброе сердце; вы не потребуете ихъ. Надо быть или злодѣемъ, или отцомъ, чтобы смотрѣть добровольно на подобное страданіе. Разъ вы сами были свидѣтелемъ небольшой вспышки помните,

Digitized by Google

въ саду, въ восточной бесѣдкѣ, когда Каролина увидѣла чорный камешекъ на пескѣ?

— Да, помню... теперь понимаю... сказалъ я.

— Это были только самыя легкія изъ ея страданій.... Но выслушайте продолженіе моей повѣсти; вы съ вашимъ другомъ сами докончите ее.

Дитя мое росло со всѣми признаками болѣзни, которою страдала Амалія. Несчастное наслѣдство было вѣрно передано дочери отъ матери; въ этомъ случаѣ опека природы честно и усердно исполнила свои обязанности. Правда, въ Каролинѣ нѣтъ такого сильнаго помѣшательства, какъ у матери: она не изобрѣтаетъ причинъ, чтобы пугать ими свое воображеніе, не видитъ противнаго своей природѣ тамъ, гдѣ его нѣтъ. Но все-таки необыкновенная страсть къ опрятности переходитъ въ ней за предѣлы разсудка. Темные и особенно мелкіе, рябые предметы, нечистота, чернильное пятно, чорный и, замѣтьте, одинокій камешекъ, все, что возмущало и сокрушало мать, пугаетъ и печалитъ дочь, приводитъ въ содроганіе. Не разъ, къ утѣшенію моему, замѣчалъ я въ ней сознаніе своей слабости, которую называетъ она порокомъ; не однажды слышалъ я отъ нея желаніе исправиться. Тогда проситъ она меня помочь ей напоминаніемъ, совѣтами, даже строгостью,

Digitized by Google

говоритъ, какъ хотѣла бы утѣшить меня исправленіемъ. Но при малѣйшемъ опытѣ она вся дрожитъ и умоляетъ не продолжать его, или, если сможетъ сохранить довольно разсудка и силы, чтобы пересилить свой страхъ и уныніе, дѣлается больною, иногда опасно. Послѣ такихъ безполезныхъ опытовъ, возмущающихъ жизнь Каролины, я рѣшился лишь угождать ей. Хочу забыть, что она помѣшана; вижу въ ней только избалованное, капризное дитя — мое дѣло тѣшить ее всякими игрушками, какія могу достать или изобрѣсть. Это кумиръ, на служеніе которому посвятилъ я всю жизнь свою — божество своенравное, котораго малѣйшія желанія обязанъ исполнить. Въ этомъ служеніи всѣ радости моей жизни, все мое благо. Такъ сердце опредѣлило мои отношенія къ больной дочери. Для кого жъ пошолъ я окружнымъ лекаремъ въ ничтожный, уединенный городокъ? Развѣ не нашолъ бы я богатой жатвы для своей практики въ одной изъ столицъ Германіи? Для чего жъ бы эта изысканная, изумляющая чистота въ моемъ домѣ, которую сторожимъ денно и ночно я самъ, пятидесяти-лѣтній старикъ, и всѣ, кѣмъ располагать могу? Для чего эти тысячи цвѣтовъ, въ лабиринтѣ которыхъ вы теряетесь, эти рои крылатыхъ пѣвцовъ и красавцевъ, насе-

Digitized by Google

лющихъ мой домъ и садъ; эти золотистыя и красноперыя рыбки, играющія въ прудахъ, ручные олени, покорные закону и волѣ одной своей госпожи — всѣ игрушки, которыя стоютъ мнѣ такъ дорого и поглощаютъ завтра все, что я нынѣ добылъ своими трудами? Для чего жъ все это, если не для спокойствія и забавы моей бѣдной дочери? Когда вы будете имѣть дѣтей, вспомните меня, вы узнаете тогда, какъ они дороги отцу. Прибавьте еще, у нея нѣтъ матери, она больна— и какою болѣзнію! Положите еще на вѣсы моего сердца ужасное преступленіе, которое было виною всѣхъ моихъ несчастій.

Здѣсь я живу третій годъ. Этотъ городокъ, забытый въ глушь болотъ и тощихъ лѣсовъ, оживляемый только на короткое время, когда дворъ сюда пріѣзжаетъ, избралъ я, послѣ многихъ неудачныхъ переселеній съ мѣста на мѣсто, пристанищемъ отъ людскаго, большаго свѣта. Тамъ мою Каролину нельзя не замѣтить; тамъ найдетъ она поклонниковъ своей красотѣ, можетъ отдать избраннику свое сердце, погибнуть сама и погубить другаго; въ глуши я сберегу этотъ бѣдный, заповѣданный цвѣтокъ. Съ такими мыслями пріѣхалъ я сюда. Здѣсь устроилъ я для своей Каролины маленькій земной эдемъ — по крайней мѣрѣ такъ

Digitized by Google

воображалъ. Въ ограду его, до васъ съ Лицентамъ, не входилъ ни одинъ мужчина, исключая стараго садовника; дочь моя не знаетъ другаго общества, кромѣ жены одного здѣшняго торговца, немного посвященной въ мои тайны, и дочерей ея. На могилѣ Амаліи я далъ обѣтъ, что Каролина никогда не будетъ замужемъ. Не погубить же ее, какъ я погубилъ мать! не подарить же свѣту нѣсколько поколѣній сумасшедшихъ!... Но чтобы вѣрнѣе исполнить свои виды, чтобы уберечь мое дитя отъ сострадания людскаго, которое иногда тяжелѣе самой злобы, я принялъ на грудь свою всѣ стрѣлы клеветы; я самъ нарочно, съ помощью одного тайнаго друга и черезъ служителей своихъ, распускалъ слухи, что я величайшій ревнивецъ, неугомонный мучитель своей дочери, запираю ее въ четырехъ стѣнахъ, берегу ее денно и ночно отъ глазъ мужчинъ—и, щедрый на такіе отзывы, свѣтъ спѣшилъ размножать и увеличивать ихъ. Что мнѣ до того? Не дочь мою бранятъ! Легче мнѣ, старику, слыть негоднымъ, злымъ человѣкомъ, чѣмъ слышать, какъ мое бѣдное дитя стали бы величать сумасшедшею, какъ ее оскорбляли бы сожалѣніемъ и, кто знаетъ, можетъ быть, насмѣшками! Можетъ статься, какому-нибудь важному лицу вздумалось бы для своей потѣхи всы-

Digitized by Google

тывать ее въ сумасшествіи и забавляться ею, какъ фигляромъ, который искусно выдѣлываетъ свои штуки; можетъ статься, какой-нибудь добрый человѣкъ далъ бы ей самой замѣтить, что она—сумасшедшая!.. Она этого до сихъ поръ не знаетъ... Что сталось бы тогда съ нею!

Такъ я жилъ здѣсь, до появленія вашего, счастливый, что покоилъ и забавлялъ свое капризное, избалованное дитя. Простите отцу, если я скажу: вы пришли нарушить это счастіе. Когда вы заговорили въ первый разъ о моей дочери, и тогда ужъ злое предчувствіе, какъ червь, прилало къ моему сердцу и начало подтачивать его спокойствіе. Я сталъ бояться чего-то, самъ не зная чего, даже и тогда, когда увѣрился, что вы насъ не посѣтите. Судьбѣ угодно было оправдать мое предчувствіе: она вскорѣ послала въ домъ мой вашего друга. Одинакія въ немъ съ моею дочерью склонности поразили и испугали меня; сродство душъ было явно: я увѣренъ былъ, что она не полюбитъ никогда человѣка противныхъ свойствъ. Но Лиденталь, узнавъ, вѣроятно, отъ васъ о моей ревности, былъ такъ добръ, такъ благороденъ, что не захотѣлъ оскорбить меня желаніемъ познакомиться съ Каролиной: поведеніе его служителей строго согласовалось съ его отношеніями ко мнѣ.

Digitized by Google

Я успокоился.—Русскій офицеръ скоро выздоровѣетъ—думалъ я, заботясь усердно о его излеченіи:—онъ уѣдетъ, и гроза, меня пугавшая, пройдетъ. Богу угодно было иначе. Шутка двухъ вострушекъ, дочерей моей пріятельницы, уничтожила разомъ заботы многихъ лѣтъ, всѣ мои виды, всѣ надежды, опрокинула вверхъ дномъ мое семейное благополучіе.... Я этого достоинъ; но—Каролина, которая только тѣмъ виновата, что она дочь моя — зачѣмъ она несетъ со мною все бремя моихъ несчастій!

Скоро замѣтилъ я взаимную любовь молодыхъ людей; но и тутъ успокоивалъ себя мыслью, что русскій офицеръ у насъ недолго прогоститъ и отправится скоро въ армію. Разлука и время придутъ на помощь ко мнѣ, думалъ я, и прежнее наше спокойное житье къ намъ возвратится; препятствія же, какія бы я теперь ни придумалъ, могутъ только раздуть страсть и нанести Каролинѣ одни огорченія. Провидѣнію угодно было и эти разсчоты, сильные по моему мнѣнію, уничтожить въ одно мгновеніе. Лиденталь у насъ остается, Лиденталь просилъ руки моей дочери. Руки ея?... Боже! съ этимъ словомъ встало передо-мною все мое ужасное прошедшее, съ моимъ преступленіемъ во всей его чернотѣ; я услышалъ надъ со-

Digitized by Google

бою хохотъ сумасшедшихъ, осязалъ холодный мечъ, которымъ разсѣкъ союзъ матери съ дочерью; передо мною встала изъ гроба моя Амалія, простирая руки къ младенцу, оторванному отъ ея груди; въ сердцѣ моемъ гремѣли слова: «Вспомни обѣтъ свой—не погуби дочери, какъ ты меня погубилъ!...» Посѣтилъ меня и пасторъ, насъ вѣнчавшій, и сказалъ мнѣ: «Если можешь, обмани опять Бога!»

Нѣтъ, воля ваша, я не отдамъ свое дитя на поруганіе судьбы, я не пожертвую имъ чувству, которое погубило мать ея. Нѣтъ, вы не похитите мое дитя: у васъ обоихъ съ вашимъ другомъ не злое сердце. Вспомните, въ ней все мое благо, моя совѣсть, моя будущность на томъ свѣтѣ. Подумайте, какія радости можетъ сумасшедшая обѣщать своему мужу? Не будетъ ли союзъ съ ней повтореніемъ моего безразсудства? Нѣтъ, вы не отнимете у меня моей дочери, не оторвете ее отъ груди моей! Если хотите, я паду къ ногамъ вашимъ, облобызаю ваши руки, оболью ихъ слезами, буду молить васъ именемъ вашего отца, вашей матери, всѣмъ, что только есть для васъ дорогаго и святаго въ мірѣ.

И Мозель въ самомъ дѣлѣ былъ у ногъ моихъ, тянулъ къ себѣ мою руку, чтобы ее поцаловать...

Digitized by Google

Я поднялъ его, старался успокоить и ручался ему за благородство и твердость моего друга. Мы принялись сочинять планъ, какъ устроить общую ихъ судьбу. Составивъ самый благоразумный, какой могли только придумать бѣдный отецъ, совершенно растерянный, и неопытный молодой человѣкъ, разстроенный повѣстью всѣхъ этихъ несчастій, въ которыхъ самъ былъ невольно такимъ усернымъ вкладчикомъ, мы разстались. Докторъ мой казался утѣшеннымъ.

Что за дивную повѣсть слышалъ я?... Господи! Господи! Какими молніеносными знаками выжегъ ты печать своего гнѣва на этихъ несчастныхъ! Какимъ земнымъ отверженіемъ заклеймилъ Ты два чудныя созданія, одаренныя Тобой же красотою нездѣшнею!

И до сихъ поръ не могу образумиться отъ всего, что я слышалъ.

Вечеромъ былъ я на придворномъ балѣ... и мнѣ все представлялись между танцующими помѣшанныя красавицы, и жаркій, вступленный поцалуй при хохотѣ сумасшедшей братіи, отчаянная мать, отъ груди которой отрываютъ дитя ея, и отецъ, рыдающій у ногъ моихъ, молящій за свою больную дочь. На балѣ былъ и Лиденталь, смущенный, грустный.... Онъ еще ничего не

Digitized by Google

знать; я отложилъ разсказъ свой до завтрашняго дня. Тутъ же былъ и докторъ мой: онъ не могъ не быть.... ему сдѣлали честь пригласить его.... Увидавъ меня, Мозель подалъ мнѣ руку и силился выдѣлать улыбку, но вмѣсто улыбки выходила судорожно-болѣзненная гримаса, отъ которой у меня всегда такъ ныло сердце.

На другой день приготовивъ, какъ съумѣлъ, Лиденталя, я передалъ ему свою чудную повѣсть. Онъ сначала вышелъ изъ себя, не хотѣлъ ей вѣрить, говорилъ, что вся она выдумана ревнивымъ докторомъ, которому жаль разстаться съ своею дочерью, что если Каролина подвержена слабости, конечно странной, но общей съ слабостью его, Лиденталя, такъ слѣдственно и его можно причислить къ сумасшедшимъ. Такимъ образомъ наберутся сотни сумасшедшихъ, которые теперь свободно гуляютъ по бѣлому свѣту, служатъ, трудятся и наслаждаются жизнію и которыхъ надо будетъ, по методѣ Мозеля, запереть въ домъ умалишонныхъ.

Пріятельница Мозеля, вдова здѣшняго бюргера, приняла на помощь ко мнѣ и подтвердила моему бѣдному другу все, что знала насчотъ болѣзни молодой дѣвушки. Не смотря на всѣ эти увѣренія, Лиденталь требовалъ доказательствъ, хотѣлъ

Digitized by Google

самъ, своими глазами, видѣть опытъ... Но вскорѣ образумился... Благородство его души взяло верхъ надъ страстью. Онъ рѣшился лучше самъ страдать, чѣмъ видѣть страданія Каролины, и согласился на подвигъ. Да, иначе не назову его высокаго поступка, его самопожертвованія. Вмѣстѣ съ этимъ поклялся онъ доктору честью русскаго офицера, что ни одна женщина не назовется его супругой, кромѣ Каролины Мозель.

Объявлено Каролинѣ, что отецъ согласенъ на бракъ ея съ Лиденталемъ, но, по случаю военнаго времени, долженъ отсрочить совершеніе этого союза до водворенія мира въ Германіи. Въ тайномъ же нашемъ совѣтѣ положено: Лиденталю навсегда отказаться отъ руки Каролины, черезъ нѣсколько дней отправиться въ армію, до того же времени притвориться счастливымъ женихомъ, въ такихъ отношеніяхъ вести переписку съ мнимою невѣстой, а — остальное предоставить Богу. Все сдѣлано было, чтобъ обмануть сердце бѣдной дѣвушки и окружить ее всѣми радостями, всѣмъ очарованіемъ счастливой любви. Что долженъ былъ перечувствовать другъ мой, принужденный играть роль счастливца, между тѣмъ какъ муки безнадежной любви и извѣстность, что любимая имъ женщина никогда не можетъ ему принадле-

Digitized by Google

жать, что она сумасшедшая, терзали его сердце на части. Дорого стоило ему это лицедѣйство. Ударъ, потрясшій все его существо, усилія, которыя онъ надъ собою сдѣлалъ, подѣйствовали на его грудь, и безъ того слабую... онъ сталъ ужъ сильно и опасно покашливать, еще не покинувъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ заключалось все, что зналъ въ жизни прекраснѣйшаго и что только въ этой жизни было дорого для него. Бѣдный Мозель радовался за свою дочь, но страдалъ за молодаго человѣка, который такъ великодушно принесъ себя въ жертву ея благополучію... Благополучію? По крайней мѣрѣ, мы такъ думали!

Каролина, съ своей стороны, была счастлива. Одно что ее огорчало, такъ это разлука съ женихомъ; но ее утѣшали надежды скораго мира и, слѣдственно, скораго свиданія. — Пріѣзжай скорѣй, скорѣй, милый другъ! — говорила она, прижимая руку Лидентала къ своему сердцу. Господь справедливъ, онъ сохранитъ тебя отъ опасностей, онъ скоро возвратитъ тебя моей любви. Здѣсь каждый часъ, каждую минуту буду произносить молитву о твоемъ здоровьи, о нашемъ свиданіи. Ты не будешь далеко отъ меня; твой образъ всегда будетъ передъ моими глазами; окружу его всѣми ласками, какія только знаю, какія только

Digitized by Google

могу придумать — покуда въ разлукѣ съ тобою. Выучу для тебя много русскихъ нѣжныхъ словъ; выучу русскую пѣсню, которую ты пѣвалъ мнѣ иногда не однажды и перевелъ для меня. А тамъ— поѣдемъ въ твою Россію... Она будетъ и моею, потому что ты въ ней будешь со мною. У тебя нѣтъ ближнихъ родныхъ, и зачѣмъ тебѣ ихъ? я замѣню тебѣ мать, сестру, родню, своею дружбою, любовью, ласками. Неправда ли?

Слезы готовы были брызнуть изъ глазъ Лидсенталя; но онъ глоталъ ихъ, и самъ также разсказывалъ о будущемъ своемъ блаженствѣ.

Дня за два до отъѣзда Лидсенталя, пріятельница Мозеля, вдова людвигслустскаго бюргера, добрая, можетъ быть и слишкомъ добрая, и до сихъ поръ осторожная, вздумала сгрустнуть о молодомъ человѣкѣ, который такъ сильно любилъ Каролину и, по достоинствамъ своимъ, могъ бы составить счастіе этой дѣвушки, если бы она излечилась отъ помѣшательства. Вслѣдствіе грустнаго расположенія духа она рѣшилась испытать, не совершитъ ли любовь чуда. Къ этому испытанію приступлено немедленно, при первой отлучкѣ доктора изъ дому. Видамъ посредницы помогалъ и случай: Каролина только что разсталась съ женихомъ своимъ,

Digitized by Google

и погружена была въ восторги счастливой любви и пріятнѣйшихъ надеждъ.

— Дочь моя—сказала ей добрая посредница:— ты невѣста; выбранный твоимъ сердцемъ молодой человѣкъ, по своимъ душевнымъ качествамъ, богатству и положенію въ свѣтѣ, могъ бы всегда составить себѣ отличную партію. Не говорю, чтобы ты не была его достойна; ты богата красотою, умомъ и добрымъ сердцемъ, а это самыя драгоцѣнныя сокровища для мужа; но — скажу тебѣ откровенно—ты имѣешь худую привычку, тягостную для всѣхъ тебя окружающихъ. Чорныя пятна, малѣйшая неопрятность приводятъ тебя въ какое-то замѣшательство и даже страхъ; иногда отъ этихъ, ничего не значащихъ причинъ, гнѣвъ портитъ твое хорошенькое личико. Какъ же избѣжать предметовъ, тебѣ ненавистныхъ, когда ты будешь замужемъ за человѣкомъ военнымъ? Вотъ, напримѣръ, если бы онъ вздумалъ при тебѣ писать письмо и неосторожно капнулъ чернилами на бумагу....

Каролина вздрогнула.... посредница, замѣтивъ это, все-таки продолжала:

— Сколько непріятностей и тягости надѣлаетъ твоя странная привычка человѣку любимому! Нынче и завтра эти непріятности—могутъ послѣ-

Digitized by Google

довать ропотъ, ссоры и, наконецъ, Боже сохрани, холодность!

— Холодность? нѣтъ, лучше смерть! — сказала Каролина, слушавшая до того рѣчь посредницы съ жаднымъ вниманіемъ, не безъ примѣси страху.

— Такъ исправься. Возьми себѣ на помощь разсудокъ... подумай, что такое пятно... какое зло можетъ оно тебѣ сдѣлать?...

— Исправлюсь, милая мамахенъ, непремѣнно исправлюсь.... И вотъ, чтобы доказать вамъ, какъ ваши совѣты мнѣ по душѣ, какъ я люблю *его*, начну первый урокъ при васъ.

Каролина позвонила.

— Чернильницу! — сказала она съ веселымъ видомъ вошедшей служанкѣ.

Та стояла, какъ вкопанная, выпуча глаза, не понимая, какое чудо совершилось съ ея молодою госпожой. Каролина повторила свое требованіе. Но гдѣ достать чернильницу? Одна и была только въ домѣ, да и та запиралась на замкѣ въ кабинетѣ, за порогъ котораго никто, кромѣ самого доктора, не смѣлъ перешагнуть.

— Принеси отъ насъ—сказала вдова.

Чернильница принесена. Несчастная дѣвушка

Digitized by Google

поблѣднѣла, какъ будто принесли на нее орудія пытки; но старалась быть веселѣе.

— Вотъ вы увидите — говорила она, взявши перо и обмакнувъ его въ чернильницу.

— Довольно на этотъ разъ; въ другой урокъ, милый другъ, ты пойдешь далѣе: сказала посредница, испуганная отчаяннымъ видомъ Каролины, и хотѣла вырвать перо изъ рукъ ея; но та не отдала его.

— Нѣтъ—продолжала несчастная, вся дрожа, между тѣмъ какъ изступленіе горѣло въ глазахъ ея, и начала ронять чернильныя пятна по своему платью, сначала рѣдко, потомъ учащая ихъ. — Нѣтъ, я хочу доказать, что можетъ мое сердце... Вотъ пятно... еще... еще... Изъ любви къ нему буду носить это платье... Что мнѣ сдѣлаютъ всѣ эти уроды? Не боюсь, васъ!... Множьтесь, растите, осыпайте меня цѣлыми роями... жальте меня... ничего не боюсь... моя сила не отъ земли — отъ любви къ нему... Я чиста, какъ первый снѣгъ... Не замарать вамъ всей одежды моей души... ее моютъ мои братья... не здѣшніе... Во имя друга за мной побѣда!

И несчастная, казалось, бичевала себя, неистово осыпая свое платье чернильными пятнами. На-

Digitized by Google

конецъ она изнемогла и безъ чувствъ упала на руки испуганной, истерзанной посредницы.

Какую жъ пользу принесло это испытаніе? Ровно никакой. Оно доставило только бѣдной страдалицѣ сильный нервическій припадокъ, вдовѣ бюргера размолвку съ врачомъ и служанкѣ изгнаніе изъ дому. Съ того времени не было болѣе помину объ испытаніяхъ: отецъ и врачъ зналъ лучше свою пацієнтку.

До насъ съ Лиденталемъ дошло это происшествіе на другой же день, и еще сильнѣе растравило сердечныя раны его.

Наконецъ Каролина и Лиденталь разстались съ надеждами—одна скораго брачнаго поцалуя, другой — свиданія не на землѣ.

Затѣмъ все въ домѣ пошло по прежнему. По прежнему во владѣніяхъ Мозеля наблюдалась изумительная чистота, птицы вили гнѣзда, пѣли и щеголяли своими перьями, лебеди купались въ водахъ, олени ѣли изъ рукъ своей молодой госпожи; но прежнему цвѣты, словно густые рои мотыльковъ, слетѣвшіе со всѣхъ концовъ свѣта и павшіе на садъ Мозеля, красовались и благоухали. Но флигель былъ пустъ; молодая, прекрасная хозяйка чаще задумывалась, щоки ея начало поводить, тайная скорбь видимо день за днемъ оби-

Digitized by Google

рала изъ ея прелестей; чаще стала появляться на худомъ лицѣ доктора несносная его гримаса.

Громъ оружій изъ-подъ Лютцена далъ намъ вѣсть о новой схваткѣ *нашихъ* съ Наполеономъ, не утомившимъ еще своего генія и восторженной любви къ нему французскихъ солдатъ. Мы, русскіе, должны были явиться на этотъ зовъ. Я простился съ новыми друзьями своими. Каролина просила меня сказать многое и многое своему жениху; между тѣмъ, молила о свиданіи хотя на одинъ часъ. — Скажите ему, что я долго не выдержу разлуки — говорила она, протянувъ мнѣ свою бѣлую ручку, и отворотилась, чтобы не показать слезъ, струившихся по ея блѣднымъ щекамъ. Докторъ ничего не говорилъ, прощаясь со мной, но молча, крѣпко, крѣпко прижалъ меня къ своему сердцу.

Съ этого времени я потерялъ ихъ изъ виду.

Въ августѣ, именно наканунѣ кульмскаго дѣла, посланъ я былъ начальствомъ въ главную квартиру, въ Альтенбургъ. Дождь безъ устали цѣлый день осыпалъ меня, какъ изъ мелкаго рѣшета, и промочилъ насквозь; взбираясь нѣсколько верстъ по одной изъ гейерсбергскихъ горъ, я принужденъ

Digitized by Google

былъ держаться за холку лошади, такъ крута была горка (а между тѣмъ по ней проходила наша артиллерія) и плелся большею частію шагомъ; ктому жъ у сердца моего сидѣла грызунья мысль, что меня, молодаго человѣка, еще мало окуреннаго порохомъ, судьба отзываетъ вновь отъ главной сцены военныхъ дѣйствій. — Товарищи мои — думалъ я — получатъ разные знаки отличія, а мнѣ не придется ли опять блеснуть своими подвигами на мекленбургскихъ паркетахъ!... Все это вмѣстѣ навело на душу мою тяжкое уныніе, отъ котораго, съ прибавкою тысячей разнородныхъ лицъ и мундировъ, мелькавшимъ мимо меня въ дождевомъ туманѣ, какъ въ водоворотѣ, главная квартира на этотъ разъ показалась мнѣ какимъ-то омутомъ, въ который я брошенъ злымъ геніемъ. Между тѣмъ дѣла дѣлались въ ней такъ скоро и точно, какъ въ конторѣ самаго исправнаго банкира. Поучиться бы тутъ нашимъ судейскимъ!... Въ нѣсколько минутъ доложили бумагу, съ которою я былъ посланъ, написали отвѣтъ и вручили мнѣ.

Смеркалось уже на дворѣ, небо еще болѣе насупилось и обѣщало волчью ночь; но разсуждать о погодѣ было нѣкогда. Я облекъ себя плащемъ, который отъ мокроты вѣсилъ съ добрый богатыр-

Digitized by Google

сній пашпырь и уладился было на сѣдлѣ, проникнутомъ водою, какъ губка.... Въ эту самую минуту слышу кто-то окликаетъ вашимъ благородіемъ. Взглянулъ — подлѣ меня, задыхавшись, стоялъ нашъ дивизіонный писарь, причисленный на время къ канцеляріи главной квартиры. — Что ты, Наливкинъ? — спросилъ я.

Лицо его радостно сіяло; онъ держалъ въ рукѣ печатный листокъ. — Ваше благородіе приказывали мнѣ.... если будутъ вѣсти....

Въ лицѣ его, въ голосѣ ясно выразилось: будетъ богатая водка!... Вѣрно, хочешь, обрадовать меня свѣженькимъ извѣстіемъ о наградахъ на дивизію нашу—думалъ я—пріѣду къ своимъ радостнымъ вѣстникомъ!

Писарь поднесъ печатный листокъ къ глазамъ моимъ и толстымъ, налитымъ эссенціею жизни, пальцемъ указалъ на строку, широко подчеркнутую чернилами, чтобы я не миновалъ ее глазами... Такъ было велико его усердіе услужить мнѣ!

— Вижу, вижу, злодѣй — сказалъ я, и прочолъ: *Исключается изъ списковъ умершій отъ ранъ.... ротмистръ Лиденталь.*

— Чтобы у тебя отсохла рука? — проворчалъ я въ сердцахъ, вонзился шпорами въ своего Молда-

Digitized by Google

вина и погрузился въ мракъ, какъ будто бросаясь въ пропасть. Я не слыхалъ дождя, ѣхалъ по горамъ, какъ по глади, не чувствовалъ боли, когда хлестали меня сучья по лицу, и сдѣлалъ нѣсколько миль крюку.

Да, нечего сказать, радостная вѣсть!...

Перекидываемый судьбою, какъ мячикъ, то въ армію кронпринца шведскаго, то въ Берлинъ, то опять въ Мекленбургъ, я очутился мимоѣздомъ— въ Лудвигслустѣ. Какъ нарочно, надо было мнѣ ѣхать мимо дома лекаря. Не знаю отъ чего, я боялся на него взглянуть; однакожъ невольно взглянулъ.... Окна были на-глухо забиты; ворота, настежъ растворенныя, ходили туда и сюда по волѣ вѣтра. Тутъ я не выдержалъ.... велѣлъ почталіону остановиться, выскочилъ изъ коляски и съ какою-то робостью дѣтскаго суевѣрія, которое боится въ пустыхъ комнатахъ встрѣтить домоваго, заглянулъ на дворъ и въ садъ. Нигдѣ ни одной живой души; вездѣ нечистота, соръ и грязь; изломанные и разбросанные грудами стулья, въ птичникахъ мяуканье кошекъ, ни одного цвѣтка, поломанныя и порубленныя деревья—вездѣ безобразіе и сокрушеніе, какъ будто жестокій ураганъ только что прошолъ по этимъ мѣстамъ свинцовою стопою. Когда я выходилъ со двора, вѣтеръ рас-

Digitized by Google

пахнулъ ставню у одного окна.... петли жалобно завыли.... и мнѣ показалось, сквозь стекло мелькнула мнѣ на мертвомъ лицѣ доктора судорожно-болѣзненная его гримаса.

Я не спрашивалъ болѣе никого, что сталось съ Мозелемъ и его дочерью.

Digitized by Google

Digitized by Google

НѢКОТОРЫЯ ПОВѢРЬЯ МОРДВЫ.

Digitized by Google

Digitized by Google

НѢКОТОРЫЯ ПОВѢРЬЯ МОРДВЫ.

I.

ПРОВОДЫ ШАЙТАНА.

Вечеръ. Солнце догараетъ уже на вершинѣ снѣжнаго кургана и бросаетъ тусклые лучи на бѣлый саванъ полей, какъ потухающая лампада свѣтитъ на блѣдное лицо мертвеца; наконецъ таинственныя сумерки наступаютъ. Все тихо въ деревнѣ и за деревнею: лишь скрипъ отъ шаговъ запоздалаго путника далеко отзывается, и родникъ упрямый, котораго морозы не могли сковать, говоритъ въ долинѣ. Это наканунѣ Крещенія, въ день провода шайтана. Хозяева домовъ въ боязливомъ молчаніи ходятъ по клѣтямъ и сараямъ,

Digitized by Google

устроеннымъ такъ, чтобы выходъ изъ одного отдѣленія въ другое былъ свободенъ; осматриваютъ, не запнулся ли обо что страшный гость и былъ ли онъ доволенъ яствами, ему въ разныхъ мѣстахъ предложенными. Ворота вездѣ отворены. Пора гостю со двора: надо знать и честь. Нечистый на святкахъ довольно погулялъ, попилъ и поѣлъ; даже въ часъ, когда зоркій пѣтухъ не могъ его подмѣтить, цаловалъ сонныхъ пригожихъ мордовочекъ (у одной изъ нихъ осталось и красное пятно на щекѣ). Онъ чуетъ величіе и святость завтрашняго дня, и спѣшитъ удалиться въ боръ дремучій. Тамъ, въ глухую полночь, аукаетъ онъ, когда мордвинъ приходитъ красть чужія дрова; иногда бѣгаетъ огонькомъ и разсыпается по болотамъ или кричитъ совою на кладбищѣ, ломая кости недобраго покойника. Часъ насталъ; проводы не по пріему. Все приходитъ въ движеніе; бьютъ тревогу. Таково ужасное волненіе въ царствѣ пчолъ, когда онѣ потеряли матку; такъ у насъ, на Руси, въ годину великую, православные хлынули изъ селъ своихъ на гибель супостата; женщины, дѣвки, парни, малые и большіе, всѣ въ праздничномъ одѣяніи, вооружаются кочергами, помелами, вилами, чѣмъ ни попало, летомъ вспрыгиваютъ на коней и, ударяя

Digitized by Google

въ сковороды, съ ужаснымъ крикомъ: «шайтанъ! шайтанъ!» несутся во весь духъ по большой улицѣ, какъ бы гоняясь за предметомъ убѣгающимъ. Въ это время лысый мѣсяцъ, какъ лукавый лѣшій, выглядываетъ изъ – за облаковъ и освѣщаетъ движущуюся картину. Блестятъ, какъ чешуйчатые латы всадника, нагрудники у дѣвокъ, унизанныя серебряною монетою; развѣваются по вѣтру ленты и лоскуты разноцвѣтные. Кажется, кровью облита одежда ихъ, вышитая по плечамъ и спинѣ красною шерстью. Крикъ, гулъ и топотъ отзываются въ долинѣ. Старики, чинно стоя у воротъ своего дома, любуются скачущей толпой и, чувствуя, какъ вмѣстѣ съ нею расходилась кровь ихъ, вспоминаютъ лѣта давнопрошедшія. Выпроводивъ гостя за околицу, конница возвращается рядами, съ знаменами изъ разноцвѣтныхъ платковъ, съ торжественными пѣснями. Мальчики и дѣвочки, бѣжавшіе за конными, чтобы принять участіе въ проводѣ шайтана, спѣшатъ безъ оглядки въ селенія, боясь, чтобы нечистый, оборотясь, не захватилъ кого изъ нихъ въ кабалу къ себѣ. Рои кипятъ, и шумятъ, и гогочутъ; но скоро голоса становятся рѣже и рѣже, наконецъ совсѣмъ замираютъ. Ворота заскрипѣли. Все умолкаетъ святою тишиной....

Digitized by Google

II.

поминки.

Ждутъ гостя въ деревню. Толпы народныя движутся въ нетерпѣніи. Наконецъ, со стороны кладбища, является онъ, верхомъ, нахлобучивъ шляпу на глаза. Тихо и недалеко проѣзжаетъ онъ разъ по улицѣ, въ другой разъ рысью далѣе, въ третій еще дальше во всю прыть. У крыльца одного дома хозяинъ, жена, сноха, бросаются съ крикомъ на пріѣзжаго, останавливаютъ лошадь за повода, хватаютъ его самого и въ радостномъ торжествѣ вводятъ въ домъ.

Садится таинственный гость на большомъ мѣстѣ, подъ святыми иконами, не скидая шляпы. Передъ нимъ столъ, накрытый скатертью бранною, отягощонный различными яствами и стекломъ, съ играющимъ пѣнникомъ. Онъ не касается яствъ лакомыхъ, не пьетъ радости изъ чары круговой. Около него, на скамьяхъ, сидятъ друзья, родные, собесѣдники. Онъ не заведетъ съ ними разговора. Молодая женщина, небрежно повязанная платкомъ, не смѣя на него взглянуть, стоитъ у дверей и горько рыдаетъ. На него боязливо указываетъ мальчикъ, лѣтъ четырехъ, качая въ люлькѣ пла-

Digitized by Google

чущаго младенца, и приговариваетъ: «ништни! вонъ тебѣ дастъ тятя!» Старушка, всплеснувъ руками и, опершись на нихъ подбородкомъ, вперила слезящія очи на таинственнаго пришельца: кажется, они хотятъ высказать: «гость нашъ желанный! гдѣ ты былъ такъ долго? Молви намъ хоть одно слово ласковое, привѣтливое.» Но гость молчитъ.... Не разрѣшатся уста его, связанныя печатью свинцовою.

Ктожъ этотъ гость неразгаданный? Покойникъ— съ того свѣта. Ужъ недѣль шесть, какъ простились съ нимъ мать, жена, братъ и дѣти; уже шесть недѣль, какъ спеленали его въ саванъ бѣлый, заколотили въ домовище и зарыли глубоко въ мать сыру землю; но онъ, въ урочный часъ, разорвалъ оковы тесовыя, разрылъ землю, его тяготившую, и пріѣхалъ погулять по бѣлому свѣту, подышать свѣжимъ воздухомъ, посидѣть съ родными и друзьями, и потомъ проститься съ ними уже прощаніемъ вѣчнымъ. Только черезъ шесть недѣль по смерти, и то не болѣе дня, дозволено покойнику приходить въ здѣшній міръ въ тѣлесной одеждѣ; съ закатомъ солнца онъ сбрасываетъ ее навсегда, и послѣ того не иначе можетъ явиться въ этотъ міръ, какъ въ видѣ бесплотныхъ: домоваго, лѣшаго, привидѣнія и такъ далѣе.

Digitized by Google

Пируютъ собесѣдники. Краснорѣчивое поминовеніе перелетаетъ изъ устъ въ уста, какъ переходитъ изъ рукъ въ руки чаша круговая. Между тѣмъ съ того свѣта невидимо слетаютъ и бесплотные гости. Хозяева говорятъ имъ: «подите, кушайте; пейте, не пеняйте на насъ, не судите насъ; подчуйте другъ друга сами; мы всѣхъ не знаемъ, сколько васъ тамъ; мы не съумѣемъ вамъ угодить: угодите сами себѣ.» И каждый изъ тѣлесныхъ гостей, подчуя духовъ, ѣстъ и пьетъ за двоихъ — за себя и за мертваго. Такимъ образомъ часы летятъ въ шумномъ пированіи. А онъ сидитъ все на одномъ мѣстѣ, неподвиженъ и молчаливъ. Но вотъ, солнце, вѣстникъ надземной жизни, готово упасть въ волны озера. Покойникъ движется: онъ вынимаетъ изъ-за пазухи серьги, платокъ, ленту, пряники; даритъ ими жену, мать, брата и дѣтей. Онъ встаетъ съ мѣста, за нимъ всѣ собесѣдники. Родные затянули жалобную пѣснь. Двое изъ нихъ берутъ его подъ руки и ведутъ изъ дому.—«Поклонись брату» кричитъ одна.—«Снеси муженьку мой поклонъ» говоритъ другая.—«И отъ насъ, и отъ насъ....» кричатъ нѣсколько голосовъ. — Покойникъ всѣмъ откланивается и по разосланной соломѣ медленно, какъ бы неохотно разставаясь съ здѣшнимъ свѣтомъ, та-

Digitized by Google

щится по улицѣ до конца деревни. Тутъ онъ исчезаетъ....

Родственники, друзья, знакомые проводили его. На возвратномъ пути они находятъ на той же соломѣ, въ разныхъ мѣстахъ, блины, пироги, свинину—слѣды услужливой любви покойнаго, отплачивающаго имъ своимъ угощеніемъ. Садятся на землю. Пиръ снова начинается въ память добраго покойника, съ которымъ только что разстались. Скоро кушанья исчезаютъ, кромѣ завѣтнаго пирога, который одна изъ старухъ несетъ къ послѣднему дому, кладетъ его подъ заборъ и опрометью оттуда прибѣгаетъ; а народъ кричитъ: «скорѣй, скорѣй! поймаетъ! ай, поймалъ!» День печали кончается, какъ проходилъ — въ веселіи. Всѣ расходятся по домамъ, напѣвая:

А теть не мексте рямада,
Меркстъ еделдъ рямада
(Старики велѣли намъ жить,
И дѣтей кормить).

Таковы поминки у мордвы. Едва я не забылъ сказать, что роль покойника играетъ одинъ изъ ближайшихъ его родственниковъ.

Digitized by Google

Digitized by Google

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ РОМАНА:

КОЛДУНЪ НА СУХАРЕВОЙ БАШНѢ.

Digitized by Google

Digitized by Google

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ РОМАНА:

КОЛДУНЪ НА СУХАРЕВОЙ БАШНѢ.

ЧЕТЫРЕ ПИСЬМА.

ПЕРВОЕ ПИСЬМО,

отъ князя Ивана Алексѣевича Долгорукаго къ статскому совѣтнику Финку, отъ 20-го іюня 1726 года, изъ Петербурга въ Москву.

«Осѣчка, жестокая осѣчка, любезный другъ! Что жъ дѣлать? первую пѣсенку зардѣвшись поютъ. Впрочемъ старые наши пѣвцы, изъ которыхъ, признаться, многіе спадаютъ ужъ съ голосовъ, не могутъ пожаловаться, что мой 15-лѣтній дискантъ разстраивалъ ихъ хоръ. Дядя, Василій Лукичъ, цаловалъ меня въ лобъ и сказалъ,

Digitized by Google

что я поддержу нашу фамилію; батюшка, по обыкновенію, раскаявается, охаетъ и между тѣмъ не бранитъ меня—пуще всего доволенъ, что не было денежныхъ тратъ на мои затѣи; прочая братья, смиренно потупивъ очи (при дворѣ) и облизываясь, какъ старый котъ, ожогшійся на добычѣ, сказала мнѣ однакожъ даже по задушевному «спасибо». Самъ Остерманъ — этотъ старый рыбакъ, который любитъ ловить рыбу въ мутной водѣ — смотря издали съ берега, какъ мы запускали неводъ, бросилъ на меня свои лисьи взгляды одобренія. Онъ, и послѣ неудачи, сдѣлался особенно ко мнѣ внимателенъ. О! да этотъ человѣкъ видитъ, что, по смерти императрицы, надо будетъ искать во мнѣ....

«Заговоръ былъ прекрасно устроенъ, время выбрано самое удобное: мы воспользовались отсутствіемъ Меншикова въ Курляндію, куда онъ ѣздилъ выпрашивать себѣ герцогство. Но онъ обжогся на этомъ пирогѣ, а мы — на закускѣ, ему приготовленной. Герцогъ голштинскій, по настоянію Бассевича, на бѣду свою — припомните мое слово — выхлопоталъ ему прощеніе. Это безразсудное ходатайство и чувство благодарности за старыя, семейныя заслуги превозмогли наши успѣхи въ сердцѣ доброй государыни.

Digitized by Google

«По крайней мѣрѣ вы, любезнѣйшій статскій совѣтникъ и мой собственный тайный совѣтникъ, не можете сѣтовать на меня, что я худо понялъ ваши уроки. Право, ученичокъ и другъ достоинъ васъ. Исторія скажетъ, что я, шестнадцатилѣтній мальчикъ, былъ однимъ изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ въ заговорѣ противъ — кого-жъ?— Меншикова, котораго боится вся Россія, опасается самъ Остерманъ и ласкаютъ иностранные государи. Попытка кончилась тѣмъ, что меня немножко пожурили и я завтра жъ отправлюсь въ чужіе краи. Нѣтъ худа безъ добра: хотя я съ вами долго жилъ и учился въ отечествѣ Лейбница и вашего любимаго преобразователя, Лютера, все-таки не мѣшаетъ еще поучиться. Не прежде увижу Россію, какъ тогда, когда увижу надъ ней царемъ внука Петра Великаго и моего товарища дѣтства, моего задушевнаго друга. О! тогда ожидайте перемѣнъ и перемѣнъ большихъ. Россія, милое отечество! ты будешь счастлива....

«Тогда и вы, любезнѣйшій наставникъ, постучитесь у моего сердца: будьте благонадежны, что въ немъ найдете отголосокъ на все высокое и доброе. По вашимъ совѣтамъ переймемъ что-нибудь отъ шведовъ, которыхъ вы такъ хорошо знаете. Тогда Боже сохрани васъ сказать, что

Digitized by Google

они живутъ счастливѣе насъ, русскихъ: мы до этого нареканія васъ не допустимъ.

«Если увидите у насъ въ домѣ дѣдушку Божедома, то скажите ему хоть черезъ сестру мою—съ вами сношеній онъ не захочетъ имѣть — что я ѣду въ басумарщину по неволѣ, что я тамъ скоромнаго въ постъ ѣсть не буду, папскихъ туфлей не поцалую и антихристу не покланюсь, если онъ и народится. Вотъ человѣкъ, который съ вами составляетъ настоящую янусову фигуру; вы смотрите все *впередъ*, а онъ все назадъ; вы тянете меня voraus, а онъ тянетъ на попятный дворъ. Онъ хотѣлъ бы не только меня — всѣ народы загнать въ лѣса, да заставить ихъ читать одну Четью-Меню. А надъ этими народами навѣрно поставилъ-бы царицей свою Евдокію Ѳедоровну, первымъ министромъ сдѣлалъ-бы какого-нибудь закоснѣлаго старообрядца. Утѣшьте старика, и скажите ему, что я помню его совѣты: послѣднее дѣйствіе мое противъ заклятаго врага его, Меншикова, это доказываетъ. Прибавьте, что здѣсь объ уничтоженіи Божіихъ-домовъ и помину нѣтъ. Ему немного остается жить: зачѣмъ же его тревожить? Время и народы, какъ вы говорите, идутъ впередъ; а для этихъ отсталыхъ и настоящее и будущее, все въ прошедшемъ.

Digitized by Google

«Что дѣлаетъ вашъ астрологъ, магикъ, алхимикъ, или, просто, колдунъ, какъ называетъ его народъ? Окончитъ ли онъ свой календарь съ пророчествомъ на сто лѣтъ? Мерзнетъ ли по прежнему на Сухаревой башнѣ, гоняясь за звѣздами? Жарится ли въ своей кузницѣ, стряпая золото и снадобье вѣчной жизни? При свиданіи доброму, ученому чудаку мой низкій, низкій поклонъ. Я много люблю и уважаю его: онъ знаетъ меня лучше другихъ — не онъ ли пророчилъ мнѣ высокую будущность?

«Еще одно порученіе и — самое важное. Передайте, какъ можно осторожнѣй, графинѣ Шереметевой, Натальѣ Борисовнѣ, что есть человѣкъ, который, за тысячи верстъ, при чужихъ дворахъ, подъ впечатлѣніями путевыхъ измѣненій, беспрестанно новыхъ, не перестаетъ.... Нѣтъ, нѣтъ, не говорите ей ничего обо мнѣ. Боюсь, чтобы эта гордая, возвышенная душа не оскорбилась вашими словами, какъ бы осторожно вы ихъ ни сказали. Пускай заочно, мысленно, сердечно, повторю ей то, что хотѣлъ вамъ передать. Только думать объ ней, думать о полученіи ея руки — вотъ, что мнѣ теперь остается. И почему жъ не сбыться этимъ мечтамъ?... Развѣ я не значу что-нибудь въ имперіи?... А современемъ, и можетъ быть скоро,

Digitized by Google

любимецъ государевъ, въ оберъ-камергерскомъ мундирѣ—голубая лента черезъ плечо.... невѣста чудо-прелесть! Завидная парочка!

«Но — гувернеръ мой простоналъ надъ моимъ ухомъ: in Gottes Namen voraus. При словѣ: voraus, повинуюсь. Говоря съ глубокимъ вздохомъ: простите, прижимаю васъ къ своему сердцу, въ которое бросили вы столько любви къ прекрасному.

«Вашъ первый другъ и преданный ученикъ
князь *Ив. Долгорукій.*»

ВТОРОЕ ПИСЬМО,

отъ того же къ тому жъ изъ Петербурга, отъ 10-го мая 1727.

«Получаю въ Іенѣ секретную записочку отъ батюшки, что мнѣ надо, какъ можно скорѣе, назадъ; лечу на крыльяхъ нетерпѣнія, пріѣзжаю въ Петербургъ и не застаю императрицы въ живыхъ.

«Народъ оплакиваетъ мать свою.

«Посылаю вамъ копію съ ея завѣщанія. Изъ него увидите, что князь Меншиковъ опять первенствуетъ въ имперіи и готовитъ себя въ тести

Digitized by Google

императору Петру II. Однакожъ Богъ не безъ милостей... Государь такъ мнѣ обрадовался, увидавъ меня, что бросился меня обнимать со слезами на глазахъ. Часу не разстается со мной. Многіе поздравляютъ меня его фаворитомъ: я это зналъ напередъ... Но временщикъ ничего не хочетъ видѣть и слышать, кромѣ своихъ выгодъ. Пускай еще болѣе закружится у него голова, тѣмъ легче будетъ столкнуть его. А мы покуда постараемся вырыть яму пошире и поглубже.»

ТРЕТЬЕ ПИСЬМО,

отъ барона и вицеканцлера Андрея Ивановича Остермана къ отставному фельдцейхмейстеру графу Якову Вилимовичу Брюсу, изъ Петербурга въ подмосковную Глинки, отъ 12-го сентября 1727.

«Сколько дивныхъ перемѣнъ совершилось въ глазахъ нашихъ, почтеннѣйшій другъ! Жизнь Петра Великаго прошла передъ нами — довольно и этого, чтобы сказать: «*и мы жили.*» Чудное было тогда время; видѣли мы много переворотовъ, но всѣ они имѣли цѣль и послѣдствія великія, всѣ они клонились ко благу и славѣ Россіи. А нынѣ что дѣется!... Исполинъ палъ; огромное мѣсто, которое онъ занималъ въ мірѣ, опустѣло... вся-

Digitized by Google

кій, кто былъ ближе къ нему, хочетъ занять это мѣсто и играть властителя; другой, третій, туда же, пока настоящій властитель не укрѣпился лѣтами и разсудкомъ и не спозналъ своего назначенія. И всѣ думаютъ только о своихъ выгодахъ, ни у кого въ сердцѣ нѣтъ отечества; о завѣтѣ Петра: «продолжать имъ начатое» и помину нѣтъ. Господи! когда будетъ конецъ этимъ часовымъ, непризваннымъ повелителямъ—этимъ временщикамъ, какъ хорошо называютъ ихъ русскіе.

«Ты удивишься, любезный другъ, когда я скажу, что *былъ* и Меншиковъ. Былъ? спросишь ты, и вѣрно при этомъ словѣ протрешь очки, чтобы разглядѣть хорошенко, такъ ли прочолъ его. Да, Меншикова уже нѣтъ!... Можетъ статься, когда будешь читать эти строки, изгнанника, лишоннаго чести и достоянія, везутъ черезъ Москву въ бѣдной кибиткѣ. Пожалѣешь и его, когда подумаешь, кто его замѣняетъ. По крайней мѣрѣ, онъ былъ съ великими заслугами Петру и отечеству, имѣлъ великій умъ, испытанное мужество; а теперь его наслѣдники... и подумать-то страшно, что за люди! Ты изумишься еще болѣе, когда прибавлю, что колоссъ этотъ свалилъ шестнадцатилѣтній мальчикъ — князь Иванъ Алексѣевичъ Долгорукій, который, бывало, лѣтъ за шесть

Digitized by Google

тому назадъ, чистилъ тебѣ за обѣдомъ любимыя твои раковыя ножки. Зная его нетерпѣливый, пылкій характеръ, ты видѣлъ въ этомъ угожденіи особенную къ тебѣ любовь. А я видѣлъ — признаки честолюбія: — вспомни, ты какъ-то предвѣщалъ ему, вмѣстѣ съ сестрою, великую будущность. Да, этотъ мальчикъ совершилъ нынѣшній переворотъ, котораго не могли произвесть мужи, испытанные въ дѣлахъ политическихъ. На престолѣ дитя, умное, доброе, подающее великія надежды, но имѣющее нужду въ испытанномъ, хорошемъ совѣтникѣ; тетка Елисавета дитя характеромъ, сестра Наталія хотя и превышаетъ ихъ всѣхъ умомъ и духомъ, все еще не вышла изъ дѣтскаго круга, и я, не гадая, подобно тѣмъ, на звѣздахъ, предсказываю на нѣсколько лѣтъ царство дѣтей.... Страшусь не безъ причины за творенія Петра Великаго. Ты знаешь отца и дядю маленькаго фаворита; не великіе по душевнымъ качествамъ, они захватили бразды правленія. Можно судить, куда эти возничіе умчатъ колесницу Россіи, если скоро не успѣютъ сами сломить себѣ шею. Вмѣстѣ съ ними партія старовѣровъ, подъ щитомъ нелюбимой первой Петровой супруги, поднимаетъ уже голову и вопіетъ объ уничтоженіи всего новаго, основаннаго Вели-

Digitized by Google

кимъ; съ другой стороны, изступленные поклонники новизны, въ томъ числѣ и воспитатель маленькаго фаворита, нашъ пріятель Финкъ, не принимая въ разсужденіе ни времени, ни нравовъ народа, хотятъ разомъ выкроить народъ русскій по образцу иностранному. Охъ, охъ, страшусь за созданіе великаго царя.

«Но, любезный другъ, мы, которые были первые исполнители гигантскихъ помысловъ Петра, мы, которымъ повѣрялъ онъ, какъ друзьямъ, всѣ любимыя, задушевныя думы, которымъ завѣщалъ, если не докончить, по крайней мѣрѣ, поддержать его созданіе и передать, сколько можно, въ цѣлости это наслѣдіе; мы, душеприкащики его, его дѣти, служители, обязанные ему всѣмъ, чѣмъ только пользуемся въ свѣтѣ, мы должны въ нынѣшнее время не ограничиваться одними сѣтованіями и сожалѣніями. Дѣйствовать по совѣсти и разумѣнію пламенно, усердно, но осторожно, вотъ наша обязанность. Девизомъ нашимъ да будутъ слова Спасителя: «будьте добры, яко голуби, и мудры, яко зміи.» Остановить на первыхъ порахъ бестолковыя попытки старовѣровъ, ограничить безумныя желанія нововводителей, не давать ни одной партіи честолюбцевъ возвышаться на счотъ Россіи и руководить юнаго государя ко благу вѣ-

Digitized by Google

реннаго ему народа, вотъ подвигъ, который намъ предстоитъ. Нелегкая обязанность, скажешь ты, когда царю только 15 лѣтъ. Чтожъ дѣлать? исполнимъ свой долгъ, а тамъ буди воля Провидѣнія!

«Пускай нашу партію называютъ нѣмецкою — она самая просвѣщонная, самая благонамѣренная и пригодная для Россіи въ нынѣшнее время. Мы, можетъ быть, лучше коренныхъ русскихъ жителей Россіи понимаемъ пользы ея.

«Въ скоромъ времени дворъ отправляется въ древнюю резиденцію царей на коронацію. Ты долженъ оставить свое уединеніе и явиться въ Москву. Не извиняйся отставкой: для истинныхъ сыновъ отечества нѣтъ отставки; служеніе ихъ продолжается до гроба. Не говорю, чтобы ты долженъ былъ, въ твои лѣта, принять должность при новомъ дворѣ, чтобы ты каждый день напяливалъ мундиръ на свои старыя плеча и игралъ роль дневальнаго придворнаго; нѣтъ, эта служба не по тебѣ. Но ты можешь служить иначе, совѣтомъ, внушеніями, связями, кабалистикой... Твое таинственное вліяніе на народъ можетъ умы и мнѣнія расположить въ нашу пользу, ты можешь и судьбу подговорить въ нашъ заговоръ. Ты всемогущъ не только на землѣ, но и на небѣ. Чего стоитъ

Digitized by Google

тебѣ иногда, для пользы общественной, переставить одну звѣздочку на мѣсто другой! Мы возстановимъ своихъ *девять*, устроимъ по прежнему, какъ, въ бывалые дни Петровъ, свой совѣтъ на Сухаревой башнѣ, не многочисленный, но избранный, бескорыстный, съ одною цѣлію поддержать созданіе великаго преобразователя Россіи. Ты долженъ явиться, или да будетъ тебѣ стыдно въ будущемъ мірѣ передъ лицомъ безсмертнаго царя и нашего отца и благодѣтеля.

«На дняхъ отправляется въ Москву мать фаворита съ дочерью своей. Ты любимъ въ семействѣ; ты отецъ крестный княжны и брата ея, нынѣ столь могущаго.... къ тебѣ имѣютъ они большую довѣренность и уваженіе.

«Меншиковъ обручилъ было дочь свою на царство; боюсь, чтобъ этого не домогался и отецъ Долгорукій... На всякій случай я сблизилъ съ домомъ фаворита чиновника при нынѣшнемъ цесарскомъ посольствѣ, графа Мелизино. Богатъ, знатенъ, красавецъ, онъ понравился матери и умѣлъ плѣнить сердце княжны Екатерины. Мать нечестолюбива; для 15-лѣтней дѣвицы молодой, ловкій, красивый гусаръ привлекательнѣе мальчика, хотя бы и... Не смѣйся, любезный другъ,

Digitized by Google

тутъ нѣтъ ничего смѣшнаго. Въ политикѣ и любви игрушки много значатъ.

«По случаю паденія Меншикова ты имѣлъ право беспокоиться на счотъ его крестника, а твоего племянника. Горячій молодой человѣкъ, въ порывѣ благороднаго чувства, поговорилъ слишкомъ смѣло въ защиту своего крестнаго отца, и за это пострадалъ.... Я поспѣшилъ испросить ему прощеніе. Александру твоему велѣно покуда жить подъ карауломъ.... и стражемъ его будетъ дядя. Постараюсь сократить и это наказаніе: неугомонная натура эта не стерпитъ этого и нравственныхъ цѣпей.

Жду съ наступленія минутъ, когда и я обниму тебя.»

ЧЕТВЕРТОЕ ПИСЬМО,

отъ княгини Долгорукой къ сыну ея Ивану Алексѣевичу, отъ.... .. 1728 г., изъ Москвы въ Петербургъ.

«Другъ мой, Ивашенка, благодареніе Богу, мы благополучно пріѣхали въ Москву, успѣли ужъ съѣздить въ Горенки, да и назадъ воротиться. Все хлопочу, какъ бы отдѣлать домъ къ коронаціи: безъ отца твоего плохо; самъ посуди, жен-

Digitized by Google

ское дѣло. Боюсь, не дорого бъ стало; ты знаешь, какъ отецъ за каждую лишнюю копѣйку гнѣвается.

«Въ прошлое воскресенье, въ самый заутренній звонъ, мамка твоя Домна отдала Богу душу; въ послѣднее время ходила сгорбившись крюкомъ и плохо видѣла, а все по хозяйству прибирала. Объ тебѣ помнила при концѣ своемъ. Похоронили мы ее съ честью въ Горенкахъ.

«Нынче у насъ уродилось много грибовъ; старики не запомнятъ такого года — говорятъ, къ войнѣ.

«Привезли ко мнѣ изъ степной отчины диковинную карлицу, всего аршинъ съ вершкомъ; хотимъ выдать за гайдука Павлушку. Уморительная будетъ парочка!

«Мадамъ наша отошла къ Шереметеву: говоритъ, хотя и тамъ учить не кого, да привыкла къ дому; ктому жъ у Натальи Борисовны нѣту теперь ни отца, ни матери, такъ буду беречь ее, какъ дочь; хочу при ней и умереть. Жаль, мадамъ была такая добрая и разумная. Катя много плакала при разставаньи.

«Что писать мнѣ еще, сердце мое, Ивашенка? Буди надъ тобою благословеніе Божіе на всѣ часы дни и ночи и на всѣ дни живота твоего. Милостямъ царскимъ радуйся, но не кичись ими. Не

Digitized by Google

бери примѣра съ подлыхъ людей, которые вышли въ знать и фавориты, да забыли, что они на свѣтѣ такіе же человѣки, какъ и другіе: за то Богъ и наказалъ ихъ. Помни свой родъ, будь милостивъ ко всѣмъ, нищую братью не забывай. За то Господь не оставитъ тебя въ сей жизни и другой. Цалую тебя

мать твоя и проч.»

КОНЕЦЪ.

Digitized by Google

Digitized by Google

СОДЕРЖАНІЕ VII-го ТОМА.

	стр.
Бѣленькіе, Чорненькіе и Сѣренькіе	1
Новобранецъ 1812 года.	263
Знакомство мое съ Пушкинымъ	295
Гримаса моего доктора	345
Нѣкоторыя повѣрья Мордвы	421
Отрывокъ изъ романа: «Колдунъ на Сухаревой башнѣ»	431

Digitized by Google

Digitized by Google

СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

И. И. ЛАЖЕЧНИКОВА.

ТОМЪ VIII.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЯКОВА ТРЕЯ.

1858.

Digitized by Google

Digitized by Google

ДРАМАТИЧЕСКІЯ СОЧИНЕНІЯ

И. И. Лажечникова.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЯКОВА ТРЕЯ.

1858.

Digitized by Google

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

Санктпетербургъ, 5 іюля 1857 года.

Цензоръ *В. Бекетовъ*.

ИЗДАНІЕ КНИГОПРОДАВЦА П. И. КРАШЕНИННИКОВА.

Digitized by Google

ВСЯ БѢДА ОТЪ СТЫДА.

ДРАМА ВЪ ПЯТИ АКТАХЪ.

Digitized by Google

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Софья Андреевна Виталина, богатая помѣщица.
Наталья Ивановна Гориславская, воспитанница ея.
Петръ Сергѣевичъ Леандровъ, помѣщикъ.
Сергѣй Петровичъ Леандровъ, сынъ его, отставной офицеръ.
Владиміръ Николаевичъ Ипполитовъ, пріятель его.
Саша Полетаевъ, племянникъ Леандрова, 16 лѣтъ.
Флегонтъ Парѳенычъ Мухоморовъ, купецъ 2-й гильдіи и частный адвокатъ, бывшій отпущенникъ Виталиной.
Павелъ Флегонтычъ, сынъ его.
Марья Семеновна Медовицына, компаніонка Гориславской — фантастически одѣта.
Гусынинъ, откупщикъ.
Гусынина, жена его.
Саломонъ, еврей.
Рахиль, Ревекка, } малолѣтныя дочери его.
Полицейскій чиновникъ.
Гости у Виталиной, на дачѣ.
Гости у Гусынина, на вечерѣ.
Банниковъ, отставной приказный.
Сокова, мѣщанка.
Слуги Виталиной, Леандрова и Гусынина.
Крестьянскія дѣвушки.

Дѣйствіе въ подмосковной дачѣ и въ Москвѣ.

Digitized by Google

АКТЪ I.

Сцена представляетъ англійскій садъ; вправо бесѣдка; передъ нею садовыя скамейки и нѣсколько стульевъ; влѣво площадка подъ древнею липою, обставленная кругомъ скамейками; отъ нея, между кустами и деревьями, вьются въ разныхъ направленіяхъ дорожки; впереди рѣшотка садовая, примыкающая къ богатому господскому дому; за нею видны луга, по которымъ извивается рѣка, и село на высотѣ. Подлѣ бесѣдки, на вѣтвяхъ деревъ висятъ двѣ епанчи, бумажный вѣнецъ и шлемъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Сергѣй Петровичъ и Ипполитовъ.

Сергѣй Петровичъ. Нѣтъ, мука неизвѣстности сдѣлалась для меня невыносима. Нынѣшній день судьба моя должна рѣшиться: я передалъ ее отцу и другу.

Ипполитовъ. Просто, братецъ, мы попали на островъ Калипсинъ. Какія субретки — что твоя богиня! Самъ Менторъ твой — и, какъ вѣ-

Digitized by Google

даешь, переодѣтая Минерва въ образѣ смертнаго—едва не потерялъ разсудокъ; спасло только сантиментальное путевое впечатлѣніе розовыми перстами *(показываетъ на щеку)*. Отъ нимфы перескочилъ я опрометью къ какой-то дуеньѣ и отъ нея узналъ многое для тебя интересное. Слушай же. Во-первыхъ, Натали, хоть и называетъ Виталину «maman», не дочь ея.

Сергѣй Петровичъ. Допотопная новость! Въ первый день знакомства съ ихъ домомъ я узналъ это.

Ипполитовъ. Я хотѣлъ сказать, Гориславская не дочка ея.... даже.... и по другой линіи.

Сергѣй Петровичъ. О! и въ этомъ не сомнѣваюсь.

Ипполитовъ. Жаль, братецъ, очень жаль! Знаешь, этакъ интереснѣе.... громче.... романически.... кабы она была дочь какой-нибудь графини и знаменитаго музыканта.... пожалуй, импровизатора.... Родилась, напримѣръ, на сергіевскихъ водахъ или въ Баденъ-Баденѣ.... А теперь.... не взыщи—вѣдомо да будетъ тебѣ: она истая дочь какого-то чиновника 14 класса. Каково будетъ твоему геральдическому коню сдѣлать этотъ скачокъ?

Сергѣй Петровичъ. Бѣда какая! Я дамъ ей свое имя; мой гербъ будетъ ея гербомъ. Она

Digitized by Google

образована какъ нельзя лучше, и не пристыдитъ меня въ обществѣ. Ты знаешь меня: мнѣ нужна добрая, избранная сердцемъ подруга; отцу моему нужно все, что только мнѣ хочется, а пересуды людскіе я и въ грошъ не ставлю. Не мнѣ охота жертвовать имъ своимъ счастіемъ.

Ипполитовъ. Надо, однакожъ, сказать въ пользу Гориславской *ничто*, что составляетъ нынѣ *все*. Виталина даетъ за своей воспитанницей два каменныхъ дома въ Москвѣ, нѣсколько десятковъ тысячъ деньгами и пятьсотъ степныхъ душъ, чистыхъ, какъ стекло, то есть, незаложенныхъ и не припадающихъ къ господскому магазину. Боже, какая благодать! Съ такимъ приданымъ и дочь цаловальника завидная невѣста.

Сергѣй Петровичъ. Торговые виды всегда были отъ меня далеки, тѣмъ болѣе нынѣче. Впрочемъ, хоть состояніе моего отца независимо въ полномъ значеніи этого слова, не худо на чорный день и запасъ. Можетъ быть, у Наташи есть бѣдные родственники....

Ипполитовъ. Отецъ и мать ея померли. Но готовься къ посѣщенію денежной родни.... повѣрь, братецъ, нашествіе горшее двадесяти языкъ! Вообрази, потянутся къ тебѣ вереницею приказ-

Digitized by Google

ные стараго закала — съ клюковными носами, съ запахомъ винной бочки и луку. Кто бросится тебѣ руку цаловать, кто бултыхъ въ ноги, крестить позоветъ, кто поздравитъ тебя съ своимъ днемъ ангела; одинъ окопироваться, другой опохмѣлиться попроситъ.

Сергѣй Петровичъ. Вотъ ужъ два мѣсяца, какъ я бываю здѣсь почти каждый день и въ разное время дня, а не столкнулся еще ни съ кѣмъ изъ этой несчастной братьи. Если жъ и явится къ намъ какой-нибудь бѣдный родственникъ — ласки и помощь очистятъ и эту статью.

Ипполитовъ. И такъ, всѣ эти препятствія разбили мы въ пухъ, какъ армію лиллипутовъ. Теперь готовься къ самому ужасному нашествію. Встаетъ передъ тобою исполинъ — соперникъ, Абдель-Кадеръ, Шамиль, съ ужасною кривою саблею надъ головой твоей.

Сергѣй Петровичъ. Что еще, зловѣщій воронъ?

Ипполитовъ. Позволь спросить напередъ: ты ее очень, очень любишь?

Сергѣй Петровичъ. Просто, сойду съ ума, если она не будетъ моею. Разстаться съ этою любовью все равно, что погубить душу свою.

Digitized by Google

Ипполитовъ. А ты.... имѣешь доказательства, что она тебя.... также любитъ?

Сергѣй Петровичъ. Также?... это много! Были однакожъ случаи.... конечно, бездѣлицы.... минуты.... но за нихъ не взялъ бы я сокровищъ всего міра. Чтобъ онѣ повторились, готовъ отдать нѣсколько лѣтъ жизни. Да, я увѣренъ былъ, что она ко мнѣ неравнодушна, увѣренъ былъ до того, что просилъ отца сдѣлать предложеніе.

Ипполитовъ. Былъ?...

Сергѣй Петровичъ. Потому, что твой вопросъ бросилъ какое-то сомнѣніе въ мою душу. Развѣ ты.... провѣдалъ, что у меня соперникъ? Говори, ради Бога, скорѣй говори; гдѣ онъ, что онъ такое?

Ипполитовъ. Сейчасъ познакомлю тебя съ нимъ (*Слышенъ хоръ*). Слышишь? идетъ шарада, а ты забылъ, что представляешь въ ней Ахилла. Жаль, что мнѣ, папенькѣ Агамемнону, пришлось вести дочку свою на жертву богамъ. (*Накидываетъ на плечи епанчу и надѣваетъ на голову бумажный вѣнецъ*).

Сергѣй Петровичъ. Какая мука! играть въ шарады, когда рѣшается судьба моей жизни! (*Надѣваетъ свой шарадный костюмъ*).

Digitized by Google

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же, Гориславская, Павелъ Флегонтычъ, Медовицына, Саша Полетаевъ и гости обоего пола.

(Нѣкоторые изъ гостей садятся на скамейки и стулья подлѣ бесѣдки или становятся около нихъ; другіе разыгрываютъ передъ ними шараду: «Агамемнонъ» слѣдующимъ образомъ. Съ лѣвой стороны сцены молодой человѣкъ представляетъ Агу (начальника евнуховъ); передъ ними стоятъ, преклонясь и скрестивъ руки, нѣсколько дѣвушекъ въ восточномъ костюмѣ; съ правой стороны другой молодой человѣкъ представляетъ статую Мемнона; Полетаевъ, въ видѣ Феба, ударяетъ его по головѣ золотымъ жезломъ, и статуя издаетъ тихіе, гармоническіе звуки. Затѣмъ изъ-за деревьевъ показывается процессія: Павелъ Флегонтычъ (жрецъ Калхасъ) ведетъ мимо гостей-зрителей Гориславскую (Ифигенію) къ жертвеннику, поставленному въ бесѣдкѣ; Медовицына (Клитемнестра) сопровождаетъ ее. Нѣсколько молодыхъ людей и дѣвицъ представляютъ народъ. Всѣ они одѣты согласно сюжету шарады, разумѣется, какъ импровизуется это въ подобныхъ случаяхъ).

Павелъ Флегонтычъ *(тихо Гориславской)*. Жалкая роль Калхаса доставила мнѣ, однакожъ, удовольствіе быть ближе къ вамъ. Но.... вы грустны, разсѣяны.... не хотите даже отвѣчать мнѣ. Какую ужасную перемѣну нашолъ я въ васъ!

Гориславская. Развѣ не видите, что я выполняю роль свою?... меня ведутъ на жертву....

Digitized by Google

(*поравнявшись съ Сергѣемъ Петровичемъ*). Доблестный Ахиллъ забылъ объ насъ.

Сергѣй Петровичъ. Клянусь богами, никогда не занимался онъ такъ сильно судьбою Ифигеніи, какъ теперь!

Гориславская (*грустно*). А все-таки она должна погибнуть!

(Процессія идетъ къ алтарю; Ифигенія, подойдя къ нему, подаетъ на кольни; Ахиллъ хочетъ остановить жертвоприношеніе, но Агамемнонъ подаетъ знакъ рукою, и Калхасъ опускаетъ ножъ надъ Ифигеніею — шарада кончена; молодые люди затѣваютъ другія игры: то показываются на сцену, то скрываются, въ продолженіе 2, 3, 4 и 6 явленій).

Ипполитовъ. Странно, а мнѣ чудится, что это исторія въ лицахъ!

Павелъ Флегонтычъ (*Полетаеву*). Какъ глупо перемѣшаны роли! По моимъ правамъ мнѣ слѣдовало бы быть Ахилломъ, и тогда бы я посмотрѣлъ, кто отнялъ бы у меня невѣсту!...

Полетаевъ. Видно, вамъ выпалъ нынѣ жребій — держать ножъ надъ своей жертвой.

Сергѣй Петровичъ (*Ипполитову*). Гдѣ жъ соперникъ, о которомъ ты говорилъ?

Ипполитовъ. Видѣлъ ты, рядомъ съ Ифигеніей шолъ жрецъ — молодой человѣкъ, статный, высокій ростомъ, очень любезничалъ съ ней; говорилъ теперь съ Сашей.

Digitized by Google

Сергѣй Петровичъ. Съ рыжею козлиной бородкой, будто опаленною?...

Ипполитовъ. Впрочемъ если бъ не козлиная бородка, очень пріятной наружности.

Сергѣй Петровичъ. Пріятной? не скажу. Въ сѣрыхъ глазахъ его что-то звѣрское, въ лицѣ что-то отталкивающее. Я съ первой минуты почувствовалъ къ нему отвращеніе. Чтожъ это за таинственное, великое лицо?

Ипполитовъ. Monsieur Мухоморовъ.

Сергѣй Петровичъ. Ха, ха, ха! Такъ это твой Абдель-Кадеръ?

Ипполитовъ. Ты засмѣялся такимъ ужаснымъ смѣхомъ—навѣрно отдалось въ душѣ этого господина. Посмотри, какъ онъ на тебя взглянулъ, будто съѣсть хочетъ.

Сергѣй Петровичъ. Подавится на первомъ кускѣ! Мухоморовъ?... Да изъ одной поскудной фамиліи порядочная женщина за него не пойдетъ. Соперникъ неопасный!

Ипполитовъ. Болѣе, нежели думаешь. Я не пророкъ, а могу предсказать, что въ исторіи твоей жизни онъ играетъ важную роль. Онъ только вчера пріѣхалъ изъ Петербурга, а нынче.... замѣтилъ ли? и Натали и Виталина съ тобою, если не холоднѣе, такъ осторожнѣе.

Digitized by Google

Сергѣй Петровичъ. Правда, обращеніе ея со мною принужденнѣе.

Ипполитовъ. Увидишь еще не то. Это цвѣты, а ягодки впереди! Мухоморовъ явился предъявить права свои на ея руку.

Сергѣй Петровичъ. Права? какія же можетъ имѣть онъ, кромѣ любви ея?

(Къ концу этого разговора Медовицына подзываетъ къ себѣ Полетаева и проситъ его о чемъ-то; по движеніямъ Полетаева видно, что онъ отговаривается, наконецъ онъ взялъ отъ нея какую-то бумажку; Медовицына стала на колѣни въ молитвенномъ положеніи за кустами, такъ что группъ молодыхъ людей нельзя ее видѣть).

Полетаевъ *(подбѣжавъ къ Сергѣю Петровичу и отозвавъ его въ сторону, тихо)*. Cousin, я къ тебѣ посланникомъ отъ особы, которая тебя страстно любитъ *(подаетъ ему бумажку)*.

Сергѣй Петровичъ *(всторону)*. Не можетъ быть!... Это на нее вовсе не похоже!... Я увѣренъ, что не отъ нея. *(Ипполитову)*. Прочти, братецъ, эту записку — и вслухъ.

Ипполитовъ. Вслухъ!... Вотъ примѣрная конфиденціальная переписка! *(читаетъ)* «Ангелъ ли ты, сошедшій на землю, чтобы взять меня на небо и погрузить все мое существованіе въ море райскихъ наслажденій, или демонъ-искуситель...» Брръ! такъ и несетъ риторикой.

Digitized by Google

Сергѣй Петровичъ. Сумасбродная Медовицына! узнаю тебя. Скажи своей дамѣ, усердный пажъ, что здѣсь нѣтъ ни ангела, ни демона, и потому записка, вѣроятно, ошибкой къ намъ адресована.

Ипполитовъ. И отъ меня порученьице *(шепчетъ ему на ухо)*.

Полетаевъ. О! что до этого, такъ я подслушаю, о чемъ жужжитъ муха. Будьте покойны, товарищъ моихъ рыцарскихъ подвиговъ!... *(убѣгаетъ)*.

Сергѣй Петровичъ. Мало соперника: судьба навязала мнѣ еще на шею эту приторную, туманную дѣву. Лѣтъ восемь назадъ я жилъ возлѣ ихъ пансіона, гдѣ она была чѣмъ-то въ родѣ классной дамы.... шалилъ и волочился.... послалъ billet doux.... какъ водится, послѣдовала великая жертва — глупый поцалуй; пошла страстная переписка на манеръ вынѣшняго посланія. Наконецъ, я радехонекъ былъ, ускакавъ изъ Москвы, что развязался съ этой Офеліей! Теперь, на бѣду мою, нахожу ее въ домѣ Виталиной чѣмъ-то въ родѣ компаньонки или проживалки, и, какъ вижу, снова начались гоненія.

Ипполитовъ. Вóвремя, когда ей стукнуло 30, вздумала преслѣдовать тебя своей пассіей, а перезрѣлая дѣва въ пассіи — это бѣшеный конь,

Digitized by Google

которому ни по чомъ барьеры и овраги и всякіе сальто-мортале.

О горе намъ! о горе намъ!
О страшная для насъ невзгода!

Однакожъ не выдержу.... мы съ Сашей больны одною болѣзнію. *(Оставляетъ Сергѣя Петровича, прокрадывается за кусты и подслушиваетъ разговоръ Полетаева съ Медовицыной).*

Сергѣй Петровичъ. Да куда жъ ты, негодяй? *(Ипполитовъ махаетъ ему рукой).* Вотъ каковы друзья!... Подъ сорокъ, а повѣсничаетъ, какъ мальчикъ!

Медовицына *(восторженно).* Я видѣла все.... я думала, небо на меня упадетъ, земля подо мною раскроется.... Злодѣй!... Воспользоваться моею неопытностью.... завлечь меня въ сѣти!... Но и слабыя женщины умѣютъ мстить.

Полетаевъ *(принимая трагическую позу).* Я на Кавказѣ рождена.

Ипполитовъ *(возвращаясь со смѣхомъ).* Ха, ха, ха! Новые враги! Да это чудо, братецъ; разыгрывается ужасная драма. Застой въ жизни не годится.

Сергѣй Петровичъ. Охота тебѣ кутить, когда погибаетъ тотъ, кого называешь другомъ. Ну, что жъ твой Мухоморовъ?

Digitized by Google

Ипполитовъ. Просто пріѣхалъ получить руку, которая ему обѣщана сто лѣтъ назадъ, и только дожидается чина коллежскаго ассесора, чтобы....

Сергѣй Петровичъ. Что жъ наконецъ?

Ипполитовъ. Разумѣется, конецъ свадьба. Теперь разруби этотъ гордіевъ узелъ, новый Александръ!

Сергѣй Петровичъ. Не бывать, клянусь честью, не бывать!... Во что бы то ни стало, мнѣ надо сейчасъ переговорить съ нею: ради Бога, займи какъ-нибудь Мухоморова.

Ипполитовъ *(возвращаясь съ Сергѣемъ Петровичемъ къ группѣ молодыхъ людей)*. Мы съ Сашей, займемся этимъ и его порядкомъ побѣсимъ. Все наше общество что-то не возлюбило его за чванство— весь на ходуляхъ! Только и разговоровъ, что о знатныхъ связяхъ, только и словъ: у насъ въ Петербургѣ; мы у такой-то графини, у такого-то князя въ Петербургѣ; мнѣ прислали сигаръ прямо изъ Гаванны, выписываю мебель отъ Гамбса....

Сергѣй Петровичъ *(подходя къ Горнславской, тихо ей)*. Два слова на единѣ — въ нихъ судьба моя.

Павелъ Флегонтычъ *(предлагаетъ руку Горнславской)*. Вашу руку....

Digitized by Google

Гориславская *(послѣ минутной нерѣшительности, взявъ подъ руку Сергѣя Петровича, Павлу Флегонтычу)*. Извините, Сергѣй Петровичъ прежде предложилъ.

Павелъ Флегонтычъ *(отходя, Медовицыной)*. Видно, здѣсь дѣлаютъ предложенія мысленно.

Медовицына. И языкъ этотъ понимаютъ очень хорошо. Но мой долгъ мѣшать ихъ таинственнымъ разговорамъ. O temps! o moeurs!

(Слышны голоса: горѣлки! горѣлки!).

Одинъ молодой человѣкъ *(Гориславской)*. Предлагаютъ горѣлки.

Гориславская. Очень хорошо; мы уже въ парѣ.

Сергѣй Петровичъ *(всторону)*. Какъ нарочно согласились терзать меня!

(Въ это время проходитъ подлѣ ограды сада вереница крестьянскихъ дѣвушекъ; онѣ поютъ):

Не въ полѣ, въ полѣ пыль пылитъ,
А мятелица мятетъ,
За мятелицей мой миленькій идетъ,
За собою ворона коня ведетъ,
А на встрѣчу красна дѣвица идетъ.

Саша *(заигрываетъ съ ними)*.

Одна изъ дѣвушекъ *(ударивъ его кулакомъ по спинѣ)*. Вотъ тебѣ, жиденокъ!

Digitized by Google

Гориславская (*въ испугѣ*). Жиденокъ?.. Гдѣ?... Кого-то бьютъ!

Сергѣй Петровичъ. Чего вы такъ испугались?... Это, просто, Сашу наказываютъ деревенскія дѣвушки за шалости. Вѣчно напроказничаетъ.

Гориславская. Мнѣ послышался ударъ.... я не видала, думала какого-нибудь несчастнаго.... Жиденокъ?... зачѣмъ же онѣ Сашу такъ назвали?

Сергѣй Петровичъ. Потому что это у нихъ презрѣнное, бранное слово!

Гориславская. У нихъ?... я думаю, у всѣхъ... Презрѣнныя существа! паріи человѣчества! Не такъ ли?...

Сергѣй Петровичъ. Признаюсь вамъ, не чувствую симпатіи къ жидовской *расѣ;* но.... по мнѣ презрѣнъ, гадокъ человѣкъ самъ по себѣ, за свои поступки, а не по роду своему (*удаляется, увидѣвъ, что большая часть молодыхъ людей и дѣвушекъ разошлась*).

Павелъ Флегонтычъ (*Медовицыной*). Я отгадываю: этотъ молодой человѣкъ тотъ самый.... вы мнѣ когда-то о немъ разсказывали.

Медовицына (*закрывая лицо руками*). Не договаривайте....

Павелъ Флегонтычъ. Понимаю, ваше дѣло

Digitized by Google

мое; пойдемъ за ними. Я не допущу, чтобъ моя невѣста переступила границы приличія.

Медовицына. Дѣйствовать за одно — хоть вамъ рука моя! Будемъ преслѣдовать ихъ, какъ тѣнь Банко Макбета.

Ипполитовъ и Саша (*взявшись за руку, преграждаютъ имъ дорогу*).

Саша (*Медовицыной*). Васъ просятъ отгадать шараду: мое первое — несносное насѣкомое; оно кусаетъ, но неопасно; мое второе — бичъ людей, а мое все — поганое растеніе.

Медовицына. Мухоморъ — отвяжись отъ насъ, змѣенокъ!

Павелъ Флегонтычъ. Въ немъ ядъ, и очень опасный; не совѣтую его раскусывать.

Ипполитовъ. Отрава, облитая медомъ—хоть умереть, да вкусить! (*Убѣгаетъ съ Полетаевымъ; по приходѣ ихъ въ кружокъ молодыхъ людей, слышенъ хохотъ*).

Павелъ Флегонтычъ. Ступайте за нашими, а я останусь здѣсь; мнѣ нужно покончить разомъ всѣ эти продѣлки.

Медовицына (*удаляясь, про себя*). О! сердце мое готово прикормить всѣхъ змѣй этого міра, чтобъ напустить ихъ на вѣроломныхъ.

Digitized by Google

ЯВЛЕНІЕ III.

Павелъ Флегонтычъ (*одинъ*). Тише, осторожнѣе, другъ!... Они хотятъ вывести меня изъ терпѣнія: нѣтъ, не удастся! Я, какъ Атласъ, снесу теперь гору оскорбленій. Богатство и прекрасная дѣвушка, въ которую я самъ безъ памяти влюбленъ, то и другое мнѣ обѣщаны, то и другое почти мое — надо, чтобъ они и оставались навсегда моими. Шашка моя стоитъ у королевы: стоитъ только ее схватить: зачѣмъ же мнѣ бросаться на офицеровъ? Зачѣмъ же разстроивать всю игру, улаженную такъ искусно?

Боюсь только продѣлки. Нынче получатъ извѣстіе, что я произведенъ въ коллежскіе ассессоры.... Петербургскій другъ смастерилъ это извѣстіе искусно. Страшно, однакожъ, если заранѣе откроется мое самозванство. Шутить не будутъ! Волосъ встаетъ дыбомъ отъ одного помышленія.... Впрочемъ, кто пойдетъ справляться? Лишь бы сыграть свадьбу! Спущусь послѣ въ титулярные, а тамъ и дѣйствительно произведутъ. Опоздай немного, и — моему бы счастію конецъ.

Пускай Леандровъ славитъ свою минутную побѣду; завтра и будущность моя!... Отецъ ручается головой, что Гориславская будетъ на дняхъ

Digitized by Google

его невѣсткой, какъ я его сынъ. Она давно обѣщана мнѣ; Виталина такъ благородна, что не отступится отъ своего слова. Мало этого, говоритъ отецъ: у него есть свое завѣтное, волшебное словечко, которое приведетъ Натали къ ногамъ моимъ, какъ смиренную овечку. О! надо скорѣе исторгнуть у него этотъ талисманъ! (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Сергѣй Петровичъ и Гориславская.

Сергѣй Петровичъ (*осмотрѣвшись*). Никого!.. Наконецъ мы одни.... Теперь вы должны меня выслушать; я не могу далѣе откладывать; мученія неизвѣстности сдѣлались для меня нестерпимы.

Гориславская. Пора и мнѣ передать вамъ все, что давно лежало у меня на душѣ.

Сергѣй Петровичъ. Вы, конечно, не разъ угадывали въ глазахъ моихъ, въ звукѣ моего голоса, во всѣхъ отношеніяхъ къ вамъ болѣе нежели уваженіе, болѣе нежели преданность; но я не смѣлъ еще ни разу говорить вамъ о настоящихъ своихъ чувствахъ. Иногда мнѣ самому казалось.... мнѣ, можетъ быть, моему воображенію представлялось, что вы замѣтили эти чувства, что они тронули наконецъ ваше сердце. Простите мнѣ это

Digitized by Google

обольщеніе. Теперь я долженъ услышать отъ васъ, обманывался я или нѣтъ. Вините за эту дерзость одно мое отчаяніе, одну мою любовь, глубокую, беспредѣльную, съ которою слилась жизнь моя.

Гориславская. Вы видѣли, я сама искала случая быть съ вами одной. Думала, во мнѣ станетъ довольно силъ сказать вамъ, что хотѣла сказать; но когда пришли эти минуты, я прошу Господа подкрѣпить меня.... Чего вы отъ меня требуете?... Одного слова?... На что оно вамъ? Что вы и я съ нимъ сдѣлаемъ?... Скажу вамъ болѣе: не смѣю его выговорить, еслибъ и хотѣла.... я не вольна въ себѣ.... я невѣста другаго, давно обручена съ нимъ....

Сергѣй Петровичъ. Невѣста этого ничтожнаго Мухоморова? Конечно, не вы избрали его! Не ужели Софья Андревна, съ ея умомъ, съ ея прекрасною душою, могла принесть васъ въ жертву этому несчастному фату? Развѣ не видитъ она, что ему нужно ваше приданое, а не вы сами?... Торгашъ, онъ расчитываетъ на васъ, какъ на товаръ; бросьте ему обручальное кольцо съ горстью золота — пускай наслаждается любовью, его достойною.

Гориславская. Моя благодѣтельница, моя

Digitized by Google

вторая мать дала свое честное слово; для него пожертвую даже своимъ счастіемъ.

Сергѣй Петровичъ. Слово, данное безъ вѣдома вашего сердца, когда вы не понимали жертвы, на которую васъ готовили, можетъ и должно быть расторгнуто. Упаду къ ногамъ Софьи Андревны; она тронется моею любовію, убѣжденіями, слезами старика–отца; она не захочетъ вашего несчастія.... ручаюсь за нее.... Мнѣ нужно только ваше согласіе.

Горислявская (*встороиу*). Что мнѣ дѣлать?... Господи! умилосердись надо мной. Я скажу ему все, все!... (*Вслухъ*). Есть еще обстоятельство.... сильнѣе воли матери моей, сильнѣе меня самой.... есть преграда, которую положилъ самъ Господь при рожденіи моемъ и которую никто ужъ не въ силахъ уничтожить.

Сергѣй Петровичъ. Я знаю все....

Горислявская (*радостно*). Вы?... знаете?...

Сергѣй Петровичъ. Вашъ батюшка....

Горислявская. Отецъ мой....

Сергѣй Петровичъ. Я буду съ вами откровенъ: когда рѣшается судьба нашей жизни, у насъ не должно быть тайнъ. Неужели васъ смущаетъ, что вы дочь бѣднаго.... канцелярскаго чиновника? (*Слышенъ голосъ Медовицыной*: Натали! Натали! Гдѣ

Digitized by Google

ты?... (*Встороиу*). Вѣчно эта сумасшедшая преслѣдуетъ насъ.

Гориславская (*встороиу*). Нѣтъ, онъ ничего не знаетъ. Слава Богу, позорное слово удержалось на губахъ моихъ.

Сергѣй Петровичъ. Да, я знаю это, отцу моему также извѣстно; но любовь моя сильнѣе всѣхъ предразсудковъ.

Гориславская. Это будетъ жертва съ вашей стороны, а я жертвы не хочу. Вы сами, можетъ быть, раскаетесь въ ней когда-нибудь, и раскаяніе будетъ—поздно!... Зачѣмъ скрывать? въ васъ нашла я все, что могло бы сдѣлать меня счастливою; сердце мое не разъ обольщалось мечтами этого счастія. Но есть обстоятельства.... они не отъ сердца зависятъ. Прощайте.... будьте только сами счастливы: вѣрьте, это мое задушевное желаніе. (*Подаетъ ему руку, закрывъ глаза платкомъ*). Останемся друзьями, братомъ и сестрой — вотъ всѣ права, которыя имѣю я съ этой поры на ваше сердце.

Сергѣй Петровичъ. Нѣтъ, не прощаюсь, ни за что въ свѣтѣ! Съ словами, которыя услышалъ отъ васъ, съ этимъ залогомъ, пойду противъ всѣхъ препятствій въ мірѣ, противъ васъ самихъ.

Digitized by Google

Эта рука будетъ моею, клянусь честію *(цалуетъ ея руку)*.

Гориславская. Не клянитесь.... одно слово можетъ разрушить эту клятву.

Медовицына *(показываясь изъ за деревьевъ)*. Прекрасно!... Одни?... съ молодымъ человѣкомъ?... онъ цалуетъ вашу руку?... Вотъ каково безъ надзора?

Гориславская. Надзоръ вашъ едва ли могъ быть полезенъ дѣвочкѣ, а я теперь умѣю сама себя оберегать и въ своихъ поступкахъ отдаю отчотъ одной maman. *(Леандровъ и Виталина показываются изъ-за бесѣдки; Сергѣй Петровичъ рукою подаетъ знакъ отцу)*. Теперь просимъ съ нами. *(Уходятъ и присоединяются къ группѣ молодыхъ людей)*.

явленіе V.

Виталина и Леандровъ.

Леандровъ *(про себя)*. Онъ подаетъ мнѣ условленный знакъ.... а! понимаю. *(Садясь съ Виталиной на скамейку подлѣ бесѣдки, вслухъ)* О чемъ-бишь мы говорили? Да, о сынѣ. Въ самомъ дѣлѣ, славный и добрый малый! Живой портретъ матери, которую я страстно любилъ! Знаете ли, ваша Наталья Ивановна мнѣ ее живо напоминаетъ. Одно и то же

Digitized by Google

имя; звукъ голоса — словно слышу мою Наташу. Какъ она хороша, моя голубушка!

Виталина. Вы, конечно, полюбили бы ее, еслибъ знали ея душевныя качества.

Леандровъ. Эхъ! степное сердце не выдержитъ.... не любитъ гнета.... Скажу вамъ напрямикъ, почтенная Софья Андревна, то-то была бы парочка!

Виталина. Кто?

Леандровъ. Ну, да вы столичные; все у васъ, не взыщите, по иностранному, какъ извилины этого англійскаго сада, а у насъ, по старинному, аллеи хоть и стриженныя, да за то прямыя.... видишь съ перваго взгляда, что на конецъ дѣлается. Мы съ вами слишкомъ 20 лѣтъ пріятели, съ мужемъ вашимъ служилъ я вмѣстѣ, были однокашниками и жили душа въ душу, какъ нынѣ братья не живутъ. Еще повторю: славная парочка!

Виталина. Вашъ Сергѣй Петровичъ и Наташа моя?

Леандровъ. Наконецъ!... Въ нее-то влюбленъ онъ по уши и говоритъ, что не уѣдетъ изъ Москвы, пока не получитъ руки ея. Только не смѣлъ еще прямо открыться ей безъ моего вѣдома. Признаюсь вамъ, для развязки этого дѣла прискакалъ

Digitized by Google

я вчера, какъ молодой курьеръ, за 500 верстъ. И сынъ и я — у ногъ вашихъ.

Виталина. Лестно для насъ предложеніе ваше... но.... грустно, очень грустно мнѣ сказать вамъ: ихъ раздѣляетъ страшная, не то, чтобы страшная.... сильная преграда. Вашъ Сергѣй Петровичъ, сынъ богатаго, столбоваго дворянина; у васъ родные все изъ высокой аристократіи....

Леандровъ. Мы не въ депутатскомъ собраніи, матушка Софья Андревна: не разбираемъ родословныя книги, а разложили живую книгу души.... послушаемъ лучше, что она скажетъ.

Виталина. Мы должны также слушать, что говоритъ разсудокъ. Молодыхъ людей можетъ ослѣплять страсть; мы должны и за нихъ смотрѣть далеко въ будущность. Наташа, какъ вы знаете, моя воспитанница; правда, люблю ее, какъ дочь родную, и дала ей воспитаніе, какого лучше дочери не могла бы дать; оставляю ей хорошее состояніе, но.... не могу дать ей имени.

Леандровъ. Мужъ даетъ имя женѣ своей.

Виталина. Это правда; но бываютъ случаи въ жизни.... колкій намекъ въ обществѣ.... онъ можетъ упасть глубоко въ сердце вашего сына.... кто поручится за послѣдствія? Эти случаи горьки;

Digitized by Google

они могутъ отравить семейное счастіе, спокойствіе цѣлой жизни.

Леандровъ. Да чтожъ ваша воспитанница? Не дочь же она скотницы вашей!

Виталина. Конечно, нѣтъ.... она дочь.... ничтожнаго канцелярскаго чиновника и, какъ говорятъ въ насмѣшку нынѣшніе писатели, дочь благородныхъ, но бѣдныхъ родителей.

Леандровъ. Скалозубы!

Виталина. Насмѣшка дѣло великое въ свѣтѣ; отъ нея затѣвались раздоры между людьми, которые не намъ чета; вы сами лучше меня это знаете.

Леандровъ. Бросьте политику, она нейдетъ намъ. Посмотрѣлъ бы я, что бы сказали эти высокіе умы на моемъ мѣстѣ, кабы у нихъ былъ сынъ, въ котораго отецъ влюбленъ страстно, какъ я въ своего. Да, да, смѣйтесь, влюбленъ страстно, до безумія. Знаете ли, для моего Сережи полѣзу въ огонь, брошусь съ крутаго берега въ рѣку, если онъ этого захочетъ; для каждой радости его готовъ отдать годъ жизни, и безъ того недолгой. Объявляю вамъ рѣшительно, какъ святъ Богъ, если не отдадите намъ волею Наталью Ивановну, мы возьмемъ ее у васъ силой, мы похитимъ ее.... подкупимъ вашихъ людей, отравимъ вашихъ собакъ, дадимъ вамъ сонныхъ капель....

Digitized by Google

и поминайте насъ тогда лихомъ, сколько душѣ угодно.

Виталина. Извините, Петръ Сергѣевичъ, начинаю думать, что не у сына вашего, а у васъ самихъ немного кружится голова.

Леандровъ. Думайте, что хотите, только согласитесь.... дайте же мнѣ вашу безподобную ручку. Добрая, милая Софья Андреевна, сжальтесь надо мною; не уморите меня, старика, вмѣстѣ съ сыномъ, преждевременною смертію.... я стану передъ вами на колѣна....

Виталина. Ради Бога, хоть этого не дѣлайте: молодежъ насмѣется до упаду надъ нами. Выслушайте меня лучше.

Леандровъ. Слушаю, извольте; буду нѣмъ, какъ рыба.

Виталина. Есть еще одно важное препятствіе.

Леандровъ. Опять препятствіе; нѣтъ, воля ваша....

ЯВЛЕНІЕ VI.

Саша Полетаевъ (*прибѣгаетъ къ бесѣдкѣ*). Скачетъ тройка изъ Москвы на пропалую.... надъ облакомъ пыли, въ которомъ несется экипажъ, развѣвается какой-то красный флагъ.

Digitized by Google

Виталина (*побѣдивъ*). Парѳенычъ!... онъ подаетъ радостный знакъ....

Леандровъ. Отъ котораго вы, однакожъ, перепугались.

Виталина (*грустно*). Да, онъ рѣшаетъ судьбу Наташи.

Леандровъ. Мы сорвемъ этотъ значокъ и водрузимъ на мѣсто его свое знамя.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Виталина и Леандровъ.

Виталина. Слушайте же.... время дорого. Года четыре тому назадъ, здоровье мое было такъ плохо, что я думала умереть. Жаль было мнѣ болѣе всего Наташу: я оставляла ее непристроенною, какъ бы хотѣла. Дитя было такое прекрасное, умное, доброе, такъ меня любило! Хоть имѣніе мое благопріобрѣтенное, но Наташа не дворянка: оно не могло перейдти въ ея руки. Наличныхъ я тогда не имѣла.... Въ этомъ горѣ я обратилась къ Парѳенычу.... Вы знаете его?...

Леандровъ. Помню, помню; былъ въ числѣ дворни вашего мужа, управлялъ вашимъ имѣніемъ и порядочно обиралъ васъ.

Виталина. Какой Парѳенычъ не воруетъ!...

Digitized by Google

Нашъ оказалъ много заслугъ мужу по тяжебнымъ дѣламъ, за что и дана ему была отпускная. Онъ былъ нѣкогда, по-тогдашнему, адвокатъ-самоучка — нынѣче счастливыя времена для такого рода адвокатовъ прошли — записался въ купцы и женился на бѣдной дворянкѣ.

Леандровъ. Вотъ почему вспомнилъ я давича фамилію Мухоморова. Такъ это съ сынкомъ его познакомить меня изволили?

Виталина. Такъ точно; молодой человѣкъ очень образованный.

Леандровъ. Говоритъ: отецъ юристъ! Юристъ?... сбилъ меня съ толку. Думалъ, не сынъ ли какого юрисконсульта или по крайней мѣрѣ прокурора.

Виталина. Разсуждали мы съ Парѳенычемъ, какъ помочь горю, и присудили. Написала я заемныя письма на имя его во сто тысячъ, съ тѣмъ, чтобъ онъ послѣ моей смерти взыскалъ деньги съ имѣнія моего и отдалъ Наташѣ въ приданое. Съ этимъ вмѣстѣ Наташа обязана была выйдти за его сына.

Леандровъ. Хитро придумано! *(встороиу)*. Съ моимъ сыномъ на одной доскѣ сынъ Парѳеныча.... Уфъ! скрѣплюсь и полѣзу для него хоть въ удавку.

Digitized by Google

Виталина. Молодой Мухоморовъ непротивной наружности, не глупъ, получилъ сначала воспитаніе у меня въ домѣ, потомъ въ университетѣ, вступилъ на службу съ прекрасными надеждами: чего жъ было лучше для моей воспитанницы! По рожденію онъ не могъ гнушаться происхожденіемъ своей невѣсты; это еще болѣе укрѣпило меня въ моемъ намѣреніи. Я выздоровѣла.... и, не напоминая о заемныхъ письмахъ Парѳенычу, получила ихъ назадъ. Вы, конечно, оцѣните этотъ благородный поступокъ.

Леандровъ. Честно, если онъ и тутъ не хитрилъ на счотъ благородства вашей души.

Виталина. Впослѣдствіи отложили мы свадьбу до того времени, когда Павелъ Флегонтычъ получитъ чинъ коллежскаго ассессора. Это дастъ ему возможность укрѣпить за собой деревни, которыя отдаю въ приданое Наташѣ. Отецъ ждалъ съ часу на часъ роковаго чина, съ утра до ночи жилъ въ почтамтѣ. Вы слышали, онъ ужъ ѣдетъ съ вѣстію, для него пріятною.... это доказываетъ значокъ, который онъ выставилъ надъ экипажемъ.... Женихъ пріѣхалъ изъ Петербурга и предъявилъ свои права.... Скажите теперь, что вы сдѣлали бы на моемъ мѣстѣ?

Леандровъ. Слово честное великое дѣло. Но

Digitized by Google

я знаю, исполненіе этого слова убьетъ моего сына, или онъ убьетъ своего противника. Таковъ я самъ былъ въ молодости. Нельзя ли, однакожъ, найдти средствъ, чтобъ сами Мухоморовы отказались отъ своихъ правъ?

Виталина. Не придумаю.

Леандровъ. Чувствуетъ ли она склонность къ молодому человѣку?

Виталина. Павелъ Флегонтычъ пріѣзжалъ къ намъ каждый годъ въ отпускъ; я полагала, что онъ ей не противенъ, но....

Леандровъ. Но.... доскажите, ради Бога....

Виталина. Признаюсь, съ тѣхъ поръ, какъ явился къ намъ вашъ сынъ, я замѣтила въ ней большую перемѣну, и это меня очень, очень огорчаетъ. Не скажу вамъ ничего болѣе, потому что ничего болѣе не знаю.

Леандровъ (*немного подумавъ*). Знаете ли что? Пареенычу и его сыну нужны деньги: уговоримъ ихъ взять деньги и отступиться отъ невѣсты.

Виталина. Согласится ли на это Павелъ Флегонтычъ, который влюбленъ не менѣе вашего сына?

Леандровъ. Дайте только слово не мѣшать молодымъ людямъ разобраться самимъ, то есть, позволить Натальѣ Ивановнѣ сдѣлать выборъ; а за остальное я берусь.

Digitized by Google

Виталина. Препятствовать счастію ея? Боже меня сохрани! Для него пожертвовала бы я своимъ.

Передъ концомъ этого разговора ставятъ столъ на площадку и на него самоваръ и чайный приборъ; Горислав-ская садится на стулъ, ближе къ авансцен и готовитъ чай; Медовицына, Сергій Петровичъ, Павелъ Флегонтычъ и нѣсколько дѣвицъ располагаются, кто на садовыхъ скамейкахъ, кто на стульяхъ. Слышны крики: Коллеж-скій ассессоръ! ура, ура! коллежскій ассессоръ!

Леандровъ. Проклятое извѣстіе! оно меня какъ варомъ обдало.

Виталина (*встороиу*). Не сулитъ ли оно всѣмъ намъ несчастія?

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Ипполитовъ, Полетаевъ и другіе молодые люди *несутъ* Мухоморова, *у котораго на головѣ вѣнокъ, свитый изъ вѣтки цвѣтущаго кустарника; онъ машетъ шляпою.*

Мухоморовъ. Дѣлайте со мною теперь, что хотите! На мою голову, ребята! Пріѣзжайте ко мнѣ, я вамъ поставлю дюжинку вдовушекъ клико.

Нѣсколько голосовъ. Да здравствуетъ новый коллежскій ассессоръ! новый дворянинъ!

(*Молодые люди качаютъ Мухоморова и опускаютъ его потомъ на землю; всѣ подходятъ, одинъ за другимъ, къ Павлу Флегонтычу, кромѣ Сергѣя Петровича*).

Digitized by Google

Ипполитовъ. Поздравляемъ васъ съ коллежскимъ ассессоромъ.

Полетаевъ. Поздравляемъ васъ съ дворянствомъ. Вѣдь вы ужъ теперь нашъ братъ дворянинъ.

Прочіе молодые люди. Честь имѣемъ поздравить. Честь имѣемъ поздравить. *(Павелъ Флегонтычъ, блѣдный и смущонный, принимаетъ поздравленіе сухо).*

Мухоморовъ *(бѣжитъ къ сыну).* Гдѣ, гдѣ онъ?.. Пустите меня къ нему!... Дайте мнѣ прижать къ ретивому моего майора! Онъ мой.... моя кровь *(обнимаетъ сына)*! Другъ мой! наконецъ я дождался великаго дня.... ты дворянинъ!... Мать твоя отъ радости долго лежала въ обморокѣ.... Позволь тобою налюбоваться въ знатномъ твоемъ чинѣ.

Павелъ Флегонтычъ *(съ неудовольствіемъ).* Какое счастіе!... Есть изъ чего поднимать такую тревогу! *(срывая съ отца вѣнокъ, на ухо ему).* Вы, кажется, не помните себя; хоть бы передъ чужими людьми не стыдили меня.

Мухоморовъ. Экой гордецъ! *(Подходитъ къ рукѣ Гориславской)* Поздравьте меня и себя, любезная невѣстушка, Наталья Ивановна! Наконецъ мы дождались вожделѣннаго конца нашихъ фамильныхъ ожиданій.

Digitized by Google

Гориславская (*сухо*). Нашихъ?... Поздравляю васъ.

Мухоморовъ (*отходя отъ молодыхъ людей, про себя*). Гe, гe! Видно перевернулся листъ, какъ говаривалъ покойный баринъ. Хорошо еще, что во время замѣтилъ.

Ипполитовъ (*Сергѣю Петровичу тихо, отведя его въ сторону*). Вотъ знаменитый родитель нашего Абдель-Кадера! Несчастная, черезъ какое чистилище должна пройдти!

Сергѣй Петровичъ. Во что бъ ни стало, извлеку ее изъ этого омута.

Ипполитовъ. У меня въ головѣ вертятся странныя мысли.... По моимъ расчотамъ, что-то раненько роковой чинъ получитъ изволилъ герой нынѣшняго дня.... Надо будетъ навесть справочки. У меня есть пріятель, который служитъ въ одномъ мѣстѣ съ этимъ господиномъ. Напишу къ нему завтра жъ....

Мухоморовъ (*Подходя къ рукѣ Виталиной*). Поздравьте меня, Софья Андревна; Павлуша мой коллежскій ассессоръ. Кто бы ожидалъ лѣтъ двадцать пять тому назадъ.... Видно, подъ счастливой планидой родился. Сударыня, благодѣтельница моя.... вамъ, вамъ и вашему покойному сожителю всѣмъ обязанъ.... Изъ ничего, такъ

Digitized by Google

сказать, изъ нуля, взошолъ на такую высокую благодать.

Виталина. Полно, Флегонтъ Пареевычъ, стыдно такъ унижать себя. Сынъ твой заслужилъ свое новое достоинство воспитаніемъ и службой. Умѣрь-ка лучше свой восторгъ, да поклонись другу моего покойнаго мужа. Ты отъ радости не узналъ его.

Мухоморовъ. Виноватъ, растерялся. Батюшка, отецъ и милостивецъ, Петръ Сергѣевичъ, васъ ли я вижу? Какъ нарочно изволили прибыть ко дню моего благополучія *(хочетъ подойдти къ Леандрову, чтобъ поцаловать его въ плечо)*.

Леандровъ. Писали изъ Петербурга, такъ я поспѣшилъ.

Павелъ Флегонтычъ *(слѣдовавшій за отцомъ, удерживаетъ его за платье и отводитъ вострону)*. Бросьте свои привычки; не то отступлюсь отъ васъ, и сію минуту — въ Петербургъ. Помните, я теперь такой же дворянинъ, какъ и они; поддержите меня, будьте съ ними поровнѣе. Садитесь, да подберите цѣночку отъ часовъ; болтается, какъ шлея *(возвращается къ молодымъ людямъ)*.

Полетаевъ *(изъ-за куста, изъ-за котораго подслушивалъ разговоръ Мухоморова съ сыномъ, Виталинѣ)*. Ого, какъ дрессируетъ сынокъ отца!

Digitized by Google

Мухоморовъ (*надѣвъ шляпу на бекрень и, положивъ руку въ карманъ, садится на стулъ противъ Виталиной и Леандрова и съ гордостію охарашивается*). Гмъ, гмъ!... (*всторону*) Не доразумѣваю, съ чего бы начать?... (*вслухъ*) Вообразите, Софья Андреевна, моя супружница изволила заказать ландо, да приказала мнѣ купить четверку сѣрыхъ въ яблокахъ.... такая мода, говоритъ, у знатныхъ людей — сѣрыя въ яблокахъ.... Посажу на козлы кучера, чтобъ было два аршина въ плечахъ, съ чорною, какъ смоль, бородою, поставлю двухъ молодцовъ на запятки, въ галунахъ, да прокатимся съ невѣстушкой подъ вербами. Деликатесъ!

Леандровъ. Надо гербъ на ландо; какой же выберешь?

Мухоморовъ. Выберешь?... Гмъ!... Ужъ, конечно, гербъ! А!... подумаемъ, подумаемъ.... что-нибудь позолотистѣй! Всего лучше, солнце!... Лучи чтобъ горѣли, инда глазамъ было бъ больно! (*Леандровъ вынимаетъ табакерку изъ кармана*). Позвольте вашего табачку?...

Леандровъ (*подавъ ему табаку, высыпаетъ его потомъ на полъ изъ табакерки*). Всего лучше вѣникъ! Преданіе старинныхъ лѣтъ!

Мухоморовъ. Славный табачокъ–съ (*чихаетъ*). Кажется, амуръ пареетъ! Вѣрно изъ Петербурга

Digitized by Google

отъ Велизарія выписывали?... Охъ! виноватъ, бывало, покойный супругъ Софьи Андревны выписывалъ книги отъ Велизарія. Заведемъ-съ табакерочку золотую, на амальѣ, съ Венерочкой. Ба, ба, ба! можно мнѣ табакерку съ гербомъ?

Леандровъ. Не ты будешь первый.

Мухоморовъ (*съ неудовольствіемъ*). Будешь?... Гмъ!

Леандровъ. Я зналъ одного жидка, перемѣнившаго вѣру, который выслужился, и тотчасъ на визитныхъ билетахъ своихъ, на экранахъ, посудѣ, ножахъ, костюляхъ, вездѣ, гдѣ только могъ, помѣстилъ свой гербъ; а твой сынокъ нѣсколькими степенями выше этого жидка (*Горислявская въ смущеніи прислушивается къ разговору Леандрова съ Мухоморовымъ*).

Мухоморовъ (*оглядываясь и видя, что сынъ строго за нимъ примѣчаетъ*). Это ужъ изъ рукъ вонъ! Что вы хотите сказать, сударь? Мы не жиды; я купецъ второй гильдіи; сынъ мой такой же дворянинъ, какъ и вы. Вы насъ обижаете.

Леандровъ. Нечего намъ считаться съ тобой, Пареенычъ; мы давно сочлись. Вспомника-ка лучше, какъ мы съ покойнымъ твоимъ бариномъ ѣздили разъ на охоту въ Песьи острова — помнишь Песьи острова?... и какъ одинъ господинъ,

Digitized by Google

мнѣ очень близкій, поласкалъ кого-то арапникомъ?...

Мухоморовъ (*вставъ*). Виноватъ, сударь. Все проклятая спѣсь сынка!... Впередъ не буду. (*всторону*) Инда въ потъ бросило (*вынувъ изъ-подъ мышки клѣтчатый носовой платокъ, утирается имъ*). Виноватъ, не съумѣю еще по вашему. Пускай сынокъ авантажится съ своей матерью.... вѣдь она родовая дворянка; а мнѣ, на старости, ужъ не подъ-стать.

Леандровъ. Полно, садись, любезный; а то сынъ задастъ школу получше песьихъ. Забудемъ зады, да будемъ впередъ помнить родную пословицу: всякъ сверчокъ знай свой шестокъ, да и сынка ей научи.

Мухоморовъ. Нѣтъ, позвольте-съ.... постоять. Воля ваша-съ, этакъ мнѣ вальяжнѣе. (*всторону*) Сынъ на меня крѣпко косится.... здѣсь не легче.... изъ огня да въ полымя, не знаешь, куда броситься: ужъ не радъ и коллежскому. (*вслухъ*) Позвольте мнѣ отлучиться, полюбоваться на молодежь.

Виталина. Сколько душѣ угодно! (*Мухоморовъ удаляется отъ нихъ*).

Леандровъ и Виталина (*продолжаютъ тихо говорить между собою*).

Digitized by Google

Медовицына (*подбѣжавъ къ Сергѣю Петровичу, гуляющему съ Аполлиновымъ по саду, и, показывая ему бабочку, которую пришпилила булавкою*). Видите?

Сергѣй Петровичъ. Бѣдная бабочка! за чтожъ вы ее такъ безжалостно лишили жизни.

Медовицына (*тихо*). Обратите къ себѣ этотъ вопросъ, жестокій!

Сергѣй Петровичъ. Добрѣйшее сердце! (*отворачивается отъ нея съ негодованіемъ*). Настоящій чертополохъ!...

Мухоморовъ (*слѣдя за Гориславскою и сыномъ, про себя*). Смѣется, невѣступка поднимаетъ что-то высоко свой картузный носикъ, будто булавочка въ немъ сидитъ; давича отвѣчала мнѣ, словно въ горлѣ пересохло.... да и отъ сына отворачивается.... Замѣтилъ я, смазливый кавалеристъ отбиваетъ ее у Павлуши. Вѣдь слишкомъ на двѣсти тысячъ приданаго — легко сказать! Не бывать этому!... Пойду, поубавлю ея жидовской спѣси (*слышенъ смѣхъ между молодыми людьми*). Больно смѣху много между этими господчиками! Спугну ихъ веселье.... На комъ-нибудь, да отыграть свою невзгоду!... (*подходитъ къ Гориславской и говоритъ ей на ухо*). Пару словъ.... по секрету.

Гориславская (*поблѣднѣвъ*). Говорите....

Digitized by Google

Сергѣй Петровичъ (*Ипполитову*). Какъ она поблѣднѣла!... руки ея дрожатъ....

Мухоморовъ (*Гориславской, тихо*). Вашъ батюшка.... Саломонъ.... вамъ кланяется.... сестрицы тоже.... ѣдутъ изъ Бѣлостока.... будутъ нынче сюда.... (*чашка выпадаетъ изъ рукъ Гориславской*).

Сергѣй Петровичъ (*отталкивая Мухоморова и бросаясь къ Гориславской*). Что съ вами?... не обожглись ли?

Гориславская (*въ величайшемъ смущеніи*). Нѣтъ... ничего.... маленькая неловкость.... (*всѣ, кромѣ Мухоморова и сына его, суетятся около нея*).

Мухоморовъ (*сыну, тихо*). Видишь, почуяла талисманецъ! Каковъ отецъ твой! отмстилъ разомъ за тебя, братецъ! (*скрывается въ саду*).

Виталина (*примѣчавшая за движеніями Мухоморова, бѣжитъ къ Гориславской*). Что такое случилось?

Ипполитовъ (*на встрѣчу Виталиной*). Мухоморовъ-старикъ шепнулъ что-то ей на ухо.... вѣрно, на счотъ будущей свадьбы своего сынка... Она выронила чашку изъ рукъ.... Посмотрите, какъ сынокъ торжествуетъ. Прогоните ихъ, они убьютъ ее.

Виталина. Презрѣнные!... (*Гориславской*). Что съ тобою, душа моя?

Digitized by Google

Горнславская (*цалуя ея руку, плачетъ*). Ничего.... право, ничего....

Виталина (*Леандрову, тихо*). День этотъ полонъ такихъ великихъ неожиданностей... такихъ сильныхъ ощущеній.... это разстроило ее.... она и безъ того была нездорова.

Леандровъ (*тихо*). Можетъ быть, вы желали бы остаться однѣ? Да и намъ надо отдохнуть отъ разныхъ разностей этого дня: въ сердцѣ и головѣ совершенная путаница.... Видите послѣдствія.... спасите ее отъ явной гибели.... (*громко*) Сережа, Наталья Ивановна не такъ здорова; наше общество можетъ тяготить ее. Прощайся, и маршъ до дому (*Гости прощаются и одинъ за другимъ расходятся*).

Сергѣй Петровичъ (*Виталиной тихо*). Отъ васъ зависитъ прекратить наши общія страданія.

Виталина (*дружески протягивая ему руку*). Завтра переѣзжаемъ въ Москву; вы для насъ всегда самый пріятнѣйшій гость.

Леандровъ (*взявъ Горнславскую за руку*). Господь да сохранитъ васъ впередъ отъ дурнаго глаза и рѣчей не по сердцу! Надѣемся скоро увидѣть васъ и здоровѣй и веселѣй. Подай мнѣ руку, Сережа; ужъ и мнѣ силы стали измѣнять (*одной рукой держитъ онъ руку Горнславской; подъ другую поддерживаетъ*

Digitized by Google

его сына). Съ такими милыми спутниками куда бъ какъ отрадно добрести до могилы! *(цалуетъ Гориславскую въ лобъ)*. Прощай, мое прекрасное дитя. *(раскланивается съ Виталиной и удаляется, поддерживаемый сыномъ)*. Слова, да одни слова, толку не будетъ; надо дѣло дѣлать. Мы покончимъ разомъ эти продѣлки; мы увеземъ ее, братецъ!

ЯВЛЕНІЕ IX.

Виталина, Гориславская и Павелъ Флегонтычъ.

Виталина (*сухо*). Что вамъ угодно?

Павелъ Флегонтычъ. Позвольте... нѣсколько словъ.

Виталина. Теперь ни одного. Довольно и тѣхъ, что сказалъ отецъ вашъ! Я замѣтила, они привели васъ въ восторгъ; очень жаль!

Павелъ Флегонтычъ. Вѣрьте Богу, я ничего не слыхалъ, ничего не знаю.... какъ же могли....

Виталина. Я вамъ вѣрю, но прошу оставить теперь насъ съ нею одѣхъ; я сама скоро пошлю васъ съ отцомъ вашимъ (*Павелъ Флегонтычъ уходитъ*).

Digitized by Google

ЯВЛЕНІЕ X.

ВИТАЛИНА и ГОРИСЛАВСКАЯ (*садятся на скамейку возлѣ бесѣдки*).

ГОРИСЛАВСКАЯ (*бросаясь къ Виталиной на грудь*). Другъ мой, душно!... очень душно!... Позволь поплакать на груди твоей.... мнѣ будетъ легче....

ВИТАЛИНА. Что жъ тебя, мой ангелъ, такъ встревожило? Какое злое, адское слово сказалъ тебѣ Парѳенычъ?

ГОРИСЛАВСКАЯ. Онъ сказалъ мнѣ самыя обыкновенныя, самыя простыя слова. Другую на моемъ мѣстѣ эти слова порадовали бы; но, видно, у меня злое сердце, злая натура.... гордая не по породѣ!... Онъ напомнилъ мнѣ о моемъ отцѣ, о моихъ сестрахъ.... сказалъ, что они нынче будутъ сюда.... Дочь должна бы радоваться этому; а я.... чуждаюсь того, кто далъ мнѣ жизнь, чуждаюсь кровныхъ потому только, что судьба поставила ихъ на низкой ступени общества, а меня, не знаю почему, на зло моему рожденію, такъ возвысила предъ ними — хоть по наружности!... Даже имя отца для меня страшно.... Я боюсь, чтобъ кто-нибудь не намекнулъ о немъ, чтобъ онъ самъ не явился ко мнѣ, не назвалъ бы меня

Digitized by Google

прежнимъ именемъ Эсѳири, чтобъ бѣдныя сестры не приласкались ко мнѣ.... Еврей!... дочери еврея!... слова позорныя!... Но я развѣ не *такая* же?

Виталина. Конечно, ужъ не *такая!*... Ты должна бы давно забыть свое рожденіе.... Когда отецъ позволилъ тебѣ принять христіанскую вѣру, онъ отступился отъ тебя, онъ обязался не признавать тебя своей дочерью. Всѣ родственныя связи твои были тогда жъ разрушены; воспитаніе, общество, религія положили еще большую преграду между имъ и тобою.

Гориславская. Онъ отступился; но я должна ли была, могла ли это сдѣлать?... Когда вы приняли меня къ себѣ въ домъ, мнѣ было ужъ двѣнадцать лѣтъ, кровныя связи ужъ глубоко пустили корни въ моемъ сердцѣ; я знала своего отца, испытала его ласки, его любовь, я сама привыкла любить его.

Виталина. Я думала, что моя любовь замѣнила тебѣ всѣхъ, кого ты могла любить прежде, что я для тебя и мать, и семейство твое, и весь твой міръ, пока.... пока не пріѣдетъ человѣкъ, для кого и самъ Господь велитъ оставить отца и мать. Ты видѣла, что я для тебя не щадила ни-

ботъ, ни спокойствія, что для тебя расточила сердце свое....

Горисла́вская. Родная, бесцѣнная моя!

Виталина. Говорю это не въ упрекъ тебѣ; все это дѣлала я не изъ разсчетовъ, не изъ тщеславія, а такъ, просто, не знаю почему, можетъ быть, и потому, что имѣла потребность любить кого-либо, и — полюбила тебя, какъ дочь свою, какъ никого не любила въ мірѣ, кромѣ мужа. А теперь?... Нѣтъ, нѣтъ, и теперь не вѣрю, чтобъ ты могла мнѣ предпочесть *его*.... твоего бывшаго отца! Если бы ты это сказала....

Горисла́вская. Другъ мой, моя вторая мать, еслибъ я сказала, я солгала бы предъ тобою и предъ Богомъ. Не могу не любить отца — это выше меня самой, ты это знаешь, ты это сама позволила; но еслибъ нужна была жертва кровная для одного изъ васъ, на выборъ между вами, ужъ, конечно, не ему принесла бы ее.

Виталина (*обнимая ее*). Я въ этомъ была увѣрена. Что жъ заставило тебя нынче бояться даже памяти о твоемъ рожденіи? Почему ты прежде никогда не говорила о своемъ отцѣ съ такимъ страхомъ? Развѣ ты не исполнила кровныхъ обязанностей? Родные твои обеспечены отъ насъ приличнымъ содержаніемъ; они счастливы счастіемъ.

Digitized by Google

мнѣ сроднымъ, котораго выше не знаютъ, и за него тебѣ обязаны. Почему жъ только нынѣ, послѣ семи лѣтъ разлуки, фантазія твоя начала такъ мрачно разъигрываться и летать въ твое первобытное семейство? Что за странныя вспышки? не понимаю. Тутъ кроется другое...

Гориславская (*въ смущеніи*). Такъ! другое чувство: гордость, небывалая гордость вдругъ овладѣла душой моей; она-то и губитъ меня!

Виталина. Я всегда любила въ тебѣ это чувство, но не въ такой ужасной степени, какъ теперь. Странно! этого прежде не бывало съ тобой... Посмотри мнѣ въ глаза... Наташа! ты и теперь сказала мнѣ неправду: есть другая важная причина; есть другое сильнѣйшее чувство, которое скрываешь отъ меня.

Гориславская. Виновата... прости мнѣ... открою тебѣ... я... люблю... я *не могла* не любить *его*... Правда, семь лѣтъ забывала, что я дочь еврея, и только теперь это вспомнила, когда въ сердце мое невидимо, не знаю какъ, вкралось чувство, котораго прежде не понимала. Я увидѣла ужасную пропасть, когда голова моя надъ нею закружилась, когда было поздно воротиться!... Помоги, родная, другъ мой, защити меня отъ меня самой!... *Онъ*... ты знаешь *кто*... сдѣлалъ мнѣ

Digitized by Google

предложеніе—я отказала... откажи и ты. Вооружись хоть ты за меня; я ужъ не могу. Мухоморовъ мой женихъ, я обручена съ нимъ, слово твое дано, я за него иду.

Виталина. Теперь ясно, какъ день; ты будешь съ нимъ несчастлива—ты не можешь, не должна за него идти. Ни онъ, ни семейство его не по тебѣ!... Попробуемъ надъ нимъ силою убѣжденій, денегъ, равнодушія твоего къ жениху... Все это, вмѣстѣ съ благодарностію ко мнѣ, не поколеблетъ ли отца и сына? А если для счастія твоего нужно *больше*... никогда я этого не дѣлала, Богъ свидѣтель!... если нужно отступиться, рѣшусь и на это. Развѣ лучше моими руками навязать тебѣ камень на шею и бросить въ пучину?

Гориславская. Хоть бы и такъ, но... если онъ узнаетъ, что я дочь... жида?

Виталина. Какъ это узнать ему? Ты крещена въ дальномъ городѣ; когда ты вступала ко мнѣ въ домъ, изъ слугъ, тогда со мною бывшихъ при мнѣ, никого нѣтъ теперь въ живыхъ; все это было дѣлано мужемъ и мною такъ секретно... Одинъ Парѳенычъ знаетъ тайну твоего рожденія. Ты слывешь дочерью канцелярскаго чиновника.

Гориславская. Но тайна извѣстна старику Мухоморову; развѣ онъ, владѣя ею, не можетъ

Digitized by Google

изъ мщенія передать ее другимъ и бросить меня на поруганіе свѣта и, пуще всего, на позоръ передъ нимъ?... Опытъ онъ уже сдѣлалъ... Ну, если мой отецъ, въ самомъ дѣлѣ, пріѣхалъ въ Москву?...

Виталина. Негодяй хотѣлъ только посердить тебя, а, можетъ, и попугать за равнодушіе къ сыну.

Гориславская. Но рѣшиться мнѣ обманывать, не одну минуту, не одинъ день... обманывать всю жизнь того, кто довѣрчиво, съ самоотверженіемъ, съ слѣпою любовію соединилъ со мной судьбу свою? О! тяжело!... Я изнемогаю отъ этой мысли...

Виталина. Такъ лучше испытаемъ силу его любви къ тебѣ? Онъ знаетъ, что ты дочь мелкаго канцелярскаго служителя, и это не пугаетъ его. Любовь его выше всѣхъ предразсудковъ, говорилъ мнѣ отецъ, когда просилъ у меня руки твоей... Что жъ?... спустимъ тебя одною степенью ниже... откроемся ему...

Гориславская. Чтобъ онъ узналъ, что я дочь жида?... Нѣтъ, никогда не соглашусь на этотъ опытъ! Лучше разстаться съ моимъ счастіемъ, лучше умереть.

Виталина. Такъ предоставь мнѣ дѣйствовать самой.

Digitized by Google

Гориславская. Дѣлай со мною, что хочешь... воля твоя будетъ моей судьбою... только побереги меня.

Виталина. Будетъ по твоему, гордое и дорогое дитя мое! Теперь поди къ себѣ отдыхать, да вели позвать сюда обоихъ Мухоморовыхъ.

Гориславская (*которая было отошла нѣсколько шаговъ, возвращается*). Они сами идутъ. (*Удаляется*).

Виталина (*увидѣвъ Мухоморовыхъ*). Какъ я стала обоихъ ненавидѣть!

явленіе xi.

Виталина, Мухоморовъ и Павелъ Флегонтычъ.

Виталина. Мнѣ нужно съ вами говорить о важномъ для насъ дѣлѣ.

Павелъ Флегонтычъ. Мы за этимъ же пришли.

Мухоморовъ. Скажи-ка лучше, Павелъ Флегонтычъ, для повершенія этого дѣла ты пріѣхалъ изъ Питера. Дорожка не легкая и поубытчился не мало.

Виталина. Увидите, что стоило бы пожалѣться и далѣе, хоть для настоящаго разговора. Помѣстись-ка подлѣ меня, Флегонтъ Пареенычъ

Digitized by Google

(указываетъ ему на скамейку), а вы, молодой человѣкъ, возьмите стулъ и присядьте поближе. Ты помнишь, старикъ, что случилось года четыре тому назадъ, когда я лежала на смертномъ одрѣ?

Мухоморовъ. Какъ не помнить! Ангельская душа ваша чуть-чуть не улетѣла на небо. Денно и ночно не отходили мы съ женой отъ вашей спальни.

Виталина. Грѣшно мнѣ забыть, какъ ты и жена твоя ухаживали за мною въ это время. Бѣдная Наташа проплакала тогда глаза: хоть и дитя, она понимала, однакожъ, что со мною теряетъ все въ мірѣ и остается круглою, несчастною сиротой. Не страшно мнѣ было умереть, но страшно было оставить ее безъ состоянія, безъ покровительства. Думать долго не было времени; вы обз знасте хорошо остальное.

Мухоморовъ. По совѣсти исполнилъ я вашу волю.

Павелъ Флегонтычъ. Желаніе ваше было для насъ закономъ.

Виталина. Мы расположили судьбою ребенка...

Мухоморовъ. Однакожъ, ей было пятнадцать годиковъ.

Виталина. Дѣвочка въ пятнадцать лѣтъ развѣ не дитя?... Да, безъ ея вѣдома, безъ ея согласія,

Digitized by Google

мы сдѣлали крѣпость на ея руку и сердце, на всю будущность.

Павелъ Флегонтычъ. Когда я пріѣзжалъ прошедшаго года въ Москву, Натальѣ Ивановнѣ было уже восьмнадцать лѣтъ—вы не перемѣняли своего слова. Еслибъ разсудокъ и сердце ея противились ему, вы бы, конечно, лучше насъ знали это и намъ объявили.

Виталина. Я молчала, потому что не имѣла ничего новаго вамъ объявить.

Павелъ Флегонтычъ. По крайней мѣрѣ, молчаніе ваше укрѣпило меня въ моихъ надеждахъ, въ увѣренности получить руку той, которую я ужъ три года называлъ своей невѣстой. Каждый годъ возрастала моя привязанность, и вы ее сами питали. Съ вашей стороны положено было только одно препятствіе—мой чинъ; вы сами назначили срокъ нашей свадьбы, когда я получу коллежскаго ассессора: онъ давалъ мнѣ право укрѣпить за будущей моей женой имѣніе, которое вы сами ей назначили!... Я этого приданаго не просилъ, я и теперь его не требую.

Мухоморовъ. Однакожъ, все-таки не лишнее, Павлуша: вѣдь обѣщано... да и не очень радостно будетъ Натальѣ Ивановнѣ отъ рябчиковъ жить на сухоядѣніи. Видитъ Богъ, мы поступили безъ

Digitized by Google

хитрости, безъ корысти. Софья Андревна сама изволитъ знать, что должна мнѣ была сто тысячъ по двумъ актамъ, явленнымъ въ гражданской, и я не покорыстовался ими.

Виталина. Вы можете получить и теперь одинъ, въ пятьдесятъ тысячъ: онъ цѣлъ; разница въ немъ только та, что на него наросли проценты. Пріймите его въ благодарность за все, что вы для меня сдѣлали и *можете* еще сдѣлать.

Павелъ Флегонтычъ (*встороиу*). А! понимаю... (*вслухъ*) Безъ руки Натальи Ивановны этотъ актъ для меня все равно, что листъ бѣлой бумаги. Не о благодарности, не о векселяхъ, явленныхъ у маклеровъ и въ палатахъ, идетъ рѣчь, Софья Андревна, а о выполненіи слова, скрѣпленаго честію вашею, честію благородной дамы; дѣло идетъ объ исполненіи обѣта, даннаго у смертнаго одра, передъ лицомъ Судьи, котораго протестъ ужасенъ... дѣло идетъ о счастіи или несчастіи цѣлой моей жизни. Теперь и я призываю васъ къ отвѣту.

Виталина (*вставая*). Къ отвѣту?... меня?... вы?... вы, котораго отцу дала я свободу, имя, состояніе?... Не вамъ ли самимъ дано мною воспитаніе у меня въ домѣ, потомъ средства къ высшему образованію? Не я ли проложила вамъ

Digitized by Google

дорогу къ службѣ, вывела васъ на степень, которую занимаете нынѣ въ свѣтѣ? Я могла бы сказать болѣе, но считаю низкимъ говорить о благодѣяніяхъ... Извольте, я дамъ вамъ отвѣтъ. Вы о чести говорите очень горячо, молодой человѣкъ; увидимъ, такъ ли согласны съ правилами чести и дѣйствія ваши! Рыцарь, какъ вы себя понимаете, долженъ быть во всемъ такимъ.

Павелъ Флегонтычъ. Кажется, вы испытывали меня болѣе двадцати лѣтъ; не вновь же начинать!

Виталина. Прежде всего и я должна, однакожъ, сказать: не имѣю нужды, чтобъ напоминали мнѣ объ исполненіи *моего* слова. Когда для этого нужно было бы жертвовать своимъ имуществомъ, своимъ спокойствіемъ, однимъ словомъ—собою, я не задумалась бы ни на минуту. Но въ дѣлѣ нашемъ есть третье лицо... дочь моя, не по рожденію,—все равно! — любовь сильнѣе кровныхъ правъ. Такъ помните, сударь, дѣло идетъ о судьбѣ дочери моей; вы говорите съ ея матерью.

Павелъ Флегонтычъ. Слушаю.

Виталина. Не виды на богатое приданое, которое даю за Наташей, прельщаютъ васъ, сказали вы: одна привязанность, одна чистая, беско-

Digitized by Google

рыстная любовь, возрастающая съ каждымъ годомъ?...

Павелъ Флегонтычъ. И теперь это подтверждаю.

Мухоморовъ (*про себя*). Охъ, охъ! бѣда съ этими прыткими молодыми людьми! Того и гляди отступится отъ сотней тысячъ.

Виталина. Такъ для васъ нужна она одна, своимъ лицомъ?

Павелъ Флегонтычъ. Получить ее и безъ ничего почолъ бы я высшимъ блаженствомъ.

Виталина. Но вы, конечно, хотите, чтобъ будущая подруга вашей жизни съ рукою своею отдала вамъ сердце, чтобъ она васъ любила и любовію своею услаждала вашу будущность. Безъ того что за союзъ двухъ людей мыслящихъ, образованныхъ? Ужъ и въ деревняхъ, у крестьянъ, не стали отдавать дочерей по неволѣ. Когда обѣщала я вамъ Наташу, я думала, что сердце ея никѣмъ не занято и, если не чувствуетъ къ вамъ особенной привязанности, то по крайней мѣрѣ свободно, по крайней мѣрѣ способно васъ полюбить. До нынѣшняго дня я была въ этомъ заблужденіи. Знайте же: она васъ не терпитъ, она чувствуетъ къ вамъ неодолимое отвращеніе; скажу болѣе: она любитъ другаго и мнѣ въ этомъ нынѣче призналась.

Digitized by Google

Павелъ Флегонтычъ. Не эту ли восковую фигуру, которую только что на дняхъ увидала! Богатырская любовь! шагаетъ верстовыми шагами!..

Виталина. Теперь, господинъ рыцарь, покажите свое благородство: возьмите ее, повлеките къ вѣнцу, заставьте у алтаря Божія, передъ лицомъ Его, солгать, что она не неволею за васъ идетъ, что она никого не любила, кромѣ васъ. Честенъ, возвышенъ будетъ вашъ поступокъ!... Но когда совершите вы этотъ рыцарскій подвигъ, какое высокое блаженство будетъ видѣть подлѣ себя жену—страдалицу, которая сказала вамъ прежде, что она васъ ненавидитъ и — презираетъ... Да, презираетъ, потому что подобный поступокъ съ вашей стороны другаго чувства не заслуживаетъ!... Начните же этотъ подвигъ, сударь, довершите его, если достанетъ у васъ довольно самоотверженія, чтобъ обречь и себя на вѣчныя муки.

Мухоморовъ (*сыну тихо, такъ, чтобы слышала Виталина*). По мнѣ хоть бы отступиться отъ такой невѣсты. Паша, не лучше ли взять сто тысячъ?

Павелъ Флегонтычъ. Увидимъ.

Виталина. Что жъ вы на это скажете?

Павелъ Флегонтычъ. Что я скажу?... Теперь ни слова, ни одного слова не услышите отъ

Digitized by Google

мени. Дайте мнѣ подумать, Софья Андреевна: только одну недѣлю срока прошу; черезъ недѣлю получите рѣшительный отвѣтъ. Хочу самъ испытать сердце Натальи Ивановны; отъ нея самой долженъ услышать отвѣтъ. Вы даже обвинили бы меня въ нѣтренности, въ легкомыслія, еслибъ я сейчасъ рѣшился. Любить такъ долго, такъ страстно, и такъ скоро разстаться съ своею любовью, съ лучшими мечтами своей жизни — о! это ужасно!

Виталина. Такъ черезъ недѣлю жду отвѣта. Онъ долженъ быть рѣшительный. Помните, мы не ссорились съ вами. Флегонтъ Пареенычъ, (*съ твердостію*) въ твоей преданности я увѣрена... ты мнѣ никогда не измѣнялъ и знаешь Бога.

Мухоморовъ. Матушка!... видитъ... Онъ! (*показываетъ на небо*).

Виталина (*тихо ему*) Зачѣмъ же ты...давича...

Мухоморовъ (*тихо*). Каюсь, виноватъ... въ сердцахъ сорвалось... вѣрьте совѣсти, впередъ не буду... Ужъ вы, родная, будьте съ нимъ (*указывая на сына*) не такъ суровы... (*уходитъ съ сыномъ*).

Виталина (*уходя*). Господи! внуши имъ все, что согласно только съ ея счастіемъ.

Digitized by Google

ЯВЛЕНІЕ XII.

Мухоморовъ и Павелъ Флегонтычъ.

Павелъ Флегонтычъ. Отступиться?... отступиться?... За кого они принимаютъ меня? За ребенка что ли, котораго тѣшили долго любимою игрушкой — отняли ее, потому что она понравилась другому, и обѣщаютъ новую, золотую игрушку? Хотятъ среди бѣлаго дня, всенародно, проволочь меня по грязи и потомъ умыть розовою водою? И чтобы толпа, чернь насмѣялась досыта надъ этой продѣлкой?... Нѣтъ, не такъ легко! Они меня не знаютъ!... Лучше погубить ее, хоть бы самому погибнуть... Отецъ! у тебя есть тайна... важная тайна, говорилъ ты, которая мнѣ дастъ надъ Гориславской роковую власть, которая приведетъ ее къ ногамъ моимъ, какъ покорную овечку.

Мухоморовъ. Почти такъ.

Павелъ Флегонтычъ. Почти?... Навѣрно!... Ты давича шепнулъ ей на ухо нѣсколько словъ... видно, показалъ кончикъ этой тайны... Гориславская поблѣднѣла, какъ смерть, руки ея дрожали... Постигаю, ты обладаешь великимъ сокровищемъ... На что оно тебѣ? Что ты сдѣлаешь

Digitized by Google

изъ него, съ твоею мягкою, уклончивою душой? Оно принадлежитъ мнѣ по праву. Отдай мнѣ его!.. *(беретъ судорожно отца за руку).* Пора—ты видѣлъ?.. Ты самъ устроилъ эту путаницу, дай же мнѣ ножъ, которымъ бы ее разсѣчь.

Мухоморовъ. Безумный! не ломай же мнѣ такъ руку... Охъ, охъ! чему жъ васъ учатъ тамъ въ высокихъ трехэтажныхъ палатахъ? Только что не погладили его по шерсти, онъ ужъ кричитъ благимъ матомъ на весь міръ, онъ ужъ всѣ помыслы свои, всю утробу вывороталъ наружу. Павлуша, не такъ дѣлаютъ люди бывалые, умные. Отецъ твой простой, какъ ты говоришь, необразованный человѣкъ, да тебя поучитъ. А ты наставилъ меня давича, все дѣло было испортилъ. У насъ не такъ: на душѣ и волкомъ воешь, да коли нужно, воркуешь сладко голубочкомъ. Прикинусь дурачкомъ, поклянусь, побожусь, а тутъ *(показавъ на грудь)* пишется кровавая челобитная по пунктикамъ... ужъ съ надписью не возвратятъ, за то ручаюсь. Видѣлъ ты, Софья Андревна по прежнему ко мнѣ, и увѣрена, что я ей преданный? А я—преданъ только себѣ, да тебѣ, неблагодарный! Прежде чѣмъ ты меня просилъ, я для тебя многое устроилъ.

Павелъ Флегонтычъ. Батюшка, простите

Digitized by Google

меня, дайте мнѣ руку вашу... я поцалую ее, чтобъ прошла скорѣе боль, которую причинилъ ей, и, можетъ быть, сердцу вашему! Умоляю васъ объ одномъ — выкупить для меня Гориславскую изъ чужихъ рукъ, или погубить ее вмѣстѣ съ названной матерью.

Мухоморовъ. Авось, обойдемся безъ послѣдняго. Открою тебѣ всю подноготную. Только поклянись, что не передашь секрета никому до поры до времени; ты, да я, будемъ одни знать, будемъ одни проводить отъ него невидимыя проволоки, чтобъ куклы плясали по нашему хотѣнію. Даже матери твоей.... самой матери не говори: знаешь, волосъ дологъ.... все дѣло испортитъ.

Павелъ Флегонтычъ. Клянусь всемогущимъ Богомъ!

Мухоморовъ (*обходитъ кругомъ кусты и заглядываетъ въ бесѣдку*). Никого.... не шелохнетъ!... Слушай же: Гориславская не дочь канцелярскаго чиновника, а дочь.... еврея.

Павелъ Флегонтычъ. Еврея?... Можетъ ли статься?

Мухоморовъ. Сталось, какъ ты мой сынъ. Никто изъ сторонннхъ не знаетъ этого, кромѣ меня. Тому назадъ семь лѣтъ, покойный Виталинъ командовалъ полкомъ, который стоялъ въ Бѣло-

Digitized by Google

стокѣ. Хаживалъ къ нимъ жидокъ Саломонъ—поникнему факторъ что ли — нищій, хоть и проходило много денегъ черезъ его руки. У жидка было три дочки. Старшая, Эсѳира, была такая пригожая, ласковая, разумная. Увидали ее господа, полюбили, и впала имъ мысль взять ее къ себѣ въ домъ вмѣсто дочки. За деньги жидъ готовъ продать хоть себя, и согласился отдать дочь съ тѣмъ, чтобъ вовсе отъ нея отступиться. Эсѳирочка была такіе не прочь: ужъ и въ дѣвчонкѣ-жидовкѣ видна была такая гордая натура, будто родилась въ каменныхъ палатахъ. Эсѳиру окрестили и назвали Натальей, а чтобъ она не поступила въ домъ съ жидовскимъ клеймомъ, по моей наукѣ, стали ее величать дочерью личнаго дворянина. Съ тѣхъ поръ она такою и слыветъ. Въ Бѣлостокѣ это дѣло нынѣ только извѣстно Богу да душѣ Саломона.

Павелъ Флегонтычъ. Чѣмъ же можно доказать теперь, если нужно, что Горнославская была жидовка?

Мухоморовъ. Во-первыхъ, натура ея сама сейчасъ окажется: проба была при тебѣ съ полчаса назадъ. Во-вторыхъ, я оставилъ въ дѣлѣ лазейку. Учись, дружокъ, никогда не кончать дѣла начисто, а всегда оставляй въ немъ лазейку—та-

Digitized by Google

кую, что можно, коли понадобится, влѣзть или вылѣзть черезъ нее. Стоитъ только потребовать отъ Виталиной актецъ о крещеніи, и секретъ выплыветъ на чистую воду. Въ-третьихъ, я приберегъ себѣ корреспонденцію съ Салюмономъ, разумѣется, и пересылку денегъ къ нему: донděске могу имъ располагать, какъ хочу. Положено ему было двѣ тысячи, а я съ каждымъ годомъ убавлялъ фуражныя деньги; нынѣшній годъ послалъ ему только тресто, и то на дорогу — пускай будетъ ни сытъ, ни голоденъ. Все для тебя, Павлуша, все для тебя, дружокъ, не равно на чорный день (*слышенъ шорохъ въ кустѣ; Мухоморовъ прислушивается*). Чу! не слыхалъ ли ты шуму?

Павелъ Флеготычъ. Нѣтъ, птица слетѣла съ дерева; не безпокойтесь — вамъ показалось.

Мухоморовъ. Смекаешь, жидъ раздражонъ... стоитъ только насыкнуть, онъ и выдастъ все наружу. Замѣтилъ я, во время отлучки твоей, что Гориславская неравнодушна къ офицерчику; старая барыня смотритъ на это ласково и ужъ до тебя заговаривала мнѣ, хоть на понятную. Пятьсотъ душъ, каменные дома, капиталецъ.... подцѣпятъ, окаянные — подумалъ я: — быть тутъ худу, хоть и дочь приказнаго. На всякій случай выписалъ *змѣя* изъ Бѣлостока; пріѣхалъ вчера

Digitized by Google

сюда и съ дочками. Понадобится, докажемъ Леандровымъ, что Наталъюшка жидовка, наведемъ и на батюшку Саломона.... Намъ ничего, а старому столбовому дворянину втюриться въ такое родство.... Смекаешь?... обѣими руками отдадутъ....

Павелъ Флегонтычъ. Батюшка, я передъ вами глупецъ.... Тайна ваша воскресила меня. О! я не ожидалъ, чтобъ въ ней было столько добра, столько могучихъ средствъ. Правда, это такой волшебный талисманъ, отъ котораго посыплются чудеса. Вы увидите, что я имъ воспользуюсь.... Смирится гордая натура Гориславской — она моя!

Мухоморовъ. Только, ради Бога, поскромнѣе поувертливѣй, оглядываясь. Такъ всегда вводи другихъ, а самъ не попадайся. Саломона, коли тебѣ понадобится, можешь отыскать въ Чорствомъ переулкѣ, близъ Сухаревой башни, въ домѣ мѣщанки Соковой.

Павелъ Флегонтычъ. Соковой.... не забуду; эта фамилія врѣзалась въ головѣ и сердцѣ, какъ будто выжгли ее горячимъ желѣзомъ.

Мухоморовъ. Однакожъ темнѣетъ на дворѣ. Пожалуй, эти сорванцы дождутся въ оврагѣ, да поколотятъ порядкомъ — чего добраго! Отпра-

Digitized by Google

вимся–ка поскорѣй въ Москву. (*Отходятъ къ воротамъ*). Эй! Филька! Заснулъ! Филька! (*Слышенъ голосъ*). «Здѣсь, сударь... Тпрру, окаянные, успѣете натѣшиться. Да, заснешь голодный на тычкѣ!... » (*Мухоморовы скрываются*).

Digitized by Google

АКТЪ II.

Комната въ квартирѣ Леандрова.

ЯВЛЕНІЕ I.

Леандровъ (*одинъ*). Дочь приказнаго!... Неважный ремизъ: рука сына разомъ сотретъ его. Не въ чины же ему лѣзть черезъ жену!... Съ другой стороны, сколько достоинствъ! Хороша собой, воспитана, умна, а пуще всего добра, какъ ангелъ: всѣ въ домѣ барышней не нахвалятся. Я самъ влюбленъ въ нее безъ памяти. Да и то сказать, сколько ни доискивался приказной родни, не отыскалъ никакой — круглая сирота! Тѣмъ лучше.

Дѣло рѣшоное: она наша. Вижу, и самой Виталиной хочется честнымъ образомъ отдѣлаться отъ Мухоморовыхъ. Мы избавимъ ее отъ хлопотъ;

Digitized by Google

вся продѣлка падетъ на насъ. Завтра представимъ ей Гориславскую подъ именемъ госпожи Леандровой. Чай, у молодыхъ людей кипитъ дѣло: учить и понуждать нечего. Да вотъ и на поминѣ легки.

ЯВЛЕНІЕ II.

Леандровъ, Сергѣй Петровичъ и Ипполитовъ.

Леандровъ. Отчотъ скорѣй, на чистоту!

Сергѣй Петровичъ. Все намъ помогаетъ. Мухоморовыхъ нынѣшній день не принимали; со мною старушка была необыкновенно привѣтлива; въ словахъ ея вездѣ проглядывала родственная, сердечная теплота. Натали была грустна, но успѣла наградить меня такимъ взглядомъ, для котораго можно броситься въ огонь; прощаясь подала мнѣ руку.... О! что сказала мнѣ эта рука!... Батюшка, я вполнѣ счастливъ.

Ипполитовъ. Пожалуй, онъ васъ займетъ цѣлый часъ разсказами о чудесныхъ взглядахъ, о таинственныхъ пожатіяхъ руки, а настоящаго вы отъ него не узнаете. Извольте, достославный родитель сего Телемака, выслушать рапортъ его Ментора. Наталья Ивановна ѣдетъ рѣшительно на

Digitized by Google

вечеръ къ Гусынинымъ; ей сопутствуетъ сантиментальная дѣва Медовицына; Виталина остается дома, будто не нездоровью.... Люди, купленные мною, пересказали барынѣ о нашихъ будущихъ подвигахъ, а барыня дала этимъ людямъ секретный приказъ не мѣшать намъ; все это, какъ водится, опять передано мнѣ. По вашему повелѣнію, многоуважаемый Петръ Сергѣевичъ, я съѣздилъ за 20 верстъ отъ Москвы, въ указанное мнѣ вами село....

Алтарь готовъ, горитъ огнями храмъ.
Любви куратся ѳиміамъ
И стелетъ Гименей нетерпѣливой
Роскошный одръ изъ розъ четѣ счастливой.

Леандровъ. Стихи, особенно съ ѳиміамами, нынѣ не въ модѣ; давай-ка намъ дѣльной прозы и прозы!

Ипполитовъ. Прозаически сказать, все приготовлено, чтобъ окрутить влюбленную чету; запасены свидѣтели, шаферы и — незабыта батарея шампанскаго. Воля ваша, грянемъ: «Громъ побѣды раздавайся!» и увлечемъ васъ въ полонезъ.

Леандровъ. Не только полонезъ, подъ эти родные, торжественные звуки готовъ тряхнуть старыми костями и пройдтися *русскую*, молодецкую. Спасибо, дружище! (*кличетъ*) Эй! мальчикъ!

Digitized by Google

Ипполитовъ (*тихо Сергѣю Петровичу*). Видно, въ домѣ отца твоего не вывелись еще мальчики, которые женятся, имѣютъ сами дѣтей и до смерти остаются все мальчиками! (*Сергѣй Петровичъ молча жметъ ему руку*).

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же и Слуга.

Леандровъ (*слугѣ*). Ты знаешь, какъ мои приказанія исполняются?

Слуга. Знаемъ; хоть въ огонь и въ воду.

Леандровъ. Чтобъ къ девяти часамъ все было готово....

Слуга. Слушаю.

Ипполитовъ. Проэкзаменуйте его, хорошо ли выучилъ онъ мой урокъ.

Леандровъ. Помнишь ли, что надо сдѣлать?

Слуга. Софья Андревна поѣдетъ съ вечеринки.

Леандровъ. Софья Андревна или Наталья Ивановна — все равно — слышишь?

Слуга. Слушаю. Карета ихъ остановится въ Газетномъ переулкѣ, у втораго фонарнаго столба отъ Тверской. — Что тамъ сдѣлалось? спрашу-

Digitized by Google

ваетъ барыня или барышня.—Колесо ненадежно, —говоритъ нхній кучеръ.—Мы тутъ какъ снѣгъ на голову. Бросаюсь къ каретѣ, и ну раскачивать колесо.—Ахти, матушка, сударыня! дѣло худое; вы этакъ до Кузнецкаго не доплететесь. Да не извольте тревожиться; какъ будто Богъ послалъ насъ сюда на эту бѣду; баринъ ѣдетъ изъ клуба и здѣсь въ двухъ шагахъ, въ своей каретѣ. Тутъ пересаживается барыня или барышня къ вамъ, а извѣстное дѣло, прямо въ село Самородки.

Леандровъ. Ладно. Теперь на отдыхъ, а вечеромъ къ дѣлу, и не зѣвать. Ступай. (*Слуга уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же, *кромѣ* Слуги.

Леандровъ. Люблю такого рода продѣлки. Это не первинка для меня. Въ молодости своей, если не для себя увезъ жену, такъ пріятелю помогъ увезти.

Ипполитовъ. Видно, вы были такой же молодецъ, какъ и я.

Леандровъ. Тѣхъ же щей, да пожиже. Вы люди новаго вѣка: за друга пойдете на дуэль, а подъ дубину мужичка не отважитесь.

Digitized by Google

Ипполитовъ. Передъ геркулесовой шпагой пассъ.

Леандровъ. Правда, наши времена были простѣе, пожалуй, и погрубѣй; многое ужъ нынѣ и не позволятъ.

Ипполитовъ. Разскажите-ка намъ о вашемъ молодечествѣ, хоть ради вящшаго нашего куража.

Леандровъ. Вотъ видите, надо было выхватить одну Надежду Николавну изъ дома родственника ея, старика богатаго и упрямаго, который ни за что не хотѣлъ отдать ее за моего пріятеля. Разумѣется, и пріятель и дѣвушка были влюблены другъ въ друга по самую маковку головы. Нужно было не только вырвать барышню изъ-подъ караула старика, но и перемахнуть въ другой уѣздъ. Въ своемъ никто не хотѣлъ вѣнчать, а въ сосѣднемъ человѣкъ мнѣ задушевный и лихачъ, какихъ уже нѣтъ нынѣче, все изготовилъ, чтобъ окружить влюбленную чету. Въ глухую полночь спустилась Надежда Николавна изъ окна своей спальни, прямо ножками на мои плеча; въ охапку ее — и сгинулъ въ темнотѣ ночной. До границы промчались мы вихремъ благополучно. Стало свѣтать.... ахти! вижу — двадцать молодцовъ съ дубинками дожидаются насъ на перехватъ; изъ плетня сдѣлана

Digitized by Google

барьера. Самъ я сидѣлъ нучеромъ; четверка была у меня отчаянная, сказочная. Задрожали жилки, не отъ страха опасности, а отъ страха удариться лицомъ въ грязь.... Смекаю, дѣло плохо! однакожъ подумалъ, лучше голову снести, чѣмъ на попятную.... перекрестился, да какъ гаркнулъ: эй! соколики! не выдайте!... и былъ таковъ. Только видѣлъ въ облакѣ пыли, какъ разметались люди по сторонамъ, будто полетѣли щепки.... Не утерпѣлъ однакожъ: въ саженяхъ пятидесяти остановился, да погрозилъ кнутомъ. Правду сказать, и невѣста была молодецъ—обняла меня на козлахъ и поцаловала.

Ипполитовъ. Сережа, какъ думаешь, братъ, вмѣсто тебя, не повезти ли батюшку къ вѣнцу? Посмотри-ка, тридцать лѣтъ съ костей долой; глаза горятъ, какъ у влюбленнаго юноши.

Сергѣй Петровичъ. Если бы и увезъ для себя, знаю, и у вѣнца отдастъ мнѣ ее. *(Цалуетъ руку у отца).*

Леандровъ. Теперь осталось поручить себя Богу. Прилягу немного; намъ придется всю ночь не смыкать глазъ. *(Идетъ въ боковую комнату).*

Digitized by Google

ЯВЛЕНІЕ V.

Сергѣй Петровичъ и Ипполитовъ.

Ипполитовъ. Чудный человѣкъ твой отецъ!.. Жалѣю, что я не на твоемъ мѣстѣ, то есть, не герой нашего романа, не имѣю такого отца, и, главное, такой бесподобной невѣсты, которую завтра можешь лобызать, сколько душѣ угодно.

Сергѣй Петровичъ. Да, братецъ, завидовать мнѣ можно.

Ипполитовъ. Чтобъ не завидовать тебѣ на яву, пойду заѣсть горечь моего одиночества трюфелями, отъ которыхъ за версту несетъ амброзіей, и залью ее добрымъ хересомъ. *(Расходятся въ разныя двери).*

ЯВЛЕНІЕ VI.

Вечеръ въ домѣ откупщика Гусынина. Авансцена представляетъ гостиную, наполненную богатою мебелью, разставленною въ модномъ безпорядкѣ. Посреди комнаты, ближе къ лѣвой сторонѣ, мраморный каминъ, въ видѣ пьедестала, на которомъ стоитъ изъ мрамора изваянная группа Психеи и Амура; кругомъ цвѣты въ горшкахъ. Сквозь широкую арку, съ богатою драпри, видна зала. Во время танцевъ, звуки музыки слабо долетаютъ до зрителей; сквозь анфиладу комнатъ видно танцующихъ, а иногда кокетирующіе показываются на авансценѣ, въ гостиной.

Digitized by Google

Гусынинъ, Гусынина, Сергѣй Петровичъ, Ипполитовъ, Павелъ Флегонтычъ, Молодые Люди 1-й, 2-й, 3-й *и прочіе гости обоего пола.*

Гусынинъ и 1-й молодой человѣкъ разносятъ карты гостямъ. Мужчины и дамы, большею частію, разсаживаются за карточные столы. Нѣсколько дѣвицъ и молодыхъ дамъ сидятъ въ разныхъ мѣстахъ гостиной и залы, другія переходятъ парами и группами изъ одной комнаты въ другую. Молодые люди разсыпаны тамъ и сямъ; рѣдкій изъ нихъ подходитъ къ дамамъ и дѣвицамъ. Гости то и дѣло прибываютъ. Сергѣй Петровичъ и Ипполитовъ сидятъ на диванѣ; первый внимательно выглядываетъ пріѣзжающихъ; Павелъ Флегонтычъ издали наблюдаетъ за ними.

Сергѣй Петровичъ. До сихъ поръ нѣтъ ея! Ужъ не случилось ли чего? Не отдумала ли пріѣхать?

Ипполитовъ. Просто, лишнихъ пять минутъ на туалетъ, и для тебя, неблагодарный.

Сергѣй Петровичъ. Для меня?... Да, послѣ утренняго свиданія я сдѣлался самолюбивъ.

Ипполитовъ. Скажу еще тебѣ въ утѣшеніе: несчастіе приходитъ внезапно, счастіе любитъ пококетничать — заставляетъ себя ждать.

Сергѣй Петровичъ. Несчастіе приходитъ

Digitized by Google

внезапно, говоришь ты? У меня сердце замерло отъ этихъ словъ.

Ипполитовъ. Передъ добромъ, Ѳомичъ невѣрный! Съ тобою шутить нельзя: благополучіе у тебя на носу, а ты его не видишь.

Сергѣй Петровичъ. Боюсь всего, пока не скажу: она моя!... Не выдержу, пойду стеречь ее поближе къ дверямъ *(уходитъ въ другую комнату)*.

Павелъ Флегонтычъ *(сѣвъ подлѣ Ипполитова, иронически)*. Вашъ пріятель ждетъ *ее*.... съ нетерпѣніемъ, котораго не можетъ скрыть.

Ипполитовъ *Ее?*... Кто далъ вамъ право, сударь, обращаться ко мнѣ съ подобными таинственными вопросами? Кажется, мы съ вами не на такой дружеской ногѣ.

Павелъ Флегонтычъ. Но вы... другъ Леандрову, вы желаете ему счастія.... онъ ждетъ этого счастія съ рукою *ея;* но горько будетъ разочарованіе: онъ обманутъ!

Ипполитовъ. А вы, изъ желанія ему добра, хотите открыть обманъ?...

Павелъ Флегонтычъ. Не столько для его добра, сколько для своего, признаюсь вамъ. Я въ этой драмѣ теперь главное страдающее лицо; берегитесь, чтобы другъ вашъ, ставъ на мое мѣсто, не раскаялся.... будетъ поздно!

Digitized by Google

Ипполитовъ (*иронически*). Благодаримъ за участіе.

Павелъ Флегонтычъ. Волею или неволею, вы должны принять его.

Ипполитовъ. Неволею? это дерзко и смѣшно! Посмотримъ, однакожъ, вашей удали.

Павелъ Флегонтычъ. Ни дерзко, ни смѣшно, если узнаете, что заставляетъ меня такъ говорить. Не засмѣетесь вы, тѣмъ менѣе засмѣется вашъ другъ, когда увидите *ее*, блѣдную, трепещущую отъ одного моего слова. Не засмѣетесь, когда я вамъ покажу изумительныя, страшныя доказательства моего на нее вліянія! Смѣхъ развѣ будетъ на моей сторонѣ!

Ипполитовъ (*измѣряя его глазами*). Послѣ такого предисловія очень любопытенъ былъ бы, въ самомъ дѣлѣ, увидѣть ваши штуки, новый, дивный Пинетти!

Гусынинъ (*останавливается въ раздумьи съ картою въ рукахъ близъ говорящихъ*).

Гусынина (*своему мужу*). Да вотъ monsieur Ипполитовъ не танцуетъ; онъ избавитъ насъ отъ хлопотъ.

Гусынинъ (*Ипполитову, предлагая ему картошку*). Не достаетъ одного партнера.... не откажитесь.

Ипполитовъ. Извините, я не играю.

Digitized by Google

Гусынинъ. Два генерала и кавалеры разныхъ орденовъ....

Ипполитовъ. Хоть бы гран-метры тамплiеровъ!... Не играю рѣшительно.

Гусынина (*отходя съ мужемъ*). Злой человѣкъ! не танцуетъ и не играетъ; зачѣмъ же эти господа пріѣзжаютъ на вечера?

Павелъ Флегонтычъ. Пожалуй, я дамъ вамъ здѣсь, теперь, обращики тѣхъ таинственныхъ отношеній, которыя существуютъ между *ею* и мною. Такъ.... желаете?

Ипполитовъ. Что жъ? Въ самомъ дѣлѣ интересно. Но помните, почтеннѣйшій, что если это одни фарсы съ вашей стороны, если вы хоть на волосъ солгали, я назову васъ публично негодяемъ и лжецомъ.

Павелъ Флегонтычъ. Я этого не боюсь, потому что дѣло подтвердитъ мои слова. Послѣ этихъ доказательствъ, подадите ли мнѣ руку на миръ?

Ипполитовъ. О! и въ этомъ случаѣ, нѣтъ, никогда! Но я даю вамъ слово препятствовать тогда, чтобы мой другъ женился на ней, во что бы ни стало. Для васъ, какъ я вижу, болѣе ничего не надо.

Digitized by Google

Павелъ Флегонтычъ. Довольно съ меня и этого.

Ипполитовъ. Говорите жъ... давайте опыты.

(*Трое молодыхъ людей останавливаются у камина близъ Ипполитова и Павла Флегонтыча и ждутъ имъ продолжать разговоръ*).

1-й Молодой Человѣкъ. Насилу разсадилъ по мастямъ!... Усталъ, какъ собака.

2-й Молодой Человѣкъ. Есть изъ чего! твоя Клеопатра дивно-хороша, а Амфитріонъ дивно глупъ — выручаешь его славно!

3-й Молодой Человѣкъ. Смотря на нее, я всегда вспоминаю «Египетскія Ночи» Пушкина:

И всѣми тайнами лобзаній
И дивной нѣгой утомитъ.

Счастливецъ! (*Всѣ трое удаляются*).

Павелъ Флегонтычъ. Вы желаете опытовъ? Извольте. Вашъ другъ навѣрно будетъ звать ее на первый танецъ?

Ипполитовъ. Еслибъ онъ этого не сдѣлалъ, я уговорю.

Павелъ Флегонтычъ. Хорошо. Я увѣренъ такъ въ своемъ чудесномъ вліяніи на нее, въ своемъ преимуществѣ надъ вашимъ другомъ, что дождусь, пока онъ ее ангажируетъ.

Digitized by Google

Ипполитовъ. И потомъ?

Павелъ Флегонтычъ. И потомъ пойду къ ней, скажу ей два, три слова... она пойдетъ со мною и откажетъ Леандрову. Мало, я сдѣлаю этотъ опытъ два раза, пожалуй....

Ипполитовъ. Довольно и двухъ!... Еслибъ я былъ на мѣстѣ Леандрова, я задушилъ бы васъ обоихъ на первомъ опытѣ.

Павелъ Флегонтычъ. Вы не должны подслушивать насъ.

Ипполитовъ. Даю слово.

Павелъ Флегонтычъ. Ждать недолго; черезъ пять минутъ она будетъ здѣсь.

Ипполитовъ. Неимовѣрная пунктуальность!.. Помните, если вы на волосъ отступите... Но... посмотримъ эту оказію.

Павелъ Флегонтычъ. До рѣшенія задачи!... *(встаетъ и скрывается между гостями).*

Ипполитовъ *(про себя)*. Воплощенный дьяволъ!... Онъ, однакожъ, говорилъ съ такою увѣренностью... Нѣтъ, онъ не лжетъ!... Такъ лгать невозможно!... Несчастный другъ!... И я, какъ-будто вѣщій воронъ, напророчилъ ему внезапную бѣду! Что жъ? лучше узнать обманъ прежде, нежели на вѣкъ съ нимъ соединиться... Вотъ любовь нашего времени! *(скрывается между гостями)*.

Digitized by Google

3-й Молодой человѣкъ. Ждутъ новаго свѣтила; говорятъ, должна затмить все, что ты видишь здѣсь блестящаго красотою и любезностію.

Четвертый. Не ты ли открылъ ее, великій звѣздочетъ?

3-й Молодой человѣкъ. Нашъ пансіонскій товарищъ, Мухоморовъ, помнишь, былъ такой угрюмый и сердитый на весь міръ.

Четвертый. Помню, однакожъ славно этюдировалъ.

Третій. Стоитъ навесть наши обсервативныя орудія — пятьсотъ душъ, сотни тысячъ денегъ, каменные домы. Можетъ быть, удастся дать этому свѣтилу свое имя!

Четвертый. Подцѣпитъ какой-нибудь мичманъ Нептунъ, или департаментскій Меркурій. Кто жъ она такая?

Третій. Полька... сказываютъ, правнука Лещинскаго—по боковой линіи! фамилія какая-то славянская... какъ бишь? да, да, Гориславская.

Слышны голоса: «Она! Гориславская!», «Гориславская!», «Дивно хороша!», «чудо!»

Digitized by Google

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же, Гориславская и Медовицына.

Сергѣй Петровичъ (*Гориславской, провожая ее черезъ гостиную до дивана, съ правой стороны отъ зрителей, на который она и садится. Медовицына съ досадою садится въ нѣкоторомъ разстояніи; Сергѣй Петровичъ становится за Гориславской*). Посмотрите, съ какимъ восторгомъ все здѣсь васъ встрѣчаетъ; послушайте, какъ общій голосъ называетъ васъ царицею нынѣшняго вечера.

Гориславская. Что мнѣ теперь до бездушной похвалы ихъ!... я никого изъ нихъ не вижу, никого не слышу... Только... для одного... хотѣла бы я быть лучше всѣхъ.

Сергѣй Петровичъ. Для одного?... О! скажите мнѣ имя этого счастливца... (*Гориславская смотритъ на него съ любовію*). Ваши глаза говорятъ мнѣ такъ много... Не ужъ ли... я?

Гориславская. Кто жъ можетъ быть другой?... Видите, какая я нынѣче болтушка!... Это отъ того, что мнѣ позволено... я такъ долго молчала. Надо же себя вознаградить!...

Сергѣй Петровичъ. Что вы дѣлаете со мною?... Еслибъ я не боялся, чтобъ почли меня

Digitized by Google

безумнымъ, я бросился бы къ ногамъ вашимъ... Да, я у ногъ вашихъ... я цалую ихъ съ трепетомъ благодарности, любви, блаженства—высшаго, какое только небо посылало человѣку.

Гориславская. Мы этакъ забудемъ, что на вечерѣ, что не одни здѣсь. Ангажируйте меня поскорѣй, а то кто-нибудь предупредитъ васъ.

Сергѣй Петровичъ. На первый и второй танецъ, не такъ ли?

Гориславская. Съ большимъ удовольствіемъ... Мнѣ надо такъ много говорить съ вами. Ступайте... ищите себѣ скорѣй визави. (*Сергѣй Петровичъ отходитъ нѣсколько шаговъ впередъ и останавливается въ забытьи подлѣ Ипполитова*).

Ипполитовъ. Чего ты ищешь?

Сергѣй Петровичъ. Визави.

Ипполитовъ. На одномъ мѣстѣ, не говоря ни слова? странно!

Сергѣй Петровичъ. Я потерялъ голову отъ блаженства и не знаю, куда идти. Укажи мнѣ... толкни меня на кого-нибудь.

Ипполитовъ. Пойди въ залу, тамъ найдешь десятки охотниковъ стать противъ твоей очаровательницы. На сколько танцевъ ты ее ангажируешь?

Digitized by Google

Сергѣй Петровичъ. На два. Но для чего этотъ вопросъ?

Ипполитовъ. Мнѣ смертельно хочется подолѣе насладиться, какъ вы, въ парочкѣ съ нею, обратите на себя общее вниманіе. Сколько перекосится хорошенькихъ личиковъ! сколько маменекъ перебѣсится! *(Сергѣй Петровичъ уходитъ въ другую комнату. Между тѣмъ Павелъ Флегонтычъ подходитъ къ одному молодому человѣку и шепчетъ ему что-то на ухо; молодой человѣкъ приглашаетъ Медовицыну и уводитъ ее).*

Павелъ Флегонтычъ *(наклонясь къ Гориславской, тихо)*. Вы будете танцевать со мною первый и второй танецъ?

Гориславская. Это невозможно; вы видѣли, я дала слово Леандрову.

Павелъ Флегонтычъ. Вы... не пойдете съ нимъ, Эсѳирa! *(Гориславская блѣднѣетъ и въ величайшемъ смущеніи)*. А если это сдѣлаете, черезъ пять минутъ все, что здѣсь есть, узнаетъ, что вы дочь еврея Саломона — и Леандровъ первый!... Выбирайте. Мое слово неизмѣнно, какъ святъ Богъ! Идите со мною! рѣшайтесь поскорѣй!

Гориславская *(хочетъ подать ему руку и приподняться съ кресель и опять опускается на нихъ)*. Иду. *(Мухоморовъ подаетъ ей руку и помогаетъ встать)*.

Digitized by Google

Ипполитовъ *(про себя)*. Великій Боже!

Сергѣй Петровичъ *(возвратившись, Мухоморову)*. Павелъ Флегонтычъ, что это значитъ? позвольте, я ангажировалъ Наталью Ивановну.

Павелъ Флегонтычъ. Спросите у нея.

Гориславская. Виновата... я забыла... слово дала прежде.

Сергѣй Петровичъ. По крайней мѣрѣ, на вальсъ.

Павелъ Флегонтычъ. И вальсъ идетъ Наталья Ивановна со мною *(увлекаетъ Гориславскую въ кадриль, которая составляется, смотря съ торжествующею улыбкою на Ипполитова)*.

Сергѣй Петровичъ *(остается неподвижнымъ, на одномъ мѣстѣ, отчаяніе изображается во всѣхъ его чертахъ)*.

2-й Молодой человѣкъ *(встрѣтивъ Гориславскую)*. На вторую кадриль.

Гориславская. Я?... на вторую?...

2-й Молодой человѣкъ. Да-съ, на вторую.

Гориславская. Извините... я... не танцую.

2-й Молодой человѣкъ. Что за странная! идетъ танцовать и не танцуетъ? *(уходитъ въ залу)*.

Ипполитовъ. Есть отъ чего сокрушаться! она недостойна твоей любви, она недостойна твоего мщенія.

Digitized by Google

Сергѣй Петровичъ. А ты почему знаешь? Развѣ... ты видѣлъ, слышалъ? Или открылъ что-нибудь?

Ипполитовъ. А ты не видалъ какому таинственному вліянію она покорна?... Да, я знаю болѣе тебя, но здѣсь не мѣсто объясняться. Брось ее поганому Мухоморову. Чета, достойная другъ друга!

Сергѣй Петровичъ. Бросить! Нѣтъ, пока я живъ! пускай возьметъ ее развѣ у мертваго!

Ипполитовъ. Стоитъ терять жизнь изъ такой...

Сергѣй Петровичъ. Ради Бога, не договаривай... дай мнѣ еще помечтать, что она не виновата. Упасть съ такой высоты блаженства, и въ такой омутъ... нѣтъ! Увѣриться въ этомъ, такъ надо съ ума сойдти.

Ипполитовъ. Что жъ сказать отцу?... Слышишь, идетъ проливной дождь... (*Слуга закрываетъ окна*) Музыка не заглушаетъ ужасной погоды. Я знаю твоего отца; какъ пылкій юноша, нетерпѣливый отъ любви къ тебѣ, отъ желанія устроить скорѣе твое счастіе, онъ ранѣе назначеннаго часа будетъ на мѣстѣ.

Сергѣй Петровичъ. Бѣдный отецъ!... Да, надо дать знать ему, что я... самъ не хочу... что

Digitized by Google

я отложилъ... Но прошу, умоляю тебя, подожди немного, хоть полчаса.

Ипполитовъ. Поди, поди, любезный... испытай еще разъ чудную покорность ея господину Мухоморову; испытай новыя насмѣшки, новое униженіе; дай этому презрѣнному орудіе торжествовать надъ тобою. Впрочемъ, кто знаетъ? на этотъ разъ, можетъ быть, счастіе тебѣ улыбнется. Кокетки имѣютъ...

Сергѣй Петровичъ. Одно обидное слово, и мы на вѣкъ разсоримся. Объявляю тебѣ, пойду еще на униженіе... испытаю, объяснюсь... можетъ быть, она въ самомъ дѣлѣ невиновата, можетъ быть, еще прежде меня дала слово, и забыла — для меня же.

Ипполитовъ. Бѣднякъ, жаль мнѣ тебя! Впрочемъ, дѣлай, какъ хочешь и что хочешь, а моя нога не будетъ болѣе въ ихъ домѣ.

Гусынина (*увидѣвъ Сергѣя Петровича*). Что это значитъ? Вы были всегда душою моихъ вечеровъ, а теперь убѣжали сюда отъ танцевъ, какъ анахоретъ отъ соблазна.

Сергѣй Петровичъ. Я не нашолъ себѣ пары.

Гусынина. У меня?... Извините, вы клевещете на мой вечеръ, mon cher monsieur Леандровъ... Какая-нибудь размолвка!... Мы вамъ

Digitized by Google

поможемъ — мы отомстимъ. Пойдемте, я вамъ сыщу... *(беретъ его подъ руку и уходитъ съ нимъ въ залу)*. Княжна... пара сокрушительныхъ глазъ... богата... какъ будто васъ ждала... Можетъ быть и судьба!... *(Кадриль кончилась. Сергѣй Петровичъ извиняется передъ Гусыниной и спѣшитъ къ Гориславской, которую и ангажируетъ на слѣдующій танецъ; Гориславская на авансценѣ садится съ лѣвой стороны)*.

Ипполитовъ *(тихо Сергѣю Петровичу)*. Что?

Сергѣй Петровичъ. Идетъ.

Ипполитовъ. Но къ ней подходитъ сатана: посмотримъ, что будетъ.

Павелъ Флегонтычъ *(Гориславской, тихо)*. Вы не пойдете съ нимъ, я запрещаю.

Гориславская *(тихо)*. Вы?... О! Это ужъ слишкомъ много... это свыше всякаго униженія.

Павелъ Флегонтычъ. Будете раскаяваться, но поздно.

Гориславская. Пора вамъ сказать: я васъ ненавижу и презираю.

Павелъ Флегонтычъ. Такъ мщеніе!

Гориславская. Предпочитаю вашей любви.

Павелъ Флегонтычъ. Помните... мщеніе! *(начинается музыка, кадриль составляется)*.

Гориславская *(подходя къ Сергѣю Петровичу)*. Гдѣ нашъ визави? *(входятъ въ кадриль)*.

Digitized by Google

Павелъ Флегонтычъ (*проводилъ ихъ глазами, про себя*). На то пошло, такъ я сокрушу тебя въ прахъ, еврейка! (*задумывается*) Геніальная мысль! Прямо изъ преисподней!... Она сама просила мщенія... будетъ!... не отложу на долго. Мое слово не ребяческое слово, оно не мимо идетъ— не лай пса на привязи, который разносится вѣтромъ?... Ревность, униженіе, злоба — всѣ адскія стихіи смѣшались въ душѣ моей, буря въ ней завываетъ. Устоитъ ли противъ нея этотъ жалкій цвѣтокъ? (*увидѣвъ Ипполитова*) Довольны ли вы моими опытами?

Ипполитовъ. По горло!.. Только ради моего и вашего спокойствія, прошу подалѣ отъ меня.... Когда вы ко мнѣ подходите, я всегда слышу запахъ сѣры; я всегда боюсь, чтобы новый Сатанаилъ не выпустилъ на меня свои когти. (*Оборачивается къ нему спиной*).

Павелъ Флегонтычъ. И здѣсь неблагодарность! (*увидѣвъ перваго молодаго человѣка*). Подойди ко мнѣ, Саша, на два слова.

1-й молодой человѣкъ. Что вамъ угодно?

Павелъ Флегонтычъ. Вы?.. Полно сердиться. Вчера вы просили у меня въ займы пятьсотъ рублей; вчера ихъ не было— нынѣче есть. Надо?

1-й молодой человѣкъ. До зарѣзу. Мои

Digitized by Google

цирцея обѣщала, но не могла ничего выпросить у своего супруга; откупъ, дескать, плохо идетъ.

Павелъ Флегонтычъ. Пріѣзжай завтра, получишь. Радъ товарищу университетскому услужить.

1-й молодой человѣкъ. Избавитель!

Павелъ Флегонтычъ. Попрошу и отъ тебя услуги на доброе дѣло.

1-й молодой человѣкъ. Ты знаешь, у меня сердце какъ воскъ; дѣлай изъ него, что хочешь.

Павелъ Флегонтычъ. Мнѣ только нужно вліяніе твое на хозяйку дома. Нечего скрывать, ты всемогущъ надъ сердцемъ ея, а въ немъ неистощимые рудники добра. Недаромъ слыветъ добродѣтельною дамой.

1-й молодой человѣкъ. По моему, на чужія деньги.

Павелъ Флегонтычъ. Ты противъ себя злословишь ее. Я знаю, она готова разсыпать свое добро на бѣдныхъ....

1-й молодой человѣкъ. Въ чомъ бы ни нуждались.

Павелъ Флегонтычъ. Какому бы народу, какой бы вѣрѣ ни принадлежали. Femme émancipée, въ полномъ, высокомъ значеніи этого слова, жорж-зандовская женщина! Дѣло теперь въ

Digitized by Google

бездѣлицѣ. Вотъ видишь, я интересуюсь несчастнымъ семействомъ.... Жидъ — это правда, но по человѣчеству нашъ братъ.... у него двѣ дочери чудесной красоты.

1-й молодой человѣкъ. Красавицы?... Гмъ! тутъ, думаю, будетъ помѣха.

Павелъ Флегонтычъ. Дѣти, братецъ... одной десять, другой восемь лѣтъ. Пріѣхали сюда изъ Бѣлостока—общипанные, оборванные, по два дня безъ куска хлѣба.... видѣть ихъ, такъ сердце ворочаетъ въ груди. Здѣсь, на вечерѣ, осадила меня мысль помочь имъ: думаю, чего лучше благодѣтельной хозяйкѣ предложить сборъ въ пользу несчастнаго семейства! Убѣжденіе въ чудныхъ, огненныхъ глазахъ, убѣжденіе въ голосѣ, который прямо вторгается въ душу, слова, которыя она такъ мастерски и всегда кстати умѣетъ выбирать.... О! я увѣренъ, что горсти серебра и пуки кредитокъ посыплются къ ногамъ ея.

1-й молодой человѣкъ. Только то? Даю слово — здѣсь и сейчасъ.

Павелъ Флегонтычъ. Смотри, не забудь: отецъ — Саломонъ, дочери — Рахиль и Ревекка.

1-й молодой человѣкъ. Саломоновъ храмъ, Рашель — знаменитая актриса... Ревекка — ин-

Digitized by Google

девна въ романѣ Валтера Скотта.... припомню, припомню.

Павелъ Флегонтычъ. Пріѣхали сюда изъ Бѣлостока къ богатой родственницѣ, которая ихъ не признаетъ.

1-й молодой человѣкъ. Жестокая! Чугунное сердце!

Павелъ Флегонтычъ. Опиши дряхлаго, сѣдаго старика....

1-й Молодой человѣкъ.

Ты зри главу мою, лишонную волосъ,
Ихъ изсушила грусть и вѣтеръ ихъ разнесъ.

Павелъ Флегонтычъ. Изобрази чорными красками ихъ рубища, скажи, что если завтра утромъ они не получатъ помощи....

1-й Молодой человѣкъ. Три тѣни явятся слѣдующею ночью въ спальню жестокосердыхъ дамъ, и—тогда горе имъ! вампиры припадутъ къ груди ихъ.... Но увидишь, что ни одинъ Массильонъ не дѣйствовалъ такъ на своихъ слушателей, какъ твой слуга покорный. О! я чувствую въ себѣ краснорѣчіе цѣлой академіи! (*Убѣгаетъ*).

Павелъ Флегонтычъ. Ни одинъ ростовщикъ не отдавалъ своихъ денегъ съ такою ужасною яхвой! Подлинно, жидовскіе проценты! Она бу-

Digitized by Google

детъ моею, или ничьей!... (*Между тѣмъ, кадриль кончилась; танцовавшіе расходятся въ разныя стороны, между прочими Гориславская и Медовицына садятся въ гостиной на одномъ изъ дивановъ, ближе къ авансценѣ. Первый молодой человѣкъ переговариваетъ съ Гусыниной, потомъ горячо разсказываетъ что-то гостямъ. Гусынина беретъ маленькую корзинку съ этажерки и обходитъ съ нею гостей, играющихъ въ карты и прохаживающихся по гостиной. Сергѣй Петровичъ стоитъ, облокотясь на пьедесталъ Психеи и Амура, недалеко отъ Гориславской*).

Гусынина (*одному изъ играющихъ въ карты за столомъ, ближайшему къ Гориславской*). Вашъ кошелекъ на минуту. (*Играющій даетъ свой кошелекъ. Гусынина высыпаетъ изъ кошелька деньги въ корзинку и потомъ возвращаетъ его*). На доброе дѣло—бѣдному, умирающему семейству еврея. (*Хозяинъ кошелька кланяется. Гусынина подходитъ къ пожилой дамѣ, играющей за тѣмъ же столомъ*). Не откажите, я знаю ваше доброе сердце.

Пожилая дама. Для жида?... Извините.

Гусынина. Все-таки ближній нашъ, и несчастный.

Пожилая дама (*сердито*). Болѣе четвертака не дамъ. (*Кладетъ монету въ корзину. Въ это время подходятъ къ Гусыниной нѣсколько мужчинъ и кладутъ въ корзину деньги разнаго вида*). Вздумала обирать насъ для

Digitized by Google

превѣчнаго жида; у насъ свои бѣдные есть!... Да еще подошла ко мнѣ послѣ Дремухиной.

Молодая дама (*лорнируя группу мужчинъ, стоящихъ близъ нея, мужу своему*). Wladimir, donnez quelque chose.

Мужъ. На что? сколько?

Молодая дама (*съ нетерпѣніемъ*). Mon Dieu, une monnaie, un billet.... ce que tu veux, pour un malheureux juif et deux pauvres enfans. (*Мужъ кладетъ въ корзину депозитку. До Гориславской доходятъ нѣкоторыя слова Гусыниной и гостей: грудь ея сильно волнуется, она въ тревожномъ состояніи*).

Павелъ Флегонтычъ (*становится позади дивана за Гориславской, тихо ей*). Вы желали мщенія?... Оно не заставило себя ждать. (*Гориславская ничего не отвѣчаетъ; Павелъ Флегонтычъ удаляется*).

Сергѣй Петровичъ (*кладетъ свой кошелекъ въ корзинку*). Несчастіе имѣетъ нынѣче особый доступъ къ сердцу моему.

Гусынина. Вы подаете, не зная даже для кого.

Сергѣй Петровичъ. Мнѣ, кажется, доброе дѣло не требуетъ отчета.

Гусынина. Я, однакожъ, дамъ вамъ его. Пріѣхалъ какой-то бѣдный еврей Саломонъ изъ Бѣ-

Digitized by Google

лостока съ двумя маленькими дочерьми, говорятъ, дивной красоты!... Имена романическія!... одну зовутъ: Рахиль.... можетъ быть, новая Рашель для нашей сцены.... мы объ этомъ помолчимъ. Другая.... виновата, забыла....

1-й молодой человѣкъ. Вспомните жидовку изъ «Ивангое».

Гусынина. Ревекка!... на память этой обольстительной еврейки!... Думали найдти въ Москвѣ помощь отъ богатой родственницы, которая всѣмъ обязана Саломону и — нашли одинъ бесчеловѣчный, жестокій отказъ.... Несчастные умираютъ съ голоду.

Горислявская (*хватая Медовщыку за руку, тихо ей*). Помогите, ради Бога!.. Выведите меня... мнѣ дурно... (*Упадаетъ безъ чувствъ на диванъ*).

Гусынина (*въ испугѣ*). Что съ вами?... Душа моя, ангелъ мой!... (*Серпью Петровичу*) Возьмите корзинку.... позовите горничныхъ.... спирту! воды! что вздумается! (*Серпій Петровичъ бѣжитъ опрометью въ боковую дверь; любопытные со всѣхъ сторонъ окружаютъ эту сцену; дѣвицы стараются заговородить собою Горислявскую*). Боже мой! что я надѣлала!... Воображала ли? Какіе слабые нервы!...

Одинъ изъ гостей. Что такое?

Другой. Что сдѣлалось?

Digitized by Google

Третій. Не мудрено, стягиваются въ корсетъ на смерть.

Четвертый (*прочитавши*). Можетъ, отъ любви.

Пятый (*заглядывая черезъ дьвицъ*). Какъ она хороша въ этомъ положеніи!

Шестой (*тоже заглядывая*). Какъ будто ждетъ своего Пигмаліона! (*Приходятъ горничныя и вмѣстѣ съ Медовицыной уносятъ Горислявскую въ боковую комнату. Гости расходятся по комнатамъ и принимаются за прежнія занятія. Сергѣй Петровичъ исчезаетъ на нѣкоторое время*).

Павелъ Флегонтычъ (*бѣдный, дрожащимъ голосомъ Ипполитову, который проходитъ мимо его*). Ловко была пущена стрѣла, и прямо въ сердце! Видите, стрѣлокъ искусный не даетъ промаха!

Ипполитовъ (*схвативъ его за руку и отводя въ сторону*). Слушайте. Это мнѣ надоѣло; надо положить конецъ вашимъ продѣлкамъ. Между вами и ею есть ужасная тайна: вы должны открыть мнѣ ее.

Павелъ Флегонтычъ. Теперь и я скажу: это требованіе и дерзко и смѣшно.

Ипполитовъ. И я въ свою очередь отвѣчу: ни дерзко, ни смѣшно, сударь, когда я вамъ объявляю, что отъ разгадки этой тайны зависитъ счастіе моего друга. Завтра въ десять часовъ утра, я буду у васъ и предложу вамъ на выборъ:

Digitized by Google

открыть мнѣ эту тайну, или.... если вы не подлецъ.... разгадать тотчасъ на свинцовыхъ жеребьяхъ, вамъ ли молчать о ней молчаніемъ смертнымъ, или мнѣ узнать ее въ другомъ мірѣ.

Павелъ Флегонтычъ. Не прочь. Но прежде хочу доказать вамъ, что вина не на моей сторонѣ. Въ три дня тайна сама собой скажется вашему другу. Если вы послѣ трехъ сутокъ потребуете отъ меня удовлетворенія, я къ вашимъ услугамъ.

Ипполитовъ. Буду ждать.

Сергѣй Петровичъ (*прибѣгая къ Ипполитову*). Слава Богу, ей лучше!... Она уѣхала домой.... я успѣлъ ее проводить.... Ѣдемъ; мы обгонимъ ихъ.

Ипполитовъ. Слабое существо! (*Уходя*) Но мое дѣло предупредить отца твоего, а тамъ что угодно.

Digitized by Google

АКТЪ III.

Комната въ квартирѣ Виталиной.

ЯВЛЕНІЕ I.

Гориславская (*одна*). Какъ я осталась жива!.. И зачѣмъ?... чтобъ нѣсколько лишнихъ дней проволочить тяжолую цѣпь, которою судьба меня опутала. Господи, зачѣмъ ты разомъ не сокрушилъ меня? Пошли мнѣ скорѣе смерть, или я потеряю свой послѣдній разсудокъ....

Не понимаю, что сдѣлалось, когда мы въѣхали въ Газетный переулокъ.... Карета наша остановилась.... отворяю окно.... при свѣтѣ фонаря увидѣла я отца Леандрова.... Ипполитова.... и

Digitized by Google

его.... Онъ бросился къ нашей каретѣ, но Ипполитовъ удержалъ его.... я услышала ясно: «она того не стоитъ!» Потомъ раздался ужасный голосъ: «пошолъ мимо—домой!» Въ этомъ голосѣ слышала я и насмѣшку и какую-то злобу, но болѣе всего презрѣніе!...

Не понимаю ничего; голова моя идетъ кругомъ. Ужасная ночь! хоть бы на минуту заснула.... Думала, день принесетъ малѣйшее облегченіе — все одно.... И ночью и днемъ тѣ же видѣнія.... онъ, мой отецъ, худой, изнуренный, блѣдный, какъ мертвецъ, въ рубищахъ.... протягиваетъ мнѣ руку для подаянія.... двѣ дѣвочки нищенки, бросаются къ ногамъ моимъ и просятъ у меня куска хлѣба.... А тамъ хохочутъ надъ жестокою дочерью бѣднаго жида!... Куда бѣжать мнѣ отъ этихъ неотступныхъ видѣній? (*Облокотившись на столъ, склоняетъ голову на руку и дремлетъ, потомъ вздрагиваетъ и вскакиваетъ съ кресель*). Да, вотъ онъ—и, теперь передо мною.... Отецъ! чего хочешь отъ меня?... Научи, что должна я сдѣлать?... Скажи.... вымолви хоть одно слово. Денегъ?... Возьми все, что у меня есть; все твое.... Только удались; не терзай меня.... (*Закрываетъ глаза руками*).

Digitized by Google

ЯВЛЕНІЕ II.

Гориславская и Павелъ Флегонтычъ.

Павелъ Флегонтычъ (*отворяя дверь, про себя*). Одна?... плачетъ!... Къ лучшему!... Авось-либо образумится и возвратится ко мнѣ.... (*Громко*) Наталья Ивановна!

Гориславская (*оборачивалась*). Вы?... пришли убить меня?

Павелъ Флегонтычъ. Ради Бога, успокойтесь.... что съ вами?

Гориславская. Что со мною? И вы спрашиваете?... Чего хотите отъ меня послѣ вчерашняго поступка со мной?... Чтобъ докончить его, стоило только войдти ко мнѣ съ ножомъ въ рукѣ.

Павелъ Флегонтычъ. Назовите этотъ поступокъ низкимъ, жестокимъ, адскимъ, если хотите; я самъ, пожалуй, такъ назову его. Теперь имена для меня ничего: я смотрю на дѣло. Но я спрошу васъ самихъ, не вы ли виною моего сумасбродства? не вы ли довели меня до послѣдней крайности? Съ того времени, какъ вы меня знаете, видали ли что-нибудь подобное отъ меня? падала ли когда-нибудь на васъ хоть тѣнь оскорбленія? Вы назвали меня своимъ женихомъ; вы обручены со

Digitized by Google

мною уже два года предъ лицомъ Бога, котораго призывали въ свидѣтели вашихъ обѣтовъ. Правда ли?

Горисла́вская. Не могу сказать: нѣтъ!

Павелъ Флегонтычъ. Вы позволили мнѣ любить васъ любовію человѣка, который скоро долженъ былъ назвать васъ именемъ супруги — и я полюбилъ васъ такою любовію, довѣрчиво, страстно, увѣренный, что ваше сердце и рука не могутъ никому принадлежать, кромѣ меня. И ждалъ я въ этой увѣренности, покорный вашей волѣ; я ждалъ минуты, когда вамъ самимъ угодно будетъ разрѣшить мои надежды. И чтожъ?.. Пріѣзжаю сюда... мое мѣсто занято, сердце ваше предается другому, минутному гостю въ вашемъ домѣ, руку вашу вырываютъ изъ моей руки.... Нѣтъ, этого нельзя было выдержать!... Неужели вы думали, что я такъ легко, безъ боя, отдамъ сокровище, которое мнѣ принадлежитъ по всѣмъ правамъ? Оно дорого мнѣ; споръ за него долженъ быть ужасенъ; онъ начался.... каковъ можетъ быть далѣе, вы видѣли вчера по началу!

Горисла́вская. Если вы хотите, я виновата во всемъ, въ чомъ вы меня обвиняете. За то мщеніе было ужасно.... Неужели вы не могли мстить съ большимъ благородствомъ?

Digitized by Google

Павелъ Флегонтычъ. Душа, переполненная оскорбленій и униженія всякаго рода, не разбираетъ средствъ. Отдалите моего соперника, уничтожьте его надежды, и я — опять покорный вашей волѣ, вашимъ малѣйшимъ желаніямъ, я опять готовъ ждать:.. годъ, два, цѣлую вѣчность, лишь бы вы не принадлежали никому, кромѣ меня.

Гориславская. Я ужъ все сдѣлала, что вы желаете. Сергѣй Петровичъ просилъ руки моей, и я рѣшительно отказала. Чего жъ болѣе хотите отъ меня?

Павелъ Флегонтычъ. Вы отказали? но вчера все было приготовлено Леандровымъ, чтобъ увезть васъ съ вечера Гусыниной; люди ваши были подкуплены; въ деревнѣ за десять верстъ отъ Москвы хотѣли обвѣнчать васъ съ Сергѣемъ Петровичемъ, и все это безъ вашего согласія?

Гориславская. Меня?... увезти?... обвѣнчать?... можетъ ли статься?

Павелъ Флегонтычъ. Это такъ вѣрно, какъ вы теперь видите меня передъ собою. Я все знаю.... Подозрѣваю, что сама Софья Андревна была въ заговорѣ. А вы.... будто и не знали?

Гориславская (*встороиу*). А! понимаю теперь.... Доброе, чудное существо! Вотъ почему убирала меня она на вечеръ съ такою заботли-

Digitized by Google

востью, съ такою нѣжностью благословляла меня; вотъ почему сказала мнѣ: «не бойся, если съ тобою случится что-нибудь чрезвычайное, и будь счастлива».

Павелъ Флегонтычъ. Вы ничего не говорите; вы, конечно, сокрушаетесь объ этой неудачѣ?

Гориславская. Что скажу вамъ? я рѣшительно ничего не знаю. Если бъ тутъ было мое согласіе, не готовилось бы и тайнаго похищенія.

Павелъ Флегонтычъ. Правда, вѣрю вамъ.

Гориславская. Но.... видите.... ничего не состоялось.... слово: «жидовка» ихъ, конечно, испугало.... не такъ ли?

Павелъ Флегонтычъ. Нѣтъ, они еще этой тайны не знаютъ и не будутъ знать, если вы навсегда рѣшительно откажетесь отъ моего соперника.... даю вамъ слово.

Гориславская. Я увѣрена.... вчерашній поступокъ вашъ былъ одна вспышка мщенія.... Простите, я виновата....

Павелъ Флегонтычъ. Такъ вы откажетесь отъ него.... навсегда?...

Гориславская (*въ испугѣ прислушивается*). Карета подъѣхала къ крыльцу.... Софья Андревна возвратилась.... минуты дороги.... Я имѣю до васъ просьбу.... сжальтесь надо мною. Вы ска-

Digitized by Google

зали, что отецъ мой здѣсь.... Если въ вашемъ сердцѣ есть хоть искра любви ко мнѣ, умоляю васъ ею, всѣмъ, что для васъ дорого и свято, скажите мнѣ, гдѣ найдти мнѣ отца. Во чтобъ ни стало, я хочу его видѣть.

Павелъ Флегонтычъ. Что отецъ вашъ здѣсь, въ Москвѣ, я клянусь вамъ Богомъ; но.... онъ долженъ остаться для меня залогомъ вашего слова. Никто, кромѣ меня и моего отца, не знаетъ его квартиры, никто, кромѣ меня, не укажетъ вамъ ее, въ этомъ даю вамъ также свое слово.

Гориславская. Научите, чтожъ должна я сдѣлать.... какъ дойдти къ нему?...

Павелъ Флегонтычъ. Найдите возможность быть нынѣ въ семь часовъ вечера, въ Садовой, у Сухаревой башни.... Возьмите съ собою Медовицыну, скажите ей, что вы хотите посѣтить бѣдное семейство.... однѣ, безъ свидѣтелей.... Знаю ваше прекрасное сердце—это случается съ вами не въ первый разъ.... Выдьте изъ кареты.... на углу переулка будутъ васъ ждать.... Если вы довѣряетесь чести моей, я самъ провожу васъ къ вашему отцу, но, проводивъ, оставлю васъ.

Гориславская (*про себя*). Тайно отъ maman?.. Что мнѣ дѣлать? Что ни будетъ, я должна его видѣть. (*Вслухъ*) Довѣряюсь вашей чести—буду...

Digitized by Google

Еще одна просьба.... деньги, которыя собирали вчера.... отдайте другимъ бѣднымъ.

Павелъ Флегонтычъ. Понимаю васъ.... исполню ваше желаніе. (*Слышенъ голосъ:* «Кто пустилъ его? я запретила»). Съ уговоромъ молчать обо всемъ.

явленіе III.

Тѣ же и Виталина.

Виталина. Зачѣмъ пожаловали?... кто вамъ позволилъ?

Павелъ Флегонтычъ. Входъ въ вашъ домъ былъ для меня свободенъ. Я пришолъ къ своей невѣстѣ.

Виталина. Невѣстѣ?... послѣ вчерашняго поступка вашего?... Все знаю, сударь! Отнынѣ всѣ связи наши, всѣ обѣщанія разрушены. Вы сами ихъ уничтожили. Забудьте, что мы когда-нибудь существовали. Властію матери запрещаю ей имѣть какія-либо сношенія съ вами; власти этой надъ нею, надѣюсь, никто не отнимаетъ у меня; хозяйкой дома вы, кажется, позволите мнѣ быть у себя. И потому входъ ко мнѣ запрещонъ вамъ и отцу вашему. Я ужъ объ этомъ писала ему.

Digitized by Google

Павелъ Флегонтычъ. Вы сами дали мнѣ одну недѣлю сроку на извѣстное вамъ испытаніе.... ваше слово....

Виталина. Я давала его человѣку благородному.... извините меня.... Ждать недѣлю? Да вы въ одинъ день найдете искусство убить ее: ваша душа, вашъ умъ, геніальные на зло, изобрѣтутъ средства разомъ отравить свою несчастную жертву. Кинжалъ и ядъ нынче не въ употребленіи; но ихъ замѣнили другія средства, которыя искуснѣе убиваютъ. Что бы ни было, кончено между нами! Слышали? (*указываетъ ему на дверь*). Или вы желаете?... (*хватаетъ со стола звонокъ*).

Гориславская (*удерживая ее*). Ради меня, попадите.

Павелъ Флегонтычъ. Повинуюсь, но предупреждаю васъ.... вы сами позовете меня. (*Уходя, про себя*) Какъ бы мнѣ увидѣть Медовицину? Подкараулю, когда эта гордая барыня уѣдетъ со двора.

явленіе iv.

Виталина и Гориславская.

Виталина. Для чего приходилъ? Что говорилъ съ тобою?

Digitized by Google

Гориславская. Онъ извинялся, что вчера оскорбилъ меня, говорилъ, что причиною одна любовь....

Виталина. Низкія души никогда не знаютъ этого чувства. Въ немъ только одинъ эгоизмъ — ужасный эгоизмъ, готовый на все, чтобъ только удовлетворить себя. Не говорилъ чего объ отцѣ твоемъ?

Гориславская. Сказалъ, что онъ здѣсь... что....

Виталина. Не вѣрь; это жестокая выдумка! я вездѣ отыскивала, и нигдѣ не нашла. Еще что?

Гориславская. Еще сказалъ, что вчера Леандровъ хотѣлъ увезти меня съ вечера Гусыниной, чтобы.... Душа моя, ты была въ заговорѣ. *(Цалуетъ ей съ нѣжностію руку).*

Виталина. И здѣсь этотъ злой геній сталъ на дорогѣ твоего счастія!...

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же и Слуга.

Слуга. Полицейскій чиновникъ изъ части.

Виталина. Ты послалъ бы къ управителю.

Слуга. Говоритъ, имѣетъ дѣло до васъ лично.

Digitized by Google

Виталина *(смутившись)*. Зови. *(Слуга уходитъ)*. Наташа, оставь насъ, можетъ быть, какое-нибудь дѣло по дому, котораго ты не должна слышать.

Гориславская. Господи! ужъ не на счотъ ли мой? *(Уходитъ)*.

Виталина. Я никогда не имѣла дѣла съ полиціей... что-нибудь необыкновенное.

явленіе vi.

Виталина и полицейскій чиновникъ.

Полицейскій чиновникъ. Смѣю спросить, вы госпожа Виталина, Софья Андревна.

Виталина. Точно такъ.

Полицейскій чиновникъ. Извините, можетъ быть, обеспокоилъ васъ... что жъ дѣлать? Мы люди должностные, обязаны исполнять приказанія начальства.

Виталина. Безъ оговорокъ, что вамъ угодно?

Полицейскій чиновникъ. У васъ есть воспитанница Гориславская?

Виталина. Есть, такъ что жъ?

Полицейскій чиновникъ. Въ частной книгѣ-съ она числится дочерью чиновника 14-го класса.

Digitized by Google

Виталина. Точно такъ.

Полицейскій чиновникъ. Изволите видѣть, выходитъ оказія... сдѣланъ доносъ, что она... не прогнѣвайтесь, не я такъ называю ее... что она жидовка, даже некрещонная, и фальшиво называется дочерью чиновника.

Виталина (*въ смущеніи*). Это ложь, клевета! Я знаю, изъ какого источника она вышла...

Полицейскій чиновникъ: Мы и сами такъ думаемъ–съ, какіе–нибудь шуры–муры. Стоитъ только представить актецъ о рожденіи и крещеніи госпожи Гориславской, ничего болѣе–съ.

Виталина (*про себя*). Что мнѣ дѣлать? Актъ о крещеніи явно обнаружитъ, что она дочь жида, а я выдавала ее за дочь чиновника. Это запутаетъ меня въ дѣло, можетъ быть, уголовное. Теряю голову. Надо хоть время выиграть... (*Вслухъ*) Вотъ видите, мой мужъ былъ военный, законовъ хорошо не зналъ, я женщина и подавно... когда мы брали на воспитаніе отъ чиновника Гориславскаго дочь его, мы не подумали взять акта о крещеніи... взяли одно свидѣтельство, что она дочь его.

Полицейскій чиновникъ. Такъ пожалуйте свидѣтельство.

Виталина. Оно... у меня... въ саратовской

Digitized by Google

деревнѣ... я его выпишу и по полученіи... тотчасъ доставлю. Довольны ли?

Полицейскій чиновникъ. Пожалуйте письменное объясненіе.

Виталина. Развѣ вы мнѣ не вѣрите?

Полицейскій чиновникъ. Не смѣю не вѣрить, сударыня, но дѣла не дѣлаются на словахъ. Кстати (*указывая на письменный столъ*), здѣсь все готово для писанія... Двѣ, три строчки, и я болѣе васъ безпокоить не буду.

Виталина (*садясь за письменный столъ, всторону*). Господи! надо ложь мнѣ подтвердить письменно. До чего я дожила? (*Написавъ объясненіе, складываетъ дрожащими руками бумагу и отдаетъ ее полицейскому чиновнику*).

Полицейскій чиновникъ. Будьте покойны. Когда изволите получить требуемый актъ, вы представите его куда слѣдуетъ (*раскланивается и уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ VII.

Виталина (*одна*). Что я сдѣлала?... я сама наложила на себя руки... Въ мои лѣта, какое безразсудство!... Куда это поведетъ меня? Чѣмъ это все кончится я?... Судьба запутываетъ насъ болѣе

Digitized by Google

и болѣе. Въ зависимости отъ презрѣнныхъ Мухоморовыхъ, отъ каждаго полицейскаго чиновника, Богъ знаетъ еще отъ кого; беспрестанно лгать, беспрестанно обманывать и стараться скрыть обманъ, ожидать каждую минуту, что откроется фальшивое званіе Наташи... насъ будутъ судить... Не уйдти отъ позора!... Какая ужасная будущность!... съ кѣмъ посовѣтоваться? Къ кому прибѣгнуть? Вездѣ низкія, продажныя души (*задумывается*). Свѣтлая мысль блеснула въ головѣ моей. Открою все Ипполитову; этотъ человѣкъ благороденъ въ высшей степени... я увѣрена въ немъ, какъ въ себѣ самой... Зоркій умъ его, прекрасное сердце мнѣ помогутъ... Пускай дѣлаетъ съ нашей тайной, съ нашимъ стыдомъ, что придумаетъ! (*уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Медовицына (*входя, прислушивается*). Обѣщалъ быть здѣсь, когда Софья Андревна уѣдетъ.... Вотъ и укатила!

Странно все, что здѣсь дѣлается! Отъ меня прячутъ какую-то тайну.... Замѣчаю что то необыкновенное между Мухоморовыми и Натали. Особенно вчерашній вечеръ доказалъ мнѣ это....

Digitized by Google

Сейчасъ приходилъ полицейскій съ какими-то секретными розысками; Софья Андревна необыкновенно смущена.... Чтобы ни было, а я обязана помогать Мухоморову. Унижена, презрѣна... мщеніе! мщеніе!

ЯВЛЕНІЕ IX.

Медовицына и Павелъ Флегонтычъ.

Медовицына. Что вы хотѣли отъ меня?

Павелъ Флегонтычъ. Въ вашихъ рукахъ теперь судьба моя.

Медовицына. Приказывайте, я готова все исполнить.

Павелъ Флегонтычъ. Уступки ни къ чему не ведутъ. Надо разомъ покончить. Вчера вы сами видѣли опыты моего тайнаго вліянія на нее....

Медовицына. Котораго я однакожъ не понимаю.

Павелъ Флегонтычъ. Теперь не время объяснять эту тайну. Сергѣй Петровичъ также видѣлъ.... кажется, довольно бы для него... Чтожъ? понегодовалъ голубчикъ и—посмотрите — опять нынче жъ будетъ у ногъ очаровательницы. Вы одни можете открыть ему глаза.

Digitized by Google

Медовицына. Безъ загадокъ, говорите скорѣе. Повторяю, что я готова все исполнить, хотя бы стоило броситься въ пропасть.

Павелъ Флегонтычъ. Будетъ стоить только нѣсколькихъ капель чернилъ, да прогулки къ Сухаревой башнѣ.

Медовицына. Хоть въ трущобу, говорю вамъ.

Павелъ Флегонтычъ (*подавая ей бумажку*). Спишите по-секретнѣй эту записку и пошлите ее поскорѣе отъ себя къ Леандрову сыну.

Медовицына (*читаетъ записку*). «Платите за мою привязанность равнодушіемъ, за преданность неблагодарностью — я не измѣню обѣту, которымъ поклялась, лишь только васъ увидѣла; я и вдали отъ васъ, изгнанница изъ рая, котораго сладости дали мнѣ видѣть одно мгновеніе, не думаю ужъ о своемъ благополучіи, а помышляю только о вашемъ. Оградить васъ отъ зла для меня высшее блаженство. Что жъ, когда дѣло идетъ о счастіи цѣлой вашей жизни? Вы любите другую.... вы увѣрены въ любви ея къ вамъ—обманъ, коварный обманъ! Я должна, я обязана открыть вамъ глаза.., это мой долгъ, хотя бы судьба закляла меня у алтаря, которому я посвятила свое служеніе.» (*цалуетъ записку*). Прекрасно! какъ будто я сама диктовала (*читаетъ далѣе*). «Очарованные ея кра-

Digitized by Google

сотой, съ мнимыми душевными качествами, вы не могли оградить отъ нихъ свое сердце. Не вѣрьте ей, она связана тайными узами съ другимъ. Вспомните, Павелъ Флегонтычъ воспитывался вмѣстѣ съ нею, былъ четыре года ея женихомъ... я видала не разъ ихъ нѣжныя отношенія.... этого мало: они тайно видались.... въ чужомъ домѣ.» Но это клевета, сущая клевета! это ужъ слишкомъ много!...

Павелъ Флегонтычъ. Такъ вотъ ваши жертвы, ваши великія слова! Сильная, желѣзная душа!.. Подите! гдѣ вамъ дѣлать серьозныя дѣла, гдѣ вамъ любить — вы умѣете только сентиментальничать!...

Медовицына. Простите, простите, это была только минутная слабость. Я докажу, что достойно моего призванія — я рѣшусь и на преступленіе, лишь бы мнѣ отмстить за коварство, за насмѣшки надъ моею любовью! (*читаетъ далѣе*). Эта чудная, таинственная связь заставляетъ ее покориться его волѣ. Она, можетъ быть, и любитъ васъ, но въ то же время боится своего жениха... Никто не повѣритъ этому, тѣмъ болѣе вы. Но не осуждайте меня прежде времени. Хотите доказательствъ?... Нынѣ, въ семь часовъ вечера, онъ приказалъ ей быть близъ Сухаревой башни, при

Digitized by Google

поворотѣ въ *Чорствый* переулокъ — въ какой домъ, не знаю. Она будетъ. Угодно? вы увидите ее съ ея властелиномъ.»

Да, я спишу эту записку и пошлю къ нему, даю вамъ самое святое слово.

Павелъ Флегонтычъ. Наталья Ивановна будетъ нынѣ просить васъ ѣхать съ нею.... къ Сухаревой башнѣ.... скажетъ вамъ, что она должна, тайно отъ своей благодѣтельницы, посѣтить бѣдное семейство.... Не отказывайтесь, поѣзжайте. Въ продолженіе дня старайтесь съ нею сблизиться надѣньте личину дружбы, готовой на всѣ жертвы... поклянитесь ей въ сохраненіи тайны честью, благодарностью, Богомъ.... У Садовой, близъ Сухаревой башни, она выйдетъ одна изъ кареты; люди пускай останутся у экипажа.... я встрѣчу ее въ первомъ переулкѣ.... Оставьте насъ тогда однихъ, на полчаса....

Медовицына. Не понимаю вашей власти надъ нею; но понимаю, что въ письмѣ моемъ къ Леандрову, въ вашемъ намѣреніи заключается какая-то адская штука.... и я повинуюсь вамъ (*подаетъ ему руку*). До лучшихъ минутъ, союзникъ мой! (*Уходитъ*).

Digitized by Google

АКТЪ IV.

Улица изъ Садовой на Срѣтенскій бульваръ; изъ нея видѣнъ переулокъ; на углу влѣво церковь, за домами высится Сухарева башня.

ЯВЛЕНІЕ I.

Сергѣй Петровичъ и Ипполитовъ *(останавливаются подлѣ дома съ вывѣскою сапожника, у фонарнаго столба).*

Сергѣй Петровичъ. Чудное мѣсто выбрано для прогулки!... Маленькій, нечистый переулокъ, гдѣ живутъ швеи, цыгане, жиды.... И здѣсь будетъ она, одна съ нимъ?... Нѣтъ, это ложь, святотатство!... Они хотятъ меня съ ума свести....

Ипполитовъ. Если бъ не вечеръ у Гусыпиной, и я сказалъ бы тоже.

Сергѣй Петровичъ. Дай, еще разъ прочту для куражу дорогія строчки! *(вынимаетъ письмо изъ*

Digitized by Google

жилетнаго кармана и пробѣгаетъ его). «Эта чудная, таинственная связь заставляетъ ее покоряться его волѣ.... Таинственная связь? А! увидимъ!... *(пробѣгаетъ еще письмо* «Хотите доказательствъ? Нынѣ, въ семь часовъ вечера, онъ приказалъ ей быть...» Хочу ли?... Вотъ я и здѣсь, ровно въ семь часовъ, мамзель Медовицына!... Вѣренъ рыцарь вашему призванію!... Но берегитесь.... если не найду ихъ вмѣстѣ, я приволоку васъ къ ногамъ ея, какъ подлую клеветницу.

Ипполитовъ. Отсюда видно, кто идетъ и ѣдетъ по Садовой и переулку.

Сергѣй Петровичъ. Прекрасно!... бесподобно!... Настоящій раекъ!... О! глаза мои поймаютъ теперь и муху, которая перелетитъ черезъ переулокъ. Какая перспектива домиковъ! Все обители невинности и добродѣтели!...

Ипполитовъ. Какъ будто знакомая карета ѣдетъ по Садовой.

Сергѣй Петровичъ. Карета *ихъ;* узнаю ее между тысячи. Остановились... изъ нея выходитъ *она!*... Даетъ знать человѣку, чтобы за ней не слѣдовалъ.... У угла встрѣтилъ... *онъ*... ея любезникъ!... Не пойдти ли имъ на встрѣчу? не убить ли ее позоромъ?...

Ипполитовъ. Вспомни, что сказали тебѣ

Digitized by Google

дома: «Не забудь *тамъ*, что у тебя есть отецъ, который никогда не обманывалъ твоей любви, который умретъ съ горя, если ты позволишь себѣ какія-нибудь крайности.»

Сергѣй Петровичъ. Правда, теперь одно презрѣніе! Изъ чего же горячиться?... Какое имѣю право?... Она невѣста его, обручена съ нимъ, а я—что ей?... Пококетничала со мной.... развѣ это первая?.. Мнѣ сказала ни да, ни нѣтъ... Не даромъ плакала!... И чтожъ мнѣ въ сердцѣ, измятомъ пятилѣтнею связью съ женихомъ? Пускай ихъ любезничаютъ, сколько душѣ угодно; я имъ не помѣха; я самъ отретируюсь въ добромъ здоровьи и пожелаю имъ безмятежнаго счастія, ненарушимыхъ восторговъ.... Только посовѣтую поскорѣй къ вѣнцу.... мы съ тобою будемъ шаферами, не правда ли?

Ипполитовъ. Они подходятъ ближе; спрячемся на дворѣ этого дома; здѣсь живетъ мастеровой. Сквозь худыя ворота увидимъ, какъ они пройдутъ мимо и куда.

Сергѣй Петровичъ. Дай мнѣ руку; я слабъ, какъ ребенокъ. (*Ипполитовъ отворяетъ калитку и уводитъ за собою Сергѣя Петровича*).

Digitized by Google

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же, Гориславская и Павелъ Флегонтычъ.

Гориславская (*чрезвычайно встревоженная, со страхомъ оглядывается; ее ведетъ подъ руку Павелъ Флегонтычъ и несетъ узелокъ*). Сердце ужасно замираетъ. Земля горитъ подо мною. (*Слышенъ изъ-за воротъ голосъ Сергѣя Петровича*) «Проклятіе!» Боже!... Какъ будто знакомый голосъ!

Павелъ Флегонтычъ. Здѣсь живутъ мастеровые... можетъ быть, драка... Пойдемъ скорѣе. (*Ускоряетъ шаги. Они входятъ въ переулокъ и останавливаются у одного ветхаго домика съ мезониномъ. Павелъ Флегонтычъ даетъ знакъ тремя ударами. Имъ отворяютъ калитку*).

Гориславская. Вы здѣсь, по условію, оставите меня.

Павелъ Флегонтычъ. А назадъ?

Гориславская. Я одна дойду до экипажа; благодарю васъ.

Павелъ Флегонтычъ. Счастливъ по крайней мѣрѣ, что исполнилъ ваше желаніе. (*Гориславская входитъ въ калитку; онъ останавливается у ней*). Останусь здѣсь на минуту, будто огляжу, не подсматриваетъ ли кто за нами; а тамъ шмыгну на дворъ

Digitized by Google

и въ заднюю калитку. Дозорщики пускай увѣрятся, что я вошолъ съ нею. (*Входитъ въ калитку*).

Сергѣй Петровичъ (*выходя съ Ипполитовымъ со двора мастеровато*). Ты слышалъ?

Ипполитовъ. Слышалъ: «Сердце ужасно замираетъ. Земля горитъ подо мною.» Лукавый пойметъ ихъ лукавыя рѣчи. Пойдемъ; ты видѣлъ самъ... чего жъ болѣе?

Сергѣй Петровичъ. Хочу только узнать, чей этотъ домъ, кто въ немъ живетъ.

Ипполитовъ. И потомъ войдти въ него, и потомъ сыграть блистательную сцену ревности?..

Сергѣй Петровичъ. Нѣтъ, я до этого не унижусь. Говорю тебѣ: хочу только знать, чей домъ, кто живетъ въ немъ. Завтра, при прощаніи, свидѣтельствуя ей мое глубочайшее почтеніе, покажу ей, что я посвященъ въ элевзинскія ея таинства... болѣе ничего, повѣрь. (*Оба подходятъ къ дому, въ который вошла Гориславская. Ипполитовъ стучитъ палкою въ окошко нижняго этажа. Изъ окна выглядываетъ мѣщанка Сокова*).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Ипполитовъ, Сергѣй Петровичъ и Сокова.

Сокова. Что за сорванцы? Ну, что вамъ?

Ипполитовъ. Чей это домъ?

Digitized by Google

Сокова. Мой.

Ипполитовъ. Да вы кто такіе, матушка?

Сокова. Мѣщанка Сокова, батюшка.

Ипполитовъ. Отдаются квартиры?

Сокова. Только не по васъ.

Ипполитовъ. Да какіе жъ люди у тебя живутъ?

Сокова. Внизу приказный, а вверху, въ каморкѣ, жидъ.

Ипполитовъ. А барышня, что пришла сюда съ молодымъ человѣкомъ, часто приходитъ къ тебѣ въ домъ?

Сокова. Развѣ я караульщица у своихъ постояльцевъ? Вижу, вы шематоны какіе-нибудь: убирайтесь-ка по добру, по здорову (*затворяетъ окно*).

Ипполитовъ. Спасибо и на этомъ! (*удаляется отъ дома*).

Сергѣй Петровичъ. Слава Богу! теперь голова моя свѣжа... сердце на мѣстѣ!... (*останавливается и, оборотившись къ дому Соковой, дѣлаетъ знакъ рукой*) Прощай, прощай! желаю тебѣ безмятежныхъ наслажденій съ твоимъ нареченнымъ... Будь увѣрена, что не я прійду нарушить ихъ. Правду вы изволили сказать нѣкогда: «одно слово разрушитъ вашу клятву». Еще бы вѣрнѣе сказали:

Digitized by Google

одинъ взглядъ охолодитъ всю вашу любовь. Давно бы такъ! Медовицина, тебѣ обязанъ я своимъ спасеніемъ. Чудная была бы жена эта Наталья!... какъ бишь по отечеству?... (*Немного погодя*) Странно! я пересталъ любить, а мнѣ все-таки еще жаль ее. (*Плачетъ, оба удаляются*).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Бѣдная коморка; стѣны голыя; окна покривились; въ нѣкоторыхъ, вмѣсто стеколъ, бумага; столъ, скамейка, два стула и кровать съ задернутыми холстинными занавѣсками; одна дверь съ лѣвой стороны, другая на право, на чердакъ.

ГОРИСЛАВСКАЯ, САЛОМОНЪ, РАХИЛЬ И РЕВЕККА.

ГОРИСЛАВСКАЯ (*у дверей, про себя*). Я задыхаюсь.... ноги отказываются идти.... Страшно! здѣсь преслѣдовалъ меня голосъ Ипполитова, тамъ, въ переулкѣ, послышалось мнѣ проклятіе его друга.... Видно, все мнѣ чудится.... голова моя разстроена. (*Немного погодя*) Какая нищета!... Воображеніе не сказало мнѣ ничего лишняго.

РАХИЛЬ (*увидѣвъ ее, толкаетъ отца*). Какая-то хорошенькая барыня пришла.

САЛОМОНЪ (*вскакиваетъ со скамейки*). Что вамъ угодно, сударыня?... вы больны?...

Digitized by Google

Гориславская. Да.... (*садится на стулъ въ изнеможеніи*) мнѣ надо отдохнуть, чтобъ собраться съ силами. (*Ставитъ узелокъ на столъ*) Я помѣшала вамъ.... вы ужинали. Боже! одинъ чорствый хлѣбъ!

Саломонъ. Благодареніе Богу, когда Онъ посылаетъ и эту пищу. Иногда и хлѣба не бываетъ.

Гориславская (*развернувъ узелокъ*). Дѣти! милыя! подойдите ко мнѣ.... (*Рахиль и Ревекка подходятъ къ ней безъ боязни; Гориславская цалуетъ ихъ и даетъ имъ пирожковъ*). Заѣшьте сладкимъ горечь вашего ужина.

Рахиль (*откусывая отъ пирожка, отцу*). Откуси; какъ хорошо!

Ревекка. И отъ моего.

Саломонъ. Мнѣ.... ѣсть не хочется.

Гориславская. Вотъ еще, чтобъ вы не ѣли одинъ хлѣбъ (*даетъ Рахили кошелекъ съ деньгами*).

Рахиль. Мнѣ?... Намъ?... (*разсыпаетъ золото изъ кошелька на столъ*) Смотри, тате, все золото!... То-то накупимъ себѣ говядины и пирожковъ!

Саломонъ (*который во все время разговора Гориславской съ дѣтьми всматривался въ нее съ недоумѣніемъ и любовію*). Сударыня.... ваше лицо.... вы такъ похожи на Рахиль мою.... Неужели глаза и серд-

Digitized by Google

не обманываютъ?... Скажите, кто вы.... или я не вынесу долѣе.

Гориславская (*бросаясь къ нему на шею*). Отецъ!.. обними свою прежнюю Эсеиру.

Саломонъ. Дочь моя!... Эсеира, милая Эсеира.... Наталья Ивановна!...

Гориславская. Сестры!... ко мнѣ, мои милыя!... дайте расцаловать васъ (*цалуетъ ихъ съ нѣжностью*). Теперь я васъ не оставлю. Какія пригожія! какія душки! Еще, еще!... Подождите, я принесла вамъ гостинца. (*Вынимаетъ изъ узелка богатыя серьги и вдѣваетъ ихъ въ уши сестеръ*) Теперь, въ этомъ нарядѣ вы будете еще пригожѣй.

Рахиль. Неужели сестрица наша?... Ахъ! какія вы хорошенькія и добрыя! Ревекка, гдѣ жъ у насъ былъ кусочекъ зеркала? (*Находятъ кусокъ зеркала и любуются въ немъ одна за другой*).

Гориславская (*Саломону*). Отъ чего жъ у васъ такая бѣдность?

Саломонъ. Мы не ждали ея.... намъ было обѣщано многое.... вы помните.

Гориславская. Мы всегда посылали обѣщанное.

Саломонъ. Черезъ кого?

Гориславская. Черезъ Мухоморова, отца.

Саломонъ. Мы не получили и десятой доли.

Digitized by Google

Гориславская. Злодѣй! какъ онъ обманывалъ насъ! О, не однихъ васъ они губили, и мнѣ отъ нихъ тяжело достается! Безъ нихъ я могла бы быть счастлива.

Саломонъ. Богъ имъ заплатитъ!

Гориславская. Забудьте все прошлое. Теперь я васъ не покину! у васъ будетъ все, чтобъ жить въ довольствѣ. Но скажите.... вы не проклинали меня?

Саломонъ. Проклинать свою кровь? Боже меня сохрани!... Я тебя знаю, ты всегда была такая добрая; я увѣренъ былъ, какія-нибудь плутни отъ Мухоморова. Колѣно злое, негодное!

Гориславская. Здѣсь, въ груди моей, они поселили змѣю.... грызетъ сердце, невыносимо грызетъ. Но зачѣмъ отравлять настоящія минуты? (*Подходитъ къ отцу и береть его за руку*) Вы теперь довольны, счастливы, не правда ли?

Саломонъ. Такъ доволенъ, такъ счастливъ, хоть бы сейчасъ умереть, если бы не эти дѣти. Еще скажу тебѣ.... я задумалъ давно, я приготовился и теперь рѣшился.... быть христіаниномъ, какъ ты....

Гориславская. О если бы такъ.... Господи, подкрѣпи васъ на это великое дѣло (*слышенъ стукъ въ ворота*).

Digitized by Google

Саломонъ. Боже! стучатъ.... я забылъ отъ радости, что онъ обѣщалъ быть ко мнѣ.

Гориславская. Кто?

Саломонъ. Мухоморовъ, отецъ.

Гориславская (*всторону*). Я пропала. Они завели меня въ западню.

Саломонъ. У нихъ худые замыслы; они хотятъ принудить меня сказать, что ты дочь моя.

Гориславская. И вы?

Саломонъ. Скорѣй убьютъ меня. Идутъ.... слышно, отворяютъ внизу дверь. Спрячьтесь поскорѣй сюда, на чердакъ. (*Отворяетъ боковую дверь; Гориславская черезъ нее скрывается*) Приберу золото, а то могутъ догадаться. (*Убираетъ съ поспѣшностію деньги въ кошелекъ, прячетъ его за пазуху и укладываетъ дѣтей на постель*). Смотрите, будто спите; хоть пили васъ, ни гугу объ ней (*задергиваетъ занавѣсь у кровати, потомъ садится у стола и, облокотясь на него, притворяется спящимъ*).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же, Мухоморовъ и Банниковъ.

Банниковъ (*несетъ портфель подъ мышкою*).

Мухоморовъ (*отворяя дверь, тихо*). Вотъ актеръ-то! Будто спитъ, а навѣрно разыгрываетъ

Digitized by Google

штуки.... Да не ужъ ли мы двое русачковъ не обманемъ одного жида? (*громко*). Эй, пріятель! развѣ спятъ, когда дожидаются благодати? Полно тебѣ сухари ѣсть, полно жить въ такой конурѣ и въ лохмотьяхъ ходить.

Саломонъ. Ахъ, какіе же вы добрые! вѣрно принесли мнѣ работу.

Мухоморовъ. Работать, когда есть богатая дочка, которая можетъ тебя озолотить!

Саломонъ. Дочка?... богатая?... Ужъ не во снѣ ли слышу? Мои двѣ дѣвочки такія же нищія, какъ и отецъ ихъ.

Мухоморовъ. Ну, полно притворяться, старый хрѣнъ. Вѣдь ты мнѣ вчера самъ обѣщалъ. Не даромъ же выписалъ я тебя изъ Бѣлостока (*тихо, указывая на своего товарища, который въ это время осматриваетъ все въ комнатѣ и заглядываетъ за занавѣсь кровати*); его нечего бояться, это мой другъ закадышный, братъ жены моей. Вотъ видишь, я пришолъ съ тобой разсчитаться. А ты, чай, думалъ, невѣрная голова, что я тебя обобралъ, дескать. Нѣтъ, такъ съ пріятелями за кровныя услуги не дѣлаютъ. Для тебя жъ, дружище, на чорный день копилъ. (*Вынимаетъ бумажникъ*). На, бери, считай самъ, сколько тебѣ по

Digitized by Google

договору слѣдуетъ. Только не взыщи.... люблю аккуратность.... пожалуй распасочку.

Саломонъ (*не принимая бумажника*). По какому уговору? Помилуйте, я для васъ ничего не сдѣлалъ.

Мухоморовъ. Для госпожи Виталиной и меня; ей дочку подарилъ, а мнѣ невѣстку.... ну Гориславскую-то.

Саломонъ. Виталину зналъ я въ Бѣлостокѣ; госпожа милостивая — и нынче мнѣ поможетъ, лишь бы добраться до ней. Но дочку.... Гориславскую! Ужъ не подкинуть ли ко мнѣ хотите какую сиротиночку? Вы меня нарочно съ ума сводите какою-нибудь штучкой.

Мухоморовъ. Такъ ты денегъ не хочешь, старый плутъ? Подумай, вѣдь тутъ три тысячи....

Саломонъ. Три тысячи!

Мухоморовъ. Три тысячи, да еще знатную сумму получишь, коли сдѣлаешь по нашему.

Саломонъ. Боже! какое богатство!

Мухоморовъ. Ну, полно кобениться, возьми... сними камень съ совѣсти.... Охъ, охъ, тяжело!

Саломонъ (*всторону*). Нѣтъ, не продамъ свою кровь! (*Вслухъ*) На что мнѣ деньги, коли не знаю, за что даютъ?

Банниковъ (*осматриваетъ столъ и поднимаетъ съ*

Digitized by Google

нею золотую монету). И въ самомъ дѣлѣ, на что ему деньги, коли у него золотые валяются по столамъ?

Мухоморовъ. А-га? вотъ что!.. Откуда взялъ, окаянный?

Саломонъ (*въ испугѣ*). Золотой?... какой золотой? Грѣхъ вамъ, вы сами подкинули.

Мухоморовъ. Плутовать! сейчасъ фортель нашолъ.

Банниковъ. Да не поможетъ! Мы потащимъ его въ полицію; свидѣтели на лицо, въ допросецъ его по формѣ, поганаго нехриста! (*раздвигаетъ занавѣски у кровати*). Эге! посмотри, какія богатыя сережки у дочекъ. Откуда появилось вдругъ такое богатство?

Саломонъ. Сережки.... да.... сережки.... пожаловалъ вчера.... самъ этотъ господинъ.

Мухоморовъ (*тормоша его за грудь*). Я?... Ахъ, мошенникъ! я задушу тебя и отвѣту не дамъ.

Саломонъ. Дѣлайте со мною, что хотите, я ничего не знаю.

Банниковъ. Вотъ мы дѣвчонокъ допросимъ (*толкаетъ дѣтей*). Эй, вставайте, жидята! (*тащитъ Рахиль къ Мухоморову; Ревекка въ слезахъ идетъ за ними*).

Digitized by Google

Саломонъ (*отталкивая Банникова, отнимаетъ у него Рахиль; усилія съ той и другой стороны — удержать ее; дѣти плачутъ*). Дѣти чѣмъ виноваты? Вы ее сдѣлаете уродомъ.

Банниковъ. Хоть бы и такъ! Эка бѣда? Говори, кто далъ вамъ сережки? Ну! (*Рахиль молчитъ*). Не увернетесь, змѣята! въ тюрьмѣ допросятъ голубчиковъ, въ тюрьмѣ....

Мухоморовъ. Да обыщемъ-ка его, братецъ; можетъ, у него еще кое-что найдется. Откуда жъ золото валяется?

Банниковъ (*обшаривая Саломона*). Тутъ что-то толстенько.

Саломонъ. Это грабежъ.... я закричу, позову на помощь....

Мухоморовъ. Прибѣжитъ хозяйка — новый свидѣтель.... Она знаетъ, что у тебя гроша не было.... я и въ квартирѣ за тебя поручился.

Банниковъ (*вынувъ съ усиліемъ кошелекъ изъ-за пазухи Саломона*). Цѣлый кошелекъ съ золотомъ.... Все представимъ; скажешь, откуда взялъ.

Саломонъ. Помилуйте, не погубите; я притворялся, что бѣднякъ.... это мои деньги, копилъ всю жизнь свою для этихъ несчастныхъ.

Рахиль и Ревекка (*на колѣняхъ*). Помилуйте.

Банниковъ. А вотъ сейчасъ помилуемъ. Под-

Digitized by Google

пиши, что Гориславская дочь твоя — и деньги отдамъ и концы въ воду.

Саломонъ. Знать не знаю.

Мухоморовъ (*схвативъ его за грудь*). Говори, мошенникъ, не то въ тюрьму, сгніешь тамъ и съ своимъ отродьемъ, какъ червь поганый.

Саломонъ. Сжальтесь; у васъ самихъ, можетъ статься, есть дѣтки.

Мухоморовъ. Объяви.

Саломонъ. Рѣжьте тѣло хоть по кусочку, пилите меня, знать не знаю.

Банниковъ. Такъ потащимъ ихъ въ полицію съ кошелькомъ и сережками; улика на лицо. Въ послѣдній разъ скажи, что дочь твоя....

Гориславская (*въ изступленіи выбѣгаетъ изъ боковой двери и загораживаетъ собою отца и сестеръ*). Дочь его, дочь.... я сама.... Прочь отъ нихъ, презрѣнные люди!

Мухоморовъ (*Банникову*). Наталья Ивановна Гориславская, извольте засвидѣтельствовать, ваше благородіе.

Банниковъ (*вытаскиваетъ изъ портфеля чернильницу, перо и листъ бумаги, садится за столъ и пишетъ*).

Гориславская. Да, пишите, Гориславская дочь еврея Саломона. Куда идти, кровопійцы? гдѣ еще объявлять объ этомъ? Въ полиціи, въ судѣ,

Digitized by Google

на площади, въ храмѣ что ли? Вездѣ, всенародно огласить? Пойду съ ними рука объ руку, и вездѣ, кому нужно знать, скажу: вотъ, этотъ старикъ, еврей, мой отецъ; эти двѣ дѣвочки—мои сестры! Довольны ли вы?

Банниковъ. Намъ нужно только, чтобъ мы подписали эту записку, и тогда мы оставимъ господина Саломона и дѣтей его въ покоѣ.

Гориславская. Давайте *(прочитавъ, подписываетъ бумагу)*. Теперь возвратите деньги моему старику. *(Банниковъ возвращаетъ Саломону кошелекъ)* и прочь отсюда; я признала своего отца и отрекаюсь отъ жениха Мухоморова. Прощайте.

Мухоморовъ. Что жъ дѣлать? Прощайте *(киваетъ Банникову, чтобъ онъ выходилъ; у двери)*. Жаль только Софью Андревну! *(уходитъ)*.

Гориславская. Жаль Софью Андревну... что онъ хотѣлъ этимъ сказать?

Саломонъ. Охъ, охъ, охъ! Наталья Ивановна... боюсь говорить; вы и такъ много горя терпите.

Гориславская *(въ испугѣ)*. Не можетъ ли она пострадать?

Саломонъ. Да, вы своею подписью губите ее.

Гориславская. Ее?... мою благодѣтельницу, мою вторую мать?... Я?... какъ, чѣмъ?... Говорите.

Digitized by Google

Саломонъ. Она васъ называла дочерью чиновника Гориславскаго, а вы сами, письменно, признали меня своимъ отцомъ. Имъ, этимъ разбойникамъ, только этого и хотѣлось. Ее засудятъ, лишатъ добраго имени.

Гориславская. Лишать добраго имени?... И я буду виною ея бесчестія, ея гибели... за то, что она хотѣла составить мое счастіе!... Нѣтъ, я не допущу до этого!... Воротите ихъ!

Саломонъ. Что вы хотите дѣлать?

Гориславская. Сама не знаю; только, ради Бога, поскорѣй воротите. (*Саломонъ убѣгаетъ; послѣ нѣсколькихъ минутъ раздумья, она становится на колѣни*). Господи, Отецъ милости и любви! благодарю Тебя, что внушилъ мнѣ благую мысль. Ты одинъ читаешь въ моемъ сердцѣ, ты одинъ знаешь, какъ я любила *его*, какъ я дорожила его любовью... все, все въ жертву теперь; больше ты ничего не могъ потребовать отъ меня; тутъ моя жизнь. (*Встаетъ. Мухоморовъ, Банниковъ и Саломонъ возвращаются; она отводитъ Мухоморова встороиу*). Флегонтъ Парѳенычъ...

Мухоморовъ. Что вамъ угодно?.

Гориславская. У васъ моя записка?

Мухоморовъ. У меня.

Digitized by Google

Гориславская. А если я дамъ вамъ на мѣсто ея другую?

Мухоморовъ. Какого содержанія, позвольте спросить?

Гориславская. Все, что вы дѣлаете со мною, съ отцомъ моимъ, съ моею благодѣтельницей — все это для того, чтобъ заставить меня идти за вашего сына: такъ ли?

Мухоморовъ. Да, для того, чтобъ заставить исполнить ваше обѣщаніе.

Гориславская. Такъ я иду за вашего сына. Возьмите съ меня какую угодно клятву, продиктуйте мнѣ ее сами — я вамъ напишу слово въ слово... хоть кровью моей... и тогда...

Мухоморовъ. И тогда я возвращу вамъ прежнюю росписку: Софья Андревна будетъ спасена отъ бесчестія, и все канетъ въ воду, будто ничего не бывало.

Гориславская. Спасена! О, слава Богу, спасена! *(Указывая на Банникова)* А онъ?

Мухоморовъ. Будетъ молчать: онъ братъ жены моей.

Гориславская. Давайте бумаги. *(Мухоморовъ беретъ у Банникова приборъ для письма и ставитъ на столъ; Гориславская пишетъ дрожащею рукой).*

Digitized by Google

Мухоморовъ. Прибавьте: заколѣженаго ассессора... не позже недѣли.

Гориславская. Да, за коллежскаго ассессора. (*Подаетъ записку*) Довольны ли?

Мухоморовъ (*читаетъ*). Лучше не надо. (*Возвращая ей прежнюю записку, хочетъ поцаловать у ней руку, но она отрываетъ ее*). Я хотѣлъ на мировую...

Гориславская (*указывая на записку*). И безъ того здѣсь, въ этой запискѣ — миръ вѣчный. (*Обнимаетъ съ нѣжностію отца*). Прощайте, можетъ быть, въ послѣдній разъ; я васъ не оставлю, гдѣ бы ни была.

Рахиль. Нѣтъ, приходи, приходи еще.

Гориславская (*Мухоморову*). Теперь проводите меня до кареты. (*Уходитъ; Саломонъ и дѣти провожаютъ ее и плачутъ*).

Digitized by Google

АКТЪ V.

Комната въ домѣ Виталиной.

ЯВЛЕНІЕ I.

Виталина и Гориславская (*Виталина сидитъ на диванѣ, Гориславская стоитъ передъ ней.*

Гориславская. Ты все грустна, другъ мой, ты страдаешь; но успокойся: скоро конецъ всѣмъ этимъ страданіямъ. Я рѣшилась идти за Мухоморова, и это рѣшеніе... никто... развѣ одинъ всемогущій Богъ перемѣнитъ.

Виталина. Что съ тобою сдѣлалось? Отъ чего вдругъ такая перемѣна?

Гориславская. Ничего, все по старому!... И ты и я дали свое слово; слово это должно быть

Digitized by Google

непзрушимо. Дочь жида... понимаешь... не можетъ быть за Леандровымъ. Павелъ Флегонтычъ мой женихъ; я обручена съ нимъ, онъ мною не гнушается... все, что онъ дѣлалъ противъ насъ, было изъ любви ко мнѣ. Прости мнѣ; безъ вѣдомо твоего я писала къ нему вчера и подтвердила вновь обѣщаніе принадлежать ему. Черезъ недѣлю я буду его женой; ты должна меня благословить.

Виталина. Ты говоришь, какъ безумная. Что жъ заставляетъ тебя рѣшиться на эту жертву?

Гориславская. Все — отецъ, Леандровы, обстоятельства, которыми я тебя опутала, муки, на которыя тебя обрекла... Пора положить конецъ!

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же и слуга.

Слуга. Леандровъ *(при этомъ словѣ смертная блѣдность покрываетъ лицо Гориславской; она садится за рукодѣлье къ другому дивану).*

Виталина. Проси. *(Слуга хочетъ идти и оглядывается).* Съ докладомъ? этого прежде не было. *(вслухъ)* Боюсь за тебя; ты на себя не похожа.

Гориславская. Ничего... пройдетъ, и скоро.

Виталина. Что жъ ты стоишь?

Digitized by Google

Слуга. Еще какой-то еврей пришолъ.

Горислявская (*встороиу*). Мой отецъ!.. (*вслухъ*) Веди его въ мою комнату. (*Слуга уходитъ*).

явленіе III.

Виталина, Горислявская и Леандровъ.

Горислявская (*про себя*). Слава Богу, еще не онъ.

Виталина (*подавая Леандрову руку*). Сколько дней не видались! Хорошо ли такъ забывать друзей?

Леандровъ. Что жъ дѣлать? Обстоятельства! Не мы, Господь управляетъ ими. Диковинныя вещи творятся въ свѣтѣ! Вотъ, напримѣръ, пріѣхалъ сюда по просьбѣ сына, думалъ и то сдѣлать и другое, а вышло, какъ говорятъ нынѣшніе, пуфъ! И теперь по просьбѣ жъ сына ѣду въ деревню.

Виталина (*чрезвычайно смущенная*). И скоро?

Леандровъ. Нынѣче, можетъ быть, черезъ часъ.

Виталина. Какая поспѣшность!.. Отъ чего жъ вашъ сынъ такъ скоро гонитъ васъ отсюда?

Леандровъ. И онъ ѣдетъ со мною. Признаюсь

Digitized by Google

вамъ, пора, пора, безъ оглядки изъ этой бестолковой Москвы! Здѣсь потеряешь совсѣмъ здоровье, разсудокъ. Обольщеніе, обманъ, личина на каждомъ шагу! Посмотришь на иное чудное твореніе: ангелъ во плоти, чудо въ глазахъ, въ звукѣ голоса; смотря на нее, самъ дѣлаешься какъ-то лучше; прозакладывалъ бы жизнь свою, что и душа такая же... А спустись въ нее... (*останавливается*).

Виталина (*съ усмѣшкой*). Я за васъ договорю:

..... «Ужасный
Крокодилъ на днѣ лежитъ.»

Благодаримъ васъ за лестное мнѣніе о московскихъ жительницахъ.... Кажется, вы на крокодиловъ женскаго пола намекаете.

Леандровъ. Виноватъ, не умѣю прикидываться; такова моя несчастная деревенская натура.

Виталина. Да съ вами нынче страшно, Петръ Сергѣичъ! Вы сдѣлались не по лѣтамъ какимъ-то Чацкимъ, какимъ-то Чайльдъ-Гарольдомъ. Хотъ мы и не можемъ принять на свой счотъ вашихъ сатирическихъ выходокъ.... ангеловъ въ нашемъ домѣ нѣтъ, все простыя и очень простыя смертныя, непохожія на портретъ, который вы такъ художнически рисовали.... но, кто вѣдаетъ?

Digitized by Google

вы можете войдти въ болѣе краснорѣчивое, болѣе наивное изступленіе, и ласъ, старыхъ друзей, не пощадить. И потому скажу вамъ откровенно: вы прекрасно дѣлаете, что ѣдете! Авось деревенскій воздухъ вамъ поможетъ.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же, Сергѣй Петровичъ и Ипполитовъ (*вошедшіе раскланиваются*).

Леандровъ. О, мы и здѣшнимъ исцѣлены отъ многихъ душевныхъ недуговъ! Да вотъ и моя молодежь пришла проститься съ вами (*встаетъ*) и вмѣстѣ со мною поблагодарить васъ и Наталью Ивановну за всѣ ласки ваши, за дружбу.

Виталина. Не говорите о дружбѣ, Петръ Сергѣичъ; это слово нынче, въ устахъ вашихъ, горькая насмѣшка на нее.

Леандровъ. По крайней мѣрѣ, не *мы* виною, что она такъ кончается.

Виталина. Настоящая дружба не обвиняетъ слѣпо, безъ сильныхъ доказательствъ, безъ оправданія.

Леандровъ. Есть проступки, для которыхъ лучше не спрашивать оправданій: свидѣтельство глазъ не обманываетъ.

Digitized by Google

Виталина. Странныя загадки?

Леандровъ. Въ вашемъ домѣ все тайны.

Виталина. Есть только одна, семейная тайна; она не мнѣ принадлежитъ, и потому для меня священна. Впрочемъ, на разставаньѣ, за себя и Наташу, искренно прощаемъ вамъ обидные намеки; вы когда-нибудь въ нихъ горько раскаетесь.

Сергѣй Петровичъ (*Ипполитову, тихо*). Хотѣлъ бы говорить, хотѣлъ бы излить всю горечь негодованія, но.... посмотри на нее.... какъ она перемѣнилась въ два дня! Это было бы душегубство.

Виталина (*Ипполитову*). И вы намъ измѣнили, monsieur Ипполитовъ. Жаль, очень жаль; я нѣсколько разъ посылала за вами, мнѣ была до васъ крайняя нужда по одному важному дѣлу.

Ипполитовъ. Извините, такой вѣтреникъ, какъ я, худой повѣренный въ важныхъ дѣлахъ. Вообразите, чѣмъ я занимался всѣ эти дни—должностью хромоногаго бѣса: странствовалъ по Москвѣ изъ угла въ уголъ, лазилъ по чердакамъ, заглядывалъ въ самые глухіе закоулки....

Виталина. Наша, и, кажется, ваша Москва, на которую нападаютъ съ такимъ ожесточеніемъ со временъ Чацкаго до Петра Сергѣевича Леанд-

Digitized by Google

рова, конечно, доставила и вашему остроумію богатые запасы.

Ипполитовъ. Преинтересные.

Виталина. Напримѣръ?

Ипполитовъ. Напримѣръ, вчера мы съ Сержомъ....

Виталина. И онъ провожалъ васъ въ этихъ бѣсовскихъ набѣгахъ?

Сергѣй Петровичъ. По неволѣ; отъ нихъ зависѣла участь моей жизни.

Виталина. Вашей жизни?... Странно!... Это, въ самомъ дѣлѣ, интересно. Что жъ вы нашли?

Ипполитовъ. Въ Чорствомъ переулкѣ, близъ Сухаревой башни, въ мизерномъ домѣ, помнится, мѣщанки Соковой (*Гориславская содрагается*), совершаются такія элевзинскія таинства, что страшно намъ стало.

Виталина (*Серѣю Петровичу*). А вы.... что скажете?

Сергѣй Петровичъ. Я нашолъ въ этомъ убогомъ домѣ гробъ моихъ надеждъ, счастіе цѣлой моей жизни и любви моей, думалъ я; но, прійдя сюда, увѣрился, что это чувство, не смотря ни на какія свидѣтельства, умретъ вмѣстѣ со мною (*въ глубокой горести, со слезами на глазахъ, бросается къ рукѣ Виталиной*). Прощайте, Софья Андревна,

Digitized by Google

прощайте; я не думалъ такъ скоро разставаться съ вами, и навсегда! (*Кланяется Гориславской и уходитъ. Гориславская плачетъ, закрывъ глаза платкомъ; Ипполитовъ раскланивается съ Виталиной и Гориславской и печальный уходитъ вслѣдъ за Сергѣемъ Петровичемъ*).

Леандровъ (*подходитъ къ Гориславской*). Ради Бога, одно слово....

Гориславская. Что вамъ угодно, сударь.

Леандровъ. Простите смѣлости моей: отъ вашего отвѣта зависитъ участь моего сына, слѣдственно и моя. Скажите мнѣ откровенно: были вы вчера съ молодымъ Мухоморовымъ въ *этомъ* домѣ?

Гориславская. Была.

Леандровъ. Зачѣмъ?

Гориславская. Это моя тайна; но.... вы должны узнать ее сейчасъ. Пора! Воротите вашего сына и Ипполитова: наказаніе мое должно быть полное — я одна виновата.

Леандровъ. Нѣтъ, не вѣрю, вы не можете быть виноваты. Тутъ должно быть что-нибудь другое. На старости лѣтъ мнѣ бы слѣдовало быть разсудительнѣе этихъ пылкихъ, молодыхъ людей, а я совсѣмъ обезумѣлъ. Да, ворочу ихъ обоихъ,

Digitized by Google

чтобъ они выпросили прощеніе у ногъ вашихъ. *(Уходитъ).*

Виталина. Чтожъ ты хочешь теперь дѣлать?

Гориславская. То, что я должна была сдѣлать давно. *(Выходитъ въ боковую дверь и тотчасъ возвращается, ведя за руку Саломона; изъ средней двери въ тоже время входятъ Леандровъ, Сергѣй Петровичъ и Ипполитовъ).*

явленіе v.

Виталина, Гориславская, Леандровъ, Сергѣй Петровичъ, Ипполитовъ и Саломонъ.

Гориславская *(указывая на отца)*. Вотъ онъ, мой *возлюбленный*.... у него была я вчера.

Леандровъ, Сергѣй Петровичъ и Ипполитовъ. Еврей?!

Саломонъ. Еврей Саломонъ.... на дняхъ пріѣхалъ изъ Бѣлостока. Не стыдитесь меня, господа, не презирайте меня, завтра жъ я буду христіаниномъ, и тогда, можетъ быть, вы протянете мнѣ руку, какъ брату своему. Да, я возлюбленный *ея* отъ рожденія, по крови: я — ея отецъ!

Леандровъ, Сергѣй Петровичъ и Ипполитовъ. Отецъ?...

Digitized by Google

Леандровъ (*про себя*). Отецъ еврей?... Я этого не ожидалъ.... но, видно, такъ судьбѣ угодно....

Саломонъ. Я разгадалъ для васъ трудную, можетъ быть и грустную загадку; я сдѣлалъ все, что дочери было угодно.... Теперь рѣшайте безъ меня. (*Уходитъ въ боковую дверь*).

Гориславская. Никто не зналъ квартиры *моего* отца, кромѣ Мухоморова сына; онъ не хотѣлъ мнѣ сказать объ ней и взялся проводить меня. Злодѣи дѣйствовали такъ искусно!

Виталина. Теперь вы поймете тайну, которую шепталъ ей негодяй Парѳенычъ у меня на дачѣ; вы поймете, какимъ вліяніемъ достойный сынокъ опуталъ бѣдную жертву свою на вечерѣ у Гусыниныхъ, вы поймете сборы въ пользу семейства бѣднаго жида. Винюсь тоже передъ вами: Натали записана у меня дочерью чиновника, а между тѣмъ.... вы теперь знаете.... и можете судить объ остальномъ.

Ипполитовъ (*всторону*). Господи! какое сплетеніе обстоятельствъ! какія страданія должна она была вытерпѣть!

Сергѣй Петровичъ (*закрывъ глаза рукою, плачетъ; изумленіе, смущеніе и грусть изображаются на лицѣ Леандрова*).

Леандровъ. Сережа, что ты скажешь на это?..

Digitized by Google

Чѣмъ искупимъ ужасное зло, которое сдѣлали Натальѣ Ивановнѣ? Чѣмъ загладимъ оскорбленіе?

Сергѣй Петровичъ. Счастіемъ моимъ, батюшка, если Натальѣ Ивановнѣ угодно будетъ простить насъ и подарить меня этимъ счастіемъ. *(Гориславской)*. У ногъ вашихъ умоляю васъ объ немъ.

Гориславская. Подумали ль, что скажетъ свѣтъ? Ручаетесь ли за будущее?

Сергѣй Петровичъ. Любовь моя выше всѣхъ предразсудковъ — я говорилъ это всегда, я и теперь это повторяю.

Гориславская. И вы, Петръ Сергѣичъ, не стыдились бы?...

Леандровъ *(взявши ее за руку)*. Э, Наталья Ивановна, что намъ нужды до того, кто вашъ отецъ? Намъ вы нужны, вы съ вашей прекрасной душой, съ вашимъ образованіемъ. Что скажетъ свѣтъ? Да я и знать его теперь не хочу, я на пересуды его плевать хочу, счастіе моего сына дороже мнѣ всего. Не намъ чета женились — да еще на какихъ, что вашего ноготка не стоятъ. Если хотите, мы помиримся и съ предразсудками: дадимъ отцу вашему богатый капиталъ и запишемъ его въ купцы—хоть первой гильдіи. Онъ поѣдетъ въ

Digitized by Google

Одессу, въ Таганрогъ, куда ему вздумается. Вотъ и все недолга!

Гориславская. Я забыла... Вчерашній вечеръ, спасая отца, желая избавить свою вторую мать отъ хлопотъ и страданій, я письменно обязалась Мухоморову выдти за его сына...

Ипполитовъ. Позвольте... мое дѣло уладить это. Я былъ также участникомъ въ оскорбленіи Натальи Ивановны, и потому берусь получить назадъ это обязательство: клянусь въ томъ честью своею. У меня есть тоже своего рода талисманъ; кстати, я получилъ его вчера изъ мѣста служенія нашего рыцаря.

Леандровъ (*Гориславской*). Вы еще колеблетесь... Хотите ли, чтобы я, старикъ, упалъ къ ногамъ вашимъ? Голубушка моя, сердце ты мое, подумай, какъ мы далеко зашли... ни намъ, ни тебѣ нельзя назадъ...

Гориславская. Если на это воля Господня, обнимите меня, какъ дочь вашу (*бросается на грудь Леандрова*). Я люблю вашего сына и, увѣренная въ немъ, отдаю ему руку вмѣстѣ съ сердцемъ своимъ. Ему одному принадлежало оно (*подаетъ руку Сергѣю Петровичу, потомъ бросается обнимать Виталину*).

Digitized by Google

Виталина. Богъ услышалъ мои молитвы: будь счастлива, милое, дорогое дитя мое!

явленіе VI.

Тѣ же и слуга.

Слуга. Мухоморовы.

Ипполитовъ. А! на ловца и звѣрь бѣжитъ. Съ вашего позволенія, Софья Андревна, похозяйничаю съ ними.

Виталина. Дѣлайте, что хотите.

Ипполитовъ. Теперь попрошу васъ всѣхъ, кромѣ батюшки, удалиться на время. *(Всѣ, кромѣ Ипполитова и Леандрова, выходятъ въ боковую дверь. Слугѣ).* Зови.

явленіе VII.

Ипполитовъ, Леандровъ, Мухоморовъ и Павелъ Флегонтычъ.

Мухоморовъ. Развѣ хозяйки нѣтъ дома?

Ипполитовъ. Она въ тревогѣ... по непріятному для нея дѣлу... и черезъ васъ... Я уполномоченъ поладить съ вами... Прошу садиться. Мы покончимъ скоро. Вы помните, Павелъ Флегон-

Digitized by Google

тычъ, на чомъ мы остановились на вечерѣ у Гусыниныхъ?

Павелъ Флегонтычъ. Вы требовали отъ меня удовлетворенія за какіе-то мнимые, оскорбительные навѣты на одну извѣстную особу. Угодно вамъ эту сатисфакцію, или останетесь довольны тою, которую я вамъ представилъ вчера? Кажется, я исполнилъ свое слово, какъ слѣдуетъ честному человѣку; ожидаю также, что и вы...

Мухоморовъ *(перебивая его)*. Что ты, Павелъ Флегонтычъ?... въ умѣ ли?... Сатисфакція была чистая, письменная; пожалуй, можно и на гербовую перенести.

Ипполитовъ. Будьте покойны, дуэли ни кровавой, ни чернильной не послѣдуетъ; вашъ сынъ исполнилъ свое слово.... хотя честь... но это къ дѣлу нейдетъ. Теперь я обязанъ съ вами расквитаться. Но прежде удовлетворенія съ нашей, виноватой стороны, позвольте спросить васъ, почтеннѣйшій Флегонтъ Парфенычъ, какъ извѣстнаго юриста и знаменитаго адвоката...*(тихо Мухоморову)* Скажу вамъ по секрету, мы знаемъ все о Гориславской: и происхожденіе ея, и за что ее выдавали...

Мухоморовъ *(испугавшись)*. Вы?.. какимъ образомъ?

Digitized by Google

Ипполитовъ (*тихо Мухоморову*). Тише. Отвѣтъ, который вы мнѣ дадите, нуженъ, чтобы разомъ отбить отъ нея моихъ пріятелей... отцу хочется развязаться... вы это сейчасъ поймете... (*громко*) Позвольте же мнѣ спросить васъ, что ожидаетъ того, кто присвоитъ себѣ непринадлежащее ему право состоянія или званія... положимъ, чинъ (*взглядываетъ на Павла Флегонтыча*) и тому подобное? (*Павелъ Флегонтычъ блѣднѣетъ*). Павелъ Флегонтычъ, вы слышали?

Павелъ Флегонтычъ (*чрезвычайно смущенный*). Да... слышалъ... какъ же...

Мухоморовъ (*тихо сыну*). Будь покоенъ на счотъ невѣсты. Это нужно для повершенія... (*Ипполитову*) Того ожидаетъ, батюшка, дальній путь въ снѣжные края... вы меня понимаете.

Ипполитовъ (*кивая Мухоморову*). Не смотря ни на какое лицо?

Мухоморовъ. Не взыщите; хотя бы знатный баринъ или знатная барыня, покатитъ мой голубчикъ или моя голубушка на собачкахъ... ха, ха, ха! (*пожимаетъ руку Ипполитову*).

Ипполитовъ. Такъ-таки покатитъ? Хоть бы ѣздилъ на четверкѣ сѣрыхъ въ яблокахъ?

Digitized by Google

Мухоморовъ. Хоть бы на четверкѣ!... За то запрягутъ тамъ шестерку разношорстную, и пѣгонькихъ, и буренькихъ, и рыжихъ, какія прійдутся. Говорятъ, мчатъ, какъ вихорь, по снѣжнымъ сугробамъ, высунувъ языкъ, а кучеръ, вмѣсто плети, какой-то вилой погоняетъ; только слышно въ снѣжной степи, какъ говорятъ бубенчики.

Леандровъ. Ха, ха, ха! Веселая поѣздка!... Нѣтъ ли наказанія полегче?

Мухоморовъ. Ну, смотря по обстоятельствамъ, уменьшающимъ вину: женщину отошлютъ въ рабочій домъ.

Леандровъ. А молодца?

Мухоморовъ. Коли выйдетъ въ мѣру, поставятъ въ рекрутскій пріемъ, да забрѣютъ лобъ.

Ипполитовъ (*Павлу Флегонтычу*). Поправьте, господинъ рыцарь, свой тупей.

Павелъ Флегонтычъ (*вскакивая со стула*). Что вы хотите этимъ сказать, сударь?

Ипполитовъ (*подавая ему письмо*). А вотъ что! Прочтите это письмо. (*Павелъ Флегонтычъ не беретъ его*). Вы должны его прочесть, или, вы слышали отъ отца, юриста, что ожидаетъ васъ (*Павелъ Фле-*

Digitized by Google

зонтычъ беретъ письмо и читаетъ). Рука вашего начальника отдѣленія должна быть вамъ знакома. (*Мухоморову*). Посмотрите, какъ онъ блѣднѣетъ, какъ дрожатъ его руки! Такъ блѣднѣла несчастная Гориславская, такъ дрожали у ней руки, когда презрѣнный отпущенникъ шепталъ ей на ухо тайну, которою онъ владѣлъ—тайну своей благодѣтельницы....

Мухоморовъ (*вставъ*). Что это все значитъ?

Ипполитовъ. Прочтите отвѣтъ на лицѣ вашего сына. (*Павелъ Флегонтычъ, прочитавъ письмо, стоитъ, какъ бы пораженный громомъ*). Въ такомъ положеніи былъ мой другъ, когда презрѣнный сынъ этого отпущенника показалъ на вечерѣ у Гусыныхъ страшные, изумительные опыты своего вліянія на бѣдную жертву свою, когда она, блѣдная, трепещущая отъ одного слова, пала безъ чувствъ! Теперь и моя очередь пришла сказать одно слово; посмотримъ, на чьей сторонѣ будетъ смѣхъ. (*Указывая на Павла Флегонтыча*) Самозванецъ!

Мухоморовъ (*всторону*). На бѣду, окаянный подписался коллежскимъ подъ двумя актами. Надо просить пощады.... (*падая на колѣни*). Пощадите, отецъ родной! Пощадите, батюшка, Петръ Сергѣевичъ!

Digitized by Google

Ипполитовъ. Встаньте; вы все-таки носите образъ человѣческій. Да, я пощажу въ немъ домъ, гдѣ онъ воспитывался, мѣсто, гдѣ онъ служилъ.... но съ уговоромъ, сейчасъ, сію минуту возвратить мнѣ обязательство Гориславской *(Павелъ Флегонтычъ вынимаетъ изъ кармана бумагу и отдаетъ ее отцу, а этотъ передаетъ Ипполитову)*. Оно!... И чтобы черезъ два часа этого молодца не было въ Москвѣ, и чтобъ никогда не было помину о правахъ на Гориславскую и семейной тайнѣ ея!... Въ противномъ случаѣ она найдетъ во мнѣ адвоката, который не помирится иначе, какъ по статьямъ закона; свидѣтелей я найду десятки. Теперь мы расквитались. *(Указываетъ на дверь; Мухоморовы спѣшатъ удалиться)*.

Леандровъ *(отворяя боковую дверь)*. Finita la comedia; прошу взойдти.

явленіе VIII.

(Входятъ) Виталина, Гориславская и Сергѣй Петровичъ.

Виталина *(подавая записку Ипполитову)*. Извините, выходъ на сцену одной героини нашей драмы нуженъ былъ для окончанія ея. Прочтите это посланіе.

Digitized by Google

Ипполитовъ (*читаетъ записку*). Медовицына... я отгадалъ! Она бѣжала изъ вашего дома, на колѣняхъ просить у васъ прощенія во всѣхъ ея гнусныхъ поступкахъ. Негодяйка! была съ ними въ заговорѣ.

Леандровъ. За насъ былъ Тотъ, кого люди не могутъ обмануть. А какъ не сказать однакожъ: вся бѣда была отъ стыда. Безъ того мы давно бы все покончили.

Digitized by Google

Digitized by Google

ОКОПИРОВАЛСЯ.

КОМЕДІЯ ВЪ ТРЕХЪ АКТАХЪ.

Digitized by Google

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Марѳа Осиповна Резникина, вдова титулярнаго совѣтника.

Александръ Парѳенычъ, сынъ ея, канцелярскій служитель.

Силай Ермилычъ Мамаевъ, столяръ.

Груня, дочь его.

Анна Семеновна Липина, помѣщица, пожилыхъ лѣтъ дѣвица.

Владиміръ Петровичъ Подснѣжниковъ, молодой помѣщикъ.

Мавра Львовна Поддѣвкина, вдова приказнаго, лѣтъ пятидесяти слишкомъ.

Прасковья Степановна, дочь ея, лѣтъ тридцати, высокая, худощавая и рыжая.

Ксенофонтъ Кирычъ Разнесенскій.

Муха, Лососининъ, Гривенничкинъ } приказные служители.

Слесарь.

Ваничка, слуга г-жи Липиной.

Дворовый человѣкъ.

Половой.

Кухарка Поддѣвкиной.

Мальчикъ и дѣвочка, лѣтъ по девяти.

Шарманщикъ и съ нимъ женщина.

Цыганѣ.

Дѣйствіе происходитъ въ губернскомъ городѣ.

Digitized by Google

АКТЪ I.

Бѣдная комната. Съ одной стороны верстакъ; на стѣнѣ висятъ столярные инструменты; въ безпорядкѣ валяются распиленныя дерева; у другой стѣны шкапчикъ, надъ комодомъ, съ посудою. Прямо и съ обоихъ боковъ комнаты двери; одно окно; къ сторонѣ верстака двѣ скамейки, къ другой сторонѣ столикъ, около него старый кожаный диванъ, такія же кресла, два стула и пяльцы

ЯВЛЕНІЕ I.

Груня *(одна. Сидитъ за работою — разматываетъ мотокъ, наверченный на спинку стула; передъ нею пяльцы; на пяльцахъ развернутая книга).* Кажется, не сидишь сложа руки; часто заря утренняя застаетъ за работой, а въ домѣ ни рубля. Отложишь на приданое—подавай на провизію или.... на вино. Господи! долго ли еще такъ будетъ?... *(Немного*

Digitized by Google

погодя). Мнѣ было такъ хорошо у моей крестной матери, такъ привольно.... жила настоящей балованной барышней. Чтожъ, развѣ оставить мнѣ было отца одного... при его слабости.... Полно, нѣтъ ли еще чего, Груня? (*Грозитъ пальцемъ*). А?.. признайтесь.... Виновата, тутъ еще кое-что привязало меня къ этой бѣдной избушкѣ. (*Вздыхаетъ*). Что—то замѣшкался Александръ Парѳенычъ.... Саша, душенька, идите же скорѣй!... За чтожъ я люблю тебя? Правда, ты прехорошенькій, добрый, угождаешь мнѣ.... за то необтесанный такой, съ такими подъяческими ухватками, иное слово скажешь, бываетъ такъ стыдно, что въ землю бы ушла.... А все—таки люблю.... чтожъ дѣлать? разсудокъ запрещаетъ, да тутъ (*показываетъ на сердце*) не слушается. Погодите, какъ будете моимъ муженькомъ, передѣлаю васъ. Была же я просто дѣвочкой, а теперь, по милости моей благодѣтельницы, слыву барышней. Посмотрите, какъ я примусь тогда муштровать васъ. (*Садится и задумывается*). Все мечты и мечты!... Онъ изъ благородныхъ, сынъ титулярнаго.... мать говоритъ, она капитанша.... а я, мѣщанка, дочь столяра.... Только ровня мы оба тѣмъ, что бѣдны.

Digitized by Google

ЯВЛЕНІЕ II.

ГРУНЯ и РЕЗИНКИНЪ. (*Она притворяется, будто его не видитъ; Резинкинъ, держа букетъ въ рукахъ, подходитъ на цыпочкахъ все ближе и ближе къ ней и потомъ бросаетъ букетъ на пяльцы*).

ГРУНЯ. Ахъ, какъ вы меня испугали!... не ждала такъ рано. Благодарю за цвѣты (*разбираетъ ихъ и прикалываетъ часть на голову, а другую къ груди*).

РЕЗИНКИНЪ. Здѣсь вашъ и портретъ — вотъ этотъ розанчикъ.

ГРУНЯ. О! да вы какой стали сочинитель!

РЕЗИНКИНЪ. А за труды позвольте ручку.... (*Груня протягиваетъ ему руку, онъ цалуетъ ее*). Вѣдь почти до зари лазилъ черезъ палисадники.... у почтмейстера караульные чуть не поколотили.

ГРУНЯ (*качая головой*). Чужое?... не хорошо.... Смотрите, не наживите бѣды.

РЕЗИНКИНЪ. Для васъ готовъ хоть сто палокъ выдержать.

ГРУНЯ. Не говорите мнѣ, пожалуйста, такихъ лакейскихъ словъ; развѣ нельзя какъ-нибудь иначе?

РЕЗИНКИНЪ. Нѣтъ, вы не знаете, Аграфена Силаевна, какъ я васъ люблю. Въ канцеляріи перегрызъ всѣ перья, думая объ васъ. А съ какимъ

Digitized by Google

душетрепетнымъ чувствомъ вывожу букву Г, которою начинается ваше рефенадное имечко: Груня! и вслѣдствіе этого люблю особенно писать: Господину Гражданскому Губернатору. Вчера крѣпко задумался объ васъ; переписалъ было его превосходительству рапортъ объ *искупленіи* дровъ, хотѣлъ засыпать пескомъ и вмѣсто песочницы взялъ чернильницу, да и бухъ.... точь въ точь чорное море вывелъ. Столоначальникъ мой, добрѣйшая душа.... и тотъ не вытерпѣлъ, сказалъ: «Эхъ, ты, братецъ, какая дура! Цѣлый листъ веленевой пропалъ.» Все за васъ, Аграфена Силаевна!

Груня. Развѣ я объ васъ менѣе думаю? Да чтожъ изъ этого? Весь переулокъ Богъ знаетъ что говоритъ объ насъ.

Резинкинъ. А вотъ переулокъ прикуситъ язычокъ, да и цѣлый городъ ахнетъ, какъ получу мѣсто письмоводителя становаго. Знаете, окопируюсь авантажно и поведу васъ къ вѣнцу, въ увалѣ, въ кружевахъ, въ фалбалахъ.

Груня. А маменька ваша?

Резинкинъ. Она будетъ согласна. Вообразите только, Аграфена Силаевна: письмо-во-дитель становаго!... Каково!... Позвольте мнѣ вашъ мотокъ на руки.... этакъ вамъ ловчѣе.

Digitized by Google

Груня (*отдаетъ мотокъ и продолжаетъ работу*). Очень одолжите. А развѣ это какая-нибудь важная должность?

Резинкинъ. Какъ же-съ не важная? Важнѣй-ѣй-шая! Вторая особа въ станѣ!... Письмоводитель и секретарь все равно, а секретарь, извѣстное дѣло, всѣмъ ворочаетъ. Вообразите только, мы пріѣзжаемъ на даровой подводѣ въ свой станъ.

Груня. По важной должности надо бы коляскочку.

Резинкинъ. Потихоньку, потихоньку... сперва начнемъ даровой подводой, а тамъ дойдемъ до кареты и каменнаго дома въ три этажа. Тутъ, въ первой деревнѣ, объявлю, я дескать письмоводитель становаго. Въ одно мгновеніе ока все селеніе переполошилось, точно губернаторъ пріѣхалъ.... Мужики и бабы, старики и ребята сбѣгаются смотрѣть на меня; всѣ стоятъ передо мною безъ шапокъ. — А гдѣ жъ староста и десятскіе? — кричу я грозно.

Груня. Тише, тише, вы совсѣмъ запутались въ ниткахъ.

Резинкинъ (*распутавъ нитки, надѣваетъ мотокъ на стулъ*). И вотъ староста и десятскіе, запыхавшись, блѣдные, какъ полотно, несутъ хлѣбъ-соль,

Digitized by Google

курочку, яичекъ, а вамъ, Аграфена Силаевна, ягодокъ.... Для васъ ягодки, понимаете-съ? Я вамъ скажу-съ, умный народъ!... «Куда жъ яица въ дорогу?» говорю я.—Пока вашему благородію запрягаютъ лошадокъ — говоритъ староста, мы испечемъ ихъ. Я вамъ скажу-съ, смѣтливый народъ!

Груня. На вашемъ мѣстѣ я ничего бы не взяла съ бѣдныхъ мужиковъ.

Резинкинъ. Наши старшіе приказные говорятъ: нельзя-съ, въ грошъ не будутъ ставить; прослывешь у нихъ же простакомъ!... «Живѣй! лошадей, тройку съ бубенчиками, а колокола не надо.... есть свой.» Надо вамъ признаться, Аграфена Силаевна, я ужъ и колоколъ припасъ.... знатнѣйшій, звонъ такой, все думаю, точно гусли... прямо съ горы Валдая, гдѣ дѣвки бублики продаютъ.

Груня. То-то я часто слышу звонъ колокольчика, все думаю, какой пріѣздъ у Резинкиныхъ! (*Показываетъ ему на локти его*). Да что это у васъ локти худые? Какъ не стыдно! Точно у нищаго.

Резинкинъ. Что жъ дѣлать-съ? отъ практики поистерлись.

Груня. Не ужъ ли вы такъ въ свою канцелярію ходите?

Digitized by Google

Резинкинъ. Хожу-съ.

Груня. А говорите еще, новый начальникъ у васъ строгій! Что бы ко мнѣ принесть лоскутковъ какихъ суконныхъ изъ стараго платья; я бы съ удовольствіемъ починила.

Резинкинъ. Признаться, жилетка есть старая, да жаль... еще поношу подъ сертукомъ.

Гривенничкинъ *(за окошкомъ, стучитъ палочкой въ стекло)*. Сашка? пора къ должности... полно амуриться.

Груня. Господи! какой стыдъ!...

Резинкинъ. Негодяй! Ужъ я этого Гривенничкина... пожалуюсь экзекутору.

Груня. Нѣтъ, нѣтъ, не дѣлайте этого... и такъ довольно разговору. Ступайте и не показывайтесь мнѣ на глаза цѣлый день.

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же и Мамаевъ.

Мамаевъ. А? красноперый селезень!... все около дѣвки увивается... Держи ухо востро, братъ, разомъ ошибу крылья.

Резинкинъ. Я... ничего-съ... только съ моимъ почтеніемъ, Силай Ермилычъ, съ хорошими мыслями.

Digitized by Google

Мамаевъ. То-то смотри, съ хорошими мыслями! *(Подходитъ къ Резинкину и говоритъ ему тихо)*. Нѣтъ ли, братъ, двугривеннаго горло промочить?

Резинкинъ. Право хоть побожиться, нѣтъ, а какъ добуду нынче, матери не отдамъ, вамъ принесу. *(Уходя, тихо Груни)* Богъ съ вами, Аграфена Силаевна, убиваете вы меня.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Мамаевъ и Груня.

Мамаевъ *(у верстака, лѣнивo прилаживаетъ рубанокъ)*. Въ головѣ будто десятокъ пудъ свинцу, на сердцѣ мутитъ... руки словно мочалы... хоть бы со вчерашняго похмѣлья на двугривенный промочить. *(Груни)* Все за книжкой, барышня?

Груня *(она передъ этимъ бросила рукодѣлье и взяла съ плеча книгу)*. Читаю про одну дѣвушку, Дженни Эйръ, въ Отечественныхъ Запискахъ.

Мамаевъ. Отеческихъ!... Чай любовныя какія записки!... Набьешь себѣ голову этими пустяками, да и сама, пожалуй, пустишься въ машки. Смотри, раздавлю, какъ лягушку.

Груня. Въ этой книжкѣ все хорошее: читаешь, будто сердцу отдаются слова покойной маменьки.

Digitized by Google

Мамаевъ. Хорошее? Знаемъ-ста!... А все чернильная строка Сашка таскаетъ тебѣ эту дрянь. Чай, подтибрилъ гдѣ-нибудь, али сорвалъ съ кого!

Груня. Добрый сосѣдъ Александръ Парѳенычъ одолжилъ, а взялъ онъ изъ казеннаго мѣста, гдѣ служитъ; тамъ выписываютъ; самъ главный начальникъ хочетъ, чтобы приказные учились добру изъ этихъ книгъ.

Мамаевъ. Научили бы лучше, какъ денежку добывать. Охъ, охъ! проклятая полоса!... тошно на бѣломъ свѣтѣ жить!

Груня. Не гнѣвите Господа. По милости его и моей крестной матери, вы теперь человѣкъ вольный; дочь вашу научила она всякому рукодѣлью и грамотѣ... Я работаю, сколько силъ есть... заказовъ у васъ много... стоитъ вамъ только за работу приняться.

Мамаевъ. За работу? легко сказать!... Заказныя деньги пропиты... дерева не на что купить... руки съ похмѣлья не подымаются.

Груня. Зачѣмъ же вы это дѣлаете?

Мамаевъ. Эхъ, Грунечка! съ горя что ли послѣ покойницы твоей матери, болѣсть что ли? Доктура говорятъ, червякъ засѣлъ въ сердце... все вина подавай ему... хоть бы двугривенный,

Digitized by Google

опохмѣлиться, какъ бы съ гуся вода! Нѣтъ ли, душечка, графинчикъ ты мой?

Груня. Право, нѣтъ.

Мамаевъ. Поищи, барышня, вишневочка ты моя... не залежалось ли гдѣ?.. А то хоть руки на себя наложить.

Груня (*вставая, сквозь слезы*). Боже васъ сохрани!... У сосѣдки развѣ занять... Думала взять на соль... вѣдь въ домѣ зерна соли нѣтъ... только дайте слово: приметесь послѣ того за работу.

Мамаевъ. Примусь... вотъ тебѣ... провалиться сквозь землю; примусь.

Груня (*ласкаясь къ отцу*). Достану, только не говорите такихъ словъ... (*Прислушивается*). Кто-то подъѣхалъ... (*Бросается къ окну*). Карета четверомѣстная...Ахъ! она, наша благодѣтельница...Анна Семеновна... (*Бѣжитъ встрѣчать пріѣхавшихъ*).

Мамаевъ. Тутъ ее нелегкая принесла!...Хоть умирай! Начнетъ опять рацею читать.

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же, Липина, мальчикъ и дѣвочка. *Мальчикъ одѣтъ въ гусарское дѣтское платье съ золотою шифровкой; онъ нерѣдко утираетъ рукавомъ носъ; дѣвочка въ бѣломъ муслиновомъ платьѣ (оба въ продолженіе*

Digitized by Google

явленія пачкаются въ стружкахъ); крестьянка съ грудным младенцемъ на рукахъ. и Ванечка, слуга Липиной въ ливреѣ съ большою куклою за пазухой: онъ пьянъ, при входѣ тузитъ мальчика, а потомъ большею частію держится у стѣны.

Липина (*Груня, которая хочетъ поцаловать у ней руку*). Ты знаешь, душа моя, я этого не люблю... поцалуй меня такъ.

Груня. Какими судьбами здѣсь? удостоили нашу хижину?

Липина. А вотъ какъ, дружокъ. Нынѣ день ангела Пашеты, трехлѣтней дочери Кривлякина; ѣду поздравить ее, везу подарокъ. Человѣкъ нужный... А безъ того нельзя... все семейство ужъ такъ пріучено, смотритъ всегда въ руки... Ванечка, подай-ка куклу (*Слуга подаетъ*). Да гдѣ же верхнее платье на ней?

Ванечка. Почемъ я знаю!... Знать, дорогой обронилъ... голова кругомъ пошла... солнцемъ что ли припекло.

Липина (*съ упрекомъ, но ласково*). Какъ тебѣ не стыдно, Ванечка!...Впрочемъ, я сама виновата... не подумала ему о парасолѣ... кукла не бѣда, куплю другую въ магазинѣ; а бѣдный, бѣдный Ванечка! Не было бъ горячки?

Digitized by Google

Мамаевъ. Нашему брату ничего-съ, пройдетъ. Русачка бы: клинъ клиномъ выбить.

Липина (*Груни*). Кстати, душа моя, вотъ привезла сюда этихъ злополучныхъ. Мальчика отдаю въ кантонисты; дѣвочку, дочь трубочиста, въ пріютъ, грудного младенца въ сиротскій домъ, а женщину — тудажъ, въ кормилицы.

Крестьянка. Воля твоя, сударка, а я трехъ разомъ кормить не буду: и корову одинъ теленокъ сосетъ.

Липина. Полно, полно, дружокъ, не будешь... я ужъ это на себя беру.

Груня. Богъ васъ наградитъ за нихъ.

Липина. Если можно дѣлать добро, дѣлай его, облегчай участь человѣчества въ той сферѣ, въ которой поставлена: это золотое правило Фенелона. Вотъ, если у почтенной дамы отекаютъ ноги, я не постыжусь подставить ей скамеечку; право, подставлю. Пускай смѣются! А я знаю про себя, что облегчила чѣмъ-нибудь бремя человѣчества. Кстати, графиня Надинъ пишетъ ко мнѣ, спрашиваетъ: что дѣлаетъ твоя воспитанница Груня, пристроила ли ты ее, замужемъ ли она?

Груня. Очень благодарна, что вспомнили меня, дочь столяра.

Липина. Дочь столяра?... Ты моя крестная

Digitized by Google

дочь, моя воспитанница!... Нынче мѣщанка, а завтра — кто знаетъ, что объ тебѣ написано въ книгѣ судебъ!... А я тебѣ пророчу, ты будешь за дворяниномъ, у котораго шестьдесятъ душъ... не смѣйся!... Объ этомъ послѣ, по секрету... Ну, что твой папа, почтенный Ермилычъ? По прежнему? Кстати вамъ скажу, я Ванечку вылечила отъ пьянства по новой методѣ. Солнцемъ припекло, а то бъ посмотрѣли бы, какой молодецъ.

Мамаевъ (*всторону*). Это видно, у пристѣнка на силу стоитъ. (*Дѣти дерутся изъ куклы, которую далъ имъ Ванечка*).

Липина. Милочки! полно-те... Вспомните, душки, вы оба братья по человѣчеству, по несчастію—еще болѣе. Надо братски другъ съ другомъ дѣлиться. Лиза, ты поиграй немножко куклой, потомъ отдай Васѣ; Вася поиграетъ, отдастъ опять Лизѣ.

Мамаевъ (*подходя къ окну*). Какой-то баринъ сидитъ въ каретѣ, машетъ рукой.

Липина. Ахъ, я разсѣянная какая!... Молодой, прекрасный человѣкъ сидитъ себѣ въ каретѣ... везу его къ Кривлякину рекомендовать, и совсѣмъ забыла объ немъ. Дѣти, кормилица, ступайте себѣ въ карету, а ты, Ванечка, проведи ихъ, чтобъ кормилка не оступилась съ ребен-

Digitized by Google

комъ на гнилой лѣстницѣ. Скажи, сейчасъ дескать буду. (*Крестьянка, дѣти и Ванечка уходятъ*). Ермилычъ, поди къ себѣ въ каморку, мнѣ нужно сказать Грунѣ пару словъ по секрету.

Мамаевъ (*про себя*). Видно, что-нибудь не спроста. Пригляжу сквозь щелку двери и подслушаю. (*Уходитъ направо въ дверь, которую неплотно притворяетъ*).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Липина и Груня.

Липина. По большому секрету, Груня.... Знаешь молодаго сосѣда моего, Подснѣжникова? Говори мнѣ все, все чистосердечно, какъ матери.

Груня. Видала я его по праздникамъ въ деревнѣ, въ приходской церкви; встрѣтилась разъ съ нимъ въ рощѣ.... онъ насказалъ мнѣ разныхъ нѣжностей—я разсердилась; написалъ мнѣ письмо съ тѣми же любезностями — я бросила въ огонь; ѣздитъ часто мимо нашихъ оконъ—я отхожу отъ окна; былъ у отца и заказалъ мебели—я ушла въ чуланчикъ свой: вотъ и все.

Липина. Знаешь ли, дружокъ, Богъ невидимо посылаетъ тебѣ счастіе!... Я съ нимъ познакомилась.... Прекрасный молодой человѣкъ!... скро-

Digitized by Google

менъ, застѣнчивъ, какъ дѣвушка! А какъ добръ! Кривлякина разыгрывала лотерею въ пользу неизвѣстной — взялъ одинъ десять билетовъ.... Влюбленъ въ тебя по-уши... говорятъ мои люди, ни на что не посмотритъ.... Женихъ, что ни говори, женихъ!

Груня. Можетъ ли быть? онъ помѣщикъ, а я...

Липина. Отецъ его не Богъ знаетъ какого знатнаго роду....

Груня. Все-таки я мѣщанка.

Липина. Эка бѣда! Прочти исторію знатныхъ и даже великихъ людей, ты увидишь, что хуже тебя попадаютъ въ большія барыни. Не ты будешь первая, не ты послѣдняя.

Груня. Просто, хочетъ обмануть бѣдную дѣвушку. Развѣ я также въ книгахъ не читала, развѣ нѣтъ около насъ примѣровъ....

Липина. Ты не похожа на этихъ несчастныхъ, я знаю тебя, да и онъ не смотритъ развратникомъ.

Груня. Можетъ быть, и прекрасный, благородный человѣкъ, да я....

Липина. Что? что? ужъ не....

Груня. Не скрою отъ васъ.... вы моя вторая мать.... я.... люблю другаго.... обѣщалась за него.... (*вздыхаетъ*). Развѣ самъ откажется!

Липина. Кто жъ это такой?

Digitized by Google

Груня. Сосѣдъ Резинкинъ.... служитъ въ казенномъ мѣстѣ.... скоро ему дадутъ хорошую должность.

Липина. Смотри, ты была всегда такая восторженная!... По мнѣ пошла!... Сосѣдство!... молодость.... надо было кого полюбить.... онъ попался первый.

Груня. Можетъ быть и правда; но вы знаете меня, если ужъ я слово дала....

Липина. Хоть убей тебя, не отступишься отъ него, знаю. Если такъ, не хочу разрывать союза двухъ любящихъ сердецъ. А я было думала такъ хорошо устроить... Остался одинъ сиротой, безъ отца, безъ матери, можетъ въ одиночествѣ погибнуть.... начнетъ ходить въ крестьянскихъ хороводахъ, ѣздить на тройкахъ съ бубенчиками, стегать арапникомъ по дорогѣ встрѣчныхъ и поперечныхъ... пропадетъ ни за что!... Ты наполнила бы его жизнь, сберегла бы его состояніе, а пуще всего—душу отъ пороковъ.... Сколько бы человѣчество тутъ выиграло!... Но не хочу тебя огорчать. Подойди сюда, поближе.... Вотъ тебѣ, милочка, бумажка.

Груня (*развертывая бумагу*). Пятьдесятъ рублей серебромъ!... 175 р.?.. Мнѣ?...

Липина. Тсъ!... услышитъ.... не показывай,

Digitized by Google

отниметъ. *(Показываетъ на дверь)* Береги на чорный или на свѣтлый день, ты меня понимаешь.

Груня *(хочетъ поцаловать у ней руку, Липина обнимаетъ ее)*. Добрая, бесцѣнная Анна Семеновна! какъ ужъ васъ назвать, и не знаю.

Липина. Дала бы болѣе, ты знаешь, я сама не богата.

Груня. Никогда у меня столько денегъ не было! Какое богатство! какое счастіе! сберегу.... никому не покажу.... О, какъ я счастлива!

Липина. За это попрошу отъ тебя услуги; мнѣ нужно послать тебя....

Груня. Приказывайте.

Липина. У кареты доскажу... теперь поспѣшу извиниться передъ молодымъ человѣкомъ. Накинь шляпку и приходи скорѣй *(Уходитъ)*.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Груня *(одна)*. Какое неожиданное счастіе! Саша, я на тебя болѣе не сержусь. Прочь досада, прочь горе!... Куда-бъ припрятать?... Въ карманѣ я и такъ гривенникъ потеряла. Да! въ шкатулку, гдѣ лежитъ его завѣтное колечко.... *(идетъ къ шкапчику, отпираетъ комодъ подъ нимъ, вынимаетъ шкатулку, отпираетъ ее и кладетъ туда деньги)*. Тутъ будетъ безо-

Digitized by Google

пасно. (*Запираетъ*). Заперла.... крѣпко.... (*запираетъ комодъ, кладетъ ключикъ себѣ въ карманъ, бѣжитъ къ дверь на лѣвую сторону, тотчасъ возвращается изъ нея въ шляпкѣ и посылаетъ издали поцалуй въ ту сторону, гдѣ схоронены деньги*). Прощай покуда, мое сокровище! Не увидишь ты свѣта Божьяго, пока не настанетъ для насъ очень чорный или очень свѣтлый день. (*Только что она хочетъ растворить дверь, на встрѣчу ей Подснѣжниковъ*).

ЯВЛЕНІЕ VII.

Подснѣжниковъ и Груня.

Груня. Что вамъ угодно?

Подснѣжниковъ (*загораживая ей дверь*). Анна Семеновна прислала меня къ вамъ.....за вами....

Груня. Если вы за мною, такъ позвольте пройдти.

Подснѣжниковъ. Вы знаете изъ письма моего...

Груня. Я не читала его и бросила въ огонь.

Подснѣжниковъ. Выслушайте по крайней мѣрѣ, что я вамъ скажу. Будьте сострадательны, у васъ, говорятъ, доброе сердце.... Съ того времени, какъ я васъ увидѣлъ, я не имѣю спокойнаго дня, спокойной ночи; свѣтъ мнѣ опосты-

Digitized by Google

лѣлъ.... Не ужъ ли вы захотите, чтобъ я бросился въ рѣку или застрѣлился?

Груня. Все, что вы говорите, я гдѣ-то читала въ книжкѣ. Чего вы хотите отъ меня?

Подснѣжниковъ. Не будьте такъ жестоки, не отвергайте моей любви.

Груня. Я васъ не понимаю и не хочу понимать.

Подснѣжниковъ. Вамъ ли, съ вашею красотою, съ вашими достоинствами, жить въ этой хижинѣ? Вамъ сулилъ Богъ высшую долю. Прилично ли вамъ заниматься низкою работою? У васъ должны быть хоромы, экипажи, слуги.... я самъ буду первымъ слугою вашимъ.

Груня. Я привыкла жить въ этомъ убогомъ домикѣ; работа меня не тяготитъ, потому что работаю для отца, для себя.... довольна, никому не жалуюсь на судьбу свою.... впредь уповаю на милости Бога, которому мать, умирая, меня поручила.... имя честной дѣвушки дороже для меня всѣхъ сокровищъ на свѣтѣ.

Подснѣжниковъ. Вспомните, что ждетъ отца вашего въ старости.... онъ и теперь едва можетъ работать... хорошая дочь должна жертвовать всѣмъ для счастія своихъ родителей.

Груня. На этомъ не поймаете меня, Владиміръ

Digitized by Google

Петровичъ. Теперь скажу, мы другъ друга понимаемъ. Прошу оставить меня въ покоѣ, не то.... я позову отца своего.

Подснѣжниковъ. И вы отвергли бы мою любовь, еслибъ я предложилъ вамъ даже руку свою.

Груня. Отказалась бы, потому что вы мнѣ не пара. Если вы благородный человѣкъ, перестаньте за мною ухаживать; оставьте меня какою я есть, при моей чистой совѣсти и спокойствіи.

Подснѣжниковъ. Что дѣлать? исполняю волю вашу съ горестью, съ отчаяніемъ въ сердцѣ.

Груня. Въ такомъ случаѣ мировая! Насъ ждутъ, переступимъ же порогъ друзьями. (*Подаетъ ему руку*).

Подснѣжниковъ (*цалуя у ней руку*). Вы, просто, ангелъ! (*встороиу*) Я, право, влюбленъ по уши въ эту дѣвочку..... достану ее, во чтобъ ни стало. (*Уходятъ оба*).

ЯВЛЕНІЕ IX.

Мамаевъ (*одинъ*). Дурочка!.. хоть бы поманила его, а тамъ воръ воробей и попалея въ силки; честнымъ пиркомъ, да и за свадебку! То-то бы погулялъ Мамаевъ! Знаемъ, что ей любъ красноперый Сашка.... Правда, малый добрый, вина не пьетъ, любитъ ее по чести; была бы пара!...

Digitized by Google

Да мать вишь капитанша, чванится, словно пава на крышкѣ. А богата стала дѣвчонка!... пятьдесятъ цѣлковыхъ! Чтобы цѣлковикъ отцу? хоть бы двугривенный отвести душу.... Обѣщала!... Да гдѣ ей помнить?... До отца ль?... Вишь, пьяница столяришка!... А барышня тамъ себѣ кофеи, да чаи, съ крендельками попиваетъ. Отплатить, аль отплатить на цѣлковикахъ?... Больно мутитъ душу; не въ колодезь же броситься!... (*Трясетъ комодъ*) Крѣпко! Мудрецъ сватушка самъ работалъ. (*Смотритъ въ окно*) Вотъ и онъ, лысый, смотритъ въ окошко. (*Открываетъ окно*) Сватъ, а сватъ, поди-ка сюда на пару словъ. Киваетъ, дескать иду. А на душѣ что-то робко.... И то сказать: вѣдь не у чужой, у дочери!... Какого жъ ей чорнаго дня дожидаться?... Для меня чоренъ, какъ волчья ночь. Заплачу долги, куплю дерева, учениковъ возьму, стану работать, да и положу опять, хоть съ процентами.

ЯВЛЕНІЕ X.

МАМАЕВЪ и СЛЕСАРЬ (*у послѣдняго связка слесарныхъ инструментовъ*).

МАМАЕВЪ. Что, сватъ, какъ можется?

СЛЕСАРЬ. По старому, дружище. Знаешь, все затѣя не даетъ покоя ни днемъ, ни ночью.

Digitized by Google

Мамаевъ. Проклятая самоходка! убьетъ она тебя.

Слесарь. Не могу, братецъ, отстать... будто нелегкая все подъ бокъ толкаетъ: сдѣлай, да сдѣлай.

Мамаевъ. Авантажу–то много ли? Былъ богатъ, угощать пріятелей любилъ, а теперь, чай, и хлѣбушка не всегда.... Ну, сдѣлалъ, а тамъ-то что?

Слесарь. А тамъ въ газетахъ будутъ писать: сдѣлалъ такого–то города мѣщанинъ Перехватовъ диво–дивное.... тележку, сама катится.... По русской палестинѣ почотъ, да и въ чужихъ земляхъ будутъ знать.... Кажись, и въ гробъ–то легъ бы радостно!... Да вотъ бѣда какая: недостаетъ двухъ рублевиковъ, пружину одну прибавить.

Мамаевъ. А то бы?

Слесарь. И въ ходъ.

Мамаевъ. Можетъ статься, добрый человѣкъ и сыщется одолжить.

Слесарь. Кому больна чужая болячка?

Мамаевъ. А хоть бы свату твоему.

Слесарь. Ой ли? родной благодѣтель!

Мамаевъ. Только самъ сослужи; по твоей части.

Digitized by Google

Слесарь. Приказывай, сватъ.

Мамаевъ. По рукамъ!... Вотъ видишь, братецъ, деньги—то у меня есть... въ этомъ комодѣ, да запропастились... подъ полъ въ щель что ли попали, аль дѣвка затеряла. А деньги самому нужны: баринъ мебель заказалъ — дерева надо купить... время не терпитъ. Кстати, съ тобою и инструментики.

Слесарь. Про всякій случай всегда съ собой ношу.

Мамаевъ. Ну, валяй же проворнѣй!

Слесарь (*примѣривая крючки*). Этотъ великъ... № 10 будетъ впору. Какъ разъ! (*отпираетъ комодъ*).

Мамаевъ. Теперь вотъ шкатулку.

Слесарь. Тутъ № 12... (*отпираетъ шкатулку*).

Мамаевъ (*шаритъ въ шкатулкѣ, вынимаетъ дрожащими руками кредитку и кладетъ въ жилетный карманъ*). Запри, а то дѣвка придетъ, Богъ знаетъ, что подумаетъ, и воры-то, и разбойники! (*Слесарь запираетъ шкатулку, а потомъ комодъ*). Теперь пойдемъ, размѣняемъ бумажку въ трактирѣ, тамъ и получишь обѣщанное.

Слесарь. Вѣкъ не забуду твоей услуги; прокачу тебя перваго на самокатѣ. (*Идутъ и встрѣчаются въ дверяхъ съ Резинкиной*).

Digitized by Google

ЯВЛЕНІЕ XI.

Тѣ же и Резникина.

Мамаевъ. Тьфу! испугала какъ!

Резникина. Что больно робокъ?.. Постой-ка, голубчикъ, хоть на порогѣ, а выскажу тебѣ все. Пора! давно ужъ пора! Что это ты, старый хрычъ, съ своей дочкой развращаете мое дѣтище? У ребенка только-что молоко на губахъ высохло, а тутъ и любовишка завелась.

Мамаевъ. Нѣтъ ли еще чего? Вытряхивай.

Резникина. Воспитала въ страхѣ родительскомъ, а теперь и мать ни почомъ! На службу идетъ — къ Ермилычу въ домъ, со службы — къ Ермилычу, вечеромъ — къ Ермилычу; только что не почуетъ у васъ.

Мамаевъ. Все ли?

Резникина. Что это вы затѣяли? Не въ женишки ли ужъ Сашеньку прочите? Хоть бы зарубили у себя на носу: дескать, мать его капитанша, безъ году дворянка... только годикъ покойникъ не дотянулъ!.. сынъ крестникъ совѣтника... а я-то что? Столяришка, мѣщанинишка... Хотя бы приданница, а то голь сквозная; туда жъ лѣзетъ въ благородные!

Digitized by Google

Мамаевъ (*взявшій во время монолога Резникиной обрубокъ дерева*). Послушай, богатая капитанша, безъ году дворянка, коли ты еще хоть слово пикнешь про мою дочь, такъ я тебя вотъ этимъ столярнымъ утюгомъ такъ выглажу, что дома своего не узнаешь.

Резникина. Меня? попробуйка! Да ты въ тюрьмѣ сгніешь; да тебя на болотной площади отдерутъ за меня.

Слесарь (*встороиу*). Ну, пропала моя самокатка! (*Мамаеву, тихо*). Оставь, братецъ; вишь, какъ она остервенилась, словно бѣлены объѣлась. Потянутъ къ суду да расправѣ..., плюнь!

Мамаевъ. И впрямъ плюнуть.... нечего съ глупой бабой толковать. (*Резникиной*) Извольте, ваше благородіе, безъ году высокоблагородная, съ верстакомъ бесѣду вести, сколько душѣ угодно, а мы вашей милости низко кланяемся. (*Уходитъ съ слесарем*).

Резникина (*вслѣдъ имъ*). Самъ ты верстакъ, чурбанъ необтесанный!... Въ полицію, такъ въ полицію.... велю Сашенькѣ прошеніе написать.... Осрамилъ, разругалъ дескать благородную женщину ругательскими словами. За бесчестіе заплатишь!.. (*Только что растворяетъ двери, чтобы выйти, на встрѣчу ей Груня*).

Digitized by Google

Резинкина (*грозя ей кулакомъ*). Все изъ — за тебя, барышня!... (*Смягчаясь*) Дѣвка-то смирная, жаль, а то полетѣла бы за отцомъ....

явленіе XII.

Груня (*останавливается у двери*). Какая страшная!... Я думала, прибьетъ меня. (*Прислушивается у двери*) Все кричатъ!... не дошло бы, въ самомъ дѣлѣ, до полиціи! Господи! изъ чего у нихъ такая ссора вышла.... Изъ-за меня?... Чѣмъ я виновата?... Хорошо еще, что зашла по хозяйству къ кухаркѣ, а то попала бы въ эту суматоху. Боже мой! чѣмъ это все кончится?... Вотъ и союзъ любящихся сердецъ!...

явленіе XIII.

Груня, Резинкинъ и Разнесенскій.

Резинкинъ (*танцуя и напѣвая*). Радость! радость! тра-ла-ла, тра-ла-ла.

Разнесенскій. Тріумфъ! тріумфъ, мамзель Мамаевъ! И вотъ, честь имѣю рекомендовать — тріумфаторъ, прямо изъ капитолія, готовьтесь усыпать путь его цвѣтами.

Digitized by Google

Груня. Какая тутъ радость!... Развѣ вы не встрѣтили свою мать?... пресердитая такая.... тутъ была ссора съ отцомъ.

Резинкинъ. Что мнѣ теперь до ея сердца!... Одно слово — только три листика, розовые, какъ ваши щечки или губки....

Разнесенскій. Три лавровыхъ листочка, и осклабится она, какъ солнышко послѣ бури, и скажетъ она, прижимая его къ материнскому сердцу. О мѝнъ фисъ біенъ е́ме́, віенъ, віенъ, ке́ жѐ та̀мбрасъ; а те нобль зексплуа же реконне монъ санъ.

Груня. Разрѣшите пожалуйста эту загадку по-русски..

Резинкинъ. Видите эти худые локти?

Груня. Къ стыду вашему, вижу.

Резинкинъ. Они-то составили мое счастіе.

Груня. Худые локти?

Резинкинъ. Да-съ!... Знаете волшебное слово: окопировался?... Нѣтъ-съ?... Такъ я вамъ скажу. Окопируюсь въ самое лучшее форменное платье, изъ лучшаго сукна, у самаго лучшаго портнаго. Великолѣпный Вицманъ, мастеръ изъ... изъ... ну хоть изъ Парижа, упадетъ передо мною на колѣни, когда снимать будетъ съ меня мѣрку... а я себѣ важно, по-графски, обопрусь на него и

Digitized by Google

говоря ему: «смотри, любезный Вицинтъ, въ рюмочку, да чтобъ не лопнули ушки у пуговицъ... и въ двое сутокъ, минута въ минуту по моимъ часамъ» (*показываетъ, что онъ вынимаетъ часы изъ кармана*). Правда, часовъ-то у меня еще нѣтъ,— ну, все равно, покажу на его стѣнные часы — «а если не сдѣлаешь, берегись, нѣмчура...» — «Карашо, будетъ вѣрены, ваше высокоблагородіе...» и запишетъ на мѣрѣ и въ книгѣ: мусье Резинкинъ, срокъ 40 часовъ, экстра.

Резинкинъ и Разнесенскій (*танцуютъ и припѣваютъ*).

Ѣхалъ чижикъ въ лодочкѣ
Въ офицерскомъ чинѣ:
Не выпить ли водочки
По такой причинѣ?
Выпилъ рюмку, выпилъ двѣ,
Зашумѣло въ головѣ.

Груня. Вы, просто, помѣшались. Знаю, Александръ Парѳенычъ не пьетъ вина, а то—бъ подумала.... Разскажите мнѣ, что съ вами случилось, или я не на шутку разсержусь.

Резинкинъ. Извольте, начинаю. Убитый горестью.... умалчиваю, отъ какой причины.... прихожу въ свою канцелярію, сажусь за свой

Digitized by Google

столъ; беру листъ бумаги и только было вывелъ: «вслѣдствіе *просилости* такого-то (имярекъ) по случаю *утонутія* крестьянина», вдругъ слышу, по всѣмъ столамъ: тсъ! тсъ!... У моего столоначальника лицо стало подергивать, а межъ нашей братьи, мелочи, пошла суета: кто песокъ со стола сметаетъ, кто обрѣзки бумаги подбираетъ подъ столомъ. Въ одномъ столѣ не успѣли, такъ экзекуторъ въ карманы себѣ понабилъ.

Разнесенскій. Эхъ, братецъ, ты говоришь все какимъ-то низкимъ слогомъ. О предметахъ важныхъ слѣдуетъ и важнымъ языкомъ говорить. Напримѣръ: — и вдругъ настала такая торжественная тишина, какъ будто все присносущее превратилось въ камень, и повѣяло на насъ нѣкимъ амвросическимъ дуновеніемъ, и безъ лицезрѣнія стало видимо для насъ присутствіе великаго человѣка.

Груня. Полно, Ксенофонтъ Кирычъ, сбивать его вашимъ высокимъ слогомъ; вѣдь вы, кумъ, извѣстно, философъ.... учили на вакансіяхъ въ благородныхъ домахъ.... стихи пишете....

Резинкинъ. Только слышимъ.... говоритъ одному тяжелому человѣку: «извольте переѣхать... я не люблю крючкотворства... это однажды

Digitized by Google

навсегда!... Пора подъячеству конецъ!... Молчаніе!... тсъ!... (*Резинкинъ поднимаетъ указательный палецъ и держитъ его такимъ образомъ нѣсколько времени*). Очутился онъ подлѣ меня.... положилъ мнѣ отечески руку на плечо.... взглянулъ на мою бумагу и сказалъ ласково:—Какъ вамъ не стыдно писать такимъ подъяческимъ языкомъ! Развѣ нельзя просто, какъ говорите, по-человѣчески?..» Тутъ потрепалъ онъ слегка мой рукавъ и сердито сказалъ: да какой онъ неряха! съ худыми локтями!... Развѣ у него нѣтъ матери или сестры, которая бы починила? Худо и поведеніе рекомендуетъ.

Груня. Говорила я вамъ, Александръ Парѳенычъ!

Резинкинъ. Тутъ только вспомнилъ васъ. Думалъ, пропала моя голова!... (*Разнесенскому*) Доскажите, Ксенофонтъ Кирычъ.... мнѣ неприлично.... объ себѣ.

Разнесенскій. Вотъ видите, мамзель Мамаевъ, онъ находится въ такомъ состояніи, какъ Федра, когда она готова открыть наперстницѣ свою преступную страсть. *Енонъ, ла ружёръ мекуеръ лé визажъ*. Благодареніе Богу, совѣтникъ нашъ, его крестный отецъ, отозвался слѣдующимъ образомъ: примѣрнаго поведенія, бѣд-

Digitized by Google

ный человѣкъ, а мать жалованьемъ содержитъ: никогда не манкируетъ на службу.

Резинкинъ. Развѣ иногда засмотрится на одну милочку, заслушается ее... (*Груня грозитъ ему пальцемъ*).

Разнесенскій. Хоть и не грамотѣй... (*Резинкинъ кашляетъ*) но пишетъ исправно и формы всякихъ бумагъ твердо знаетъ.... Мы было хотѣли назначить его въ письмоводители къ становому... Если такъ, то опредѣлить, сказала персона: наружность у него благовидная.... (*Резинкинъ показываетъ съ удовольствіемъ на свое лицо*) открытая.... подъячимъ не смотритъ.... Да велите казначею выдать ему тридцать рублей серебромъ на окопировку въ счотъ жалованья. Только условіе, господинъ Резинкинъ: въ три дня непремѣнно окопироваться и явиться ко мнѣ въ новомъ платьѣ. Смотрите, въ три дня: я не повторяю два раза своихъ приказаній.

Резинкинъ. Еще не все. Пришолъ я къ казначею получать деньги и росписку принесъ; казначей выдалъ мнѣ деньги, а росписку мою... трръ!.. въ клочки. Я ахнулъ. Казначей засмѣялся: молись, братецъ, за него Богу — вѣдь онъ свои внесъ; только никому не говори, не приказалъ.

Digitized by Google

Груня. Какой прекрасный человѣкъ! какъ вы должны его любить!

Разнесенскій. А Гривенничкинъ бранитъ: вѣдь мѣсто письмоводителя было ему обѣщано.

Груня. Чудный выпалъ для насъ денекъ! И я получила подарокъ отъ своей благодѣтельницы — отгадайте, сколько?

Резинкинъ. Красненькую?

Груня. Нѣтъ, пять.

Резинкинъ. Пятьдесятъ!... Вы меня перещеголяли.... То-то заживемъ славно!

Разнесенскій. Поздравляю, кума, отъ преданной души.

Груня. Только мнѣ данъ другой зарокъ: употребить деньги тогда, когда настанетъ для меня очень чорный или очень радостный день.

Резинкинъ. Настанетъ, скоро настанетъ, бесподобная Аграфена Силаевна (*показывая ей деньги*). Вотъ онѣ, пташки залетныя!

Груня (*считая*). Да тутъ только двадцать девять рублей?

Резинкинъ. Цѣлковый далъ швейцару.... Нельзя-съ. Заслуженный воинъ.... съ такими нашивками.... такой важный, вытянулся въ струнку,

Digitized by Google

отдалъ мнѣ честь булавой, инда полъ затрещалъ, а какъ сказалъ мнѣ лихо: честь имѣемъ поздравить, ваше благородіе!

Груня. Все-таки слишкомъ щедро. А платье ужъ заказали?

Резинкинъ. Нѣтъ еще, идемъ сейчасъ.

Груня. Скорѣй же, скорѣй! Я теперь готова вытолкать васъ.

Резинкинъ. Прощайте. (*тихо*) А на прощанье ручку, можно? (*Груня качаетъ головой, показывая на Разнесенскаго*).

Разнесенскій. Идемъ, братецъ, а то, пожалуй, новый Антоній найдетъ здѣсь свою Капую. До свиданія!

Резинкинъ. До свиданія! Увы! явлюсь еще къ вамъ съ худыми локтями, но съ сердцемъ... съ сердцемъ... (*уходящи напѣвая*) «Ѣхалъ чижикъ въ лодочкѣ.

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Груня (*одна*). Господи, благодарю тебя!... Такъ хорошо сердцу и вмѣстѣ такъ тяжело.... можно часокъ отдохнуть. Почти всю ночь не спала.... А какъ Марфа Осиповна не благословитъ сына?... Смягчится, какъ узнаетъ, что у

Digitized by Google

меня такъ много денегъ, вотъ тутъ.... подъ тридевять замками. (*Стучитъ въ стекло шкапа*) Тю-тю! Хорошо вамъ, мои пташки, въ тепломъ гнѣздышкѣ?... (*Киваетъ головой*) Баеньки, до радостнаго утра!

Digitized by Google

АКТЪ II.

Комната въ русскомъ трактирѣ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Резинкинъ, Разнесенскій, Лососининъ, Муха, Дворовый человѣкъ и Половой. *Дворовый человѣкъ, хорошо одѣтый, развалился важно на диванѣ и куритъ трубку; Лососининъ и Муха вводятъ подъ руки Резинкина, который входитъ, съ робостію озирался; Гривенничкинъ загораживаетъ дверь.*

Разнесенскій. Подкараулили-таки злодѣи, почти силою втащили.

Муха. Вѣдь только спрыснуть!... Ну же впередъ; ты у насъ нынѣче князь, какъ на свадебномъ пиру. Жаль, музыкантовъ нѣтъ, а то бы тушъ! (*Резинкинъ останавливается посреди комнаты; ступитъ шага два, и опять стоитъ въ нерѣшимости*).

Digitized by Google

Гривенничкинъ (*Лососинину, отводя его всторону, тихо*). Смотри, братъ, уговоръ, подпой искуснѣй, да и къ чорту окопировка и важное мѣсто. Славные магарычи будутъ!

Лососининъ. Эка премудрость! Тутъ нужно только безстыдство, мѣдный лобъ. Иной гвоздемъ къ мѣсту прибитъ, не скоро оторвешь; а этотъ, видишь, мотается на мочальной петлѣ.

Резинкинъ. Право, господа, какъ-то страшно... въ первый разъ въ такомъ мѣстѣ... неприлично.

Лососининъ. Важная особа! Фря какая! Здѣсь почище насъ съ тобою, — и господа бываютъ — видишь (*указываетъ на двороваго человѣка*).

Резинкинъ (*тихо*). То-то и худо. Неравно маменькѣ скажутъ; (*про себя*) да, Груня узнаетъ (*вздыхаетъ тяжело*).

Муха. Дѣвочка что ли? маменьки боится — чай, высѣчетъ. (*Всѣ, кромѣ Разнесенскаго, смѣются. Лососинин и Гривенничкинъ подводятъ Резинкина къ дивану и съ почетомъ сажаютъ его*).

Лососининъ. Князю почетъ! Половой, подушечки. (*Половой приноситъ двѣ подушки и подкладываетъ по обѣимъ сторонамъ Резинкина*). Вотъ такъ.

Дворовый человѣкъ. Малый! подь сюда.

Digitized by Google

(*Половому тихо*) Смотри, не проговорись, что я дворовый человѣкъ.

Половой (*тихо*). Какъ можно! вы практика-съ, а они налетающіе. (*Громко*) Вы, господа, что прикажете?

Гривенничкинъ. Спрашивай у князя.

Резинкинъ (*вставая*). Сдѣлайте милость, нельзя ли безъ меня? Я жертвую два цѣлковыхъ на братью, а мнѣ позвольте...

Лососининъ. За кого насъ принимаешь!

Гривенничкинъ. Мы вѣдь не нищіе.

Муха. Ясновельможный панъ, а мы хлопцы его. Держалъ насъ цѣлый годъ на томъ, на семъ, да на годовой праздникъ выкидываетъ на всю братью два цѣлковыхъ.

Резинкинъ (*садится снова*). Право, я не думалъ вамъ въ обиду, а такъ... какъ-то дико, съ непривычки. Только уговоръ, братцы, не болѣе двухъ цѣлковыхъ.

Муха. Торгуйся, еврейская душа!

Резинкинъ (*ударяетъ кулакомъ по столу*). Чортъ побери! оставаться, такъ оставаться. Спрашивайте сами...

Лососининъ. Вотъ это по-братски! (*Половому*) Сладкой водки на всѣхъ... гвоздичной, забори-

Digitized by Google

стой, да на закуску окорокъ ветчины, да поросенка подъ хрѣномъ.

Половой. Мигомъ-съ, по щучьему нырянью, по птичьему летанью.

Лососининъ. Постой, малецъ, уговоръ лучше денегъ. Хоть я приказываю, а платитъ вотъ этотъ господинъ. Такъ ли, Резинкинъ?

Резинкинъ. Ужъ, конечно, я плачу. Видишь (*Показываетъ деньги*).

Половой. Слушаю-съ (*уходитъ*).

Разнесенскій (*сторону*). Охъ! охъ! быть бѣдѣ — умываю себѣ руки.

Муха (*дворовому человѣку*). А ваша милость тутошніе, или изъ уѣзда?

Дворовый человѣкъ. Изъ уѣзда, по дѣлу здѣсь.

Муха. Смѣю спросить, не арендовать ли городскую землю пріѣхали?

Дворовый человѣкъ. То есть нанять... хотѣлось бы.

Муха. Дѣльце въ нашемъ столѣ—къ услугамъ вашимъ писецъ Муха... Муху такъ и спросите. (*Пожимаютъ другъ другу руки*).

Дворовый человѣкъ. Муха? что-то не людское прозвище!

Муха. У насъ тамъ все такъ. Статейка знат-

Digitized by Google

ная, только дорогонька будетъ, пойдетъ за тысячу въ годъ.

Дворовый человѣкъ. Плевое дѣло! (*Половой приноситъ закуску и графинъ водки*).

Лососининъ (*тихо Резинкину*). Денежный человѣкъ, кажись, твоего стана помѣщикъ: не пригласить ли?

Резинкинъ. Какъ хочешь.

Лососининъ (*Дворовому человѣку*). Не угодно ли удостоить съ нами закусить.

Дворовый человѣкъ. Почему жъ не такъ: вы люди благородные — я люблю веселую молодежь. Нынче вашъ гость, а тамъ мой чередъ: угощу по-нашенски. (*Всѣ пожимаютъ ему руку*).

Гривенничкинъ. Просимъ, дорогой гость, для почину (*Дворовый человѣкъ пьетъ водку, за нимъ другіе*).

Дворовый человѣкъ (*Резинкину*). За здоровье ваше, господинъ.

Гривенничкинъ. За здоровье письмоводителя!

Муха. Быть ему высокоблагороднымъ!

Лососининъ. Подымай выше — нашимъ начальникомъ!

Разнесенскій. Дай Богъ ему хорошую жонку!

(*Резинкинъ цалуетъ его съ чувствомъ; всѣ поздравлявшіе, кромѣ Разнесенскаго, держа поднося съ водкой, подходятъ къ Резинкину*).

Digitized by Google

Резинкинъ. Увольте, господа! Вѣдь я никогда ничего не употреблялъ.

Всѣ (*кромѣ Разнесенскаго*). Нельзя, нельзя, надо же благодарить; ты насъ кровно обидишь.

Резинкинъ (*встаетъ и беретъ рюмку съ водкой*). Благодаренъ *вами*, господа, за доброе пожеланіе! (*Выпиваетъ полрюмки*) А!... (*всторону*) Право, не дурно; сладко, и какъ-то по жилкамъ мурашки...

Лососининъ. Голубчикъ, дружокъ, скажи, какъ будешь нашимъ отцомъ-командиромъ, не станешь насъ распекать? да сажать подъ арестъ за отлучку—напримѣръ въ трактиръ?

Резинкинъ (*охорашиваясь*). Ужъ всеконечно нѣтъ.

Лососининъ. Врешь, жулька, зачванишься, посадишь... право, посадишь?

Резинкинъ. Посмотрите, я и дежурство уничтожу и всѣмъ выдамъ впередъ полугодовое жалованье.

Лососининъ. Добрѣйшая душа! Любо съ такимъ командиромъ и служить!

Гривенничкинъ. Добрѣйшая? а зло на днѣ оставляетъ. Видишь, ты отбилъ у меня важное мѣсто, а я на тебя сердца не имѣю. Люблю тебя и теперь, какъ брата (*цалуетъ Резинкина*).

Digitized by Google

Разнесенскій (*встороиу*). Предатель!.. (*вслухъ*). Не пей болѣе, послушайся меня.

Лососининъ. Что за дядька!.. Александръ Парѳенычъ не подъ начало къ тебѣ пошолъ—ужъ не дитя; скоро у самого подъ командой цѣлый станъ будетъ.

Резинкинъ. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ я ребенокъ?... (*выпиваетъ всю рюмку*). Славная вещь!... Какъ-то веселѣй, отважнѣй! (*встаетъ и, заложивъ руки въ карманы, важно прохаживается*). Приди-ка теперь самъ начальникъ, я такъ отвѣчу ему....

Лососининъ. А милостивца, виновника нынѣшняго торжества, забыли? Надо бы шипучки.

Резинкинъ. За здоровье добраго начальника шампанскаго!

Лососининъ (*половому*). Слышь, двѣ бутылки и стаканы. Да винцо-то изъ нѣмецкаго погреба.

Половой. Знаю-съ (*уходитъ*).

Муха (*дворовому человѣку, поглаживая его платье*). А какое у васъ на фрачкѣ славное суконце!

Дворовый человѣкъ. Съ барскихъ плечъ.... не подумайте.... я хотѣлъ сказать: это дрянь, съ барскихъ плечъ моихъ пойдетъ слугѣ. А вотъ какъ вчера купилъ — цѣлый кусокъ — по десяти цѣлковыхъ аршинъ.... повѣрьте, я вамъ не лгу, настоящій атласъ!

Digitized by Google

Муха. Должно быть суперфинъ!

Дворовый человѣкъ. Я вамъ скажу, и чистить должно быть легко–съ (*закусивъ губу*). На первое знакомство, позвольте вамъ на парочку...

Муха. За что жъ? помилуйте.... впрочемъ, отъ добра не отказываются. (*Беретъ двороваго человѣка подъ руку и прохаживается съ нимъ по комнатѣ, тихо разговаривая. Слышны звуки шарманки*).

Резинкинъ (*бросается къ окну и, отворя его, разбиваетъ стекло*). Шарманщикъ, сюда!

Лососининъ (*откупоривая бутылки и разливая вино въ стаканы*). Дѣло мастера боится! (*Половой подноситъ вино*).

Резинкинъ (*съ стакаломъ въ рукѣ*). Многія лѣта доброму нашему начальнику, виновнику нынѣшняго торжества! (*Пьетъ; всѣ за нимъ берутъ стаканы и пьютъ*).

Лососининъ. Внуши ему Господь почаще такія приказанія казначею! (*потише*) Да поменьше рылся бы въ бумагахъ и побольше подписывалъ ихъ, не читая!

Гривенничкинъ. Многія лѣта!...

Муха. Несчотныя лѣта! Да къ просителямъ порѣже бы выходилъ! Бывало, и вьюнъ не проскочитъ межъ насъ, а теперь.... фу! личная корреспонденція! (*Показываетъ рукою, что улетѣла*).

Digitized by Google

Лососинъ. Не тужите.... Напрыгается.... обойдется!

Гривенничкинъ. Ну-ка, еврей, откалывай!

Музыкантъ (*жидовскимъ выговоромъ*). А какіе же мы евреи! — Обизаете. Мы нѣмцы зъ Польши.

Резинкинъ. Что-нибудь новенькое!

Разнесенскій. Театральное!

Музыкантъ. Мы споемъ и сыграемъ вамъ, господа, комедію.... Въ нашу сторону пріѣзжалъ какой-то сочинитель.... ученый такой, Боже упаси!... пріятель намъ былъ — стуцку славную намъ подарилъ на прощанье. (*Надѣваетъ на себя чепчикъ съ женщины, а на нее шляпу; женщина вертитъ шарманку и поетъ; музыкантъ поетъ и смѣшною мимикой старается выразить дѣйствія лицъ изъ пѣсни*).

На взглядъ обманчивъ видъ мужчинъ;
Кажись, и санъ, и классный чинъ....
Кто въ шляпахъ круглыхъ, кто съ углами,
Кто въ грозныхъ шлемахъ, въ картузахъ;
Всмотритесь въ нихъ ума очами —
Большая часть изъ нихъ въ чепцахъ.

Тотъ безъ жены — гроза и громъ,
Отъ крика все летитъ вверхъ дномъ,
И нѣтъ ужаснѣй человѣчка!
Жена во дворъ, утихъ содомъ,
И онъ — смиренная овечка,
Сидитъ подъ женинымъ чепцомъ.

Digitized by Google

Съ докладомъ секретарь къ тому,
А тотъ съ усмѣшкою ему:
«На сквозь я вижу васъ и тонко;
Не проведешь меня, дружокъ!»
А преданный слуга тихонько
Ему чепецъ на паричокъ.

Всѣ. Браво, браво!

Лососининъ. Каковъ секретарь!

Музыкантъ *(продолжаетъ играть и пѣть).*

Мужъ со двора идетъ сѣдой:
Онъ «миленькій и ангелъ мой!»
Но лишь за дверь, французъ предатель
Играетъ роль въ его лицѣ —
И возвратился мой пріятель,
Ой, ой, друзья! въ какомъ чепцѣ!

Не обвиняйте вы нашъ вѣкъ:
Всегда таковъ былъ человѣкъ!
Героя древности сажали
У ногъ Омфалы съ вертеномъ,
А нынче.... нынче-бъ напсали
Его подъ кружевнымъ чепцомъ!

Гривенничкинъ. Хорошо; только странно, братцы, какъ тутъ Амфала, жена нашего регистратора, попала?

Муха. Кто его знаетъ? Можетъ и знаетъ! Охъ, эти сочинители! *(показываетъ на затылокъ)* здѣсь сидятъ....

Digitized by Google

Гривенничкинъ. Кабы моя воля, я бы ни одному и мѣста не давалъ нигдѣ. Ты думаешь, онъ съ тобою знакомство хочетъ вести? Какъ же! шишъ!... грѣшки наши подмѣчаетъ, да заразъ въ комедію, какъ въ рамочку, вставитъ.

Лососининъ. Эхъ, братцы! у васъ христіанской-то души нѣтъ.... вѣдь надо и имъ чѣмъ-нибудь поживиться? Пускай тамъ себѣ пишутъ.... все романы — романея!... а мы себѣ....

Разнесенскій. Знаете пословицу, не мечите бисера.... (*Дворовый человѣкъ шопотомъ говоритъ Гривенничкину*).

Гривенничкинъ (*указывая на Резинкина*). Скажите ему, хозяину.

Дворовый человѣкъ (*Резинкину*). Что-съ шарманка? Трынь-трава!... Прогоните ихъ.... Я вамъ доложу, Александръ Парѳенычъ, какой лихой таборъ цыганъ прикатилъ сюда.... здѣсь внизу и остановились. Просто—браво! А Наташа у нихъ, я вамъ доложу—мое почтеніе.... деликатесъ! Ни одной горничной такой смазливой въ городѣ нѣтъ. Какъ запоетъ, да зальется, что твой соловей въ собранскомъ трактирѣ! Такъ жилки всѣ и трясутся.

Резинкинъ. А поцаловать можно?

Лососининъ. Цѣлковый за поцалуй.

Digitized by Google

Резинкинъ. Цѣлковый? — Эка невидаль!

Дворовый человѣкъ. А пойдетъ старая Матрена плясать, да косточками потряхивать, такъ животики надорвешь.

Гривенничкинъ. Скомандуйте, Александръ Пареенычъ!

Резинкинъ. Цыганъ!... живѣе!

Половой. Слушаю—съ, только меньше десяти цѣлковыхъ не пойдутъ.

Резинкинъ. У меня не умничай, щенокъ!... Цыганъ!

Дворовый человѣкъ. Кстати шампанскаго!.. слышишь? (*При словѣ: цыганъ! входитъ труппа ихъ на сцену*).

Одинъ изъ цыганъ (*постарше*). Слышали мы, что молодежъ знатная пируетъ, такъ мы и дожидались у дверей ... Кликнули — тутъ и есть, передъ вашею милостію, какъ листъ передъ травой. (*Начинается пляска и пѣсни цыганскія; раздаются возгласы пирующихъ: «лихо! браво!» Резинкинъ любезничаетъ съ хорошенькой цыганкой и цалуетъ ее, потомъ ложится на диванъ, склоняется головой на подушку и засыпаетъ*).

Лососининъ. Князь заснулъ, пора и по домамъ!

Гривенничкинъ (*ему тихо, утерлась кольнкой съ*

Digitized by Google

столъ). Не уронитъ ли столъ съ посудою? заплатитъ дурачина.

Лососининъ (*Тихо, махая рукой*). И безъ того довольно. Я считалъ вѣрно, копѣйка въ копѣйку, остатокъ на ниточкѣ. (*Вслухъ*) Баста!

Муха. А кто разсчотъ сдѣлаетъ?

Лососининъ. Разумѣется, дядька его (*указывая на Разнесенскаго*).

Разнесенскій. Поневолѣ; не бросить же товарища за хлѣбъ—соль! За кѣмъ же послѣдняя бутылка?

Муха. Спроси у господина (*указываетъ на двороваго человѣка*).

Дворовый человѣкъ. Нѣтъ, господа, съ меня взятки гладки. Заплатитъ кто—нибудь изъ васъ, только не я. Половой! принеси ливрею мою, что у тебя въ закладѣ; пора ѣхать съ бариномъ за каретой. Теперь возьмешь фракъ въ закладъ, а къ обѣду я за нимъ прибѣгу, да опять отдамъ ливрею.

Разнесенскій, Гривенничкинъ и Муха. Лакей?...

Дворовый человѣкъ. И лакей вашего начальника. (*Скидаетъ съ себя фракъ и надѣваетъ принесенную половымъ ливрею*). Правду матку сказать: благородные, а куда какъ неблагородно поступили съ своимъ товарищемъ! Этого и наша братья

Digitized by Google

лакейство не сдѣлаетъ. Наше почтеніе; благодаримъ за компанство и угощеніе (*уходитъ*).

Разнесенскій. Вотъ тебѣ и честная компанія... Урокъ на грядущія времена!

Лососининъ. Эка бѣда!... Страшно, небось!.. Не первую зиму волкамъ зимовать! (*Гривенничкину тихо*). Магарычи за тобой: кажись, на славу окопировалъ! (*указывая на Резникина*).

Гривенничкинъ. Мастеръ! въ одинъ часъ обрилъ, остригъ и уконтентовалъ. Ха, ха, ха!

Разнесенскій (*поглаживая у Мухи сукно на рукавѣ*). Да, братъ, кажется, и тебя дворовый человѣкъ славно окопировалъ въ сукнецо суперфинъ. (*Муха отворачивается съ сердцемъ и уходитъ, за нимъ Лососининъ и Гривенничкинъ*).

Половой (*подавая бумагу Разнесенскому*). Вотъ и счотъ вашей милости.

Разнесенскій (*беретъ счотъ и читаетъ*).

За штофъ водки	1	р.	50 к.
За 3 бут. шампанскаго .	12	»	— »
За ветчину и поросенка .	1	»	65 »
Шарманщику.	1	»	— »
Цыганамъ	10	»	— »
За поцалуй цыганкѣ. . .	1	»	— »
За разбитое стекло . . .	—	»	75 »
Итого . . .	27	р.	90 к.

Digitized by Google

Всего остатку отъ 29 рублей 1 руб. 10 коп. *(встороиу)* Ободрали деревцо, только-что хотѣло одѣться листиками. А дѣлать нечего, приходится расплачиваться. Пожалуй, позовутъ полицію... хуже будетъ. Изъ чего инѣ въ чужомъ пиру похмѣлье? *(Вынимаетъ деньги изъ жилета Резинкина)*. На мѣсто денегъ положу роковой счотецъ—пусть повѣритъ. Бѣдный Резинкинъ! что будетъ съ тобой завтра? *(Половому)*. Вотъ деньги. Сдачи и извощика! *(Поднимаетъ Резинкина и береть его въохапку)*. О, горе намъ! о страшная для насъ невзгода!

Половой *(встороиу)*... Хоть бы слѣпой гривенникъ на водку! *(Занавѣсъ опускается)*.

ЯВЛЕНІЕ II.

Прежняя комната въ квартирѣ столяра.

Груня *(одна)*. Отецъ не ночевалъ дома. Видно, гдѣ-нибудь досталъ денегъ; опять задатокъ получилъ и опять прогуляетъ. Доживемъ до бѣды! Да и Александръ Парѳенычъ не приходилъ вчера. Что-то сердце вѣщунъ такъ и ноетъ... А узнать не отъ кого? *(Садится за работу)*.

Digitized by Google

ЯВЛЕНІЕ III.

Груня и Поддевкина.

Поддевкина. Богъ помочь! одна одинехонька, моя голубка, и все за работой?

Груня. Благодарю васъ, Мавра Львовна!... Намь, бѣднымъ людямъ, грѣхъ сидѣть сложа ручки. Вотъ и ваша дочка немного отдыхаетъ.

Поддевкина (*шаря вездѣ и все разсматривая*). Ну, моя Парасковья Степановна дѣло иное; между нами сказать, можетъ скоро совсѣмъ работу бросить, да орѣшки пощолкивать: пора! Она у меня приданница богатая. Триста цѣлковыхъ у ней въ Приказѣ, полтораста на свадьбу въ сундукѣ припасено, а платьевъ дареныхъ не перечтешь, словно у какой графини. Да что, мать моя, у тебя платочекъ на плечикахъ новенькій?

Груня. Вы видали его ужъ на мнѣ.

Поддевкина. Охъ, охъ! нельзя, кровь своя! А тружусь, родная, въ потѣ лица. Посидѣть ли около больной, мухъ обмахивать, гробовой ли уборъ припасти, да поплакать по покойникѣ; или покойницѣ, приданое ли закупить, али вѣсточку горяченькую по секрету передать, вездѣ, все я, Мавра Львовна Поддевкина. Никто лучше меня не

Digitized by Google

угодитъ. Грѣхъ таить, и побранить кого надо за своихъ благодѣтелей, побраню... разругаю, въ грязь втопчу... не трогай нашихъ! А все по большимъ, знатнымъ домамъ! (*подойдя къ шкапу*) Что это у тебя, голубушка, между нами, носикъ у чайника отбитъ.

Груня. Отбитъ, Мавра Львовна.

Поддевкина. Что-то ложечки серебряной съ чернью не видать, да изъ трехъ одной чайной?

Груня. Не видать — въ закладѣ.

Поддевкина (*возвращаясь къ Груни*). Вчера былъ у васъ помѣщикъ Подснѣжниковъ?

Груня. Былъ.

Поддевкина. Между нами сказать, онъ тебя такъ расхваливаетъ; по словамъ его, и дѣвицы нѣтъ краше и разумнѣе. Не краснѣй, голубка моя; стыда тутъ нѣтъ никакого: человѣкъ благородный, антересный, 60 душъ, послѣ отца скопидома сундукъ съ деньгами въ кладовой; а ты вѣдь, барышня, дѣвица честная, весь кварталъ про тебя худаго слова сказать не посмѣетъ.

Груня. Вѣрю очень, что Подснѣжниковъ человѣкъ не дурной; да меня къ чему тутъ приплетать?

Поддевкина. Къ слову пришлось, матушка, не гнѣвись.... Дай Богъ ему подругу пригожую и

Digitized by Google

добрую!... Ты знаешь, моя Прасковья Степановна шьетъ на него бѣлье....

Груня. Знаю.

Поддевкина. Все голландское, тончайшее, аки паутина, между нами. Угодила ль ему дочка вчерашнею работою — правду сказать, словно мелкимъ бисеромъ вывела — аль на сиротство ея ежалился, аль по нраву ему пришлись добрыя рѣчи объ тебѣ, возьми, да заплати ей вдвое за работу.

Груня. Видно, вчера такой счастливый день выдался, все подарки были.

Поддевкина. Счастливый? Богъ знаетъ, родная! Иному талантъ впрокъ, другому на погибель. Охъ, охъ!

Груня. Вы такъ тяжело вздохнули, Мавра Львовна, что у меня въ сердцѣ отдалось. Ужъ не съ отцомъ ли что случилось?

Поддевкина. Что ему? Отецъ твой въ деньгахъ, долги платитъ, дерева накупилъ, работниковъ понанялъ, да и себя не забываетъ. Кутитъ на-пропалую!

Груня. Гдѣ жъ онъ денегъ взялъ.

Поддевкина. Не хочу грѣшить, не знаю. Нѣтъ, мать моя, я про другаго говорила. На кого напасти не бываетъ, да бѣда бѣдѣ бываетъ розь—

Digitized by Google

отъ иной и вѣкъ не опомнишься. Какъ не вздыхать? сиротинка....

Груня (*встрому*). Сирота?... ужъ не съ нимъ ли что?

Поддевкина. Только между нами, Грунечка, по большому, большому секрету. Коли выйдетъ отъ насъ прежде времени, погубимъ малаго ни за денежку. Вотъ видишь, душа моя, вчера, въ счастливый-то день.... пожаловалъ сосѣду твоему, Сашѣ Рѣзинкину, набольшій ихъ тридцать цѣлковыхъ на окопировку....

Груня. Такъ чтожъ?

Поддевкина. А онъ — и прогуляй ихъ.

Груня (*у ней выпадаетъ шитье изъ руки*). Прогулялъ?... Не можетъ статься, Мавра Львовна; онъ не пьетъ вина: всѣ знаютъ.... Вѣрно злые языки распустили.

Поддевкина. Грѣхъ сказать, малый скромный, не пьющій, уважительный такой, все меня мамашей зоветъ... Посватался бы за дочну, обѣими бы руками отдала. Да видно, наше вражеское искушеніе!... А вотъ какъ было дѣло: пойди онъ къ портному съ Ксенофонтомъ Кирпичемъ.... знаешь, книжникъ, долговязый такой.... заказывать одежду, а тутъ подкарауль его сорванцы, писарчики, что ли медочь, да и утащи его почти

Digitized by Google

силою въ русскій трактиръ. Сначала водочки.... Саша и руками и ногами.... нѣтъ-таки одолѣли окаянные. Знаешь, человѣкъ не пьющій, много ли надо? Съ одной рюмочки голова пойдетъ кругомъ. А какъ забрало, давай шампанскаго, да шарманку, да цыганъ.... Съ хорошенькой цыганкой, говорятъ, и подаловался. Только между нами, родная, ради Бога.

Груня (*вставая*). Господи! Господи! какой позоръ! Чай, цѣлый городъ знаетъ; не дошло бы до начальника?

Поддевкина. Всѣ денежки-то и прокути.... осталось три двугривенныхъ, сама-таки, сама сочла до полушки.

Груня. Какая бѣда! погубилъ онъ себя.

Поддевкина. Бѣдная мать такъ и разрывается; я сама на вдовьи слезы вдоволь наплакалась, да и моя Прасковья Степановна — кажись, дѣвка что твой дубъ — и та подалась....

Груня. Что-то съ нимъ будетъ?

Поддевкина. Командиръ-то у нихъ строгій, шутить не любитъ. Говорятъ, слово сказалъ, такъ его хоть громомъ ошиби, а ужъ отъ своего не отступится. Важное мѣсто было обѣщано Сашѣ— теперь не видать ему, какъ ушей своихъ! Это еще не бѣда, а толкуютъ, за пьянство и мотов-

Digitized by Google

ство изъ службы выгонятъ съ худымъ аттестатомъ....

Груня (*встороиу*). Нѣтъ, не допущу до этого!.. Я спасу его.

Поддевкина. Мать старуха, горемычная, не переживетъ этой бѣды. Да вотъ и она, голубка, напоминѣ легка (*входитъ Резинкина и сынъ ея*). Можетъ, что между вами.... по секрету.... не хочу мѣшать: прощай, душа моя!

явленіе IV.

Груня, Резинкина и Резинкинъ. (*Мать останавливается въ средииѣ комнаты, сынъ остается у дверей*).

Груня. Милости просимъ, сюда, присядьте, дорогая и рѣдкая гостья.

Резинкина. Нѣтъ, не тронусь съ мѣста, пока не простите меня, Аграфена Силаевна. Мнѣ и глаза-то стыдно на васъ поднять.

Груня. Я на васъ не сержусь: вы меня ничѣмъ не обидѣли.

Резинкина. Какъ, ничѣмъ? Я ли не позорила васъ съ отцомъ, на чомъ свѣтъ стоитъ, и все изъ этого негодяя? Приношу повинную голову: не сѣки ее по добротѣ души своей.

Digitized by Google

Груня. Если вы меня бранили, такъ я, конечно, сама огорчила васъ чѣмъ-нибудь. Сынъ вашъ, можетъ быть, ходилъ къ намъ слишкомъ часто противъ воли вашей, а вы мать, знаете лучше, хорошо ли это было для него. Поцалуемтесь же въ знакъ мировой.

Резинкина (*обнимаетъ ее*). Распрекрасная моя, Аграфена Силаевна, сердечная ты моя Груня! Охъ! кабы выпутать изъ бѣды этого негодяя, назвала бы тебя со всею радостью невѣстушкой своей. Поддевкина здѣсь была, а гдѣ она была, тамъ навѣрно знаютъ про мое несчастіе.

Груня. Знаю все. Молодой человѣкъ покутилъ немного; съ кѣмъ этого не бываетъ! Мы съ вами поправимъ бѣду.

Резинкина. Благодѣтельница моя! Спаси его и меня отъ позора, отъ бѣды неминучей. Ты дѣвушка разумная, ты все разочла, какая злая участь его ждетъ. Деньги далъ главный начальникъ — пропилъ ихъ, прокутилъ съ цыганами, съ лакеями!... Легче бъ ослѣпнуть и оглохнуть.... не видала бы, не слыхала бы этого позора! Мужъ мой служилъ весь вѣкъ свой честно, безъ укору, а сына.... выгонятъ изъ службы, можетъ статься, хуже что будетъ (*плачетъ*). Онъ сказалъ мнѣ: одна

Digitized by Google

Аграфена Силаевна можетъ спасти насъ. Если хочешь, повалимся оба тебѣ въ ножки.

Груня. Боже сохрани!... Вы знаете, конечно, отъ сына вашего, что благодѣтельница моя подарила мнѣ пятьдесятъ цѣлковыхъ.

Резинкина. Сказалъ онъ мнѣ.

Груня. Александръ Пареенычъ! можетъ ли портной сшить вамъ платье въ двое сутокъ.... хоть бы заплатить всѣ пятьдесятъ рублей?...

Резинкинъ. Сошьетъ въ однѣ сутки и менѣе, нежели за тридцать рублей серебромъ — честное слово!

Резинкина. Честный человѣкъ, нечего сказать!... Нѣтъ, мать моя, теперь не дамъ ему денегъ въ руки — вышелъ изъ вѣры. Сама пойду съ нимъ къ портному.... *(Слышенъ крупный разговоръ въ сѣняхъ, Мамаевъ входитъ и сквозь отворенную дверь говоритъ)* Говорятъ, приходите завтра, теперь не до работы. Кстати, захватите и дерево орѣховое у купца.

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же и Мамаевъ *(пьяный)*.

Груня. Отецъ!... тсъ!... *(Резинкиной, тихо)* Уложу его, а вы приходите черезъ четверть часа, стукните въ окно, я вамъ подамъ деньги.

Digitized by Google

Резинкина. Родная ты моя! невѣстушка ты моя дорогая!

Резинкинъ (*подойдя къ Груняѣ*). Что мнѣ сказать? Языкъ не двигается... Накажи меня Господи, если я когда забуду, что вы для меня нынѣче сдѣлаете.

Груня. Съ вами я тогда буду толковать, когда вы отъ начальника явитесь ко мнѣ въ новомъ платьѣ.

Мамаевъ. Эти зачѣмъ?... Опять браниться? Баба-яга?

Резинкина. А вотъ на зло вамъ, Силай Ермилычъ, мы поцалуемся съ твоей и моей дочкой, да вотъ какъ! (*Обнимаетъ крѣпко Груню и уходитъ съ сыномъ*).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Мамаевъ и Груня.

Мамаевъ. Видно, мировая.... давай Богъ! Сашка славный малый!... Поцалуй и ты меня, Груня. (*Цалуетъ дочь*). Хмѣленъ, душа моя, виноватъ, больно виноватъ.... (*Плачетъ*). Въ послѣдній разъ.... Спать иду, а завтра.... за работу.... и денежки скоро всѣ твои отдамъ.... отдамъ, говорю тебѣ (*шатаясь уходитъ въ боковую дверь*).

Digitized by Google

ЯВЛЕНІЕ VII.

Груня *(одна)*. Слава Богу, ушолъ скоро!... *(Идетъ къ шкапу, потомъ къ двери, въ которую вошолъ отецъ, и прислушивается)*. Заснулъ.... *(Возвращается къ шкапу и вынимаетъ ключъ изъ кармана)*. Какъ руки трясутся, точно чужое добро беру. Отъ чегожъ?.. отдаю съ радостію!.. Можетъ быть и отъ большой радости!.. Судьба моя и его въ этихъ деньгахъ *(отпираетъ ящикъ въ комодѣ и потомъ вынимаетъ шкатулку)*. Сердце стучитъ, какъ маятникъ!... Смѣлѣй, дурочка!... *(Отпираетъ шкатулку)*. Не долго сидѣли въ клѣткѣ, пташки мои; ступайте на волю, гуляйте себѣ!... *(Ищетъ деньги въ шкатулкѣ; сильный испугъ изображается на лицѣ ея)*. Помню, хорошо, тутъ положила.... подлѣ завѣтнаго колечка.... кольцо цѣло.... Деньги?... Гдѣ мои деньги?... *(Роняетъ шкатулку и стоитъ нѣсколько минутъ, какъ безумная; придя въ себя, горько плачетъ)*. Отецъ!.. Ты это сдѣлалъ.... *(Немного погодя слышенъ стукъ въ окно; она встрепенулась, и долго, озираясь, прислушивается; опять стучатъ въ окно)*. Они!... Идутъ!... Что сказать?.... Укралъ у дочери деньги?... Разойдется по всему городу.... Нѣтъ, скроемъ.... онъ все-таки отецъ мой. *(Поднимаетъ шкатулку и прячетъ въ комодъ, который въ торопяхъ не плотно притворяетъ)*.

Digitized by Google

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Груня, Резинкина и Резинкинъ.

Резинкина. Мы постучались... подождали... опять постучались... не подаешь голоса! Посмотрѣли въ окошко, ты одна... потолковали, да и взошли къ тебѣ. Да что съ тобою?... У тебя и языкъ отнялся... стоишь, словно громомъ тебя пришибло.

Резинкинъ. Что съ вами, Аграфена Силаевна? Ради Бога, скажите.

Груня. Ничего... такъ...

Резинкинъ. Не подать ли холодной воды? не сбѣгать ли за лекаремъ?

Резинкина. Спрыснуть бы ее; не сглазилъ ли кто?

Груня. Нѣтъ, мнѣ ничего не надо. Чего вы хотите?.

Резинкина. Груня, душа моя, неужели ты забыла? Такъ скоро?... Вспомни, сама обѣщала... деньги...

Груня. Деньги?... Да... забыла... нѣтъ не забыла, только...

Резинкина. Чтожъ только?

Груня. Не знаю... какъ вамъ сказать.

Digitized by Google

Резинкина. Раздумала, что ли? жаль что ли стало?

Резинкинъ. Вспомните, я погибъ... спасите меня... на колѣнахъ васъ умоляю... (*Становится на колѣни*).

Груня. Спасти... не могу...

Резинкина. Тронься, каменное сердце!

Груня. Говорятъ вамъ, не могу.

Резинкина. Вотъ добрая-то душа! вотъ невѣстушка дорогая! сама вызвалась... и такая и сякая... все, что у меня есть, то ваше... себя отдамъ... Славно сыграла камедь! А я еще хотѣла у ней ручку поцаловать! этого и адская эхидна не сдѣлаетъ.

Груня. Богъ свидѣтель, не могу.

Резинкина. Встань, негодяй!.. Твоя вѣдь любезная!... Съ этого дня чтобъ и ноги твоей не было въ этомъ домѣ; не то прокляну тебя.

Резинкинъ (*вставая*). Такъ вотъ ваша любовь, ваши обѣщанія! Нѣтъ, вы меня никогда не любили. Сжальтесь, я погибаю... (*Грунл качаетъ головой*). Нѣтъ отвѣта.

Груня. Нѣтъ.

Резинкина. Пойдемъ отсюда; мы найдемъ и безъ нея. У насъ ужъ нолажено съ Поддевкиной; привыкла къ этой, хотѣла только Сашеньку потѣ-

Digitized by Google

нить. Та хоть благородная, наша сестра; а эта... видно, изъ мужичекъ.

Резинкинъ. Слышите... чтобы спасти меня, я рѣшусь исполнить волю матери моей... слышите, Прасковья Степановна будетъ моей женой... Все ни по чомъ!... Такъ прощайте, Аграфена Силаевна, прощайте, и навсегда (*Уходитъ, рыдая, за матерью*).

Груня (*остается нѣсколько минутъ на одномъ мѣстѣ*). Меня бьетъ лихорадка... въ глазахъ мутитъ... (*Идетъ, шатаясь, сначала къ правой двери*). Нѣтъ, не туда...тамъ отецъ мой (*поворачиваетъ къ лѣвой двери*) сюда, въ темный чуланъ, въ твою спальню, барышня!... Умираю... помогите! (*Въ изнеможеніи падаетъ у двери; на ея крикъ прибѣгаетъ полусонный Мамаевъ*).

ЯВЛЕНІЕ IX.

Груня и Мамаевъ.

Мамаевъ. Я слышалъ крикъ.... звали на помощь.... Не во снѣ, нѣтъ, почуяло сердце.... Груня! гдѣ ты?... Валяется на полу.... Она!... Жива ли еще?... Узнала, что пьяница отецъ укралъ у ней послѣднее добро.... вѣдь, хрупкое созданіе, какъ воскъ... долго ль до грѣха? (*Стано-*

Digitized by Google

ится передъ Груней на колѣни, беретъ ее за руки, цалуетъ ихъ). Груня, голубка моя, дитятко мое дорогое! промолви хоть словечко.... Не подаетъ голосу, не шевельнется... Ужъ не убилъ ли я ее?.. Отецъ милосердый! сжалься надъ ней, не для меня, окаяннаго.... а для нее.... Вѣдь агнецъ чистый, непорочный, ангельская душа!... Дай еще ей пожить на бѣломъ свѣтѣ и увидѣть красные денечки.... и коли я съ нынѣшняго часа возьму въ ротъ хоть каплю проклятаго зелія, разразись надъ моей головой всѣми лютыми бѣдами; пусть умирать буду безъ покаянія, пусть бросятъ меня въ глухую трущобу, какъ зачумленную собаку, и воронья расклюютъ меня. Слава Богу! сердце бьется.... Побѣжать къ лекарю.... къ добрымъ людямъ.... Помогите, помогите.... отецъ убилъ родную дочь свою! (*убѣгаетъ*).

Digitized by Google

АКТЪ III.

Комната, порядочно убранная, въ квартирѣ Поддевкиной.

ЯВЛЕНІЕ I.

ПОДДЕВКИНА и ПРАСКОВЬЯ СТЕПАНОВНА. *(Поддевкина убираетъ дочь передъ зеркаломъ, охорашиваетъ ея платье, пришпиливаетъ ей цвѣты къ головѣ и къ груди, подрумяниваетъ ей щоки.*

ПОДДЕВКИНА *(всторону)*. Экая счастливая оказія! Будто съ неба упалъ женишокъ, нечего было долго думать; разомъ ударили по рукамъ. Господь далъ бы сбыть ее.... *(Вслухъ)* Скорѣй, скорѣй, Прасковья Степановна!

ПРАСКОВЬЯ СТЕПАНОВНА. Что вы такъ погоняете? Точно машину по чугункѣ. Не дадутъ порядочно и одѣться.

Digitized by Google

Поддевкина. Вѣдь женихъ скоро будетъ.

Прасковья Степановна. Вольно жъ такъ скоро!... я и поплакать не успѣла.

Поддевкина. Чего плакать? надо радоваться, что выходишь за добраго человѣка; ты ужъ дѣвка на возрастѣ.... тридцать годковъ стукнуло.

Прасковья Степановна. Время нашли тутъ годы считать. Вамъ не страшно—не вы выходите. Да не полюдски все дѣлается у насъ, и сватанье и свадьба въ одинъ день.

Поддевкина. Нельзя иначе.... Ужъ я и денегъ дала за руки на свадьбу пятьдесятъ цѣлковыхъ, да пятьдесятъ въ руки жениху на окопировку. А то не ровенъ случай, недобрые люди разобьютъ.... пожалуй, денежки пропадутъ, да и ты останешься навѣкъ въ дѣвкахъ сидѣть, между нами.

Прасковья Степановна. Не хочу, не хочу!.. Не даромъ же шолковыя платья, да салопы лежатъ въ сундукѣ, когда-нибудь надѣть надо. (*Немного погодя*) Да какъ же онъ все ухаживалъ за Груней, что барышней слыветъ?

Поддевкина. Это только для блезира. А мнѣ Александръ Парѳенычъ признался, что влюбленъ въ тебя по уши.

Прасковья Степановна. И впрямъ, маменька-

Digitized by Google

ка; какъ онъ на масляницѣ танцовалъ со мною польку трамбловочку, я было поперхнулась ножкой, онъ и подхвати меня, да и пожалъ мнѣ ручку. Всю ночь не спала.

Поддевкина. Вотъ видишь.

Прасковья Степановна. Чтожъ, маменька, цаловаться мы будемъ теперь?

Поддевкина. Когда я тебѣ скажу, можно будетъ.

Прасковья Степановна. Ха, ха, ха!... Ха, ха, ха!...

Поддевкина. Чтожъ ты, дурочка, смѣешься?

Прасковья Степановна. Да какъ же не смѣяться? вѣдь я ни съ однимъ мужчиной еще не цаловалась. А онъ такой хорошенькій.

Поддевкина. Ты бы, душа моя, брови фиксатурчикомъ....

Прасковья Степановна. Подите вы съ вашей сажей! И такъ шпилекъ вездѣ натыкали, да ваты съ пудъ напихали. Станете меня мучить, такъ я расплачусь, да раздѣнусь.... вотъ вамъ и свадьба!

Поддевкина. Не сердись, Прасковья Степановна, я такъ.... для твоего жъ добра.

Прасковья Степановна. А что? чай Груня разорвется отъ досады?

Digitized by Google

Поддевкина. Груня, хорошенькая, добрая дѣвушка, да ему не пара. Вотъ ей бы къ помѣщику Подснѣжникову.

Кухарка *(вбѣгаетъ въ попыхахъ; она одѣта непрятно, рукава у ней засучены за локти, платье за поясъ вздернуто, на ногахъ нѣтъ башмаковъ)*. Женихъ! женихъ пріѣхалъ! *(Всѣ суетятся; убираютъ стклянки, баночки и прочее съ туалета)*.

явленіе II.

Тѣ же, Резинкина и Резинкинъ. *(При входѣ Резинкиныхъ Прасковья Степановна уморительно приседаетъ; Резинкинъ бѣлденъ и грустенъ)*.

Поддевкина. Просимъ пожаловать, дорогіе гости, просимъ покорно *(усаживаетъ Резинкину на диванъ)*. А вы, женишокъ съ невѣстой, сядьте здѣсь рядкомъ *(показываетъ на два стула)*, да и познакомьтесь поближе—поворкуйте другъ съ другомъ, между нами сказать.

Резинкина. Каковъ Сашенька-то мой! Посмотрите, окопировался *(повертываетъ сына на всѣ стороны)*. Кстати нашли готовую пару у товарища его.... только-что съ иголочки, да портной съузилъ; а моему пришлась, точно по немъ сшита.

Поддевкина. Молодецъ хоть куда! Парочка славная!

Digitized by Google

Резинкина. Ужъ за одно, Мавра Львовна, поздравьте съ благодатью Божьею и съ милостью начальнической. Онъ ужъ являлся къ набольшему своему въ новой формѣ. Вотъ, говоритъ, люблю акуратность! Тутъ же поздравилъ его письмоводителемъ въ станъ.

Поддевкина. Слышите, Прасковья Степановна, твой будущій сожитель какой чинъ получилъ.

Прасковья Степановна. Поздравляю васъ съ большимъ чиномъ, Александръ Парѳенычъ; дай Богъ вамъ быть генераломъ! (*Резинкинъ, молча, откланивается*).

Резинкина. Сашенька и позволеніе выпросилъ у набольшаго своего на законный бракъ. Сначала было осерчалъ, расходился. «Молокососы—говоритъ—а туда жъ спѣшатъ жениться. У васъ, приказныхъ, ужъ такой обычай. Жалованье небольшое, а тамъ надо нарядовъ женѣ, дѣти пойдутъ, и начнутъ себѣ....» Тутъ онъ показалъ что-то рукою.... «А коли неудача, примутся съ горя пить.» Потомъ узналъ, что приданое есть у невѣсты, спросилъ званіе, имя и отечество нареченной.

Поддевкина. Слышишь, Прасковья Степа-

Digitized by Google

новна, его превосходительство удостоилъ спросить имечко твое?

Прасковья Степановна. Вотъ, мамушенька, вы все мнѣ глаза кололи: сиди, сиди въ дѣвкахъ!.. а вотъ и высидѣла.

Резинкина. Смягчился онъ, да и говоритъ: ну, съ Богомъ! По-крайности, локти не будутъ худы; жена зашивать станетъ. Ей Богу, такъ!

Поддевкина. Слышишь, Прасковья Степановна?

Прасковья Степановна. Почему жъ? Для любезнаго человѣка все можно-съ.

Резинкина. Кланяйся, Сашенька, да ручку поцалуй.

Резинкинъ (*поцаловавъ руку, всторону*). Какая веленевая ручка у Груни была!... а у этой словно оберточная бумага.

Резинкина (*Поддевкиной*). Мнѣ слова два съ тобою по секрету.

Поддевкина. Коли по секрету, такъ между нами, родная.

Резинкина. Послѣ рѣчей его превосходительства, надо бы рубликовъ пятьдесятъ накинуть на свадебныя издержки. Вѣдь, за здоровье такой важной персоны не подашь цымлянскаго! Вспомни,

Digitized by Google

мать моя, Анна Семеновна Липина будетъ у тебя коѣзжаною дамой.

Поддевкина. Что ты, родная, пятьдесятъ?... Легко вымолвить, да не легко добыть. Билетъ Парашинъ, воля твоя, трогать не буду. Неравенъ часъ, между нами сказать, мы всѣ подъ Богомъ ходимъ: какъ Александръ Пареенычъ ножки вздумаетъ протянуть, надо чѣмъ-нибудь молодой вдовѣ пропитываться. Ну ужъ куда не шло, десятокъ для его превосходительства!

Резинкина. Воля твоя, хоть сорокъ.

Поддевкина. Ну еще десятокъ приложу для Анны Семеновны; барыня добрая!

Резинкина. Капитанское слово, не отступлю ни волосъ!

Поддевкина. Куда ты упряма, Богъ съ тобою! Ну ужъ будь по твоему. Теперь женихъ съ невѣстой можете и поцаловаться.

Прасковья Степановна (*крѣпко цалуетъ три раза жениха, обхвативъ его шею одной рукой*). Апомните, Александръ Пареенычъ, какъ мы, съ вами трамбловочку въ маскерадѣ плясали, я было ножкой поперхнулась, а вы меня подхватили, да и ручку мнѣ пожали.

Резинкинъ. Не припомню-съ.

Прасковья Степановна. А я такъ не забыла.

Digitized by Google

Послѣ того всю ночь во снѣ видѣла васъ; проснулась, а васъ нѣтъ, инда съ сердцовъ подушку отпихнула. Теперь я ужъ какой хотите танецъ пройду съ вами безъ запинки.... вѣдь меня учила Груня, столярова дочь, что барышнею зовутъ.

Резникинъ. Съ тѣмъ васъ и поздравляю (*сторону*). Все она! вездѣ она! какъ нарочно дразнятъ меня.

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же и Разнесенскій.

Разнесенскій (*вбѣгая*). Великое происшествіе!.. Несчастное событіе!... просто, драма!

Всѣ. Что такое? что такое?

Поддевкина. Какая же это дама?... здѣшняя, или пріѣзжая? Замужняя, вдова, есть ли дѣти, сколько дѣтей? Говори, батюшка, говори скорѣй.

Разнесенскій. Эхъ, Мавра Львовна! какая дама! Несчастная исторія съ дѣвицей... Позвольте сначала съ духомъ собраться. Не мнѣ бы разсказывать: для такого высокаго предмета нужно и великое краснорѣчіе. Съ тѣхъ поръ, какъ нашъ градъ стоитъ — что я говорю? — со временъ Римской имперіи такого происшествія не бывало.

Digitized by Google

Поддевкина (*въ попыхахъ*). Соломонида! Соломонидка! Шлюха! салопъ скорѣй!... пойдти, побѣжать, разсказать Кривлякиной, да завернуть къ Мордохиной на Петербургскую, да махнуть къ Простоквашиной на Московскую.

Резинкинъ. Въ умѣ ли вы, Мавра Львовна? вспомните, послѣ вечерень свадьба: до вѣстей ли теперь?

Поддевкина. Жаль, а то безъ меня кто такъ скоро по городу разнесетъ, а я бы, между нами, какъ птица, какъ птица.... Говорите же, Ксенофонтъ Кирычъ, что такое случилось?

Разнесенскій. Вы, навѣрно, не знаете, что у Аграфены Силаевны украли пятьдесятъ рублей серебромъ.

Резинкинъ и Резинкина. Украли?

Поддевкина. Вотъ опростоволосилась въ первый разъ; и подлинно не знала. А была у ней, цѣлый часъ, дура, сидѣла!... Стара ужъ становишься, Мавра Львовна!

Разнесенскій. Вчера приходили къ ней двѣ особы за нѣкіимъ денежнымъ пособіемъ... умолчу именъ ихъ.... пускай потонутъ они во мракѣ неизвѣстности!... Деньги ужъ были похищены.... уста мои коснѣютъ произнести имя похитителя... это былъ — отецъ ея!

Digitized by Google

Всѣ. Отецъ?

Разнесенскій. Когда она узнала это, добрая, великодушная дочь не хотѣла вести родителя своего на позорище свѣта: она скрыла преступленіе въ глубинѣ души своей. Между тѣмъ, двѣ вышерѣченныя особы, которыя ожидали отъ нея спасенія, не получивши его, извергли на нее потокъ оскорбленій, и прочее, и прочее.

Резинкинъ (*плачетъ*). Груня!... Мать, что мы сдѣлали съ тобой?

Резинкина (*тихо сыну*). Сумасшедшій!.. Помни, что между тобой и ей стоитъ ужъ алтарь Божій.

Поддевкина. Какъ же узнали, что деньги укралъ пьяница Ермилычъ?

Разнесенскій. Аграфена Силаевна повержена была на одръ болѣзни; отецъ сдѣлалъ во всемъ признаніе; онъ выбѣжалъ изъ дому, какъ помѣшанный, и хотѣлъ было броситься въ рѣку. Къ счастію, скоро попался ему на встрѣчу молодой помѣщикъ Подснѣжниковъ, успокоилъ его, поскакалъ съ нимъ за лекаремъ и привезъ обоихъ въ своемъ экипажѣ на квартиру Мамаева. Лекарь возвратилъ умирающую къ жизни. Къ довершенію своего благодѣтельнаго поступка, Подснѣжниковъ, сей рыцарь чести, предложилъ благородной, ве-

Digitized by Google

ликодушной дѣвицѣ не только пятьдесятъ рублей, вдесятеро, если ей нужно.

Поддевкина. Чай, дѣвчонка-барышня радехонька была денежкамъ?

Разнесенскій. Нѣтъ, вы ошибаетесь. Это дѣвица героиня: она не бросается на деньги, для которыхъ нѣкіи особы готовы забыть и стыдъ и совѣсть. Она поблагодарила господина Подснѣжникова, называла его благороднѣйшимъ человѣкомъ, но денегъ не взяла и сказала только: поздно!

Резинкинъ (*матери тихо*). Слышите ли? Я отступлюсь отъ этой.... воля ваша, отступлюсь.... пойду къ ней просить прощенія, буду валяться въ ногахъ ея.

Резинкина (*тихо ему*). Дуракъ! болванъ! гдѣ мы возьмемъ деньги Поддевкиной отдать? Вспомни, чье платье на плечахъ твоихъ? А какъ пойдутъ къ генералу твоему, да стащутъ тамъ съ тебя.

Резинкинъ. Не слушаюсь никого. Пускай стащутъ съ меня платье, за которое я было продался.... я и самъ сброшу его.... пускай выгонютъ меня изъ службы. Отказываюсь отъ этой невѣсты; она мнѣ противна. Иду къ Грунѣ. Лишь бы она простила меня.

Разнесенскій. Воскресаютъ героическія вре-

Digitized by Google

мена! (*Уходитъ; всѣ оставшіяся на сценѣ лица стоятъ нѣсколько минутъ безмолвно*).

Поддевкина. Ну что, капитанша, между нами?

Резинкина. Срѣзалъ мою головушку, да я.... не даромъ мать. Идемъ къ главному начальнику, я и сына непокорнаго не пожалѣю.

Поддевкина. Идемъ; не пропадать же моимъ денежкамъ. И у насъ благодѣтели есть, и Кривлякины, и Мордохины на Московской, и Простоквашины на Петербургской. Не круглая же я сирота! (*Дочери*). Не кручинься, Параскевія Степановна: будетъ и на нашей улицѣ праздникъ. (*Уходитъ съ Резинкиной*).

Прасковья Степановна. Нѣтъ, такова ужъ моя горемычная доля; знать, мои шолковыя платья и салопы спрятать опять въ сундукъ. (*Плачетъ; занавѣсъ опускается*).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Комната въ квартирѣ столяра.

Груня, Подснѣжниковъ *и къ концу явленія* Резинкинъ.

Груня. Благодарить ли васъ, добрый, благороднѣйшій Владиміръ Петровичъ? Вы спасли мнѣ

Digitized by Google

жизнь, да на что она мнѣ теперь! Я вамъ давича открыла сердце свое.

Подснѣжниковъ. Полноте сокрушаться. Вы еще такъ молоды, начали жизнь только бѣдностью, горемъ, измѣною.... васъ ждетъ еще впереди любовь человѣка, который будетъ умѣть цѣнить ваши достоинства, для котораго ваше слово будетъ закономъ, ваши радости его счастіемъ. Послушайтесь меня: забудьте все прошедшее, довѣрьтесь моей любви.... уѣдемте отсюда, въ мою деревню. Клянусь, я посвящу вамъ жизнь свою.... успокою старость вашего отца.

Груня. Не хочу васъ обманывать: я люблю васъ, какъ моего благодѣтеля, если позволите, какъ брата, но не болѣе.... сердце дважды не любитъ.

Подснѣжниковъ. Все романическія мечты! Любимый человѣкъ, хижина, ручеекъ, вѣнки изъ цвѣтовъ, все это хорошо только въ романахъ и пѣсняхъ. Сами послѣ скажете, что это вздоръ, бредъ, что кромѣ любви въ жизни нужна и существенность, то есть деньги и деньги.

Груня. Деньги, да!... Но все это хорошо съ тѣмъ, кого любишь.

Подснѣжниковъ. Подумайте, что за человѣкъ, кого вы полюбили.... неучь, необтесанный, кото-

Digitized by Google

рый помянулъ васъ — изъ чего жъ? — изъ тридцати рублей, изъ новаго платья.... Неужели онъ васъ выше не цѣнилъ?

Груня. Правда, изъ тридцати рублей! Онъ поступилъ со мною дурно, очень дурно.... въ немъ ошибалась; но не могу, не въ силахъ перемѣниться.

Подснѣжниковъ. Вотъ рѣдкое великодушіе!.. Мнѣ жаль васъ. Въ то самое время, въ ту самую минуту, когда вы говорите о любви своей къ нему (*входитъ Резинкинъ и останавливается у двери, не замѣченный Груней и Подснѣжниковымъ*), онъ любуется своимъ новымъ платьемъ, сидитъ подлѣ своей нареченной, цалуется съ нею.... шаферъ пріѣхалъ звать ихъ въ церковь.... Вотъ они идутъ....

Груня. Въ церковь?... Гдѣ, гдѣ? вы видите? (*Бросается къ окну*). Да... да... идутъ къ вѣнцу... вонъ... (*Указываетъ рукой; немного погодя*). Нѣтъ, я ничего не вижу... мнѣ почудилось... вы меня обманули... Вѣдь, это неправда?... Ради Бога, скажите, что это неправда!

Резинкинъ. Неправда! этотъ горемычный не любуется своимъ новымъ платьемъ, не цалуется съ дурой невѣстой, не пошолъ съ нею въ церковь и не пойдетъ.... Онъ пришолъ сюда, въ своемъ старомъ сюртукѣ съ худыми локтями, при-

Digitized by Google

могъ вымолить кровавыми слезами прощеніе у ногъ вашихъ, Аграфена Силаевна, а потомъ — будь воля Божія!... Груня, вспомни нашу прежнюю любовь....

Груня. Александръ Пареенычъ.... Саша, тебя ли я вижу?... дай мнѣ образумиться.... Такъ, это ты; ты не женишься на другой; ты меня любишь по прежнему?...

Резинкинъ. И не переставалъ васъ любить. Я думалъ, что вы сами перемѣнились. Не знаю, что со мною было.... я съ ума сходилъ.

Груня. Все забыто, все!... Вотъ видишь, деньги пропали; но твое завѣтное колечко цѣло, здѣсь все это время лежало на груди моей, у сердца моего....

Резинкинъ (*встороиу*). О! теперь я ожилъ!

Груня. Подите же сюда, сюда.... (*Садится на стулъ и навертываетъ Резинкину на руки мотокъ нитокъ*). Возьмите этотъ мотокъ на руки.... такъ.... я хочу еще быть счастлива, по прежнему.... Разскажите, какъ мы поѣдемъ съ вами на даровой подводѣ въ свой станъ.

Резинкинъ. Вотъ, Аграфена Силаевна... мы... ѣдемъ.... ѣдемъ.... въ свой станъ.... мужики и бабы.... для васъ ягодки.... колокольчикъ.... Къ начальнику?... солдатъ!

Digitized by Google

Груня (*испуганная, оставаясь*). Вы сказали, солдатъ? Что такое?... Ужъ не въ самомъ ли дѣлѣ?

Резникинъ. Нѣтъ, нѣтъ, Аграфена Силаевна, я все еще въ бреду.... дайте мнѣ собраться съ духомъ, съ мыслями....

Подснѣжниковъ (*сторону*). Нелѣпо мнѣ играть здѣсь глупую комедію! Не ужъ ли этотъ Резникинъ будетъ благороднѣе меня?... (*Вслухъ*) Жаль мнѣ васъ стало, друзья мои! Иду къ начальнику твоему, Резникинъ, и буду стараться выкупить тебя изъ бѣды и устроить ваше счастіе. Можетъ быть, есть еще время. (*Уходитъ*).

Груня (*вслѣдъ ему*). О, будьте великодушны, спасите его! Если бы не стыдно было, я сама бы пошла.

ЯВЛЕНІЕ V.

Груня, Резникинъ и Муха.

Муха. Его превосходительство прислалъ меня къ тебѣ, Александръ Парѳенычъ, и приказалъ тебѣ явиться къ нему.

Резникинъ. Ты не знаешь, за чѣмъ? что тамъ дѣлается?

Муха. Просто, какъ на пожарѣ. Тамъ была у

Digitized by Google

него мать твоя, Поддевкина, отецъ Аграфены Силаевны. Крикъ, брань, плачъ, не поймешь ничего. Не сладитъ съ ними и самъ начальникъ: говоритъ, лучше имѣть дѣло съ чортомъ, чѣмъ съ сердитыми бабами. (*Тихо Груня, жмая ей*). Не пугайтесь, Аграфена Силаевна; повѣрьте, нашъ братъ изъ воды сухъ вынырнетъ. (*Резинкину тихо*) Лососинину и Гривенничкину велѣно подать въ отставку; наша судьба съ тобой виситъ на волоскѣ: лакей, что былъ въ трактирѣ, все разсказалъ своему барину.

Резинкинъ. О! я пропалъ.... прощай, Груня!

Груня (*удерживая его, Мухѣ*). Ради Бога, скажите, что тамъ такое; не томите.

Муха. Не дерзаю говорить ни хорошаго, ни дурнаго, самъ ничего не вѣдаю.

Груня. Александръ Парѳенычъ! если судьба ваша зависитъ отъ меня, простимся.... ступайте къ своей невѣстѣ, поведите ее къ вѣнцу и — будьте счастливы.

Резинкинъ. Нѣтъ, лучше пропадай моя голова! (*Входитъ Мамаевъ и Резинкина*).

Муха. Вотъ эти должны знать больше меня.

Digitized by Google

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же, Мамаевъ и Резинкина.

Мамаевъ (*тихо, Резинкиной*). Смотри у меня, языкъ на привязи. (*Громко*) А, красноперый ужъ здѣсь! Вонъ, вонъ; да кстати, возьми съ собой и дочь мою.... Неугомонная! видно, съ нею не сладишь. Груня, поцалуйся съ нимъ.... я тебѣ приказываю, поцалуй жениха своего (*Груня и Резинкина колеблются*). Ну, сватья, прикажи ужъ и сыну своему.... вишь, какъ его напугала, не смѣетъ безъ твоего капитанскаго приказа.

Резинкина. Благословляю тебя, Сашенька (*Груня и Резинкина цалуются*). Господь поладилъ все къ лучшему. Поди ко мнѣ, Груня дочка моя, помиримся, да ужъ и навсегда. (*Обнимаетъ ее*). Чтобъ о старомъ и помину не было!

Груня. Боже мой! не во снѣ ли это вижу. (*Бѣжитъ обнимать отца*).

Резинкинъ. Боюсь обезумѣть отъ счастія.

Мамаевъ. Нѣтъ, братъ, отъ счастія съ ума не сходятъ.

Муха. Говорите же, какъ это дѣло имѣло теченіе.

Мамаевъ. Разскажу все по порядку, только не сбивайте меня. И безъ того здѣсь и тутъ

Digitized by Google

(показываетъ на голову и сердце) будто жернова мелютъ. — Вотъ видишь, Груня: смотря на твои слезы, у меня въ груди больно разгорѣлось. Быть бѣдѣ, подумалъ я, изнываетъ она, сердечная, словно зажженная лучинушка на вѣтру; пожалуй, наложитъ на себя руки. Эхъ, говорю я самъ съ собой: у набольшаго-то командира есть дѣти— есть у него и сердце; паду ему въ ноги, да и раскрою передъ нимъ душу свою. Прихожу; а у него, говорятъ, такой обычай, коли кто изъ простаго народа пришолъ, такъ веди его перваго къ нему, хоть бы графы и князья дожидалися. Тутъ нимыгъ ко мнѣ какой-то бойкій ланей и говоритъ мнѣ: ступай смѣлѣе; я разскажалъ барину все, что было въ трактирѣ; онъ на вашей сторонѣ. Вотъ я и вошолъ... а у самого жилки трясутся. Слышу Поддевкина кричитъ: опозорилъ дѣвку, вели, батюшка, къ вѣнцу вести, не то лобъ забрить обманщику, озорнику. А эта..... *(показывая на Резникину)*: говорить ли, сватья?

Резникина. Не мути души моей; сказано, чтобъ о прошломъ и помину не было.

Мамаевъ. Быть такъ. Спрашиваетъ меня набольшій-то: у тебя дочка барышня? А голосъ-то у него такъ въ душу теплою струею и льется.— Зовутъ ее барышней, ваше превосходительство,

Digitized by Google

а доля у ней хуже крестьянской. — «Любитъ ли она Резникина? будетъ ли съ нимъ счастлива?» спрашиваетъ меня. — Души другъ въ другѣ не чаютъ; а гдѣ любовь, тамъ и счастіе, говорю я. Знаешь, Груня, вспомнилъ прошлые золотые деньки мои съ покойной твоей матерью. Тутъ онъ повелъ рѣчь къ ней (*указавъ на Резникину*): говори, сватья!

Резникина. Только что вымолвилъ: Старушка! да положилъ руку мнѣ на плечо, я ужъ готова была пасть ему въ ноги, да сказать: повели, батюшка, ваше превосходительство, все сдѣлаю въ твою угоду. — Старушка, говорилъ онъ, что вложено рукою Божьей въ сердце, того не вырвать человѣческая воля. Благослови-ка сына своего на союзъ съ барышней; я у него самъ буду отцомъ посажонымъ. А ты, госпожа Поддевкина, перестань тревожить ихъ; вотъ тебѣ, между нами, сто рублей за твои убытки. Дочкѣ твоей постараемся сыскать женишка, да постепеннѣе; этотъ ей не пара, озорникъ и вѣтренникъ.

Резникинъ. Могъ ли я ожидать такой благодати!

Груня. Матушка, ты *тамъ* вымолила для меня эти радости!

Мамаевъ. Въ глазахъ у меня отъ слезъ поту-

Digitized by Google

тилось, инда не помню, что было послѣ того. Только, какъ выходилъ я отъ начальника, было у меня на умѣ отблагодарить слугу, угостить его въ трактирѣ, да.... вспомнилъ свое заклятіе. Смекнулъ, нечистый хочетъ со мною шутку сшутить, плюнулъ.... а тутъ, будто изъ земли вырось, стоитъ передо мною офицеръ при шпагѣ, сунулъ мнѣ двѣ грамотки въ руку и говоритъ: отдай ихъ Резинкину. Вотъ читай, не про меня писано.

Резинкинъ (*развертывая бумаги*). Одна объ опредѣленіи меня письмоводителемъ къ становому, другая.... разрѣшеніе на мою свадьбу съ дѣвицей Мамаевой, по прозванію барышня. Вотъ теперь-то «ѣхалъ чижикъ въ лодочкѣ!»

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же, Липина и Ванечка *съ огромною корзинкою въ рукахъ.*

Липина. Я знала, что найду васъ всѣхъ въ радости. Но, какъ сказала мадамъ де-Севиньи въ образцовыхъ письмахъ своихъ къ дочери: добро не надо дѣлать въ половину. Съ помощію моихъ знакомыхъ, собрала я на ваше домашнее заведеніе сто руб. серебромъ, да Подснѣжниковъ,

Digitized by Google

отыскавъ меня, положилъ столько же въ твою свадебную корзинку. Тутъ же найдешь и богатый подвѣнечный нарядъ. Обними меня, Груня, дочка моя, дитя моего сердца!

Груня. И всегда ваша, моя добрая, вторая мать!

Липина. Мое воспитаніе тебѣ пригодится; какъ я тебя передѣлала, такъ передѣлай и муженька своего.

Резинкинъ (*разсматривая въ корзинкѣ свадебный нарядъ*). Вотъ теперь-то, Аграфена Силаевна, поведу васъ къ вѣнцу, въ кружевахъ, въ увалѣ, въ фалборахъ и поѣдемъ въ свой станъ....

Липина. Въ моей коляскѣ.

Мамаевъ. Благодарю тебя, милосердый Боже! ты услышалъ мою молитву... Смотри жъ, старикъ, не забудь своей клятвы, не накличь новой бѣды на голову дочери.

Digitized by Google

Digitized by Google

ГОРБУНЪ,

ДРАМА ВЪ ПЯТИ АКТАХЪ.

(1829 года).

Digitized by Google

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Павелъ Ивановичъ Кремоновъ, помѣщикъ.
Вѣра Павловна, дочь его.
Аполлонъ Павловичъ, сынъ его, горбунъ.
Александръ Андреевичъ Радугинъ, отставной гвардіи полковникъ.
Елисавета Андреевна, сестра его.
Гавріла Силаевичъ Мошнинъ, купецъ.
Каспаръ Ивановичъ Шафъ, бывшій гувернеръ въ домѣ Кремонова.
Остановъ, предводитель дворянства.
Громодеринъ. } помѣщики.
Курилкинъ. }
Пурышковъ. }
Сотовъ. }
Тузинъ. }
Перемяткинскій. }
Казявкинъ, засѣдатель суда.
Македонскій, секретарь суда.
Слѣдственный приставъ.
Слуга, въ домѣ Кремоновыхъ.
Слуга, въ домѣ Радугиныхъ.
Староста.
Молодой крестьянинъ.
Истопникъ.
Жена, дочь и дѣти Мошнина.
Мальчикъ.
Крестьяне, солдаты, музыканты и пѣсенники.

Дѣйствіе происходитъ въ одной изъ отдаленныхъ отъ столицъ губерній, въ глуши Россіи; первый актъ въ одномъ изъ девяностыхъ годовъ XVIII столѣтія, слѣдующіе акты черезъ 8 мѣсяцевъ.

Digitized by Google

АКТЪ I.

Сцена представляетъ комнату въ деревенскомъ господскомъ домѣ. Окна запушены снѣгомъ; съ одной стороны печь, съ другой обширный каминъ. Небогатая мебель; одинъ уголъ загораживаютъ ширмы. Корпусъ часовой безъ часовъ. — Утро.

ЯВЛЕНІЕ I.

КРЕМОНОВЪ, ВѢРА ПАВЛОВНА и АПОЛЛОНЪ ПАВЛОВИЧЪ, *всѣ входятъ въ дорожной зимней одеждѣ.*

АПОЛЛОНЪ ПАВЛОВИЧЪ (*дѣлая гримасу, наступаетъ на полу сестриной шубы, которую она въ хлопотахъ спустила*).

ВѢРА ПАВЛОВНА (*грозя ему пальцемъ, ласково*). Полно, Аполлонъ, шутить!

АПОЛЛОНЪ ПАВЛОВИЧЪ (*съ глубокимъ уваженіемъ*). Виноватъ, сударыня! Чтожъ мнѣ и дѣлать?

Digitized by Google

Это высокія занятія моей жизни! Кстати великолѣпной встрѣчѣ, которую намъ дѣлаютъ наши подданные!... (*озираясь*) Какой дворецъ!... (*осмотрѣвъ печати на боковыхъ дверяхъ и корпусъ часовой и не скидая съ себя теплой одежды, садится въ кресла*).

Кремоновъ. Почему сюда?... Зачѣмъ загорожена эта дверь?... Не понимаю. (*Скидая съ себя шубу*) Какъ бы то ни было, наконецъ, благодареніе Богу, мы въ пристани!... Легко сказать, слишкомъ тысячу верстъ по снѣжнымъ сугробамъ и ухабамъ! Особенно нынѣшняя ночь дала намъ знать о себѣ. Уфъ! какой морозъ! Всѣ члены окостенѣли. Кажется, еслибъ не мысль, что мы пріѣдемъ къ себѣ въ теплый уголъ, что мы хоть нѣсколько отдохнемъ здѣсь отъ бурь житейскихъ... такъ убаюкалъ бы меня холодъ на вѣки. И еслибъ не ты, Вѣрочка, душа моя (*вздыхаетъ*), право, бы пора!

Вѣра Павловна. Полноте, папа, смущать себя печальными мыслями. Мы здѣсь заживемъ прекрасно: хозяйство, прогулки, книги.... (*останавливается въ смущеніи*).

Кремоновъ. И что еще? Жадные заимодавцы на все налетѣли, какъ саранча, и листка нотнаго не оставили.

Вѣра Павловна. Нѣтъ, я хотѣла сказать: и

Digitized by Google

пріятное сосѣдство. Вы знаете, что Лиза Радугина живетъ верстахъ въ четырехъ отъ насъ. Какъ скоро отойдутъ руки отъ холода, пошлю вѣсточку о нашемъ пріѣздѣ.

Кремоновъ. Дай мнѣ свои ручки, мой ангелъ, я ихъ отогрѣю. Нѣжный, прекрасный цвѣтъ мой, боюсь, чтобъ ты не заглохъ въ здѣшней пустынѣ (*Береть ея руки и грѣеть ихъ своимъ дыханіемъ*) Но... здѣсь, кажется, худо топлено.

Аполлонъ Павловичъ (*иронически*). Наконецъ изволили догадаться!

Кремоновъ (*дочери*). Пойди въ свою комнату, тамъ, вѣрно, потеплѣе.... Ты жъ цѣлую ночь не спала; надо тебѣ и отдыхъ. (*Цалуетъ ее въ лобъ и благословляетъ; Вѣра Павловна уходитъ, кивнувъ ласково брату*).

ЯВЛЕНІЕ II.

Кремоновъ и Аполлонъ Павловичъ.

Кремоновъ (*встороиу*). Какая кротость! какое ангельское терпѣніе! Во всю дорогу и виду не подала, что страдаетъ.... А страдаетъ она много, очень много за несчастнаго отца, за урода, злаго брата, который уморилъ мать свою, и... на долю

Digitized by Google

ея самой довольно причинъ для горести! Радугинъ только-что сдѣлалъ предложеніе и долженъ былъ идти въ походъ. Партія была прекрасная: хорошъ, уменъ, богатъ, влюбленъ въ нее безъ памяти.... Да, была прекрасная партія! кто поручится, что она состоится....

Время, непостоянство, война... самая гордость Вѣры въ нашихъ обстоятельствахъ.... сколько противныхъ шансовъ!... Радугинъ зналъ насъ въ Петербургѣ за богатыхъ людей, а теперь отъ 1000 душъ только и осталось, что этотъ бѣдный уголокъ. Видно, надо сказать прости и счастію Вѣры. (*Взглянувъ на сына, обращается къ нему съ сердцемъ*) Ты что не скидаешь своей епанчи, словно камчадалъ?

Аполлонъ Павловичъ. Въ жаркихъ странахъ востока носятъ же шапки и мѣховыя одежды. А мы развѣ не на востокѣ? Такъ и палитъ!... Полюбуйтесь, какими чудными узорами разрисованы стекла, видно по-восточному!...

Кремоновъ (*съ неудовольствіемъ*). Въ самомъ дѣлѣ, что-то не тепло.... (*пожимается и потираетъ руками, потомъ ощупываетъ стѣнку печи*) Да, кой-чортъ, здѣсь нынче не топлено!.. (*надѣваетъ опять теплую одежду*). Эй, кто тамъ?... Брръ.... А еще за мѣсяцъ послалъ строгій приказъ все хоро-

Digitized by Google

немного изготовить къ нашему пріѣзду. Бездѣльники! видно, всѣ спились съ кругу.... Эй *(обращаясь къ сыну)*, горбунъ, чтожъ ты не позовешь кого?

Аполлонъ Павловичъ *(медленно пробираясь къ двери)*. Горбунъ! уродъ!... вотъ пріятные эпитеты дорогому сынку, наслѣднику знаменитаго имени и богатства господина Кремонова. *(Отворяетъ дверь, но останавливается на порогѣ, услышавъ за ней шумъ и ссору; когда входятъ новыя лица, возвращается и спокойно садится въ кресла)*.

ЯВЛЕНІЕ III.

Кремоновъ, Аполлонъ Павловичъ, Староста и Слуга.

Староста. Больно отважонъ!.. питерская голь, вымолоти-ка сперва на обухѣ рожь.

Слуга. Пойдемъ же къ барину на раздѣлку. *(Тащитъ его въ комнату)*.

Староста. Чтожъ? идемъ!... мы-ста и боярина не боимся: у насъ есть опекунъ.

Кремоновъ. Опека!... Неужели и этого недоставало. *(Обращаясь къ пришедшимъ)* Что это за шумъ?

Digitized by Google

Слуга. Дровъ, сударь, не даетъ... чего не бывало, держитъ въ сарaѣ подъ замкомъ.... У Вѣры Павловны въ комнатѣ хоть волковъ морозить. Мужикъ, степнякъ, грозится еще какимъ-то опекуномъ.

Кремоновъ. Неловко шутишь, старина! ты, кажись, былъ мужикъ умный, а теперь словно дурману объѣлся. Развѣ ты меня не знаешь?

Староста. Какъ-ста не знать, батюшка, ты былъ нашимъ бояриномъ, да вотчина твоя, не осуди, отошла подъ опеку. Вотъ что, осударь, безъ тебя доспѣлось. Пaѣхалъ.... какъ бы не обмолвиться.... дня за два до Николы съ мостомъ, засѣдатель изъ городу, да съ нимъ куроцапъ приказный, да понятыхъ съ десятокъ, собрали мірскую сходку, да и прочли намъ грамотку: по указуде великаго государя, вотчины Павла Ивановича, за долгъ купцу Мошнину, отбираются подъ запретъ и подъ опеку...; какъ бишь боярина-то зовутъ! *(почесывается)* Мелочь такая!... Баютъ, за тѣмъ-де и выбрали такого голенькаго, чтобъ оперился.... вѣдашь, больно жалостливы!... Охъ! какъ бишь?... окаянный, такъ и вертится около рта.... *(Хватаетъ себя за бороду).*

Аполлонъ Павловичъ *(всторону)*. Гдѣ у иныхъ выручаетъ голова, у русскаго мужичка борода. А

Digitized by Google

мы все-таки отъ холоду зубами щолкаемъ. Терпѣніе ангельское!

Староста. Те, те, те, Пурышковъ, батюшка.

Кремоновъ. Пурышковъ?... Этотъ мерзавецъ, который подписался подъ фальшивое завѣщаніе и скрываетъ у себя бѣглыхъ!

Староста. Ему-де повинуйтесь, и его ни въ чомъ ослушаться не смѣйте; чтобы ни попрошалъ, все давайте: пойдетъ, дескать, все въ казну, да на уплату долговъ боярскихъ. А стараго господина Павла Иваныча отнюдь не слушаться; кроху прошать будетъ и за тое бѣда вамъ. Почали все описывать, да печати прикладывать. Тутъ неча мнѣ было дѣлать, показалъ я твой боярскій приказъ, чтобы топили печи и снаряжали все въ палатахъ, какъ было допрежъ. И, Господи помилуй, пошолъ дымъ коромысломъ, хоть святыхъ вонъ выноси: осерчалъ засѣдатель, аки звѣрь голодный, разорвалъ зубами въ клочки твой приказъ, да истопталъ ногами, да бросился на меня: «Али тебѣ палками вколотить разумъ—крикнулъ онъ:—сказано разъ, такъ не переспрашивай.... Велятъ колоколъ снять языкомъ съ колокольни, снимай. Оставь своему Павлу прихожу, да заднюю коморку къ саду, да боярышнѣ на бальзаминѣ конуру — будетъ съ нихъ, нищихъ.—И почалъ, почалъ, ба-

Digitized by Google

тюнки, аки сердитый жерновъ. Того и гляди, тутъ-те измелетъ въ порошинку! Насилу, осударь, отъѣхали отъ него десяткомъ куръ, да сотней яицъ, да тремя поросятами, да ведеркой вина.... Все здѣсь и скушали вдвоемъ, ажно ужасъ взялъ. Замертво свезли въ городъ.

Кремоновъ (*всторону*). Боже! и сюда гнѣвъ твой меня преслѣдуетъ. (*Вслухъ*) Это должно быть ошибка... или плутни... все это перемелется.... я привезъ съ собою много денегъ изъ Питера.... На дняхъ же снимутъ опеку.... Ну, а люди гдѣ? почему не видать ни одного?

Староста. Фильку сапожника взялъ въ услуженіе засѣдатель, Афоньку швейца секретарь, Праскуту отдали боярынѣ, что подарки беретъ за судью, а прочихъ, кого разсовалъ опекунъ по пріятелямъ, въ губерніи, да у своей милости оставилъ. Съ того случая не урѣжаетъ къ намъ, то жеребца сведетъ съ боярской конюшни—пиши земской: «околѣлъ!» то отъ садовщика поберетъ изъ теплицы дорогія деревья — пиши: «позасохли». По завчора велѣлъ разбить стеклышко въ кладовой, только—что руку просунуть, да и втиснулъ туда своего мальчугана, крѣпостнаго — востеръ ноетрѣленокъ!.. диву дались... вползъ и выползъ, аки змѣенокъ, да вынесъ ложекъ пары двѣ. Гово-

Digitized by Google

ри: «кошки разбили стекло, а мыши-де таскаютъ серебро». Поперечить не смѣй: баютъ не намъ, а въ губернію.

Аполлонъ Павловичъ. А въ губерніи скажутъ: не намъ, не намъ.... маслянный комъ катится и растетъ, у сбивальщиковъ все-таки на рукахъ малая-толика остается.

Староста. Обмолвись, такъ и въ преисподнюю засадятъ.

Кремоновъ. Ну, полно, староста, голубчикъ... вели пожалуйста дровъ хоть къ дочери на верхъ.

Староста. Свято-слово, не могу: здѣсь, батюшка, дрова дороже хлѣба — соломкою топимъ.

Кремоновъ. Судъ приказалъ отвесть намъ комнаты, такъ и дрова не заказалъ давать. Не колѣть же, какъ собакамъ на дворѣ!... (*Дуетъ въ пальцы*) Ей Богу, сердце захватило отъ стужи.... Бѣдная Вѣрочка!... Только беремя съ два небольшихъ.... Добрый староста, не кобенься-же.... когда-нибудь вспомнимъ твою услугу.

Староста. Радъ бы всей радостью, да страшно опекуна и суда. Видитъ Богъ, не могу.... коли непротивно милости твоей, пожалуй къ намъ въ избу.

Аполлонъ Павловичъ (*схватываетъ со стола пистолетъ и, наставляя на старосту, вскрикиваетъ*).

Digitized by Google

Дровъ, мошенникъ, сейчасъ, мигомъ дровъ, или я тебѣ размозжу голову, да чучелу твою отправлю въ судъ.

Староста (*униженно кланялся*). Слушаю, ваше благородіе.... про твою милость што угодно.

Аполлонъ Павловичъ (*слугѣ*). Не отставай отъ него, пока не принесетъ, что потребуешь. Убьешь, я отвѣчаю.

Староста (*уходя за слугой тихонько*). Экой страшный, да грозный! Такъ и жилки затряслися.

явленіе IV.

Кремоновъ и Аполлонъ Павловичъ.

Кремоновъ (*про себя*). Послѣднія мои надежды разсыпались въ прахъ!... Къ чему приступлю теперь?... У себя въ домѣ я чужой; изъ милости даютъ мнѣ уголъ... узнаютъ Радугины: Боже, какой стыдъ! Въ карманѣ нѣсколько сотенъ рублей: на долго ли станутъ?... А тамъ неужели протянуть руки и просить о кускѣ хлѣба для себя и дочери?... Скорѣе петлю!... Что станется съ Вѣрочкой?... (*плачетъ*).

Аполлонъ Павловичъ (*всторону*). Вотъ этакъ всю жизнь—слабость, неумѣстная доброта, бес-

Digitized by Google

печность, а послѣ стонаетъ, да охаетъ. Берегъ бы денежку на чорный день и не такъ часто купался бы въ стерляжьей ухѣ и шампанскомъ.

Кремоновъ. Какъ на бѣду, я далъ ей воспитаніе отъ милліоннаго состоянія. (*вслухъ*) Что будетъ она дѣлать?

Аполлонъ Павловичъ. Вѣра? то же, что и мы: голодать и ощипываться. Какъ и мы, грѣшные, протянетъ руку и запищитъ, вмѣсто tante palpiti, сжальтесь, добрые люди.

Кремоновъ. Молчи, змѣя подколодная, или я своими руками....

Аполлонъ Павловичъ. Не душите; можетъ быть, еще пригожусь для васъ и вашей Вѣрочки. Славный рисовальщикъ, славный калиграфъ, помилости вашей и моего горба, я безъ хлѣба не останусь.

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же и Слуга.

Слуга (*Кремонову*). Вѣра Павловна проситъ васъ къ себѣ; у ней затоплена печь и самоваръ поданъ.

Кремоновъ (*съ восторгомъ*). Чай?... Это пре-

Digitized by Google

красно!... Что, Ларивонъ.... не осталось ли у насъ.... ананаснаго рому?

Слуга. Послѣднія капли выпили на станціи за Чистополемъ.

Кремоновъ. Кудабъ хорошо!... что дѣлать? нѣтъ, такъ нѣтъ! (*хочетъ выдти, на встрѣчу ему Шафъ, который останавливается въ дверяхъ; при видѣ этого новаго лица, въ какомъ-то ужасѣ останавливается и Кремоновъ*).

явленіе vi.

Тѣ же и Шафъ.

Шафъ. Этотъ испугъ для меня не добрый знакъ.

Кремоновъ. Каспаръ Иванычъ?.. Ты ли это?.. Какими судьбами? (*обнимаетъ его*).

Шафъ. Ужъ, конечно, я, Каспаръ Шафъ, бывшій гувернеръ въ вашемъ домѣ, я собственной персоной. А это мой бывшій ученикъ, мой милый Аполлонъ? (*обнимаются*). Какой сталъ молодецъ!

Аполлонъ Павловичъ. Хоть прямо въ гвардію горбатыхъ!

Шафъ. Помнишь ли, какъ я диралъ тебя за уши?

Digitized by Google

Аполлонъ Павловичъ. И за незнаніе урока подчивалъ мою собственную персону сладкими грушами (*показываетъ руками, какъ онъ билъ его линейкой*). Какъ забыть эти нѣжности!...

Кремоновъ. Садись-ка, дорогой гость, и побесѣдуемъ: мы старые друзья! Извини, холоднень-ко здѣсь.... Мерзавцы худо топятъ.... (*садится на диванъ*). Ну, разскажи, мой добрый Каспаръ Иванычъ, зачѣмъ съ береговъ Рейна?... въ нашу глушь?

Шафъ. Вы это должны хорошо знать, Павелъ Ивановичъ.

Кремоновъ. Я?... ей Богу, не знаю.... (*слугѣ*) Скажи Вѣрѣ, что буду сейчасъ съ Каспаромъ Иванычемъ.

Шафъ. Позвольте, я вамъ разскажу всю исторію съ того времени, какъ оставилъ домъ вашъ. Извините, я нѣмецъ и люблю пунктуальность. Вы знаете, что я прожилъ, десять лѣтъ въ вашемъ домѣ, милостивый господинъ, сначала дядькою, потомъ гувернеромъ и учителемъ.

Аполлонъ Павловичъ. Пунктуальность требуетъ пояснить въ формулярѣ вашемъ: былъ сперва словолитчикомъ.

Шафъ. Да, въ знаменитой майнцской типогра-

Digitized by Google

фіи, основанной самимъ Гутенбергомъ.... горжусь этимъ, государь мой.

Аполлонъ Павловичъ. Прибавьте: потомъ бумажнымъ фабрикантомъ.

Шафъ. Чтожъ, и это не дѣлаетъ мнѣ стыда. Въ ваши лѣта, государь мой, я не ѣлъ даромъ хлѣба.

Аполлонъ Павловичъ. Вы были не уродъ!..

Шафъ. И такъ, послуживши гувернеромъ и учителемъ, я накопилъ честными трудами, великою экономіей....

Аполлонъ Павловичъ. Помню, какъ вы прятали въ сундукъ кусочки сахару, которые вамъ отпускали къ чаю и кофею, и пили чай и кофей безъ сахару, а послѣ экономію продавали въ трактиры.

Кремоновъ. Не слушай этой злой обезьяны.

Шафъ. О! экономія великое дѣло: съ нею наживаютъ милліоны, а я накопилъ десятокъ тысячъ. И за тѣ благословлялъ моего Господа. Вы не забыли, конечно, милостивый господинъ, что эту важную сумму, все мое богатство, цѣль и награду всѣхъ моихъ трудовъ, отдалъ я вамъ на сохраненіе.... кто бы не повѣрилъ вамъ? я жилъ такъ долго въ вашемъ домѣ, вы были очень богаты....

Digitized by Google

я былъ обязанъ вамъ признательностью за хорошее со мною обращеніе.

Кремоновъ. Не забылъ.

Шафъ. Помните, когда я поѣхалъ изъ Россіи, вы дали мнѣ слово прислать всю капитальную сумму въ слѣдующій годъ.

Кремоновъ. Да, кажется.... такъ.

Шафъ. Не кажется, а точно такъ. Я честный нѣмецъ и не солгу ни за милліоны. Пріѣхавъ въ свое отечество, я женился.... Тогда на денежки, которыя съ собой привезъ, и на тѣ, которыя мнѣ должно было отъ васъ получить, купилъ я себѣ домикъ и виноградникъ на берегу Рейна. Проходитъ годъ, Гретхенъ даритъ меня дочкой — вы присылаете мнѣ, вмѣсто капитальной суммы, проценты. Убѣждаю моего кредитора подождать— ждетъ.... Проходитъ еще годъ — отъ Гретхенъ сынокъ, отъ васъ ни капитала, ни процентовъ.... Кредиторъ мой тормошитъ меня—продаю клочокъ виноградника, отрываю кусокъ отъ собственнаго тѣла, обрѣзываю свои расходы, и на время спокоенъ. Еще годъ — отъ Гретхенъ еще сынокъ, отъ васъ ни слуху, ни духу, какъ говорятъ русскіе. Пишу, пишу, нѣтъ отвѣта. Кредиторъ мой грозитъ мнѣ тюрьмою, дѣти, жена, старушка мать просятъ хлѣба и одежды.... Продаю свой

Digitized by Google

домъ, свой виноградникъ. Можете вообразить, какъ я разставался съ ними.... каждый уголъ въ домѣ, каждую лозу оплакали.... Нищета, голодъ дѣтей, изнуреніе жены, горесть матери, тюрьма, вотъ что меня ожидало за тѣмъ. Понимаете ли, государь мой, страданія женщины, которую нѣжно любишь, матери, кормившей васъ своею грудью, стоны маленькихъ дѣтей, умирающихъ отъ холоду и голоду? Понимаете ли, сударь, стыдъ тюрьмы?.. О, я не выдержалъ даже мысли о такой будущности и рѣшился оставить отечество и идти пѣшкомъ въ Россію, къ вамъ, Павелъ Иванычъ. Я не одинъ передъ вами — съ женою, съ тремя дѣтьми, со старушкою матерью.

Кремоновъ. Чувствую все ваше горе.... но зачѣмъ это?... Я бы и самъ.... Да развѣ не получали.... моей послѣдней посылки?... мѣсяцевъ пять этому назадъ?

Шафъ. Я сказалъ ужъ вамъ, не получалъ.

Кремоновъ. Однакожъ, посланы чрезъ банкира петербургскаго.... Охъ! какъ, бишь, его имя?

Аполлонъ Павловичъ (*встороиу*). Банкиръ Нотъ — знаменитый!... и такой услужливый!... особенно къ тѣмъ, кто къ нему напрашивается...

Шафъ. Позвольте сказать съ должнымъ уваженіемъ къ вашему лицу и сану: неправда, мило-

Digitized by Google

стивый господинъ, неправда грѣхъ великій: я вездѣ справлялся....

Кремоновъ. Можетъ быть, плутъ управитель обманулъ меня.

Шафъ. Хочу вѣрить для чести вашей, только я денегъ не получалъ. Позвольте же далѣе.... простившись съ семействомъ, будто шолъ на смерть, я отправился въ путь.... Въ Вѣнѣ у меня не было ужъ крейцера въ карманѣ.... хоть броситься въ Дунай!... Я объ этомъ ужъ помышлялъ.... На счастье мое прискакалъ къ императору австрійскому русскій курьеръ съ депешами изъ арміи. Являюсь къ нему.... разсказываю свои обстоятельства.... онъ даетъ мнѣ кошелекъ съ золотомъ, разумѣется, въ долгъ; мое честное слово ему заложено.... этотъ курьеръ, кто бы вы думали?... адъютантъ великаго Суворова, этотъ адъютантъ—господинъ Александръ Андреевичъ!..

Кремоновъ (*съ величайшимъ смущеніемъ*). Ужъ не....

Аполлонъ Павловичъ. Конечно, нашъ рыцарь Радугинъ. Потѣшно!

Шафъ. Такъ и есть.... Радугинъ, благороднѣйшій изъ смертныхъ. Имя его записано здѣсь, въ сердцѣ моемъ; дѣти мои затвердятъ его въ молитвахъ своихъ. Отдавая мнѣ деньги, онъ взялъ

Digitized by Google

съ меня слово не разглашать о дѣлахъ моихъ съ вами, и ручался мнѣ, что вы заплатите непремѣнно долгъ свой.

Кремоновъ (*всторону*). Боже мой! ему все извѣстно.... какой позоръ!... Бѣдная Вѣра, я твой палачъ. (*вслухъ*) Ужъ, конечно, заплачу, мой добрый, мой милый Каспаръ Иванычъ.... честное слово.... Я имѣю виды.... будьте снисходительны только недѣли на двѣ, на три.... Гдѣ жъ вы остановились теперь?

Шафъ. У купца Мошнина, изъ хлѣба нанялся рисовальщикомъ на его фабрикѣ. Вы должны его знать.... За искъ его наложена опека.... и это обстоятельство заставляетъ меня бояться...

Кремоновъ. О, не бойтесь... Жестокосердый! изъ хлѣба! плутъ! разбойникъ!... я докажу, что искъ его фальшивъ.... Вы первые будете удовлетворены (*входитъ слуга*).

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же и Слуга.

Слуга. Барышня приказала доложить вамъ, не забыли ли о чаѣ, и не прикажете ли сюда?

Кремоновъ. Идемъ сами. (*Отводитъ Шафа всторону*) Объясню вамъ послѣ, другъ мой, какія у

Digitized by Google

меня надежды.... я выигралъ процессъ.... на дняхъ получу резолюцію изъ Сената.... Недѣли двѣ, три не больше.... (*жметъ ему руку*).

Шафъ. Хочу вамъ вѣрить и боюсь не вѣрить: отъ одной мысли сердце леденѣетъ....

Кремоновъ. Ну ужъ я сказалъ тебѣ.... Пойдемъ же, на примиреніи выпьемъ по доброму стакану чаю.... здѣсь такъ холодно....

Шафъ. Мнѣ жарко отъ воспоминанія о моихъ дѣтяхъ и женѣ.

Кремоновъ. Только ради Бога ни слова Вѣрочкѣ.... понимаешь, она такая чувствительная... особенно о Радугинѣ.... это убьетъ ее.... я скажу тебѣ за секретъ: благодѣтель твой—женихъ ея...

Шафъ. Даю слово. У меня самого дочь; но моей нѣтъ при мнѣ (*уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Аполлонъ Павловичъ и Слуга.

Аполлонъ Павловичъ (*удерживая слугу*). Мнѣ что приказано сказать?

Слуга. Не до васъ, посидите у моря, да подождите погоды.

Digitized by Google

ЯВЛЕНІЕ IX.

Аполлонъ Павловичъ (*одинъ*). Вотъ этакъ всегда, отъ перваго до послѣдняго въ домѣ!... А кто выручилъ ихъ, какъ не я. Сосали бы отмороженныя лапы, какъ медвѣди. (*Радостно*) И у меня будутъ дрова!... я это знаю, я это видѣлъ по глазамъ старосты.... однакожъ, что-то долго не несутъ! Я весь продрогъ.... Одежда на мнѣ только именемъ теплая.... Воображеніе, благодѣтельное божество, приди на помощь слабѣющимъ силамъ и удержи хоть на нѣсколько минутъ послѣднія искры огня въ крови моей. Ты не рѣдко было моею красотою, моимъ богатствомъ и славою! не оставь меня и теперь.... Геній мой, моя фея! махни надо мною благодѣтельнымъ жезломъ своимъ и согрѣй около меня холодную атмосферу.... Дай, помечтаю.... не все ли въ жизни мечта? (*закрываетъ глаза*). И вотъ, я чувствую, благотворная теплота переливается изъ жилы въ жилу.... И вотъ я настоящій наслѣдникъ богатаго дворянина.... образованъ, хорошъ, ловокъ.... секретарь посольства.... въ будуарѣ красавицы, нѣжусь на роскошномъ диванѣ, упиваюсь ея взоромъ, который сулитъ мнѣ столько блаженства... (*вздрагивая, открываетъ глаза*). Нѣтъ, холодно, очень

Digitized by Google

холодно! Что ни пиши, а горькая существенность превозмогаетъ.... я въ какомъ-то склепѣ.... недоросль.... уродъ!... Да, уродъ!... люди счастливые, то есть съ пріятною наружностію, знаете ли, что такое уродъ? Какъ бы объяснить?... Нѣтъ, языкъ человѣческій въ милліонахъ словъ имѣетъ только одно для выраженія этого понятія!... Люди, если бъ вы понимали униженіе, тяжесть этого слова, вы обращались бы иначе съ тѣмъ, кто оклейменъ имъ. Сизифъ, Танталъ, Прометей, почему васъ всѣхъ, мучениковъ превности, не изобразили съ моей фигурой, съ моими понятіями и чувствами!.. Тогда бъ ваши страданія были понятнѣе... Но вы мнѣ, а я... (*Встаетъ и смотрясь въ зеркало съ адскою улыбкою*) Хоронь! Красавецъ!... Въ прибавку, какъ на смѣхъ, какъ бы ругаясь надо мной, назвали меня Аполлономъ.... Бельведерскій!... Ха, ха, ха! (*бросается опять въ кресла и, скрывая лицо въ рукахъ, плачетъ*).

ЯВЛЕНІЕ X.

Аполлонъ Павловичъ и Истопникъ.

Истопникъ (*приноситъ беремя дровъ и запираетъ камин. Смотря на Аполлона Павловича*). Не замерзъ ли ужь баринъ? (*осторожно толкаетъ его*) Огня принесъ.

Digitized by Google

Аполлонъ Павловичъ (*открывая лицо, радостно*). Огонь!... А.... Тепло!...

(*Истопникъ, увидавъ его лицо, перестаетъ класть дрова, встаетъ, пробирается къ двери и вонъ изъ комнаты*).

Аполлонъ Павловичъ. И даже на этого дикаря, съ грубыми, чорствыми чувствами, мое безобразіе сдѣлало впечатлѣніе. (*Кладетъ самъ дрова и греется; потомъ скидаетъ теплую одежду*).

ЯВЛЕНІЕ XI.

Аполлонъ Павловичъ и Вѣра Павловна.

Вѣра Павловна (*несетъ на маленькомъ подносѣ чайный приборъ*). Сама изготовила, сама принесла, никому не хотѣла поручить.... Думала, что Аполлоша хоть разъ въ жизни поблагодаритъ меня (*ставитъ чайный приборъ на столикъ, потомъ наливаетъ чай въ стаканъ и подаетъ брату*).

Аполлонъ Павловичъ. Благодарю. (*Прихлебываетъ съ жадностью, иронически*) Доброе сердце!.. Вы знаете, что слуги такъ настроены, что донесли бы мнѣ, отпивъ изъ моей доли.... Было у васъ это въ мысляхъ, не правда ли?

Вѣра Павловна. Нѣтъ, мнѣ хотѣлось имѣть удовольствіе самой принесть и слышать отъ тебя спасибо. (*Цалуетъ его въ голову, стоя за спинкою кресель*).

Digitized by Google

Аполлонъ Павловичъ (*отклонясь головою*). Полно притворничать!... Ну кто повѣритъ, чтобъ ты съ удовольствіемъ цаловала урода! Любятъ ли безобразіе?

Вѣра Павловна. Люблю тебя, брата моего, въ такомъ видѣ, какъ ты есть; любила бы тебя и съ пріятною наружностью, однакожъ не за нее, а потому только, что ты мнѣ братъ. Можетъ быть, почомъ знаешь? теперь люблю тебя, непригожаго, еще больше.... (*грустно*) ты несчастливъ.

Аполлонъ Павловичъ. Увольте отъ сожалѣнія. Унизительное чувство!... Поговоримъ лучше объ Александрѣ Радугинѣ. Чай, предметъ разговора для тебя непріятный?...

Вѣра Павловна. Я не скрыла отъ отца, что Александръ мнѣ нравится, какъ еще никто не нравился; почему скрывать мнѣ это отъ брата? Молодой человѣкъ съ рѣдкими достоинствами!

Аполлонъ Павловичъ. Ты не говоришь болѣе объ немъ, какъ о женихѣ. Едва ли необрученная?...

Вѣра Павловна. Да, словомъ и сердцемъ!... Но.... съ тѣхъ поръ, какъ онъ уѣхалъ, обстоятельства наши перемѣнились.... ты понимаешь униженіе бѣдности....

Аполлонъ Павловичъ. О! всякаго рода уни-

Digitized by Google

женіе, конечно, лучше другаго! А жаль.... Забавно было бъ посмотрѣть со стороны, какъ встрѣтился бы вашъ красавецъ съ орангутаномъ, съ которымъ долженъ породниться. Какъ сгорѣлъ бы отецъ! какъ устыдилась бы ты меня!.. умора, да и только!...

Вѣра Павловна. Вотъ какой ты недобрый!... Можно ли выдумывать такія обидныя мечты?

Аполлонъ Павловичъ. Мечты?... Нѣтъ, исторія, сударыня, исторія, которой каждую строку мое сердце записывало кровью. А, право, жаль!... Кто поручится за будущее, кто поручится, прекрасная Матильда, въ постоянствѣ твоего Малекъ-Аделя? Можетъ быть, геройское чело твоего жениха увито не одними лаврами....

Вѣра Павловна. Чтожъ потомъ?

Аполлонъ Павловичъ. Потомъ.... какой-нибудь Гретхенъ или Лотхенъ.... Мудрено ль.... вѣнчаютъ его своими миртами.

Вѣра Павловна. Не понимаю, что-то слишкомъ высоко!

Аполлонъ Павловичъ. Просто, онъ измѣнилъ тебѣ.

Вѣра Павловна. Александръ, такъ благороденъ, въ каждомъ словѣ его было столько любви... (*Задумывается*) Нѣтъ, нѣтъ, это не можетъ быть!

Digitized by Google

Вѣрю моему сердцу болѣе, нежели твоимъ словамъ.

Аполлонъ Павловичъ. Положимъ такъ. Но война не невѣста съ сладкими поцалуями, не супруга съ нѣжными заботами. Кто знаетъ, что она сулитъ Александру, или ужъ исполнила... Можетъ быть, чмокнулась съ нимъ такимъ кровавымъ поцалуемъ, что изуродовала по моему. Посмотри-ка на меня.

Вѣра Павловна (*грустно*). Полно, я тебя знаю. Я пришла къ тебѣ съ любовью сестры, а ты чѣмъ выгоняешь отъ себя?

Аполлонъ Павловичъ. Помилуй, мы просто разсуждаемъ, какъ друзья. Вотъ ты ужъ и разгнѣвалась. Я хотѣлъ только спросить, пошла ли бъ ты за такого урода?

Вѣра Павловна. О, конечно!... Не скрою, что я въ первыя минуты нашего знакомства съ Александромъ полюбила въ немъ красиваго, любезнаго молодаго человѣка; но теперь, я люблю только Александра. Сдѣлайся онъ уродомъ, я все-таки не перестану любить его.

Аполлонъ Павловичъ. Высоко и духовно!... А если на войнѣ убьютъ твоего красавца?

Digitized by Google

Вѣра Павловна (*въ слезахъ*). Злой человѣкъ!... Господи! не дай сбыться словамъ этого.... (*недоговаривая, уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ XII.

Аполлонъ Павловичъ (*одинъ*). Что жъ не договорила — урода?... Да, сударыня, сестрица, я люблю бѣсить другихъ.... Зачѣмъ же мнѣ одному страдать и бѣситься!... Что я, въ самомъ дѣлѣ, за исключеніе въ мірѣ! (*Немного подумавъ*) Сестра добра, и любила бъ, еслибъ я ее не сердилъ безпрестанно! Но зачѣмъ же она такъ хороша, какъ божій ангелъ, а я дуренъ, какъ сатана? Зачѣмъ всѣ ее такъ любятъ, а меня всѣ ненавидятъ, начиная съ отца и до послѣдней собаки въ домѣ? Зачѣмъ она такъ добра; зачѣмъ жалѣетъ меня?... Вотъ что меня мучитъ, что будетъ мучить до гробовой доски!.. И я могъ быть счастливъ, наслаждаться, какъ другіе люди, дарами жизни! Сказываютъ, я родился хорошъ; меня называли даже пригожимъ ребенкомъ. Что жъ? съ пріятною наружностью, съ умомъ, съ образованіемъ, съ протекціей, какое я имѣлъ право ожидать отъ моего рода и состоянія, я могъ бы теперь, въ мои лѣта, имѣть, въ самомъ дѣлѣ, почотное мѣсто въ обще-

Digitized by Google

ствѣ?... Кто жъ виноватъ, что я всего этого лишился?... Я ли самъ? моими ли ошибками, шалостями, лѣнью, пороками?... Ни мало! дурѣ-крестьянкѣ угодно было отнять у меня лучшіе дары, которыми наградила меня судьба, и тѣ, которые сулилъ мнѣ свѣтъ.... Я недоросль, униженъ, презрѣнъ, помню беспрестанно, что своимъ безобразіемъ отравилъ жизнь матери и свелъ ее въ гробъ, мерзокъ отцу, роднымъ, постороннимъ, самому себѣ, потому что глупой крестьянкѣ Марфѣ такъ угодно было. Кормилица неловко уронила меня, году, на колыбель, съ какими-то богатыми вычурами, и эти вычуры пробили мнѣ глазъ и сдѣлали меня дромадеромъ.... Однимъ словомъ, я, по милости Божьей, былъ человѣкъ, по милости крестьянки—уродъ. (*Слышенъ шумъ отъ санныхъ подрѣзовъ*). Кто-то пріѣхалъ.... спрячемся покуда въ эту конуру. (*Скрывается за ширмы*).

явленіе XIII.

Аполлонъ Павловичъ и Елисавета Андревна Радугина.

Елисавета Андревна. Никого!... какъ пышно жили въ Петербургѣ, а теперь.... пусто, хо-

Digitized by Google

лодно, бѣдно.... въ этой несчастной комнатѣ принимаютъ. Окошки намерзли на вершокъ.... печати на дверяхъ!... Хорошо еще, что нашлось зеркальце, гдѣ бы посмотрѣться (*смотрится въ зеркало*). Бѣдная Вѣра! какъ должна ты страдать!... Знаю, положеніе ихъ не измѣнитъ намѣреній брата, но... это униженіе бѣдности для нея... ужасно!... Надо вырвать ее отсюда во чтобъ ни стало; постараюсь убѣдить ее, хоть на недѣлю, пока отецъ найдетъ средство снять проклятую опеку. Тетушка велѣла уговорить; она любитъ ее, какъ дочь свою. А я.... готова увезти ее силой. Идутъ, кажется.... скроемъ отъ нихъ, что мнѣ извѣстны ихъ обстоятельства. (*Аполлонъ Павловичъ показывается изъ-за ширмъ, Елисавета Андревна, увидавъ его, вскрикиваетъ*).

Аполлонъ Павловичъ. Испугались, чего?... человѣка?... самаго высокаго, благороднѣйшаго созданья Божьяго?

Елисавета Андревна (*въ смущеніи присѣдая*). Извините.... такъ нечаянно.... я думала.... одна въ комнатѣ.... вы такъ неожиданно показались... (*встороиу*) Мнѣ говорили, что онъ дуренъ, но—до такой степени — я никогда не воображала. Онъ просто ужасенъ!...

Digitized by Google

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Тѣ же, Кремоновъ и Вѣра Павловна (*послѣдніе одинъ за другою, въ замѣтномъ смущеніи*).

Елисавета Андревна. Прекрасно! бесподобно! такъ то, негодница, держишь свое слово?... пріѣхала, и не дала знать хоть строчкой.

Вѣра Павловна. Собиралась.... лишь только изъ дорожной повозки, первая мысль была о тебѣ.

Елисавета Андревна. Я лишь только узнала, что вы будете въ деревню, прислала сюда своего лазутчика. Караулилъ цѣлую недѣлю. Вы въ ворота, а онъ ко мнѣ, сломя голову, съ вѣстью, что пожаловали. Не выдержала и поскакала.

Кремоновъ. Извините, что принимаемъ здѣсь... у Вѣры въ комнатѣ все еще въ такомъ безпорядкѣ....

Елисавета Андревна. Да какъ же иначе, съ дороги?

Кремоновъ. Комната такая бѣдная!...

Вѣра Павловна. Лиза моя подруга съ дѣтства, не взыщетъ, хотябъ и была посторонняя! Не ужъ ли намъ стыдиться нашей бѣдности?

Елисавета Андревна. Я ничего не вижу, не могу ничего видѣть, кромѣ моей милой, бесцѣнной Вѣрочки. Ну здорова ли, душечка? (*цалуются*).

Digitized by Google

Кремоновъ (*тихо сыну*). Ты что вывѣсилъ на показъ свою гадкую фигуру?

Аполлонъ Павловичъ. Чтобы творецъ гордился своимъ произведеніемъ.

Вѣра Павловна. Рекомендую, это мой братъ.

Елисавета Андревна. Мы имѣли ужъ удовольствіе познакомиться.

Аполлонъ Павловичъ. То есть я имѣлъ это удовольствіе. (*Встороиу*) Кабы не крестьянка Марфа, можетъ быть, мы помѣнялись бы съ сестрицей ролями.

Елисавета Андревна. Глажу и не налюбуюсь на тебя.

Вѣра Павловна. Мнѣ бы надо тебя этимъ встрѣтить.

Елисавета Андревна. Право?... О, да я и безъ тебя знаю, мнѣ твердятъ это почти каждый день мои степные обожатели. Когда бъ ты видѣла, что за прелесть эта молодежь! какой тонъ, какая высокая образованность! Берегись....

Вѣра Павловна. Неопасное сосѣдство, потому что мы не намѣрены ни съ кѣмъ знакомиться.

Кремоновъ. Да что жъ вы не присядете. Мы словно на какой-то сценѣ.

Елисавета Андревна. И въ самомъ дѣлѣ, я будто играю роль говорупьи. Вы, однакожъ, ду-

Digitized by Google

вместе, я пріѣхала къ вамъ въ гости, я пріѣхала похитить вашу дочь. Волей или неволей, вы должны мнѣ ее отдать.... Вы такъ добры, Павелъ Иванычъ, не откажите....

Кремоновъ. Какъ Вѣрочка....

Вѣра Павловна (*отводя отца, всторону*). Къ жениху въ домъ?..въ нашихъ обстоятельствахъ... Не скажутъ ли, что мы....

Кремоновъ (*тихо*). Навязываемся.... правда, неловко. (*Слышенъ дорожный колокольчикъ*). Кто-нибудь изъ суда!... Боже мой! она увидитъ... услышитъ.... рѣшайся, и избавь отца отъ позора.... (*Возвращаясь къ Радугиной*) Ей надо бы дома... однакожъ.... отдаю на ея волю....

Елисавета Андревна. О! ее-то я и не спрашиваю: я могу ей приказать...Нынче я ея главнокомандующій, и такъ, повелѣваю тебѣ: прощайся съ своимъ папашей и маршъ за мной! (*слышенъ за дверьми споръ*).

Кремоновъ (*тихо дочери*). Убирайся же съ этой болтуньей, хоть къ себѣ на верхъ.

Вѣра Павловна (*Радугиной*). Слушаю, мой милый повелитель!

Елисавета Андревна (*Расхаживаясь, беретъ ее за руку, чтобъ идти, и вдругъ останавливается*). Да, я

Digitized by Google

еще забыла сказать вамъ, Павелъ Иванычъ.... Вы, вѣрно, порадуетесь со мной....

Кремоновъ. Готовъ радоваться вашей радостью, (*всторону*) когда кошки скребутъ по сердцу. (*Сыну на ухо*) Вели хоть на минуту задержать (*Аполлонъ Павловичъ неохотно повинуется*).

Елисавета Андревна. Мы получили на дняхъ отъ брата письмо.... пишетъ, награжденъ георгіемъ.... за какое дѣло не помню.... помню только, что въ Италіи.... Самъ Рымникской надѣлъ крестъ на него и поцаловалъ его въ лобъ. Вотъ почему я нынче такъ горда: и на меня падаютъ лучи его славы!... Александръ здоровъ, но груститъ по Россіи, (*жметъ руку подруги*) вамъ всѣмъ кланяется.... проситъ не забывать....

Кремоновъ. Радуюсь... благодарю... (*слышны въ это время голоса Мошнина и слуги*).

Слуга. Подождите, доложу.

Мошнинъ. Пусти, разбойникъ!

Слуга. Да здѣсь дворянка–сосѣдка.

Мошнинъ. Мнѣ-то что, дворянка? я самъ господинъ здѣсь.

Слуга. Одну минуту.

Мошнинъ. Ни одной.... здѣсь не въ городѣ.... не убѣжитъ въ заднія двери.

Кремоновъ (*цалуя дочь*). Прощай, мой дружо-

Digitized by Google

чекъ, будь здорова.... (*шепчетъ ей*) Утащи ее и— поскорѣй изъ дому.

Вѣра Павловна (*подруга*). Je suis à toi (*уходя съ Радугиной, сталкиваются на порогѣ съ Мошнинымъ*).

Елисавета Андревна. Ха, ха, ха!... Это что за бодунъ козелъ. (*Мошнинъ вслѣдъ ей осматриваетъ ее съ головы до ногъ*).

явленіе xv.

Кремоновъ, Аполлонъ Павловичъ, Мошнинъ и Слуга.

Кремоновъ (*встороиу*). Уфъ, сгараю отъ стыда.... я думалъ, земля раскроется подо мной.... (*Идетъ на встрѣчу Мошнину*) Милости просимъ, Гаврила Силаичъ, милости просимъ.

Мошнинъ. Какая тутъ милость, батенька! Холопы твои только-что за воротъ не берутъ. А какъ нужны были денежки, такъ въ Питерѣ присылали за мной колымагу не разъ.... такой, сякой, не мазаный.... другъ и пріятель, и шипучку пили вмѣстѣ и по два самовара въ часъ ставили.

Кремоновъ. Ты всегда нашъ дорогой гость, Гаврила Силаичъ! Не взыщи на дуракѣ слугѣ. (*Слугѣ*) Я тебя, болвана!.. Приказано отказывать по-

Digitized by Google

сторонним, а Гавриля Силанич свой человѣкъ.... Эй, стулъ!... Да вамъ покойнѣе будетъ на канапе.... *(даетъ знакъ слугѣ, чтобы вышелъ).*

Мошнинъ *(садясь и осматривая все кругомъ).* Сѣсть-то сяду, потому что усталъ, да прошу не прогнѣваться, скажу тебѣ на прямки пословицу: соловья баснями не кормятъ. А ты вотъ ужъ три года сказываешь ихъ мнѣ. Писалъ, писалъ—нѣтъ отвѣта. Посылалъ просьбицы—сколько на гербовую вышло!.. сколько пришлось отдать подъячимъ!... Гналъ листъ за листомъ, а ты и ухомъ не ведешь, задариваешь судей, да и молчокъ. Наконецъ поѣхалъ самъ къ тебѣ въ Питеръ.... я въ двери, а ты въ другія, я въ полицію, отзывъ даютъ, уѣхалъ въ степную деревню; шлю туда—оттуда пишутъ: въ Питерѣ, словно въ гулючки играемъ. Теперь, батенька, поймалъ тебя, и не выпущу.... прошу не прогнѣваться, запру въ тюрьму, и что ни мѣсяцъ, буду вносить кормовыя.

Кремоновъ. Дворянина? какъ это можно?

Мошнинъ. Полно хорохориться-то, батенька, господинъ дворянчикъ! что за честь, какъ нечего ѣсть. А вотъ прошу не прогнѣваться, какъ сядешь у окошечка за золотой рѣшоткой....

Кремоновъ. Развѣ не по твоему иску наложена опека на это имѣніе? чего жъ еще?...

Digitized by Google

Мошнинъ. По моему. Да что въ этой опекѣ? кому головки, а мнѣ мякинка; и процентовъ не получаю. Въ имѣніи твоемъ ни кола, ни двора, по твоей же милости.

Кремоновъ. Что жъ мнѣ дѣлать, Гаврила Силаичъ? научи самъ. Все продано, все описано.... что я тебѣ своимъ лицомъ.

Мошнинъ. Правду молвить, не велика пожива. Да мнѣ то чтожъ прикажешь дѣлать, Павелъ Иванычъ? фабричнымъ задолжалъ, фабрика стала.... банкрутъ совершонный!... полѣзай въ удавку или выручай.

Аполлонъ Павловичъ (*подвигая къ Мошнину свои кресла*). А какая у васъ фабрика, позвольте васъ спросить?

Мошнинъ (*держа руку надъ глазами и всматриваясь въ Аполлона Павловича*). Ситцевая, батюшка, ситцевая. (*Обращаясь къ Кремонову*) Вѣдь сынокъ твой?

Кремоновъ. Сынъ. Вотъ какова подпора на старости!

Мошнинъ (*прищуриваясь*). Полно грѣшить, по глазамъ вижу, умная голова, дока!

Аполлонъ Павловичъ. Развѣ по одному глазу и по двумъ горбамъ.

Мошнинъ. Хе, хе, хе! И то правду сказать,

Digitized by Google

батенька, врядъ ли найдемъ горбуна дурака. Но мое разумѣніе объ тебѣ, государь мой, не изъ того источника вытекаетъ. Вотъ видишь, я хоть и простой человѣкъ, да много всякой всячины видалъ на своемъ вѣку и многому научился.... Не къ стыду моему буди сказано: я былъ крестьянинъ твоего дѣда.... мастерствомъ каменьщикъ.... царство ему небесное, хоть и слылъ фармазономъ!... Мужикъ былъ хитрый, разсудительный, видѣлъ насквозь человѣка.... нажилъ копѣйку, да и оставилъ своему сынку, (*наклонясь къ Аполлону Павловичу, дружески мигаетъ ему*) только не въ помощь богатство.... хе, хе, хе! Дѣдъ вашъ любилъ меня, часто бесѣду велъ со мною, и зная, что я умѣю держать языкъ за зубами, сказывалъ мнѣ про такія вещи, что ужасъ инаго возьметъ... Вѣрьте, государь мой, или не вѣрьте, а онъ умѣлъ дѣлать золото.

Кремоновъ. Почему жъ не передалъ сыну этаго искусства?

Мошнинъ. Прошу не прогнѣваться, онъ зналъ, что промотаешь дѣльное золото, какъ промоталъ ты денежки, которыя онъ тебѣ оставилъ. Гдѣ вамъ, батенька! На такія дѣла нужно фортель въ головѣ, да безстрашіе, да трудъ. А вамъ бы манну съ неба кушать.... Знаемъ васъ!... И я то де-

Digitized by Google

ножки свои не тебѣ вѣрилъ, а на слово батюшкѣ твоему въ гробу.... (*Слышенъ стукъ въ стѣнѣ отъ мороза*). О, го, го! даетъ, видно, отвѣтъ: «заплачу». Вотъ кто мнѣ порукой по васъ!

Кремоновъ (*встаетъ и, озирался со страхомъ, ходитъ по комнатѣ*).

Мошнинъ (*тихо Аполлону Павловичу*). Трусъ! мороза испугался.

Аполлонъ Павловичъ (*тихо смѣясь*). Вотъ этакъ всего!... (*вслухъ*) Прошу васъ продолжать разсказъ.

Мошнинъ. Такимъ-то хоботомъ понабрался я коего-чего у твоего дѣдушки, по милости его отпущенъ на волю, научился самоучкой грамотѣ; протекло много ли, мало ли лѣтъ, бросилъ свое каменное мастерство, потомъ въ прикащики на ситцевую фабрику, вышелъ въ хозяева, началъ ѣздить по ярманкамъ, дѣлалъ дѣла съ нѣмцами, армянами, жидами, съ крещоными и некрещоными.... съ русскими былъ русскій, съ татариномъ татаринъ.... гдѣ ползъ вьюномъ, гдѣ на четверенькахъ.... Не взыщи, батенька, какъ же иначе наживать денежку! Не мнѣ чета тоже дѣлаютъ и выходятъ въ люди!... И набилъ было я копѣйку, да вотъ почтеннѣйшій нынѣче раззоряетъ

Digitized by Google

меня въ конецъ.... Однакожъ прошу не противиться, рѣчь-то я къ тому велъ, что твой дѣдъ научилъ меня по примѣтамъ различать сокола отъ вороны.... Вотъ какъ бы мнѣ пришлось съ тобою дѣло имѣть, такъ не стали бы зѣвать по-батюшкиному.

Кремоновъ. Вотъ что должно терпѣть несчастіе! Ты обижаешь меня, Гаврила Силанчъ, грѣшно.

Мошнинъ. Грѣхъ правдѣ поперечить, батенька! Плохонекъ былъ—дѣла говорятъ, не мы. Вотъ и теперь кабы ты хотѣлъ, могъ бы поправиться.... фортель есть....

Кремоновъ. Научи меня, будь моимъ благодѣтелемъ, моимъ спасителемъ.

Мошнинъ. Гдѣ?... Ты слишкомъ совѣстливъ.

Кремоновъ. Готовъ хоть къ сатанѣ въ услуженіе, лишь бы выпутаться изъ бѣдъ, которыя меня со всѣхъ сторонъ осадили.

Мошнинъ (*прищурясь однимъ глазомъ*). Право?... хе, хе, хе! ну вотъ мнѣ нуженъ на мою фабрику рисовальщикъ и гравировщикъ.... дорого бы далъ.... понимаешь меня?...

Кремоновъ. Это однѣ шутки.... можно ли дворянину?

Digitized by Google

Мошнинъ. Опять за старую пѣсню!.. Шутка, такъ шутка! (*Задумывается и считаетъ по пальцамъ про себя*) Пять—синюха, двѣ синенькія—красная бумага, десять, десять и два раза десять—пятьдесятъ, четыре бѣленькія—сотенная? хорошо! А какъ тысячу сотенныхъ?... ужъ это не шутка!... Ге, ге, ге, да и мы ариѳметику знаемъ.... (*продолжаетъ что-то считать по пальцамъ, между тѣмъ Кремоновъ, облокотясь на ручку канапе, сидитъ въ задумчивости*).

Аполлонъ Павловичъ (*дрожа, вскочивъ съ кресель, встороиу*). Я.... я его понялъ.... геніальная мысль! Она давно западала мнѣ въ душу... она не разъ тревожила меня днемъ, будила ночью... почему же ей не осуществиться!.. Этотъ мигъ мой Рубиконъ... переступаю!.. (*Подошедши къ отцу на ухо*) Оставьте насъ... на часокъ... на полчаса... я постараюсь его уговорить...

Кремоновъ (*тихо сыну*). Какъ же мнѣ отъ него улизнуть? готовъ хоть въ овинѣ просидѣть.

Мошнинъ. Вамъ, батюшка, не нужно ли по дѣламъ хозяйственнымъ?.. каковъ часъ!.. Извольте, извольте... вѣдь вы, чай, не убѣжите...

Кремоновъ. Помилуй, и убѣжать-то не куда (*уходитъ*).

Digitized by Google

ЯВЛЕНІЕ XVI.

Аполлонъ Павловичъ и Мошнинъ.

Мошнинъ. Слабый человѣкъ, мухи съ носа не сгонитъ, а какое съ тобою обращеніе!

Аполлонъ Павловичъ *(хочетъ говорить)*.

Мошнинъ *(перебивая его)*. Не говори мнѣ... все знаю, батюшка, Аполлонъ Павловичъ... Такъ твое имячко, кажись?

Аполлонъ Павловичъ. Точно.

Мошнинъ. И болванъ-то и горбунъ?... другихъ именъ тебѣ нѣтъ. Охъ, Охъ! А кабы умѣли тебѣ цѣну дать, кабы родитель слушался тебя, или поручалъ тебѣ дѣла свои, такъ пошло бы иначе...

Аполлонъ Павловичъ. Благодарю покорно и понимаю цѣну вашихъ похвалъ. *(Подвигается ближе къ нему)*.

Мошнинъ. Смекнулъ тотчасъ, что у тебя глазъ вѣренъ, аки граненый алмазъ. Говорятъ.... *(потираетъ руки съ удовольствіемъ)* у васъ и ручка золотая.

Аполлонъ Павловичъ. Могу похвалиться, нарисую живо, съ чего угодно... а написать могу и скорописью и по печатному такъ, что съ книж-

Digitized by Google

нымъ не узнаешь. Жаль, что не могу дать вамъ образчика.

Мошнинъ (*качая головой*). И ты, Аполлонъ Павловичъ, не пустишь, такой золотой ручки въ ходъ... грѣшите, родной!.. кабы у меня такая, нажилъ бы разомъ десятки тысячъ.

Аполлонъ Павловичъ. Не имѣлъ случая и хорошаго посредника...

Мошнинъ. Да, батюшка, надо вѣрность, чтобъ пустить въ ходъ твою работу... А позволь спросить, еще что знаешь?

Аполлонъ Павловичъ. Жаль, что ничего болѣе... могу только похвастаться осязаніемъ... вы понимаете.... закрывъ глаза, ощупаю какая у васъ... положимъ хоть... бумажка. (*Встороиу*) Кажется, въ ротъ положилъ...

Мошнинъ (*качая головой*). Такъ, такъ... а ты бы?

Аполлонъ Павловичъ. Да... я бы...

Мошнинъ. Заприте-ка дверь, батюшка.

Аполлонъ Павловичъ (*запираетъ дверь, и потомъ, возвратившись, дрожа схватываетъ его за руку*). Заперъ... (*Отведя его за ширмы*) Полно!.. не выдержу... Въ жилахъ монхъ не кровь, а свинецъ—ты растопилъ его! Играть долѣе нашу камедь не въчь. Мы поняли другъ друга — такъ ли?

Мошнинъ. И гадать не надо.

Digitized by Google

Аполлонъ Павловичъ. Ты умный, хитрый мужикъ, пожалуй, и плутъ; я, какъ видишь, уродъ и не дуракъ. Соединимъ наши головы, и мы обманемъ сотни дураковъ. Да, мы можемъ разбогатѣть.

Мошнинъ. Ладно!... ты... я... (*показываетъ рукой*).

Аполлонъ Павловичъ. Помни, мнѣ терять нечего, кромѣ жизни, и ту я въ грошъ не ставлю... Вавѣсь, что ты можешь потерять своею неосторожностью или измѣной — жену, дѣтей, которыхъ ты, можетъ быть, любишь, состояніе, нажитое трудами многихъ лѣтъ, жизнь, для тебя дорогую.

Мошнинъ. Жену, троихъ дѣтей, капиталъ, голову — кладу тебѣ въ руки.

Аполлонъ Павловичъ. Хорошо. Но мѣсто? но...

Мошнинъ. Прошу не прогнѣваться, все ужъ давно придумалъ. Только тебя не доставало. Нечистый, прости Господи, или кто другой, насъ свелъ, не вѣдаю, но лишь взглянулъ на твою милость, подумалъ: вотъ эта птица и нужна тебѣ. Слушай же. Съ незапамятныхъ временъ построенъ твоими прародителями, подъ этимъ домомъ, великій подвалъ со сводами. Дѣдъ твой доводящимъ

Digitized by Google

работалъ золото, и работалъ въ этомъ подвалѣ. А чтобы никто не видѣлъ его мастерства, такъ онъ заклалъ входъ каменьями и засыпалъ землей, а изъ этой коморки провелъ въ подвалъ тайникъ. Клали мы его съ отцомъ подъ клятвой и великой наградой. Мы были крѣпки на слово, за то и отпущены на волю и милостиво одарены. Отецъ мой померъ, померъ и дѣдъ твой. Объ этомъ тайникѣ никто не зналъ, кромѣ меня, да развѣ домовыхъ, прости Господи! Отецъ мой сказывалъ, что былъ другой тайникъ въ подвалѣ изъ другой каморки, да тотъ еще покойникъ заклалъ. Посмотри-ка, фортель какой, хитра штука! (*Отвинчиваетъ поколи два винта въ чугунной плитѣ камина, которая отъ этого дѣйствія вдругъ опускается*). Нѣтъ ли свѣчи?

Аполлонъ Павловичъ. Мнѣ часто не давали огня по ночамъ, а заниматься хотѣлось, такъ я крадъ восковыя свѣчи. (*Вынимаетъ огарокъ изъ чемодана, высѣкаетъ огонь и передаетъ свѣчу Мошкину*).

Мошкинъ (*беретъ свѣчу и входитъ въ камину; сквозь отверстіе его освѣщается сводъ подвала*). Глянь-ка сюда, голубчикъ!

Аполлонъ Павловичъ (*слѣдуя за нимъ*). Чудный храмъ для нашего божества! настоящая преисподняя!.. Солнце не пробьетъ этихъ сводовъ лучомъ своимъ. И ты, громъ небесный, притуп-

Digitized by Google

нишь объ нихъ свои стрѣлы!.. О, вельзевулъ не могъ бы устроить для себя лучшей рабочей. Другъ, Мошнинъ, мы здѣсь потрудимся... мы наживемъ здѣсь милліоны.

Мошнинъ. О, го, го, милліоны!... Прошу не прогнѣваться, батюшка: тише ѣдешь, дальше будешь.

Аполлонъ Павловичъ. Заключимъ здѣсь союзъ на трудъ и вѣрность. Обнимемся братски... *(обнимаются; Мошнинъ поднимаетъ чугунную плиту и опять ее завинчиваетъ. Оба выходятъ изъ камина).* Да забылъ... а мастера другаго... понимаешь.

Мошнинъ. Вотъ видишь, у меня на фабрикѣ живетъ голенькій нѣмчура...

Аполлонъ Павловичъ. Каспаръ Иванычъ. Лучше нельзя сыскать! Отецъ долженъ ему 10 тысячъ. Согласится, такъ мы запремъ его въ этотъ подвалъ, пока нужно, и пошлемъ долгъ женѣ его въ нѣмецкую землю; не согласится—умирай голодною смертью, съ женой и дѣтьми. О, я увѣренъ, эта рыбка пойдетъ разомъ на золотую удочку.

Мошнинъ. А тамъ...

Аполлонъ Павловичъ. Въ кибитку и заграницу.

Мошнинъ. А батюшка твой?

Digitized by Google

Аполлонъ Павловичъ. О, этотъ нашъ! ему теперь хоть въ удавку. Чтобы спасти дочь и себя отъ стыда и голода, онъ готовъ на все.

Мошнинъ. Лишь только согласіе дастъ, сниму опеку и пять тысячъ ему задатку.

Аполлонъ Павловичъ. Распустимъ слухи, что батюшкины дѣла не были такъ плохи, какъ думали, что онъ привезъ денегъ изъ Питера, отдалъ мнѣ имѣніе въ завѣдываніе... а тамъ разные обороты, покупки, продажи, какъ водится, отъ всего барышъ.

Мошнинъ (*треплетъ его по головѣ*). Золотая голова!

Аполлонъ Палловичъ. И такъ до завтра.

Мошнинъ. Утро вечера мудренѣе. До радостнаго свиданія, батюшка! (*уходитъ*).

Аполлонъ Павловичъ (*одинъ*). Посмотримъ, съумѣю ли править великимъ дѣломъ. За работу, Аполлонъ! я разсыплю на свой міръ золотые лучи не хуже моего божественнаго тезки.

Деньги — вотъ архимедовъ рычагъ! Нынче я ничій, униженъ, презрѣнъ, а завтра золото, господство, уваженіе!.. А сладостная месть?.. чѣмъ оцѣнить ее?.. Отмстить за 30 лѣтъ униженія, от-

Digitized by Google

мстить людямъ за то, что въ отношеніяхъ ко мнѣ нарушали законы природы, отмстить всему, что только презрѣно мною... развѣ это сокровище можно чѣмъ оцѣнить?...

И такъ, за работу, Аполлонъ!

Digitized by Google

АКТЪ II.

(Слишкомъ черезъ годъ).

Въ подвалѣ; его раздѣляетъ полузадернутая занавѣска. Въ углубленіи лежитъ Шафъ на соломѣ. Дверь желѣзная отпирается.

ЯВЛЕНІЕ I.

Кремоновъ и Аполлонъ Павловичъ *(у перваго фонарь въ рукахъ, у другаго салфетка, въ которой завязаны съѣстные припасы и бутылка съ виномъ; поставивъ свою ношу на полъ, онъ запираетъ дверь и прячетъ ключъ въ карманъ).*

Кремоновъ. Опять скажу, будто безъ меня нельзя?

Аполлонъ Павловичъ. Никакъ.... извините, вы должны....

Кремоновъ. Развѣ я болѣе года не лазилъ съ тобою въ эту кузницу? не оклеймилъ рукъ и лба своего ужасною каторжною работой?

Digitized by Google

Аполлонъ Павловичъ. Теперь ужасной!... Однакóжъ вы чрезъ нее выручили 1000 душъ изъ-подъ молотка заимодавцевъ и свою душу отъ самоубійства, отъ котораго были на волосокъ! И душечка Вѣра обеспечена, устроена, снаряжена, какъ богатая невѣста. Гмъ! Ужасной работой? какая неблагодарность! Скажите лучше, золотой, алмазной.

Кремоновъ. Аполлонъ, послушай отца....

Аполлонъ Павловичъ. Отца?... Въ такихъ дѣлахъ нѣтъ ни отца, ни сына, есть только товарищи.

Кремоновъ. Пожалуй, товарища, участника въ вашемъ преступленіи; мало? главнаго виновника его, потому что, безъ моей слабости, вы никогда не посягнули бы на такое злодѣяніе. Слушай: мы были въ крайности, на краю пропасти, и очертя голову и совѣсть шагнули черезъ эту пропасть.... благополучно.... Уфъ, чего стоитъ это благополучіе! Пора оглянуться и кончить.... право, пора; послушай голоса разсудка.

Аполлонъ Павловичъ. Мой разсудокъ говоритъ: мало, еще! Онъ же шепчетъ мнѣ на ухо: попробуй, перестань—такъ опять втопчутъ тебя въ грязь, опять закуютъ въ прежнія желѣза.

Digitized by Google

Кремоновъ. Вѣрь мнѣ, этого ужъ не будетъ, не можетъ быть.

Аполлонъ Павловичъ. Вѣрю только тридцати годамъ униженія. О! когда на объясненія пошло, я скажу вамъ вотъ что.... Кто довелъ меня до этой адской кузницы? Не вы ли сами? Я по рожденію былъ вашъ сынъ: что жъ вы сдѣлали изъ меня?—хуже, чѣмъ послѣдняго изъ вашихъ слугъ. Вы не били меня, нѣтъ, но униженіе, въ которомъ вы меня держали, насмѣшки, брань, презрѣніе, которымъ всѣ въ домѣ меня честили, кромѣ сестры, развѣ не хуже побоевъ? Вы забыли тогда, что вы отецъ мой; я теперь забылъ, что я вашъ сынъ. Мы помѣнялись только ролями.... Теперь, я здѣсь въ домѣ господинъ и повелитель.... да, повелитель!...

Кремоновъ. Послушайся хоть голоса совѣсти.

Аполлонъ Павловичъ. Совѣсти? ха, ха, ха! я до сихъ поръ не зналъ этой госпожи въ лицо. Право, смѣшно, батюшка, въ ваши лѣта это говорить! Какая совѣсть у того, кто рѣшается на такія дѣла?... Вотъ вамъ мое послѣднее увѣщаніе. Пока вы меня слушались, дѣла шли и идутъ хорошо, прекрасно, какъ нельзя лучше. Ну, потяните еще немножко шнуръ, которымъ я правлю... еще, и съ Богомъ!

Digitized by Google

Кремоновъ. Съ Богомъ?... съ Богомъ?... Ужасно!... Здѣсь, навѣрно, нѣтъ его. Умоляю тебя, другъ мой, мой благодѣтель, если не хочешь называться сыномъ моимъ.... въ послѣдній разъ кончимъ, уничтожимъ орудія, все, все въ прахъ.... сожжемъ и домъ, гдѣ производилась.... Еще время... женихъ твоей сестры не пріѣхалъ... Нѣтъ подозрѣній, ни честные люди, ни правительство еще не слѣдятъ насъ. Чего намъ болѣе? Мы и потомство наше обеспечены, какъ богатые люди....

Аполлонъ Павловичъ. Потомство мое въ моемъ уродливомъ *я;* а границы этого *я* еще не отмежованы. Ба! что-то скажетъ развѣ будущность!

Кремоновъ. Объ тебѣ то я и хлопочу столько же, сколько и объ себѣ.

Аполлонъ Павловичъ. Жаль, что я этого не слыхалъ за годъ слишкомъ назадъ.

Кремоновъ. Каюсь, я былъ виноватъ передъ тобой.... Нѣтъ мнѣ оправданій. Теперь ты съ твоимъ умомъ, съ твоею прозорливостью....

Аполлонъ Павловичъ. Благодарю покорно.

Кремоновъ. Исправь мою вину, и остановись на краю новой пропасти. И такъ, въ послѣдній разъ....

Digitized by Google

Аполлонъ Павловичъ. Будь по вашему—въ послѣдній разъ.

Кремоновъ. Обѣщаешься?

Аполлонъ Павловичъ. Обѣщаюсь, обѣщаюсь....

Кремоновъ. И бѣднаго Каспара освободить?..

Аполлонъ Павловичъ. Освободить, освободить ужъ, конечно.... Не ужъ ли мнѣ изъ него вотчину коптить!... Кончимъ ли нашъ торгъ?

Кремоновъ. Дай слово исполнить это теперь же.... ко дню рожденія Вѣры.... Утѣшь меня, осчастливь... Можетъ быть, мнѣ самому осталось недолго жить.

Аполлонъ Павловичъ. Хорошо.... только не нынче... нынче было бы безразсудно... надо приготовить... а скоро, очень скоро... однакожъ, не надо терять золотое время.... Вспомните, что я ко дню рожденія моей дорогой сестрицы выработалъ 300 душъ и проч. и проч. Надо же выручить денежки за нихъ.

Кремоновъ (*грустно качаетъ головою и садится на стулъ*).

Аполлонъ Павловичъ (*встороиу*). Снова въ битву противъ судьбы!... Vas, банкъ! пасть, такъ пасть, милліонеромъ! (*подходитъ къ Шафу*) Добрый день, пріятель!

Digitized by Google

Шафъ. День?... Развѣ здѣсь бываютъ дни, милостивый господинъ?... Для меня одна нескончаемая ночь.

Аполлонъ Павловичъ. Ночь, день, часы, это только пустыя слова, Каспаръ Иванычъ; во времени ихъ нѣтъ. Впрочемъ мы иллюминуемъ твою ночь. (*Зажигаетъ нѣсколько свѣчей; за занавѣской лица становятся въ такое положеніе: Кремоновъ то сидитъ на стулѣ, то прохаживается въ раздумьи по авансценѣ, то ложится на постель Шафа. Шафъ и Аполлонъ Павловичъ по временамъ показываются изъ занавѣски*). Какой же обѣдъ я приготовилъ тебѣ нынче! цыпленокъ—деликатесъ, вино—нектаръ!

Шафъ. Лучше бъ уморили меня голодомъ.

Кремоновъ. Утѣшься, добрый Каспаръ; сынъ мой обѣщаетъ выпустить тебя скоро на свободу.

Шафъ. О когда бы такъ!... Жена, дѣти, міръ Божій, я васъ опять увижу — опять я буду свободенъ. И въ самомъ дѣлѣ, пора, Аполлонъ Павловичъ. Условіе мое было на шесть мѣсяцевъ. Бѣдность, кровныя нужды, мысль, что я составляю счастіе моего семейства, заставили меня рѣшиться... я исполнилъ условіе, какъ честный нѣмецъ; но вы.... извините, милостивый господинъ, вы поступаете со мной неблагородно: срокъ давно кончился, и я здѣсь....

Digitized by Google

Аполлонъ Павловичъ. Ты знаешь причину, любезный Каспаръ Иванычъ: помнишь, мыши.... Кто жъ это предвидѣлъ?... Жаль, мышей-то мы и пропустили въ условіи. Ну ты такой добрый, честный нѣмецъ.... Ты сдѣлалъ намъ одолженіе, и мы не останемся неблагодарны: къ семейству твоему посланы 10 тысячъ; доволенъ ли прибавкою пяти?

Шафъ. Воли, воли прошу я, господинъ, а не денегъ. Деньги замѣнятъ ли мнѣ воздухъ, свободу, семейство, все, что я имѣю тамъ на землѣ?

Аполлонъ Павловичъ *(будто не слыша его словъ)*. Помоги-ка, добрый другъ.... Ты такой искусный механикъ.

Шафъ. Здѣсь потеряешь и смыслъ человѣческій. Духота, мракъ, тоска давятъ меня, сокрушили мои кости, сердце изныло.... видите, каковъ я сталъ.... *(показываетъ свои руки)*. Я не выдержу еще недѣли.... Если долѣе, готовъ лучше на плаху.... умоляю васъ именемъ Создателя нашего, общаго нашего Судьи и Отца, выпустите меня изъ этого заточенія.

Аполлонъ Павловичъ. Я ужъ обѣщалъ батюшкѣ; ты мнѣ болѣе не нуженъ.

Кремоновъ. Вѣрь, онъ исполнитъ свое слово.

Шафъ. Поклянитесь именемъ Бога.

Digitized by Google

Аполлонъ Павловичъ. Ну, пожалуй.

Шафъ. Клянитесь имъ, страшнымъ именемъ Бога!

Аполлонъ Павловичъ. Да... имъ... клянусь.

Шафъ. Нѣтъ, нѣтъ, милостивый господинъ, на вашемъ языкѣ имя Бога, а въ головѣ, въ сердцѣ вашемъ нѣтъ Его.

Аполлонъ Павловичъ. О, это слишкомъ дерзко! Не настроить же мнѣ свой голосъ на твою дудку.

Шафъ. Докажите жъ, что вы клялись въ правдѣ: возьмите меня нынче же съ собою.

Аполлонъ Павловичъ. Ты вовсе одурѣлъ, Каспаръ. Надо жъ по-осторожнѣй приготовить твой выѣздъ. Развѣ хочешь погубить себя и насъ съ тобою? Я далъ слово тебѣ и батюшкѣ, и свято исполню его. Дня три, четыре, и... уходи, ускачи отъ насъ, улетай, хоть къ чорту!

Шафъ. Не сердитесь же, милостивый господинъ, вѣрю, вѣрю.

Аполлонъ Павловичъ. Давно бы такъ. Разскажи-ка намъ лучше о твоемъ житьѣ-бытьѣ, на.... какой бишь рѣкѣ?

Шафъ. На Рейнѣ, первой рѣкѣ въ мірѣ. Какое тамъ небо! какое тепло! какъ весело ластятся виноградныя лозы къ стѣнѣ нашей хижины!... И те-

Digitized by Google

перь въ глазахъ мерещатся онѣ.... солнышко играетъ на янтовыхъ кистяхъ....

Аполлонъ Павловичъ (*встороны*). Вотъ этакъ лучше. Пускай померещатся!

Шафъ. И теперь, какъ будто вижу кирку нашу: золотой пѣтухъ словно хочетъ оторваться отъ шпиля и улетѣть на небо.... (*грустно*) а подлѣ кирки кладбище.... тамъ покоится прахъ моего отца.... надъ могилой его пантановое дерево свѣсило густыя вѣтви.... (*задумывается*).

Аполлонъ Павловичъ. Ну, а женочка у тебя, чай, прехорошенькая?

Шафъ. Настоящая роза. Такъ и звали ее въ деревнѣ. Ахъ, милостивый господинъ, кабы вы знали, какъ она добра, какъ меня любитъ: четыре года прошло съ нею, словно одинъ день въ раю. А дѣтки....

Кремоновъ. Сколько жъ ихъ у тебя?

Шафъ. Трое, дочь и два сына: Луиза, Францъ и Генрихъ.... настоящіе амурчики!

Аполлонъ Павловичъ. Ну, на каждаго прибавлю по пяти сотъ.

Шафъ. Благодарю. (*задумывается*) Ангелы мои, добрая моя Гретхенъ, мать старушка.... живы ли вы еще?... И я могъ васъ покинуть?... Нужда, нужда, чего ты не дѣлаешь? Кабы вы знали, на

Digitized by Google

какое ужасное дѣло я рѣшился, чтобъ видѣть васъ счастливыми.... (*плачетъ*). Отпустите жъ меня нынѣ, Аполлонъ Павловичъ.

Аполлонъ Павловичъ. Я не прочь, только надо подождать.

Шафъ. Боже, Боже мой! будь моимъ ходатаемъ.... (*становится на колѣна*) Умоляю васъ, сжальтесь надо мною.... вспомните, что меня ждутъ старушка мать, жена, трое дѣтей.... обнимаю ваши колѣна.... цалую ноги ваши....

Аполлонъ Павловичъ. Я сказалъ.

Кремоновъ. Развѣ съ насъ не довольно? Сжалься....

Аполлонъ Павловичъ (*молчитъ*).

Кремоновъ. Тронься, каменное сердце, участью этаго несчастливца.... Подумай: полгода въ этомъ погребѣ.... Хоть одно доброе дѣло, и въ день страшнаго суда, на вѣсахъ Бога, оно положено будетъ на выкупъ твоихъ грѣховъ.

Аполлонъ Павловичъ. Я сказалъ.

Кремоновъ. Такъ мое проклятіе....

Аполлонъ Павловичъ. Я сказалъ. Полноте, батюшка, съ своей траги-комедіей! Не угодно ли на верхъ? Вспомните-ка лучше, завтра день рожденія вашей Вѣры. Угодно ли будетъ поздравить ее отъ имени отца, дѣлателя фальшивой монеты

Digitized by Google

и убить ее именно въ этотъ день, или дать мнѣ волю съ Каспаромъ. Важность какая, грошовому нѣмчурѣ потрудиться здѣсь лишній мѣсяцъ. (*Гасить свѣчи и беретъ фонарь*) Угодно вамъ за мною? (*Отворяетъ дверь, отецъ слѣдуетъ за нимъ*).

ЯВЛЕНІЕ II.

Шафъ (*одинъ*). Есть Богъ, и злодѣй будетъ наказанъ... А ты, Каспаръ, развѣ не участникъ ихъ злодѣяній, развѣ не такой же фальшивый монетчикъ? Нужда, дѣти, скажешь ты въ оправданіе?.. Нѣтъ, нѣтъ, никакая цѣль не извиняетъ злодѣйства. Лучше бъ погибнуть мнѣ тѣломъ, погибнуть дѣтямъ, женѣ, чѣмъ пускаться на такое ужасное дѣло, чѣмъ погубить на вѣки душу свою... Господи! взгляни милосердымъ окомъ на мои несчастія, порази меня своими громами, но хоть за мои страданія пощади невинныхъ.

Грете, милыя дѣти, матушка, надъ вами всходитъ теперь солнце; Рейнъ течетъ предъ глазами вашими во всемъ великолѣпіи своемъ; можетъ быть, въ эту самую минуту вы гуляете по саду, чистыя дѣлами и помысломъ, вы спокойны и радуетесь, а я... подъ землею, въ склепѣ, и съ совѣстью злодѣя... И тамъ, на томъ свѣтѣ, вы, можетъ быть, отворотитесь отъ меня (*плачетъ*).

Digitized by Google

Хоть разъ бы еще взглянуть на нихъ и потомъ умереть! Но гдѣ надежда освободиться?... Знаю, что есть отсюда другой выходъ: объ этомъ проговорился разъ Мошнинъ... но здѣсь нигдѣ не видать и слѣду такого выхода... осмотрю еще хорошенько свою тюрьму, перегляжу каждый камышекъ, каждую щель, каждый гвоздикъ... А если найду выходъ? куда онъ поведетъ меня?.. Не прямо ль въ руки горбуна, или въ западню?.. Чтобы ни было, надо искать спасенія или смерти.

ЯВЛЕНІЕ III.

Утро, садъ; посреди его павильонъ. На правой сторонѣ небольшое зданіе; отъ него идетъ рѣшотка съ воротами. На лѣвой сторонѣ двухэтажный барскій домъ съ террасою въ нижнемъ этажѣ, ближе къ авансценѣ; въ концѣ этого дома банныя. За рѣшоткою видна толпа народа.

(Аполлонъ Павловичъ выходитъ съ террасы на ворота сада и ласково кланяется народу. При появленіи его слышны голоса въ толпѣ). Вотъ родимый нашъ! Батюшка! Кормилецъ! Отецъ нашъ! Дай Богъ ему многія лѣта здравствовать!

Аполлонъ Павловичъ. Благодарю, благодарю, друзья! Есть ли тутъ изъ чужихъ деревень мужички?

Digitized by Google

Нѣсколько мужиковъ и бабъ (*кланяются*). По милости твоей, сударь, званы на хлѣбъ-соль твою.

Аполлонъ Павловичъ. Смотрите же, наши, гостей не забывать! Всего вдоволь имъ!

Нѣсколько мужиковъ. Слушаемъ-ста, батюшка, Аполлонъ Павлычъ.

Аполлонъ Павловичъ. Гдѣ погорѣлые изъ Шемшурина? (*Являются два старика и одинъ пожилой крестьянинъ*). Сестра жалуетъ вамъ на постройку избъ и заведеніе двѣсти рублей.

Старики. Денно и нощно будемъ молиться за тебя, отецъ нашъ!

Третій. Продли, Господь, живота твоего на многія лѣта, кормилецъ нашъ!

Аполлонъ Павловичъ. Не за меня, а за сестру молитесь, она вамъ жалуетъ.

Крестьянинъ. За тебя и сестрицу твою, батюшка. Безъ тебя бы до насъ не дошло.

Аполлонъ Павловичъ. У которыхъ былъ скотскій падежъ? (*Являются нѣсколько крестьянъ и крестьянокъ*). Вамъ сестра жалуетъ триста рублей на заводъ скота (*крестьяне и крестьянки, получивъ деньги, падаютъ ему въ ноги*). Вы знаете, я не люблю этого, добрые мужички; я запретилъ это... Одно-

Digitized by Google

му Царю Небесному да земному подобаютъ земные поклоны.

(*Слышно со всѣхъ сторонъ*) Благослови его Господь!

(*Двое слугъ приходятъ съ мѣшечками и, по приказанію его, бросаютъ деньги въ народъ. Слышны за оградою восклицанія*) Многія лѣта новорожденной!

Многія лѣта матушкѣ и всему боярскому дому!

(*Аполлонъ Павловичъ скрывается въ толпѣ народной*).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Кремоновъ (*одинъ. Онъ выходитъ изъ дома съ правой стороны*). Нынѣ 13-е число, день рожденія дочери!... роковое число!... 13-го смерть жены моей! 13-го числа, восемнадцать мѣсяцевъ тому назадъ, я рѣшился на ужасное дѣло... день, записанный кровью на душѣ моей, хотя въ него не было пролито крови. Но— будетъ!.. Головы нашей гидры начинаютъ расти, надо будетъ отсѣкать ихъ.... Бѣдственный день! съ него не знаю, что такое спокойный сонъ; каждый кусокъ напитанъ жолчью, въ каждомъ человѣкѣ таится врагъ; что шагъ,— то пропасть. Я чахну, я таю видимо: живой скелетъ!.. Муки нестерпимы! Вотъ и теперь, когда несу дочери дарственную запись, лишь только вздумаю, какими путями она пріобрѣтена, по

Digitized by Google

кожѣ пробѣгаетъ морозъ, сотни ножей роютъ въ сердцѣ моемъ. Каждая буква на этомъ листѣ говоритъ мнѣ: ты даришь чужое добро, дѣлатель фальшивой монеты!.. Есть ли имя позорнѣе этого? какими дѣлами смоешь его? Добро это куплено на деньги, похищенныя у государя, у отечества, у ближнихъ... Я — воръ... Нѣтъ другаго имени въ душѣ моей!

Роковой день! дорого бы далъ, чтобы воротить тебя... Слабость, непростительная слабость!

Что жъ было мнѣ дѣлать?.. Идти въ тюрьму, это бы еще не бѣда; но поручить благодѣтельному призрѣнію дворянъ мою дочь, мою Вѣру... нѣтъ, нѣтъ, этого нельзя было вынести! (*Показывается Вѣра Павловна на терассѣ*). Вотъ и она!... бывало, я благословлялъ ее, а теперь... боюсь... руками, которыя дѣлаютъ... все равно, что окровавленными. (*Вѣра Павловна сбѣгаетъ съ терассы на встрѣчу отцу*).

ЯВЛЕНІЕ V.

КРЕМОНОВЪ и ВѢРА ПАВЛОВНА. (*Она бросается въ объятія отца*).

КРЕМОНОВЪ. Поздравляю тебя, милая, бесцѣнная Вѣра! Господь да благословитъ тебя своими

Digitized by Google

милостями и наградитъ счастіемъ, котораго ты вполнѣ достойна!

Вѣра Павловна. О, я теперь совершенно счастлива!

Кремоновъ. Знаю, чего не достаетъ для полноты твоего счастія... Но Богъ не безъ милостей. Кампанія кончилась; женихъ твой здоровъ и насъ не забылъ. Сейчасъ я получилъ письмо отъ него. Александръ пишетъ, что уволенъ въ чистую отставку полковникомъ и на дняхъ прискачетъ къ намъ, чтобъ узнать рѣшеніе судьбы своей.

Вѣра Павловна. Боже мой, чѣмъ даришь ты меня нынѣче!.. Батюшка, теперь могу смѣло сказать: сердце мое никогда не переставало любить Александра и боялось только обстоятельствъ.

Кремоновъ. Теперь мы и по состоянію равны. А чтобы на всегда обеспечить тебя отъ обстоятельствъ, вотъ тебѣ подарокъ отъ меня и брата твоего.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же, Аполлонъ Павловичъ и Мальчикъ.

Вѣра Павловна (*принимая бумагу отца и пробѣжавъ ее глазами*). Что это? подарокъ въ 300 душъ?.. (*Цалуетъ его*). Но... вы не затрудняли себя этимъ

Digitized by Google

подаркомъ?.. Батюшка, другъ мой, не сдѣлали ли долгу для меня?... На чистыя ли деньги?

Кремоновъ. Нѣтъ, нѣтъ, я не дѣлалъ долга... всѣ куплены на... свои... Благодари за все брата. Вотъ и онъ съ поздравленіемъ... (*Встороиу*) Кабы знала, на какія чистыя деньги!.. (*Въ это время вбѣгаетъ мальчикъ лѣтъ восьми, одѣтый амуромъ*).

Аполлонъ Павловичъ (*цалуетъ сестру и подводитъ мальчика*). Вотъ этотъ божокъ поздравитъ тебя лучше насъ, смертныхъ.

Вѣра Павловна. Сережа, это ты, мой милый?

Мальчикъ (*смѣшавшись*). Нѣтъ, не я, не я... (*Обращаясь къ Аполлону Павловичу, грустно*) Что жъ мнѣ дѣлать? Узнали.

Аполлонъ Павловичъ. Худой амуръ, который робѣетъ и не умѣетъ прикидываться! Гдѣ же у тебя бумажка?

Мальчикъ (*подаетъ Вѣрѣ Павловнѣ письмо*).

Аполлонъ Павловичъ. Этотъ подарокъ, навѣрно, дороже нашихъ.

Вѣра Павловна (*развернувъ письмо*). Подпись Лизы Радугиной. (*Читаетъ вслухъ дрожащимъ, прерывающимся голосомъ*) «Александръ.... пріѣхалъ.... Мы сейчасъ...» (*Обращается къ отцу*) Батюшка, онъ здѣсь... онъ сейчасъ будетъ... Господи, Господи! въ состояніи ли я снести все, что ты мнѣ

Digitized by Google

нынче посылаешь... (*Брату*). Милый братъ, какъ и чѣмъ отблагодарить тебя?..

Аполлонъ Павловичъ. Когда этотъ мальчикъ оборотится въ Гименея, не забыть дружбы.

Вѣра Павловна. О, никогда, никогда! могу ли забыть, чѣмъ тебѣ обязана? Твоими трудами, твоими заботами, мы перешли отъ бѣдности къ довольству, батюшка на старости лѣтъ успокоенъ.

Кремоновъ (*всторону*). Не дай Богъ никому такого спокойствія!

Вѣра Павловна. А я... я ужъ не могу хорошенько объяснить все, что ты для меня сдѣлалъ. Какой прекрасный для меня день! (*Слышенъ стукъ экипажа*). Однакожъ, кто-то подъѣхалъ къ крыльцу.

Аполлонъ Павловичъ (*смотря въ окно*). Это онъ. У сердца, видно, тонкій слухъ.

Вѣра Павловна. Боже, поддержи меня! Сердце такъ и хочетъ выскочить. (*Къ концу явленія мальчикъ уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же, Радугинъ и Елисавета Андревна.

Кремоновъ (*идя Радугину на встрѣчу*). Александръ Андреевичъ...

Радугинъ (*обнимая его*). Мой почтеннѣйшій

Digitized by Google

другъ! Смѣю ли сказать по-прежнему, милая Вѣра Павловна!

Вѣра Павловна (*подаетъ ему руку*). По прежнему, Александръ...

Радугинъ (*цалуя руку Вѣры Павловны*). Милая, бесцѣнная Вѣра Павловна. И вы не забыли меня! Вы не перемѣнились ко мнѣ?

Вѣра Павловна. Развѣ можно перемѣниться? Въ моей ли это волѣ?

Радугинъ. Цѣлыхъ два года не видаться.... ужасное время!.. цѣлая вѣчность!

Вѣра Павловна. Помню, были два грустные, несносные года; но теперь, когда вижу васъ, они представляются мнѣ словно во снѣ. Мнѣ кажется, только и было въ моей жизни: первая минута нашего знакомства на балѣ у Солнцева и настоящая минута.

Радугинъ. О, какъ я счастливъ!.. Нѣтъ словъ выразить. Дайте жъ мнѣ теперь насмотрѣться на васъ, налюбоваться вами!.. Какъ вѣрно ни сохранялъ я, въ эти два года, черты ваши въ моей памяти и сердцѣ, но вы все-таки лучше, чѣмъ представлялись моему сердцу и памяти. Видно, вы съ каждымъ часомъ хорошѣли. Теперь отъ Павла Иваныча будетъ зависѣть вполнѣ насъ осчастливить.

Digitized by Google

Кремоновъ. Выборъ ея сердца я давно утвердилъ. По письму вашему вижу, что вы не перемѣнили своихъ отношеній къ намъ. И такъ, безъ дальныхъ объясненій, да благословитъ васъ Богъ вмѣстѣ со мною! (*Радугинъ цалуетъ у Вѣры Павловны руку*).

Елисавета Андревна (*которая до сихъ поръ дружески бесѣдовала съ Аполлономъ Павловичемъ*). Позвольте мнѣ напомнить вамъ, любезнѣйшій братецъ, что вы, въ чаду вашихъ нѣжностей, забыли вовсе приличія. И вамъ выговоръ, любезная Вѣра Павловна! Александръ, рекомендую тебѣ брата твоей невѣсты.

Вѣра Павловна. Виновата.

Кремоновъ. Виноватъ, это я долженъ былъ сдѣлать.

Радугинъ (*бросается обнимать Аполлона Павловича*). Вмѣсто всѣхъ рекомендацій, полюбите меня, какъ брата, какъ друга.

Аполлонъ Павловичъ. Счастливъ буду, если заслужу вашу родственную любовь.

Радугинъ. Все, что вы дѣлали для своихъ, доказываетъ, что вы не будете чужды и новыхъ вашихъ родственныхъ связей.

Аполлонъ Павловичъ. Что такое могъ я сдѣ-

Digitized by Google

лать для своихъ, чего бы не сдѣлалъ другой на моемъ мѣстѣ!

Радугинъ. Не скромничайте, я все знаю. Въ Петербургѣ, въ здѣшней губерніи и въ сосѣднихъ, чужіе и родные, тетка, сестра, всѣ говорятъ о трудахъ вашихъ, какъ объ дивѣ. Вотъ слова молвы. Павелъ Иванычъ сдѣлался старъ, прихварывать началъ, и потому запустилъ было дѣла свои; но какъ скоро Аполлонъ Павловичъ принялъ ихъ въ свои руки, то въ полгода трудами необыкновенными, оборотами, заботливостью, хозяйственнымъ геніемъ, для котораго также надо родиться, привелъ дѣла въ цвѣтущее положеніе.

Аполлонъ Павловичъ. Всегда молва любитъ преувеличивать худое и хорошее. Лишнее говорили на счотъ разстройства нашихъ дѣлъ, тоже теперь и объ устройствѣ ихъ. Много точности и немного энергіи, вотъ мои заслуги.

Радугинъ. Прибавьте, и горячую любовь къ роднымъ. Говорятъ, вы и ночи мало спите... Для кого жъ, какъ не для отца, для сестры, тратите свое здоровье!

Аполлонъ Павловичъ. Кто прочолъ въ сердцѣ человѣческомъ? Можетъ быть, на днѣ этого колодца найдете одинъ эгоизмъ.

Радугинъ. Позвольте вамъ не вѣрить. (*Обра-*

Digitized by Google

щалсь къ Павлу Иванычу) А чтобы не откладывать долѣе счастія вступить въ такое дорогое семейство, я буду просить васъ, Павелъ Иванычъ.... *(даетъ знакъ сестрѣ, чтобъ онѣ удалились, и жметъ руку своей невѣсты).*

Елисавета Андревна *(тихо Вѣрѣ Павловнѣ).* Оставимъ ихъ однихъ. Пойдемъ-ка подъ тѣнь освѣжиться: ты вся горишь!

Вѣра Павловна. Мудрено-ль!

Радугинъ. До свиданія, милый другъ!

Елисавета Андревна. Да скоро ли выдадутъ меня за мужъ? Вѣдь это должно быть презанимательно и превесело *(уходятъ; вслѣдъ за ними и Аполлонъ Павловичъ).*

Кремоновъ и Радугинъ *(направляются къ дому съ лѣвой стороны).*

Радугинъ. Два мучительныхъ года я былъ женихомъ вашей дочери. Сколько я выстрадалъ въ это время! какихъ опасностей для себя не придумалъ! Вознаградите меня теперь за эти муки, за эти страданія, назначивъ скорѣе день, когда я могу назвать Вѣру Павловну моею передъ лицомъ Бога и людей.

Кремоновъ. И для меня, чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Здоровье мое ненадежно. Кто поручится,

Digitized by Google

что завтрашній день мой? И потому я желалъ бы хоть нѣсколько времени насладиться счастіемъ дочери.

Радугинъ. Почему жъ и безъ тревожныхъ мыслей не исполнить нашего общаго желанія? Что жъ? черезъ мѣсяцъ и свадьбу.

Кремоновъ. Согласенъ, но есть обязанности у отца, о которыхъ намъ удобнѣе говорить въ домѣ. Милости просимъ. (*Уходятъ черезъ террассу въ домъ*).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Вѣра Павловна, Елисавета Андревна и Аполлонъ Павловичъ (*Вѣра Павловна и Елисавета Андревна гуляютъ по саду: то показываются на сценѣ, то скрываются между деревьями; Аполлонъ Павловичъ слѣдитъ за ними, не отдѣляясь отъ дома*).

Елисавета Андревна (*у башни*). Зачѣмъ не сломаютъ этой старой, мрачной башни? И окошечко-то въ ней точно въ тюрьмѣ! Зачѣмъ не срубятъ этихъ угрюмыхъ вязовъ, которые съ нею такъ дружны? Они на меня всегда наводятъ скуку.

Вѣра Павловна. Извини, это вкусъ моего брата. Онъ говоритъ, что въ этой башнѣ и деревьяхъ много поэзіи.

Digitized by Google

Елисавета Андревна. Поэзія Юлга! Признаюсь тебѣ, я не люблю ничего угрюмаго и стараго. То ли здѣсь?... все такъ молодо, все такъ улыбается (*скрывается между кустами*).

Аполлонъ Павловичъ. Меня хвалятъ, благословляютъ меня! Я устроилъ счастіе крестьянъ, благосостояніе домашнихъ, счастіе сестры.... и если бъ не ты, змѣя подколодная, шевелилась въ груди моей, еслибъ не ты, сова полуночная, завывала здѣсь днемъ и ночью, я также былъ бы счастливъ! По крайней мѣрѣ, я имѣю понятіе, какъ человѣкъ наслаждается благами жизни, узналъ, хоть издали, что такое дѣлать добро.... Я этого не зналъ прежде. (*Задумывается*) Кабы это было все чисто, не отравлено!... Нѣтъ, это не былъ мой удѣлъ!... Вотъ и теперь, когда все вокругъ меня радуется, кромѣ участниковъ моего преступленія, я самъ, творецъ ихъ радости, стою здѣсь на стражѣ: не откроетъ ли эта башня свои нѣдра, чтобъ разсказать ужасныя тайны свои, прислушиваюсь, камень не заговоритъ ли противъ меня.... Сердце невыносимо замираетъ.... полно, перестану... послушаю отца... кончу, разорю все... отпущу бѣднаго Шафа на волю....

Елисавета Андревна (*бѣжитъ за бабочкой къ башнѣ*). Воля твоя, я мотылька поймаю — такой

Digitized by Google

хорошенькій! Настоящій гусарчикъ, и станутъ, и съ усиками и въ блестящемъ ментикѣ.

Вѣра Павловна. Перестань, не мучь бѣдняжку.

Елисавета Андревна. Хоть немного подержу въ плѣну, и отпущу; такъ пріятно ловить!

Аполлонъ Павловичъ (*съ безпокойствомъ слѣдя за ней глазами*). Что дѣлаетъ эта вертушка у башни? Зачѣмъ нелегкая ее туда занесла? А! что-то стукнуло?... Еще....

Елисавета Андревна (*оглядывается*). Не вы ли, любезный Аполлонъ Павловичъ, забавляетесь пускать въ меня камышки?

Аполлонъ Павловичъ. Кто?... я?... я.... и не думаю....

Елисавета Андревна. Да вотъ и billet-doux! (*поднимаетъ что-то съ земли и показываетъ камышекъ*). Хороша конфетка! (*развертываетъ бумажку*). Писано, видно, въ большомъ душевномъ волненіи.... какія-то чудныя каракульки!... на какой-то красной бумажкѣ.... точно ассигнація....

Аполлонъ Павловичъ (*бросается черезъ кусты и цвѣты, топчетъ все ногами и прямо къ Елисаветѣ Андревнѣ, у которой вырываетъ бумажку изъ рукъ*).

Елисавета Андревна (*вскрикнувъ, бѣжитъ къ*

Digitized by Google

Вѣра Павловна). Ай!.. Защити, онъ... онъ убьетъ меня.

Вѣра Павловна (*прижимая къ себѣ подругу*). Что съ тобою, Аполлонъ?... Ты въ какомъ-то изступленіи.... опомнись.

Аполлонъ Павловичъ. Да... я обезумѣлъ... простите меня, простите.... я вамъ объясню.... это я нѣкогда... писалъ.... это тайна.... но когда-нибудь разскажу.... Вѣроятно, мальчишка дворовый нашолъ.... изволитъ забавляться!... Я дамъ ему забаву!... Простите, еще разъ, простите, милая добрая, Елисавета Андревна. Забудьте этотъ случай.... ради Бога, не говорите объ немъ вашему брату....

Елисавета Андревна. Не понимаю ничего, но если тутъ кроются серьезныя тайны, нельзя не простить.... Однакожъ, не забуду еще дня два, потому что мнѣ напомнятъ мои изломанные пальцы.... Вы точно бѣшеный самозванецъ Сумарокова!...

Аполлонъ Павловичъ. Да, бѣшеный, безумный, все, что вы хотите, но только не помните зла, ангелъ во плоти!

Елисавета Андревна (*подавая ему руку*). Забвеніе всего и миръ неразрывный!

Digitized by Google

Аполлонъ Павловичъ (*сестрѣ на ухо*). Прошу тебя, удалитесь.... я такъ смущонъ, что ваше присутствіе меня убиваетъ.... хотѣлъ бы хоть провалиться въ землю.

Вѣра Павловна (*увлекаетъ подругу*).

Елисавета Андревна (*дружески кивнувъ Аполлону Павловичу*). Ну если эта записка была?... Ужасъ пріятно!... (*скрываются*).

явленіе IX.

Аполлонъ Павловичъ (*развертываетъ бумажку*). Рука Шафа.... его злодѣйская рука!... (*читаетъ*).

«Сжальтесь надъ несчастнымъ страдальцемъ. Шесть мѣсяцевъ томлюсь въ этой башнѣ, въ душномъ подземельи.... здѣсь совершаются дѣла ужасныя, которыхъ я невольный участникъ: здѣсь дѣлаютъ.... Пускай схватятъ горбуна.... все откроютъ.... Вы получите награду отъ правительства....»

Дошло же посланіе по вѣрному адресу!... Дуракъ! самъ на себя наложилъ новую петлю и, можетъ быть, мертвый узелъ.... А я думалъ еще освободить его?... Не для того ль, чтобъ эту неподвижную трещотку сдѣлать ходячею, чтобы въ

Digitized by Google

нашемъ золотѣ, въ нашихъ перьяхъ гулялъ этотъ герольдъ и трубилъ о дѣлахъ нашихъ? Нѣтъ, дитя, запой-ка лучше свою колыбельную пѣснь о Рейнѣ, матери сырой землѣ, и усни самъ подъ эту пѣсню сномъ непробуднымъ!

Digitized by Google

АКТЪ III.

Старинный господскій домъ, съ стриженной аллеей; на концѣ прудъ; крестьянки въ праздничныхъ нарядахъ, группою; впереди сцены столъ, на которомъ огромная суповая чаша, стаканы, графины, бокалы и закуска. Множество слугъ и дворовыхъ дѣвокъ въ различныхъ одѣяніяхъ, какъ водилось въ старину въ беспорядочныхъ господскихъ домахъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

ГРОМОДЕРИНЪ и КУРИЛКИНЪ (*сидятъ за столомъ и ведутъ попойку*).

КУРИЛКИНЪ. Почему я не муха?

ГРОМОДЕРИНЪ. Потому, что ты чѣловѣкъ.

КУРИЛКИНЪ. Знаю, да почему я не муха?... Окунулся бы въ стаканъ пунша, да и утонулъ бы въ немъ.

Digitized by Google

Громодеринъ. Браво!... правда, когда бы не вино, гадкое житье на свѣтѣ!... Ну, бабы, задремали!... Эй, Дуная!

(*Крестьянки составляютъ кружокъ, одна изъ нихъ надѣваетъ мужскую шляпу и ходитъ по срединѣ хоровода; хоръ затягиваетъ пѣсню*):

Какъ пошолъ нашъ молодецъ
Вдоль по улицѣ въ конецъ,
Ой, Дунай ли, нашъ Дунай,
Сынъ Ивановичъ Дунай!
Ахъ! какъ звали молодца,
Позывали удальца,
Ой, Дунай ли, нашъ Дунай,
Сынъ Ивановичъ Дунай!
Какъ во пиръ пировать,
Во бесѣдушку сидѣть,
На игрищѣ поиграть,
Ой, Дунай ли, мой Дунай
Сынъ....

Громодеринъ (*махая рукой*). Завыли! полно!.. полно!... Настю сюда, злодѣйку Настю (*слуга подзываетъ молодую, пригожую крестьянку; она отговаривается*). Проворнѣй!... не то.... (*Слуга подводитъ крестьянку; Громодеринъ даетъ ей поцалуй, потомъ свою руку поцаловать и вынимаетъ изъ бумажника бѣлую ассигнацію*). Вотъ тебѣ за боярскій поцалуй!

Digitized by Google

(Обращаясь къ Курилкину) Кой-чортъ! братецъ, не работы ли горбунчика?

Курилкинъ *(пожимая плечами)*. Сомнительная.

Громодеринъ. Ну да въ нашемъ краю сойдутъ съ рукъ! *(Отдаетъ другую бумажку)*. А что ни говори, братецъ, скучно жить на свѣтѣ. Эй! Гаврюшку, да Соньку! славно разбойница поетъ подъ бандуру. Да кларнетистовъ!

(Входитъ съ бандурой молодой, красивый, бойкій парень, въ сѣромъ армякѣ, между тѣмъ какъ жилетъ и прочее платье, довольно щегольское, обличаютъ въ немъ дворовато человѣка; за нимъ дворовал пригожая дѣвка, богато одѣтая, но грустная; подлѣ нихъ становятся два кларнетиста: одинъ съ подбитымъ глазомъ, съ краснымъ носомъ).

Курилкинъ. Что это у тебя, Гаврюшка, подъ наказаніемъ?

Громодеринъ. Дурь вошла въ голову; полюбилъ Соньку, а она его, да я-то не полюбилъ: за эту страстишку задавалъ порядочную страсть, да неймется: хочу въ солдаты. — Ну-ка заливную, про амуры ваши! Лихо, братецъ, поетъ, такъ и тянетъ за душу! *(Пѣвцы переговариваются съ музыкантами. Указывая на Гаврюшку)* Вѣдь онъ у меня грамотникъ, своею охотой, собака!...

Digitized by Google

Пѣвцы *поютъ:*

Смолкни, смолкни, молодой ямщикъ,
Мимо нашихъ оконъ ѣдучи;
Груди бѣлой не надсаживай;
Сердце безъ тебя давно болитъ.

Со востока пыль поднимется,
Запоетъ-то мой пригожій другъ:
Онъ разбудитъ ночку темную,
Встрепенется алая заря.

Онъ зальется, словно рѣченька
Говоритъ въ бѣгу по камышкамъ;
Онъ застонетъ, словно горлица,
Что воркуетъ знойно во саду.

Будто чарами недобрыми
Пѣсни тѣ заговорилъ:
Сердце хочетъ выскочить отъ нихъ,
Просится къ нему душа моя.

Чу! запѣлъ онъ.... припади къ землѣ,
Вѣтеръ буйный, гость докучливый;
Замолчи, валдайскій колоколъ:
Дайте мнѣ наслушаться его.

Ахъ! прости, прощай, родимая!
Убѣгу, куда потянетъ пѣснь.
Пропадай, моя головушка,
Воля моя, воля дѣвичья!

Digitized by Google

Громодеринъ. Прочь!... И безъ васъ тошно на свѣтѣ.... *(пьетъ и обнимается съ Курилкинымъ).* Народъ! умирать! *(всѣ кругомъ Громодерина падаютъ на землю).* «Жить и пиво варить!» *(Всѣ встаютъ и поютъ).*

Мы съ этого пива опять встанемъ,
Ладо мое, Ладо, опять встанемъ.

Мы съ этого пива въ ладоши всѣ ударимъ,
Ладо, мое Ладо, въ ладоши всѣ ударимъ.

(бьютъ въ ладоши)

Теперь, съ этого пива, всѣ передеремся,
Ладо, мое Ладо, всѣ передеремся.

(Женщины и мужики всѣ перемѣшиваются и подъ ладъ музыки толкаютъ другъ друга).

Курилкинъ. Ха, ха, ха!...

Громодеринъ. Довольно! по мѣстамъ! *(Всѣ расходятся на свои мѣста. Къ концу этой игры пріѣзжаетъ Остановъ и Сотовъ и становятся въ отдаленіи).*

Сотовъ. Боярскія увеселенія!

Остановъ *(пожимаетъ плечами).*

Громодеринъ. Докажи дружбу, задушевный, лобовую! *(пьютъ и обнимаются и, такимъ образомъ подходятъ къ пруду).* Хочешь, братецъ, докажу и я дружбу: брошусь для тебя въ прудъ!

Digitized by Google

Курилкинъ. Докажу и я: за тобой умирать, тамъ умирать вмѣстѣ (*хотятъ броситься въ прудъ, люди ихъ удерживаютъ; слышны колокольчики и бубенчики; сходятся гости одинъ за другимъ*).

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же, Остановъ, Сотовъ, Пугышковъ, Козявкинъ, Тузинъ, Переметкинскій и Македонскій.

Остановъ. Посмотри, нашъ Орестъ и Пиладъ гдѣ нашли умирать — въ водѣ!

Сотовъ. Да, это не ихъ стихія. Пойдутъ, какъ ключъ, ко дну. А была, видно, попойка порядочная. Неужели въ этой оргіи мы выберемъ себѣ исправника?

Остановъ. Чтожъ дѣлать, для успѣха нашего дѣла надо съ волками повыть.

Сотовъ. По моему, чѣмъ волковъ тѣшить, надо ихъ бить, гдѣ ни попадутся.

Остановъ. О, это не такъ легко, какъ ты думаешь по своему, по столичному! Эти гуси люди богатые; половина уѣзда имъ должна.... задаютъ пиры, купайся въ винѣ по колѣно!... въ губернскій городъ шлютъ обозы. — Тутъ не много сдѣлаешь!

Digitized by Google

Громодеринъ. Ну, до другаго дня. (*Увидавъ гостей*) Милости просимъ, милости просимъ, дорогіе гости! Эй! малый, наливочки! Народъ — долой (*толпа крестьянъ и дворовыхъ удаляются. Подаютъ наливку; Остановъ пьетъ, Сотовъ отговаривается*).

Громодеринъ. Видно, не стараго закала! Такой же хрустальный, какъ и Радугинъ, гвардеецъ и гордіонецъ.

Сотовъ. Прошу о Радугинѣ ни слова худаго. Этотъ хрусталь обдѣланъ въ такомъ огнѣ, въ какомъ вы не бывали — его съ гордостью можно употреблять и за царской трапезой.

Громодеринъ (*мигая вошедшему Македонскому*). А, господинъ секретарь суда? какъ думаешь?

Македонскій. Прошу прислушать, господа! Дѣло криминальное.

Остановъ. Ну, полно, господа, развѣ мы пріѣхали для ссоры? (*На ухо, Сотову*) И тебѣ охота связываться съ пьянымъ?

Сотовъ. Однакожъ, къ этому пьяному мы пріѣхали трактовать о дѣлѣ цѣлаго дворянскаго сословія.

Пурышковъ (*раскланиваясь, Громодерину*). Я не могъ преминуть сей вѣрной оказіи, чтобъ не засвидѣтельствовать вамъ моего нижайшаго почитанія.

Digitized by Google

Громодеринъ. А, здорово, всеобщій онекунъ! Говорятъ, славную старушку подцѣпилъ! Что, выторговалъ–таки духовную?

Пурышковъ. Не даромъ, батюшка! три года ходилъ около постели хворой.

Сотовъ. Утѣшитель духовный и тѣлесный!... Не бездѣлица! Кто, кромѣ васъ, взялъ бы на себя трудъ возиться съ этимъ тряпьемъ?

Курилкинъ. Въ это тряпье завернуто золото, мой милый!

Сотовъ. Милый твой?... Ошибся, видно, голубчикъ! (*Курилкинъ махаетъ рукой*).

Остановъ (*на ухо ему*). Ай, ай, какой ты задорный!... Да угомонишься ли, братецъ?

Сотовъ. Онъ можетъ такъ говорить съ лакеемъ своимъ или кто себя доброй волей запишетъ въ его лакеи.

Козявкинъ. Здравствуйте, честная компанія! Го, го, умора! Побился объ закладъ съ Аполлономъ Павлычемъ, что мой кривой иноходъ обгонитъ его тысячнаго рысака на трехъ верстахъ. Чтожъ на одной верстѣ засыпалъ его пылью. Правда, околѣли двѣ пристяжныя; пристяжныхъ, кучера долой.... чортъ знаетъ, не переломилъ ли себѣ ребра? да за то батюшка

Digitized by Google

коренникъ честно вывезъ — не ударилъ меня лицомъ въ грязь.

Громодеринъ. А что закладу?

Козявкинъ. Съ его стороны тысячный рысакъ и двѣ сотни придачи, съ моей иноходецъ и та же придача.

Курилкинъ. Что ему, горбуну? Плевое дѣло! у него, чай, въ обоихъ горбахъ набиты ассигнаціи.

Громодеринъ. За здоровье батюшки коренника!

Нѣсколько голосовъ. За здоровье батюшки коренника? (*Всѣ пьютъ, кромѣ Останова и Сотова, которые занялись жаркимъ разговоромъ*).

Сотовъ (*Останову*). Дѣти, достойные отца!

Громодеринъ (*мигая на нихъ*). Ой, вы, іезуиты!

Македонскій (*униженно подойдя къ Курилкину и потирая ладони*). Ваше высокородіе проговаривали что-то объ ассигнаціяхъ и горбунѣ.

Курилкинъ. Ну, да, братецъ.

Македонскій. Вѣрьте Богу, все пустые слухи... злыхъ людей не оберешься въ наше время!.. Я за него готовъ идти къ крестному цалованію... А не ровенъ часъ, какъ ваше словечко поймаютъ, да пустятъ въ ходъ... да какъ на дѣлѣ не докажете... Вы сами изволите вѣдать, ложному донос-

Digitized by Google

чику... осмѣливаюсь доложить изъ глубочайшаго желанія добра особѣ вашего высокородія.

Курилкинъ. И впрямь спасибо!.. Спасибо!.. пришли, родной, за овсецомъ-то. Подводы у тебя вѣдь не нанятыя!

Македонскій. Помилуйте, развѣ я изъ интересу, лишь изъ усердія...

Громодеринъ (*обнимая вошедшаго Тузина*). Хорошо, дружище! въ воскресенье откушать нашего хлѣба-соли не пріѣхалъ.

Тузинъ. Виноватъ, любезный, пробовалъ новую осетрину.

Громодеринъ. А у меня какая солонина духовая были! Чудо! деликатесъ!

Тузинъ. Солонина!.. Ахъ, Боже мой, солонина!

Громодеринъ. И стерлядка аршинная.

Тузинъ. И стерлядь. Да я хлѣба лишусь на цѣлую недѣлю. Лучше бъ не говорилъ: ночи не засну, все будутъ мерещаться солонина да стерлядь, стерлядь да солонина.

Громодеринъ. Ну, да мы поправимъ скоро это дѣло.

Сотовъ (*на ухо Останову, показывая на Перемѣткинскаго, стоящаго подлѣ него*). Это что за новое лицо?

Остановъ (*тихо Сотову*). Татаринъ или жидъ,

Digitized by Google

чортъ знаетъ! Досталось ему здѣсь какое-то имѣньице, служитъ афферѝстомъ у нашихъ и вашихъ. (*Обращаясь къ прочимъ*) Полноте, господа, изъ пустаго въ порожнее переливать; пора за дѣло. Сядемьте-ка и потолкуемъ... Вспомните, черезъ три дня дворянскіе выборы. Судьи и прочіе члены судовъ назначены; нынѣ хотѣли назначить исправника.

Громодеринъ. Да, да, сядемь-те и потолкуемъ. Эй! Филька, наливки! (*Всѣ садятся въ полукругъ, кромѣ Македонскаго, который становится за стуломъ Курилкина*). Что жъ ты!

Македонскій (*кланялсь*). Я и постою-съ.

Курилкинъ. Кого жъ бы намъ выбрать?

Громодеринъ. Есть одинъ гусь на примѣтѣ... ранту полковничьяго... гвардіонецъ... Надо бы проучить!.. Такой гордецъ, что и Боже упаси! Стариковъ насъ и знать не хочетъ; пріѣхалъ, и визита мнѣ не сдѣлалъ — хоть бы изъ уваженія къ моему состоянію и лѣтамъ!

Курилкинъ. Радугинъ? Да и у меня не былъ: гордіонъ!

Переметкинскій. И подступу нѣтъ ни съ той, ни съ другой стороны. Несносный человѣкъ!

Громодеринъ. На небо плюетъ!... Ой, ой! Республиканецъ!

Digitized by Google

Тузинъ (*задумавшись*). Солонина!.. Стерлядь!..

Громодеринъ. Эхъ, братецъ, какая тутъ солонина, мы толкуемъ о Радугинѣ.

Тузинъ. Да, да, не хорошій человѣкъ и стола съ нами гнушается!

Пурышковъ. Чтожъ? Почему бы не проучить голубчика! Выбрать его въ исправники!

Курилкинъ. Ему, чай, мало въ губернаторы!

Громодеринъ. Пожалуй, въ оберъ-прокуроры захочетъ!

Нѣсколько голосовъ. Проучить!... въ исправники его!... пускай потретъ лямку! (*Шепчутъ между собой и смѣются*).

Сотовъ. Позвольте....

Переметкинскій. Не дозволяемъ.

Сотовъ (*смотритъ на него съ презрительной усмѣшкой*).

Остановъ (*Сотову тихо*). Ради Бога, не мѣшай. Я самъ, черезъ протоколиста моего, навелъ ихъ на этотъ путь. Меня просилъ новый губернаторъ, человѣкъ благороднѣйшій.

Сотовъ. Такой же, какъ и прежній.

Остановъ. Боже упаси!.. Къ этому не прислала бы императрица кошелька въ день именинъ. О, этотъ человѣкъ благороднѣйшій! Онъ умолялъ меня постараться выбрать въ исправники Радуги-

Digitized by Google

на, который нѣкогда служилъ въ одномъ съ нимъ полку. Сказалъ мнѣ по секрету: «открывается дѣло очень важное по вашему уѣзду... Нарочно не произвожу слѣдствія... дождусь Радугина слѣдователемъ.

Сотовъ. Въ такомъ случаѣ я поддержу васъ (*громко*). И я предлагаю полковника Радугина въ исправники, но не потому, чтобы мстить за личныя неудовольствія: это неприлично русскому дворянину! нѣтъ, а потому, что я увѣренъ въ благородствѣ и твердости его правилъ, и ручаюсь, что онъ поддержитъ достойнымъ образомъ нашъ выборъ, защищая крестьянъ отъ незаконныхъ поборовъ и бѣдныхъ отъ угнетенія. Вы хотите его унизить, а онъ себя возвысить своею должностью. (*Слышенъ ропотъ*).

Остановъ. Позвольте мнѣ сказать слово за Радугина. Вышедши въ отставку и собираясь жениться, онъ долженъ былъ, тотчасъ по пріѣздѣ своемъ, заняться хозяйственными дѣлами, и потому не успѣлъ воздать должное почтеннѣйшимъ своимъ сосѣдямъ. Я увѣренъ, обживясь, онъ постарается загладить свою невольную вину. А, между тѣмъ, за тайну долженъ сказать вамъ, господа, что и самъ губернаторъ меня объ этомъ просилъ.

Нѣсколько голосовъ. Самъ губернаторъ!

Digitized by Google

Самъ губернаторъ! Въ исправники Радугина! рѣшено!

Переметкинскій. Честію клянусь, будетъ образецъ исправникамъ.

Остановъ. Да какъ же вы его давича бранили?

Переметкинскій. Ну, да вы видѣли, вѣдь надо было par camaraderie....

Остановъ. А кто отъ слова своего отступится, господа, да будетъ тому стыдно!

Всѣ (*единодушно*). Да будетъ стыдно!

Громодеринъ. Эй шипучки! Вспрыснемъ заочно новаго исправника!

Пурышковъ. Вотъ и Кремоновы. Что-то они скажутъ о выборѣ будущаго зятька.

Македонскій. Осмѣлюсь доложить, и у нихъ сильная партія — жалисты! Опасно-съ, какъ бы не укусили-съ!

явленіе iii.

Тѣ же, Кремоновъ и Аполлонъ Павловичъ.

Громодеринъ (*обнимая Кремонова*). Добро пожаловать, поздніе гости!

Кремоновъ. Дѣлъ куча, выдаю дочь; а не смѣлъ отказаться, мой почтеннѣйшій другъ!

Digitized by Google

Громодеринъ (*Аполлону Павловичу, ударя его дружески по ладони*). Здорово, здорово, дружище!

Апполонъ Павловичъ. Я увлекъ ужъ батюшку; мы такъ много уважаемъ васъ, что готовы броенть самыя важныя дѣла, лишь бы провести нѣсколько часовъ въ вашей пріятнѣйшей бесѣдѣ.

Сотовъ (*Останову*). Только не дѣланіе....

Остановъ (*дернувъ его за рукавъ на ухо*). Языкъ мой, врагъ мой!... Дастъ выпить кофейку—такъ закусишь его.

Сотовъ. Боюсь я его кофейка!....

Курилкинъ (*Кремонову*). Здорово, родной сколько лѣтъ, сколько зимъ! (*обнимаются*).

Громодеринъ. Эй, карты! Аполлонъ Павлычъ любитъ бостончикъ.

Аполлонъ Павловичъ. Не прочь.

Козявкинъ (*Аполлону Павловичу*). Рысачокъ мой.

Аполлонъ Павловичъ. И съ нимъ 200 рублей.

Козявкинъ. Помилуйте, совѣстно, хоть рысачка-то одного.

Аполлонъ Павловичъ. Развѣ вы хотите меня дарить? я подарковъ не беру.

Козявкинъ. Въ такомъ случаѣ не прочь и отъ денегъ (*тихо пожимая ему руку*). Прошу во всякомъ случаѣ располагать мною.

Digitized by Google

Аполлонъ Павловичъ (*Пурышкову*). Я написалъ полную квитанцію объ опекѣ вашей и отослалъ ее въ судъ.

Пурышковъ. Не знаю, какъ изъяснить вамъ мою благодарность, достойнѣйшій мужъ; безъ васъ дѣло проволокли–бы Богъ знаетъ сколько.

Македонскій (*Аполлону Павловичу пожимаясь*). Дрожечки–то у васъ, конечно, московскія?

Аполлонъ Павловичъ. Арбатскаго. А что, понравились? Купите.

Македонскій. Помилуйте, по нашимъ ли деньгамъ?

Аполлонъ Павловичъ. Заплатите мнѣ 50 рублей, и они ваши.

Македонскій (*стыдится вынуть изъ бумажника деньги*).

Аполлонъ Павловичъ. Пришлите прежде за дрожками, а тамъ сочтемся. (*Македонскій, униженно кланяясь, прячетъ деньги*).

Громодеринъ (*подаетъ Аполлону Павловичу карту*).

Аполлонъ Павловичъ (*не принимая*). Помилуйте, есть по старше меня: я возьму послѣ.

Громодеринъ. Вотъ за это люблю молодаго человѣка; стариковъ—таки уважаетъ, не то, что какой–нибудь шемотонъ.... (*Сотовъ, который стоитъ*

Digitized by Google

подлѣ него, беретъ карту безъ приглашенія; за нимъ Остановъ, Тузинъ и Аполлонъ Павловичъ садятся за карточный столъ, по временамъ слышны: «бостонъ, шесть въ сюрахъ, висть, ремизъ». Прочіе, гости и хозяинъ то прохаживаются по саду, то попиваютъ; Кремоновъ садится на углу карточнаго стола, возлѣ сына).

Аполлонъ Павловичъ *(Тузину)*. Какіе балыки я получилъ! Янтарь настоящій!

Тузинъ. Откуда вы это, родной, достали?

Аполлонъ Павловичъ. Это моя тайна! Угодно, подѣлюсь.

Тузинъ *(подавая ему руку черезъ столъ)*. Благодѣтель!

Громодеринъ. А знаете ли, Павелъ Иванычъ, мы безъ васъ къ будущимъ выборамъ исправника назначили.

Кремоновъ. Кто жъ удостоился?

Громодеринъ. Да, не взыщи, родной, твой будущій зятекъ, Радугинъ.

Кремоновъ. Помилуйте, какъ это.... *(Аполлонъ Павловичъ толкаетъ его колѣнкой)*. Полковникъ гвардіи—только что изъ службы....

Остановъ. То была служба коронная, а теперь не откажется сдѣлать намъ честь послужить дворянамъ.

Кремоновъ. Почему-бъ.... только.... не успѣлъ оглядѣться.... свадьба.... куча дѣлъ....

Digitized by Google

Аполлонъ Павловичъ (*толкая его опять колѣнкой и значительно взглянувъ*). Я увѣренъ, Александръ Андреичъ почтетъ за особенную честь исполнить желаніе здѣшняго дворянства. Онъ постарается доказать, что не мѣсто возвышаетъ человѣка, а человѣкъ мѣсто.

Переметкинскій. Ваши слова, вельможный господинъ, надо записывать золотыми буквами.

Аполлонъ Павловичъ (*кланяясь*). О!...

Сотовъ. Игра кончена.

Аполлонъ Павловичъ (*разсчитавъ*). Отъ меня приходитъ вамъ 95 рублей (*вынимаетъ изъ бумажника ассигнаціи*).

Сотовъ. Я ассигнацій не беру.

Кремоновъ (*бльднѣетъ и примѣтно смущенъ*).

Аполлонъ Павловичъ. Почему такъ, милостивый государь?

Сотовъ. Такъ, потому что не беру.

Аполлонъ Павловичъ. У всякаго барона своя фантазія!... Въ этомъ случаѣ добрый хозяинъ поможетъ мнѣ.

Громодеринъ. Что это за вольнодумство!... Начитался Валтера, да и хочетъ весь міръ поставить вверхъ дномъ. Вы, господинъ Сотовъ, обижаете гостя и вмѣстѣ хозяина. Я давно замѣтилъ, вы своей имажинаціей разстраиваете нашу ком-

Digitized by Google

панію. Не любо вамъ у насъ, такъ вотъ вамъ и двери, а погорячитесь, такъ не прогнѣвайтесь, полетите и въ окошко.

Сотовъ (*играя перочиннымъ ножикомъ, который вынулъ изъ жилета*). Прежде тотъ полетитъ на тотъ свѣтъ, кто осмѣлится наложить на меня руку.

Остановъ (*Громодерину*). Успокойтесь.

Сотовъ. Я самъ за честь почитаю оставить вашу достопочтеннѣйшую компанію, а все-таки (*иронически*) ассигнацій отъ господина Кремонова не беру.... (*удаляется*).

Громодеринъ. Эй, дворецкій! Наклади Сотову въ его экипажъ мѣди на 95 рублей. Прежде не пускать его со двора! Слышь.

Всѣ гости (*ходятъ и причатъ*). Браво!... славно.... отдѣлалъ молодца.

Переметкинскій. Саломоново рѣшеніе!

Аполлонъ Павловичъ. Сдѣлайте одолженіе, оставьте этого сумасшедшаго. Мы съ нимъ иначе раздѣлаемся.

Громодеринъ. Нѣтъ, нѣтъ, проучить молокососа! Слышь? Мѣди ему на 95 рублей.

Однакожъ, господа, дождикъ накрапываетъ, лучше подъ крышу. (*Всѣ начинаютъ уходить, одинъ за другимъ, вслѣдъ за хозяиномъ*).

Digitized by Google

Кремоновъ (*тихо сыну*). Переживу ли я этотъ день!

Аполлонъ Павловичъ (*любуясь мимоходомъ цвѣтами, громко*). Какіе пышныя піоны!... жаль, облетятъ нынѣ же....

Digitized by Google

АКТЪ IV.

Богато убранная гостиная. Вечеръ, блестящее освѣщеніе.

ЯВЛЕНІЕ I.

Аполлонъ Павловичъ и Мошнинъ (*послѣдній входитъ, осматриваясь, изъ боковой двери*).

Аполлонъ Павловичъ (*отводя его въ сторону*). Что, другъ, не слыхать ли чего?

Мошнинъ. Ни гу-гу, батинька. Все тихо, какъ на погостѣ. И кому говорить? Сотовъ прикусплъ язычокъ.... кофеекъ былъ хорошъ.... будетъ знать кошка, чье мясо съѣла; всѣ дворяне уѣхали въ губернію на выборы.

Аполлонъ Павловичъ. Да, любезный, эти выборы дадутъ намъ славную подмогу. Радугина,

Digitized by Google

жениха моей сестры, выберутъ въ исправники.... Смекаешь, какъ это выгодно? А все я смастерилъ. Его поставилъ противъ сосѣдей.... сказалъ, что мужики, не стоитъ вести съ ними компаніи; сосѣдей поставилъ противъ него, надулъ имъ черезъ добрыхъ людей въ уши: и гордецъ-то онъ, и въ грошъ ихъ не цѣнитъ, и хочетъ-то онъ въ губернскіе предводители.... А они на зло ему, и давай выбирать его въ исправники! дескать, низка для него должность; пускай потянетъ лямку!... Батюшка было и прочь, да я его остановилъ.

Мошнинъ. Не даромъ говорю, золотая головка! Съ тобой, чай, и въ аду не сгоришь, прости, Господи, мое прегрѣшеніе! Лишь бы поскорѣй окружить сестрицу-то съ Александромъ Андреевичемъ, а то и шило въ мѣшкѣ спрячемъ. Пойдетъ-ли на свою кровь?... А засѣдатели и секретари наши батраки. И понятыхъ за ведерку приведутъ.... понимаешь.... Кто самъ на себя руки наложитъ? А коли надо, и мертвый на себя покажетъ.

Аполлонъ Павловичъ *(идетъ къ двери и прислушивается; возвратясь)*. Теперь одинъ Каспаръ насъ связываетъ по рукамъ и ногамъ. Видно, рѣшился погубить насъ. Выпустить его на волю—все равно что на себя доказать. Ему ничего. Скажетъ, за-

Digitized by Google

садили его силой! А намъ бѣда! Во чтобъ не стало, надо ему на языкъ мертвую нетлю, и поскорѣй, нынче же!

Мошнинъ. Какъ бы безъ душегубства, батенька, прошу не прогнѣваться, тихимъ образомъ, то есть.... нельзя ли соннаго, сирѣчь.... зельица? Уснетъ себѣ голубчикъ, да и только.

Аполлонъ Павловичъ. Дѣло!... вотъ ужъ сутки не давалъ я ему пить. Жажда не свой братъ.... Въ питьѣ.... понимаешь?

Теперь нырни куда-нибудь, а тамъ и покажись на вечеринкѣ.... Я выйду, когда можно будетъ, а ты посматривай за отцомъ, да за зятькомъ.... Отецъ беспрестанно слѣдитъ меня.... я ужъ будто побаиваюсь его.... Ба! не потерялъ ли я ужъ волю свою?... Зачѣмъ же и трудился!... Нѣтъ, покуда она еще моя! покуда я господинъ здѣсь въ домѣ!...

Мошнинъ. А гдѣ жъ уложить почивать?...

Аполлонъ Павловичъ. Уложимъ.... въ подвалѣ же! Изъ опочивальни ежедневной сдѣлаемъ только вѣчную....

Мошнинъ. Какъ ключъ ко дну. Охъ, охъ! подумаешь, жизнь—то человѣческая на волоскѣ виситъ.

Аполлонъ Павловичъ. А тамъ... раззоримъ,

Digitized by Google

уничтожимъ все, чтобы и слѣдовъ не осталось... смотри.... (*грозитъ ему*) не обмани въ послѣдній разъ...

Мошнинъ. Эхъ, Аполлонъ Павловичъ, развѣ я нехристь какой! Изъ вѣры на послѣди вышелъ! Вѣдь у меня здѣсь домикъ, жена и дѣти....

Аполлонъ Павловичъ. То-то же!... Ну, рѣшено! Ступай, и приходи во время. (*Мошнинъ уходитъ въ боковую дверь*).

ЯВЛЕНІЕ II.

Аполлонъ Павловичъ (*одинъ*). Отъ чего жъ вдругъ такъ сердце замерло? Я думалъ, рѣшиться на это дѣло легко... Воображеніе иногда играетъ злодѣяніемъ, какъ дитя огнемъ, но дотронься только до него, и волосы встаютъ дыбомъ. Видно, на жизни человѣка лежитъ святая печать, наложенная самимъ Богомъ: ужасно человѣку сломить ее!... А воротиться нельзя.... Шагъ впередъ — грозное привидѣніе съ поднятою сѣкирой, и назадъ—то же. Поздно робѣть... Впередъ, Аполлонъ! Крѣпись, и привидѣніе исчезнетъ. (*Немного погодя*) Что жъ? Онъ уснетъ сномъ сладкимъ; его не потревожатъ житейскія горести.... (*Слышно вдали пѣніе*).

Digitized by Google

Отставала лебедь бѣлая
Отъ стада лебединова,
Приставала лебедушка
Что ко стаду сѣрымъ гусямъ....
Не умѣетъ лебедушка
По-гусиному кликати.
Не щипите меня, лебеди,
Ой, вы, гуси сѣрыя;
Не сама я къ вамъ залетѣла,
Занесла меня погодушка.

Люди поютъ, веселятся отъ души, наслаждаются жизнью, а я... такъ близко отъ нихъ, подъ ихъ пѣніе иду губить подобнаго себѣ... Что разнѣжился больно?... Баба!... Отцовская кровь заговорила.... Нѣтъ, мѣшкать нечего!

явленіе iii.

Вѣра Павловна, Елизавета Андреевна, Кремоновъ, Аполлонъ Павловичъ, нѣсколько подругъ Вѣры Павловны и дворовыя дѣвушки. (*Во время разговора ея съ подругами, Кремоновы, отецъ и сынъ, прохаживаются по комнатѣ*).

Вѣра Павловна (*своимъ подругамъ*). Благодарю васъ милыя, каждой изъ васъ желаю такихъ счастливыхъ минутъ. Ахъ! Кабы вы знали, что дѣлается въ моемъ сердцѣ?

Digitized by Google

Елизавета Андревна. Однакожъ, любезный женишокъ заставляетъ себя ждать... Я на твоемъ мѣстѣ отмстила бы ему послѣ свадьбы.

Вѣра Павловна. На моемъ мѣстѣ заговорила бъ другое. Можетъ ли теперь придти что-нибудь злое па умъ и сердце! чувствуешь только смутное блаженство, да и въ томъ не можешь дать себѣ отчета. (*Садится, около нея садятся ея подруги; Елизавета Андревна шепчетъ что-то горничнымъ; онѣ поютъ*):

На рѣчкѣ лебедушка кликала,
На быстрой бѣлая кликала:
Ты лети, лети, лебедь мой,
Ты лети, лети, бѣлый мой!
Безъ тебя ли мнѣ, лебедушкѣ,
Рѣчка не такъ течетъ,
Въ полѣ трава не зелена.

Въ теремѣ Вѣрушка плакала,
Въ высокомъ Павловна плакала:
Ты иди, иди, суженый мой,
Ты иди, иди, ряженый мой,
Скорѣй иди, Александръ господинъ,
Александръ, сударь Андреевичъ!

Безъ тебя ли мнѣ, дѣвицѣ,
Темно красное солнышко,
Не ясенъ свѣтелъ мѣсяцъ,
Теремъ не такъ стоитъ;

Digitized by Google

Безъ тебя ли мнѣ, дѣвицѣ,
Сахарны ясва на умъ нейдутъ,
Денечекъ весь пасмуренъ,
Не спится темною ночкой.

Аполлонъ Павловичъ *(про себя)*. Боюсь, чтобъ она не веселилась надъ бездной!... Надо спасти ее! Безъ жертвы не обойдется....

Кремоновъ *(отводя сына встороиу)*. Для такого радостнаго дня, дай свободу бѣдному Каспару.

Аполлонъ Павловичъ. Дамъ.... дамъ.... я ужъ объ этомъ и думалъ.

Кремоновъ. Ты такъ мрачно говоришь о такомъ добромъ дѣлѣ.

Аполлонъ Павловичъ. Нельзя же!... Надо взять предосторожности.... не быть въ дуракахъ. Видите радость, счастіе сестры!... Ну, если все это рушится?

Кремоновъ. Если.... все это рушится?!

Нѣсколько голосовъ. Женихъ! Женихъ!...

Кремоновъ и Аполлонъ Павловичъ *(идутъ на встрѣчу Радугина)*.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же и Радугинъ *(за нимъ нѣсколько молодыхъ франтовъ, разодѣтыхъ по-бальному)*.

Радугинъ *(поцаловавъ руку у невѣсты, обращается къ хозяевамъ дома)*. Рекомендую вамъ моихъ до-

Digitized by Google

брыхъ знакомыхъ: всѣ прекрасные молодые люди и танцоры до упаду.

Кремоновъ. Очень радъ дорогимъ гостямъ, очень радъ. (*Молодые люди раскланиваются и подаютъ Кремонову руку*).

Радугинъ. Хотѣлъ бы сюда на крыльяхъ вѣтра. Лошади мчали меня, а мнѣ все казалось, что тащусь на клячахъ. Кричу кучеру: пошолъ! пошолъ!... онъ летитъ по камнямъ и ухабамъ и вдругъ хлопъ — ресора по поламъ.

Кремоновъ (*всторону*). Худое предвѣстіе!

Вѣра Павловна. Не ушибся ли ты?

Радугинъ. Нѣтъ, слава Богу; кончилось только одною досадою на задержку. Теперь я съ тобою, мой другъ, и все забылъ. Какъ хочешь, по обычаямъ сговора, мы здѣсь не разстанемся. (*Садится рядомъ, за нимъ размѣщаются и другіе.*)

Вѣра Павловна (*тихо пожимая ему руку*). Ни здѣсь, ни тамъ! (*Показываетъ глазами на небо*).

Радугинъ. Да, я забылъ вамъ сказать: въ сѣняхъ стоитъ, пригорюнясь, бѣдный Мошнинъ, такой нарядный, сапоги со скрипомъ, и не смѣетъ сюда взойти, а говоритъ: хотѣлось бы полюбоваться на радость общую.

Кремоновъ. Почему жъ не такъ? Онъ не по-

Digitized by Google

мѣха. У насъ все по просту, безъ чиновъ и затѣй, по старинѣ, какъ вы сами хотѣли.

Аполлонъ Павловичъ. Мы давно ведемъ съ нимъ дѣла торговыя.... простой, но честный купецъ! (*Слугѣ*) Попросить сюда Мошнина!

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же и Мошнинъ.

Мошнинъ. Честной бесѣдѣ во компаніи многія лѣта желаемъ.

Кремоновъ. Вотъ мой будущій зять—прошу полюбить. (*Радугинъ подаетъ Мошнину руку*).

Мошнинъ (*низко кланяясь*). А насъ прошу жаловать. (*Всматривается въ жениха и невѣсту*).

Вѣра Павловна. Что ты такъ на меня пристально смотришь, Гаврила Силичъ?

Мошнинъ. Смотрю и думаю я: напрасно, матушка-сударыня, прошу не прогнѣваться, цвѣточекъ приколоть изволили — сами розанчикъ, да еще какой!... только вотъ что развернулся. А твое красное солнышко при тебѣ: есть отъ чего расцвѣтать.

Радугинъ. Благодаримъ за привѣтствіе, благодаримъ.

Digitized by Google

(Аполлонъ Павловичъ показываетъ возлѣ себя мѣсто Мошкину, этотъ садится).

Хоръ:

Чорна ягода смородина,
Прилегла къ круту бережку;
Прилегли кудри русыя
Къ лицу бѣлому, румяному;
Приглядывали красны дѣвицы
За румянымъ молодцомъ;
Русы кудри по плечамъ лежатъ
На Александрѣ да Андреевичѣ,
Брови чорныя, что у соболя;
Очи ясныя, что у сокола!
Слышишь ли, Александръ Андреевичъ,
Мы тебѣ пѣсню поемъ,
По имени называемъ,
По отечеству величаемъ.

Радугинъ *(кладетъ ассигнаціи на подносъ, который подноситъ дѣвушка).* Благодарю, милая!

(Мужчины встаютъ, одинъ за другимъ, съ мѣстъ, для поздравленія; имъ подносятъ бокалъ шампанскаго. На привѣтствія ихъ женихъ и невѣста откланиваются; Кремоновъ хочетъ говорить, но отъ слезъ не можетъ; Вѣра Павловна бросается къ нему въ объятія, потомъ въ объятія брата).

Аполлонъ Павловичъ *(взявши бокалъ).* Вѣра, въ счастіи своемъ не забудь брата! *(Выпиваетъ).*

Digitized by Google

Вѣра Павловна. О никогда, никогда: счастіемъ своимъ я вамъ обязана!

Одинъ изъ гостей (*взявъ бокалъ, обращается къ жениху и невѣстѣ*). Какъ искрится сіе вино, такъ искрилось бы всегда ваше счастіе. (*Выпиваетъ*).

Другой (*съ бокаломъ въ рукѣ, восторженно*). Сколько упоительныхъ каплей въ этомъ бокалѣ, столько упоительныхъ дней въ вашей жизни!

Третій (*расшаркавшись и откланявшись, молча выпиваетъ вино*).

Четвертый. Какъ.... сколько.... (*Краснѣетъ и не можетъ выговорить слова*).

Мошнинъ. Э, батюшка, оставьте, дней много въ году впереди, успѣете сказать. (*Взявши поднесенный бокалъ*). Матушка, сударыня, Вѣра Павловна, дорогъ у тебя на ожерельи окатный жемчугъ: унизалъ бы тебя Господь такими дорогими дочками! Милостивецъ, Александръ Андреевичъ, такъ и горятъ жаромъ золотые позументы на одежѣ твоей: такими золотыми сынками обложилъ бы тебя Господь!

Радугинъ. Отъ души спасибо за желанія, Гаврила Силаевичъ! (*Обращаясь къ Вѣрѣ Павловнѣ, тихо*). Этотъ, видно, не полѣзетъ въ карманъ за словами. (*Подноситъ вино дѣвушкамъ; онѣ, коснувшись*

Digitized by Google

губами бокала, поздравляютъ жениха и невѣсту, потомъ цалуются съ невѣстой).

Елизавета Андревна. Мнѣ чего желать тебѣ, милый другъ? Чтобы ты поскорѣй, такъ же весело, праздновала мою свадьбу.

Хоръ *(величаетъ гостей).*

Охъ, вы умныя головушки,
Разудалы, добры молодцы,
Вы охочи по пирамъ ходить,
Пѣсни слушати:
Вы охочи ли дѣвицъ дарить,
Не рублемъ, не полтинкою,
Золотою гривенкой.

(Молодые гости кладутъ на подносъ деньги, Мошникъ хочетъ тоже сдѣлать — отъ него не принимаютъ; онъ садится на свое мѣсто; хоръ поетъ):

Ужъ ты умная головушка,
Ты окладиста бородушка,
Гаврила Силаевичъ,
Ты охочь по пирамъ ходить,
Пѣсни слушати;
Ты досужъ по свадебкамъ гулять,
Дѣвушекъ сманивати,
Ты охочь ли дѣвушекъ дарить?
Не дари рублемъ, не полтинкою,
Ты дари золотою гривною.
Слышишь ли, бородушка,

Digitized by Google

Гаврила Силаевичъ,
Мы тебѣ пѣсню поемъ,
По имени называемъ
По отечеству величаемъ.
Станешь дарить —
Станемъ хвалить;
Не станешь дарить —
Станемъ корить.

Мошнинъ (*кладя на поднось серебряную мелкую монету*). Вы, голубушки, хвалили мою бородушку — моя бородка негодная, ощипанная, даритъ вамъ, чего стоитъ.

Хоръ.

На дружкѣ-то кафтанъ,
Весь по виткѣ сбиранъ;
Какъ на дружкѣ-то кафтанъ,
Съ фальшивой бахрамой,
Чулки вязаны,
И тѣ крадены,
На дружкѣ-то шляпенка
Послѣ сватушки чертенка.

Мошнинъ (*махая рукой*). Довольно, довольно, всѣ кишочки повымыли! Ну-те, окаянныя, вотъ вамъ.... (*Беретъ концами пальцевъ нѣсколько ассигнацій, потомъ, обращаясь къ Аполлону Павловичу*) Давно шипучки не пилъ.... такъ и ударило въ голову.

Digitized by Google

Аполлонъ Павловичъ. Э, вздоры какіе! Мужикъ ражій! (*На ухо ему*) Теперь пиръ въ разгулѣ.... иду.... время дорого.... можетъ, черезъ часъ будетъ поздно!... А ты поглядывай, да не плошай.... (*пробирается къ дверямъ и скрывается*).

Мошнинъ (*всторону*). Словно смолы кипучей налилъ мнѣ на сердце; хоть бы залить чѣмъ. (*Обращаясь къ Кремонову*) Позвольте еще, батюшка, на радости, шипучки? (*Слуга приноситъ ему вина, онъ выпиваетъ два бокала, одинъ за другимъ; подумавши, садится сначала небрежно на двухъ стульяхъ, а тамъ и кладетъ одну ногу на стулъ; вынувъ бѣлый батистовый платокъ изъ-за пазухи, завертываетъ конецъ его на указательный палецъ правой руки и повелительно машетъ имъ*) Эй, дѣвушки! «Черезъ рѣчку черемуха лежала».

Хоръ.

Черезъ рѣчку черемуха лежала,
Да никто по черемухѣ не ходитъ,
Лишь одинъ Александръ переходитъ,
Свѣтъ Андреевичъ переходитъ,
Душу Вѣрочку переводитъ,
Переводитъ онъ ее, цалуетъ
Черезъ низаное ожерелье,
Черезъ пуговки золотыя.

Радугинъ (*поцаловавъ Вѣру Павловну по-русскому обычаю*). Не правда ли, ангелъ мой, эти старинные обычаи стоятъ всѣхъ нашихъ новыхъ?

Digitized by Google

Вѣра Павловна. Какія бы несчастія ни ожидали насъ впереди, эти минуты ужъ довольно вознаградили за нихъ.

Радугинъ. Ужъ, конечно, блаженству нашему завидуютъ и не земные!...

Мошнинъ. Что жъ? ребята плясать!... Зачѣмъ же позвали васъ сюда!

Радугинъ. Въ самомъ дѣлѣ, господа, веселиться, такъ веселиться. (*Входятъ музыканты: двѣ скрипки, басъ и флейта; молодые люди аттажируютъ дѣвицъ, становятся въ пары и танцуютъ экосезъ, дѣлая мудреныя антраша и уморительныя шассе*).

Елизавета Андревна. Не правда ли, господа, вѣдь вы мнѣ обязаны выучкой экосеза-стрекозы? (*Молодые люди кланяются*).

Мошнинъ (*глядя на танцы, пощолкиваетъ пальцами*). Ай да, дѣвки, ай да, ребята!... ходи, юла, ходи живо!... Коси сѣно, коси сѣно! Павелъ, вели подать еще шипучки.... (*на ухо Кремонову*). Чортъ знаетъ, можетъ твой Аполлонъ душитъ его тамъ, а меня за него такъ и давитъ.

Кремоновъ (*робко озираясь тихо Мошнину*). Душитъ?... Опомнись, Гаврила Силаичъ.... онъ пошолъ его выпустить, что ты это вздоръ городишь.... тише, погубишь насъ.

Мошнинъ (*выпивъ еще бокалъ*). Гадко, ребята,

Digitized by Google

другую... русскую. (*Подходитъ къ музыкантамъ и велитъ имъ играть «Барыню»; тѣ продолжаютъ начатый танецъ*). Эй, Павелъ, что жъ не слушаютъ? Вѣдь мы товарищи: что я, что ты — мы здѣсь ровные господа.... одинъ профитъ....

Кремоновъ (*робко*). Конечно, Гаврила Силаичъ, мы съ мужичками хлѣбецъ готовимъ, а ты намъ продаешь его; да все-таки надо уважить другихъ гостей.... (*Тихо*) Образумься, не снимай съ плечъ головы! видишь, всѣ на тебя какъ странно смотрятъ.... Господи, Господи! обойди насъ горькой чашей....

Мошнинъ. Что мнѣ до твоихъ гостей! я самъ набольшій! Эй голубки: «отставала лебедь бѣлая»!... Не то, смотри, Павелъ....

(*Кремоновъ, испуганный, приказываетъ музыкантамъ перестать играть, а хору кричитъ: «отставала лебедь бѣлая». Танцы прекращаются, всѣ въ какомъ-то недоумѣніи; Радугинъ даетъ тихонько слугамъ приказъ окружить Мошнина и унесть его. Мошнинъ барахтается, хочетъ что-то закричать, но одинъ изъ слугъ зажимаетъ ему платкомъ ротъ. Его уносятъ*).

Радугинъ. Пойдемте въ другую комнату, пока вытолкаютъ отсюда этого козла. Залѣзъ въ виноградники Господни и погрязъ въ нихъ.

Digitized by Google

ЯВЛЕНІЕ VI.

Женская спальня. Кровать. По стѣнѣ большіе шкапы для платья. Портретъ фамильный отца Кремонова, во весь ростъ, и богатый туалетъ, на которомъ въ стаканѣ стоятъ цвѣты.

(*Портретъ двигается въ родѣ двери, изъ-за него показывается мало по малу Шафъ*).

Шафъ (*осматриваясь*). Господи! ты провелъ меня здраво по безднамъ; докончи свои милости, спаси меня отъ когтей эхидны!... Гдѣ я?... въ спальнѣ Вѣры Павловны. Это была нѣкогда спальня горбунова дѣда; видно, изъ нея сдѣлалъ онъ тогда лазейку въ свою лабораторію. На старости онъ перешолъ въ нижній этажъ. (*Слышенъ шумъ*). Идутъ... (*Шафъ спѣшитъ спрятаться въ одинъ изъ шкаповъ, который находится противъ туалета; входитъ дѣвушка, убираетъ что-то на туалетъ, смотрится въ зеркало и уходитъ. Шафъ выходитъ изъ шкапа*). Одно средство спуститься изъ окна! Помню, подлѣ стѣны стояли старыя деревья.... Убьешся!... Чтожъ? развѣ легче въ когтяхъ горбуна?... Повѣрю себя Господу (*Хочетъ отворить окно, слышенъ опять стукъ*). Кто-то идетъ на бѣду мою (*прячется опять въ шкапъ; входитъ Вѣра Павловна*).

Digitized by Google

ЯВЛЕНІЕ VII.

Вѣра Павловна и Шафъ.

Вѣра Павловна (*садится и задумывается*) Нѣтъ, отъ счастія не умираютъ! Не ужъ ли на свѣтѣ есть еще блаженство выше того, которое я испытала? (*Входитъ горничная*) Ступай, ужинай, или спи себѣ, милая! Нужно будетъ, позову тебя, или сама раздѣнусь (*горничная мышкаетъ*). Ступай, я тебѣ говорю, оставь меня (*горничная уходитъ*). Отъ удовольствія и спать не могу. Буду еще мечтать. Хотъ заочно побесѣдую еще съ нимъ, лишній разъ мысленно поцалую его.... Ахъ, какъ онъ хорошъ!... какъ обворожительны ласки его!... О, онъ будетъ любить меня нѣжно, страстно.... Каждое слово, каждый взглядъ ручаются въ этомъ. Помню всѣ слова его на память сердца!... Не говоритъ, а глаза его такъ сладко волнуютъ мнѣ душу!... Милый Александръ, клянусь посвятить тебѣ всю жизнь мою, всѣ помыслы....

Шафъ (*высмотрѣвъ изъ двери шкапа и становясь на колѣна, тихо*). Вѣра.... Павловна....

Вѣра Павловна. Мнѣ показалось, кто-то назвалъ меня по имени.

Digitized by Google

Шафъ (*сложивъ руки*). Спасите меня, Вѣра Павловна!

Вѣра Павловна. Ай!

Шафъ. Одно громкое слово ваше, и я погибъ, и вы погибли, всѣ, всѣ.

Вѣра Павловна. Что вы хотите отъ меня?... въ полночь?... въ моей спальнѣ?...

Шафъ (*встаетъ и, заперевъ дверь, кладетъ ключъ передъ Вѣрой Павловной*). Всемогущимъ Богомъ клянусь, я не злодѣй.... вы знаете меня.... сколько лѣтъ я былъ вашимъ учителемъ!... Видите мое лицо, мои руки.... онѣ изсохли; я дрожу, какъ былина, которую качаетъ вѣтеръ.... Что могу я, полумертвецъ?... Не подумайте, чтобы я былъ сумасшедшій, хотя съ виду и похожъ на него. Я только несчастный.... ужасно несчастный! Вы слезъ моихъ не видите.... у меня нѣтъ болѣе слезъ.... я ихъ выпилъ всѣ на дняхъ, вмѣсто питья.... Полтора года въ заточеніи, здѣсь, въ сыромъ подвалѣ.... два дня не было капли во рту.... Я вижу, здѣсь у васъ цвѣты въ водѣ.... позвольте....

Вѣра Павловна. Можетъ быть, ядовитые цвѣты.

Шафъ. Не могу вынести.... губы запеклись,

Digitized by Google

грудь сожгло (*вынимаетъ цвѣты изъ стакана и выливаетъ воду*). Ахъ! какъ хорошо!

Вѣра Павловна. Страшно! и не понимаю ничего!... Откуда жъ вы ко мнѣ?

Шафъ (*двигаетъ портретъ и, отворивъ за нимъ потаенную дверь, указываетъ Вѣрѣ Павловнѣ сходъ внизъ*). Оттуда!... тамъ, подъ землею, склепъ.... свѣта Божьяго не видать.... настоящая могила! Закрою скорѣй! Сердце замираетъ отъ одной мысли, что можно опять туда, хоть на одну минуту.

Вѣра Павловна. Кто жъ васъ засадилъ туда, бѣдный Каспаръ Иванычъ?

Шафъ. Вашъ братъ, вашъ отецъ.

Вѣра Павловна. Можетъ ли это быть!... Что вы имъ сдѣлали?

Шафъ. Ничего, кромѣ добра.

Вѣра Павловна. Не постигаю; объяснитесь хорошенько.

Шафъ. Ужасно выговорить, для какого дѣла они заключили меня.... Откуда жъ у нихъ проявилось вдругъ такое богатство?... Вы знаете, я пропалъ безъ вѣсти.... сердце ваше обольется кровью, если я вамъ скажу одно слово.... На васъ, милостивая госпожа, я вижу праздничное платье; отъ этого слова оно сдѣлается чернѣй всякаго траурнаго; цвѣтокъ высохнетъ на груди

Digitized by Google

вашей, волосы ваши побѣлѣютъ въ одинъ мигъ... Нѣтъ, лучше бѣгите изъ вашего дома, пока кто-нибудь въ немъ не произнесъ при васъ этого слова. Домъ?... онъ не вашъ завтра; завтра придетъ грозный законъ, и не оставитъ въ немъ камня на камнѣ. Бѣгите отца, брата.... ихъ нѣтъ болѣе у васъ... ужасное злодѣяніе поставило между ними и вами вѣчную преграду. Оставьте родину, отечество.... бѣгите со мною, ко мнѣ, на Рейнъ.

Вѣра Павловна. Каспаръ Иванычъ, сжальтесь надо мною.... пощадите меня, ради Бога пощадите.... я помолвлена, у меня женихъ — вы знаете.

Шафъ. Несчастная! не скрѣпляйте этого союза: онъ тотчасъ порвется, какъ гнилая нитка. Не думайте, чтобы для васъ существовало здѣсь счастіе: нѣтъ, злодѣи у васъ все отняли, даже имя.... понимаете ли? Завтра выйдете за мужъ, и мужъ вашъ будетъ гнушаться васъ, дочери дѣлателя....

Вѣра Павловна. О, ради дѣтей вашихъ, не договаривайте.... *(падаетъ безъ памяти на диванъ).*

Шафъ. Господи! не убилъ ли я ее?... Заточеніе сдѣлало меня какимъ-то изступленнымъ *(переноситъ ее осторожно на диванъ и третъ ей руки).* Слава Богу, жива.... пульсъ бьется.... Да что ей и въ жизни!... Но мнѣ надо думать о спасе-

Digitized by Google

ніи.... Минуты дороги.... *(отворяетъ окно)*. Только этотъ путь мнѣ остается.... скину съ себя, *(снимаетъ верхнее платье и завязываетъ его ремнемъ)*, а то могу зацѣпиться за сучья.... *(Задумывается)*. Паспортъ, деньги на груди.... Боже милосердый! Дай мнѣ еще разъ увидѣть жену и дѣтей.... и облегчи участь этой несчастной *(выпрыгаетъ изъ окна и исчезаетъ)*.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Вѣра Павловна *(одна, приходитъ въ себя)*. Что я видѣла? Что я слышала?.. Не былъ ли это тяжкій сонъ? Нѣтъ, вотъ и отворенное окно.... Шафъ, вѣрно, черезъ него вышелъ. Хоть бы онъ спасся!

Простите, мои радости, мое счастіе на вѣки. Прости, Александръ, я ужъ тебя недостойна, я дочь, сестра дѣлателей.... *(плачетъ)*.

Теперь многое становится мнѣ яснымъ.... Помню намеки, слухи... Понимаю дерзость Мошнина.... страхъ и покорность отца.... деспотизмъ брата.... Боже мой! можетъ быть, батюшка былъ увлеченъ любовью ко мнѣ: онъ хотѣлъ избавить меня отъ униженія бѣдности, составить мое счастіе.... Вотъ оно — это счастіе!... Теперь все кончено; связи мои съ міромъ разорваны.. *(Слы-*

Digitized by Google

по движенію за портретомъ). Кто еще? Иди.... теперь не боюсь никого, хоть бы пришолъ самъ сатана. (*Входитъ Аполлонъ Павловичъ, чрезвычайно встревоженный*).

ЯВЛЕНІЕ IX.

Вѣра Павловна и Аполлонъ Павловичъ.

Аполлонъ Павловичъ. А! гдѣ онъ?... ты все знаешь....

Вѣра Павловна. Да, знаю, несчастный... Лучше бъ я лишилась разсудка до этого часа! Но, слава Богу, тотъ, кого ты ищешь, ужъ далеко. Одною жертвою меньше.

Аполлонъ Павловичъ. Лжешь! онъ здѣсь... я его сейчасъ видѣлъ.... его тѣнь мелькнула передъ мною.... Ты его спрятала. Я перерою всѣ мышиныя норы, всѣ тайники твоего дѣвственнаго гардероба. (*Осматриваетъ во всѣхъ углахъ и въ гардеробномъ шкапѣ*). Онъ мнѣ нуженъ.... Наша судьба, наша жизнь въ его рукахъ.... понимаешь ли ты, женщина?

Вѣра Павловна. О! еслибъ могла не понимать!... Его нѣтъ здѣсь — довольно ли съ тебя?

Аполлонъ Павловичъ (*возвращается къ сестрѣ и съ жестокостью схватываетъ ея руку*). Гдѣ онъ? куда

Digitized by Google

ушолъ? Говори! (*Вѣра Павловна молчитъ*). Злодѣйка! ты мнѣ скажешь правду, я вымучу ее у тебя.

Вѣра Павловна. Глупецъ! развѣ ты не знаешь меня? Когда вонзили ножъ въ грудь человѣка, что ему укушеніе мухи?...

Аполлонъ Павловичъ (*бросается передъ нею на колѣна*). Вѣра, сестра, другъ мой, на колѣняхъ молю тебя, скажи, гдѣ онъ.... не погуби насъ... Неужели ты желаешь видѣть отца своего въ оковахъ?

Вѣра Павловна. Поздно, не снимешь ихъ теперь.... Шафа нѣтъ здѣсь, говорю тебѣ, какъ святъ Богъ. Вѣришь ли ты еще Богу?

Аполлонъ Павловичъ (*бросается къ окну и взглянувъ въ него*). А! онъ на деревѣ.... Ружье — и всему конецъ!... (*Бросается къ двери*).

(*Вѣра Павловна становится на колѣна и молится. Черезъ нѣсколько минутъ слышенъ выстрѣлъ подъ окномъ и затѣмъ паденіе чего-то тяжолаго*).

Вѣра Павловна. Злодѣй! онъ убилъ его.

Аполлонъ Павловичъ (*подъ окномъ*). А! проклятье!... посыпались только перья.

Вѣра Павловна (*подходитъ къ окну и со страхомъ прислушивается*). Неслышно стона.... кабы промахъ! Чу! вдали бѣжитъ человѣкъ; братъ за

Digitized by Google

нимъ въ погоню.... упалъ.... слава Богу!... Господи, милосердый отецъ! спаси несчастнаго.... укрой его подъ крыломъ своей ночи, уравняй бѣглецу дорогу, чтобы ноги его не запутались обо что, склони на пути его сердца людей, чтобы дали ему убѣжище и скрыли отъ гонителей. Хоть за страданія мои дай ему увидѣть тѣхъ, кого онъ любитъ.

Digitized by Google

АКТЪ V.

Комната въ домѣ Радугина.

ЯВЛЕНІЕ I.

Радугинъ и Елизавета Андревна.

Радугинъ. Вотъ и я, милый другъ, съ выборовъ.

Елизавета Андревна. Ну, что было тамъ интереснаго?

Радугинъ. О! много—особенно для меня, для тебя, для Вѣры. Я пріѣхалъ ужъ къ концу выборовъ, моя участь была ужъ рѣшена тамъ безъ меня. Поздравь меня съ должностью....

Елизавета Андревна. Съ какою?

Радугинъ. Отгадай: удостоило дворянство здѣшнее....

Digitized by Google

Елизавета Андревна. По крайней мѣрѣ, въ уѣздные предводители.

Радугинъ. Нѣтъ, въ исправники.

Елизавета Андревна (*иронически*). Поздравляю. Такъ Вѣра Павловна будетъ исправницей.

Радугинъ. А почему бы не такъ! Хоть я и противъ желанія выбранъ, за честь почитаю принять эту должность. Послужу еще моему царю и отечеству, и на новомъ моемъ поприщѣ докажу, что можно быть имъ-полезнымъ на всякой ступени. Съ этой минуты считаю новыя мои обязанности.... священными.

Елизавета Андревна. Но, какъ хочешь—видно, твои непріятели желали тебѣ сдѣлать зло.

Радугинъ. А я отомщу имъ за то всѣмъ возможнымъ добромъ, какое только въ состояніи буду сдѣлать. Что жъ касается до Вѣры Павловны, то, я увѣренъ, она повторитъ мои слова и не слыхавши ихъ. Хочу, жажду ее видѣть.... Ты не повѣришь, какъ я спѣшилъ. Успѣлъ только присягнуть на новую должность, явиться къ своему начальству, и полетѣлъ сюда. Ну, что тамъ, здоровы ли?

Елизавета Андревна. Ѣздила къ нимъ, но никого дома не застала. Сказали люди, уѣхали за покупками въ нашъ уѣздный городокъ; между

Digitized by Google

тѣмъ на деревнѣ мальчикъ ихъ говорилъ, что дома. Странно!

Радугинъ. Эка бѣда, что мальчикъ совралъ!

Елизавета Андревна. Встрѣтила Мошнина на дворѣ.... прошолъ какой-то смущонный. Видно, совѣстится своей продѣлки на вечерѣ.

Радугинъ. Плутъ порядочный! Не клади ему пальца въ ротъ. Только меня очень удивляетъ, какъ онъ командуетъ въ домѣ Кремоновыхъ, и какъ старикъ слушается его и будто побаивается. *(Входитъ слуга).*

явленіе III.

Тѣ же и Слуга.

Слуга. Пріѣхалъ изъ губернскаго города купецъ, проситъ позволенія видѣться съ вами — говоритъ, хлѣба хочетъ купить.

Радугинъ. Зови. *(Слуга уходитъ).* Кстати на свадьбу денежки нужны.

явленіе III.

Радугинъ, Елизавета Андревна и Купецъ.

Купецъ (*кланялся и озирался*). Его превосходительство, господинъ гражданскій губернаторъ из-

Digitized by Google

волитъ свидѣтельствовать вамъ свое почтеніе и приказалъ вручить вамъ лично это письмецо.

Радугинъ *(принимаетъ письмо)*. Благодарю покорно за трудъ, прошу садиться. *(Купецъ садится. Радугинъ, разсматривая куверть, про себя)* Секретно?... съ купцомъ... Что бы это значило?.. *(Распечатываетъ и читаетъ также про себя)* «Я нарочно дождался вашего выбора для важнаго слѣдствія.» А такъ вотъ гдѣ ларчикъ скрывается! «Податель этого письма слѣдственный приставъ Соловкинъ; онъ наряженъ подъ начальство ваше». *(Взглянувъ значительно на пристава, продолжаетъ)* «Отъ него же получите офиціальную бумагу о назначеніи васъ исправникомъ, и вмѣстѣ другую по дѣлу, которое вамъ поручается. Знаю васъ, и потому не имѣю нужды ограждать свое довѣріе обыкновенными фразами о благородствѣ вашей души, усердіи и проч.» Хоть за это спасибо. Скорѣй къ дѣлу!... *(Слѣдственному приставу)* Прошу садиться. Надѣюсь, мы съ вами скоро кончимъ на счотъ продажнаго хлѣба. *(Читаетъ далѣе; на лицѣ Радугина примѣтно возрастающее смущеніе, ужасъ и грусть; руки его дрожатъ).* «По сосѣдству вашему дѣлаются.... Преступники отецъ и сынъ.... Кремоновы; участникъ ихъ купецъ Мошнинъ». *(Вслухъ)* Нѣтъ, нѣтъ, это гнусная выдумка, это ложь! Ихъ окле-

Digitized by Google

ветали.... Богатство ихъ породило завистниковъ....

Слѣд. Приставъ *(тихо Радугину)*. Кто эта молодая особа?

Радугинъ. Сестра моя.

Слѣд. Приставъ. Прикажите ей удалиться... *(Тихо)* Я имѣю вѣрныя доказательства; я докажу... ручаюсь головой моей.

Радугинъ. Ужасно!... Другъ мой — все кончено!... *(Рыдая бросается обнимать сестру)*. Молись за меня! Молись за нее.

Елизавета Андревна. Что съ тобой, душа моя?

Радугинъ. Господь наложилъ на насъ руку свою.... О тяжело!... Лучше бъ умереть мнѣ было на войнѣ!... Зачѣмъ поручили они мнѣ это дѣло?... развѣ они не знали?... Проклятая должность! Я отъ нея отказываюсь, отказываюсь отъ всего.... Прочь отъ меня, сударь, къ чорту съ вашими бумагами! Вотъ вамъ и секретное письмо!... *(Раздираетъ его въ клочки)*.

Слѣд. Приставъ *(собирая клочки и завязывая ихъ въ узелъ платка)*. Позвольте придти къ вамъ, когда будете спокойнѣе. А я немедленно приступлю къ дѣлу, согласно присягѣ моей. Буду вамъ нуженъ, такъ вы можете найти меня по слѣдующему

Digitized by Google

адресу, который вы, конечно, не откажетесь отъ меня принять.

Радугинъ (*беретъ записку и прячетъ у себя въ жилетъ*). Хорошо!... Оставьте меня, сударь; дайте мнѣ образумиться. Вѣдь вы человѣкъ, не звѣрь же! (*Приставъ идетъ къ дверямъ*). Постойте! (*Приставъ возвращается*). По этому дѣлу вы у меня подъ начальствомъ?

Слѣд. Приставъ. Точно такъ.

Радугинъ. Такъ я вамъ приказываю не начинать дѣла до тѣхъ поръ, пока я вамъ не скажу.

Слѣд. Приставъ. Но если мы упустимъ время и случай?

Радугинъ. Я за это отвѣчаю.

Слѣд. Приставъ. Въ такомъ случаѣ примите отъ меня бумагу и дайте мнѣ письменный приказъ.

Радугинъ (*беретъ бумагу и, написавъ приказъ, отдаетъ ему*). Теперь, прощайте.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Радугинъ и Елизавета Андревна.

Елизавета Андревна. Милый другъ, скажи, что съ тобою сдѣлалось?

Радугинъ. Не могу.... это не моя тайна.... ужасная тайна!... Любовь, долгъ.... вся жизнь моя тутъ!... Господи, я лишусь разсудка!... Эй!

Digitized by Google

человѣкъ! (*входитъ слуга*). Лошадей! Проворнѣй! (*слуга уходитъ*). Поѣду....

Елизавета Андревна. Къ кому жъ ты поѣдешь въ такомъ состояніи?

Радугинъ. Поѣду къ нимъ.... къ ней....

Елизавета Андревна. Возьми и меня съ собою.

Радугинъ. Нѣтъ, этого нельзя! Ты не должна болѣе переступать порогъ ихъ дома.... Бѣдная Вѣра!... О, кабы ты знала, какъ она несчастна!... (*Обнявъ ее, уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ V.

Комната въ домѣ Кремоновыхъ.

Радугинъ (*одинъ*). Съ какими чувствами былъ я здѣсь недавно и съ какими прихожу нынѣ! Какъ все приняло мрачный видъ, все опустѣло! Будто готовятся на погребеніе.... Отъ стѣнъ вѣетъ тлѣніемъ. А давно ли радовались здѣсь, пѣли пѣсни, пировали счастіе и любовь!... четыре дня тому назадъ и—нынѣ... кажется, цѣлая вѣчность между ними лежитъ.

Жарко, а лихорадка бьетъ меня.... День, два и я не выдержу.... Куда бъ хорошо!

Что-то долго нейдетъ она? Я приказалъ просить ее одну, сказалъ, что очень нужно переговорить наединѣ.... А тѣхъ, не хочу и видѣть!...

Digitized by Google

Да вотъ и она. Какая перемѣна въ ней!... Неужели?...

ЯВЛЕНІЕ VI.

Радугинъ и Вѣра Павловна.

Вѣра Павловна (*силясь улыбнуться*). Вы меня спрашивали?

Радугинъ. Вы нездоровы, Вѣра Павловна?

Вѣра Павловна. Да, нездорова.

Радугинъ (*береть ея руку*). Рука ваша ледяная.

Вѣра Павловна. Нѣтъ, мнѣ жарко.

Радугинъ. Что съ вами сдѣлалось? Вы едва говорите, вы такъ холодны ко мнѣ. Такъ скоро?...

Вѣра Павловна. Нѣтъ.... ничего.... я только очень нездорова.

Радугинъ. О! несмотрите такъ на меня.... вы сокрушаете мою душу. (*Послѣ нѣкотораго молчанія*) А я хотѣлъ было объявить вамъ пріятную вѣсть: меня выбрали въ исправники.

Вѣра Павловна. Поздравляю.

Радугинъ. Для васъ бы ничего быть исправницей?

Вѣра Павловна. Почему бъ!

Радугинъ. Только вотъ что непріятно. Мнѣ дали тотчасъ же несносное порученіе... гадкое... сдѣлать слѣдствіе по фальшивымъ ассигнаціямъ.

Digitized by Google

(Рука ея сильно вздрагиваетъ, онъ бросаетъ руку и потомъ зорко всматривается въ лицо Вѣры Павловны). Вообразите, здѣсь, близко дѣлаютъ.... вы не знаете.... *(Вѣра Павловна перемѣняется въ лицѣ и молчитъ).*

Радугинъ. Прекрасная работа!... и легкая!... Можно, по крайней мѣрѣ, разомъ разбогатѣть.... выкупить 1000 душъ, заплатить долги, дочкѣ дать богатое приданое.... закинуть потомъ сѣти для ловли жениха, подцѣпить дурачка-сосѣда, составить выгодную партію....

Чудная работа, право! я хочу самъ попробовать.... А вы какъ?...

Вѣра Павловна *(падаетъ въ обморокъ).*

Радугинъ. А! и она участница.... И она, знавши все, хотѣла оклеймить имя честнаго человѣка!... Какъ она ловко притворялась!... Теперь не любовь, а презрѣніе къ тебѣ! Эй, люди, отецъ, братъ, помогите ей!... А какъ я любилъ ее!... Несчастная!...

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же и Кремоновъ.

Кремоновъ. Что такое? Боже мой!... Вѣра!

Радугинъ. Ничего, ничего! Мы только распрощались! За тѣмъ все по формѣ обстоитъ бла-

Digitized by Google

гополучно.... Полюбуйтесь на вашу дочку, сударь!... Ваше дѣльце!... *(Бросивъ на Кремонова презрительный взглядъ, уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Кремоновъ, Аполлонъ Павловичъ и Вѣра Павловна.

Аполлонъ Павловичъ *(схвативъ руку отца, который стоитъ въ горести надъ дочерью, и, увлекая его, всторону).* Все открыто. Радугинъ объявилъ сестрѣ.... Я только къ Мошнину.... одна верста.... Мигомъ назадъ. Еще не все пропало. Вы безъ меня... пожаръ—и всему конецъ! *(При послѣднихъ словахъ Вѣра Павловна приходитъ въ себя)* Вѣра приходитъ въ себя.... снесемъ ее на канапе *(поднимаютъ и усаживаютъ на диванъ).* Теперь за послѣдній подвигъ....

Кремоновъ. Не знаю, достанетъ ли меня на это....

Аполлонъ Павловичъ. О! тогда мы пропали.... *(увлекаетъ отца съ собой).*

ЯВЛЕНІЕ IX.

Вѣра Павловна *(одна).* Пожаръ — и всему конецъ?... А! понимаю. Но у отца не станетъ на это духу.... Я за него исполню. Отецъ жертво-

Digitized by Google

валъ собою для меня, надо отплатить ему тѣмъ же. Жертва отъ меня не важная! Мое все лучшее дала мнѣ судьба только на одинъ мигъ. Все пропало, какъ сонъ!... Что остается мнѣ впереди? Позоръ или смерть. Такъ ее, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. По крайней мѣрѣ она на что-нибудь годится.... Спасу имя отца отъ позора. О, какъ жестока была судьба! Даже отняла у меня отраду видѣть хотя сожалѣніе любимаго человѣка. Съ какимъ презрѣніемъ смотрѣлъ онъ на меня! Я думала; его взглядъ уничтожитъ меня въ прахъ.... Онъ увѣренъ, что я участница ихъ. И въ гробъ-то уношу съ собою его презрѣніе.... Кто меня оправдаетъ?... Развѣ ты, Господи! *(Становится на колѣна)* Боже милосердый! не вмѣни на судѣ Твоемъ моего проступка; Ты видишь, я хочу спасти честь отца моего. Еще одна молитва къ Тебѣ, Многомилостивый.... сдѣлай, о мой Боже, чтобы Александръ узналъ, что я невинна.... съ этой мыслью я умру спокойнѣе. Себя поручаю твоему милосердію. Теперь къ дѣлу. Не останется слѣдовъ. Огонь разольется по всему дому. Пускай смерть застанетъ меня въ молитвѣ объ отцѣ, объ немъ.... Кто подумаетъ, чтобы пожаръ сдѣланъ былъ съ умысломъ! Тогда бы не погибла дочь и сестра!... Ее предупредили бы, спасли.... *(Съ ра-*

Digitized by Google

достью) О! я ужъ вижу, какъ огонь быстро разливается на моемъ жертвенникѣ! *(Уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ X.

Въ комнатѣ дома Радугиныхъ. Вечеръ.

Радугинъ и Елизавета Андревна.

Елизавета Андревна. Что былъ у нихъ?

Радугинъ. Былъ.

Елизавета Андревна. Чтожъ тамъ?

Радугинъ. Ничего, прекрасно! Какъ нельзя лучше! Распростился съ Вѣрою Павловной. Все обошлось порядкомъ — какъ водится, былъ и обморокъ.

Елизавета Андревна. Распростился! а.... свадьба?

Радугинъ. Развѣ мало жениховъ и безъ меня? Можетъ, сыщется какой-нибудь вѣтошникъ.... Мнѣ-то что?... Отнынѣ запрещаю тебѣ говорить объ нихъ. Презрѣнное семейство!

Елизавета Андревна. Отецъ и сынъ, можетъ быть; но Вѣра.... О! я поклянусь всѣмъ священнымъ, что не найдется другой, съ такою чистою, прекрасною душою. Не только братъ мой, приди мать съ того свѣта, и та не заставитъ меня сказать противное. Буду говорить объ ней, любить ее, пока во мнѣ хотя остатокъ жизни будетъ.

Digitized by Google

Радугинъ. Не спорю — прекрасная, благородная дѣвица!... Пускай будетъ по-твоему.... не всѣмъ же разочаровываться!

явленіе xi.

Тѣ же и слуга.

Слуга. Давишній купецъ.

Радугинъ. Зови, скажи, что давно жду. (*Обращается къ сестрѣ*) Поди въ свою комнату, мой другъ, и не мѣшай мнѣ (*Елизавета Андреевна уходитъ*).

явленіе xii.

Радугинъ и Слѣдственный Приставъ.

Радугинъ. Виноватъ, ваша правда! Нечего продолжать слѣдствіе.... Улика была на лицо.... Прикажите ночью окружить домъ.

Слѣд. Приставъ. Надо это сдѣлать сейчасъ же. Мои лазутчики дали мнѣ знать, что вы тамъ были и навели сильное подозрѣніе. Горбунъ изъ-за двери слышалъ вашъ разговоръ съ сестрою... примутъ мѣры.... Надо предупредить.

Радугинъ. Такъ прикажите сію минуту.

Слѣд. Приставъ. Я ужъ приказалъ. Мошнина послалъ я взять подъ стражу. Извините, я дѣйствовалъ противъ вашего предписанія.

Digitized by Google

Радугинъ. Благодарю! Вы спасли мою честь. Теперь продолжайте ваше дѣло. Я самъ вслѣдъ за вами буду на мѣстѣ. (*Слѣдственный Приставъ уходитъ*). Кабы кончилось безъ меня!...

явленіе XIII.

Радугинъ и Слуга.

Слуга. Какой-то мужичокъ имѣетъ крайнюю нужду до васъ.

Радугинъ (*сторону*). Можетъ быть, по этому же проклятому дѣлу. (*Вслухъ*) Позови.

явленіе XIV.

Радугинъ и Молодой Крестьянинъ.

Радугинъ. Что тебѣ нужно, другъ?

Молодой Крестьянинъ. Коли дозволишь молвить, ге.... ты баринъ такой милостивый.... (*почесывается*) лѣску понадобилось.

Радугинъ. Только?... Бери, руби, сколько хочешь, любезный, вали хоть цѣлый лѣсъ.

Молодой Крестьянинъ. Знать, баринъ, на радости чливо такъ жаловать изволишь.... слышно, свадебка у тебя скоро будетъ. Проздравляемъ твою милость.

Радугинъ. Да, на радости!.. свадьба... пиръ! Ну, получилъ, что надо, ступай себѣ.

Digitized by Google

Молодой Крестьянинъ. Еще нуждица, милостивецъ!

Радугинъ. Что еще? говори скорѣе.

Молодой Крестьянинъ. Вотъ изволишь видѣть, нынче ночью прибѣжалъ къ намъ подъ окно прохожій, прошалъ ночевать. Матка было и не хотѣла пустить, да отецъ не послушался.... Баитъ: такъ то объ одну пору отдалъ было онъ Богу душку на морозѣ, въ мятелицу, кабы не пустили въ избу добрые люди. И мнѣ всегда настрого наказываетъ: «Сенька, скорѣй ворота настежъ, кто бы ни попрошалъ, а то и благословенія моего не будетъ. Вотъ полуночникъ-то нашъ былъ какой-то бояринъ; весь мокрехонекъ, родимый. Баитъ: гнались за нимъ злодѣи, да онъ утекъ отъ нихъ—переплылъ Каму—видно, лихъ плавать! За тѣмъ, что баяли они съ батькой, не вѣдаю; батька далъ ему свой зипунъ, да запрегъ свою тройку.... Вѣдь у насъ кони ухарскіе! Какъ пустишь, только земли просятъ. Бояринъ написалъ грамотку, сунулъ мнѣ цѣлковикъ.... Все гляжу на него, гдѣ копье, гдѣ рѣшето.... Грамотку велѣлъ отнесть къ твоей милости, коли минетъ столько дней, сколько у меня на рукѣ пальцевъ, да помнилъ какъ звали, лихо полетѣли! *(Вынимаетъ изъ-за пазухи бумажку).* Никому не ве-

Digitized by Google

лѣлъ отдавать кромѣ твоей милости. Соскучилось мнѣ безъ батьки, да коней, да понадобилось лѣскуто; думаю, чего ждать долго, дай стегну нынче, кажись, не попортилъ. Развѣ деготку попало.... да я, пожалуй, язычкомъ слизну.

Радугинъ (*принимая бумагу и развертывая ее*). Подпись Каспара Шафа!... А Кремоновы распустили, что онъ давно уѣхалъ въ чужіе краи. (*Начинаетъ читать*) Писано карандашомъ; съ трудомъ разберешь.

ЯВЛЕНІЕ XV.

Тѣ же и Елизавета Андревна.

Елизавета Андревна (*вбѣгаетъ въ испугѣ*). Господи, какое зарево! Такъ и освѣтило наши окна. Точно день!... Говорятъ, пожаръ въ сторонѣ Кремоновыхъ. Ужъ не домъ ли ихъ горитъ?

Радугинъ. Безумный!... Что я надѣлалъ!... Какъ я оскорбилъ ее!... Милая, бесцѣнная сестра! Она невинна.... Ѣду.... Ѣду.... Что буду дѣлать, не знаю; по крайней мѣрѣ, оправдаю ее передъ цѣлымъ свѣтомъ. Я не постыжусь взять за себя дочь преступника; я долженъ загладить мое оскорбленіе.... Прощай, мой другъ (*обнимаетъ ее*) молись за насъ обоихъ. Вотъ, читай мой приговоръ. (*Отдаетъ ей письмо, потомъ, обращаясь къ моло-*

Digitized by Google

дому крестьянину) Со мною въ коляску, ты будешь мнѣ нуженъ.

ЯВЛЕНІЕ XVI.

ЕЛИЗАВЕТА АНДРЕВНА *(одна, читаетъ письмо)*. «Милостивый господинъ и благодѣтель, когда будете читать это письмо, меня не будетъ въ здѣшнихъ краяхъ. Я имѣю паспортъ и довольно денегъ, чтобы ускакать отъ погони. Но, избавившись отъ бѣды смертной, я считаю за священный долгъ оправдать передъ вами особу, которой обязанъ своимъ спасеніемъ, и которую, можетъ быть, обвинитъ наружность. Эта особа—Вѣра Павловна Кремонова. Отецъ и братъ ея дѣлатели фальшивыхъ.... для этого дѣла они заключили меня въ подвалъ, что подъ ихъ домомъ. Всѣ преступныя орудія найдутся тамъ. Но, клянусь вамъ всемогущимъ Богомъ, Вѣра Павловна не знала до вчерашняго дня объ ихъ злодѣяніяхъ. Вчера, въ полночь, я убѣжалъ изъ своей тюрьмы и попалъ прямо въ спальню Вѣры Павловны. Тамъ открылъ я ей все.... Можете представить себѣ ея положеніе! Я спасся. По мнѣ стрѣлялъ злодѣй горбунъ; но вмѣсто меня попалъ въ мое платье, которое я съ умысломъ оставилъ на деревѣ. Была за мной погоня.... я переплылъ Каму.... благодѣтельный

Digitized by Google

крестьянинъ скрылъ у себя и, увѣренный, что я утекаю отъ злодѣевъ, рѣшился везти меня.... въ какую сторону, вы узнаете ужъ поздно. Вашъ долгъ, какъ честнаго человѣка, оправдать дочь Кремонова: я исполнилъ свой долгъ. Прощайте, мой благодѣтель, будьте счастливы, о чомъ усердно буду молиться съ женою и дѣтьми.

Каспаръ Шафъ.»

Боже! что съ тобою, бѣдная Вѣра! (*плачетъ*). Что съ тобою будетъ, не смѣю и подумать отомъ.

ЯВЛЕНІЕ III.

Ночь. Дворъ передъ домомъ Кремоновыхъ освѣщенъ пламенемъ. Народъ и солдаты стараются тушить огонь. Нѣсколько людей бросаются въ домъ.

Кремоновъ, Аполлонъ Павловичъ, Мошнинъ (*окружонные стражею*). Слѣдственный Приставъ, Солдаты, Дворовые люди, Крестьяне.

Кремоновъ. Ради Бога, спасите дочь мою.... Она тамъ, въ своей комнатѣ.... отдамъ все, что имѣю, лишь бы спасти ее!

Аполлонъ Павловичъ (*стоитъ, облокотясь на спинку изложаннаго стула. Слѣдственному Приставу*) Бесчеловѣчный! Слышите ли стонъ?... Это ваше дѣло! Пустите меня спасти сестру. Нѣтъ жалости

Digitized by Google

у звѣря.... Тамъ губите, сударь, людей, когда вамъ дана на то воля.

Слѣд. Приставъ *(спрашиваетъ что-то у солдатъ, выбѣгающихъ изъ дома)*.

Аполлонъ Павловичъ. Что, сударь, что нашли?... Искали ночью солнца?... Вы будете жестоко отвѣчать за оскорбленіе. Насъ оклеветали завистники; имъ нужно наше богатство, и вы, какъ видно, половинщикъ у нихъ; но есть законъ, есть правосудіе, милостивый государь, оно отмститъ за невинныхъ.

Мошнинъ *(тяжело вздыхая)*. Не намъ чета страдали; почему жъ намъ, грѣшнымъ, не терпѣть напраслины!

Кремоновъ.. Спасите Вѣру, ради Бога, спасите дочь.

ЯВЛЕНІЕ XVIII.

Тѣ же и Радугинъ.

Слѣд. Приставъ *(бросаясь къ нему, на ухо)*. Вы испортили все дѣло. Видите, они умѣли скрыть свое злодѣяніе; огонь, того-гляди, все пожретъ и не оставитъ никакихъ слѣдовъ. Отвѣчайте же вы, сударь.

Радугинъ. Гдѣ жъ, Вѣра Павловна? Я не вижу ее.

Digitized by Google

Кремоновъ. Она тамъ.... въ домѣ.... О, помогите, Александръ Андреичъ!

Радугинъ. Друзья, кто за мной, тому тысячу рублей, кто спасетъ Вѣру Павловну тому пять тысячъ. *(Бросается по лѣстницѣ въ домъ, за нимъ нѣсколько молодыхъ крестьянъ и солдатъ, вооруженныхъ топорами, съ крикомъ).*

Слѣд. Приставъ *(стоитъ въ глубокой задумчивости, потомъ, окинувъ все кругомъ себя и увидѣвъ стулъ, на который оперся Аполлонъ Павловичъ, ударяетъ себя рукой въ лобъ).* Ба, дуракъ!.. Эй, унтеръ-офицеръ, сюда.... нюри у этого стула подушку.

Аполлонъ Павловичъ. Не трогайте.... мы преступники. *(Отмыкаетъ перстень и изъ него высыпаетъ себѣ въ роть ядъ; потомъ подаетъ перстень отцу).* Батюшка раздѣлимте.... тутъ еще довольно для двухъ.

Кремоновъ *(отталкиваетъ его).*

Слѣд. Приставъ. А! злодѣй! ушолъ отъ насъ! *(Вырываетъ перстень).*

Аполлонъ Павловичъ *(отцу).* Не ужъ ли и на это не достало у васъ воли?... *(Обращаясь къ Слѣдственному Приставу)* Молодецъ! побѣда на твоей сторонѣ. Возьми перстень на память обо мнѣ; а что въ немъ было, того не возьметъ уже

Digitized by Google

никакая сила. Черезъ пять минутъ, батюшка, избавлю васъ и свѣтъ отъ урода.

Слѣд. Приставъ. Этому руки назадъ (*указывая на Мошнина, солдаты исполняютъ его приказаніе*).

Кремоновъ. Проклятіе!...

Аполлонъ Павловичъ. Не договаривайте— кончите, какъ вы жили. (*Шатается*). Солдаты, поддержите меня.... (*падаетъ на руки солдатъ*). Есть однакожъ сила выше человѣческой. Эта сила.... твоя, Господи!... (*Умираетъ*).

(*Въ это время прибѣгаетъ жена Мошнина, одѣтая по-русски, за нею дочь лѣтъ 16-ти и два сына отъ 6-ти до 8-ми лѣтъ*).

Жена Мошнина (*рыдая, мужу*). Разбойникъ, ты, разбойникъ, снялъ съ насъ бѣдныхъ головушки!

Дочь Мошнина (*припавъ къ ногамъ отца*). Батюшка, на кого покидаешь ты насъ, сиротъ? (*Дѣти плачутъ; солдаты уносятъ Аполлона Павловича и уводятъ Кремонова и Мошнина; за ними слѣдуетъ Слѣдственный Приставъ*).

Кремоновъ (*оглянувшись назадъ и увидѣвъ дочь*). Слава Богу! она — спасена.

(*Показывается въ дверяхъ горящаго дома Радуйнѣ, несъ съ крестьяниномъ Вѣру Павловну, которая въ обморокѣ*.

Занавѣсъ опускается.

Digitized by Google

СОДЕРЖАНІЕ VIII-го ТОМА.

	стр.
Вся бѣда отъ стыда (драма въ пяти актахъ). .	3
Окопировался (комедія въ трехъ актахъ). . .	155
Горбунъ (драма въ пяти актахъ).	243

Digitized by Google

61627234

Digitized by Google

ПОПРАВКА.

На страницѣ 214-й въ послѣдней строкѣ сказано: черезъ 8 мѣсяцевъ. Слѣдуетъ читать: *слишкомъ черезъ годъ*.

Вездѣ, гдѣ напечатано въ драмѣ «Горбунъ»: Елисавета, читать *Елизавета*.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

R

21 VII

Digitized by Google